

Сергей Алексеев

СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
В
ТРЕХ
ТОМАХ

Сергей Алексеев

ТОМ 3

БОГАТЫРСКИЕ
ФАМИЛИИ

РАССКАЗЫ

Москва
«Детская литература»
1984

Рисунки
Л. Непомнящего

Оформление
А. Козловского

КРАСНЫЕ И БЕЛЫЕ

*(Рассказы о гражданской войне,
о Красной Армии и её бесстрашных бойцах,
о наших победах
над иностранными интервентами
и белыми генералами)*

А 4803010102—288 Подп. изд.
М101(03)84

В октябре 1917 года в России свершилась Великая Октябрьская социалистическая революция. Власть капиталистов и помещиков была свергнута. Главой первого советского рабоче-крестьянского правительства стал Владимир Ильич Ленин.

Трудно было народной власти. Со всех сторон обрушились на неё враги. Поднялись бывшие царские генералы. Вспыхнули белогвардейские мятежи. На помощь русским капиталистам и помещикам пришли иностранные захватчики.

Советская Россия оказалась в кольце фронтов.

Рабочие и крестьяне поднялись на защиту Советской власти. Чтобы дать отпор врагам, они создали свою рабоче-крестьянскую Красную Армию.

На севере, на юге, на западе, в Средней Азии, на Дальнем Востоке — всюду шли упорные бои.

О героях гражданской войны, о том, как Красная Армия сражалась и одерживала победы над врагами, как советские люди защитили свою страну и Советскую власть от белых генералов и иностранных интервентов, вы и узнаете из книги рассказов «Красные и белые».

Глава первая

ВРАГИ С ЧЕТЫРЕХ СТОРОН

БЕЖАЛ

25 октября 1917 года. Петроград. Победная ночь. Революционные рабочие, солдаты и матросы штурмом взяли Зимний дворец, ворвались в комнату, в которой заседали министры Временного правительства:

— Вы арестованы!

И вдруг:

— Бежал! Бежал!

— Кто бежал?

— Керенский!

Керенский был председателем буржуазного Временного правительства. Среди арестованных министров Керенского не оказалось.

Ищут Керенского, объясняют:

— Такой довольно высокий, в военном френче, на ногах ботинки с крагами.

— Нет, не видели.

— Ну, такой приметный — щека чуть дёргается, с ёжиком на голове.

Скрылся куда-то Керенский.

А в это время по Петрограду, по всей России:

— Революция! Революция! Революция!

— Скинута власть богатеев!

— Рабоче-крестьянская новая власть!

Поражался Гринька Затворов: вчера ещё власть была у буржуев, сегодня — рабоче-крестьянская стала властью.

Объясняют Гриньке Затворову:

— Переворот. Революция. Конец старому. Несправедливому.

Кто пашет, кто сеет, кто у станков, у машин стоит — кто страны создаёт богатства — тот отныне и государством правит.

Дотошлив Гринька:

— Значит, заводы — рабочим?

— Верно, Гринька!

— Землю — крестьянам?

— Верно, Гринька!

— Мир всем народам?

— Так точно, Гринька!

Счастлив Гринька. Счастливы люди. Солнце на небе для всех сияет.

Однако не смирились капиталисты и помещики с потерей земли и заводов, с потерей своих прав и своих богатств. Пошли они войной против трудового народа.

Бежал Керенский из Зимнего дворца. Не задержали его. Проскочил незаметно. Тайно пробрался Керенский в город Псков. Собрал здесь верные Временному правительству войска, двинул войска на революционный Петроград.

27 октября 1917 года солдаты Керенского вступили в Гатчину. На следующий день захватили Царское Село (теперь это город Пушкин). Враги подошли к Петрограду.

Вечером на минутку забежал домой Алексей Затворов — старший брат Гриньки Затворова. Был он с винтовкой. У пояса — две гранаты.

Посмотрел отец на старшего сына:

— Выходит, опять война.

— Война, — ответил Алексей Затворов. — Война, да особая. Сила, батя, сойдётся с силой. Правда с неправдой встретятся.

Солнце назад не катится. Реки назад не движутся. Люди к новому, к лучшему тянутся. О легендарном, героическом времени, о тяжёлых годах испытаний, о гражданской войне в России начинается наш рассказ.

«ЖЕЛАЕТ ЗНАТЬ»

Всколыхнулся трудовой Петроград. Загудели тревожно гудки на заводах и фабриках.

— Враг у ворот Петрограда!

— Бой предстоит с Керенским!

Создаются красногвардейские отряды. Рождаются новые. Пополняются старые. Идут рабочие с Путиловского, с Балтийского, с Адмиралтейского, с других заводов.

— Принимай, революция, пополнение!

Присоединяются к рабочим отряды солдат Петроградского гарнизона. Красные ленточки на шинелях.

— Принимай, революция, пополнение!

Спешат матросы из Кронштадта, из балтийских фортов и баз.

Вечер. Революционный военный штаб. Склонились Антонов-Овсёенко и Подвойский над картой. Изучают, где и как расположены революционные войска, где, в каких местах находятся войска Керенского.

Владимир Александрович Антонов-Овсёенко и Николай Ильич Подвойский испытанные большевики. Они в числе тех, кому поручено руководить обороной Петрограда.

Изучают Антонов-Овсёенко и Подвойский карту. Вдруг стук. Открывается дверь. Оторвались Антонов-Овсёенко и Подвойский от карты, подняли глаза. Видят, в комнату входит Ленин.

— Владимир Ильич!

— Здравствуйтесь, — поздоровался Ленин.

— Здравствуйтесь, Владимир Ильич!

Смутились Антонов-Овсёенко и Подвойский. Не ожидали прихода Ленина.

— Как у путиловцев? — сразу же с вопросом обратился товарищ Ленин.

Объясняют Антонов-Овсёенко и Подвойский, как дела обстоят на Путиловском заводе.

— Создают, Владимир Ильич, путиловские рабочие боевые красногвардейские отряды, — доложил Антонов-Овсёенко.

— Готовят для защитников Петрограда оружие, — доложил Подвойский.

— Монтируют пушки, — внес уточнение Антонов-Овсёенко.

— Изготавливают гранаты, — добавил Подвойский.

Доволен ответами Ленин.

— А как с кораблями Балтийского флота?

Докладывают Антонов-Овсеенко и Подвойский и про сухопутные матросские отряды, и про то, что приведены в боевую готовность военные корабли.

Перечисляют названия кораблей: крейсер «Олег», миноносцы «Меткий» и «Деятельный», эсминцы «Победитель» и «Забияка».

— И «Забияка»? — усмехнулся Владимир Ильич забавному названию корабля.

— И «Забияка», — усмехнулись Подвойский и Антонов-Овсеенко.

Всё новые и новые вопросы у Владимира Ильича. Требуется Ленин точных и ясных на всё ответов. Какова общая готовность к борьбе с врагом? Как дела с транспортом, как с оружием? Где сейчас Керенский? Где и как расположились войска революционные?

Помрачнел чуть Подвойский. Заметил это Владимир Ильич:

— Вас что-то тревожит?

Признался Подвойский: мол, как понять Владимира Ильича, не означает ли приход товарища Ленина сюда, в штаб, как недоверие к нему, к Подвойскому, или к Антонову-Овсеенко.

— Недоверие? — удивился Ленин. — Недоверие?! — И вдруг расхохотался. — Нет. Не недоверие, — сказал Владимир Ильич, — а просто правительство рабочих и крестьян желает знать, как действуют его военные власти. Вы что, возражаете? — неожиданно спросил Ленин.

— Нет-нет, — поспешно ответил Подвойский. Смутился. Искоса глянул на Антонова-Овсеенко; оба теперь посмотрели на Ленина.

— Правительство рабочих и крестьян желает знать, — повторил Владимир Ильич, — обязано знать, как действуют его военные власти.

Снова пошли вопросы. Снова пошли ответы. Доволен остался Владимир Ильич ответами. Вернулся к себе из штаба:

— Ну что же, прекрасно действуют наши военные власти.

С первого и до последнего дня вооружённой борьбы за Советскую власть Владимир Ильич Ленин внимательно следил за тем, что происходит на фронтах гражданской войны, был организатором и вдохновителем наших побед над врагами.

Плохо у Керенского со сторонниками. Не многие солдаты согласились выступить против революционного Петрограда. Пехотинцев Керенский требовал. Отказались. Артиллеристов требовал. Отказались. К самокатчикам обращался. Не пошли за Керенским самокатчики. Находят солдаты причины разные. Не выполняют приказы своих начальников.

— К казакам обратиться надо, к казакам, — шепчут Керенскому советчики.

Большая надежда у Керенского на казаков. Удалой народ и отважный. Не раз использовали в прежние времена казаков для борьбы с трудовым народом. Однако и казаки не очень торопятся к Керенскому. Некоторые присоединились. Однако другие медлят.

Вот как рассуждали в большинстве казачьих полков:

— Пехота не двинулась.

— Артиллерия не помогает.

— Самокатчики в бой не рвутся.

— Стоит ли нам торопиться.

Поступает от Керенского приказ:

— Прислать казаков.

Приходит ответ:

— Будет исполнено.

Ответ приходит, однако самих казаков что-то не видно.

— Что там такое? — возмущается Керенский.

Приходит ответ:

— Коня не кованы. Подковываем лошадей.

Передают помощники Керенскому:

— Коня у них не кованы. Подковывают казаки лошадей.

Проходит какое-то время. Не появляется что-то помощь. Снова в казачьи части летит запрос.

— Готовы, готовы, — приходит ответ. — Седлаем уже лошадей.

Сообщают помощники Керенскому:

— Готовы казачьи сотни. Седлают уже лошадей.

Проходит снова какое-то время. Однако, как и прежде, что-то не слышится стук копыт.

— В чём дело?! — начинает нервничать Керенский.

Приходит ответ:

— Коня не поены. Поим перед выездом лошадей.

Передают помощники Керенскому:

— Коня у них не поены. Поят перед выездом лошадей.

Так и не прибыла помощь к Керенскому.

Мало того — многие из тех, кто раньше пошёл за Керенским, отказались теперь сражаться против Советской власти.

Конечно, не всё тут просто. Не всё само по себе решилось. Большевиков было много в армии. Страстных бойцов-агитаторов. Разъясняли они солдатам, зачем, с какой целью примчался к солдатам Керенский, против кого открыть огонь предстоит солдатам.

Не много солдат собралось у Керенского. И всё же по тем временам грозная, опасная сила подошла к Петрограду.

Повис над Петроградом, как ворон, Керенский.

АВТОМОБИЛЬ

Случайно он был задержан. Мчал автомобиль по одной из петроградских улиц. Вдруг — красногвардейский патруль.

— Стой!

— Кто такие?

— Куда?

— Откуда?

Показались красногвардейцам люди, сидящие в автомобиле, подозрительными. Остановили они автомобиль. Стали у пассажиров проверять документы.

В числе патрульных был пожилой красногвардеец — рабочий с Путиловского завода. Глазаст, как ястреб, старик с Путиловского. Заметил он, как один из задержанных поспешно вытащил что-то из кармана и быстро отбросил в сторону.

Подождал красногвардеец к тому месту, наклонился. Смотрит — бумаги. Поднял старик бумаги. Развернул. И что же?

Очень важными оказались бумаги. Непокойно было в те дни в Петрограде. Зашевелились, задвигались все недовольные новой властью. Стали они в Петрограде готовить военный мятеж. Хотели помочь Керенскому. Мятеж должны были поднять бывшие царские офицеры и юнкера военных училищ. В бумагах, которые пытался выбросить один из пассажиров задержанного автомобиля, как раз и находился план офицерского контрреволюционного мятежа. «Контр» означает «против». Контрреволюционер — это тот, кто выступает против революции.

Узнали контрреволюционеры, что их планы раскрыты, что их бумаги попали в руки красногвардейцев. Дали команду немедленно выступить против Советской власти.

Многие к выступлению были тогда готовы. Юнкера Владимирского военного училища, юнкера Павловского училища, Николаевского, Константиновского, Инженерного. Даже в Петрограде находились специально присланные сюда офицерские отряды. Во многих богатых домах Петрограда хранилось оружие, тайно враги скрывались.

Вспыхнул мятеж. Захватили мятежники центральную телефонную станцию, ряд других важных зданий.

На борьбу с контрреволюционными офицерами и юнкерами были брошены красногвардейские отряды.

Решительно действовали красногвардейцы. Штурмом взяли они юнкерские училища. Освободили от мятежников центральную телефонную станцию. Даже пушку привезли сюда на трамвае, прицепили её к вагону. Впервые так пушка ехала.

Видят мятежники — пушка. Видят — несут снаряды. Не пришлось красногвардейцам из пушки выстрелить. Сдались. Руки подняли юнкера.

Пытались мятежники помочь своим выступлением Керенскому. Не получилось. Провалился офицерский контрреволюционный мятеж в Петрограде.

Обсуждали красногвардейцы свою победу:

— Хорошо, что вовремя узнали о мятеже!

— Хорошо, что случайно задержали автомобиль!

— Хорошо, что нашли бумаги!

Слушал, слушал старик с Путиловского.

— Случайно... — ворчал. — Случайно. Случайно задержали автомобиль. Случайно нашли бумаги. Да не случайно врагов разбили. — Сжал свою руку в огромный кулак: — Сила с нами! Вера за нами! Вот и победа наша.

ОТЛЕТЕЛ

Рвётся Керенский к Петрограду. Загрохотали под Пулковом пушки. Пулково, Красное Село, Царское Село, деревня Новые Сузы — здесь основные идут бои.

Особенно сильную атаку сторонники Керенского предприняли у левого склона Пулковских высот. Стараются найти слабое место в обороне защитников Петрограда. На помощь войскам Керенского пришёл офицерский бронепоезд. Начал он ураганный огонь по красногвардейским отрядам. Слышат солдаты выстрелы своего бронепоезда, ещё сильнее ведут атаку.

Самого бронепоезда не видно. Укрылся, спрятался за железнодорожной насыпью. Бьёт через насыпь перекатным огнём. Летят из-за насыпи снаряды. Несут потери защитники Петрограда.

Нашлись находчивые среди красногвардейцев. Решили проучить вражеский бронепоезд. Собрались семь человек. Поползли осторожно к насыпи, затем так же осторожно стали подниматься по насыпи. Добрались до самого верха. Вот он — виден, открылся враг.

Поднялся первый красногвардеец, занёс гранату. Полетела граната в неприятельский бронепоезд.

Поднялся второй. Занёс гранату. Летит граната.

Поднялся третий, связка гранат в руках. Полетела снарядом связка.

Заметила команда бронепоезда смельчаков на насыпи. Открыла пулемётный огонь. Да только помогает отважным всё та же насыпь. Прилягут за насыпью, переждут пулемётный огонь. Поднимутся, снова летят гранаты.

Наносят гранаты удар врагу. Всё опаснее бронепоезду находиться в своём укрытии. Подорвут паровоз гранаты, испортят рельсы. Как в мышеловке окажется бронепоезд.

Не выдержал бронепоезд. «Сдали нервы». Дал задний ход.

— Отходит, отходит! — кричат герои.

А вскоре и вовсе разбит был под Пулковом Керенский.

Снова Керенскому бегством пришлось спасаться. Натянул бескозырку, надел бушлат. Под видом рядового матроса скрылся. Навсегда бежал теперь Керенский. Добрался до Белого моря, до города Архангельска. Оттуда на английском корабле переехал в Англию, затем во Францию. А из Франции бежал ещё дальше, по ту сторону земного шара — в Соединённые Штаты Америки. Шутили потом в России:

— Тряхнула его Россия. За десять морей отлетел.

ДУХОНИН

Первым декретом Советской власти был знаменитый Декрет о мире.

— Мир! Мир! Всем народам и странам мир!

Тяжёлое было время. Шла мировая война. Многие страны: Англия, Франция, Германия, Австро-Венгрия, другие государства, в том числе и Россия — принимали участие в этой войне. Четвёртый год продолжались кровопролитные сражения. Тысячи и тысячи людей каждый день погибали на фронте. В войне были заинтересованы капиталисты.

Войну надо было остановить.

Советское правительство отдало верховному главнокомандующему русскими войсками приказ немедленно обратиться ко всем воюющим странам с предложением срочно прекратить военные действия и заключить перемирие.

Верховным главнокомандующим в это время был бывший царский генерал Духонин. Ставка верховного главнокомандующего в городе Могилёве.

— Перемирие? Приказ?! От Советского правительства? — возмутился Духонин.

Не признал генерал Духонин Советской власти. Отказался выполнить распоряжение Советского правительства. Не пожелал говорить о мире.

Владимир Ильич Ленин из Петрограда из Смольного по прямому проводу специально в Могилёв позвонил Духонину. Потребовал Ленин, чтобы генерал Духонин немедленно выполнил указание Советского правительства.

Отказался Духонин признать приказ революционного Петрограда.

Тогда Советское правительство сместило Духонина с поста верховного главнокомандующего.

Не признал Духонин и этот приказ. Поднял генеральский мятеж в Могилёве. Восстала ставка против Советской власти.

— Солдат подниму! До Петрограда дойду! — грозился Духонин.

Ошибся Духонин. Не поддержали его солдаты. Ясно солдатам, за что Духонин, — за войну, за порядки старые. Пошли солдаты против генерала Духонина. В схватке его убили.

Провалился и в ставке мятеж против Советской власти.

Много говорили солдаты в те дни о генерале Духонине:

— Не хотел мира.

— Хотел войны.

— Война есть война. На войне убивают. Вот и убит Духонин.

Новый верховный главнокомандующий был назначен. Стал им большевик, бывший прапорщик Николай Васильевич Крыленко.

Не стало старой, контрреволюционной, враждебной трудовому народу ставки. Летит, как набат, призыв:

— Мир! Мир! Всем народам и странам мир!

КАЛЕДИН

Не утихают мятежи генеральские. Каледин, как и Духонин, тоже бывший царский генерал. Как и Духонин, он злейший враг новой революционной России. На Дону, на юге России, поднял Каледин мятеж против Советской власти.

Генерал Каледин — донской атаман. Столица Каледина — город Новочеркасск. Сюда, на Дон и в Новочеркасск, и бежали в первые же дни после победы Великой Октябрьской революции многие бывшие царские генералы и офицеры. Составляют на Дону генералы генеральские планы:

— Силы здесь соберём.

— Весь Дон на борьбу подыдем.

— Отсюда с Дона пойдём на Москву.

Прибывают к Каледину всё новые и новые пополнения:

— Смерть Советам!

— Ура Каледину!

Быстро действовали мятежники на Дону. Вышли к Донбассу. Захватили Ростов. Заняли Таганрог.

Быстро действовали и защитники Советской власти. На борьбу с Калединым двинулись красногвардейские соединения. Трудовые казаки поднялись против Каледина. Из Петрограда, из Москвы, из других городов спешили на юг отряды. Прибыли на помощь красногвардейским соединениям и черноморские моряки.

Завязались бои с Калединым.

Трудно тягаться донскому атаману с народными силами. Полно у него генералов. Полно у него офицеров. Мало солдат у Каледина. Где бы их взять? Где бы достать? Не по пути с генералом простым солдатам. Пути и дороги разные.

Разбили красногвардейские части в Донбассе войска Каледина. Разбили Каледина под Таганрогом. Погнали к Новочеркаску. Погнали к Ростову.

Всё хуже и хуже дела у Каледина.

Каждое утро является к нему адъютант. О положении войск докладывает. Печально звучат доклады. Даже сам генерал Каледин об этих докладах как-то сказал:

— Погребальный звон.

Вот снова спешит адъютант с докладом. Постучал в кабинет Каледина:

— Ваше превосходительство!

Не отвечает Каледин.

Вновь постучал адъютант:

— Ваше превосходительство!

Не отвечает Каледин.

Приоткрыл адъютант кабинетную дверь. Голову сунул, глянул и ахнул.

Мёртвым в кабинете лежал Каледин. Понял Каледин — силы не равные. Не тягаться ему с трудовым народом. Застрелился. Пулю пустил в генеральский лоб.

«РОМАНТИЧЕСКАЯ» ФИГУРА

Не везло контрреволюционным генералам. Генерала Духонина убили восставшие против него солдаты. Генерал Каледин застрелился сам. А вот и ещё один генерал — Корнилов.

Все, кто ненавидел Советскую власть, восторгались в те дни Корниловым:

— Ох, ох, романтическая он фигура!

Был генерал Корнилов, так же как и Духонин, когда-то верховным главнокомандующим русской армией. Летом 1917 года, боясь пролетарской революции, двинул генерал Корнилов с фронта на Петроград войска. Решил взять власть в свои руки. Установить военную диктатуру.

Однако провалился поход Корнилова. Не пустили его к Петрограду. Задержали. Посадили Корнилова под арест. Содержался генерал Корнилов под стражей недалеко от военной ставки, от города Могилёва, в небольшом городке Быхове.

Покровительствовал новый верховный главнокомандующий генерал Духонин прежнему верховному главнокомандующему генералу Корнилову. Сделал всё для того, чтобы Корнилов бежал из-под стражи.

Довольны все недовольные новой властью:

— Бежал! Бежал! Из-под стражи бежал Корнилов!

Узнали поклонники генерала, что бежал он верхом на коне. Что убили во время бегства под ним коня:

— Ах, ах, верхом на коне!

— Ах, ах, убили под ним коня!

— Ох, ох, романтическая он фигура!

Бежал генерал Корнилов, как и многие другие враги Советской власти, на Дон к генералу Каледину. Добирался с большим трудом. В крестьянском простом зипуне. С паспортом на чужое имя.

Снова вздыхают приверженцы генерала:

— Ах, ах, в крестьянском простом зипуне!

— Ах, ах, и паспорт при нём на чужое имя!

— Ох, ох, романтическая он фигура!

Пробрался на Дон генерал Корнилов. Сражался вместе с Калединым против советских войск. Неважно сложились дела у Каледина. Разбили его красногвардейские полки. Застрелился Каледин. Корнилов же с Дона бежал на Кубань.

Довольны все недовольные новой властью:

— Ах, ах, на Кубань ушёл генерал Корнилов!

— Ах, ах, верит в успех Корнилов!

— Ох, ох, романтическая он фигура!

Однако не повезло на Кубани Корнилову. В одном из боёв разорвался шальной снаряд. И надо же, словно искал Корнилова! Убит Корнилов.

Конец фигуре!

Помимо Керенского, Духонина, Каледина и Корнилова, нашлись и другие, кто попытался в те дни пойти с оружием в руках против Советской власти. Неудачей закончились и их выступления. Не поддержку, а народный гнев встречали повсюду бывшие царские генералы. Не долго бы терзали они страну. Но тут вмешались новые силы. На помощь богатым России пришли

иностранные капиталисты. Начали они военный поход против молодой Советской России.

Разгорелась борьба, разрасталась война. Поднялись над Россией крутые волны.

В КОЛЬЦЕ ВРАГОВ

— Айн! Цвай! — Раз! Два!

— Айн! Цвай! — Раз! Два!

Первыми свои войска против Советской России двинули немецкие капиталисты.

— Айн! Цвай!

— Айн! Цвай!

Шагают, зловещим маршем идут войска. Широким фронтом от Балтийского до Чёрного моря движутся.

— Фаустшлаг! Фаустшлаг! — Удар кулаком! — выкрикивают немецкие солдаты. «Удар кулаком» — назвали немецкие захватчики свой поход против революционной России.

Двигут, движут, идут войска.

— Айн! Цвай!

— Айн! Цвай!

Двинули свои войска и английские капиталисты.

— Уан! Ту! Уан! Ту! — Раз! Два! Раз! Два! — звучат команды на английском языке. Пришли английские войска на советский Север, захватили города Мурманск, Архангельск. Военным министром Англии в те годы был Уинстон Черчилль. «Души ребёнка, пока в колыбели», — шипит из далёкого Лондона Черчилль.

— Уан! Ту! Уан! Ту! — оглушают команды советский Север.

Раздаются команды на французском языке. Это на территорию нашей Родины пришли войска французских капиталистов.

Звучат команды на японском языке. Это на земли Советской России, на советский Дальний Восток пришли японцы.

Американцы вторглись на наши земли.

По-итальянски звучат команды. По-турецки. Даже звучат по-гречески.

С запада, с севера, с юга, с востока обрушились на нашу страну захватчики.

Недоброе, злое, лихое время. Советская Россия оказалась в кольце врагов.

ПОЧЕМУ ДА ПОЧЕМУ

Приставал Климка к отцу:

— Почему да почему иностранные капиталисты лезут к нам, почему помогают белым?

Объяснял как умел отец:

— Потому что рыбак рыбака видит издалека. Капиталисты помогают капиталистам.

— А ещё?

— Потому, что ненавидят капиталисты Советскую рабоче-крестьянскую нашу власть.

— А ещё?

— Потому, что богатства русские не дают им, сынок, покоя. Климке всего пять лет. Стараются отец объяснять так, чтобы понятнее было мальчику.

В России в те годы многие заводы, фабрики, шахты и другие богатства страны принадлежали иностранным капиталистам. Было так и в тех местах, в которых жил Климка со своими родителями.

— Гуверку знаешь? — спрашивает отец.

— Так кто же её не знает, — ответил Климка.

Гуверкой называли проходившую в их местах железную дорогу.

— А почему она Гуверка?

— Гувер её хозяин.

— Был, — уточнил отец. — А кто такой Гувер?

Повёл Климка плечами. Как-то не думал об этом раньше.

— Американский капиталист, — ответил отец за Климку.

И тут же опять с вопросом: — А куда ведёт Гуверка?

— На шахты, — ответил Климка.

— А чьи это шахты?

— Наши!

— Наши они теперь. А были?

Задумался Климка.

— Гуверу до революции принадлежали шахты, — сказал отец.

Узнал Климка, что и лесопильные заводы, что стояли недалеко от их мест, принадлежали до революции Гуверу. И пароходы, что ходили недалеко от них по реке, тоже принадлежали Гуверу.

— И баржи? — спросил мальчишка.

— И баржи, — сказал отец.

— А теперь всё наше?

— Наше, — сказал отец. — Так ясно, почему иностранные капиталисты идут на Советскую власть походом?

— Ясно, — ответил Климка.

Имя американского капиталиста Гувера было Герберт. В 1929 году Герберт Гувер стал президентом Соединённых Штатов Америки. Вырос к этому времени Климка. Климом из Климки стал. 1929 год. 12 лет уже прошло с того времени, когда в нашей стране произошла Великая Октябрьская социалистическая революция. А Америка всё ещё не хотела признать Советской России.

Да где же американским капиталистам было признавать Советскую страну, если сам президент Америки о потерянных шахтах своих и пароходах думал.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

— Социалистическое отечество в опасности!

— Социалистическое отечество в опасности!

Таким было обращение к советскому народу партии большевиков. Владимир Ильич Ленин собственной рукой написал слова этого обращения.

Для защиты завоеваний Великого Октября надо было создать свою, революционную Красную Армию.

Вопрос о создании Красной Армии обсуждался ещё до того, как немецкие захватчики напали на нашу Родину.

В середине января 1918 года Советское правительство приняло Декрет о создании Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Один из первых батальонов Красной Армии был создан в Петрограде. Перед отправкой на фронт батальону был устроен торжественный смотр.

Владимир Ильич Ленин тоже приехал на этот смотр.

Узнали красноармейцы:

— Ленин едет! Ленин!

— Выступать будет!

Действительно Владимир Ильич выступил перед красноармейцами.

— Приветствую в вашем лице, — обращаясь к красноармейцам Ленин, — тех первых героев-добровольцев социалистической армии, которые создадут славную революционную армию.

Стоят в шеренгах красноармейцы.

Иванов на Петрова голову скосит.

Петров на Сизова глянет.

— И эта армия, — продолжал Ленин, — призывается оберегать завоевания революции, нашу народную власть...

Стоят красные бойцы.

Сизов на Козлова глянет.

Козлов на Сидорова голову скосит.

Говорит Ленин. Разлетаются ленинские слова над красноармейским строем.

Стоят красные бойцы. Застыли. Слушают Ленина. Небывалая рождается армия — Советская, Красная.

23 февраля 1918 года под городами Псковом и Нарвой молодые полки Красной Армии вступили в бой и нанесли удар по войскам немецких захватчиков.

С тех пор день 23 февраля стал всенародным праздником — днём рождения Красной Армии.

СТО ТЫСЯЧ МАРОК

Далеко в пределы Советской России продвинулись войска немецких захватчиков. Заняли Прибалтику, большую часть Белоруссии. Оккупировали Украину. Захватили Крым. Вышли к Дону, к Ростову. Высадили десанты на Черноморском побережье Кавказа. Дошли до Тифлиса и Кутаиса.

Идут по советской земле захватчики. А следом:

— Сто тысяч марок объявлено!

— Сто тысяч марок!

— За что?

— За кого?

— За Николая Щорса.

Да, действительно, за жизнь Николая Щорса немецкие генералы объявили вознаграждение в сто тысяч немецких марок. Марки — так называются немецкие деньги. Сто тысяч марок — это телега денег.

За что же ненавидели немецкие захватчики Щорса? Николай Щорс — знаменитый герой украинского народа. С первых же дней гражданской войны он дал клятву биться за Советскую власть и за счастье родной земли. Когда-то в давней истории прославленным борцом за свободу Украины был отважный полковник Иван Богун. Первый полк, который создал Николай Щорс для борьбы с врагами, был назван именем Богуня. Богунский полк, а затем Таращанский — такое название он носил по имени Таращанского уезда, в котором был создан, — и положили начало прославленной 1-й Украинской дивизии, начальником которой и стал Николай Щорс.

Молод Щорс. Всего 24 года. Молод Щорс. Однако бойцы называют начдива «батькой».

— Какой же я «батько»! — разводит руками Щорс.

В полках у Щорса есть и такие, что в отцы, чуть ли не в деды ему годятся.

— Какой же я «батько»! — смеётся Щорс.

— Батько, батько, — в ответ бойцы.

По уму величают. За справедливость, за строгость ценят. Во всём он «батько». В жизни, в геройстве — «батько». То есть пример для всех.

— Сто тысяч марок объявлено!

— Сто тысяч марок!

— За что?

— За кого?

— За Николая Щорса!

Бился Щорс с немецкими оккупантами до самого их изгнания с Украины. Сражался затем с другими врагами украинского народа. Город Киев освобождал. Города Чернигов, Житомир, Винницу, Бар, Проскуров.

Не дожил Щорс до полного дня победы. Погиб в боях за прекрасную Украину.

Прошагали, промчались годы. Ныне в Киеве возвышается памятник Николаю Щорсу. Сидит верхом на коне начдив. Поднял он руку. Застыл навеки. Приветствует нас, нашу землю и наше время.

«ПОГИБАЮ, НО НЕ СДАЮСЬ!»

Новороссийск. 1918 год. Июнь. Разгар лета. На Новороссийском рейде застыли корабли Черноморского флота. Вот эскадренный миноносец «Пронзительный», вот «Калиакрия», вот «Гаджибей». Тут же миноносцы «Капитан-лейтенант Баранов», «Лейтенант Шестаков», «Фидониси», «Сметливый», «Стремительный». А вот и линкор — линейный корабль дредноут «Свободная Россия». Поднялся линкор над морем. Стоит как стена, как глыба. Трубы упёрлись в небо. Пушки упёрлись в море.

Тихо на рейде. Тихо на кораблях. Не видно матросов. Команд не слышно.

Зато тысячи людей собрались на берегу. Матросы. Солдаты. Женщины. Дети.

— Господи!

— Значит, правда!

— Как же без них, братишки?!

Стоят корабли на рейде. Чуть в стороне от всех — миноносец «Керчь». «Керчь» — единственный из кораблей, на котором видна команда. У торпедных аппаратов стоят матросы. Кукель — командир миноносца — на командирском мостике.

Подал Кукель команду. Сорвалась торпеда. Пошла к «Фидониси». Покатился над морем взрыв. Отозвался в душах матросских плачем. «Фидониси» стал погружаться в воду. Развивается над миноносцем красный флаг. А рядом на мачте виден морской сигнал: «Погибаю, но не сдаюсь!»

Почему же свои по своим стреляют?

Новые взрывы слышны над морем. Всё меньше на горизонте босвых кораблей. Вот исчез под водой «Гаджибей». Вот — «Пронзительный», вот — «Калиакрия», «Капитан-лейтенант Баранов», «Лейтенант Шестаков», «Сметливый», «Стремительный».

Почему же свои по своим стреляют?

А вот погружаться в Чёрное море стал линейный корабль «Свободная Россия». Шесть мин направил в линкор миноносец «Керчь», прежде чем качнулся, стал погружаться дредноут в море.

Затопив другие корабли Черноморского флота, «Керчь» и сама последней ушла под воду.

«Погибаю, но не сдаюсь!»

«Погибаю, но не сдаюсь!»

Почему же революционные моряки затопили корабли Черноморского флота?

Украину и Крым захватили немцы. В Чёрное море вошли немецкие корабли. Враги пытались захватить наш Черноморский флот. Они требовали от Советского правительства передачи им боевых кораблей. Решений могло быть два. Либо отдать корабли немецким захватчикам, либо их потопить.

Советское правительство приняло решение затопить Черноморский флот. В Новороссийск даже был послан специальный посыльный от товарища Ленина.

Исполнили черноморские моряки приказ Советского правительства. Легли корабли на дно Чёрного моря.

«Погибаю, но не сдаюсь!» — прозвучала над морем морская клятва.

КАЙЗЕР

Видели как-то братья-двойняшки Тимиш и Тараска в каком-то журнале на картинке портрет немецкого императора — кайзера Вильгельма. Запомнилось им лицо. Особенно поразили усы. Торчали они вверх, как две длинных и острых пики.

— Как пики, — сказал Тимиш.

— Как пики, — сказал Тараска.

И вот случилось невероятное. Крутились однажды ребята у реки, у запруды, таскали раков. Смотрят — едет отряд немецких верховых. Мундиры, чёрные каски на головах. Шишаки на касках. Впереди верхом на буланом коне важно сидит офицер. Всмотрелись ребята и ахнули. Узнали ребята лицо. Те же глаза. Тот же нос. Как пики, кверху торчат усы.

Схватил Тимиш Тараску за руку, сжал.

— Кайзер, — шепчет, — кайзер...

— Кайзер... — шепчет в ответ Тараска.

Затаились ребята в кустах. Переждали. Рванулись потом домой в родную свою Причеповку. Примчались, бросились к деду.

— Кайзер, — шепчут, — кайзер!..

Дед туговат на ухо.

— Что, какой майзер?

— Кайзер! — кричат ребята.

Растолковали они наконец старому про немецкий отряд и про

немецкого императора. Сам император, сам кайзер приехал в Причеповку!

Подивился немалю дед. На внуков недоверчиво глянул.

Разместился немецкий отряд в Причеповке на ночёвку. Прибыл и к ним постоялец.

Вот же судьба бывает. Глянули Тимиш и Тараска — он, кайзер!

Вновь зашептали деду:

— Он, кайзер...

Разыскали ребята журнал, фотографию. Глянул дед — действительно кайзер.

Расположился кайзер на отдых. Зевнул. Заснул.

Не спится ребятам. Не спится деду.

— Дедусь, давай схватим!

— Клян ему в глотку!

Задумался дед. Трубку достал. Набил табаком. Затянулся раз, и второй, и третий.

— Вот так дела, — произнёс старик.

Собрался дед, куда-то ушел.

А среди ночи явились в село партизаны. Незаметно пробрались в хату. Схватили, скрутили немца, клян ему в рот забили.

Притащили партизаны пленника в лес. Вынули клян из горла.

— Кайзер? — спрашивают.

Хлопает тот глазами.

— Кайзер?

Не понимает кайзер.

Достали они фотографию.

— Ду ист кайзер?

Показывают пленнику фотографию.

Понял немец, в чём дело.

— Найн! — закричал. — Найн! Их бин офицер Курт Шмульц!

Переживали Тимиш и Тараска, что вовсе не кайзер схвачен. Разгорелись у них фантазии. Всё строили планы, как бы всё же поймать немецкого императора. В Германию даже бежать собрались.

Не пришлось. Не понадобилось. Вскоре сами немецкие рабочие и крестьяне добрались до своего императора. В Германии произошла революция. Сбросил немецкий народ, как мы царя Николая, кайзера.

Пришлось немецким генералам убираться с советских земель.

— Продали нас, продали, — говорил Иржи Ружичка.

— Не может быть! Как так — продали?! — поражался Душан Швестка.

— «Как, как!» Очень просто. Как продают? Взяли и продали.

Даже сумму Ружичка называл, за которую их продали, — 15 миллионов рублей.

Иржи и Душан — чехословацкие солдаты. Иржи Ружичка — чех, Душан Швестка — словак.

— Продали, продали, — повторяет Ружичка.

Не верит Швестка. Не может быть! Иржи, наверно, шутит.

Тогда достал Иржи Ружичка чехословацкую газету «Прокупник Свободы» («Пионер Свободы»), раскрыл, показал Душану Швестке. Читает Швестка: «Французские миллионы». Так называлась статья. Прочёл Швестка статью. Всё ясно. Действительно, и он, и Иржи Ружичка, и другие чехословацкие солдаты за 15 миллионов проданы.

В годы, когда шла мировая война, Чехословакия входила в состав Австро-Венгерской империи. Австро-Венгрия так же, как и Германия, воевала против России. В России оказалось немало пленных австро-венгерских солдат, в том числе много чехов и словаков. Составился целый корпус.

После того как произошла Великая Октябрьская революция, пленным чехословакам разрешили покинуть Россию. Путь чехословацкого корпуса из России лежал через Сибирь и Дальний Восток.

Тронулись в путь солдаты. На сотни километров по Сибири растянулись железнодорожные составы, которые везли чешских и словацких солдат.

Однако зарубежные капиталисты хотели, чтобы чехословаки остались в России. Они рассчитывали поднять чехословаков на борьбу против Советской власти. Чешских и словацких солдат стали пугать тем, что якобы Советское правительство собирается их заключить в Сибири в специальные лагеря, а затем кому-то выдать.

— Выступайте, пока не поздно, против Советской власти. Выступайте! — раздавались голоса наших врагов.

Не все, конечно, чешские и словацкие солдаты поверили в эти выдумки. Иржи Ружичка не поверил. Душан Швестка не поверил. Не поверили и многие другие. Знали они, в чём правда. Руками чешских и словацких солдат иностранные капиталисты надеются задуть Советскую власть. 15 миллионов рублей, о которых говорил Иржи Ружичка, были как раз те деньги, которые передали зарубежные капиталисты на организацию мятежа чехословацкого корпуса.

— Выступайте! Выступайте против Советской власти, — продолжают нащёптывать чешским и словацким солдатам. — Выступайте, пока не поздно.

Удалось всё же врагам Советской России обмануть многих чехословацких солдат. В мае 1918 года восстание чехословацкого корпуса началось.

Однако не все чешские и словацкие солдаты выступили против Советской власти.

Иржи Ружичка — не пошёл.

Душан Швестка — не пошёл.

И они, и сотни других вступили бойцами в Красную Армию.

Идёт у красных бойцов перекличка:

— Иржи Ружичка!

— Я!

— Душан Швестка!

— Я!

Выдающийся чешский писатель Ярослав Гашек, написавший знаменитую книгу «Похождения бравого солдата Швейка», тоже вступил в Красную Армию. Также за Советскую власть сражался.

Помнят советские люди помощь чешских и словацких друзей. Память хранят благодарную.

«СЛУШАЙ МОЮ КОМАНДУ!»

Вся железная дорога от Урала до Владивостока оказалась в руках у солдат мятежного чехословацкого корпуса. К белочехословакам присоединились и местные белогвардейцы. Вместе они и пошли против Советской власти. Пали сибирские города Новониколаевск (ныне это город Новосибирск), Красноярск, Иркутск, Омск. На Урале белые заняли Екатеринбург (ныне Свердловск) и Челябинск. Белые двинулись к Волге, шли на Самару (сейчас это город Куйбышев), на Симбирск (сейчас это город Ульяновск), на Казань.

Не продвинулись белочехословаки и белые дальше Самары, Симбирска, Казани.

Для борьбы с врагами был срочно создан Восточный фронт. На восток были посланы пополнения.

Особенно упорные бои с белыми и белочехословаками разворачивались у города Казани. Здесь под Казанью и стал Серафим Лютков командиром роты. Был рядовым, а стал командиром роты. Вот как случилось это. Сражался Лютков под Свияжском. Это недалеко от Казани. Трудные были бои. Упорные. Взвод Серафима Люткова оказался как раз на самом ответственном месте боя. Хорошо сражались бойцы. Отважно.

Командир взвода был к тому же у них надёжный, опытный.

И вдруг сразила командира взвода белогвардейская пуля. Как раз в это время белые снова пошли в атаку. Собрались наши ответить своей атакой. А тут командир убит.

— Взводный убит!

— Взводный убит!

Замешкались наши. Надо идти в атаку. Однако нет взводного. Нет команды.

Пошли голоса:

— Команду подай...

— Кто команду подаст?..

— Команда нужна!..

Нет команды. Вновь голоса:

— Команда нужна!..

— Команда!..

Вот тут-то и поднялся Серафим Лютков:

— Слушай мою команду. В атаку! Ура! Вперёд!

Встал и первым пошёл вперёд. Рванулись за ним другие. Ударили красноармейцы в штыки. Откатились белые.

Пошёл в атаку взвод Люткова. А за этим взводом соседний взвод. А за соседним ещё соседний. Рота за ротой. Рота за ротой. Устремился весь полк вперёд.

Уже после боя командиры стали выяснять, кто же поднял в атаку взвод.

— Лютков! Серафим Лютков!

Назначили Люткова командовать взводом. Справился он со взводом. Командовать ротой его назначили. Наши как раз подошли к Казани. Командиром роты Лютков и вступил в Казань.

Ясно другим: не с небес вожак спускается — командиры в бою рождаются.

СИМБИРСК И САМАРА

Много было врагов у Советской власти. Явных. Неявных. Скрытых. Открытых. Выжидающих. Недобитых.

В числе врагов были и эсеры. Эсеры — слово сокращённое. Эсеры — значит социал-революционеры. Существовала в России такая партия. Называли себя эсеры революционерами. Хотя на самом деле стали контрреволюционерами. Повели эсеры открытую борьбу против Советского правительства, против партии большевиков, против товарища Ленина.

30 августа 1918 года эсерка Фани Каплан стреляла во Владимира Ильича.

Ленин выступал на митинге перед рабочими одного из мо-

сковских заводов. Подходил после митинга к автомобилю. Здесь у автомобиля и притаилась Фани Каплан. Две пули послала в Ленина.

«Всем! Всем! Всем! — разнеслось сообщение. — Всем! Всем! Всем!» Газеты сообщили о злодейском покушении на жизнь Владимира Ильича Ленина.

Положение Ленина было тяжёлым. Пули оказались отравленными.

В эти дни особенно упорные бои шли на Восточном фронте. Разгорелись они и вокруг Симбирска — родного города Владимира Ильича. Отважно сражались красные бойцы. Хотелось им взять Симбирск и доставить приятное известие товарищу Ленину.

Основной удар по Симбирску наносила сводная Симбирская стрелковая дивизия, которой командовал прославленный красный командир Гая Гай.

9 сентября. Ранний рассвет. Красные начали наступление. Весь день шёл бой. Продолжался он и десятого, и одиннадцатого сентября. Всё ближе и ближе подходили красные войска к Симбирску. Оставалось всего два километра. Гай дал приказ к решительной атаке. Устремились войска вперёд. Шли на штурм полки Московский, Орловский, 1-й симбирский, 2-й симбирский. Был под Симбирском и польский добровольческий кавалерийский дивизион.

Ворвались красные бойцы в Симбирск. Взяли Симбирск. Освободили. Полетела в Москву к Владимиру Ильичу телеграмма.

«Дорогой Владимир Ильич! — писали бойцы. — Взятие Вашего родного города — это ответ на Вашу одну рану, а за вторую — будет Самара!»

Получил телеграмму Ленин. Тут же ответ отправил. «Взятие Симбирска — моего родного города — есть самая целебная, самая лучшая повязка на мои раны, — писал Владимир Ильич. — Я чувствую небывалый прилив бодрости и сил. Поздравляю красноармейцев с победой и от имени всех трудящихся благодарю за все их жертвы».

Читают бойцы телеграмму:

— От Ленина!

— От Владимира Ильича!

— Поправляется Ленин!

— Да здравствует Ленин!

Прошло немного времени — новая телеграмма с Восточного фронта приходит к Ленину. Сдержали красные бойцы своё слово — Красная Армия освободила город Самару.

Вся Волга свободна. Отброшены белые, красноармейцы доносят Ленину.

Годы гражданской войны были очень сложными на Украине. Ещё в декабре 1917 года на Украине была провозглашена Советская власть. Однако нашлись и другие силы. Создали они на Украине буржуазную Центральную Раду. Пошла Центральная Рада войной против своего народа, против Советской Украины, против Советской России.

— Войной против своего народа?!

— Войной против Советской Украины и Советской России?!

Ясно всем — не удержится долго такая Рада.

И правда, недолго продержалась на Украине Рада. Пала.

— Скоро скончалась. Скоро пала. Скоропадская, — кто-то сказал про Раду.

Пришли на Украину немецкие оккупанты. Помогли они врагам Советской власти создать новое правительство на Украине. Во главе Украины, как в стародавние времена, был поставлен гетман.

— Гетман! — смеялись на Украине.

Интересуются на Украине, кто же стал гетманом Украины. Узнают — генерал.

— Генерал?

— Генерал.

— Бывший?

— Бывший!

— Царский?

— Царский!

— А фамилия, как фамилия?

Узнают и фамилию — Скоропадский.

— Скоропадский?!

— Вот это да!

— К самому месту, считай, фамилия.

И верно. Не долго продержалось на Украине гетманство. Пал Скоропадский. Под видом раненого немецкого офицера вывезли немцы гетмана с Украины.

Неспокойно по-прежнему на Украине. Силы новые рвутся к власти. Возникла Директория. Стал властвовать на Украине Симон Петлюра. По его фамилии всех, кто выступал против Советской власти, против Советской Украины и Советской России, стали называть петлюровцами. Повели войска Советской Украины борьбу с Директорией и петлюровцами. Отступают петлюровцы. Переезжает Директория в специальном поезде из города в город. Всё меньше и меньше украинской земли, над которой властвует Директория.

Шутят на Украине:

— В вагоне Директория, а под вагоном территория.

— Петля по Петлюре плачет.

Сбросил народ Украины Раду, сбросил гетмана, сбросил Петлюру и Директорию.

Вдохнули свободно на Украине:

— Кончились Скоропадские.

ГРУППА ЯКИРА

Молод совсем Якир. Двадцать два года всего Якиру.

Во время боёв с белыми на Украине большая группа красных войск была отрезана от своих. Произошло это на юге Украины. Группа так и стала называться Южной.

Разные были тогда предложения. Одни выступали за то, чтобы регулярные полки Красной Армии превратить в партизанские отряды, другие за то, чтобы уйти в подполье и мелкими группами продолжать борьбу. Нашлись и такие, которые говорили:

— По домам, хлопцы, расходись. По домам. Песенка наша снета.

Но было и ещё одно мнение. Пробиваться через заслоны, через кордоны врагов. Идти на север. На севере, в четырёхстах километрах от этих мест, находились регулярные советские части.

За поход на север был и командующий Южной группой Иона Эммануилович Якир.

Двинулись с боями полки на север.

Умно поступал молодой командующий. Вот одно из его командирских решений.

Была у Южной группы своя радиостанция. Явился к радистам однажды Якир.

— Готовьтесь к работе, — сказал командующий.

— Какая же будет работа? — гадают радисты. — Кругом враги. Тут бы лучше молчать, не дышать, не двигаться.

— Двигаться лучше, двигаться! — рассмеялся Якир.

Присел к аппарату, стал диктовать радистам.

Диву даются радисты. Обращается Якир к командирам различных полков и бригад. Благодарит за победы.

Благодарит. А в Южной группе полков и бригад таких вовсе нет. И побед таких вовсе нет.

Называет Якир трофеи. Мол, взяли столько-то пулемётов. Мол, взяли столько-то пушек. Мол, столько-то пленных в боях захвачено.

Диву даются радисты.

— Какие трофеи?! Откуда?! Какие пулемёты и пушки?! Откуда, скажите, пленные?!

Перехватывают белые передачу Якира:
 — Вот так группа Якира! Берегись этой группы. Сторонись этой группы. Грозная очень группа.
 Пугают, сбивают с толка передачи Якира белых.
 Сообразили радисты:
 — Это ж военный приём! Это ж военная хитрость!
 С боями пробилась на север группа Якира. Сокрушила заслоны, смела кордоны, пришла к своим.
 Встречают свои отважных бойцов.
 Идёт впереди Якир.
 Молод совсем Якир.
 Двадцать два года всего Якиру.

КОТОВСКИЙ

В группе Якира была бригада, которой командовал Григорий Котовский.

Многое бывало в жизни и боевых делах комбрига Григория Ивановича Котовского. Из царских тюрем бежал. Из ссылок. Даже военным судом был приговорён к смертной казни через повешение. Но такого... Нет, не случилось такого с ним.

Многое бывало в жизни Котовского. Скрываясь от царских ищеек, выдавал себя за чиновника, за помещика, за священника. Даже одно время с огромной серьгой в левом ухе ходил. Скрывался под видом заморского шкипера. Но такого... Нет, не случилось такого с ним.

— Да разве похож я на белого генерала?! — возмущался Котовский.

А надо сказать, люто ненавидел Котовский белых.

Шла на Житомир тогда бригада. Сложной была обстановка вокруг Житомира. Восточнее Житомира находились войска белых. В самом Житомире и западнее города стояли петлюровцы.

Взяли Житомир красные. Посоветовали командиры Котовскому торжественно вступить в город. Обычно Котовский ездил верхом на коне. А тут уговорили комбрига въехать в Житомир в автомобиле. Был в бригаде автомобиль. Большой. Неуклюжий. С открытым верхом.

Построились котовцы. Впереди автомобиль с Котовским. Тронулись. Вот и входят бойцы в Житомир.

Смотрит Котовский — какая-то делегация спешит навстречу. Человек двадцать. Будет приветствие, понимает Котовский. Приосанился. Саблю перед собой поставил.

Правянаясь делегация с автомобилем. И сразу же в двадцать глоток:

— Ваше превосходительство! Ура вашему превосходительству!

И тут же заехали: «Боже, царя храни».

Опешил Котовский. Да тут же, в чём дело, понял. Была перед ним делегация от богатей города. Ждали они белых. Решили — в Житомир вступают белые. Приняли Котовского за белого генерала.

Разбушевался Котовский:

— Ах вы такие, сякие, разэтакие! Меня, красного командира, и вдруг с беляком, с генералом спутать!

Успокаивают друзья Котовского:

- Так вид солидный!
- Так взгляд орлиный!
- Автомобиль их спутал. Автомобиль.
- Долго не мог успокоиться Котовский. Наконец остыл:
- Подать сюда Орлика!

Подвели к Котовскому любимого его коня. Вспрыгнул лихо Котовский на Орлика. Сабля слева. Маузер справа. Гимнастёрка. Фуражка. Звезда на фуражке красная. Не спутать теперь комбрига. Ясно — верхом на коне Котовский. Ясно любому — в Житомир вступают красные.

ВЛЕТЕЛ И ВЫЛЕТЕЛ

Идёт борьба на Востоке, на Западе, на Украине, идёт и на Крайнем Севере.

Иностранцами войсками, захватившими советский Север, командовал английский генерал Пуль.

Любил генерал Пуль переписываться с друзьями. Садился за стол. Брал бумагу. Сообщал друзьям в Англию всё до малейших подробностей.

Сразу же написал, что первым в Мурманский порт пришёл английский крейсер «Глори». Точно указал дату. Было это 6 марта 1918 года. Затем написал про английский крейсер «Кокрен». «Кокрен» прибыл в Мурманск 14 марта. Написал про крейсер «Адмирал Об», который привёз французских солдат. Снова число поставил — 18 марта. Следующее письмо генерал Пуль отправил в мае. Писал про американцев. Мол, приплыли сюда и американские солдаты. Прибыли на крейсере «Олимпия». Было это 24 мая.

Любил точность во всём английский генерал.

— Для истории, для истории, — повторял Пуль.

Стали захватчики продвигаться на юг от Мурманска.

«Взяли Кемь», — строчит генерал очередное письмо на родину.

Действительно, захватили интервенты Кемь. Весь Кольский полуостров в руках у захватчиков.

«Взяли Сороку», — торопится похвастать друзьям генерал Пуль.

Верно, взяли интервенты Сороку. Ещё дальше спустились к югу.

Снова генерал склоняется над бумагой.

«Взяли Онегу», — летит через океан генеральское донесение.

Верно, захватили интервенты город Онегу. Вышли к южной оконечности Белого моря.

Говорят, аппетит во время еды приходит. Вот и у генерала Пуля.

— Петрозаводск возьму, — уверяет Пуль. — До Петрограда, — грозит, — дойду.

Не дошёл Пуль до Петрозаводска, до Петрограда. Остановили интервентов советские бойцы.

Продвинулись захватчики до реки Онда. Пуль отправил очередное своё письмо. В конце приписал: «Тороплюсь, идём дальше». Однако дальше не получилось. Застряли захватчики на реке Онда.

Пишет генерал Пуль свои письма, а в них всё Онда да Онда. Всё Онда да Онда. Дальше ни шагу.

Злиться стал генерал. Даже охота письма писать пропала.

Не получилось у генерала Пуля с Петрозаводском и Петроградом. Отозвали его из России.

— Пулей влетел, пулей и вылетел! — смеялись тогда над Пулем.

ПУГОВИЦА

Смотрел Юшка на пуговицу. И так, и этак разглядывал. Пуговица большая, шинельная. Впервые Юшка такую видит. Львиная морда на пуговице. Уставился лев на Юшку. Морду оскалил.

Вот-вот и бросится.

Как же Юшке досталась пуговица?! Жил Юшка Скрибин недалеко от станции Обозёрской. Это километрах в ста пятидесяти на юг от Архангельска. Пришёл под Обозёрскую слух, что город Архангельск захватили чьи-то войска.

— Англичане пришли в Архангельск, — говорили тогда одни.

— Да где ж англичане, когда — французы, — возражали другие.

— Американцев, американцев в Архангельске видели!

Приехал из Архангельска местный мужик Поликарп Нуда. Полезли к нему крестьяне.

Одни:

— Англичане в Архангельске?

— Ага, англичане, — отвечал Поликарп Нуда.

Вторые:

— Французы в Архангельске?

— Ага, французы.

Третьи:

— Американцы в Архангельске?

— Ага, американцы. И итальянцы, — добавил Поликарп Нуда.

- И итальянцы?!
- И итальянцы,— сказал Поликарп Нуда.— И сербы.
- И сербы?!
- И сербы,— сказал Поликарп Нуда.— И финны.
- И финны?!
- И финны,— подтвердил Поликарп Нуда.

Расширяют свою агрессию иностранные капиталисты. Всё новые и новые войска посылают они в Советскую Россию. Захватив Архангельск, интервенты решили идти из Архангельска на Вологду, на Москву.

Недалеко от станции Обозёрской, в тех местах, где жил Юшка Скрыбин, и произошло большое сражение с интервентами.

Самого боя Юшка не видел. Однако знает: жаркой была схватка. Не устояли в бою захватчики. Не пустили их дальше Обозёрской красные бойцы. Разбили. Назад отбросили.

После боя и подобрал Юшка Скрыбин необычную пуговицу. От шинели английского солдата она оказалась.

Хвастал Юшка своей находкой. Подружкам, друзьям показывал. Лев на английской пуговице. Морду оскалил. Вот-вот и бросится.

— Потерял английский солдат,— объясняет любому Юшка.

Деду Спиридону Захаровичу тоже пуговицу показал.

— Английский солдат потерял,— начинает Юшка.

Покрутил дед в руках пуговицу. На льва посмотрел внимательно.

— Д-да. Потерял... Потерял... Кабы бы пуговицу,— вдруг произнёс старик.— Совесть они потеряли. В чужой дом, как разбойники, Юшка, лезут...

Не знал Юшка — спасся, погиб солдат. Может, унёс из России ноги. Может, оставил в бою здесь не только пуговицу, но и сложил свою голову.

Сохранилась у Юшки пуговица. Смотрит на Юшку державно английский лев. Морду оскалил. Морщится.

ИЗ ДАЛЕКОГО ШТАТА МЭН

Живой американцы народ, общительный.

- Я из Флориды.
- Я из Техаса.
- Я из Канзаса.
- Из Арканзаса.
- Из Каролины.
- Из Колорадо.
- Из Невады.
- Из штата Мэн.

В январе 1919 года на советском Севере завязались упорные бои за Шенкурск. Хотя и не равный его по размерам с Архангельском, с Мурманском, однако на важном месте стоял Шенкурск. Рвались здесь интервенты на Котлас, на Вятку (теперь это город Киров). Образовался Шенкурский выступ.

Шенкурск и прилегающие к нему сёла захватили американцы.

Места — северные, нелюдиные. Морозы стояли трескучие. Доходили без малого до сорока градусов.

Разместились американские солдаты в крестьянских избах. Хороши здесь, надёжны крестьянские избы. Брёвна чуть ли не в три обхвата. Паклей проложены. Просмолены. Проконопачены. Венцы с венцами надёжно схвачены.

Идёт от избы к избе:

— Как там у вас?

— Тепло.

Конечно, тепло. Приятно с мороза в дом. То ли дело — из дома сейчас на улицу.

Самая близкая к Шенкурску деревня называлась Высокая Гора.

— Как там у вас в Высокой Горе?

— Тепло.

— Как там у вас в Шенкурске?

— Тепло.

Конечно, тепло. Приятно с лихого мороза в дом. То ли дело, если вдруг скажут тебе: на улицу!

Расположились американцы в Шенкурске, в соседних сёлах. Замело всё кругом снегами. Морозы в январской силе. Сидят солдаты в избах, в тепле, в уюте. Пережидают морозы. Спокойны захватчики. Кто же в такие снега, в такие морозы к Шенкурску двинется.

Однако Красная Армия шла к Шенкурску. Пришла, обрушивалась неожиданно на интервентов, выбивала на холод из тёплых сёл.

У деревни Высокая Гора разгорелся с интервентами главный бой. Гремели пушки. Взивалось «ура!» в атаках. Не удержались. Бежали из Высокой Горы захватчики. Вступили наши войска в Шенкурск.

Бежали американцы назад к Архангельску. Однако не все. Меньше ушло, чем прибыло.

Полегли на советской земле захватчики. Спят вечным сном солдаты.

Кто из Флориды.

Кто из Техаса.

Из Канзаса.

Из Арканзаса.

Из Каролины.
Из Колорадо.
Из Невады.
Из далёкого штата Мэн.

Спят вечным сном солдаты. В далёкой стране России их кости в снегах лежат.

«ЖДУ СКОРОГО ОТВЕТА»

Одним из красных командиров, возглавлявших советские войска на Севере, был бывший царский генерал Самойло.

Узнал красноармеец Степан Бессонов, что старший над ними бывший царский генерал, ушам своим не поверил.

— Генерал?

— Генерал, — отвечают Бессонову.

— За Советскую власть?

— За Советскую власть.

— Против буржуев?

— Выходит, против.

— Не может быть, не может быть, — твердил Бессонов. —

Царский генерал — и за Советскую власть!

Решил поначалу Бессонов, что шутят над ним товарищи. А когда понял, что это вовсе не шутка, стал возмущаться и бушевать:

— Генерал — и над нами командует! Над красными бойцами! К стенке его! К стенке! Расстрелять!

Потом чуть поостыл.

— Как же так... Как же так... — повторял Бессонов. — Не знает об этом товарищ Ленин.

Владел он немного грамотой. Решил написать письмо в Москву Владимиру Ильичу Ленину. Достал бумагу, перо. Вывел: «Дорогой товарищ Ульянов-Ленин». И далее стал писать о том, что вот, мол, у них здесь, на Северном фронте, пробрался на командную должность классовый враг — бывший царский генерал. «Его бы поставить к стенке, — писал Бессонов, — а он командует целой советской армией». И все от него, от Ульянова-Ленина, про это, видать, скрывают. А он, красноармеец Степан Бессонов, решил открыть товарищу Ульянову-Ленину глаза, потому и пишет. «Жду скорого ответа», — закончил письмо Бессонов.

Перечитал Бессонов письмо. Остался доволен. Хотел отправить, да заминка случилась с конвертом. А пока искал, а затем мастерил конверт, произошло очень важное событие. В Москве состоялся партийный съезд. На съезде обсуждался вопрос о

Красной Армии. Выступал Ленин. И вот тут — долго затем над этим Бессонов думал — Ленин стал говорить о том, что для того, чтобы побить сильных врагов, нам нужна армия дисциплинированная, хорошо обученная. Что должны мы привлечь в Красную Армию людей, знающих военное дело. Говорил о бывших царских офицерах и генералах. Не спорил Ленин — многие из них оказались среди врагов Советской власти. Но есть и такие, которые готовы служить трудовому народу. Служить искренно, честно. Красная Армия должна привлекать таких людей. Ленин назвал несколько фамилий. В том числе и фамилию генерала Самойло.

Потрясён был Бессонов:

— Выходит, про Самойло известно Ленину...

Думал, думал в ту ночь боец. Потом встал. Вынул своё письмо. Ещё раз пробежал глазами. Незаметно от всех порвал.

Честно служил Советской власти генерал Александр Александрович Самойло. Даже орденом Красного Знамени был награждён. Это под его командованием под Шенкурском одержали наши войска победу.

— Вот видишь, — друзья к Бессонову. — А ты его к стенке, Степан, хотел.

Смутился, краснел Бессонов:

— Было. Так ведь царский, так ведь бывший... Что было, то было. Было, да с талой водой ушло.

ПОДАРОК ЛЕНИНУ

Не любил Владимир Ильич Ленин подарков. Отказывался. А тут принял. Принял и даже благодарил.

Продолжают иностранные захватчики терзать Советскую Россию. Особенно страдали земли, лежащие у берегов Чёрного моря. Раньше здесь бесчинствовали немецкие оккупанты. Теперь в порты Чёрного моря вошли английские и французские корабли. Французские войска захватили Одессу и стали продвигаться на север. Навстречу интервентам выступили красные полки.

Французские солдаты были хорошо вооружены. Пулемёты в войсках, орудия. Танки. Танки новенькие. Марки «Рено».

Ходили красные бойцы в разведку. Вернулись, докладывают:

— Пулемёты у французов, орудия. Танки. Танки новенькие, только что с завода. Марки «Рено».

Были уверены французские захватчики, что неприступны их позиции для Красной Армии.

— Пулемёты у нас, орудия. Танки новенькие. Марки «Рено». Только что с завода. Прибыли для испытаний.

В марте 1919 года севернее Одессы, недалеко от станции Берёзовка, между частями Красной Армии и французскими войсками произошёл бой.

Упорным был бой под Берёзовкой. От станции остались одни развалины.

Собрали красные свои силы в мощный кулак. Ударили, провали оборону захватчиков. Взяли Берёзовку, пошли вперёд.

Много трофеев красным в бою досталось. Попали и французские танки. Считают красноармейцы:

- Раз.
- Два.
- Три.
- Четыре.
- Пять.

Раздаются весёлые голоса:

- Новенькие.
- Только что с завода.
- Исправные.
- Марки «Рено».
- Были французские. Теперь ваши.

Решили бойцы один из танков послать в подарок Владимиру Ильичу Ленину. Долго не раздумывали. Пригнали танк на станцию. Погрузили на платформу. Загудел паровоз. Поехал трофей в Москву.

Принял подарок Ленин. Благодарил. Письмо специальное даже бойцам направил. Писал в письме о геройстве красных полков, о растущей силе Красной Армии.

Многие из москвичей видели этот танк. В день 1 мая 1919 года его показывали в Москве на Красной площади.

Смотрят в Москве на танк:

- Новенький.
- Марки «Рено».
- С Южного фронта.
- Подарок Ленину.

Покрасовался «Рено» в Москве. Погрелся стальными боками на майском солнце. Поехал опять на фронт. За Советскую власть сражаться.

НЕДОБРАЯ СИЛА

Крестилась бабка Степанида, крестилась. Била земные поклоны, била. Представьте — чертовщина привиделась бабке. Торопилась утром она к соседке. Понадобилась срочно зачем-то соседка бабке. Только на улицу вышла... Как тут! Шёл навстречу ей человек. Вроде солдат. Глянула. Ахнула. Застыла, как суслик на поле, бабка. В женской юбке шагал солдат.

— Привиделось. Сила нечистая! — током прошибло бабку.

Бросилась старая в церковь. Била земные поклоны, била. Свечку богу поставила. Во всех грехах своих трижды покалась. И в том, что сварлива. И в том, что скупа. И в том, что Фалалейку — своего непутёвого внука — нещадно дерёт за ухо.

Вышла бабка на улицу. Чуть успокоилась:

— Отведёт от беды господь.

Жила бабка на юге, у Чёрного моря, в городе Севастополе. Недоброе время для этих мест. Были немцы. Теперь пришли англичане, пришли французы.

— Эка, как осы на сладость прут, — сокрушалась старая Степанида.

Шагает из церкви бабка. Только свернула к себе в проулок, видит — навстречу двое. Снова солдаты. Глянула бабка. Покатилось сердце к ногам у бабки. Идут солдаты навстречу старой. Лица и руки черны, как смоль.

— Свят, свят... — закрестилась бабка.

Снова несётся в церковь. Снова спина в поклонах. Снова ставит господу богу свечку. Даже в самом тяжком грехе призналась: как-то по злобе бабка старым чёртом назвала бога.

— Не губи. Не суди. Помилуй. Бес попутал... — молится старая Степанида. — За язык богохульник дёрнул...

Вышла из церкви. Идёт Степанида. Сняла с души грехи. Чиста перед богом, как вода родниковая.

Вышла из церкви. И что же — целая колонна марширует солдат. Глянула бабка — во всём белом идут солдаты, словно каждый укутан в саван. Качнулась от дива бабка. Прислонилась к углу дома. Закатились глаза у бабки.

Не знала старая Степанида, что английские и французские захватчики не только сами пришли в Севастополь, но и пригнали солдат из своих колоний.

Крестится, крестится, крестится бабка.

— Сила нечистая... Сила нечистая... — шепчет. Бледна, как стена, как смерть.

Подвернулся здесь Фалалейка.

— Так это ж стрелки заморские, — стал объяснять он бабке. Толкует про Африку, про колонии, про дальние страны, про то, что силой погнали сюда солдат.

Смотрела, смотрела на внука бабка. Схватила за ухо и снова своё:

— Сила нечистая! Сила нечистая!

— Их силой погнали! — кричит мальчишка.

Не отпускает бабка Фалалейкино ухо. Слово бы ухо во всём виновато.

— Буржуи погнали. Буржуи английские, буржуи французские, — тараторит мальчишка.

Собрались около бабки и Фалалейки люди.

— Сила недобрая, сила нечистая, — снова выводит бабка.

Не спорили люди с бабкой. Конечно, недобрая, нечистая сила погнала сюда солдат. Капиталисты английские, капиталисты французские — вот эта сила.

ЕХАЛ ГРЕКА...

Вместе с французами и англичанами пришли на Чёрное море и греческие войска. Действовали они в низовьях Днепра и Южного Буга, у городов Херсона и Николаева. Десант, высаженный с греческих кораблей, вступил и в город Хорлы.

Недалеко от этих мест действовал партизанский отряд под руководством Прокофия Ивановича Тарана. Был в отряде матрос Алексей Гончаров.

Привязалась к матросу про грека скороговорка. Напевает Алексей Гончаров:

Ехал грека через реку.

Не все в отряде скороговорку знали.

— Так, так. А что там дальше?

Продолжил Гончаров:

Видит грека — в реке рак.

— А дальше?

Сунул грека в реку руку...

— А дальше?

Рак за руку грека цап.

Смеются бойцы. Понравилась им скороговорка.

— Сам выдумал?

— Нет, — отвечает Гончаров. — Кто-то другой нашёлся.

Собрал командир партизанского отряда Прокофий Таран своих помощников. Решили они в районе Хорл совершить налёт на греческих захватчиков. Закончил Таран совещание. Вышел на улицу. Слышит:

Ехал грека через реку.
Видит грека — в реке рак.
Сунул грека в реку руку.
Рак за руку грека цап!

Рассмеялся Прокофий Таран:

— Здорово кто-то выдумал!

Совершили партизаны налёт на греческий десант. Захватили в плен греческих солдат, важного греческого офицера, захватили три быстроходных катера.

Смотрит Прокофий Таран на важного греческого офицера, на три быстроходных катера, смеётся:

— Не суй, ваше благородие, руку в чужую реку!

Отпустили партизаны пленных греческих солдат. Однако боевые катера не вернули. Создали свою партизанскую флотилию. Матроса Алексея Гончарова назначили её командующим. Поднялся Гончаров на капитанский мостик. Посмотрел с высоты на катер:

— Хороша, хороша штукавина! Была — ваша, стала — наша. От буржуинов неплох гостинец.

Сказал — и тут же снова своё, задорное:

Ехал грека через реку.
Видит грека — в реке рак.
Сунул грека в реку руку,
Рак за руку грека цап!

ЗАБЕЙ-ВОРОТА И МУХОПЕРЕЦ

Весной 1918 года боевая обстановка на юге сложилась так, что целой армии — называлась она 5-й Украинской — пришлось совершить героический переход с Украины через донские степи к Волге, к городу Царицыну (теперь этот город называется Волгоград).

На Дону в это время бушевал белогвардейский мятеж. Поднял его генерал Краснов.

Передвигалась армия по железной дороге. Двигалась армия, а вместе с ней две ещё такие же армии — это женщины, старики и дети, которые уходили вместе с красными, не хотели оставаться под властью белых. Восемьдесят железнодорожных составов двигалось с запада на восток.

Тяжёлым был путь 5-й Украинской армии. Шли семьдесят дней. Шли с боями, с потерями. Белые взрывали железнодорожное полотно, мосты, водокачки. Пройдёт армия несколько вёрст — остановка. Бои с врагами. Пройдёт несколько вёрст — опять остановка. Опять бои.

Командовал 5-й Украинской армией бывший луганский слесарь большевик Климент Ефремович Ворошилов.

Один из жарких боёв с белыми провели бойцы 5-й Украинской армии под станицей Милютинской.

Был среди красных молодой командир Иван Ульянович

Забей-Ворота. Это фамилия у него такая необычная. Рвётся на белых Забей-Ворота.

Узнали красные разведчики, что под Милютинской собралась большая группировка белоказаков. По приказу Ворошилова двинулись сюда несколько красных отрядов.

Собрались командиры отрядов, стали разрабатывать план наступления. Договорились к Милютинской подходить осторожно, скрытно. Один из отрядов подойдёт к Милютинской с востока — глубокой балкой, другой с запада — берегом протекавшей здесь речки Берёзовой. Третий зайдёт и ударит с севера.

Цель у красных командиров — уничтожить находившихся в этих местах белоказаков. Для этого надо было противника полностью окружить.

Решают командиры, кто же устремится в атаку с юга, закроет кольцо окружения.

Здесь же в числе других находился Забей-Ворота.

Посмотрели все на Забей-Ворота:

— Так вот кто ударит с юга.

Поручили ему и его отряду захлопнуть кольцо окружения.

Приняли командиры решение, смеются:

— Забей ворота, Забей-Ворота!

Отлично молодой командир с заданием справился. И верно — «забил ворота». Разгромили красные белоказаков.

Во многих боях на юге сражался Забей-Ворота. Уже потом, когда войска Ворошилова благополучно дошли до Царицына и начались тяжёлые бои за Царицын, стал Забей-Ворота начальником полевого штаба Морозовско-Донецкой дивизии. Начальником же дивизии был красный командир по фамилии Мухомерец.

Посмеивался Ворошилов:

— Подобрались же фамилии... Подобрались!

Прогремела слава Морозовско-Донецкой дивизии в борьбе за Царицын. И красные и белые хорошо о дивизии знали.

— Это та, где начальником Мухомерец?

— Это та, где в штабе Забей-Ворота?

Сторонились дивизии белые:

— Не к добру, не к добру фамилии.

КОМАНДАРМ ДЕСЯТОЙ

Совершили войска Ворошилова героический переход. Пришли в Царицын. Обороняла Царицын Десятая армия. Стал Ворошилов командовать этой армией.

Кровопролитные развернулись бои за Царицын. Важно генералу Краснову быстрее ворваться в город. Стоит Царицын на

Волге, на перекрёстке больших дорог. На юг, на север, на запад бегут пути. Хлеб с Северного Кавказа, нефть из Баку, хлопок из Средней Азии идут через Царицын в центральные районы России. Возьмёшь Царицын — считай, за горло схватил Россию.

— За горло возьмём Советы, — твердил генерал Краснов. Понимают и наши всю важность города.

Клянутся красные устоять в Царицыне.

Клянутся белые взять Царицын.

Нелегко приходилось Десятой армии. Нелегко командарму. Бойцы из разных мест входили в Десятую армию. Были в её рядах дуганские металлисты, харьковские рабочие, донецкие

пахтёры, донские красные казаки. Отряды из Киева, из Нежина, из Полтавы. Сражался под Царицыном даже отряд, который состоял из одесских грузчиков.

Всюду, у всех побывал Ворошилов. Все знали в лицо своего командарма. Все глазами своими видели.

На одном из участков царицынской обороны, у станции Воропоново, неожиданно прорвалась белоказацкая конница. Момент был критический. Силы неравные. Летит, как лавина, конница. Казалось, не быть спасению. Многие от неожиданности дрогнули. Начали отступать.

— Стойте! Стойте! — раздался повелительный голос.

Схватил кричащий смельчак кем-то оставленный пулемёт. Развернул, припал к прицелу. Открыл огонь по атакующим.

Остановились другие. Вернулись. Отбили удар врага.

— Молодец, пулемётчик. Молодец! — хвалили бойцы пулемётчика.

Подошли, смотрят, а это сам командарм Десятой.

И на другом из участков, уже у самой границы города, тоже, казалось, вот-вот и прорвутся белые. Стеной подымались враги в атаку. Казалось, минута — и дрогнет красная оборона. И вдруг:

— Товарищи, за мной, вперёд! Ура!

Непонятно откуда появился здесь командир какой-то. Бросился в атаку. Устремились за ним другие. Решительной атакой отбили белых.

— Молодец, молодец, — хвалили после боя бойцы командира. — Вовремя здесь оказался, вовремя поднял народ в атаку.

Смотрят — кто же такой отважный? А это сам командарм Десятой.

Умело, самоотверженно руководил Ворошилов обороной Царицына. То он на поле боя. То он над картой в штабе. То отдаёт приказы. То обсуждает планы. «Вот тебе и бывший слесарь!» — поражались белые генералы. «Ясный ум» — даже враги в белогвардейских газетах о нём писали.

До последнего дня гражданской войны на разных фронтах бился Ворошилов с врагами Советской власти. Вскоре после окончания войны он стал заместителем, а затем и народным комиссаром по военным и морским делам. Ворошилов был в числе пяти первых советских военачальников, которым Советское правительство присвоило высокое воинское звание — Маршал Советского Союза. В годы Великой Отечественной войны маршал Ворошилов занимал высокие командные посты в Советской Армии, являлся членом Ставки Верховного Главнокомандования.

Долгие годы Климент Ефремович Ворошилов был Председателем Президиума Верховного Совета СССР. Он скончался в 1969 году и похоронен в Москве на Красной площади.

ДОБЫЧА

Белый казак Федька Зудов читал бумагу:

«Казаки! Станичники! При взятии Царицына даю вам полную волю и свободу на три дня. Всё, что будет захвачено в городе, — ваше. Можете забирать и направлять к себе домой, родным. Всем близлежащим станицам, хуторам даю свободу действий в разделе добра, отбитого у большевиков в Царицыне, и отправке его по домам. Да поможет вам бог в победе над красными супостатами!

Атаман Всевеликого войска Донского Краснов».

Бумагу показал Зудову Гришка Хлудов.

— Где взял? — спрашивает Федька Зудов.

— У Мишки Блудова, — отвечает Хлудов.

Казаки Зудов, Хлудов и Блудов — все из одной станицы. Как раз недалеко от Царицына расположена их станица.

Бумагу, которая побывала у них в руках, действительно подписал генерал Краснов. Стремится он взять побыстрее Царицын. Подзадоривает казаков. Пообещал им отдать город на три дня на разграбление.

Довольны белые казаки. Царицын город большой, небедный. Будет добыча, будет пожива. То-то добра привалит.

Слетали Зудов, Хлудов и Блудов к себе в станицу. Коней запрягли в возы. Пригнали возы к Царицыну. Укрыли в балках поближе к городу.

Размечтались мародёры-станичники.

Мечтает Федька Зудов:

— Перину возьму пуховую. — Подумал. — Нет, две. Подушек возьму штук пять. — Подумал. — Нет, десять. Два сундука разным добром набью. — Подумал. — Нет, три. — Ещё раз подумал. — Пожалуй, возьму четыре. Э-эх, не один бы, два бы воза сюда пригнать!..

Мечтает о поживе и Гришка Хлудов. Палец за пальцем на руках загибает:

— Шуба на медвежьем меху — это раз. Тулупчик на заячьем — это два. Шапка бобровая — это, выходит, три. — Далее было четыре и пять. С одной руки перешёл на другую: — Самовар тульский с медалями — шесть, платок оренбургский с узором — семь. — Далее было и восемь, и девять, и десять. Не хватает на руках у Хлудова пальцев. Хоть разувайся, снимай сапоги и на ногах считай.

Размечтался и Мишка Блудов.

Часы с боем его желанье. А кроме часов:

— Вот бы попалось чудо: граммофон, инструмент играющий.

Ждут в станице Федьку Зудова, Гришку Хлудова, Мишку Блудова. Ждут других казаков.

— Скоро, скоро приедут станичники. Чтоб казакам да не взять Царицына!

Мальчишки бегают к косогору. Вдаль ястребами смотрят. И вот:

— Едут! Едут!

Действительно, едут, идут возы.

— Что ж за богатства везут добычки?

Подъехал к родному дому первый воз. Глянули люди. Где же добыча? Федька Зудов лежит в возу. Федька Зудов лежит в гробу.

Подъехал к родному дому второй воз. Глянули люди. Где же добыча? Гришка Хлудов лежит в возу. Гришка Хлудов лежит в гробу.

Подъехал к родному дому третий воз. Глянули люди. Мишка Блудов в возу лежит. Мишка Блудов сном непробудным спит.

А как же Царицын?

Царицын всё так же в руках у красных.

ИСТОРИЯ С ПРОДОЛЖЕНИЕМ

Генерал Краснов — старый противник Советской власти. Это он командовал теми войсками, которые в октябре 1917 года бросил Керенский на Петроград. Это он сражался с красногвардейскими отрядами под Царским Селом, под Пулковом.

Разбиты были Керенский и Краснов. Керенский бежал. Краснов же попал к красногвардейцам в плен. Привезли генерала Краснова в Петроград, в Смольный. Долго беседовали.

Стал генерал просить, чтобы его простили. Честное генеральское слово дал, что никогда не подымет больше оружия против Советской власти.

Поверила Советская власть Краснову. Отпустили его на свободу.

Однако не сдержал генерал Краснов генеральского слова. Обманул он Советскую власть. Бежал из Петрограда на Дон к донскому атаману генералу Каледину. А вскоре, после того как застрелился Каледин, Краснов и сам был избран донским атаманом.

— Ура атаману Краснову!

— Ура! — гремело тогда на Дону.

В чине донского атамана и повёл генерал Краснов войну против Советской власти. Летом и осенью 1918 года бои с генералом Красновым были одними из самых важных в борьбе за молодую Советскую Республику.

Трудно было Советскому государству. На западе хозяйничали немцы. На востоке восстали белочехословаки. Советский Север захватили англичане и американцы. И вот с юга стал наступать генерал Краснов.

В сентябре 1918 года для борьбы с генералом Красновым был образован Южный фронт.

Неудачно сложилось для нас начало. Красная Армия на юге была малочисленной. Оружия не хватало. В штаб Южного фронта даже пробрались изменники.

— Наша берёт! Наша берёт! — торжествовал генерал Краснов.

Однако рано радовались белые. Нашлись у Красной Армии нужные силы.

Собирался генерал Краснов захватить Царицын. Трижды походом ходил на Царицын. Не получилось. Не взят Царицын.

Воронеж надеялся взять Краснов. Не по зубам оказался ему Воронеж.

Даже идти на Москву донской атаман грозился. Не получилось ничего у него с Москвой.

Разбила Красная Армия белую армию генерала Краснова. Бежал Краснов за границу. Правда, не так далеко, как Керенский. Не во Францию, не в Соединённые Штаты Америки. Ближе — в Германию.

Не кончилась на этом история генерала Краснова. Когда в 1941 году на нашу страну напали немецкие фашисты, оказалось, жив и здоров генерал Краснов. Жив и здоров и заодно с фашистами. Даже фашистскую форму надел. Даже на Дон приехал. Всё надеялся и сейчас поднять здесь восстание против Советской власти.

Разбила фашистов Советская Армия. Снова, как тогда под Петроградом в октябре 1917 года, в плен к нашим попал генерал Краснов.

Однако не брали на этот раз советские люди с него генеральского слова. Не вели разговоров долгих. Судили Краснова советским судом. Судили. Вспомнили всё. Повесили.

БАКИНСКИЕ КОМИССАРЫ

Слева и справа лежат пески. Слева и справа простор пустыни. Бежит паровоз по рельсам. Вагоны стучат на стыках. Гудки разрывают небо.

Стража сидит в вагонах. Километр, километр. Километр, километр. Всё ближе минута страшная.

Продолжают иностранные интервенты терзать Россию. Юг. Советское Закавказье. Советская Средняя Азия. И сюда пришли оккупанты. Именно в те дни, когда в Советском Закавказье и Советской Средней Азии хозяйничали английские войска, произошла одна из самых тяжёлых трагедий гражданской войны — были расстреляны 26 бакинских комиссаров.

Советская власть в Баку установилась 31 октября 1917 года. Вскоре был создан Бакинский Совнарком — Совет Народных Комиссаров во главе со Степаном Шаумяном. Круто стала меняться жизнь Советского Азербайджана. В районе Баку — богатейшие залежи нефти. Бакинский Совнарком национализировал нефтяную промышленность, отнял её у богачей, передал государству.

Город Баку стоит на берегу Каспийского моря. Баку — порт, в порту — пароходы и корабли. И они принадлежат богачам бакинским.

Бакинский Совнарком национализировал морской флот и передал его в руки народа.

Труженики Азербайджана стали получать землю. На заводах и фабриках был введён 8-часовой рабочий день.

Местным капиталистам, конечно, не понравились такие порядки. Они ждали момента, чтобы уничтожить Советскую власть. И такой момент наступил. 4 августа 1918 года Баку захватили английские войска. Советская власть в Баку была свергнута. Степан Шаумян и другие бакинские комиссары схвачены и брошены в тюрьму. Вскоре к Баку стали подходить новые захватчики — турецкие интервенты. Бакинским большевикам в последний момент удалось освободить из тюрем 26 бакинских комиссаров. Они сели на пароход «Туркмен» и отплыли из Баку. Все были уверены, что бакинские комиссары на свободе. Но получилось иначе. На пароходе «Туркмен» оказались враги. Они привели пароход на противоположный берег Каспийского моря в город Красноводск. Красноводск находился во власти английских интервентов. По приказу английского коменданта Красноводска полковника Баттина бакинские комиссары были вновь заключены в тюрьму. Другой английский офицер капитан Реджинальд Тиг-Джонс вместе с местными белогвардейцами и предпринял судьбу бакинских комиссаров.

Ночью их тайно посадили в поезд. Вывезли на 207-ю пересту от Красноводска. Вытолкали из вагонов. Увели в пески.

Солдаты подняли ружья. Прозвучала команда. Бакинские комиссары были расстреляны.

«Мы умираем за коммунизм! Да здравствует коммунизм!» — были последние слова отважных борцов за народное счастье.

ДЖЕНТЛЬМЕН

«Джентльмен» — слово английское. Означает оно «воспитанный, благородный человек».

— Я — джентльмен. Я — джентльмен, — любил говорить английский генерал Маллесон.

Генералу сэру Вильхориду Маллесону были подчинены английские войска, которые вторглись на территорию Советской Средней Азии.

Это с ведома генерала Маллесона была произведена расправа над 26 бакинскими комиссарами.

Это генерал Маллесон всё время подталкивал местных белогвардейцев к выступлению против Советской власти.

Это он, генерал Маллесон, организовал настоящий грабёж в Средней Азии. Хлопок и другие народные богатства потекли из Средней Азии к английским капиталистам.

Прославился генерал Маллесон и ещё одним. Для расчётов с местным населением выпустил генерал Маллесон специальные денежные обязательства. Были они напечатаны сразу на английском и русском языках. Вот одно из таких обязательств:

«Именем Великобританского правительства я обязуюсь заплатить через три месяца предъявителю сего пятьсот рублей». Далее шла подпись: «Генерал-майор Маллесон. Великобританская военная миссия».

Бойко пошли дела у генерала Маллесона.

Понравился конь арабский. Вынимает свои расписки.

Приглянулся ковёр персидский. Вынимает свои расписки.

Залюбовался серебряным кувшином. Тянет свои расписки.

— Я — джентльмен. Я — джентльмен, — повторял генерал Маллесон и всовывал вместо денег листки-загадки.

Не многие верили бумажкам английского генерала. Обижался Маллесон:

— Я же джентльмен. Человек воспитанный. Верну по-джентльменски через три месяца.

Прошло три месяца. Затем и ещё три. Затем и вовсе прогнала Красная Армия Маллесона из Средней Азии.

Бежал Маллесон. Остались в память о нём денежные расписки. Смотрят жители на эти расписки. Вспоминают английского генерала.

— Надул!

— Обманул!

— Ну и ну!

— Джентльмен английский!

И тут же:

— Ладно с ними, с расписками. Не жалко денег. Бежали захватчики — это главное.

Нелегко иностранным войскам в России. Трудно солдатам. Трудно матросам. Всё чаще у солдат возникают вопросы:

— Зачем мы тут?

— Против кого воюем?

Деревня Кадыши маленькая-маленькая. Затерялась она на севере в заонежских дальних лесных просторах. Сто разных карт переберёшь, перетрихнёшь, пока Кадыши найдёшь.

В декабре 1918 года стояли здесь друг против друга две роты 339-го американского полка и бойцы из советских рот.

Едва заметный, занесённый снегом овраг между ними.

Идут среди наших бойцов разговоры:

— Американцы на той стороне.

— Интересно поближе глянуть.

— Что ж там за люди?

— Люди как люди, — кто-то сказал в ответ.

И у американцев о наших речь:

— Русские там за оврагом.

— Посмотреть бы поближе.

— Из мира иного люди.

— Люди как люди, — кто-то сказал в ответ.

Любопытно американцам. Любопытно, конечно, и нашим. Высунулся было из-за укрытия один из красных бойцов. «Стрельнут, не стрельнут?» Сдержались американцы. Не раздался из-за оврага выстрел.

Высунулся кто-то и с той стороны. «Стрельнут, не стрельнут?» — гадают американцы. Не открыли огонь от наших. Не грянул раскат над полем.

За первым новые нашлись смельчаки. И с нашей, и с той стороны. Кто-то поднялся в полный рост. И там за оврагом, и тут у наших.

Вскоре поднялись целыми группами. Постояли. Посмотрели через овраг. Шагнули навстречу друг другу. Шагнули американцы. Шагнули наши. Вначале робко. Затем смелее.

Смотрят американцы на русских — люди как люди. Смелее пошли вперед.

Смотрят русские на американцев — люди как люди. Шире у наших шаг.

— Хеллоу! — ещё издали крикнули американцы.

— Здравствуйте! — ответили издали наши.

И вот уже рядом стоят солдаты. В декабре 1918 года у деревни Кадыши произошло братание американских солдат с нашими красноармейцами.

Забеспокоились американские офицеры. Постарались побыстрее увести из-под Кадышей свои роты.

Когда уводили американских солдат, кто-то сказал из красноармейцев:

— Верим — будет такое время, когда не врагами, когда друзьями сойдутся народы наши.

— Йес! Олсо белив! (Да! Тоже верим!) — отозвались американцы. — Олсо белив!

— Олсо белив! — подхватили наши.

— Олсо белив! — разнеслось над полем.

— Олсо белив! — полетело в небо.

КРАСНЫЕ ФЛАГИ

Было это на юге. На Чёрном море.

Ходил Никанор Дерюгин, красный боец, в разведку. Вышел к морю. Стоят корабли на рейде. Всмотрелся. Флаги красные на кораблях.

Бросился Дерюгин быстрее к своим:

— Наши на Чёрном море!

— Как наши?!

— Откуда наши?

— Корабли интервентов на Чёрном море!

— Наши, наши! — твердит Дерюгин. — Красные флаги! Красные флаги на кораблях!

Группой пошли в разведку.

Стоят корабли на рейде. Действительно, красные флаги на кораблях.

Старший над группой достал бинокль. Навёл на море, на корабли. Флаги красные. Корабли иностранные. Ясно видны названия.

Откуда же красные флаги появились на кораблях интервентов?

Недовольны иностранные матросы, недовольны солдаты. Не хотят они воевать против русских рабочих, против русских крестьян. Сами рабочие, сами крестьяне.

Вот и подняли красные флаги. Пусть все видят, за что матросы.

Мало того, спустились матросы на берег. Вместе с русскими рабочими в революционных прошли колоннах. Произошло это в городе Севастополе.

Не только в Севастополе, не только на Крайнем Севере, но в других местах всё чаще и чаще звучат призывы:

— Долой войну!

— Хватит войны!

Рвутся домой солдаты. Ясно иностранным генералам, ясно иностранным капиталистам — пора уходить из России.

Приняли они решение отвести из Советской России свои войска.

Радость на Севере. Радость на Юге. Загудели, задымили корабли интервентов.

Вдохнули свободно советские берега.

Увели иностранные капиталисты из России своих солдат. Но не оставили в покое Страну Советов. Новые зреют планы:

— Белым поможем! Белым! Руками белых генералов задушим Советскую власть.

Ушли из России войска иностранные. С новой силой пошли на Советскую власть войска генералов белых.

Новые шторма над Красной Россией. О новых штормах и наш рассказ.

Глава вторая

ГРОЗНОЕ ОРУЖИЕ

ШЕЛ АДМИРАЛ КОЛЧАК

Стояла весна 1919 года. С востока, из Сибири, с Урала, на молодую Советскую Республику шёл адмирал Колчак.

Покатилось страшным, пронзительным звоном:

— Белые!

— Колчак!

— Адмирал Колчак!

Запылали сёла и рабочие посёлки, как от боли, вскрикнули города.

Не верил дед Семибратов тревожным слухам. Собрался он как-то за хомутами в лавку купца Кукуева вёрст за тридцать, на Юрюзаньский завод. Сосед Семибратова Илья Кособоков напросился к нему в попутчики. Запрягли лошадей. В тулупы укутались.

— А ну поспешай, родимые...

Хороша их родная Акимовка! Выйдешь на горку — лежит, красавица. Трубы как свечи. Резные окна. Крылечки что под дугой бубенчики.

Тракт пересек деревню. Побежала стрелой дорога. Столбы телеграфные лентой тянутся.

Едут старик Семибратов и Кособоков. Скользят по весеннему снегу сани. Пересел Кособоков к деду. Скучно без слов, без дела. Наклонился к Семибратову, шепчет:

— Говорят, кругом жгут беляки деревни.

— Брехня, — отозвался старик Семибратов. Глянул на Ко-

собокова: щупл, мелкота мужичонка. Вот и голос что писк мышиный.

Снова шепчет Илья Кособоков:

— Людей на столбах телеграфных вешают.

Усмехнулся старик Семибратов:

— Так это ж кто-то со страха выдумал.

Помолчали они, посидели. Кособоков в зубах ковырнул соломинкой. Семибратов погладил бороду.

Вновь Кособоков к деду:

— Заводских-то прямо в воду под лёд спускают.

Отозвался старик с неохотой:

— Пуглив, пуглив нынче пошёл народ. Эка страсти какие скажет! Тебе бы, Илья, поменьше слушать.

Заночевали они в пути, в придорожной избе. С рассветом снова тронулись в путь.

Бодро бегут лошади. Солнце по-весеннему ласково с неба глянуло. Верста за верстой. Верста за верстой. Всё ближе лавка купца Кукуева. С горки на горку. Вот и Юрюзаньский завод.

Повстречали старуху. Как раз при въезде. Замахала руками старая:

— Вертайте, вертайте, милые!

Насторожился Илья Кособоков.

— С чего бы, любезная? — спросил Семибратов.

— О горе, горе... — запричитала старуха. — В наших местах Колчак. Заводских-то на заводском пруду прямо под лёд спускали. Камень на шею... Триста безвинных душ.

Онемел Семибратов. Побелел Кособоков. Перекрестились оба. Развернули быстрее сани. Бог с ними, с хомутами, с купцом Кукуевым. От беды подальше.

Добрались к вечеру до придорожной избы. Ждали ночлега, тепла, уюта. Нет придорожной избы. Головешки на этом месте.

Сокрушённо качнул головой Семибратов. Белее снега стоит Кособоков. Ясно обом — и тут прошагал Колчак. Тронулись дальше крестьяне. Гонят к своей Акимовке. Всю ночь поспешали лошади. К рассвету к месту родному как раз и прибыли.

Поднялись они на взгорок. Свят! Свят! Где же родная Акимовка? Печи торчат да трубы. Дотла сожжена Акимовка.

Через Акимовку тянется тракт. Столбы телеграфные к небу дыбятся. Посмотрели Семибратов и Кособоков туда, на тракт. Свят! Свят! На столбах люди висят казнённые...

Не сдержался старик Семибратов. Запричитал он, заплакал. По щекам побежали слёзы.

— Да как же?! За что же?!

Тянутся, тянутся вдаль столбы. Тянется смерть-дорога.

Стояла весна 1919 года. На Советскую Россию шёл адмирал Колчак.

Поражались в тот день в селе. Санька явился. Санька Кукуй. Служил Кукуй в армии Колчака. Забежал он в Зябловку на часок. Показаться отцу и матери.

Ботинками Санька хвастал. Полсела у избы собралось. Ботинки нерусские. Подошва в три пальца. Носок что бульдожья морда.

— Английские, — объяснял Санька.

— Ясно, не наши, — бросали крестьяне.

— Англицкие, — переговаривались бабы.

— Это ещё не всё, — говорил Санька.

Расстегнул солдатский ремень, приподнял рубаху, вытянул нательное бельё.

— Французское, — уточнил Кукуй.

— Ясно, не наше, — бросали крестьяне.

— Французское исподнее, — перешёптывались бабы.

Достал Санька коробку папирос. Важно закурил. Дым к небу пустил колечками.

— Японские.

— Ясно, не наши, — всё больше и больше мрачнели крестьяне.

Колчак — вот кто уничтожит Советскую власть, рассуждали иностранные капиталисты. Богатеи Англии, Франции, Японии и других стран стали помогать белому адмиралу.

Расхвастался Санька. От белья и папирос перешёл к винтовкам.

— Винтовок у нас завались!

И верно. Только одни англичане передали Колчаку 220 тысяч новых винтовок.

— Пуль у нас! — продолжал Санька. — Куры не клюют.

И это верно. Около 300 миллионов патронов предоставили капиталистические государства армии Колчака.

— А пушек, — распалялся Санька, — не сосчитать.

Правда, сколько пушек получил Колчак, Санька Кукуй не знал.

Одни только французские капиталисты передали Колчаку 400 самых совершенных орудий.

Про пулемёты, про гранаты рассказывал Санька. Потом перешёл на шёпот. Сообщил как великую тайну:

— Самолёты для армии нашей прибыли...

Не врал колчаковец Кукуй.

И самолёты, и бронемашины, и много другого вооружения поставили капиталистические государства армии Колчака.

Не зря про Колчака в Сибири такую частушку сложили:

Мундир английский,
Погон российский,
Табак японский,
Правитель омский.

Омский — это потому, что в сибирском городе Омске враги Советской власти провозгласили адмирала Колчака верховным правителем России. Здесь он возглавил белую армию.

Торопился Санька Кукуй в свою часть. Не смог задержаться надолго в родном селе.

Смотрят крестьяне вслед уходящему Саньке. Кто про Колчака, кто про Саньку думает:

«Продад Россию, продад».

Даже родитель Санькин и тот Саньке вдогон прокричал проклятье и тут же с досады на сына — сплюнул.

ШКОЛА

Дом этот лучший во всей округе. Светлый. Высокий. При входе колонны. Стоит на взгорке. Окнами к солнцу.

Что в этом доме?

Школа.

Бегают в школу дети. Среди многих — Манька, Сидорка, Хабибула.

Утро. Манька спешит за Сидоркой.

— Сидорка! Сидорка!

Выходит Сидорка.

Манька и Сидорка бегут за Хабибулой.

— Хабибула! Хабибула!

Выходит Хабибула.

Вместе торопятся дети в школу. Правится очень школа. Сутки сидели бы в этой чудесной школе.

Знают ребята, откуда дом. Советская власть отдала для школы. Знают ребята и кто раньше владел этим светлым домом.

Спросите Маньку.

— Помещик Воронов, — ответит Манька.

Спросите Сидорку.

— Генерал Воронов, — ответит Сидорка.

Спросите Хабибулу.

— Граф Воронов, — ответит Хабибула.

Все они правы. Верные все ответы. Воронов — владелец чудесного дома — был и помещиком, и графом, и генералом. Свергли теперь помещиков. Нет больше графов. Испарился куда-то Воронов.

В бывшем помещичьем доме школа.

Ходят ребята в школу.
И вдруг ворвались сюда колчаковцы. Все ждали беды. Не ошиблись. Пришла беда.
Явился бывший владелец дома. Правда, не сам генерал, не граф. Явились пока сыновья — молодые колчаковские офицеры.

Один офицер драгунский, то есть кавалерийский, второй офицер пехотный. Вместе с ними отряд солдат.

Запомнили дети тот страшный день. Устроили белые детям порку.

Хватали, тащили к лавкам.

Притащили Маньку. Привязали Сидорку. Лежит на лавке Хабибула.

Взлетают, как крылья, розги.

Прохаживается офицер драгунский.

— Хлеще, хлеще! — даёт команды.

Прохаживается офицер пехотный.

— Так им, так им! — кричит пехотный. — Вбивай соплякам науку!

Усвоили дети науку эту. За что — Советская власть, за что — адмирал Колчак. Как дважды два на всю жизнь запомнили.

ЛИЧНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Армия Колчака продвигалась вперёд. Белые взяли Уфу, Ижевск, Сарапул. Пали Бирск, Белебей, Бугульма, Бугуруслан. Враги окружили Уральск. Захватили на юге Актюбинск.

Колчак приближается к Волге. Под угрозой была Казань. Под угрозой была Самара.

Вернулся как-то отец Лёньки Берёзкина домой. Отец у Лёньки большевик. Рабочий. Глянул на жену, на сына:

— Прощайте, мои родные. Отправляюсь завтра против Колчака на Восточный фронт.

Достал из кармана газету. Положил на стол. Развернулась газета. Прочитал Лёнька — крупно в газете напечатано: «Все против Колчака!» И дальше про то, что разгром Колчака — это личная ответственность каждого.

Не маленький Лёнька. Слыхал про Колчака. Знает и то, что у них в Тамбове создаются полки для отправки на фронт. Смотрит на газету, опять читает: «Все против Колчака!»

«Вот здорово, — подумал Лёнька. — Все. Значит, и я».

Схватил он газету. Помчался к дружку своему, Кузьке Кускову.

— Кузька, Кузька! — манит дружка на улицу.

Вышел Кузька:

— Ну что?

— Личная ответственность!

— Что?!

Показывает Лёнька Кузьке газету. Читает Кузька: «Все против Колчака!»

— Ясно? — спрашивает Лёнька.

Нет, не ясно пока ничего Кузьме.

— Э-э! — вздохнул Лёнька.

Растолковал он другу, в чём дело:

— Все! Значит, и мы.

Просиял Кузька.

— Личная ответственность, — повторил Лёнька.

Оказалось, что и отец Кузьмы уезжал на колчаковский фронт.

— Вот видишь — все! — заявил Лёнька.

Стали собираться ребята в дорогу. Долго не мешкали. Тут же собрались. В тот же день, на целые сутки раньше отцов, и двинулись.

Залезли они в вагон.

— Куда вы?

— На колчаковский фронт.

Рассмеялись взрослые — шутят, видать, ребята.

Поехали они на восток. Едут, а на полустанках, разъездах, станциях обгоняют ребят другие поезда. Люди в поездах в военной форме.

Остановился один состав.

— Откуда?

— Из Ярославля.

Остановился второй.

— Откуда?

— Из Смоленска.

Остановился третий.

— Откуда?

— Калужские мы.

Идут, идут составы. Из разных мест России едут красные бойцы на Восточный фронт.

Едут бойцы, и тут же рядом другие идут составы. Винтовки, пулемёты, патроны в этих составах. Пушки, снаряды, гранаты.

Добрались ребята до самой Волги. Там, за Волгой, — Восточный фронт. Малость до фронта совсем осталось.

Да тут задержал вдруг мальчишек военный патруль.

— Кто такие?

— Лёнька.

— Кузька.

— Леонид и Кузьма, выходит.
 Доставили их патрульные к военному комиссару.
 Объясняют ребята, в чём дело. Лёнька сунул за пазуху руку. Тащит газету. Раскрыл, показал комиссару. Читает комиссар: «Все против Колчака!»
 Улыбнулся комиссар. Понял, в чём дело. Сказал:
 — Так точно — все. Все, непременно.
 — Личная ответственность! — выкрикнул Лёнька.
 — Верно, — сказал комиссар. Подумал. Посмотрел на ребят: — Только вам подлагается временный отпуск. Вызовем, если без вас не справимся.
 Едут домой ребята. Вспоминают составы с красными бойцами, вспоминают вагоны с военными грузами.
 — Обойдутся они без нас, — бросил задумчиво Лёнька.
 — Обойдутся. Это точно, — сказал не колеблясь Кузька.

ПРОФЕССОРСКОЕ ВЫРАЖЕНИЕ

Не пустили красные бойцы колчаковцев к Волге. Завязались тяжёлые, кровопролитные бои. Упорными были бои на реке Каме возле города Чистополя.

Действовала здесь 2-я армия.

Под страшным напором белых армия отходила. Чистополь оказался в руках у колчаковцев.

В эти дни в штаб армии прибыл молодой командир Александр Кириллов. Из интеллигентов, из недавних студентов. Знакомят Кириллова новые товарищи по штабу с боевой обстановкой, с боевыми картами. Рассказывают о соседях по фронту, называют имена своих командиров.

Командующий 2-й армией — Василий Иванович Шорин.

— Он бывший полковник царской армии, — доверительно сказали Кириллову. — Он орденом Святого Георгия награждён.

— И георгиевским оружием, — кто-то добавил.

— Знающий он командир.

Начальник штаба — Афанасьев.

— Фёдор Михайлович.

— Тоже человек храбрый и очень опытный.

Продолжают товарищи свой рассказ:

— А членом Реввоенсовета у нас профессор.

— Профессор по астрономии.

— Штернберг.

— Павел Карлович.

Подумал Кириллов: «полковник», «профессор» — неплохо у большевиков. Профессор — и вдруг на фронте.

В это время Штернберг и вошёл в штаб.

Глянул Кириллов — точно, профессор. Роста небольшого. Глаза умные. Профессорская борода.

Штернберг был чем-то возбуждён. Он нервно прошёл по комнате, остановился. Глянул на штабных командиров. Посмотрел на штабную карту.

— Пора им начесать. Пора, пора, — сказал Штернберг. — Пора начесать по физиономии.

Сказал и вышел.

Поразился Кириллов: профессор — и вдруг «начесать». Слово какое-то не профессорское. «Начесать по физиономии» — это уже и вовсе.

— Профессор? — переспросил у штабных офицеров.

— Так точно, по астрономии, — ответили Кириллову.

Начались у Кириллова фронтовые будни. Вслед за Чистополем белые взяли Елабугу. Этот город тоже стоит на Каме. Положение становилось всё более трудным. Враги упорно стремились к Волге.

Командующий армией Шорин и начальник штаба армии Афанасьев разработали дерзкий план. Шорин решил освободить Чистополь. Удар по этому плану белым наносился комбинированный. Комбинированный удар — это значит ударить по противнику сразу с нескольких направлений, привлечь различные войска. Подтянул Шорин под Чистополь красные полки. Полки красноармейские усилил полками чистопольских рабочих. Напротив Чистополя, на противоположном берегу Камы, установил артиллерию. В помощь пехотинцам и артиллеристам вызвал отряд моряков. Прибыли они по Каме на кораблях, со своей артиллерией, с группами для десанта.

Когда всё было готово, Шорин дал команду к атаке. Заработала красная артиллерия. Пошли в наступление армейские и рабочие полки. Ударил морские отряды.

Не ожидали белые комбинированного удара. Бежали из Чистополя. Сорвался стремительный выход к Волге.

Возбуждение царило в эти дни в шоринской армии. Возбуждение было и в самом штабе. Возбуждён и Александр Кириллов.

— Начесали! — кричит. — Начесали белым!

Кричит, вдруг видит, в помещение штаба входит Павел Карлович Штернберг.

Смутился Кириллов: повял — услышал Штернберг его крики.

— Начесали? — спросил Штернберг.

Покраснел Кириллов.

— Так точно, — тихо проговорил.

— По физиономии?

Ещё больше смутился Кириллов. Однако, смотрит, Штернберг улыбается. Улыбнулся и Кириллов:

— Так точно, по физиономии, товарищ член Революционного Военного Совета.

ТРИ УДАРА

Бугуруслан, Бугульма, Белебей. Все эти города лежат на восток от Волги. Между Самарой и Уфой.

В конце апреля 1919 года красные начали здесь наступление. Колчак отдал строжайший приказ удерживать заволжские города.

— Удержим, удержим, — клянутся Колчаку белые генералы.

Апрель — время в этих местах нелёгкое. Весна. Развезло, размыло кругом дороги. Поля разлились морями. Ручьи Амазонками стали. В оврагах вода океанских глубин.

— Удержим, — повторяют белые генералы. — В такую-то пору сам леший вперёд не двинется.

И всё же двинулись красные в наступление. Не удержались белые. Оставили Бугуруслан.

В гневе Колчак. Получают разнос генералы.

Оправдываются белые генералы. Кто знал, кто предвидел. Законы красным, видать, не писаны.

Успокаивают генералы Колчака:

— Уступили Бугуруслан. Так ведь есть ещё у нас Бугульма и Белебей.

Вызвал из далёкой Сибири Колчак подмогу. Корпус под командованием генерала Каппеля.

Клянутся белые генералы Колчаку, что удержат они Бугульму и Белебей.

— Удержим, удержим. Пусть только попробуют красные сунуться!

Снова ударили красные. Стремительный рейд предприняли. Пока двигалась из Сибири подмога, потеряли белые Бугульму.

Колчак в ещё большем гневе. Получают разнос генералы.

Оправдываются белые генералы. Кто знал, кто предвидел. Кто ожидал, что красные снегом на голову свалятся. Кто гадал, что Каппель в пути задержится.

Успокаивают Колчака белые генералы:

— Нет Бугуруслана и Бугульмы. Так ведь есть же у нас ещё Белебей. Вот где красные дух испустят.

Клянутся белые генералы, что удержат они Белебей.

— Удержим, удержим! Могилу найдут здесь красные.

Не боялись могилы красные. Начали наступление на Белебей.

Пять дней громыхали пушки. Пять дней сходились войска в штыковых атаках. Пять дней врезалась друг в друга конница. Подоспела подмога к белым. Явился Каппель. Досталось подмоге. Редуют ряды у Каппеля.

Шутят бойцы:

— Весна. Капель. Закапал Каппель.

Взяли красные Белебей.

Колчак в неистовстве. Колчак в истерике. Все три удара — как три пощёчины. Сильна, сильнее, ещё сильнее:

Бугуруслан!

Бугульма!

Белебей!

ХРАБРОСТЬ ИЛИ УМЕНИЕ

В сражениях против Колчака участвовала знаменитая 25-я дивизия, которой командовал Василий Иванович Чапаев.

Заспорили как-то чапаевцы: что в их командире Василии Ивановиче Чапаеве главное — храбрость или умение?

— Храбрость, храбрость! — кричат одни.

— Братцы, считай, умение.

Спорят бойцы. Не уступают друг другу.

Чапаевская дивизия громила белых в заволжских степях. Места здесь безлесные, ровные. Степь да степь на все четыре стороны. Видно на десять, пятнадцать вёрст. Не подойдёшь незамеченным.

Преградили белые путь Чапаеву. Стена на пути чапаевцев.

Не терпится отважным бойцам ударить по врагу.

— Рано, не время, — охлаждает смельчаков Чапаев.

Пожимают бойцы плечами.

— Геройство наше, что ли, пропало?

— Не верит в нас командир?!

— Чего только время напрасно тратим! Чего только ждём?!

— Дара небесного, — шутит Чапаев.

Дождались «небесного дара» — пал на землю туман. Построил Чапаев спешно полки, провёл их ночью в тумане к самым позициям белых. Расставил: одних — налево, других — направо. Конных — в засаду. Пулемёты на слабый фланг. Сам занял место в центре, против главных вражеских сил.

Расступился с рассветом туман. Глянули белые — Чапаев под самым носом. Сидит на коне, привстал в стременах, к пешим бойцам:

— За мной!

Ринулся командир вперёд. Грозной лавиной за ним чапаевцы.

Ударили навстречу красным бойцам пулемёты. В ста метрах всего враги, в метре — верная смерть. Рухнул конь под Чапашевым. Спрыгнул нацдив на землю. Поднялся он в полный рост. Первым бежит в атаку.

Ударила пуля в прославленную чапаевскую бурку. Скинул бурку Чапаев:

— Так оно легче! За мной! Вперёд!

Сбила пуля знаменитую чапаевскую папаху.

— В залог оставляю! — кричит Чапаев. И снова — вперёд!

Врезались красные в ряды белых. Заметались в панике белые. Побежали налево — встречают их пулемёты красных. Не зря их поставил сюда Чапаев. Рванулись направо — мчит из засады полк красных конников. И это учёл Чапаев.

Добивают врагов чапаевцы.

Кончился бой. Расположились бойцы на отдых. Снова начали спор.

— Говорили мы, что храбрость в Чапаеве главное, — уверяют один. — Видали, как шёл под пули?

— Нет, всё же на первом месте идёт умение, — стоят на своём другие. — Военным искусством Чапай владеет. Вон как всё при атаке учёл. Как время выбрал. Как всех по местам расставил. Умение, братцы, в нацдиве главное.

Спорят чапаевцы. Не получается общего мнения. Кто же тут прав? Кто же не прав?

Не завершили чапаевцы спор.

Новые ждали дела чапаевцев.

КОЛЮШКА

На сотни километров растянулся колчаковский фронт. Болота, дебри, густые леса на севере. На юге солнце даже в начале лета палит как печь.

Жажда мучит бойцов. Жажда терзает коней. Пересохла редкие в этих местах ручьи. Капля с небес не капнет.

И самое страшное: отступая, белые травят колодцы. Есть вода — стерегись воды. Смерть притаилась в колодезной глубине.

Трудно людям. Трудно лошадям. Трудно раненым в госпиталях.

— Санитар!

— Санитар!

— Колюшка!

Подходит Колюшка.

— Пить!

— Пи-ить!

Смотрит на людские страдания санитар. Жалко Колюшке раненых.

— Пить!

— Пи-ить!

Нет воды. Понимает Колюшка — сейчас вода для раненых нужнее любых лекарств.

Только нет воды. Ручьи пересохла. Роса не ложится. Капля с неба не капнет.

Исчез однажды куда-то Колюшка. Полдня пропал. Вернулся. Снова его дежурство.

— Санитар!

— Колюшка!

Подходит Колюшка.

— Пи-и-ить!

Достаёт из кармана Колюшка пузырёк. Вода в пузырьке. Отливает, словно лекарство, в ложку.

Потянул один из раненых, сделал глоток. Просияло лицо бойца, словно к жизни вторично вызван.

— Водичка! — веря, не веря, воскликнул.

Откуда ж вода у Колюшки?

Не таил санитар откуда. В тот же день с другими отправился за водой.

Пришёл Колюшка к пересохшему ручью.

— Здесь, — говорит, — вода.

Смотрят бойцы — где же вода?! Даже земля на месте ручья растрескалась.

— Здесь, — повторил Колюшка.

Наклонился к земле. Отковырнул ком затвердевшего ила. Под верхним, засохшим, — влажный слой.

Впился парень руками в чуть мокроватую вязкую массу. Вытащил ком наружу. Спрессовал, надавил, отжал. Набежала слезинкой капля.

За каплей капля — десяток капель. Изрыл он гору речного ила. Гора пузырёк воды родила.

Вновь на дежурстве Колюшка. Вновь раздаются призывные голоса:

— Санитар!

— Ко-олю-шка!

Достаёт пузырёк из кармана Колюшка. Лекарство волшебное прибыло.

ДАЛЕКО И БЛИЗКО

Против Колчака воевало несколько наших армий. Южной группой армий командовал опытный красный командир, бывший революционер-подпольщик, большевик Михаил Васильевич Фрунзе.

Разбирало красноармейца Ивана Дронова любопытство. Видел он как-то Фрунзе. Было это в городе Иваново-Вознесенске.

Выступал большевик Фрунзе перед рабочими. Так вот гадал теперь Дронов — тот ли это Фрунзе или однофамилец того имп теперь командует.

— Тот, тот, — уверяют Дронова. — Из Иваново-Вознесенска он.

И объясняют, как выглядит Фрунзе:

— Ростом чуть выше среднего. В плечах широк. Лицо круглое. Глаза ясные. Волосы ёжиком на голове.

— Вроде бы сходится, — говорит Дронов. — Но всё же глазами своими его бы увидеть.

Был у Ивана Дронова дружок Лука Макаёнок.

— Да где ж ты его увидишь, — заявил Макаёнок. — Чай, не сосед по окопу, по солдатскому котелку. Командующий! — И приводил солдатскую поговорку: — Командир далеко, генерал высоко. Дым кругом, ничего не видно.

Войска Фрунзе наступали на Уфу.

Здесь снова развернулись упорные бои с белыми. Держались белые за Уфу. Стоит Уфа на реке Белой. Берега у Белой высокие, обрывистые. Особенно тяжёлыми были бои за переправы. Уфа — на правом берегу Белой. Красные наступали с левого берега.

Переправились два красных полка через реку Белую. В это время налетели колчаковские самолёты. Стали бомбить переправу. Задержалось движение наших войск. Остались без подмоги два красных полка. На них и обрушились белые.

В числе переправившихся войск была рота, в которой служили Дронов и Макаёнок. Дрогнули было наши полки. Понятились к реке. В это время и вырос перед отступающими командир:

— Стойте! Куда? Вперёд!

Всмотрелся Дронов. Так это же Фрунзе!

— Фрунзе! Сам Фрунзе на этом берегу! — прошло по рядам.

Взмахнул Фрунзе солдатской винтовкой, устремился в атаку:

— За мной!

Восстановился порядок в красноармейских рядах. Сомкнули бойцы шеренги.

— Фрунзе! — толкает Дронов в плечо Макаёнка. — Фрунзе!

— Кажись, он, — отвечает Макаёнок.

— Не кажись. А он самый. Настоящий. Доподлинный. И роста повыше среднего. И глаза ясные. И волосы на голове ёжиком. Он! Наш командующий Фрунзе Михаил Васильевич. Уже после, когда красные освободили Уфу, у Дронова и Макаёнка снова был разговор о Фрунзе.

— Так как же — командир далеко, генерал высоко? — спрашивал Дронов. — Всё в дыму, ничего не видно?

— Видно, видно, — отзывается виновато Макаёнок. — Видно, что наших кровей командующий.

При штурме Уфы Михаила Васильевича Фрунзе в бою

контузило. Однако Фрунзе вскоре поправился. До самого конца гражданской войны Фрунзе сражался с белыми. Командовал армиями и фронтами.

УЖИН

В сентябре 1918 года была установлена высшая награда Советской Республики — первый советский орден — орден Красного Знамени.

Первым орденом Красного Знамени был награжден красный командир Василий Константинович Блюхер.

— Блюхер? Что за фамилия такая! — интересовались бойцы.

— Немец?

— Швед?

Не был Блюхер ни немцем, ни шведом. Русский он человек. Родился в Ярославской губернии. Происходил из крестьянской семьи. Настоящая фамилия его Медведев. Когда-то давным-давно помещик, у которого дед Блюхера был крепостным, дал Медведеву кличку Блюхер. Кличка оказалась звонкой, привязчивой. Закрепилась она за дедом и стала затем фамилией.

Узнали об этом бойцы отряда, которым командовал Блюхер.

— Значит, вовсе не Блюхер — Медведев у нас командир.

— То-то по белым удар пудовый!

Слава Блюхера началась осенью 1918 года. Красные до похода адмирала Колчака сражались с белыми на Урале и в Заволжье. Осенью 1918 года здесь развернулись особенно острые бои. В них и отличился Василий Константинович Блюхер.

Под Оренбургом белые отрезали группу наших войск. Блюхер был назначен старшим над этой группой.

Начался героический поход красных отрядов Блюхера по белым тылам.

Шли на соединение со своими. Трудно пришлось красным бойцам. Шли всё время с боями. Выходили из боя и снова в бой. Шли в непогоду. Ветры, дожди трепали. Шли порой без воды, без хлеба. Несли раненых на руках.

Пробивались два месяца. Прошли тысячу пятьсот километров.

Успешно закончили небывалый рейд. Вывел Блюхер отряды к своим.

Весной 1919 года во время боёв с Колчаком Блюхер был назначен членом Реввоенсовета Вятского укрепленного района.

(Впереди предстояли бои за Пермь.) Военный Совет Вятского укрепленного района был в Вятке. Сюда и прислали боевую награду Блюхеру.

Здесь, в Вятке, ему и вручали орден Красного Знамени за номером один.

Знают бойцы, что на этом ордене стоит номер первый.

— Первый — это тебе не сотый!

— Это даже тебе не пятый.

Первый есть первый!

Гордятся они своим командиром.

После вручения ордена боевые товарищи Блюхера решили организовать для своего командира товарищеский ужин.

— Ужин? — переспросил Блюхер.

— Так точно, товарищеский.

— Отлично, — сказал Блюхер. Затем призадумался: — Нет, отменяется ужин.

— Как?

— Почему?

Обиделись боевые товарищи: отказывается от дружеского ужина Блюхер.

— Нет, не отказываюсь, — говорит Блюхер. — Переносу ужин... — Блюхер сделал паузу, — в город Пермь.

Ужин состоялся 1 июля 1919 года. В этот день Красная Армия освободила Пермь.

ПУТИ-ДОРОГИ

Красная Армия теснила Колчака и на Южном Урале. Здесь действовала армия, которой командовал Михаил Николаевич Тухачевский.

Разгромить Колчака на Южном Урале, взять города Златоуст, Челябинск, открыть дорогу красным войскам в Сибирь — такова задача у Тухачевского.

Разгромить. Открыть дорогу. Непростая это была задача. На пути у красных Уральские горы. Две дороги, два пути ведут через Южный Урал в Сибирь. Железная дорога вьётся между горных уступов, ныряет в тоннели, бежит под навесом скал. И вторая дорога — знаменитый старинный Бирский тракт. Сходятся обе эти дороги недалеко от города Златоуста.

Здесь, на этих дорогах, и укрепились белые.

Нет других путей для наступающей Красной Армии.

Вызывают колчаковцы коренных уральцев, стариков, старожилов:

— Есть ли другие дороги?

— Нет, — отвечают старики и старожилы.

Перепроверяют слова колчаковцы. Верно, нет здесь других путей. Ясно им: Урал неприступен для красных войск. Горы не сдвинешь с места.

Укрепляют белые свои позиции вдоль железной дороги, вдоль Бирского тракта. Укрепились. Сидят, ждут красных. Неприступны пути-дороги. Сложить красным здесь свои головы.

И вдруг:

— Красные!

— Где, в каком месте красные?!

Далеко, в тылу у белых вдруг оказались красные.

Тухачевский решил обойти укрепления белых. Через Уральские горы, по горным тропам, уступам, над обрывами — по-суворовски провёл он своих бойцов. Провёл бойцов, пронёс оружие.

Обрушились красные на тылы колчаковцев. Смяли. Разбили белых.

Бежали. Отступали белые за реку, которая называлась Ай.

Шутили красные бойцы:

— «Ай!» — закричал Колчак.

Ворвались войска Тухачевского в Златоуст. Открылись для Красной Армии пути за Урал, в Сибирь.

Михаил Николаевич Тухачевский был одним из прославленных полководцев гражданской войны. В 1935 году в числе первых он получил высокое звание — Маршал Советского Союза.

УРАЛЬСКИЙ СУВЕНИР

На Урале много заводов. В Екатеринбурге, в Челябинске, в Златоусте, в Нижнем Тагиле. Ещё со времён царя Петра Первого здесь пошли заводы.

Отходят белые с Урала, теряют заводы. Жалко им заводов, станков. Всё, что можно, пытаются белые увезти.

Набивают колчаковцы добром вагоны. Тянут всё, что тянется. Грузят всё, что грузится.

Идёт отправка грузов и на Карабашском заводе. Руководит здесь работами штабс-капитан Метёлкин. Ходит как ворон. Смотрит как ястреб. На горбатом носу пенсне.

Старается штабс-капитан. Ходит с огромной книгой. Делает в книге записи. Строгий всему учёт.

Вот грузят станки. Забивают в огромные ящики.

Открывает Метёлкин книгу. Пишет: «Станки». Затем то же слово «Станки» на ящиках краской пишет.

— Живее, живее! — кричит рабочим.

Дальше двинулся штабс-капитан Метёлкин. Инструмент собирают рабочие. Грузят и это в ящики.

Открывает Метёлкин книгу. «Инструмент» — появляется запись в книге. То же слово на ящиках краской пишет.

— Живее, живее! — кричит рабочим.

Дальше спешит Метёлкин. Здесь упаковывают ценные приборы.

— Живее, живее! — торопит Метёлкин. Снова за кистью тянется.

Обошёл весь завод Метёлкин. Всё перечислил в книге. На каждом ящике собственноручно надписи сделал.

Загудел паровоз. Побежали вагоны. Покатило добро с Урала.

Развалился в купе Метёлкин. Ладонью провёл по щекам, по лбу.

— Эка же устал... Однако всё увожу до крошки.

Бегут вагоны. Стучат вагоны:

«В-с-ё у-в-о-ж-у д-о к-р-о-ш-к-и! В-с-ё у-в-о-ж-у д-о к-р-о-ш-к-и!»

Привёз Метёлкин грузы по назначению. Выгружают добро. За ящиком выносят ящик.

Поясняет штабс-капитан начальству:

— Всё станки.

Верно, на ящиках надпись: «Станки».

— Вот приборы.

Верно, «Приборы» стоит на ящиках.

Сдал штабс-капитан Метёлкин груз. Вдохнул наконец свободно.

А утром:

— Что привёз?!

— Инструмент, станки, приборы, — чеканит штабс-капитан Метёлкин.

— Балбес! — гремит начальство.

Метнулся Метёлкин к ящикам.

Обхитрили его рабочие. Не отдали богатство народное. Камнями набиты ящики. Не песок, не битый кирпич, не глина. Камни лежат уральские.

Камни уральские. Всё же не так обидно. Вроде бы сувенир.

ОТВЕТ ЛЕНИНУ

Отгремели бои за Челябинск. Снова Урал советский. Снова Урал свободен.

Владимир Ильич Ленин с большим вниманием следил за событиями на Восточном фронте.

Ещё в мае 1919 года, когда наступление Красной Армии только начиналось, Ленин прислал телефонограмму Реввоенсовету Восточного фронта. Владимир Ильич писал: «Если мы до зимы не завоюем Урал, то я считаю гибель революции неизбежной».

Глубоко в душу запали бойцам слова Владимира Ильича Ленина.

Торопились они. Рвались быстрее к Уралу.

В июне развернулись бои за Уфу. Самоотверженно бились бойцы, знали: возьмут Уфу — как бы стену пробьют на пути к Уралу.

Потом завязались бои за Пермь.

Знали бойцы: отвоюют Пермь — как бы мост возведут к Уралу.

Освобождали Уральск. Очищали от белых другие земли.

Нет для бойцов усталости. Вспоминали телефонограмму Владимира Ильича. Как приказ звучали для них ленинские слова.

И вот Красная Армия на Урале. Взят Златоуст, другие уральские города, уральские рудники, заводы. Освободила Красная Армия Екатеринбург. Взяли войска Челябинск, и тут же среди бойцов:

— Ленину, Ленину пиши!

— Владимиру Ильичу!

— Доноси! Не тани! Немедля!

Собрались бойцы, написали письмо Владимиру Ильичу.

«Дорогой товарищ и испытанный, верный наш вождь! — писали красноармейцы Восточного фронта. — Ты приказал взять Урал к зиме. Мы исполнили твой боевой приказ. Урал наш. Мы идём теперь в Сибирь... Больше Урал не перейдёт в руки врагов Советской Республики. Мы заявляем это во всеуслышание. Урал с крестьянскими хлебодородными местами и с заводами, на которых работают рабочие, должен быть рабоче-крестьянским».

Получил Владимир Ильич письмо. Читал, улыбался.

— Верно рассуждают бойцы. Верно, — говорил Владимир Ильич. — И Урал, и Сибирь, и вся Россия должны быть и непременно будут рабоче-крестьянскими.

МОГИЛЬНОЕ

Бескрайним простором легла Сибирь. Побежала к востоку, на юг, на север. Взметнулась горами. Легла низинами. Океаном лесов раскинулась. Всё здесь могуче. Могучи земли. Могучи реки. В глубинах богатства лежат несметные.

Здесь, на просторах Сибири, продолжались бои с Колчаком. Отступал Колчак. Отползал. Раненым зверем в бои бросался. Особенно жаркие схватки разгорелись при подходе красных к городу Тобольску.

Тобольск один из старейших сибирских городов. Памятны эти места истории. Здесь, под Тобольском, погиб в Иртыше Ермак. В Тобольске после долголетнего заключения в каторжных тюрьмах на вечном поселении находились многие декабристы.

Спротивлялись белые. Пытались задержать, не пустить красные полки к Иртышу, к Тоболу.

Колчаковский солдат Мавродий Нагорный имел привычку: вступает в село, проходит мимо, обязательно у жителей спросит, имя села какое.

Вот и сейчас. Отходят с боями они к Тобольску. Вошли в село. Нагорный к крестьянам:

— Как величать село?

Отвечают крестьяне:

— Приветное.

Улыбнулся солдат:

— Хорошо, хорошо название.

Снова село проходят.

— Как величать село?

— Привольное.

Качнул головой солдат:

— Э-эх, моей бы деревеньке такое название.

Ещё село. Снова вопрос Нагорного:

— Как величать село?

Отвечают крестьяне:

— Могильное.

— Свят, свят... — вырвалось у Нагорного. — Кто же жуткость такую выдумал? Скорее бы село пройти!

Только пришлось задержаться белым у села Могильного, а многим и навеки здесь остаться.

У Могильного разгорелся упорный бой. Восемь раз переходило село из рук в руки.

После боя кто-то из красных бойцов задумчиво произнёс:

— И вправду для белых село могильное.

— Не только одно село, — добавил другой боец. — Время пришло для врагов могильное.

«САФО» И «АДА»

Началось всё с того, что как-то вдруг на Восточный фронт, ещё в те дни, когда красные бились с белыми под Уфой, из Петрограда прибыл специальный вагон.

Открылись двери. Полон вагон папирос. Папиросы не простые — «Сафо» и «Ада». Ящик стоит на ящичке.

Перехватило у красноармейцев дух.

— Папиросы!

— «Сафо»!

— И «Ада»!

— Ящик стоит на ящичке!

Плохо было в те дни с табаком. Щепотка махорки — что россыпь золота. А тут сразу: «Сафо» и «Ада». Целый вагон. Ящик стоит на ящичке.

То-то радость была у красных.

Папиросы прислали петроградские рабочие. Как свой петроградский рабочий привет. Как коллективный бойцам подарок.

Делили папиросы по ротам, по взводам, по эскадронам. Долго поминали красноармейцы питерцев. Чем бы ответить на рабочую щедрость, не раз прикидывали.

Вышли красные на равнины Сибири. Места богаты. Поля плодородные. Многие районы хлебопашные, урожайные. К осени колос тройным поклоном к земле стигается.

Решили бойцы собрать деньги. Купить на деньги сибирский хлеб. Отправить хлеб в Петроград рабочим. Голодно было тогда в Петрограде. Цены нет такому подарку.

Приступили красноармейцы к делу. Пошли по взводам, по ротам, по эскадронам «шапки по кругу».

— Шапку по кругу!

— Шапку по кругу!

Узнали другие:

— Рабочим — хлеб?

Тоже вносят на подарок для петроградских рабочих деньги. Многие присоединились. Кто курил и кто не курил. Были даже такие, кто и вовсе не знал, что присылались когда-то «Сафо» и «Ада».

Загрузили бойцы состав сибирским хлебом.

Катят, катят, бегут в Петроград вагоны. В вагонах красноармейский хлеб — благодарность к людям спешит людская.

МИХАЭЛ ГОДОНИ

В числе красных войск, сражавшихся против Колчака, был и Карельский полк.

Земли Карелии — земли не южные. Суровый, озёрный край. На севере Карелия подходит к самому Полярному кругу.

И вдруг в Карельском полку появился боец Михаэл Годони. Итальянец.

Поражались бойцы:

— Из Италии!

У тёплого Средиземного моря лежит Италия.

Рассматривали красноармейцы карту.

— Смотри, как сапог Италия.

Действительно, своими очертаниями Италия напоминает сапог. Вот голенище, каблук, носок. С севера на юг протянулась Италия. С трёх сторон омывает море. На самом юге Италии, там, где у сапога носок, находится область Калабрия. Михаэл Годони родом как раз из Калабрии.

— Из Калабрии в полк Карельский! — посмеивались красноармейцы.

Как же оказался итальянец Годони в красноармейском полку?

Михаэл Годони был солдатом итальянской армии. Шла мировая война. Сражался Годони против австрийцев. Был схвачен австрийцами в плен. А вскоре случилось так, что сами австрийцы, пленившие Годони, а вместе с ними и итальянец Годони попали в плен к русским. Вскоре в России произошла революция. Годони был итальянским рабочим. Радовался он, что власть в России перешла в руки рабочих и крестьян.

— Наша революция, пролетарская, — говорил Годони.

Вступил он добровольцем в Красную Армию, чтобы защищать народную Советскую власть.

Любили в полку Годони. Характер у итальянца весёлый, лёгкий. И дружить с ним было приятно. И в бою Годони всегда в числе первых.

Вспоминал он свою Италию.

— Небо — синее-синее, — говорил Годони.

— Море — тёплое-тёплое.

— Солнце — весь год смеётся.

Приглашал он друзей в Италию.

— Калабрия, Лацио, Умбрия, Тоскана, Пьемонт, Ломбардия, — сыпал названия звучные. — Рим, Неаполь, Милан, Венеция, — называл города далёкие.

Не пришлось собираться друзьям в Италию. Погиб в боях у Тобола красноармеец Годони. Склонили бойцы знамёна.

— Прощай, Михаэл Годони!

Дали клятву добить Колчака. Помнить бойца и друга.

Не только один Михаэл Годони. Чехи были в советских частях, словаки, немцы, поляки, венгры. Бойцы из других зарубежных стран. Вместе за Советскую власть сражались. В общем строю стояли.

СЛАВА ПО ВСЕЙ СИБИРИ

Страшился Колчак Сибири. Больше всего партизан сибирских.

Всюду они — в сопках сибирских, в лесах, в горах, в сёлах и деревнях, рядом с фронтом, в глубоком тылу и даже в штабы проникают к белым.

Объединены партизаны в отряды, в полки. Есть целые партизанские армии. Нападают партизанские отряды на солдат Колчака, вступают в бои с войсками, взрывают мосты,

разрушают железнодорожное полотно, поезда под откос пускают.

Много партизанских отрядов в лесах Сибири. Много отважных, лихих командиров. Один из них — Нестор Александрович Каландаришвили.

Бывало, в Сибири впервые услышат фамилию партизанского командира:

— Не наших кровей мужчина.

— Не наших краёв фамилия.

И верно. Не сибиряк — южанин Нестор Каландаришвили. Родился в селе Квирикета в далёкой Грузии.

С детских лет возненавидел Каландаришвили царские порядки. Не раз хватали его жандармы. Судили. Гноили в тюрьмах. Когда произошла Великая Октябрьская революция, когда и здесь, в Сибири, люди разбились на красных, на белых, взял в руки винтовку Каландаришвили. Пошёл защищать Советскую власть.

И вот гремит уже слава по всей Сибири:

— Каландаришвили!

— Каландаришвили!

Наводит фамилия страх на белых. Установили они большую награду тому, кто живым или мёртвым доставит к ним партизанского командира.

Не получилось у них с наградой.

Подыскали убийцу белых. Наказ убийце: вступить в партизанский отряд. В одном из боёв выстрелить в спину Каландаришвили. Пробрался в отряд убийца. Встретился с партизанами. Не поднялась у него рука. Сам явился к Каландаришвили, чистосердечно во всём признался.

Не получилось с убийством у белых. Решили поймать партизанского вожак. Снарядили специальный отряд. Как-то партизанским разведчикам удалось подключиться к телефонной линии белых. Взял Каландаришвили трубку.

— Ну как, напали на след Каландаришвили? — слышит он чей-то голос.

— Напали, — отвечает Каландаришвили. — Напали. Мало того, тут он, у нас в руках. Ждите, сейчас выезжаем.

Ждут белые офицеры. И верно — явился к ним Каландаришвили. Вошёл в дом:

— Руки вверх! Сдавайтесь! Я — Каландаришвили.

Отважен, решителен Каландаришвили. Гремит о нём слава по всей Сибири:

— Наших кровей мужчина!

— Наших краёв фамилия!

Всё громче в войсках у белых:

— Не страшны нам морозы.

— Не страшны нам просторы.

Кто же страшен?

— Партизаны!

В крестьянской семье Сизовых родился сын. По обычаю отцовскому, дедову, решили его крестить. Церковь и священник далеко. Ехать без малого двадцать вёрст.

Дорога то лесом идёт, то полем, то влезет петлей на взгорок, то снова глухоманью, низиной тянется.

Зима. На саних двинулись в путь крестьяне. Едут и кум, и кума, и сватья, и сват, и сестра, и брат, и бабка, и дед, и тёща, и тесть, и ещё человек пятнадцать. Четверо саней — полно в них народу. Кто помоложе, рядом бегут на лыжах.

Растянулся торжественный поезд.

Прибыли в церковь. Окрестил новорождённого батюшка. Взял, опустил в купель. Вот и всё — младенец теперь под защитой бога считается.

Повернули домой крестьяне. Бегут лошадёнки. Едут и кум, и кума, и сватья, и сват, и сестра, и брат, и бабка, и дед, и тёща, и тесть, и ещё человек пятнадцать. Кто помоложе — бегут на лыжах.

В это же время той же дорогой отступала колонна белых.

Среди белых солдат Филимон Косой. Знают солдаты — кругом партизаны. Неуютно солдатам в лесных просторах. Косит глазами Косой направо, косит глазами налево. Кусты, сугробы пронзает взглядом.

Смотрел он, смотрел и высмотрел:

— Партизаны!

Смотрят белые. Из-за сосен и кедров выходят сани. Людей в саних много. А рядом ещё на лыжах.

Дорога лесная, узкая. Слева и справа снега, сугробы. Впереди партизаны, рассуждают белые, и сзади, видать, партизаны, рассуждают белые. Глаза велики у страха. Ясно белым — попали в засаду.

— Братцы, спасайся! Бросай оружие! — завопил Косой.

Белые словно только команды ждали. Побросали винтовки на снег. Подняли руки.

То-то поражались и кум, и кума, и сватья, и сват, и сестра, и брат, и бабка, и дед, и тёща, и тесть, и все остальные гости.

Подобрали они винтовки. Как дрова, уложили в сани.

А здесь подоспел и настоящий партизанский отряд.

Взяли в плен партизаны белых.

Вместе с другими в плену Косой.

— Вот так ошибся! Как обозначился?!

— Не ошибся, не ошибся, — ему в ответ. — Вся Сибирь стала одним партизанским краем.

«Эй, СТАРЫЙ! ЭЙ, ЛЕШИЙ!»

Затерялось в сибирских просторах село Рассказовка. А недалеко от Рассказовки второе село — Бобровка.

Действовал в этих местах партизанский отряд.

Напали как-то на Рассказовку колчаковцы. Хотели расправиться с партизанами. Никого не застали. Поднялили Рассказовку.

Из Рассказовки двинулись в Бобровку. Идут, идут. Не появляется что-то Бобровка. Прошло ещё какое-то время. По-прежнему нет Бобровки.

Ясно колчаковцам — сбились где-то они с пути, заблудились.

Повезло колчаковцам. Вышли колчаковские солдаты к лесной сторожке, к дому лесника Фёдора Степановича Гуляева.

— Эй, старый, далеко до Бобровки?

Посмотрел на солдат лесник. Ясно — белые.

— Так ведь дорогой какой идти. Болота кругом, трясины.

— Короткой дорогой, короткой! — кричат белые. — Соберайся, веди!

Собрался лесник. Палку свою неразлучную взял. Седьмой десяток идёт Гуляеву.

Идут они лесом, пробираются сквозь чащобы. Тут обойдут болото, там обогнут трясину. Гуськом, еле заметными тропками движутся.

— Скоро? — кричат колчаковцы.

— Скоро, — отвечает Гуляев.

Прошло какое-то время.

— Скоро?

— Совсем уже скоро. Вот тут ещё с горки, потом на горку. Потом влево, потом направо.

Шагают, идут колчаковцы. И вдруг:

— Эй, стойте! А где же старик?

Остановились. Нет старика. Не видно.

— Эй, старый!

— Эй, леший!

Не отзывается провожатый.

Оказывается, поступил Гуляев так же, как когда-то знаменитый Иван Сусанин. Завёл он врагов в болото, в дремучий лес.

Пришёл после этого старик в село Бобровку. Встретил здесь

партизан. Обо всём рассказал. Собрались партизаны. Окружили в лесу колчаковцев. Уничтожили весь отряд.

За свой подвиг Гуляев был награждён орденом Красного Знамени.

Вскоре после разгрома Колчака Фёдор Степанович Гуляев попал в Москву. Прибыл сюда ходоком от крестьян Сибири. О Гуляеве — сибирском Сусанине — знал Владимир Ильич Ленин. Принял Гуляева Ленин.

Долго они беседовали. О сибирских людях, делах, лесах. Заговорили и о Колчаке.

— Приказал долго жить Колчак, — сказал Гуляев.

— Приказал, приказал, — улыбался Ленин. — Значит, наша взяла. Значит, сила наша.

Прощаясь, Владимир Ильич подарил Гуляеву боевую шашку в серебряных ножнах.

Вернулся старик в Сибирь, в родную Бобровку. Послушать Гуляева собирались люди за много вёрст. Рассказывал Гуляев про встречу с Владимиром Ильичём. Боевую шашку из ножен вытаскивал.

Не расставался Гуляев с шашкой. Всюду носил с собой.

— Ношу при себе, — говорил старик. — Вдруг как новый Колчак объявится!

ГЕНЕРАЛЬСКАЯ ШУБА

Разбили красные белых у Тобола, у Ишима. Взяли города Тобольск, Ишим. Пошли к городу Омску.

Не было у колчаковских генералов больших побед. А вот генерал Римский-Корсаков отличился. Выиграл он сражение.

Дело было так. К Омску красные подошли стремительно. Не ожидали так скоро их колчаковцы, хотя и не верили, что удержат Омск. Стали отводить из Омска свои части. Увозить военное снаряжение.

Так было и в тот день. Генерал Римский-Корсаков ехал в санках в присутствии. Был он генералом по хозяйственной части. Быстро бежит рысак. Шуба богатая на генерале. Папаху на голове.

— Эй, сторонись, эй, берегись, его высокоблагородие едет!

Мчит генерал. Видит: стоит группа военных. Ясно — солдаты. Поравнялись санки с солдатской группой. Не заметили солдаты генерала. Не вытянулись в струнку. Не отдали честь.

— Разболтался! — вскипел генерал.

Остановил он санки.

— Ах вы такие, сякие, этакие! — гневается генерал на солдат.

Распекает генерал Римский-Корсаков солдат, а те улыбаются.

«Что такое?! Бунт?!» — хотел крикнуть генерал. Присмотрелся — да это же красные.

Да, это были красные. Брянский полк. Преодолели брянцы за сутки сто километров. И вот уже в Омске.

Вытряхнули бойцы генерала из санок. Вытряхнули из шубы. Сняли с головы генеральскую папаху. Папаху и шубу отправили в дар караульным. Самого генерала — в штаб.

Не так обидно генералу Римскому-Корсакову, что в плен его взяли, как жаль, что лишился папахи своей и шубы. В штабе у красных первым делом твердит:

— Шуба! Папаху! Отняли! Без права!..

Был напористым генерал. Не зря по хозяйственной части. Такого наделал шума.

Смешно красным командирам смотреть на белого генерала. Белые Омск оставили. Не сегодня-завтра вообще конец белым. А этот твердит о шубе. Однако сказали красные командиры:

— Верните шубу.

— И папаху, — не отступает генерал.

— И папаху, — распорядились в штабе.

Стали искать генеральскую шубу. Выяснилось, ушли уже дальше брянцы из Омска.

— Не по-советски со мной поступили, — твердит генерал. — Не по-советски.

Вот же шельмец!

Посмеялись красные командиры. Однако распорядились оплатить ему и папаху и шубу.

Победил генерал. Выиграл он сражение.

ПРОДЕЗИНФИЦИРОВАЛ

Строг командарм Тухачевский. Порядок любит. Знает: рядом с порядком идут победы.

Столицу Колчака — город Омск освободили дивизии, входившие в армию Тухачевского. Много здесь разных трофеев красным войскам досталось. Богатые склады. Сотни вагонов со снаряжением, с боеприпасами. Тысячи пленных. Тысячи раненых.

В отступающей армии Колчака ещё с Урала начал свирепствовать тиф. Болезнь эта тяжёлая, изнуряющая, заразная. Тиф стал грозить и армии Тухачевского.

Энергичен Тухачевский, сразу принял срочные меры. Забрали на полную мощность бани. Были созданы специальные отряды по стирке белья. Появились дезинфекционные каме-

ры. Дивились красноармейцы чудному слову: дезинфекция!

— Поголовная, — требовал командарм.

Заулыбались те, кто знал Тухачевского:

— Продезинфицирует нас Тухачевский, продезинфицирует. И верно.

Явился как-то Тухачевский в какую-то нестроевую команду. Обратился к начальнику:

— Бойцы помыты?

Оказалось, давно не мыты.

— Бельё свежее?

Оказалось, десятой свежести.

— Одежда продезинфицирована?

Оказалось, что пока ещё тоже нет.

Вызвал Тухачевский к себе начальника. Двери были закрыты. О чём он с ним говорил, как говорил — никто не услышал. Только вышел от командарма начальник краснее рака.

Кто-то бросил:

— Продезинфицировал!

С этого и пошло.

Провёл Тухачевский проверку складов. Выяснил: то не учтено, то не записано, что-то и вовсе пропало со складов. Вызвал Тухачевский складских работников. Двери были закрыты. О чём говорил, как говорил — неизвестно. Только вышли те, как помидоры, красные. Смеются другие:

— Продезинфицировал их Тухачевский!

Быстро взяли красные дивизии Омск. Проявили командиры и бойцы воинский пыл и дерзость. Однако нашлись и такие, кто зазнался теперь от победы. Грудь с излишним проворством выпятили.

Вызвал Тухачевский к себе командиров. Двери были закрыты. О чём говорил с командирами, как говорил — неизвестно. Однако вышли от Тухачевского командиры, как кумач первомайский, красные.

Расходятся командиры.

— Ну как?

Насупились командиры. Молчат. Ясно и так по лицам. Продезинфицировал Тухачевский.

Строг Тухачевский. Порядок любит. Знает: рядом с порядком идут победы.

ЭСМИНЕЦ

Попал матрос в кавалерию. Неуютно ему без моря. Назвал скакуна «Эсминец».

Вот что из этого получилось. Сражались наши в те дни как раз с Колчаком на Каме. Пробрался от белых к красным

однажды лазутчик. Потёрся среди бойцов. Вдруг слышит, кто-то сказал: «Эсминец».

Вернулся к своим солдат. Доложил: мол, к красным на Каме пришёл эсминец.

— Как эсминец? Откуда эсминец? На Каме эсминец!

Клянётся, божится лазутчик:

— Своими ушами слышал.

Для пущего веса даже приврал, что видел.

Доложили белые по команде от младшего к старшему, что на Каме появился у красных эсминец.

— Эсминец?! — поражался каждый из старших.

— Эсминец, так точно, — докладывал каждый из младших.

Пошло среди белых гулять про эсминца. Даже до Колчака дошло.

— Эсминец? — спросил Колчак.

— Эсминец!

Усомнился Колчак в эсминце. Не зря моряк. Не зря адмирал. Эсминец — большой военный корабль. Предназначен для океана, для моря. Как же эсминец и вдруг на Каме?!

— Перепроверить! — грозно сказал Колчак.

Однако оттеснили наши белых уже от Камы. Так и осталось для всех неясным, был ли на Каме тогда эсминец.

И вдруг. Было это уже на Иртыше, на Ишиме. Снова к красным пробрался лазутчик белых. Покрутился, потёрся среди бойцов. Слышит, кто-то сказал: «Эсминец».

Помчался к своим лазутчик:

— Эсминец у красных! Эсминец у красных!

— Как эсминец?! Здесь на Иртыше?! Здесь на Ишиме?!

— Эсминец! Эсминец! — твердит лазутчик.

Вновь полетела весть об эсминце от солдата к солдату, от роты к роте. Вновь к самому Колчаку добралась.

— Эсминец?

Задумался Колчак. Неужели северными морями прибыл сюда эсминец?

— Перепроверить! Доложить! — приказал Колчак.

Не успели, однако, белые перепроверить. Отступил поспешно Колчак с Иртыша, с Ишима.

И в третий раз про эсминца Колчак услышал. Попытались удержаться белые на Оби. И вдруг:

— Эсминец! Эсминец!

— Здесь на Оби эсминец?!

— Эсминец! Эсминец! — твердят солдаты.

Вот какая история с лошадиным именем получилась.

Сокрушался потом матрос:

— Эх, если б знал... Эх, если б знал, назвал бы коня «Дредноут».

Всё хуже дела в колчаковской армии. Всё ниже и ниже солдатский дух.

Решили офицеры поднять у солдат настроение. В это время при колчаковской армии находился английский генерал Альфред Нокс. Вот и решили офицеры пригласить английского генерала к солдатам. Пусть выступит перед ними заморский гость. Пусть слова одобрения скажет.

Объясняют офицеры солдатам про этикет, то есть про то, что нужно вести себя при встрече с гостем культурно и вежливо. Говорят солдатам: мол, любят в Англии этикет. Напоминают, чтобы солдаты громко кричали «ура!» генералу.

Выступил генерал Нокс перед солдатами. Говорит по-английски. Переводят солдатам его слова.

— Вы слава России!.. Вы гордость России!.. Не забудем! Поможем! — летит слова.

Распался генерал Нокс. Гудит, как набатный колокол. За пятерых старается.

Стоят солдаты, слушают. Не повышается что-то солдатский дух.

Вновь генерал слова, как шары, бросает:

— Весь мир на вас смотрит. Орлы! Герои!

Стоят солдаты, слушают. Не повышается что-то солдатский дух.

Закончил Нокс своё выступление.

— Ура! — закричали офицеры. Повернулись к солдатам: мол, помните про этикет.

— Ура! — прокричали солдаты.

Вновь взмахнули рукой офицеры.

— Ур-ак! — прокричали опять солдаты.

— Ур-ак!

Что такое? Прислушались офицеры повнимательней.

— Дур-ак! — голосят солдаты.

Прислушался и сам генерал Нокс. Повернулся к колчаковским офицерам:

— Что такое?

Покраснели белые офицеры:

— Приветствие, ваше превосходительство. По русскому обычаю. Знаменитое русское «ура!».

Хоть и англичанин генерал Нокс, хоть и русский язык для него нелёгок, однако всё же слово «ура» со словом «дурак» различить сумел. Не спутал.

Различил. Не спутал.

Однако не подал вида. Промолчал. Не взорвался. Выдержал этикет.

Красная Армия стремительно шла вперёд. К концу 1919 года были освобождены Новониколаевск, Томск, на Алтае Бийск.

Сотни и сотни километров сибирской земли остались у красных позади.

Красные полки подходили к Енисею, к городу Красноярску. Под Красноярском и произошла последняя крупная битва. Красные бойцы и сибирские партизаны нанесли здесь сокрушительный удар Колчаку.

Одних только белых солдат было взято в плен около 60 тысяч.

— 60 тысяч! — поражались бойцы.

— Это не рота тебе, не взвод.

— Это тебе ого-го, если в ряд эти тысячи станут.

200 орудий пленили красные.

И снова бойцы поражались:

— Это не два, не три.

— Это если все двести стрельнут!

Среди пленённых белых солдат был и Кирьян Кудимов. Добровольно он сдался в плен.

Из местных сибирских крестьян Кудимов. Немолод уже. В годах. Заговорили с ним наши бойцы.

— Что же ты, борода, на своих же пошёл?

— Так ведь Колчак, — говорил Кудимов. — Так ведь приказ. Короче, запуган белыми был Кудимов.

Снова с вопросом к нему бойцы:

— За что ж ты сражался, скажи нам, Кирьян Кудимов.

Задумался Кудимов. Почесал пятернёй за ухом.

— За Расею!

Рассмеялись бойцы. Ясно: не только не очень храбр, к тому же не очень разобрался во всём Кудимов.

Снова к нему с вопросом:

— Почему же ты сдался в плен?

Снова солдат задумался. Думал, думал, сказал, что думал:

— Так ведь в плену надёжнее.

Ясно без слов — не боец Кудимов. Ветром задуло его к Колчаку. Ветром теперь и выдуло.

Немало таких, как Кудимов, оказалось в войсках Колчака.

Всё хуже, хуже дела Колчака. Развязка кометой близится.

СКУРИЛСЯ, СНОСИЛСЯ

Перед сном адмирал Колчак любил раскладывать пасьянс. Возьмёт две карточные колоды, потрёт руки, отодвинет всё со стола, уставится в двойки, пятёрки, в тузов, королей и дам.

Переживал Колчак, если карты вдруг не сходились. Мрачнел, начинал сердиться. Хотя и считался человеком не нервным, выдержанным.

Верил он в карты, не верил — трудно сейчас сказать. Карты есть карты. Сбывалось порой у него по картам. Однако чаще бывало мимо.

Когда разгорелись бои под Уфой, к удаче ложились карты. А кончалось чем? Был бит под Уфой Колчак. Подшутили, выходит, карты. Пришлось бежать Колчаку к Уралу.

Когда сражались войска за Челябинск, снова карты успех сулили. А кончилось чем? Бит под Челябинском был Колчак. Покатился в Сибирь с Урала.

Когда сражался Колчак за Омск, за город Омск, как за спасательный круг во время бури морской хватался, снова надежду внушали карты. А кончилось чем? Красные ветром ворвались в Омск. Как лист осенний, покотился «верховный» дальше.

Разбиты войска Колчака. Всё в прошлом. Всё в прошлом.

Бросил «верховный» остатки армии. Едет в штабном вагоне. В дальнем углу — икона.

Вот и сейчас он сидит за картами. Уставился в двойки, пятёрки, десятки, в тузов, королей и дам.

Ожидает, что карты скажут...

Мучает мысль Колчака: что недодумал, в чём просчитался?

— Мало казнил народу.

Ударяет Колчак, а следом летит частушка, та самая, про правителя омского, мундир английский, про табак японский. Мотив всё тот же. Слова другие:

Мундир сноился,
Погон свалился,
Табак скурился,
Правитель смылся.

Не уехал Колчак далеко. Задержали его в пути. Привезли в Иркутск. Приговорили к расстрелу. Вывезли в поле. Прозвучала команда. Поднялись винтовки. Грянули выстрелы. Кончил жизнь и разбой адмирал Колчак.

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

Вместе с адмиралом Колчаком на восток двигалось два эшелона. Эшелоны большие, гружёные.

На каждой остановке Колчак интересовался:

— Как эшелоны?

— В полной сохранности, ваше высокопревосходительство. Эшелоны находились под надёжной охраной. Двери у ва-

гонов были запломбированы. Даже паровозные команды не знали, что везут они в эшелонах. Даже солдаты, охранявшие эшелоны, не знали, что находится в вагонах.

Не давали эшелоны Колчаку покоя:

— Как эшелоны?

— Где эшелоны?

Перепроверял Колчак. На каждой остановке в окно выглядывал. Верно, не отстают от Колчака эшелоны.

Много километров прошли эшелоны. Омск, Красноярск. Станция Зима. Станция Тайга. Прибыли эшелоны и на станцию Нижнеудинск. Здесь и закончился путь вагонов.

Именно на станции Нижнеудинск схватили адмирала Колчака революционные отряды. Вместе с Колчаком были задержаны и загадочные эшелоны.

Вскрыли первый вагон. В глазах от богатств рябит. В вагонах находилось золото.

Вскрыли второй вагон. И в этом вагоне золото. И в третьем, и в пятом, в десятом. И во втором эшелоне тоже.

В вагонах находился золотой запас. Золотое богатство Советской Республики.

Более года тому назад, когда враги наступали, золотой запас рабоче-крестьянского государства был захвачен белыми генералами. Теперь Колчак пытался увезти его за границу. Не увёз. Не получилось. Схвачен Колчак. Задержаны эшелоны.

О том, что золотой запас возвращён Советскому государству, тут же сообщили в Москву товарищу Ленину.

В сообщении говорилось: в надёжных руках запас, в наших, в рабочих руках, в крестьянских.

Известие важности чрезвычайной. Доволен товарищ Ленин телеграммами с востока: и Колчак разбит, и золотой запас возвращён народу.

— Золотой, золотой, — проговорил Владимир Ильич. О чём-то задумался.

— Так точно — золотой, — не удержался кто-то из помощников, находившихся в кабинете Владимира Ильича.

— Золотой, — повторил Ленин. Повернулся к помощникам: — Революционные рабочие, революционные крестьяне, бесстрашные бойцы Красной Армии — вот он наш золотой запас. Золотой, бесценный запас Советской Республики.

«ЗДРАВСТВУЙТЕ» и «ПРОЩАЙТЕ»

ЗНАКОМЫЙ

Весной 1919 года, в те дни, когда с востока на Советскую Россию шёл адмирал Колчак, с запада против рабоче-крестьянской власти бросил свои войска генерал Юденич.

На запад от Петрограда находились два боевых участка: Нарвский и Псковский. Нарвский — севернее, Псковский — южнее.

Между Нарвой и Псковом — два больших озера: Псковское и Чудское. На берегу Чудского озера — город Гдов.

В этих местах и закипели бои с Юденичем. Отсюда и повёл генерал Юденич белую армию на Петроград.

Первый удар белые нанесли на Нарвском участке. Мало здесь было наших войск. Небольшие части стояли заставами.

Одна из таких застав расположилась в деревне Гавриловской. Квартировали бойцы по сельским избам.

Служил на заставе красноармеец Антиох Попонов. Доволен такой жизнью Попонов:

— Тихо у нас. Далеко Колчак. Весна. Благодать. Словно зеркало речка Плюса.

Вот и в тот день.

Бежит Попонов на речку Плюсу. Встретил бойца у Плюсы. Поразился. Боец — незнакомый. Потом подумал: с соседней, видать, заставы.

Спрашивает:

— Из Нивы? (В селе Нива стояла соседняя застава.)

— Так точно, — боец ответил.

Даже имя своё назвал, даже назвал фамилию — Гаврил Уваров.

Разговорились они с Уваровым.

— Тихо у нас, — начинает Попонов. — Весна. Благодать. Словно зеркало речка Плюса.

Посмотрели оба на речку Плюсу.

— Благодать, — произнёс Уваров.

Расстались они с бойцом. А ночью, было это в ночь с 12 на 13 мая 1919 года, снова встретились.

В мае тут ночи короткие-короткие. Почти не бывает ночи. Так и в эту майскую весеннюю ночь. Последней оказалась она для Попопова.

Стоял Антиох Попонов в карауле. Смотрит, по мосту через Плюсу переходит отряд бойцов.

— Чего это вдруг ночью? — рассуждает Попонов. — Может, не наши?

Хотел было дать тревогу. Нет, смотрит, наши. Одежда красноармейская.

Вновь на какой-то момент заколебался:

— А может, всё же не наши?!

Тут и увидел Гавриила Уварова.

— Наши, наши! — доволен Попонов. — Мой знакомец из Нивы... Гавря! — кричит. — Гавря! Уваров!

И вдруг развернулся Уваров, поднял винтовку и всадил пулю в Попопова. Не знал Попонов, что Уваров был белогвардейским разведчиком, что привёл он с собой переодетых в красноармейскую одежду белых солдат.

Поднялись красные бойцы по боевой тревоге. Вступили с белыми в бой. Однако сила не у красных была — у белых.

Пришлось отступить из Гавриловской красноармейцам. И из Нивы они отступили. Прорвали белые оборону на речке Плюсе, прорвали в других местах.

Пошёл на восток Юденич.

ПАРАША И ПАВЛА

Южный берег Финского залива. В Финском заливе есть свой залив — Нарвский. 14 мая 1919 года в Нарвский залив вошли корабли белых.

Крутились девчонки Параша и Павла на берегу залива. Вдруг — корабли.

— Корабли! — кричит Павла.

— Корабли! — кричит Параша и от радости бьёт в ладоши.

Прыгают девчонки:

— Корабли!

— Корабли!

Подходили как-то уже корабли. Повезло тогда Парашке и Павле. Покатали на лодке по заливу их красивые моряки. До кораблей и обратно.

— Корабли! Корабли! — радуются девчонки. — Может, будет опять катание.

Смотрят подружки — спускают с кораблей лодки.

— Лодки! Лодки! — кричат девчонки. Ясно подружкам — готовься к катанию.

Приближаются к берегу лодки. Много почему-то лодок. В каждой сидят военные.

Тихо кругом. И вдруг загремели на кораблях орудия. Полетели снаряды. Ударили в берег. Разбили снаряды красноармейский пост Сан-Галли.

Бегут Параша и Павла. От разрывов спасаются.
Задыхается от быстрого бега Параша. Она меньше Павлы.
— Быстрей, быстрей! — подгоняет подружку Павла.
— Ой, не могу, ой, не могу! Ой, страшно!..
— Быстрей, быстрей! Нам лишь бы в дом — там крыша.
Примчались подружки в родную деревню. Бросились к Павле в дом.

И вдруг ударили орудия по их деревеньке. Один из снарядов попал в Павлин дом.

Качнулись стены. Рухнула крыша.

Спасла девчонок от смерти удачно осевшая балка. Разобрали люди брёвна. Смотрят, под балкой Параша сидит и Павла.

Случайно, конечно, они уцелели.

— Долго жить вам, — сказали люди.

Ко многим в их деревеньке ворвалось горе. Не пощадили других снаряды.

Здесь, в Нарвском заливе, белогвардейцы высадили десант. И в других местах сошли на берег войска Юденича. И в других местах вели корабли огонь.

Не одной деревни беда коснулась. Много было в тот день смертей.

ПАРОВОЗ

Войска Юденича ворвались в Ямбург. Ямбург стоит на реке Луге. Этот город теперь называется Кингисепп.

Ворвались белые в Ямбург, ворвались на железнодорожную станцию. Недалеко от станции стоял красный бронепоезд. Прикрывал отход наших бойцов. Увидели белые — бронепоезд. Вот удача:

— Возьмём бронепоезд!

Но как его взять? Это броня. Это металл. Пушки, пулемёты на бронепоезде. За бронёй укрылись стрелки.

Просто так не возьмёшь бронепоезд. И родился у белых план.

Бьются красные бойцы, отходят от Ямбура. Прикрывает отход бронепоезд. Бьют с бронепоезда по врагам орудия.

Комиссар на бронепоезде — петроградец, путиловский рабочий Иван Иванович Газа.

Смелый он человек, решительный. Знают об этом все на бронепоезде. Голос у Газы твёрдый. Любит комиссара команда бронепоезда. Любит и слушается.

Ведёт по белым огонь бронепоезд. И вдруг... Что такое?! Навстречу бронепоезду по тому же пути мчит паровоз.

Ещё минута — и врежется он в бронепоезд, и грянет взрыв. Направить паровоз на бронепоезд красных — вот что при-

думали белые. Нагнали пара в паровозных котлах. Разогнали машину. Спрыгнули. Мчит паровоз, как таран.

Кто-то крикнул:

— Братва, спасайся!

— Спа-са-ай-ся!

Видит Газа, что многие с бронепоезда прыгают.

— Назад! — кричит Газа. — Назад! — И к артиллеристам: — Братцы, по паровозу прямой наводкой!

Слышали артиллеристы уверенный голос Газы. Припали они к орудиям.

Ударил первая пушка. Мимо.

— Точнее, точнее. Бери чуть ниже, — подсказывает комиссар.

Снова раздался выстрел.

Точнее раздался взрыв. Снёс он трубу с паровоза.

Всё ближе, всё ближе машина.

— Не торопитесь, не торопитесь. Сейчас получится, — успокаивает артиллеристов Газа.

Снова ахнул, как молот, выстрел. Белым облаком окутался паровоз. Снаряд попал в паровой котёл. Лишилась силы машина. Замедлил ход паровоз. Как конь заарканенный, остановился.

Звонокое, многоголосое «ура!» словно мехами качнуло воздух.

Вытерли артиллеристы взмокшие лбы. Заулыбались смущённо те, кто кричал: «Спасайся!»

Смотрят бойцы на комиссара. Достал спички, кисет комиссар. Свернул сигарку. Затянулся. Дымок с наслаждением выпустил. Улыбнулся друзьям комиссар — петроградский рабочий товарищ Газа.

ГЕНЕРАЛ

— Казнят генерала!

— Казнят генерала!

Весть, поражая, неслась по Ямбуру.

— Генералы — и вдруг генерала?! — Как?!

— За что же его казнят?

Всё дальше, дальше летит по Ямбуру:

— Казнят генерала!

— Казнят генерала!

— Да где же его казнят?

— Там, на Базарной площади, где штаб у белых, где дом с балконом.

Собрался народ на Базарной площади. Многих силой прийти заставили. Даже из ближних сёл, деревень пригнали.

Видят люди, на площади приготовлена виселица. Верёвка свисает. Под виселицей — табурет.

Привели генерала. Пожилой, лет шестьдесят. С бородой.

Стоит генерал на площади. С балкона штабного дома прочитали ему приговор. Ударили барабаны. Над головой генерала сломали шпагу. Был у военных такой обычай. Снова ударили барабаны.

Повели генерала к виселице. Хотели помочь подняться на табурет.

— Я сам,— сказал генерал.

Расстегнул воротник тужурки. Схватили петлю палачи.

— Я сам,— произнёс генерал.

Взял петлю, надел себе на шею.

Выпрямился генерал, посмотрел на судивших его генералов, на палачей, сказал:

— Вы отнимаете у меня жизнь, но вы не отнимете у меня веру в грядущее счастье людей. Верю — оно наступит.

Вот так слова!

Вот он каков — генерал!

Выбили палачи из-под генерала табурет. Самое страшное совершилось.

Фамилия казнённого была Николаев. Александр Панфимович Николаев.

Да, он был генералом. Только служил не у белых.

Не все бывшие царские генералы и офицеры стали врагами Советской власти. Были среди них и те, кто видел, как измучен угнетателями народ, кто понимал, что только Советская власть несёт настоящую свободу трудовым людям. В числе таких генералов был генерал Бонч-Бруевич, был генерал Брусилов, был генерал Самойло, тот, что громил интервентов под Шенкурском и в других местах на Советском Севере, был генерал Николаев. Он сразу же признал Советскую власть и стал честно служить командиром Красной Армии.

В боях против Юденича генерал Николаев командовал стрелковой бригадой. Эта бригада одной из первых приняла бой с белыми. Смело держалась бригада. Но силы оказались неравными. Генерал Николаев был захвачен в плен.

Склоняли белые генералы Николаева изменить красным. Обещали чины, награды.

Отказался от наград и чинов генерал Николаев. Не изменил Красной Армии, своей клятве и трудовому народу.

Вспоминали бойцы Николаева. «Наш генерал» — называли.

Когда разбили Юденича и Ямбург снова стал красным, тело генерала Николаева перевезли в Петроград и похоронили с военными почестями. Генерал Николаев был награждён орденом Красного Знамени.

Войска генерала Юденича продолжали наступать на Петроград. Тревожное было время.

И вдруг как удар кинжалом: изменил морской форт Красная Горка. Форт — это сильное военное укрепление. Красная Горка охраняла южное побережье Финского залива. И вместе с морской крепостью Кронштадт стояла заслоном на путях к Петрограду.

Красной была Красная Горка. И вдруг призывы к измене на Красной Горке.

Заметался солдат из новеньких Северьян Игумнов. Как быть?

Бросился он к пехотинцам:

— Как быть?

Пожимают плечами пехотинцы. Как поступить, сами пока не знают.

Бросился Игумнов к пулемётчикам:

— Как быть?

Пожимают плечами пулемётчики. Как поступить, сами пока решают.

Бросился Игумнов к артиллеристам. Но и эти в ответ лишь развели руками.

В форту оказались бывшие царские офицеры. Они-то и подняли мятеж. Главным организатором мятежа был комендант форта поручик Неклюдов.

Увлекли офицеры за собой солдат. Наговорили. Наобещали. Себя лучшими друзьями солдат представили. Пригрозили генералом Юденичем. Вот, мол, придёт Юденич!

Поколебались, поколебались солдаты. Многие из них, как и Северьян Игумнов, только недавно были призваны в Красную Армию.

Кто их враг, кто настоящий друг, как следует не разобрались. Пошли солдаты за царскими офицерами. Измена на Красной Горке.

Ликуют офицеры-изменники:

— Мы неприступны!

— Мы — крепость морская!

— Никто нам не страшен!

Подкидывают они Юденича. Крепость сдадут Юденичу.

Правда, кто-то сказал:

— А вдруг подойдут корабли из Кронштадта?!

— Не подойдут, — говорят офицеры. — Силы неравные.

Однако пошли красные корабли на восставший форт. Подошли линкоры «Петропавловск», «Андрей Первозванный», крейсер «Олег», другие корабли из Кронштадта. Ударили тя-

жёлые корабельные орудия. Точно ложились на форт снаряды. Своим многопудём ухали.

Попал под обстрел Игумнов. Надрожался. Намаялся. Осколок прошёл в волоске от Игумнова. Распорол как ножом шинель. Глянул солдат:

— Предупреждение!

Не только одни корабли штурмовали восставший форт. Подошли сухопутные красные части. Подошёл бронепоезд красных. Да и с самих кораблей высадился морской десант. Не удержался мятежный форт.

Бежал Неклюдов. Бежали восставшие офицеры. Солдаты, пошедшие за офицерами, разводили в сердцах руками:

— И как получилось? И чего взбунтовались?

— По глупости, неразумению.

Красная Горка осталась красной. Не получился удар кинжалом.

СЕРАЯ ЛОШАДЬ

Узнал Назарка случайно из разговоров взрослых, что покаялась серая лошадь, что принесла повинную.

— Покаялась серая лошадь?! Вот чудеса какие!

Задумался Назарка. Лошадь — и вдруг кается.

— Почему она каялась? В чём виновата лошадь? Как принесла повинную?

Побежал он к соседу Агрипке:

— Покаялась серая лошадь!

Поразился Агрипка. Вот чудеса какие!

И у Агрипки вопрос Назаркин:

— Почему она каялась? Как она каялась? В чём виновата лошадь?

Побежали они на конюшню. Не первый день знают мальчишки серую лошадь. Старая лошадь, престарая. Чаще стоит в конюшне.

Живёт Назарка при сельской больнице. Отец у Назарки фельдшер. Тут же живёт и Агрипка. Санитар у Агрипки папка.

При больнице живёт и серая лошадь. Знают отлично её мальчишки.

И серая лошадь Назарку и Агрипку знает. Когда прибегают мальчишки в конюшню, улыбается им лошадь.

Бегут мальчишки к конюшне, о серой лошади рассуждают. Назарка:

— Не захотела небось работать. А потом покаялась.

Агрипка:

— Съела чужого небось овса.

Назарка:

— Может, подковы менять не хотела.

Агрипка:

— Может, копытом приезжего доктора дёрнула.

Бегут, гадают, что бы могло случиться ещё такое.

Назарка:

— Может, телегу в канаву скинула.

Агрипка:

— Может, шлею порвала. Может, узду потеряла в поле.

Прибежали мальчишки в конюшню. Стоит на месте серая лошадь. Сено жуёт. Увидев ребят, и на этот раз улыбнулась им.

Ребята к лошади.

— В чём виновата? — спросил Назарка.

— В чём повинилась? — спросил Агрипка.

Махнула лошадь хвостом. Что-то в ответ проржала.

Не разобрали мальчишки.

Вечером Назарка полез к отцу:

— В чём повинилась серая лошадь?

Как-то странно отец ответил, лишь новую задал загадку Назарке:

— Изменила, брат, Серая Лошадь народной власти. Вот и пришлось покаяться.

Лишь после узнал Назарка, что Серая Лошадь — это совсем не лошадь. Так назывался второй форт на берегу Финского залива, который вместе с Красной Горкой пытался изменить красным.

Однако проще здесь всё обошлось. Опомнились вскоре на Серой Лошади. Покаялась Серая Лошадь. Советской власти принесла повинную.

Шутили бойцы:

— Хоть и лошадь, хоть и серая, а сообразила — не надо тягаться с Советской властью.

«ГАВРИИЛ» И «АЗАРД»

«Гавриил» и «Азард» — два эсминца Балтийского красного флота. Эсминец — означает эскадренный миноносец. Это тип военного корабля. Эсминцы корабли быстроходные. 35 узлов, то есть 65 километров в час, — скорость на «Гаврииле», 35 узлов — скорость на «Азарде».

Как близнецы-братья, похожи друг на друга «Азард» и «Гавриил». На палубе «Азарда» стоят четыре мощных орудия. Четыре орудия стоят на палубе «Гавриила».

На «Гаврииле» имеется трёхтрубный торпедный аппарат. Такой же аппарат имеется и на «Азарде».

На «Азарде» 150 человек команда. И на «Гаврииле» 150 человек команда.

Даже боцманы на кораблях имеют одинаковые имена. Оба они Семёны. На «Гаврииле» — Семён Ванюта. На «Азарде» — Семён Минута.

Встретят матросы друг друга:

— Как там Ванюта?

— Как там Минута?

— Цел, невредим Минута.

— Как богатырь Ванюта.

И «Азард» и «Гавриил» построены в 1916 году. Молодые они корабли. Совсем юные да умелые.

Было это 18 мая 1919 года. Шёл «Гавриил» по Финскому заливу. Вдруг впереди четыре корабля противника. Это были

английские военные корабли. Помогали англичане белым. Держали свой флот на самых подступах к Петрограду.

Не испугался «Гавриил», что он один, а врагов четверо. Смело пошёл вперёд, тут же открыл огонь. Растерялись враги. Не ожидали такой отваги. Меткими оказались артиллеристы на «Гаврииле». Подбили они один из неприятельских кораблей. Задымил он. Появилось пламя.

— Стенд бэк! (То есть «назад!») — скомандовали английские капитаны.

Развернулись английские корабли, ушли подобра-поздорову.

Опасаются англичане вступать с красными морями в открытый бой. Решили ударить исподтишка. Послали они против советских кораблей подводные лодки. Одна из них, номер ее был L-55, встретила с эсминцами «Гавриил» и «Азард».

— К бою! — прошла команда на «Гаврииле».

— К бою! — гремит команда на «Азарде».

Бросились матросы к орудиям, к торпедным аппаратам.

Выстрел.

Выстрел.

Ещё один выстрел.

— Ура!

— Попали!

Клюнула носом лодка, скрылась под водой.

Обсуждают матросы свою удачу:

— Под воду ушла. Навечно, — обрадовался боцман Семён Минута.

— На то и подводная. Туда и дорога, — отозвался боцман Семён Ванюта.

«ЗДРАВСТВУЙТЕ» И «ПРОЩАЙТЕ»

Матрос Пересветов знал по-английски два слова: «здравствуйте» и «до свиданья». Звучат по-английски они так: «гуд монинг» и «гуд бай».

Проснётся утром матрос Пересветов, к соседу слева:

— Гуд монинг!

К соседу справа:

— Гуд монинг!

— Гуд монинг! Гуд монинг! — несётся по матросскому кубрику.

Отправляется Пересветов вечером спать. К соседу справа:

— Гуд бай!

К соседу слева:

— Гуд бай!

— Гуд бай, гуд бай!

Затихло. Уснул Пересветов.

Матрос Пересветов служил на «Гаврииле». В ту ночь эскадренный миноносец «Гавриил» нёс дежурство по охране Кронштадтской базы. Вновь отличился в ту ночь «Гавриил». Опять был бой с англичанами.

Ночью решили англичане совершить налёт на Кронштадтскую гавань. Ночь летняя. Короткая.

Неожиданно появились в небе самолёты. Сбросили бомбы. Из пулемётов ударили по кораблям.

Смело моряки отражают воздушный налёт.

— На море гляди. На море! — басит боцман Вапюта. — С моря жди «англичанку».

И верно. В атаку на советские корабли пошли английские торпедные катера.

На пути этой атаки и стоял «Гавриил».

Встретили матросы английские торпедные катера.

Вот первый несётся катер. Пустил он торпеду по «Гавриилу». Мимо прошла торпеда. Но не мимо снаряд с «Гавриила». Точно вложился в катер.

Среди оружейной прислуги на «Гаврииле» был и матрос Пересветов.

Увидел он первый английский катер, кричит:

— Гуд монинг!

Увидел, как снаряд с «Гавриила» ударил в катер, как споткнулся, как захлебнулся катер и пошёл ко дну.

— Гуд бай! — кричит Пересветов.

Новый несётся катер.

— Гуд монинг! — кричит Пересветов.

И этот катер встречен огнём балтийцев, точен глаз у артиллеристов. В мелкие щепы разнесли катер.

— Гуд бай! — кричит Пересветов.

Три английских торпедных катера были подбиты огнём с «Гавриила». Другие развернулись, подальше ушли от Кронштадта.

Не принесла удачи англичанам ночная атака. На страже стоят балтийцы.

Не раз приходилось Пересветову рассказывать о бое с английскими катерами.

— Только появится катер, — говорит Пересветов, — мы ему «гуд монинг». И тут же снарядам прямо в него — «гуд бай».

Знал Пересветов по-английски всего два слова: «здравствуйте» и «прощайте». Выходит, больше ему и не понадобилось.

Красноармеец Тихон Свиридов был послан в разведку. Трое их послано: Тихон Свиридов, Трифон Вавилов и юный совсем боец по имени Вася Зайчик.

Задача разведчикам: схватить беляка, то есть кого-то из белых. Доставить пленного в штаб. Для получения о противнике сведений штабу нужен был срочно пленный.

Дождались разведчики ночи. Вышли в опасный поиск. Направляются в сторону белых. В трёх верстах деревенька Лысая. Ночуют там белые. Ясно, у белых стоят дозоры. Кого-то из дозорных они и схватят.

— Лишь бы не пикнул!

— Лишь бы не крикнул!

— Мы его нежненько — по голове, — предлагает Василий Зайчик и на приклад винтовки глазами косит.

Идут бойцы к деревеньке Лысой. Молчат по дороге, каждый задумался о чём-то своём.

Тихон Свиридов — о своей деревеньке Коровий Брод.

Мать вспоминает. Как она там — Матрёна Свиридова?

Отца вспоминает. Как он там — Дормидонт Свиридов?

Как братья? Как сёстры? В руках у белых сейчас деревенька.

Дормидонт Свиридов — мужик из бедных. Гнула его судьба, ломала. Вот Сидор Талызин, вот Пимен Загрюков — эти другое дело. Сидор Талызин — кулак известный. Пимен Загрюков владеет мельницей. Вот они, сельские богатеи. Как там у них дела?

Размечтался боец дорогой. Вдруг выпадет так, представляет Тихон Свиридов, что именно их полку суждено пройти по родным местам. Войдёт он в Коровий Брод.

«Здравствуй, маманя!»

«Здравствуй, папаня!»

«Сёстры и братья — здрасте!»

Приблизились красные разведчики к деревне Лысой. Остановились. Замерли в темноте, в тишине. Наблюдают за деревенской околицей. Вот тут и должна быть охрана белых. И верно: видят бойцы — трое дозорных ходят.

— Ходят!

— Не спят!

— Шагают!

Трое. Лучше, конечно, если бы был один. А что, если схватить троих?

Заметили бойцы, что трое шагают рядом. Значит, главное — выждать момент удачи. Когда повернутся спиной беляки — это и есть момент.

Подкрались разведчики ближе к белым. Как повернулись

спиной дозорные, набросились на них разведчики. По совету Васи Зайчика прикладами их пристукнули и тут же каждому в рот по кляпу.

Оттащили пленных от околицы. Пришли в себя белые.

Вот первый из них. Глянул Тихон и тут же ахнул: вот ведь судьба какая — Пимен Загрибок у них в руках!

Вот пленный второй. Глянул Тихон и снова ахнул: вот ведь в жизни порой бывает — Сидор Талызин у них в руках!

Третий очнулся пленный. Глянул Тихон Свиридов да и застыл как мрамор — Дормидонт Свиридов, его родитель, у них в руках...

И отец на сына, словно на чудо, смотрит.

— Свят, свят... — закрестился старик Свиридов.

Ведут разведчики пленных в штаб. Тихон Свиридов, как и быть-то ему, не знает. Наклоняется он к отцу:

— Как же это ты, папая?! Молчит старик.

— Что же ты с белыми, батя, спутался?

— Цыц! — закричал старик. — Яйца курицу не учат! Потом слегка отошёл старик. Шагает, думает:

«И чего я вправду подался к белым, что я — Талызин, что — Загрибок? Видимо, чёрт попутал».

Чем ближе к штабу красных они подходят, тем больше светлеют мозги у старого:

— Ясно, что бес попутал.

А тут ещё Тихон шепчет:

— Покайся в штабе, отец, покайся.

Разобрались, конечно, в штабе у красных, кто есть кто. Ясно: не враг Советской власти старик Свиридов. Отпустили его на все четыре стороны.

Да только он при сыне решил остаться. Сам записался в Красную Армию. В обозном хозяйстве стал служить.

Доволен судьбой старик. Вот только нет-нет да и вспомнит сыну:

— Ну и паршивец: родителю в горло — кляп.

И ещё об одном:

— Ну и время: курицу яйца учат.

РЕЧКА ЧЁРНАЯ

— Речка Чёрная, речка Чёрная, — бубнил белый солдат Фрол Твердохлеб. — Не к добру такое название.

Как в воду смотрел солдат. Запомнилась белым Чёрная.

Вбил себе Фрол Твердохлеб в голову всякую всячину, верил в приметы. В попа: если, скажем, поп перейдёт дорогу — это к

плохому; в пустые вёдра: если встретишь кого-то с пустым ведром или вёдрами, тоже не жди хорошего; верил Фрол Твердохлеб и в зайца. Если вдруг заяц перебежит дорогу — значит, караул где-то тебя беда.

Так вот случилось вдруг, что в один и тот же день встретил Фрол Твердохлеб сразу и попа, и тётку с пустыми вёдрами, и заяц метнулся ему под ноги.

Неудачи пошли прямо с утра.

Только белые солдаты проснулись, только построились, только двинулись в дальнейший поход, как тут и перешёл им дорогу поп.

— Тыфу ты! — сплюнул с досады Фрол Твердохлеб. И посмотрел на попа, словно удав на кролика.

Только помянул он недобрым словом святого отца, как смотрит — тётка шагает навстречу с пустыми вёдрами.

— Вот ведьма! — ругнулся Фрол Твердохлеб. — Чтоб тебе было пусто!

А когда подходили к селению Усть-Рудица, что стоит на речке Чёрной, и когда Фрол Твердохлеб и без того был чернее тучи, вдруг перебежал заяц ему дорогу. Метнулся у самых ног. Фрол от неожиданности даже вскрикнул. Отбежал заяц. На секунду остановился. Привстал на задних лапах. Глянул на Фрола и, представляете, улыбнулся.

— Ах, чтоб тебя!.. Да чтоб из тебя!.. Ах ты душа нечистая! — ругается Твердохлеб.

Поглядел на солдата заяц, запрыгал по полю к лесу.

Дошли белые до речки Чёрной, остановились. Глянул Фрол на речку, на воду, на правый берег — действительно речка чёрная. Торфяники здесь, болота. Места тонкие, неуютные.

Кошки скребут на душе у солдата. Встретил Фрол Твердохлеб и попа, и тётку, и наглого зайца. Ясно солдату: быть тут из бед беде.

Так и случилось.

К этому времени оправились красные от неожиданного удара белогвардейских войск. Стянули к фронту свежие силы. Один из главных боёв и разгорелся на берегах Чёрной речки.

Упорными были здесь бои. Держались белые. И всё же не удержались. Отступили они от Усть-Рудицы, отступили и в других местах.

Долго вспоминал Твердохлеб, как бежал от речки Чёрной.

— А всё из-за зайца, — твердил Фрол.

Погнали красные на запад войска Юденича. Вернули Ямбург. Вернули Псков.

Не удался поход Юденича.

Запомнили белые речку Чёрную.

Запомнили белые Армию Красную.

Отогнала Красная Армия летом 1919 года войска генерала Юденича от Петрограда. Освободила города Ямбург и Псков. Только небольшой кусок советской земли оставался в руках у Юденича.

Территория небольшая, скорее, клочок земли — город Гдов и земли, прилегающие к восточному берегу Чудского озера. Называли белые этот клочок земли «собственной» территорией.

Гордятся белые — есть у них «собственная» территория. Особенно гордился подпоручик Осина-Тополь.

Соберутся белые офицеры. Кто-нибудь скажет:

— Да разве это территория?

— Зато собственная, — заявляет Осина-Тополь.

— Болота да топи, — добавит кто-нибудь.

— Зато собственные, — снова лезет Осина-Тополь.

— Город — что ноготь. (В те времена Гдов был совсем маленьким городком.)

— Зато собственный, — повторяет всё то же Осина-Тополь.

Не любили офицеры Осину-Тополя. Хоть и красив был Осина-Тополь — роста высокого, строен, статен, — однако умишком судьба не избаловала. Сокращали его фамилию. Между собой говорили:

— Снова пришла Осина!

— Снова Осина вякнула!

Хоть и разбили летом 1919 года красные белых под Петроградом, хоть и отогнали Юденича к Гдову, однако не расстались белые с мыслью захватить Петроград. Создали они новые полки и дивизии. От иностранных капиталистов получили новое вооружение.

Наступила осень. Тяжело было молодому Советскому государству. В Сибири всё ещё не был добит Колчак. С юга на Москву начал поход генерал Деникин.

— Самое время и здесь ударить, — рассуждал генерал Юденич.

28 сентября 1919 года отдал он приказ начать новое наступление на Петроград.

Двинулись в наступление белые.

— На Петроград!

— На Петроград!

В этот день и попался Осина-Тополь на глаза генералу Юденичу. Видит Юденич, перед ним офицер-красавец: роста высокого, строен, статен. Распорядился генерал Юденич: когда захватят белые Петроград, когда пройдут по Невскому — по главной улице Петрограда — победным маршем, чтобы первым в строю шагал Осина-Тополь.

Возгордился Осина-Тополь — первым пройдёт по Невскому. Прорвали белые наш фронт под Псковом, под Ямбургом. Устремились вперёд захватчики.

Шагают белые. Смотрят по сторонам.

— А где же Осина-Тополь?

Не видно Осины-Тополя.

В первом же бою был убит подпоручик. Так и остался навеки на «собственной» территории. Похоронили его под придорожным тополем. Крест из осины сделали. Долго надпись потом красовалась: «Лежит здесь Осина-Тополь».

ИЗ ГОРОДА КОПЕНГАГЕНА

1919 год. Тяжёлая осень. Тревожные дни. Бьются на востоке наши войска с Колчаком. Бьются на юге, против Деникина. Мало было под Петроградом красных войск. Быстро шёл вперёд генерал Юденич.

Торжествуют белые:

— Взяли Лугу!

— Дошли до Гатчины!

— Взяли Красное Село!

— Взяли Детское Село!

— Захватили Павловск!

Приблизились белые к станции Лигово. Совсем это рядом с красным Петроградом.

Зашевелились русские богатеи, те, что бежали после Великой Октябрьской революции в Англию, во Францию и в другие страны. Торжествуют русские помещики и капиталисты: рядом с Петроградом войска Юденича! Верят они, что Юденич возьмёт Петроград. Клятву в том дал генерал Юденич.

Зашевелились русские богатеи, стали собираться домой — в Петроград, в Россию.

Стал собираться и князь Юсуповский. Из далёкой Дании, из города Копенгагена. Вот ведь куда сбежал! Собрал чемоданы, коробки, тюки, баулы.

Ждёт он сообщений о взятии белыми города Петрограда.

Дождался. Сообщили датские газеты, что войсками генерала Юденича взят Петроград.

Прослезился от известия такого князь Юсуповский. Получает поздравления от богатеев датских.

— Поздравляем вас, князь Юсуповский!

— Желаем вам, князь Юсуповский!

— Слава генералу Юденичу! — крикнул в ответ Юсуповский.

Тронулся в путь Юсуповский. Доехал до Пскова, доехал до

Гатчины. В Детское Село с чемоданами, с коробками, с тюками, с баулами прибыл.

— Не взят Петроград, — говорят Юсуповскому.

— Как не взят? А газеты?!

Разводят руками белые офицеры.

— Поторопились газеты. Ошиблись.

Сидит князь Юсуповский на чемоданах своих и баулах. Ждёт, когда же Юденич возьмёт Петроград.

Рядом болонка сидит на привязи. Тоже смотрит в сторону Петрограда. Смотрит. Скулит по-собачьи. Тявкает.

Ждут они день. Ждут они два.

Так и не дождались. Не смог Юденич взять Петроград. Ясно всем: снова бежать пора.

ГАБАРДИНОСУКОНСКИЙ

Фабрикант Габардиносуконский тоже собрался в Россию. В дни Октябрьской революции Габардиносуконский бежал дальше, чем князь Юсуповский. В столице Великобритании в городе Лондоне укрылся богатый российский.

И вот прочёл Габардиносуконский в английских газетах, что войсками генерала Юденича взят Петроград.

Сложил, как и Юсуповский, Габардиносуконский свои вещи. Стал прощаться с английскими богатыми:

— Спасибо за кров, за приют.

Кивают головами английские богатеи.

— Спасибо за хлеб, за соль.

Кивают головами английские богатеи.

— Спасибо за помощь нашим войскам.

Улыбаются английские богатеи:

— Люди свои — сочтёмся.

Много разного военного снаряжения передали английские капиталисты генералу Юденичу. Пушки, пулемёты, снаряды, патроны. Сахар, крупа, консервы. Башмаки, сапоги, рубахи.

Благодарит Габардиносуконский от имени русских капиталистов капиталистов английских за щедрую помощь:

— За нами не пропадёт.

Повторяет, как и они:

— Люди свои — сочтёмся.

Важно уселся Габардиносуконский в автомобиль. Важно тронулся к кораблю, к паровой пристани. Сопровождают его английские богатеи.

Едут автомобили по одной из главных лондонских улиц. Вдруг — что такое?! Нет впереди проезда. Занята улица де-

монстрантами. Транспаранты над колонной. Читает Габардиносуконский слова на плакатах:

«Руки прочь от Советской России!»

Поморщился Габардиносуконский. Лондон — и вдруг такое! Поморщились английские богатеи. Дали они шофёрам команду объехать демонстрантов соседними улицами. Свернули машины в соседние переулки — в один, во второй, — объехали неприятное место. Снова выкатили машины на широкую улицу. Что такое?! И здесь, и по этой улице, во всю её ширь идут демонстранты. Транспаранты колышутся в воздухе. Читает Габардиносуконский:

«Руки прочь от Советской России!»

Снова пришлось объезжать им улицу. Но вот наконец добрались они до пристани.

Стоит у причалов корабль-красавец. Блеском сверкают борта и палуба. Трубы поднялись в небо.

Подкатили машины к корабельному трапу. Вышел из автомобиля Габардиносуконский. Видит, плакат висит на парохде. Читает Габардиносуконский, читают английские богатеи:

«Руки прочь от Советской России!»

Забастовали английские докеры. Отказываются они, не хотят для белых генералов в Россию грузить оружие.

Не отправляется пароход. Замер, стоит у пристани.

«Руки прочь от Советской России!» — за сто километров видно.

— Руки прочь от Советской России! — на всех континентах слышно.

ОРЕЛ И РЕШКА

Два белых солдата, Иван Ворон и Петр Дятел, играли в «орла и решку». Это игра такая. Подбрасывают вверх монету. Пока крутится монета в воздухе, один из играющих загадывает, какой стороной упадёт она на землю.

— Решка, — загадывает Ворон.

Летит монета стремительно вверх. Вертится. Вот падает вниз. Вот о землю шлёпнулась.

— Решка, решка! — радуется Ворон. — Угадал — значит, выиграл.

Загадывает теперь Дятел.

Устремилась снова монета вверх.

— Орёл, — произносит Дятел.

Угадал и Дятел.

Весь свой поход от самого Пскова до Петрограда увлекались Иван Ворон и Петр Дятел игрой в «орла и решку». Как

только привал, как только в пути остановка, только и слышат соседи:

— Орёл!
— Решка!
— Орёл!
— Решка!

Играют Дятел и Ворон с увлечением. До дурости, до отупения, до тошноты.

Развернулись бои под Пулковом. Здесь снова, как в 1917 году при наступлении войск Керенского и генерала Краснова, решалась судьба Петрограда. Не до игры в монету теперь солдатам.

Остановили под Пулковом красные белых. Не пустили Юденича в Петроград. Сами стали теснить Юденича.

Отступают со всеми Дятел и Ворон. Отступают, снова в небо пятая бросают.

А когда белым и вовсе стало под Петроградом худо, решили солдаты устроить гадание. Бросить монету на «жизнь», на «смерть», то есть задумать: быть ли солдатам в бою убитыми, остаться ли после войны в живых.

Бросили вверх монету. Ворон задумал «орла». Если ляжет кверху «орлом» — останется в живых, если «решкой» — плохи его дела.

А Дятел задумал «решку». Если ляжет монета «решкой» — цел, невредим Дятел, если же выйдет она «орлом», то плохи дела Дятла.

Что есть силы метнули солдаты монету вверх. Чуть-чуть не улетела она за облако. Зависла там в высоте, несётся стремительно вниз. Вот сажень до земли, вот аршин, вот и пулей о грунт ударились.

Впились солдаты в неё глазами. Кому же дарует монета жизнь?

Смотрят солдаты — глаза навывлет. Но что такое?! Не видят монетных они сторон. В землю вонзилась ребром монета. Вонзилась, застряла. Нет ни «орла», ни «решки».

— Вот это да! — подивился Ворон.

— Вот это да! — подивился Дятел.

Смотрит Дятел на Ворона. На Дятла глазееет Ворон.

— Вот это да! Как же понять? Как же считать?

Гадают солдаты: то ли оба в живых останутся, то ли обоих в списки готовит смерть.

Чем же закончилась их судьба?

Оба в живых остались.

А почему?

Сбежали из войск Юденича.

Илька Маврин с детства был любопытным. В любое: нужное дело, ненужное — сунется.

Как-то сорвался с привязи барский бык Мефистофель. Все кто в дом, кто в сарай, кто за ворота дубовые спрятались. А Ильку любопытство взяло. Хотел посмотреть, как бушует бык Мефистофель. Сунулся. И был тут же Мефистофелем на рога подхвачен.

Боднул его бык так, что пролетел Илька, как планерист, от лавки купца Заликина до сельской огромной лужи и в лужу лягушкой шмякнулся.

Был и такой случай. Забежал к ним в деревню бешеный волк. И тут тот, кто поумнее, кто в дом, кто в сарай, кто в баню быстрее спрятался. А Илька снова со своим любопытством сунулся. Хватил его волк, едва отходили Ильку. Сельский фельдшер уколол в нужное место ему колод. Колод, приговаривал:

— Не суйся! Не суйся, куда не надо.

Вот и мать:

— Илька, не суйся! Илька, сиди на месте!

Да что ему материнские просьбы, советы, наказания. Устроен, видимо, Илька так, что в любое: нужное дело, ненужное — не может не сунуться.

Село их, Большое Кузьмино, находилось недалеко от железнодорожной станции Александровская.

Красные взяли Детское Село и теперь наступали на Александровскую.

Белые отходят под огнём красных. И тут кто-то из белых офицеров вспомнил, что в одном из боёв они захватили в плен раненых красноармейцев.

— Волоки красных! — дана команда.

Решили белые сделать из пленных живой заслон.

Пригнали пленных. Поставили перед собой. Пригнали сюда и нескольких кузьминских крестьян. Сунулся было Илька. Хотел посмотреть, как белые отступают. Белые Ильку за шиворот — и в общий строй.

Отходят белые, гонят рядом с собой заслон. Прикрылись от пуль и снарядов красных.

Ступают пленные. Ступает Илька. Что там бешеный волк, что там бык Мефистофель — смерть смотрит своими глазами на Ильку.

Погиб бы, наверное, Илька, погибли бы, наверное, все, да красные командиры заметили мальчика. Сообразили красные, в чём дело. Прекратили огонь.

Прекратился огонь. Отступают без потерь белые. По-преж-

нему не отпускают от себя, прикрываются плешными красноармейцами.

— Стреляйте, стреляйте! — кричат красноармейцы нашим. Не стреляют красные. Не хотят, чтобы вместе с белыми и свои погибли.

И вот тут кто-то из пленных нашёлся:

— Ложись!

Упали на землю люди, открыли белых. Видят красные командиры, открыты белые, дали команду снова начать огонь, дали команду идти в атаку. Побежали в атаку красные. Побежали от красных белые.

Поднял Илья голову — жив, здоров. Рядом видит, белый солдат убитый, винтовка валяется. Схватил её Илья. Поднялся в рост. И вот он в рядах атакующих.

— Илья!

— Илья, не смей!

Да где уж! Мчит с винтовкой вперёд, как ураган, мальчишка. Устроен, видимо, Илья так. Не может мальчишка торчать в последних. В первые рвётся Илья.

ДОРОДНЫЙ

Красноармейцу Артёму Дородному не досталось винтовки. Подшучивают товарищи над Дородным (а надо сказать, он не только своей фамилией, но и внешним видом был человек представительный):

— Дородный — и вдруг без винтовки.

Много новых бойцов во время наступления генерала Юденича влилось в Красную Армию. Многие поднялись тогда на защиту красного Петрограда. Не хватало винтовок. Безвинтовочным Дородный в роте был не один.

Посмотрел командир на Дородного, на тех, которые, как и Дородный, стояли в строю без винтовок, сказал:

— Придётся в бою добыть. — Добавил: — Отбил — получай. Считай, что собственность.

Выдали безвинтовочным пики, сабли. Досталась Дородному сабля. С саблей и стал воевать.

Недалеко от Детского Села находилось Красное Село. Взяли наши Детское Село, начали борьбу за Красное.

Здесь, севернее Красного Села, и действовала стрелковая рота, в которой сражался красноармеец Дородный.

Наступала рота не в лоб, не с открытого места, а заходила противнику вбок, укрывалась оврагами.

Дородный на ногу быстрый. В первом ряду оказался. Идёт, саблю словно ружьё несёт.

— Да не стрельнет она, не стрельнёт! — смеются бойцы.

— А вдруг стрельнёт, — отвечает Дородный.

И вправду «стрельнула» сабля.

У самого Шунгорова овраг разошёлся на два рукава. Взяли бойцы правее, а Дородный свернул налево. Свернул, пробежал шагов тридцать, поднялся из оврага и вдруг вышел с тыла к артиллерийской батарее белых. Смотрит Дородный — четыре пушки. Смотрят белые — красный боец перед ними. Не ожидали белые удара с тыла. Да и не думали, что вышел на батарею всего лишь один Дородный.

— Спасайся! — кто-то из белых крикнул.

Бросились белые от батарей. И всё же одного из них успел Дородный достать своей саблей.

Прошла минута, вторая, подбежали к этому месту другие наши бойцы. Смотрят, а батарея уже наша.

Стоит Дородный, на саблю, как на трость, опирается. Выходит, что с одной саблей взял целую батарею.

— Вот так сабля!

— Считай, волшебная!

Доложили по команде: мол, красноармейцы такой-то роты, а точнее, боец Дородный пленил белогвардейскую батарею.

— Дородный, Дородный... — стал вспоминать командир роты. — Ах, это тот — безвинтовочный.

— Так точно, безвинтовочный.

— Был безвинтовочный, — сказал командир. — Теперь при оружии.

Сдержал командир своё обещание.

— Взял в бою — получай, — показал командир Дородному на одну из пушек.

Зачислили Дородного в артиллеристы.

— Ну вот теперь всё по ранжиру, — смеются бойцы.

— Теперь по фигуре.

— На месте теперь Дородный.

«БУРЫЙ МЕДВЕДЬ» И «ЛАСТОЧКА»

Упорно сражаются белые. Сами идут в контратаки. Пытаются вернуть и Красное Село, и Детское Село, и весь район, где идёт Пулковское сражение. Надеются белые, что не всё ещё потеряно. Что вот-вот и снова удача будет на их стороне.

Красные взяли в плен белого солдата. Имя его Хрисанф. Фамилия — Кишкин. Не расстреляли его, как опасался Кишкин. Ничего плохого не сделали. Почувствовал Хрисанф Кишкин, что не грозит от красных ему опасность, расхвастался.

— А у нас есть «Бурый медведь», — заявил Хрисанф Кишкин. — Побьют всё же наши ваших.

В войсках генерала Юденича появились иностранные танки. Прибыли они как раз ко времени Пулковского сражения. Прислали их Юденичу зарубежные капиталисты. Один из танков назывался «Бурый медведь».

Надеялся очень Юденич на иностранные танки. Был уверен: дрогнут перед танками красные бойцы.

Пребывает в плену у наших Хрисанф Кишкин и всё твердит о своём:

— «Бурый медведь», «Бурый медведь». Побьют всё же наши ваших.

Слушал, слушал Хрисанфа Кишкина красноармеец Егор Егоров и вдруг:

— А у нас есть «Ласточка». Побьёт «Ласточка» «Бурого медведя».

Посмотрел удивлённо на Егора Егорова Хрисанф Кишкин:

— Что там ещё за «Ласточка»?!

Посмотрели на Егора Егорова и свои. Гадают:

— Какая «Ласточка»?

— Что за «Ласточка»?

Впервые о «Ласточке» наши слышат.

Улыбается Егоров:

— Есть «Ласточка». Имеется. Побьёт «Ласточка» «Бурого медведя».

И показал простую солдатскую гранату.

Расхохотался Хрисанф Кишкин. Смотрит на гранату:

— Ну и сила! Ну и невидаль! Да она против танка, как комариный укус медведю.

И наши смутились:

— Граната — и против танков.

Однако ошиблись и Хрисанф Кишкин, и те бойцы, которые в слова Егорова Егора не поверили. Когда пошли танки Юденича в атаку, не дрогнул Егор Егоров. Подбил он грозный французский танк. И представьте — именно гранатой. Правда, не одной. Связал он вместе несколько гранат и бросил под белогвардейский танк. Подорвался танк на гранатах. Подбежали к нему наши бойцы. Читают на танке сбоку надпись: «Бурый медведь».

«Бурый медведь» был первым из белогвардейских танков, подбитых тогда в боях под сёлами Красным и Детским. За первым последовали и другие. Не помогли Юденичу французские танки.

Хоть и потеснили тогда белые в кое-каких местах наших, однако выиграла Красная Армия Пулковское сражение.

Покатались на запад белые.

УПРАВИЛИСЬ

Был Иван Новожилов водителем броневика. Не повезло ему страшно.

Случилось это весной 1919 года, ещё при первом наступлении Юденича на Петроград. Захватили белые новожиловский броневик.

Отлучился Новожилов как-то за горючим для броневика. Оставил при броневике караульного.

Вернулся — нет броневика. Караульный убит.

Наскочили, оказывается, в это время белые, угнали броневик.

Броневики в Красной Армии было мало. Каждая машина — большая ценность.

Досталось тогда Новожилову. Командиры разнос устроили. Хотя все и понимали — нет здесь прямой вины Новожилова. Произошло недоброе стечение обстоятельств.

Перевели Новожилова в пехоту.

Наши войска продолжали отступать, отходить под ударами белых. А тут ещё проклятый Гришка Збруев, и без него Новожилову тошно, лезет с укором:

— Будь сейчас броневик, в момент бы остановили белых.

Краснел Новожилов. В такие минуты последним из последних себя считал.

Брали под защиту его бойцы, успокаивали:

— Плюнь на Гришку, не терзай себя. Управимся, управимся с белыми и без броневика.

Верно. Управились. Отогнали тогда Юденича.

И вот осень. Новый поход Юденича.

Снова Гришка Збруев за своё:

— Будь сейчас броневик, в момент бы осилили белых. Успокаивают бойцы Новожилова:

— Не слушай Гришку. Остановим и без броневика.

И верно. Остановили под Петроградом Юденича.

Когда развернулось Пулковское сражение, Гришка снова язык чесал, в адрес Новожилова снова бросал обидное:

— Проворонил, прогулял броневик...

— Ах ты аспид, змея бесстыжая! — набросились бойцы на Гришку.

И опять к Новожилову.

— Управимся с Юденичем и на сей раз без твоего броневика.

И верно — управились. Разбили Юденича, погнали на запад.

Гонят красные Юденича к Ямбургу, к Луге, к Пскову, к Гдову, к советской границе.

Вступили красные в Ямбург, захватили много военных трофеев. А среди них — вот так удача! — и новожиловский броневик!

— Вернули! Вернули! — радовался Новожилов.

— Вернули! — смеялись бойцы. — Всё вернули!

— И твой броневик.

— И волю.

— И землю.

— А самое главное — Советскую власть вернули.

Добыла Юденича Красная Армия. С позором бежал с советской земли Юденич.

ВЕЩЕСТВЕННОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО

ЖИРНЫЙ, ТОЩИЙ, СРЕДНИЙ

Летом 1919 года разгорелось одно из самых ожесточённых сражений гражданской войны. С юга, с берегов Чёрного моря, начал поход генерал Деникин.

Белые захватили большую часть Украины, Крым, Северный Кавказ. Они шли на Курск, на Орёл, на Воронеж. Главная цель у Деникина — взять Москву и уничтожить Страну Советов.

Наступает, идёт Деникин.

Представляют деникинские офицеры, как входят они в Москву. Летит громовое «ура!» повсюду. Колокола на церквях упиваются медным звоном.

Представляет и сам Деникин, что он в Москве. Верхом на белом коне въезжает.

Идёт Деникин не с голыми руками, не с пустым карманом. Помогают ему, как и помогали адмиралу Колчаку, генералу Юденичу, капиталисты Англии, Франции, богатеи других стран.

380 тысяч винтовок передали они Деникину. Почти 3 тысячи пулемётов. Около 300 миллионов патронов.

Но это ещё не всё:

217 орудий,

101 танк,

194 самолёта,

1335 автомобилей.

Снаряды, сукно для солдатских шинелей, пистолеты, револьверы, гранаты, бомбы.

Щедры зарубежные богатеи. Не забывает богатеи богатеи.

Главную ударную силу генерала Деникина составляла Добровольческая армия. Командовал армией генерал Май-Маевский. Главная сила в армии Май-Маевского — корпус генерала Кутепова.

По-разному встречали белых генералов на захваченных землях.

Грозно смотрели рабочие. Затихали, притаившись, обыватели. Радовались недобитые богачи:

— Ах, Деникин идёт, Деникин!

— Ах, сам Антон Иванович!

— Ах, Май-Маевский идёт, Май-Маевский!

— Ах, сам Владимир Зинович!

— Ах, Кутепов идёт, Кутепов!

— Ах, сам Александр Павлович!

Мальчишки Савка, Мишка и Пашка тоже как-то бежали смотреть на белогвардейских генералов.

Савка повыше ростом. Ему виднее. Передавал он Мишке и Пашке, как выглядят белые генералы.

Вот — Деникин. Присмотрелся Савка, докладывает:

— Жирный.

Повторяет Мишка:

— Жирный.

Повторяет Пашка:

— Жирный.

Вот — генерал Кутенов. Присмотрелся Савка, докладывает:

— Тощий.

Повторяет Мишка:

— Тощий.

Повторяет Пашка:

— Тощий.

Вот — генерал Май-Маевский. Присмотрелся Савка, докладывает:

— Не тощий. Не жирный. Средний.

Повторяет Мишка:

— Средний.

Повторяет Пашка:

— Средний.

Стоял рядом с ребятами какой-то рабочий парень. Посмотрел он на Савку, на Мишку, на Пашку, хитро подмигнул им и вдруг сказал:

— Жирный, тощий, средний — не имеет значения. Всем им будет один конец.

Крутанул сжатыми кулаками рабочий, словно генеральские головы скручивал.

Рассмеялись ребята. Вот бы так да на самом деле!

Размечтались ребята. Вот так бы на самом деле!

Улыбнулся ребятам рабочий парень. Мол, будьте спокойны, мол, так и будет. И вновь крутанул руками.

Стояло лето 1919 года. Наступали, шли на Москву деникинцы.

«САМООБСЛУЖИВАНИЕ»

Довмонт Кикикин, кулацкий сын, записался в войска к Деникину. Нравилось ему у Деникина. Особенно «самообслуживание». Бесчинствует белая армия. Грабит она население. Воля во всем Кикикину. Вступили войска в Обоянь. Сразу шмыгнул по дворам Кикикин. Видит мясо — давайте мясо. Видит яйца — давайте яйца. Хлеб раздобыл, молоко и квас. Даже принёс пироги с грибами.

Приглашает других. Угощает. Смотрят солдаты:

— Откуда?

— Как?

Отвечает Кикикин:

— Самообслуживание.

Смеются другие — эка ж словечко выдумал!

Вступили деникинцы в город Курск. Вот где мечта, где простор солдату. Юрок, пронырлив, нахален Довмонт Кикикин, сразу видно — кулацкий сын. Пригрозил он винтовкой какому-то портному. Френч, галифе и рубаху сшил за сутки ему портной.

Смотрят солдаты — Кикикин, словно жених, с иголки.

— Откуда?

— Как?

Отвечает Кикикин:

— Самообслуживание.

Вступили войска в Фатеж. Город Фатеж на пути к Орлу. И в Фатеже куда-то исчез Кикикин. Где-то шнырял, вынюхивал. Вернулся. Смотрят солдаты: сапоги на нём хромовые. Новые. Со скрипом.

— Откуда?

— Как?

Отвечает Кикикин:

— Самообслуживание.

В город Кромы вступила белая армия. Это рядом совсем с Орлом. Снова простор Кикикину.

Уже в тонкорунной папаше стоит Кикикин.

Доволен солдат-деникинец: и одет, и обут, и желудок всегда набит. Хорошее дело самообслуживание.

Вступили войска в Орёл. Снова исчез Кикикин. Ждут его час. Ждут день. Волноваться стали.

Вдруг видят, несётся Кикикин.

— Караул! — истошно вопит.

Посмотрели солдаты: нет ни папаша на Кикикине, нет ни сапог. Исчезли френч, галифе, рубаха.

Голым, в чём мать родила, несётся к своим Кикикин.

Что же случилось?

Раздели Кикикина солдаты соседней части. Вор дубинку унёс у вора. Нередко случалось такое в войсках Деникина. Привыкнув грабить других, деникинские солдаты стали друг друга грабить.

— Верну! Отомщу! — бушевал Кикикин.

И верно, вернул. Для острастки теперь гранатами вдоль и поперёк обвёсился. Ходит как склад с оружием.

Недолго ходил Кикикин. На первой версте за Орлом погиб. И надо же — на собственной гранате подорвался деникинец. Взорвалась одна из гранат Кикикина.

Поражались другие:
— Сам! На своей гранате!
Вспоминали Кикикина:
— Самообслуживание.

АВТОГРАФ

Пардон-Халилецкий — пианист, музыкант. Одобрял Халилецкий во многом белых. Знал, что они разбойничают.

— Так время такое, — говорил Халилецкий.

Знал, что казни, что розги для непокорных у них в ходу.

— Фи, — говорил Пардон-Халилецкий. — Я демократ. Я категорически против казней. Розги? Хи-хи, розги — это другое дело.

Считал он, что белые порядок несут России. Лучше они, чем красные. Впрочем, не очень ругал и красных:

— Я демократ, я демократ. Что-то есть и у них хорошее.

Захватили белые город Курск. Отмечали свою победу. На торжественный ужин был приглашен и Пардон-Халилецкий.

Сам генерал Кутепов пришел на ужин. Генералы в зале. Юнкера, офицеры, нарядные дамы в зале.

Играл Халилецкий на фортепьяно. Играл. Старался.

Похлопали дружно ему офицеры. Генералы улыбкой встретили. Дамы кричали:

— Браво!

Кланялся важно Пардон-Халилецкий. Был на десятом небе. Попросил он на память автограф Кутепова.

Пригласили к столу музыканта. Выпил шампанского. Милое общество!

Хорошо на душе у Пардон-Халилецкого. Дружно кричал с другими:

— Слава Деникину!

— Слава Кутепову!

— Май-Маевскому долгие лета!

Были танцы, затем и карты. Заговорили потом о красных. Не удержался Пардон-Халилецкий. Полез со своим любимым:

— Я демократ, я демократ. Что-то есть и у них хорошее.

Обернулись на эти слова офицеры. Генералы глаза скосили. Посмотрели, как змея, дамы.

— Что-то хорошее?

Выпил Пардон-Халилецкий шампанского. Море ему по колено.

— Так точно, хорошее, — сказал Халилецкий. — Хи-хи, не секут они, скажем, розгами.

Сказал и этим подал идею.

Насунился Кутепов.

— Красный змеёныш, — прошипел генерал какой-то, что-то шепнул кому-то; какой-то полковник куда-то повёл глазами; какой-то поручик едва заметно кивнул головой и тихо ответил:

— Есть.

Поманили за дверь Халилецкого. Вышел. Схватили его офицеры. И тут же, как куля, в подвал.

Скрутили, связали, на лавку бросили. Взлетели, как сабли, над Пардон-Халилецким розги.

— А-а-ай! — завопил Халилецкий. — Я пианист! Я музыкант! Я демократ!

— Демократ! — хихикают офицеры.

Взлетают, взлетают розги.

Больше недели отлеживался после этого Пардон-Халилецкий.

Остался на память автограф Кутепова. Один — на бумаге, второй — на теле.

РОМАШКИ

Во время наступления генерала Деникина на Москву в городе Харькове для деникинской армии был организован сбор средств. Объявили в Харькове День ромашки. Лето. Как раз уйма в полях ромашек. Вот и стали их продавать на улицах города. Появились сотни корзин с цветами. Продавцы их были дети. Разнаряженные, разодетые. В матросках мальчики. В бантиках девочки. Сынки и дочери богатых родителей.

Плата за ромашки могла быть любой. Возьми ромашку, а в корзину положи сколько хочешь — хоть копейку, хоть сто рублей.

Сбор от продажи ромашек и поступит в фонд деникинских войск.

Оживились улицы Харькова. Повалили к цветочным корзинам все те, кто против Советской власти, кто за Деникина. Кто рубль, кто два, кто полтину, кто двадцать копеек в корзину бросит. Особенно стараются местные богачи, обходят один другого.

— Я десять рублей положил!

— Что — десять, я — двадцать!

— Что — двадцать, я — тридцать!

— Что — тридцать, я — сорок!

— Подумаешь — сорок. Я сто положил целковых!

Мальчишка Игнашка Сверчок, это прозвище было Игнашки, оказался на редкость в тот день смекалистым.

Не в семье богачей появился на свет Игнашка. В железнодорожных мастерских работал рабочим его отец. Соседи по дому, соседи по улице тоже простые рабочие люди.

Спихватились в тот же день на рабочей улице: где же Сверчок Игнашка?!

Мать всполошилась. Отец всполошился. Всем домом пошли на поиски. Лишь к вечеру вернулся домой Игнашка.

Идёт, как луна сияет. Держит в руках корзину.

Заглянули в корзину люди. На дне лепестки от ромашек. Рядом целая горка денег.

— Для рабочей кассы, — сказал Игнашка. (Была у рабочих такая касса для общих нужд.)

Догадались люди, где пропал Игнашка.

А на следующий день притащили соседи газету. И вот тут все без конца дивились. Напечатан в газете снимок. На снимке Игнашка, а рядом с ним генерал Деникин. Ниже подпись, что сам генерал Деникин купил у Игнашки за десять рублей ромашку.

Пригодились Игнашкины деньги. Передали их рабочие из рабочей кассы на нужды харьковским революционерам-подпольщикам.

Долго вспоминали тогда Игнашку:

— Ну и Сверчок! Ну и Сверчок! Деникину всунул, шельмец, ромашку.

Получилось: Деникин на борьбу с Деникиным раскошелится на десятку.

ВСЕ УШЛИ

Тяжело для молодой Советской страны сложились дела на юге. Партией большевиков брошен призыв:

— Все на борьбу с Деникиным!

Ваня Заброда, Петя Зимянин и Люба Кубанчик собрались добровольцами в Красную Армию. Явились на сборочный пункт.

Отвечают им:

— Молоды ещё! Молоды!

И верно: им по 15 лет.

Однако мечтают друзья о фронте, о защите Советской власти.

Представляет Ваня Заброда себя верхом на боевом коне. Вот он лихо на белых скачет. Шашка в руке грозным огнём сверкает. Разбегаются белые.

Петя Зимянин — артиллерист. Старший в батарее.

— Огонь! Огонь! — командует Петя.

Летят снаряды. Точно ложатся в белые.

И Люба Кубанчик мечтает о подвигах. Сумка висит у неё на плече. Красный крест на сумке. Сестра милосердия, сестра милосердная Люба Кубанчик. Вот она с поля боя выносит раненого.

«Сестрица, спасибо», — шепчет боец.

Лежат ребята в траве. О своём мечтают.

Ваня Заброда к Пете:

— Стреляешь?

— Стреляю, — признаётся Заброде Петя.

Петя Зимянин к Ване:

— Скачешь?

— Скачу, — отвечает Ваня.

Вместе они к Любе Кубанчик:

— Спасает? Тащишь?

— Тащу, — признаётся Люба.

Мечтали, мечтали. И вдруг решили:

- В город идём!
- В райком комсомола.
- Верно!
- Там разберутся.
- Возьмут.

Отправились друзья в уездный город, в райком. Подходят, встречают ребят, таких же, как они. Тоже о фронте мечтают.

- Закрыт, — говорят, — райком.
- Как закрыт?
- Почему закрыт?

Подошли к двери. Висит объявление.

Читает Ваня:

- «Райком закрыт. Все ушли на фронт».
- Растерялись друзья. Огорчение на лицах.
- А мимо спешат ребята:
- Хотите с нами? Пойдёмте. Часть формируется.

И верно, создавалась новая красноармейская часть для борьбы с Деникиным.

Отправились друзья прямо в часть.

- Возраст? — спросили в части.
- Шестнадцать лет, — ответили дружно ребята.
- Ваня Заброда для надёжности даже сказал:
- Семнадцать.

Посмотрели на них командиры. Глаза у ребят как огонь горят.

— Попробуем, что ли? — обратился один командир к другому.

— Можно, пожалуй, — сказал командир второй.

Зачислили в красноармейскую часть подростков. Ушли комсомольцы на бой с Деникиным.

МИЛЛИОН

Белогвардейскому полку, который первым вступит в Москву, был обещан миллионный приз.

Наделал шуму в деникинской армии этот приз. Командиры полков спокойного сна лишились.

Полковник Ордын-Нащокин одним из полков командовал. Ордын-Нащокины — дворяне. Ещё при первых царях Романовых, при царе Михаиле Романове и Алексее Михайловиче, вошёл в известность их древний род. Есть что вспомнить полковнику Ордын-Нащокину, есть чем гордиться. Служил он при царе Николае II в Петербурге в гвардейском полку. Был в Зимнем дворце обласкан. Даже с братом царя дружил.

Кому же, как не ему, не Ордын-Нащокину, первым вступить в Москву. Вступить и приз получить миллионный.

Полковник князь Шуйский тоже полком командовал. Кто же не знает Шуйских.

Вот уж древний, не то что дворянский — боярский род. Ещё до царей Романовых в силу они вступили. Давний предок Шуйских — Василий Шуйский сам был русским царём. Правда, совсем недолго.

Так кому же первым вступить в Москву? Конечно, ему, полковнику Шуйскому, его, шуйскиному полку. Кому получить миллион? Конечно, ему, потомку Василия Шуйского.

Полковник Прохоров тоже полком командовал. Не такого Прохоровы древнего рода, как Шуйские, как Ордын-Нащокины. Даже не дворяне Прохоровы. Не дворяне, зато богаты. Фабриканты они, заводчики. Миллионеры. Новая сила России. Представляет Прохоров обещанный миллион:

— Денежка денежку любит. Миллионы идут к миллионам.

Кому, как не ему, не Прохорову, первым войти в Москву. К миллионам миллион прибавить.

Немало полков у Деникина. Немало полковых командиров. Тот — князь, тот — барон, землевладелец известный, шахтовладелец, пароходы раньше, до революции, были у пятого. Всё достойный народ, значительный. Спорят командиры белогвардейских полков — кому же первым вступить в Москву. Спорят. Уверены — быть им в Москве, быть им в Кремле, быть им на Красной площади. Вернуть им свои богатства.

Много прошли километров деникинцы. Вот взят Курск. Вот вступили они в Орёл. Немного совсем до Москвы осталось.

Дошли до Орла деникинцы. Двинулись дальше на Тулу. Вдруг остановка.

- В чём дело?
- Нам же в Москву!
- Нас ожидает приз!

Однако не смогли они дальше Орла продвинуться. Здесь, под Орлом, и разгорелись основные бои с Деникиным.

Остановился Деникин. Остановились полки. В мечтах миллион остался.

«ПРИВЕТ ИЗ ОРЛА»

Вот как остановили Деникина под Орлом. Шёл Деникин — казалось, дорога на Тулу и дальше на Москву открыта.

Понимает командование Красной Армии: не выдержат ослабленные части лобовое сражение с белыми.

Решает: надо ударить по белым с фланга.
Нацелили удар со стороны Брянска, южнее Орла, прямо в бок и по тылам деникинской армии.

Наступает Деникин. Верит в успех. Спокоен. Вдруг депеша с фронта.

— Что такое?

— Ударили красные.

— Как ударили? Где ударили?!

— Южнее Орла, — отвечают Деникину.

Разгорелось здесь сражение. Лучшие свои части направил сюда Деникин. Бросил самолёты. Поднял офицеров в психические атаки.

Не помогли лучшие солдаты.

Не помогли самолёты.

Не помогли психические атаки.

Пришлось остановить Деникину свой путь на Москву.

Радость у красных:

— Остановился Деникин!

— Стоп!

— Не движется!

Потеряли белые темп, наступательный порыв, как говорят военные — инициативу. Вот и удачный момент красным по Орлу ударить.

Закипело опять сражение. В смертельной схватке сошлись войска.

Каждому ясно: от того, кто кого, зависит судьба Москвы, зависит судьба Советской России.

День и ночь.

День и ночь.

Не стихает сражение. В штыковые атаки идут войска.

В рукопашных схватках сошлись.

Опрокинули красные белых. Ворвались в Орёл герои.

Двенадцать часов бушевало сражение на улицах. Держались белые за каждый выступ, за каждый дом. Но вот иссякла у белых сила. Точка. Конец.

В рядах красных войск, сражавшихся под Орлом, членом Реввоенсовета одной из армий был известный большевик, большой друг Владимира Ильича Ленина — Серго Орджоникидзе.

«Привет из Орла» — послал Орджоникидзе короткую телеграмму Владимиру Ильичу.

Прочитал Владимир Ильич телеграмму. Улыбнулся. Ясно, в чём дело. Рад он орловскому привету.

КРОМЫ

Кромы — небольшой город. Находится он южнее Орла.

Жил в Кромах булочник Абрикосов. Ни молод, ни стар. Ни богат, ни беден.

Тревожная жизнь у Абрикосова. Гражданская война подкатилась к Кромам. С кем, за кого держаться? Об одном он мечтает: лишь бы торговля текла спокойно. Были красные — старался держаться красных. Вступили белые — держится белых.

Неспокоен Абрикосов. Сидит. Гадает. Решает так: если отобьют красные Кромы у белых — будет приветствовать красных.

Отбили красные Кромы. Распахнул Абрикосов двери своей булочной:

— Ура красным!

Видно сразу — стоит за красных.

Однако не завершился бой. Пытаются белые снова ворваться в Кромы. Снова гремит артиллерия.

— Поторопился, — решает Абрикосов. — Не удержатся, кажется, красные.

Закрыл он поспешно булочную.

Отбили белые Кромы. Пришлось отойти красным бойцам.

— Ура белым! Генералу Деникину! — кричит Абрикосов.

Открыл снова двери своей булочной. Пусть все видят, что он за белых.

Только открыл, как опять гремит канонада. Это красные снова идут на Кромы.

— Эх, поторопился, кажется, — решает опять Абрикосов. — Нет, ненадёжно, видать, при белых.

Закрыл он поспешно булочную.

Отбили красные у белых Кромы.

Уже не кричит Абрикосов «ура»! Однако открыл двери своей булочной — пусть все видят, что он за красных.

Открыл. Кажется, всё. Решилось, кажется, всё с Кромами.

И вдруг снова гремит канонада. Снова врываются в Кромы белые.

Вздохнул тяжело Абрикосов. Как же быть? Открывать булочную, не открывать?

Решил подождать.

Правильно сделал.

Отбили красные у белых Кромы.

Однако и теперь не торопится Абрикосов. Проявил осторожность. Видит, снова у белых Кромы.

Закрыл он глаза. Открыл.

Видит, на улицах снова красные.

Закрыл он глаза. Открыл.

Видит, на улицах белые.

Шесть раз переходили Кромы от белых к красным, от красных к белым, от белых к красным.

И всё же завершились бои нашей победой.

Стихла канонада в Кромах. Однако долго ещё Абрикосов не решался открыть свою булочную. Пока не постучали:

— Открывай, открывай! Приходи же в себя, Абрикосов. Взяты навечно красными Кромы.

«РАЗРЕШИТЕ ДОЛОЖИТЬ»

В Красной Армии действовали отряды червонных, то есть красных, казаков. Командовал красными казаками Виталий Примаков. И вот как-то в красных кавалерийских эскадронах стало происходить невероятное. Подходят бойцы друг к другу:

— Как стоишь!

— Молчать!

— Красная сволочь!

— Разрешите доложить, ваше высокоблагородие.

И в кавалерийском полку Латышской дивизии, которым командовал Ян Кришьян, тоже стало происходить невероятное. Подходят бойцы друг к другу:

— Бей красных!

— Долой Советы!

— Молчать!

— Разрешите доложить, ваше высокоблагородие.

И у конников Кубанской бригады происходит то же самое невероятное.

К вечеру и у красных казаков, и у латышских кавалеристов, и у кубанских конников — новое: принесли им белогвардейскую одежду, стали они переодеваться. Переоделись и снова:

— Ваше благородие...

— Ваше сиятельство...

— Слава генералу Деникину!

Что такое?

Оказалось, красные командиры решили отправить червонных казаков, кубанцев и латышских конников в тыл к Деникину. Вот и переоделись они в белогвардейскую форму, вот и подражали в командах и разговорах белым.

Старшим над советскими конниками был назначен Виталий Примаков.

Ноябрь. Глубокая осень. Для перехода в тыл к белым выбрали тёмную ночь. А тут ещё выпал снег. Разыгралась метель.

Укрыла красных пороша-вьюга. Прошла конница Примакова незаметно в тыл к белым.

Правда, несколько раз деникинские посты окликали наших.

— Свои, — отвечали красные конники. И тут же кто-нибудь зычно: — Слава генералу Деникину!

Видят белые: едут конники в форме белых. Славу кричат Деникину. Ясно — свои, не красные.

Проникли красные в тыл к белым. Устремилась в лихую атаку конница. Заработали острые шашки.

Среди деникинцев паника, крики. Не поймут, кто же у них в тылу:

Красные?!

— Белые?!

— Белые?!

— Красные?!

Разобрались:

— Красные! Красные!

Несётся лавиной советская конница. Идёт по тылам деникинцев: Поныри, Ольховатка, Возы, Фатеж...

Трепчат, рассыпаются тылы у Деникина. В панике, в страхе белые.

Улыбается Примаков. Представляет белых:

— Как стоишь!

— Молчать!

— Разрешите доложить: бежим, ваше высокоблагородие.

ЯН ФАБРИЦИУС

Ещё в молодые годы друзья называли Яна Фабрициуса «Железный Мартын».

И вот:

— Железный Мартын!

— Железный Мартын прибыл!

Это передавалось среди белых солдат. Не только наши бойцы, но и наши враги не раз уже слышали о красном командире Яне Фабрициусе. Немало всяких легенд среди белых солдат о бесстрашном красноме тогда ходило. И будто бы пули его не берут. (Хотя на самом деле семь раз был ранен в боях Фабрициус.) И о том, что не знает в боях поражений. (Что верно, то верно.) И о том, что не бывало меткий стрелок Фабрициус. (И снова верно.) И даже о том, что будто бы вовсе не рядовой он в прошлом солдат (как было на самом деле), а бывший царский полковник. Любил его царь, а затем разжаловал. В Сибирь сгоряча отправил.

Действительно, немало лет в Сибири провёл Фабрициус.

Вот как сложилась его биография. Родился Ян Фабрициус в Латвии, в семье батрака, крестьянина. Здесь в Латвии он учился, работал, вступил в партию большевиков. В городе Риге, в Вилдаве (теперь это город Вентспилс) вёл революционную работу.

За революционную работу и погнали его в Сибирь. Побывал он на суровой сибирской каторге. А затем был оставлен на вечное здесь поселение. Многому научился в Сибири Фабрициус. И на охоту ходить, и метко стрелять, и людей уважать, и не бояться сибирской стужи.

Ян Фабрициус был среди тех, кто с первых же дней создания Красной Армии стал одним из её командиров. Сражался с немцами под Гдовом, у Пскова, в Эстонии, в Латвии. Бился с войсками Юденича. Прибыл теперь под Орёл. Начал бои с Деникиным.

Передаётся среди деникинцев:

— Железный Мартын прибыл!

Девочка Ксюша Корзинкина тоже услышала про Фабрициуса. Как-то комбриг Ян Фабрициус с отрядом красных бойцов проезжал через их село. Сложилось так, что заночевал он в Ксюшином доме.

Глянула Ксюша. Замерла Ксюша — перед ней человек железный!

Знала девочка, что дядю военного называют железным. Решила, что и вправду он из железа сделан. Хотела спросить. Да не решилась. Всё крутится возле Фабрициуса, всё старается рукой его тронуть.

Дотронется — нет, кажется, не железный. «А может, всё же железный?» — сомневается Ксюша. Решила проверить наверняка. «Достану иглу. Кольну. Если железный — не вскрикнет», — рассудила девочка.

Достала иглу. Кольнула. И что же?

Разгадал Фабрициус нехитрый Ксюшин приём. Не вскрикнул.

«Значит — железный», — довольна Ксюша.

Всю гражданскую войну прошёл Ян Фабрициус. Отличался он исключительной смелостью. Лишь четыре человека за всю историю гражданской войны были удостоены четырёх орденов Красного Знамени. Это Ян Фабрициус, Иван Федько, Василий Блюхер, Степан Вострецов. Среди этой когорты отважных Ян Фабрициус был первым. То есть именно ему первому в нашей стране было вручено четыре ордена Красного Знамени.

Основные бои под Орлом, под Кромами вела 14-я советская армия. Командовал этой армией Иероним Уборевич. По его же предложению в глубокий рейд по тылам белых была отправлена конница Примакова.

Родился Уборевич в Литве, недалеко от города Каунаса. Родился в семье крестьянина. Рос. Пас помещичьих гусей. Рано освоил грамоту. Мировая война резко изменила жизнь литовского паренька. Послали его в артиллерийское училище. Стал подпоручиком Уборевич. Когда произошла Февральская революция, он уже был большевиком. В Красной Армии командовал полком, бригадой, дивизией. И вот получил назначение под Орёл командующим 14-й армией. Нелегко пришлось новому командующему. Армия была потрепана белыми в боях. Отступала. Среди бойцов нашлись и паникёры, пополнили слухи:

— Деникина не осилишь.

— Дело дрянь.

Редкой энергией обладал командующий. Прекратил ненужные разговоры. Навёл порядок в частях. Сам ездил по дивизиям, по бригадам. Как одеты, во что обуты бойцы, следил. Как с оружием на передовой, как с боеприпасами. Интересовался всем.

Встретил Уборевич однажды бойца. Проверил винтовку.

В грязи винтовка. В пыли. Не смазана.

Разобрал командарм при бойце винтовку. Прочистил. Ствол и затвор маслом протёр ружейным.

Вернул винтовку. Сказал бойцу:

— Будет грязной, опять придёшь.

Провалиться готов был боец сквозь землю. Навечно урок запомнил.

Приказал Уборевич отрыть окопы, возвести минные поля, оборудовать огневые точки. Заставил тех, кто неопытен, учиться стрельбе и штыковому бою. Не пропали усилия даром. Подтянулась армия, набралась сил.

14-я армия Уборевича и нанесла удар по Деникину южнее Орла, а затем вместе с соседней армией, с 13-й, отбила Орёл у белых, сорвала поход Деникина на Москву.

Шутили, улыбались красноармейцы:

— Пригласил Уборевич Деникина.

— Давай на Уборевича три Деникина!

Армия Уборевича и после Орла громила деникинские войска. Освобождала Украину, гнала белых до Чёрного моря.

Командующему 14-й армией Иерониму Петровичу Уборевичу было всего 23 года.

— Мальчишка! — ругались белые.

— Командарм Уборевич! — гордились красные.

Красная Армия штурмовала Воронеж. Разгромить в этом районе белых и взять город Воронеж поручили конному корпусу Семёна Будённого.

Подшли конники к Воронежу. Остановился Будённый. Послал разведчиков.

Разведали красные силы белых. Намного больше они, чем у красных. Главная сила белых — конный корпус генерала Шкуро.

Требуют горячие головы:

— Ерунда, что больше!

— Вперёд, на штурм!

— Выбьем лихой атакой!

Не соглашается Будённый.

Даже приказ от старших командиров пришёл. И в нём — штурмовать Воронеж.

Не соглашается Будённый.

Воронеж стоит на высоком месте. Подходы к нему открыты. Понимает Будённый: расстреляют с воронежских высот белые красную конницу на подходах к городу.

Видит Будённый успех не в штурме Воронежа, а в открытом бою с конницей белых. Надо, чтобы вышел Шкуро из Воронежа. Надо выждать, решает Будённый. Уверен — не усидит долго Шкуро в Воронеже. Выйдет из города, попытается снять осаду, разбить красных. Вот тут-то и не зевай.

Ждут будёновцы.

День ждут. Не выходит Шкуро.

Два ждут. Не выходит Шкуро.

Три ждут. По-прежнему в городе всё спокойно.

Снова идут разговоры:

— Подумаешь — больше!

— А мы их с ходу!

— Как же так, на войне — без риска?!

Не поддаётся Будённый. Ждёт.

Дождлся Будённый. Вышел Шкуро из Воронежа. Как раз на четвёртый день.

— Ну, теперь проявляй героизм! — крикнул бойцам Будённый.

Проявили героизм красные.

Хоть и больше числом тех было. Однако сила не вровень силе. Меньше будёновцев. Да, видно, точней удар.

Разбили генерала Шкуро будёновцы. Ворвались они в Воронеж.

Едет Будённый, глаза сверкают. Выдержка в битве исход решает.

Олеко Дундич — герой, человек-легенда. Таким вошёл он в историю гражданской войны. Красный Дундич его назвали.

По национальности Дундич хорват. Родился в Далмации, в нынешней Югославии.

Немало боевых подвигов на счету у Красного Дундича. Вот лишь один из них. Было это в те дни, когда стаяли будёновцы под Воронежем, всё пытались солдат Шкуро из города в поле выманить. То промчатся верхом перед самым городом, то подкрадутся ночью, снимут в темноте неприятельские караулы, а то и вовсе лихим наскоком потревожат заставы белых.

— Что бы ещё придумать?

Решили письмо написать Шкуро. Вспомнили, как запорожские казаки турецкому султану когда-то письмо писали. Есть знаменитая картина художника Репина «Запорожцы пишут письмо турецкому султану». Вот и будёновцы решили написать письмо генералу Шкуро.

Собрались в круг. Сочиняли вместе. В выражениях не стеснялись. Называли генерала разными крепкими словами. Обещали на телеграфном столбе повесить. Но главное было в том — писали, что завтра ворвутся они в Воронеж. Приказ отдавали белым — приготовиться всем к параду. Письмо подписал Будённый.

Как же переправить письмо Шкуро?

Проникали не раз в Воронеж красные разведчики. Знают, где штаб Шкуро.

Доставить письмо вызвался Олеко Дундич.

— Доставлю в самый штаб, — говорил Дундич. — В руки дежурному передам.

Выполнил Дундич своё обещание. Офицерскую форму надел, прикрепил погоны, офицерский ремень поправил. Проник сквозь заставы белых. Вот он в Воронеже. Вот и штаб генерала Шкуро.

Поднялся по лестнице. Честь по дороге кому-то отдал. От кого-то принял. Постучал к дежурному офицеру. Вошёл, представился, сказал:

— Пакет для генерала Шкуро. Срочный.

Вручил... Козырнул. Повернулся. И след пропал.

Вышел Дундич на улицу, подумал: тихо, спокойно, нигде ни тревоги, ни паники. Встряхнуть, что ли, белых?

Достал две гранаты. Бросил в открытые окна штаба.

Выбежали офицеры:

— Держи! Лови!

И Дундич вместе со всеми:

— Лови! Держи!

Бегают все, суетятся. Кого хватать, не знают.
Наслаждался будёновец паникой. Надоело бегать ему со всеми, в сторонку, бочком, шажком — и тихо ушёл из штаба.
Благополучно вернулся Дундич.
А Шкуро?
Прочитал он письмо Будённого. Жарко пришлось офицерам. Чуть не лопнул Шкуро от генеральского гнева.

КАСТОРНАЯ

Конный корпус Будённого шёл на Касторную. После взятия Воронежа получил он приказ пробиться в тылы к Деникину. Ворвались будёновцы на станцию Суковкино. Захватили в плен отряд белых. В том числе и офицера из штаба генерала Постовского. Генерал Постовский командовал всей касторненской группировкой белых.

От пленённого офицера будёновцы узнали, сколько белых солдат обороняет Касторную, сколько пушек, сколько броневых автомобилей у генерала Постовского. Узнали и о том, что у белых в Касторной имеется четыре бронепоезда.

— Ого!

— Четыре!

— Поделиться бы не мешало!

— А что — хорошая мысль, — сказал Будённый.

Подшёл Будённый к телефонному аппарату, приказал белому офицеру соединить его со штабом генерала Постовского. Соединили.

Докладывает Будённый, словно бы он не красный командир, а белый офицер, что рядом со станцией Суковкино появились разъезды красных. Просит для защиты станции прислать бронепоезд.

Посоветовались в штабе генерала Постовского, ответили, что пришлют.

И верно. Прибыл поезд на станцию Суковкино. Прибыл и прямо в руки к будёновцам. Командир бронепоезда Будённому, приняв его за белого генерала, даже рапорт отдал:

— Ваше превосходительство, бронепоезд в ваше распоряжение прибыл.

Довольны будёновцы. И всё же. Идут разговоры:

— У белых три бронепоезда. У нас один. Несправедливо.

Усмехнулся Будённый. Согласился:

— Несправедливо.

Снова приказывает он белому офицеру соединить его со штабом генерала Постовского.

Соединили.

Снова разговаривает Будённый. Благодарит за первый бронепоезд. За «помощь». И тут же докладывает, что ещё в одном направлении обнаружены красные. Что было бы хорошо получить и второй бронепоезд.

Посоветовались в штабе генерала Постовского. Вскоре сообщили:

— Высылаем второй бронепоезд.

Достался и этот будёновцам.

— Чудеса! — смеются будёновцы. — Вот теперь поровну. Два на два.

Начал корпус Будённого штурм Касторной. Не удержались белые. Генерал Постовский бросил свой штаб. Бежал.

Взяли будёновцы Касторную, как и конники Примакова, устремились в тылы к белым.

Затрепали тылы Деникина.

КОМПЕНСАЦИЯ

Когда наступал, когда продвигался вперёд Деникин, вслед за Деникиным, так же как вслед за Колчаком, за Юденичем, возвращались в свои имения помещики.

— Всё вернуть, возместить, по-старому восстановить, — таков был приказ Деникина.

Прибыл в своё имение и помещик Ряжский. Вернули помещику землю, дом, конюшню, коней. Всё до иголки собрал помещик.

— Ну, кажется, всё собрал, — успокоились на селе.

— Нет, не всё, — заявляет Ряжский. — А зеркало!

Оказалось разбитым помещичье зеркало.

— А стенные часы!

Оказалось, почему-то перестали ходить часы.

— А флюгер! — не унимается Ряжский.

Стоял флюгер на крыше барского дома. Свалился почему-то, помялся флюгер.

— За всё это, — заявил Ряжский, — полагается компенсация.

Пришлось крестьянам рассчитаться с помещиком за флюгер, часы и зеркало.

Понравилась Ряжскому компенсация.

Вспомнил про свой помещичий луг. Пока был в бегах помещик, крестьяне на луг выгоняли крестьянский скот.

— Мою траву ваши коровы съели! — стал бушевать помещик.

Потребовал Ряжский за траву компенсацию. Повздыхали крестьяне, поохали. Потасили рубли помещику.

Вспомнил Ряжский про свой помещичий лес. Лес как лес. Ведь на то и лес. Брали, конечно, крестьяне в лесу и брёвна для починки и кладки изб и для печей собирали хворост.

— Лес погубили, лес погубили! — кричал помещик.

И хотя лесу никакого урона не было, потребовал Ряжский и тут компенсацию.

Вздыхают крестьяне, охают. Нет у них денег. Обчистил их Ряжский, как заяц липку, как кошка миску.

— А вы — натурой, натурой! — кричит помещик.

Потасили крестьяне Ряжскому поросят и гусят, утят и цыплят.

Нравится Ряжскому компенсация. За то, что подгнили стол-

бы у ворот в имение, почему-то с крестьян — компенсация. За то, что дождями размыло у этих ворот дорогу, — компенсация. Даже за то, что берёзу у господского дома разбило громом, всё так же с крестьян компенсация.

Думает Ряжский, что бы ещё придумать. Придумал.

— За то, что уехал! — кричит помещик. — В дороге понёс расходы!

— За то, что приехал! — кричит помещик.

Даже железнодорожный билет предъявил крестьянам.

Возместили крестьяне ему отъезд. Возместили ему приезд.

— За то, что моральный понёс ущерб! — новый заход начинает Ряжский.

Неизвестно, что бы Ряжский ещё придумал. Да тут погнали назад Деникина. Видит Ряжский — дела неважные. Сам за винтовку взялся. В перестрелке его и убило.

Узнали крестьяне. Вздохнули крестьяне. Кто-то сказал:

— Компенсация.

Кто-то добавил:

— Полная.

БЛАГОРОДСТВО

Подняли белых солдат по боевой тревоге. Прибыл вагон с оружием.

Таскали солдаты снаряды.

Таскали патроны.

Гранаты.

Фугасы.

Мины.

Разгрузили вагон солдаты. Пропотели. Взмokли. Однако довольны.

— Спасибо. Задарма и такие горы.

Оружие прислали французы и англичане.

Объясняет унтер Зацепя:

— Называется благородство.

Прошёл день. Вновь подняли солдат по боевой тревоге. Снова команда звучит:

— На станцию!

Пришли солдаты. Десять стоит вагонов.

— Вот это да!

— Десять прислали, смотри, вагонов.

Раздвинулись двери — пустые внутри вагоны. Тут же рядом с путями склады.

— К складам! — солдатам дана команда.

Подошли они к складам.

— Давай приступай. Загружай вагоны.
 Таскают солдаты мешки с мукой.
 Таскают солдаты мешки с крупой.
 Бочки с маслом.
 Бочки с мёдом.
 Грузят сахар.
 Колбасы.
 Сало.
 Загрузили. Пошли вагоны.
 Договор такой у Деникина с французами и англичанами.
 За вагон вооружения отправляет Деникин за границу десять вагонов продовольствия.
 Один за десять.
 Набросились солдаты на утера Зацепу:
 — Где же твоё благородство?!
 Стоит Зацепа. И верно — где же тут благородство?
 Чешет в темени старый солдат. Что тут сказать, не знает.
 — Молчать! — выкрикнул вдруг Зацепа.
 Притихли солдаты. Сжали рты.
 Не в словах сейчас дело. Разобрались солдаты, что здесь к чему, узнали про цену заморской помощи.
 Прижаты солдатские рты. Глаза у солдат раскрылись.

КОРОЛЕВСКОЕ ВИСКИ

У командующего Добровольческой армией генерала Май-Маевского было два денщика — белогвардейские солдаты Франчук и Прокопчук.

Много обязанностей у денщиков. Чистить генеральский мундир. Чистить генеральские сапоги. Чистить коня. Генерала кормить, поить. Коня под уздцы водить. И ещё одна — таскать генеральские чемоданы.

Надрывается Франчук. Надрывается Прокопчук. Увесисты генеральские чемоданы.

А тут, было это как раз перед началом наступления Деникина на Москву, получил генерал Май-Маевский подарок от самого английского короля — ящик столетнего шотландского виски.

— В Москве разорью, — заявил Май-Маевский.

У Франчука и Прокопчука прибавился новый груз.

Английские богатеи с особым вниманием следили за наступлением войск Деникина. Не жалели капиталисты своих миллионов. Оружие, боеприпасы, военное снаряжение текут и текут к Деникину. Старались богатеи задобрить и деникинских генералов.

Гордился Май-Маевский подарком английского короля. Перед другими любил похвастать. Хлопнет в ладоши. Тащат Франчук и Прокопчук королевское виски. Показывает всем генерал Май-Маевский:

— От английского короля. От Георга V. От его королевского величества.

До Курска, до Кром, до Орла дотащили Франчук и Прокопчук подарок английского короля. Потащили теперь назад.

— О-ох... — надрывается Франчук.

— О-ох... — надрывается Прокопчук.

Снова в Кромах они. Снова в Курске. Вот до Харькова дотащились.

— О-ох... — надрывается Франчук.

— О-ох... — надрывается Прокопчук.

Тащат они чемоданы. Тащат ящик с шотландским виски.

Не поправляются дела в деникинской армии. Рушится армия. Рушатся планы. Пятятся белые к югу.

Где-то под Харьковом, в степи украинской ударил снаряд в обоз Май-Маевского. Прекратил он мучения генеральских денщиков. Мокрое место теперь от виски. Плакали генеральские чемоданы. Плакал ящик с шотландским виски.

Да что там виски. Срывался деникинский поход на Москву. Миллионы английские горько плакали.

ВЕЩЕСТВЕННОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО

Красная Армия освобождала Донбасс.

Донбасс — это богатства страны: уголь, металл, большие машиностроительные заводы.

Ох как нужен стране Донбасс! Не хватает угля фабрикам и заводам, пароходам и паровозам. Нужен уголь стране, как человеку воздух.

Как же быстрее освободить Донбасс? Кто быстрее прогонит белых?

Конечно, конница.

Освобождение Донбасса поручили конникам Семёна Михайловича Будённого. Разрослась конница Будённого. Целой армией стала. Получила она название — 1-я Конная армия.

В Конную армию Будённого были включены и две стрелковые дивизии. Слаженно действовали конники и пехотинцы. Поступали так: оттянут на себя пехотные части внимание белых. Войдут белые в бой, увлекутся схваткой. А в это время кавалерийские дивизии красных обойдут противника с флангов, проникнут в тыл, поднимут панику среди белых, а затем вместе

с пехотинцами — одни с фронта, другие с тыла — добьют денинцев.

Так случилось и в первом бою за Донбасс. И сразу же первый успех Будённого.

Не все соглашались до этого с планом бросить конников на освобождение Донбасса. Не верили, что это окажется под силу коннице.

Доказали конноармейцы Будённого обратное.

Когда будёновцы взяли первую железнодорожную станцию на донецкой земле, станцию Сватово, они тут же в Москву в подарок московским рабочим отправили железнодорожный эшелон самого лучшего донецкого угля.

— Вещественное доказательство, — говорил Будённый. — Пусть все знают, что мы в Донбассе.

СЛУЧАЙНО

Знают будёновцы: не ведает страха Будённый. Отважный он из отважных. Не зря во время мировой войны, сражаясь солдатом-кавалеристом, заслужил он четыре Георгиевских креста да к ним ещё и четыре боевые медали. Называлось это иметь полный бант Георгиевского кавалера. Немного было таких даже среди самых заслуженных солдат. Случай исключительный, редкий.

Лихо носился в атаки Будённый. И сейчас не покидает лихость. Однако сейчас, когда Будённый не рядовой солдат, а командарм — командующий армией, это ли главное — с шашкой скакать на белых.

Заметил как-то член Реввоенсовета 1-й Конной армии, а был им герой Царицына и Царицынской обороны Климент Ефремович Ворошилов, на полушубке Будённого свежую прореху от осколка вражеского снаряда, покачал головой. Ясно Ворошилову: снова Будённый был в гуще боя.

— Случайно, — замялся Будённый. — Случайно...

Говорил Ворошилов Будённому, что дело командующего армией управлять войсками, руководить боем, а не кидаться под пули.

— Верно, верно. Так, так, — кивает головой Будённый.

Продолжает 1-я Конная армия освобождать Донбасс. Вступает из боя в бой.

На одном из участков на части красных навалились превосходящие силы конницы белых. Вот-вот не устоят наши. Уже врзались белые в ряды красных. И вдруг прорывается наш бронепоезд. На бронепоезде, на открытой платформе, под обстрелом белых кто-то стоит, шашка поблёскивает.

Присмотрелись бойцы — Будённый!

Летит бронепоезд, что конь в бою. Подошёл Будённый к обрезу бронеплатформы, выхватил из ножен шашку, что-то кричит, кому-то грозит, шашкой, словно указкой, машет. Спрыгнул потом с платформы. Где же Будённый? Где же Будённый? Вновь верхом на коне Будённый. А кто там рядом с Будённым скачет? Член Реввоенсовета Климент Ворошилов.

После боя Ворошилов снова к Будённому с замечанием про лишнюю удаль.

— Так я же за бронёй, за бронёй, на бронепоезде, — отшучивался Будённый. — Это ты на коне — в атаке.

— Случайно, — оправдывался Ворошилов. — Случайно.

Упорными были бои за Донбасс. Героически сражались будёновцы. Приказ о наступлении на Донбасс 1-я Конная армия получила 12 декабря 1919 года. А к 1 января 1920 года, то есть меньше, чем через двадцать дней, весь Донбасс был освобождён от белых.

ТОВАРИЩ ГАВРО

Многие прославились в боях с Деникиным. Среди отважных — и Лайош Гавро.

— Лайош Гавро?

— Что за имя? Откуда фамилия?

Лайош Гавро по национальности венгр. Командовал он Интернациональным полком. Не только венгры, но и чехи, и словаки, и немцы, и поляки боролись за Советскую власть в составе этого полка.

Вступит во время похода полк в деревню. Размещаются красноармейцы на ночлег. Поражаются сельские жители:

— И немцы?

— И немцы, — отвечает Лайош Гавро.

— И чехи?

— И чехи.

— И словаки?

— И словаки.

— И поляки?

— И поляки.

— Целый интернационал!

— Потому и полк Интернациональный, — отвечает Гавро.

С любопытством поглядывали крестьяне на красноармейцев-интернационалистов. Ребята сбивались в кучки, гадали, кто из пришедших чех, кто словак, кто поляк. Друг дружке потом докладывали:

— А у нас в избе на постое немец.

— А у нас два поляка.

— А у нас и венгр, и словак.

Бабы о пришедших бойцах судачили:

— Немцы на волос — они светлее. Чехи — они потемнее.

— Венграм — чтобы в вареве перцу побольше было. Полякам — побольше соли.

Сельские старики и те не безучастны к приходу интернационалистов. Сами солдатами были в прошлом. Обращаются к Лайошу Гавро:

— Как же команды они понимают?

— Понимают! Отлично, отцы, понимают, — отвечает Лайош Гавро. — Без промаха белую нечисть бьём.

Не один Интернациональный полк был в Советской России в годы гражданской войны. Сражались интернационалисты на Восточном фронте против Колчака. Бились в других местах. Сражались и здесь, на юге, против Деникина.

Когда войска генерала Деникина наступали, полк Лайоша Гавро держал оборону в районе Киева.

Опасались белые встреч с интернационалистами. Знали и про Интернациональный полк, и про его командира Лайоша Гавро.

— Здесь Лайош Гавро! Здесь Лайош Гавро! — передавалось среди деникинцев.

Когда разбили Деникина под Орлом, когда погнали на юг деникинские войска, Интернациональный полк Лайоша Гавро вновь оказался под Киевом.

— Здесь Лайош Гавро! Здесь Лайош Гавро! — вновь с тревогой передавали друг другу белые.

Не зря опасались белые. С напором, умело сражались интернационалисты. В числе первых ворвались в Киев.

Любил Лайош Гавро свой многонациональный полк, своих бойцов-интернационалистов, ценил братство, отвагу, революционный пыл.

— Как Днепр и Дунай текут в одно море, так и все народы пойдут к коммунизму, — говорил Лайош Гавро.

Двумя орденами Красного Знамени был награждён Лайош Гавро за свои подвиги в борьбе за Советскую власть в России.

Во всех частях Красной Армии знали имя отважного красного командира-интернационалиста, называли: «Товарищ Гавро».

ТРОЙНОЙ ПРАЗДНИК

Бои шли у станции Лихой, недалеко от города Ростова-на-Дону, на подходах к городу Новочеркасску. Сражалась здесь дивизия, которой командовал Медведевский.

Самуил Медведевский был в прошлом солдатом, а затем прапорщиком царской армии. Участвовал в мировой войне. Четыре Георгиевских креста заслужил за подвиги. Медведевский был хладнокровным, выдержанным командиром.

Лихая — станция очень важная. Стянули сюда белые крупные силы, построили укрепления. Атаковать Лихую одной дивизией — значит понести очень большие потери. Да и возмёшь ли?

Понимает это Медведевский.

Был он солдатом. Берёг солдат. Знал цену солдатской крови.

Кончался декабрь. Вот-вот застучатся в окна январские морозы.

Понимает Медведевский: не усидят долго в окопах белые. Не сегодня-завтра отведут их на окрестные хутора — в тепло, на отдых.

Главное сейчас — выждать, не выдать своего присутствия.

Посылает начальник дивизии в тылы к белым разведчиков.

— Ну как?

— Не отходят белые. Сидят в окопах.

Прошёл день.

— Ну как?

— Не отходят, сидят в окопах.

— Ну что же, подождём, — говорит Медведевский.

Дождь начался начальник дивизии своего. Пришли разведчики из разведки, доложили:

— Отошли белые на хутора.

— Вот теперь самый час! — сказал Медведевский.

Бросились красные в бой. Смяли ослабевшие заслоны белых. Захватили Лихую с ходу.

Подняли белые солдат с хуторов по боевой тревоге. Бросились, хотели отбить Лихую. Да не отдал её Медведевский. Крепко держал в руках. Подпустил начальник дивизии белых почти к самой станции. Осталось всего 50 метров.

— Ну, кажется, вернули Лихую, — решили белые.

— Огонь! — скомандовал Медведевский.

Укрыл он в засадах пулемётчиков и пулемёты. Открыли огонь пулемёты. Сдули, скосили белых.

— Лихо, лихо, — говорили Медведевскому после боя.

— Так ведь станция Лихая, — отвечал Медведевский.

Бой за Лихую произошёл 2 января 1920 года. Это был день рождения Медведевского.

Двойной праздник у Медведевского.

За взятие станции Лихой командир дивизии Самуил Пинхусович Медведевский был награждён орденом Красного Знамени.

Тройной праздник у Медведевского.

Наступает Красная Армия. Двигается вперёд. Да не всё просто. Не всё как на ровном поле.

Немало силы ещё у белых. Огрызаются белые. Сами идут в атаки.

Всё больше, больше звереют белые.

Продвигаясь к Ростову, под удар конницы белых попала одна из красных бригад. Сражались упорно красные. Да силы неравные. Всю злобу свою белые на красных бойцов обрушили.

Врезались белые в цепь бригады. До последнего патрона, до последних сил сражались красные. 900 человек погибло. Сто израненных были схвачены белыми в плен.

Построили белые красных бойцов. Ненавидят они больше всего комиссаров, больше всего большевиков, больше всего командиров.

Решили белые расстрелять большевиков и комиссаров.

Требуют от бойцов:

— Кто большевики?

— Кто комиссары?

Молчат бойцы.

Пригнали белые пленных на станцию Приволье. Снова ведут допрос:

— Кто большевики?

— Кто комиссары?

Дали клятву бойцы молчать.

И вдруг вышел вперёд один. Неужели нарушит клятву?

Глянул боец на небо, на синь, на даль. Глянул гордо на белых:

— Все большевики, все коммунисты!

Рассвирепели белые. Направили на красных винтовки. Выскочил вперёд офицер, закричал:

— В последний раз спрашиваю: кто большевики, кто комиссары?

— Все большевики! — как эхо прокатилось в ответ.

— Пли! — закричал офицер.

Расстреляли белогвардейцы красных. Всех до одного. Всех сто человек.

Нет теперь станции Приволье. В память о погибших здесь красных бойцах станцию называли Красная Могила.

Если случится, читатель, что будешь ты в тех местах, знай, почему так называется станция, вспомни подвиг великих дедов. Вспомни и поклонись героям.

Конная армия Будённого шла на Ростов.

— Сообщения с фронта! Сообщения с фронта! — выкрикивали бойкие ростовские мальчишки — продавцы газет.

По городу прошли слухи, что приближаются красные. Деникинцы в газетах дали опровержение.

— Сообщение с фронта! Сообщение с фронта! Красные разбиты! Красные разбиты! — выкрикивали мальчишки. — Отброшены на север на сто километров.

Не очень точные были данные. Хотя севернее Ростова конница белых действительно нанесла значительный урон двум пехотным дивизиям красных, которые наступали на Ростов. Пришлось дивизиям отступить.

Веселятся в Ростове белые. Веселятся все, кто сочувствует белым. Разговоры везде об одном: разбиты красные, отброшены на сто километров на север.

— Вы читали? Отброшены.

— На сто километров.

— Ого!

— Вы слышали? Отброшены.

— На сто километров.

— Браво!

Было это 8 января 1920 года. Стоял как раз второй день рождества Христова. Праздник такой церковный.

Веселятся в Ростове белые.

Офицеры на балах, в ресторанах, в домах богатых, на приёмах званных радуются:

— Новость какая — разбиты красные!

А Конная армия Будённого уже совсем рядом была с Ростовом.

Возвращаются деникинцы из ресторана. Их окликают:

— Стой!

Остановились деникинцы. Глазам своим не верят — отряд красных стоит на улице.

Едет трамвай по улице. Офицеры домой провожают барышень. Вдруг остановка. Офицеры глазам своим не верят — красный патруль на улице.

Сидят генералы на званом ужине в богатом доме. Ведут беседы о боях, о чинах, о здоровье, о погоде. Вдруг... что такое? Глазам своим не верят — на пороге красноармейцы. В кавалерийской, в будёновской с красными звёздами форме.

Появление красных в Ростове было столь неожиданным, что деникинцы опомниться не могли.

— Какие красные?!

— Откуда красные?!

— Тыфу, тыфу, ночь рождества... В ночь-то такую всегда мерещится, всегда чудеса творятся.

И верно — свершилось чудо. Победным маршем ворвался в Ростов Будённый.

НЕ ПОВТОРИЛОСЬ

Был в войсках у Деникина генерал Мамонтов. Как и генерал Шкуро, он тоже командовал конным корпусом.

Завидовали постоянно друг другу белые генералы. Шкуро старался, чтобы о нём говорили больше, Мамонтов — чтобы о нём, о его победах.

Отличится в бою генерал Мамонтов.

Переживает генерал Шкуро.

Отличится Шкуро.

Переживает Мамонтов.

Дорого порой обходилось белым соперничество деникинских генералов.

Случилось это ещё в те дни, когда наступал Деникин. Одну из советских дивизий белые старались взять в окружение. С севера на неё наступал генерал Мамонтов, с юга — Шкуро.

Старается каждый из них быть первым в победе над советской дивизией.

Торжествуют белые:

— Попалась дивизия красных!

Открыли по нашим артиллерийский огонь солдаты Мамонтова. И тут же открыли солдаты Шкуро.

До темноты шёл бой. Ночью затих.

А утром генералы с новой силой рванулись в бой.

Стреляют солдаты Мамонтова.

Стреляют солдаты Шкуро.

Стреляют.

Стреляют.

Стреляют.

И вдруг:

— Стойте!

— Стойте же, дьяволы!

— Стойте!

Оказалось, что стреляют они друг в друга. Солдаты Мамонтова в солдат Шкуро. Солдаты Шкуро в солдат Мамонтова.

Ночью незаметно оврагами, балками вышла красная дивизия из окружения. Соприкоснулись белые с белыми. Несколько часов, не переставая, били, крошили, уничтожали друг друга.

Был генералам разнос от Деникина.

— Не повторится, — поклялся Мамонтов.

— Не повторится, — слово дал генерал Шкуро.

Повторилось.

Белые брали в те дни Воронеж. И генерал Шкуро, и генерал Мамонтов — каждый старался первым ворваться в город.

Подожёл Мамонтов к Воронежу, открыл ураганный огонь. А в Воронеже в это время уже был генерал Шкуро. Решил Шкуро, что это красные хотят вернуть Воронеж, и тоже открыл ураганный огонь.

Стреляют солдаты Мамонтова.

Стреляют солдаты Шкуро.

Стреляют.

Стреляют.

Стреляют.

Четыре раза ходили в прямую атаку солдаты Мамонтова. Четыре раза косили их пулемётным огнём солдаты генерала Шкуро.

Снова разнос от Деникина генералам.

— Не повторится, — снова клянётся Мамонтов.

— Не повторится, — опять утверждает Шкуро.

Правы оказались теперь генералы. Не повторилось. Разбили в упорных боях красные будёновские всадники белогвардейские конные корпуса. Разбиты Шкуро и Мамонтов. Некому больше стрелять друг в друга.

«РЫЖИЕ УСЫ»

Река Волга. Город Царицын. Здесь тоже идут бои с Деникиным.

Город Царицын — нынешний Волгоград. Город-легенда. Город-герой. В этом городе и вокруг него в годы Великой Отечественной войны гремела великая Сталинградская битва. Упорные бои здесь шли и во время гражданской войны. В 1918 году Царицын безуспешно старался взять генерал Краснов. Сейчас Царицын находился в руках у деникинцев. В ночь на 3 января 1920 года красные начали штурм Царицына.

Вот как готовился этот штурм.

Одним из красных командиров, войскам которого предстояло штурмовать Царицын, был Епифан Иович Ковтюх. Опытный командир, умелый. Красные — на левом берегу Волги. А Царицын — на правом. Волга река широкая, самая большая река во всей Европе. Нелегко преодолеть такую преграду. А преодолеть её надо, к тому же скрытно. Защищают Царицын крупные силы Деникина. Понимает Ковтюх — лишь неожиданной атакой можно осилить белых.

Декабрь. Вот-вот замёрзнет, остановится Волга. Предложил

Ковтюх по первому льду смелой атакой ворваться в город. Первый лёд на реке всегда непрочен, всегда очень тонок. Не ожидают деникинцы в эти дни красных.

Знают красноармейцы план Ковтюха. Даже придумали название для этого плана — «Рыжие усы». Это у Ковтюха-то усы рыжие.

Заняты бойцы целый день работой. Стаскивают к Волге доски, сбивают настилы, чтобы положить их на неокрепший лёд. Настилы и помогут бойцам перейти на тот берег. Из брёвен делают лыжи для артиллерии. Поставят бойцы пушки на эти лыжи. Поедут и пушки на правый берег. Подтаскивают к Волге сани. На этих саях через Волгу потащат они патроны, снаряды.

Кипит работа. Идёт работа. Конечно, от белых тайно.

Декабрь в середине. Пора бы замёрзнуть Волге.

Течёт Волга.

Последние дни декабря. Не бывало такого, чтобы Волга к этой поре не стала.

Течёт Волга.

Новый год наступил, пробил. Не замерзает Волга.

Наблюдают бойцы за Волгой. Подходит Ковтюх к бойцам:

— Не замерзает?

— Не замерзает.

— Течёт?

— Течёт.

Перешёптываются бойцы:

— Задержка с «усами».

— Подводит Волга.

И вот в ночь со 2 на 3 января остановилась, замёрзла Волга. Сковал её тонкий лёд. И сразу прошла команда:

— Становись!

— Живее!

— Дружнее!

— Вперёд!

Приступили войска к переправе. Двинулись люди, двинулись пушки. И вот уже правый берег.

Явились наши неожиданно-негаданно. Устремились бойцы в атаку. Разбиты белые. Снова Царицын красный.

Кончился бой. Обсуждают бойцы недавнее:

— Здорово!

— Получились «усы»!

А тут как раз проходил Ковтюх. Заинтересовался:

— Какие усы? Что за усы?

Не удержались бойцы, рассказали. Хохотал Ковтюх. Хохотали бойцы.

— Получились усы. Получились, хотя и рыжие.

Февраль. Сальские степи. Завывает метель. Ветер сбивает с ног. Снег людям по пояс. Морозные иглы пронзают тело. Промёрзли люди. Занудели кони. Раздаются проклятья, брань.

Третий день ищут белые казаки в степных просторах конницу Будённого.

После взятия Ростова Красная Армия прорывалась на Северный Кавказ. Здесь теперь сосредоточились главные силы Деникина. На Северный Кавказ наступала и конница Будённого.

Встретились красные конники и белые. Разгорелся бой у Торговой (ныне Торговая — город Сальск). Торговая — словно дверь на Северный Кавказ. Пробьёшься за Торговую, перешагнёшь эти двери — путь к югу в твоих руках.

Второй день Торговая в руках у красных. Белые решили отбить Торговую.

Атакуют белые. Бьются конники днём и ночью. Бросают деникинцы за силами новые силы:

— В атаку!

— Орлы, вперёд!

Вот снова ночная атака белых. Растёт, растёт, нарастает в ночном воздухе «ура!». Несутся тараном конные лавы.

— Ура! Ура!

До рассвета продолжались атаки белых. Не осилили белые красных. Перешли в наступление будёновцы.

Отходят белые. Однако почему-то не стихает «ура!» над рядами белых.

Бегут уже белые. И всё же:

— Ура! Ура!

Несётся слева, несётся справа. Что такое? «Ура!» сокрушает небо.

В чём же дело?

Среди белых было много обмороженных казаков, тех, кто ни стрелять, ни в седле сидеть не может. Вот и построили их в колонны. Дали задание: кричать «ура!», подбадривать остальных, вводить в заблуждение красных.

Кричат казаки «ура!».

— Ура! Ура-а-а! — несётся над степью.

Врубались будёновцы в эти колонны, хотели крикунов шашками порубить. Да разобрались, в чём дело. Пожалели. И так судьбой казаки обижены: ни винтовку держать, ни в седле сидеть.

В бою под Торговой участвовали 24 кавалерийских полка белых.

Рассчитывали белые мощным ударом разбить, не пустить на Северный Кавказ Будённого.

Не получилось. Смяли будёновцы белых. Погнали белых на юг от Торговой.

Доволен Будённый:

— Выбили двери. Даёшь Кавказ!

КРАСАВИЦА ОДЕССА

Идут упорные бои на Северном Кавказе. Не утихают они и на Украине. После поражения под Киевом и Екатеринославом белые всё дальше и дальше отходят на юг. Докатились они до Одессы.

В Одессе собралось много врагов Советской власти. Создают они срочно силы для борьбы против Красной Армии.

Разные возникали в Одессе тогда отряды.

Был в Одессе буржуазный «Союз возрождения». Собирались в нём местные богатей.

— Мы — за возрождение! — кричат богатей.

За возрождение чего — никому не понятно. Ясно одно: богатей против Советской власти.

Маршируют, ходят члены «Союза» по улицам Одессы:

— Не отдадим красавицу Одессу!

Вокруг Одессы находились немецкие поселения. Назывались они колониями. Богатыми были немецкие колонисты. Шли охотно за русскими богатеями.

Немцы-колонисты тоже создали свои отряды для борьбы против Красной Армии.

Маршируют, ходят по улицам Одессы:

— Айн, цвай, драй!

— Не отдадим красавицу Одессу!

Был в Одессе известный бандит атаман Струк. И Струк создаёт отряды. Бандит к бандиту в его отрядах.

Ходят отрядники атамана Струка, пистолетами, саблями, нагайками машут, разбойным свистом людей пугают.

И эти кричат про Одессу — не отдадут, мол, красным её, красавицу:

— Верь нам, Одесса-мама!

А тут и ещё одно. Встретила одесская тётка Пульхириада Ивановна знакомого дьякона. С наганом у пояса движется дьякон.

Встретила Пульхириада Ивановна дьячка из соседней церкви. С винтовкой дьячок шагает.

Батюшку встретила Пульхириада Ивановна. Шашка висит на боку у батюшки.

А вот и сам одесский митрополит Платон. У митрополита свисает маузер.

Это новый отряд для борьбы против Красной Армии. Одесский митрополит Платон и явился его создателем. Монахи в отряде, попы, дьяконы, протодьяконы, дьячки, псаломщики, церковные разные служки. Перемешались ряссы, пулемёты, кресты, гранаты.

Надрывают басы митрополит Платон, и попы, и дьяконы, и протодьяконы:

— Не отдадим красавицу Одессу!

Однако пришлось отдать. Взяли Одессу красные. Советской стала опять Одесса.

— Здравствуй, Одесса, город у моря! Здравствуй, южный прекрасный город!

ГРЕНАДЕРЫ

Бои идут в прикубанских степях. Гонят красные белых к морю. В этих местах действовал против красных 1-й Кубанский белогвардейский пехотный корпус.

В состав корпуса входила сводно-гренадерская дивизия. Гордились дивизией белые: и сводная и гренадерская.

— Мои гренадеры — опора России, — говорил генерал — командир дивизии.

И офицеры гренадерской дивизии тоже хвалят не нахвалят своих солдат:

— Гренадеры — орлы.

— Гренадеры — стена.

— Каменной глыбой стоят гренадеры.

Только ошиблись господа офицеры.

Сводно-гренадерская дивизия белых находилась в селе Горькая Балка. Штаб 1-го Кубанского белогвардейского корпуса недалеко от Горькой Балки, в селе Белая Глина.

Сюда, в этот район, и был направлен один из главных ударов красных. Действовали здесь совместно красные стрелковые части и две дивизии из Конной армии Будённого: дивизия Оки Городовикова и дивизия Семёна Тимошенко. Конники Будённого и производили основной удар на 1-й Кубанский белогвардейский корпус.

Успокаивают себя белогвардейские генералы:

— Встретит их гренадерская сводная.

— Гренадеры — орлы.

— Гренадеры себя покажут.

И верно: «показали» себя гренадеры.

Смяли красные конники сторожевые посты белых, ворва-

лись в Горькую Балку. И тут... То ли не ожидали гренaдeры удaрa крaсных, то ли яcно cолдaтaм cтaло: нe зa бeлыми пpaвдa, нe зa ними идёт нaрoд, — тoлькo вocтaли вдpyг гренaдeры, пepecтpeляли cвoих oфицeрoв, штыки — в зeмлю и cдaлись в пeн.

Уcпeл cпacтись лишь гeнeрaл — кoмaндир дивизии. Вcкoчил нa кoня, ycкaкaл бecслaвнo.

Вспoминaли пoтoм гeнeрaлa:

— Нe cлaдкaя дoля пoд Гopькoй Бaлкoй!

Ещё бoлee нeзaвиднaя cудьбa oкaзaлacь у гeнeрaлa, кoмaндoвaвшeгo 1-м Кyбaнcким кoрпycoм.

Рaзopужили бyдёнoвцы гренaдeрoв, пoшли дaльшe. Cтaли зaxoдить в тыл Кyбaнcкoмy кoрпycy.

Спoхвaтился кoмaндир кoрпyca. Дa пoзднo. Вopвaлись крaсные кoнники в ceлo Бeлaя Глинa. Бoльшe трoфeи дocтaлись крaсным. Oднaкo cам кoмaндир cкpылcя. Укaтил нa бpoнeпoeздe гeнeрaл.

— Дaлeкo нe yйдёт, — cкaзaли бyдёнoвцы.

И вepнo: нe yшёл дaлeкo гeнeрaл. Рaзoбpaли крaсные жeлeзнoдopoжныe пyти. Зaгнaли в тyпик вpaжecкий пaрoвoз. Сдaлись бeлые. Бpocились крaсные к бpoнeпoeздy:

— Гдe кoмaндир кoрпyca?!

Нeт бeлoгo гeнeрaлa.

Снoвa cбeжaл гeнeрaл кyдa-тo.

— Дaлeкo нe yйдёт, — пoвтopили бyдёнoвцы.

И вepнo: нe yшёл гeнeрaл дaлeкo. Oкpyжили eгo в cтeпи.

Пoднёc гeнeрaл пиcтoлeт к виcкy. Нaшёл cвoй кoнeц бecслaвный.

Рaзгpoмлeны бeлoгвaрдeйцы пoд Гopькoй Бaлкoй, пoд Бeлoй Глинoй. Oбepнyлacь для бeлых бeлым caвaнoм Бeлaя Глинa.

ЕГОРЛЫКСКАЯ

Сoбирaлa cтaрикa cтaрyхa:

— Дa кyдa ты, Ефимyшкa?

— Цыц, дyрa, нa вoйнy, — oтвeчaл cтaрик.

Дocтaлa cтaрyхa eмy тyлyп. Нaтянyл cтaрик вaлeнки.

Нe cтpaшны cтaрикy мoрoзы.

Сoбpaлocь их тaких, кaк Ефим Пoбaшникoв, oкoлo тыcячи чeлoвeк:

— Здрaвcтвyй, Ефимyшкa!

— Здрaвcтвyй, Лyбимyшкa!

— Пoклoн, Сepaфимyшкa!

— Пpивeт, Ерёмyшкa!

Вce кaзaки-кyбaнцы. Пpиятeли дaвниe. Из oкрecтнux cтaниц

и хyтoрoв. Тoжe в тyлyпax вce, тoжe в вaлeнкax. Этo пoпoлнeниe aрмии бeлых. Тpyднo, кoнeчнo, cтaрым в ceдлe дepжaтьcя. В пeхoтy зaчиcлeны кaзaки.

Пocлe пopaжeния пoд Гopькoй Бaлкoй, пoд Бeлoй Глинoй бeлые ждaли, чтo Кoннaя aрмия Бyдённoгo двинeтcя нa cтaницy Тихoрeцкyю.

Тoлькo нe пoшёл Бyдённый нa Тихoрeцкyю. Удaрил нa Егopлыкcкyю. Тyт, пoд Егopлыкcкoй, и пpoизoшлa oднa из cамых бoльших битв нa Ceвepнoм Кaвкaзe — Aтaмaн-Егopлыкcкaя oпepaция. Aтaмaн — этo пoтoмy, чтo pядoм co cтaницeй Егopлыкcкoй нaxoдилacь жeлeзнoдopoжнaя cтaнция Aтaмaн.

Учacтвoвaли в cрaжeнии пoд Егopлыкcкoй нe тoлькo кaвaлepийcкиe чacти, нo и пeхoтa, и aртиллepия, и бpoнeпoeздa.

Cтoял кoнeц фeвpaля. Из кyбaнcких cтeпeй пoдyл тeплый южный вeтep. Мoрoзы пaли. Пpигpeлo cолнцe. Пoявилиcь пpoтaлинy. Нa Ceвepный Кaвкaз шлa вecнa.

Упopнoй былa битвa. Тo лиxиe aтaки крaсных oбpaщaли в пocпeшнoe бeгcтвo бeлых, тo крaсные пoлки пoпaдaли пoд cтpeмитeльнyю удapы бeлых и oтxoдили, тo cнoвa нecoкpyшнoй лaвинoй нa бeлых нeслиcь бyдёнoвцы, тo cнoвa бeлые шлe в aтaкy.

И вce ж пoбeдa былa зa крaсными.

Пoд удap бyдёнoвцeв пoцaли и кyбaнcкиe cтaрики. Кaк рaз тyт, пoд Егopлыкcкoй, их в бoевыe ряды пocтaвили. Нe пo ceзoнy oни oдeты. Пoбeжaли бeлые. Нe yдepжaлиcь, дpoгнyли и cтaрики. Скинyли тyлyпы cвoи и вaлeнки. Мчaли oт крaсных кaк мoлoдыe.

Бeгyт, вздыхaют:

— Oх, oх, Сepaфимyшкa!

— Мaтeрь бoжья, пoжди, Лyбимyшкa!

— Oх, oх, пoмиpaю, кoнeц, Ерёмyшкa!

— Бyдь ты пpoклятo вce, Ефимyшкa!

Пoбeдa пoд Егopлыкcкoй былa oчeнь вaжнoй, oнa oткpылa крaсным вoйcкaм дopoгy нa юг — к Eкaтepинoдaрy, к Нoвopoccийcкy, к Чёрнoмy мoрy.

Пpиблизaлcя кoнeц Дeникинa.

ХВОСТ И ГРИВА

Кpacнaя Aрмия гнaлa бeлых к Чёрнoмy мoрy, к гoрoдy Нoвopoccийcкy.

В числe нacтyпaвших был и кpacнoaрмeец Ивaн Пaдepин. Лyбил Пaдepин пoгoвoркaми cыпaть. Cкaжeм:

— Aбpocим coвceм нe пpoсит, a дaдyт — нe бpocит.

Или:

— Вот тебе, боже, что нам не гоже.

Или:

— Всё едино: что хлеб, что мякина.

А больше всего такую любил поговорку:

— Не удержался за гриву — за хвост не удержишься.

Нравилась падеринские поговорки другим бойцам. Особенно эта, последняя. Особенно кавалеристам. Знали они по своему кавалерийскому опыту, что всё именно так: не удержался за конскую гриву, не усидел в седле — хвост не поможет.

Путь к Новороссийску красным бойцам перекрывали горы. Не очень, правда, в этих местах они высокие — не Эльбрус, не Казбек, не Монблан. Однако горы есть горы. Скалы, уступы, кручи. Нелегко солдатам идти через горы: пушки тащить, обозы.

Путь в Новороссийск шёл через Ниберджайский перевал. Укрепились здесь белые. Пулемёты расставили, укрыли в горах орудия.

Пошло среди красных бойцов:

— Перевал!

— Непрístupный!

— Пушки в горах укрыты.

— Пулемёты за каждым камнем.

Только говорилось это так, не очень всерьёз, а скорее, к слову. Не страшились красные бойцы перевала. Понимали: если уж столько километров из-под самого Орла, из-под Воронежа гонят Деникина, если уж столько битв провели на своём пути, столько военных потов пролили, то возьмут и этот рубеж, последний. Рвались они в сражение.

Тут же со всеми на перевале Иван Падерин. Посмотрел на горы, на боевые позиции белых, сказал про деникинцев:

— Не удержались за гриву — за хвост не удержатся.

— Это уж точно, — в ответ бойцы.

Не удержались деникинцы на Ниберджайском перевале, скатились к морю.

Ворвались красные в Новороссийск.

ПОРУЧИК И ПРАПОРЩИК

Богоявленские — два брата. Поручик и прапорщик. Оба служили в войсках Деникина. Оба с Деникиным шли на Москву. Брали Курск, Кромы, Орёл.

А потом... Потом побежали они от Орла, от города Кром, от Курска.

После Харькова разошлись у братьев пути-дороги. Пошла Красная Армия стремительно на Донбасс, рассекла на две части войска Деникина.

Поручик Богоявленский оказался в тех деникинских войсках, которые покатались к Ростову, к Кубани. Прапорщик Богоявленский — в тех, которые красные гнали к Днепру на запад.

Отступают братья Богоявленские.

Через Ростов прошагал поручик.

Через Екатеринослав прошёл прапорщик.

Шагает младший Богоявленский:

— Может, там, на востоке, у старшего брата, лучше?

Шагает старший Богоявленский:

— Может, там, на западе, у младшего брата, лучше?

В Сальских степях замерзал поручик.

В боях за Днепром настрадался прапорщик.

Шагает младший Богоявленский:

— Может, там, на востоке, у старшего брата, лучше?

Шагает старший Богоявленский:

— Может, там, на западе, у младшего брата, лучше?

Катятся белые к морю. К одному и тому же — к Чёрному.

Гонят на западе их к Одессе. На востоке к Новороссийску гонят.

Отступают со всеми братья. Плетётся поручик, плетётся прапорщик.

Не удержались под Одессой белые. Вот и в Одессе прапорщик Богоявленский.

Не удержались под Новороссийском белые. Вот и в Новороссийске поручик Богоявленский.

Вспоминают друг друга братья:

— Как там младший?

— Как там старший?

— Как там прапорщик?

— Как поручик?

— Э-эх, вот бы чудо — взять бы да встретиться!

Докатались братья до Чёрного моря. И там и здесь оказалась участь у них одна.

Ворвались красные войска в Одессу. Ворвались в Новороссийск.

Сброшены белые в море.

Погибли поручик и прапорщик в Чёрном море, как говорят — превратились.

Явились оба они на небо. Доложили ангелы господу богу:

— Прибыли Богоявленские.

Встретились братья, исполнилось их желание.

При взятии Новороссийска Красной Армией достались большие трофеи. Много орудий, снарядов; бронепоезда и большое число вагонов. Среди них и классные штабные. Для деникинского офицерства.

Работнику советского штаба Суханову было поручено отправить вагоны в тыл.

Стал он осматривать вагоны. Что такое?

На многих вагонах нарисованы портреты. Вот портрет Деникина. Вот — генерала Май-Маевского. Вот портрет генерала Шкуро. Портрет ещё одного деникинского генерала — Улагая. А вот портрет в английской военной форме. Это представитель английской военной миссии при генерале Деникине. Ещё один портрет. Этот, во французской военной форме, — представитель французской военной миссии при генерале Деникине. Вот снова портрет Деникина. Снова Май-Маевского. Снова Шкуро. Опять Улагая. Портрет генерала Кутепова. Портрет генерала Мамонтова. А вот и коллективный портрет — все они вместе, генералы, и русские и иностранные.

Соберутся красноармейцы, смотрят на вагоны, смеются:

- Побили!
- Всех вместе!
- Одним скопом!

В замешательстве Суханов: как же отправлять вагоны с портретами белогвардейских генералов в советский тыл?

Решает Суханов — надо закрасить портреты.

Стали разыскивать масляную краску. Нет нигде во всём Новороссийске масляной краски. Лишь у местного художника в тубиках, самая малость.

Запрашивает штаб у Суханова:

— В чём причина? Почему задержка?! Почему до сих пор не отправлены в тыл вагоны?

— Портреты, — отвечает Суханов.

— Чьи портреты? Какие портреты?

— Деникина, Мамонтова, Шкуро, Улагая, Май-Маевского, Кутепова, — отвечает Суханов. Потом добавляет: — Генерала Хальмана — это представитель английской военной миссии, генерала Манжана — это представитель французской военной миссии.

Прибыли старшие работники штаба. Посмотрели. Красуются на вагонах белогвардейские генералы.

— Нет краски, чтобы закрасить, — отвечает Суханов. — Лишь у местного художника в тубиках, самая малость.

Сказал про тубики и вдруг ударил ладонью себя по лбу. Отрапортовал:

— Будут отправлены в тыл вагоны.

Вызвал Суханов художника. Что-то ему сказал. Рассмеялся художник. Ответил:

— Сделаю.

Выполнил художник свое обещание.

Прошёл день. Посмотрел Суханов на вагоны.

Остались на вагонах портреты белогвардейских генералов. Вот Деникин, Мамонтов, Шкуро, Улагай, Май-Маевский, Кутепов, иностранные генералы. Однако добавление сделал художник. Пририсовал он верёвку к шее каждого из генералов.

Преувеличил художник. Не повесили Деникина. Сбежали за границу белогвардейские генералы. Лишь генерал Шкуро был нашими после схвачен.

И всё же прав оказался художник. Скончались все они для России. И белые генералы, и заграничные. Покатили вагоны в советский тыл. На вагонах коллективный портрет деникинцев — бесславный конец похода.

Глава пятая

БЕЛЫЙ-БЕЛЫЙ, ДАЖЕ ЧЕРНЫЙ

ПЕРВОЕ РАСПОРЯЖЕНИЕ

Крым. Лето. 1920 год. Отсюда в июне 1920 года белые генералы начали новый поход против Советской власти.

Возглавил поход генерал Врангель.

Как же Крым оказался у белых? Как и откуда явился Врангель?

Крым захватили ещё деникинцы. После разгрома Деникина часть белых снова сюда бежала. Укрепились они в Крыму. Вновь создали полки и роты.

Нужен войскам командующий.

Стали командующего подбирать. Назвали имя барона Врангеля. Перечисляют достоинства:

— Генерал.

— Крупный помещик.

— К тому же барон.

— Возраст как раз удачный. Врангелю сорок с небольшим лет.

Сравнили с Юденичем:

— Энергичнее.

— Символичнее.

— Вид приличнее.

Сравнили с Деникиным:

— Умнее.

— Хитрее.

— Злее.

И вот в Севастопольскую гавань вошёл корабль. Смотрят люди:

— Огромный!

— Военный!

— Линейный!

Это был английский линкор «Император Индии». На английском военном корабле и прибыл в Крым, в Севастополь, Врангель.

Прощался генерал и барон с английскими морскими офицерами. Поблагодарил. Сошёл с корабля на берег.

В тот же день в Крыму, в Севастополе, было повешено несколько человек. Для устрашения.

Таким было первое распоряжение генерала Врангеля.

ГРОМ

Начал Врангель поход из Крыма.

Обманули белые красных. Сделали вид, что собираются наступать из Крыма в одном месте, а сами в это время морской десант высадили совсем в другом районе.

Торжествуют белые. Говорят о Врангеле:

— Не зря Деникина умнее.

— Не зря хитрее.

И правда, не ожидали красные в этом месте барона Врангеля. Высадились белые на берегу Азовского моря, южнее города Мелитополя. На Мелитополь и направили свой удар.

Отбиваются немногочисленные в этих местах отряды красных, сходят под напором врага.

Среди белых — солдат Варлаам Ермолкин. Местный он, из Мелитополя. Места под Мелитополем как свои десять пальцев знает. Продвигается вместе с другими солдат вперёд, комментирует:

— Справа будет сейчас вода.

И действительно, показалась справа вода. Потянулось длинное озеро Молочное.

— Слева сейчас появится железная дорога.

И верно — вскоре появилась железная дорога. Эта дорога вела из Мелитополя в Крым.

Прошло ещё немного времени.

— А сейчас будет станция Акимовка, — говорил Ермолкин.

И действительно, вскоре появилась станция Акимовка.

Места были ровные-ровные, а тут вдруг пошли чуть всхолмленные. И про местность точно предугадал Ермолкин — говорил, что будет она всхолмленная.

Небо было чистое-чистое, а тут вдруг набежала тучка. Сверкнула свирепо молния.

— Вот она, молния. А сейчас будет гром, — заявил Ермолкин.

Сверкнула молния. Прошла секунда, и тут же ударил гром.

Прокатился страшным раскатом гром. Смотрят Ермолкин. Смотрят другие. Что такое?! Рядом валетает земля фонтаном. Валятся справа и слева белые.

Снова блеснула молния. И снова гремят раскаты. Снова земля фонтаном.

И только тут и только теперь понимают белые, что это вовсе не небесный гром. Это гремят орудия.

Недалеко от станции Акимовка, укрывшись в глубокой выемке железнодорожного пути, стоял бронепоезд красных. Он-то и вёл огонь.

Изрядно потрепал бронепоезд врангелевцев.

Набросились белые на Ермолкина за то, что спутал он гром и орудийные выстрелы.

— Не спутал, не спутал, — зло отвечал Ермолкин.

Представьте, прав оказался и тут Варлаам Ермолкин. Бронепоезд, громивший белых, как раз назывался «Гром».

ТАПОЧКИ НА НОГАХ

Крым связан с материком двумя путями. Один из них идёт через Перекопский перешеек — узкую полоску земли, отделяющую Крымский полуостров от материка, второй — через Чонгарские мосты. В этом месте Крым и материк очень близко подходят друг к другу. И их соединили мостами. Моста два. Один из них — железнодорожный.

Через Перекопский перешеек и Чонгарские мосты и устремились основные силы белых из Крыма на материк.

Белых больше, вооружены они лучше. Смело идут на север.

В числе врангелевских войск наступала дивизия, которой командовал генерал Ревшин.

Продвигается дивизия генерала Ревшина вперёд. Сам Ревшин со своим штабом — на много километров от дивизиизади.

Спокоен Ревшин в глубоком тылу у своей дивизии.

В селе Ново-Михайловке расположился штаб на ночлег.

Спят солдаты. Спят офицеры. Спит генерал Ревшин.

А в это время... Что там такое ночью движется по степи?

Кони, не кони?! Почему не стучат копыта? Не слышится конское ржание? Звёздам на небе и тем интересно. Присмотрелись. Морды у лошадей перевязаны. Словно замки на губах. Копыта обмотаны тряпками. Ступают кони — словно домашние тапочки на ногах.

Что ещё движется там по степи? Телеги, не телеги?! Почему не скрипят телеги? Почему не стучат колёса? Присмотрелась луна на небе. Как в масле купаются в дёгте оси. Колёса соломой обмотаны. Словно в бинтах колёса.

Узнали красные, что в селе Ново-Михайловке остановился штаб генерала Ревшина. Вот и предприняли стремительный рейд к белогвардейцам в тыл.

Окружили они Ново-Михайловку, ворвались сразу со всех сторон: с юга, с востока, с запада, с севера.

Проснулась охрана штаба. Не сразу солдаты поняли, в чём дело. Вначале решили: пришли свои.

— Идёт пополнение.

— Кто-то из своих забрёл по ошибке.

— Сбились, видать, с пути.

Не верят белые, что ворвались в Ново-Михайловку красные. Только пришлось поверить — сам генерал Ревшин оказался в плену у красных.

Стоит он, обалдело на красных смотрит. Как так случилось?! Откуда красные?! Видит, кони стоят, телеги. Видит, у лошадей тапочки на ногах. Видит, в бинтах колёса.

Ясно Ревшину, почему незаметно здесь появились красные.

Чертыхнулся. Ругнулся. Сплюнул:

— Тапочки на ногах!

СТРЕЛЫ

Случай был поразительным. Нагадала как-то старая цыганка белому офицеру-врангелевцу, что он от стрелы погибнет.

Поражался врангелевец:

— От стрелы?! Как от стрелы? От какой стрелы? Какие же стрелы в двадцатом столетии?! Что я — в Африке? Как Миклухо-Маклай на островах в Океании?

Смешно ему стало от этих сравнений. Рассказал он другим офицерам про гадалку.

И те подивились. И те посмеялись. Один из них, ротмистр Зуб-Зубатов, тоже пошёл к цыганке.

Вернулся. И что же? Гадалка и ему про стрелу сказала:

— Опасайся стрелы, душевный. Стрела тебя в поле ищет.

— Вот так гадалка! — смеются опять офицеры. — Значит, и ты на стрелу попался, — обращаются к Зуб-Зубатову.

Пуще прежнего забавно теперь офицерам. Третий пошёл к гадалке — поручик князь Чичико Пирадзе. Слышит:

— Опасайся стрелы, душевный. Стрела тебя в поле ищет.

После этого к гадалке двое ещё ходили. Штабс-капитан Жирмунский и подпоручик Дышло.

Представьте, и этим гадалка про стрелы сказала то же.

— Странно, — сказал Жирмунский.

— Старая ведьма! — ругнулся Дышло.

Собрались вновь офицеры:

— В загадки, выходит, играет цыганка!

— Всех на один манер.

И вдруг... Кто об этом подумал первым — Дышло, не Дыш-

ло, Зуб-Зубатов, Пирадзе, — не в этом суть. Вспомнили вдруг офицеры про стрелы любви:

— Вот от стрел мы каких погибнем!

Вспомнили вновь цыганку:

— Ух ты, плутовка старая!

Представляется офицерам-врангелевцам, как идут они от победы к победе, как теснят-разбивают красных. Наступали они как раз на Александровск (это ныне город Запорожье) и Екатеринослав (ныне город Днепропетровск) — вот где их ожидают любовь и рай.

— Стрелы любви!

— Стрелы любви! — напевают, мурлычат под нос офицеры.

— Вот от стрел мы каких погибнем.

На пути к Александровску в станице с непривычным названием Фридрихсфельд генерал Врангель решил устроить парад своих войск.

Застыли в рядах солдаты. Сидят верхом на лошадях белогвардейские офицеры. Ждут Врангеля.

И вдруг... Что такое? Гул послышался в ясном небе. Подняли головы белогвардейцы — самолёты. С красными звёздами самолёты — красные.

Немного самолётов было в то время в Красной Армии, но совершали они налёты на белых.

С бомбами было плохо. Тогда кто-то из красных лётчиков придумал применить металлические стрелы. Летели они с ужасным свистом, разили насмерть, а если попадали во всадника, то прошивали насквозь сразу и всадника и коня.

Применили советские лётчики металлические стрелы и здесь, во Фридрихсфельде. Засвистело, завывало небо. Качнулся Дышло. Упал Жирмунский. Убиты Зуб-Зубатов и князь Пирадзе.

Не состоялся парад. Отменил его срочно Врангель.

Страшную панику наводило «новое оружие» на белогвардейских солдат и офицеров.

И наши бойцы не раз вспоминали стрелы:

— Э-эх, самого бы Врангеля пригвоздить...

Пригвоздила его история. Вместе с другими белыми генералами навеки к позорной стене поставила.

ВЕЛИКИЕ ЛУКИ

Наступают белые. Взяли и Александровск, и Мелитополь. Вышли к Днепру, захватили Каховку. На западе стоят рядом с Херсоном, на востоке вот-вот и войдут в Донбасс.

Южному фронту нужно пополнение.

В город Великие Луки пришла комсомольская разнарядка. Указано, сколько добровольцев выделить в Красную Армию. Значится — семь человек.

Первый, второй записан. Вот уже семь. Хватит.

Закрывает представитель свою тетрадку. И вдруг является восьмой.

— Всё, — говорит представитель.

— Как всё?!

— Всё, — повторяет представитель. — Уже семь записалось. Разнарядка как раз на семь человек.

Не хочет слушать о разнарядке восьмой. Требует, чтобы и его записали в Красную Армию.

Отбивался, отбивался представитель. Сдался. Открыл тетрадку, записал восьмого.

Закрывает свою тетрадку, вбегает девятый.

— Всё, — говорит представитель.

— Как всё?!

— Всё, — повторяет представитель. — Уже восемь записано. Больше не могу.

Не хочет слушать девятый. Требует, чтобы его записали в Красную Армию.

Конечно, приятно представителю, что приходят новые добровольцы. Однако разнарядка есть разнарядка...

Отбивался, отбивался представитель. Не устоял. Сдался. Открыл тетрадку, записал девятого.

Только записал, как сразу вбегают трое. И эти трое требуют, чтобы их немедленно записали в Красную Армию. Требуют, право своё доказывают.

Крепился, крепился представитель. Убеждал, объяснял им что-то. Не убедил, не объяснил. И этих троих внёс в тетрадку.

Только представитель закрыл бумагу, как появляются новые, за этими новыми снова новые.

Вернулся представитель к своим начальникам. Посмотрели начальники на список, а в нём тридцать человек.

— Как тридцать? Почему? — начинают шуметь начальники. — Всего семь человек разнарядка для города Великие Луки.

Разводит руками представитель: мол, взяли штурмом. Меньше никак не мог.

Недовольно начальство. На представителя грозно смотрит.

— Было сказано: семь человек для Лук — не более.

И тут нашёлся представитель. Посмотрел на начальство и сказал:

— Так ведь город не просто Луки. Великие Луки называется город. Для Великих и счёт другой.

Рассмеялись начальники. Смягчились:

— Ну раз Великие...
Все тридцать комсомольцев из города Великие Луки ушли на фронт.

ЗА СЕМЬЮ ЗАМКАМИ

Красные готовились к ответным ударам.
В южном течении Днепра, в 70 километрах от Крыма, стоит город Каховка. Каховка — это левый берег Днепра. Левый берег в руках у белых. Правый держали красные.

Уверены белые в своей обороне.

— Мы за Днепром как за семью замками.

В ночь с 6 на 7 августа 1920 года красные начали переправу через Днепр. На плотках, на лодках ушли в темноту на тот берег Днепра красноармейские полки.

Наблюдают красные командиры. Ждут, когда послышатся выстрелы.

Тишина.

Тишина.

Всё ещё тишина.

Давно должны послышаться выстрелы. Давно бы пора ответить белым.

Тишина.

По-прежнему тишина.

...Штабс-капитан Метелин отмечал день своего рождения. Родился штабс-капитан как раз в ночь с 6 на 7 августа.

— Всю ночь гуляем! Вина не жалеем! — сказал Метелин.

Собрались к нему друзья: капитан, штабс-капитан, поручик.

— Ура новорождённому! — кричат друзья.

Молод, красив штабс-капитан. Волосы вьются. Усики над губой. Глянет в зеркало: и видом, и жизнью, и всем доволен.

Выпили белые офицеры за именинника по рюмке вина: капитан, штабс-капитан, поручик.

Об успехах заговорили. Вот они вышли куда — к Днепру. И дальше погонят красных. К Полтаве, к Чернигову, к Киеву, к Харькову.

А там... А там... — разгораются страсти офицерские вовсю: к Курску, к Орлу, к Москве.

— Ура генералу Врангелю!

Выпили снова по рюмке: капитан, штабс-капитан, поручик. Сыграли на гитаре. Хором романсы спели. Опять разговоры ведут офицеры.

За чаркой шла чарка, бокал за бокалом. И даже когда рядом стрельба послышалась, не умолкли в азарте своим офицеры:

— Даёшь Харьков! Даёшь Москву!

Даже когда ворвались к ним в комнату красные:

— Виват, друзья! Виват, друзья! — кричали врангелевские офицеры и тянули бокалы навстречу красным.

Недобрым оказался финал офицерского веселья. Днём смерти закончился день рождения.

Не только штабс-капитан Метелин, не только его друзья — никто в ту ночь не ожидал появления красных. Не верили белые. Считали, что Днепр неприступен для красных.

Многие учили красные командиры, когда начинали удар под Каховкой.

Был он стремительным. В наших руках Каховка.

«КАХОВСКОЕ ЧУДО»

Наступление красных войск, прорвавшихся через Днепр у Каховки, продолжалось три дня.

Отступали, бежали белые.

Бегут, удивляются:

— Как так?!

— Красные — через Днепр!

— Непостижимо!

Отступают, бегут, поражаются:

— Как так: бежим — нас же больше?

Действительно, белых больше.

— Как так: бежим — их же меньше?

Действительно, красных меньше.

Бежит и поручик Витебский, изумляется:

— Откуда у красных сила?

— Откуда командиры такие опытные?

Три дня отступали беспорядочно белые. Но вот опомнились. Остановились. Собрали силы.

Пришлось остановиться красным. А затем и начать отход. Ликут белые:

— Всё-таки сила у нас!

— Отометим красным!

— В Днепре утопим!

Ликует поручик Витебский:

— Снова вернусь к Каховке. В многоводном Днепре снова купаться буду.

Однако, отошли немного красные и вдруг остановились. Остановились. Не могут белые дальше продвинуться.

— Что такое?

— Остановились!

— В чём дело?

— У красных — укреплённая полоса.

— Как полоса?
— Как укрепленная?
— Тут ничего ведь не было!
Не было. А теперь — укрепленная полоса.
Поражаются белые.
Слышат — не верят. Видят — не верят.
Поражается Витебский:
— Просто чудо!

Да, это было действительно чудо. За три дня, пока гнали белых, у себя в тылу, южнее Каховки, красные создали укрепленный район — рыли окопы, насыпали валы, преграждали подходы колючей проволокой.

Образовался знаменитый Каховский плацдарм, «каховское чудо». Здесь и закрепились красные.

Рванулись на укрепления белые. Рванулся поручик Витебский. Убедились — существует «каховское чудо». Существует плацдарм Каховский.

КОНФУЗ

На 27 километров полукругом от Днепра до Днепра протянулись окопы красных. Шли они в две, в три линии. Перед окопами проволочные заграждения. Между окопов ходы сообщений. Пулемётные гнёзда.

Это первая полоса обороны на Каховском плацдарме.

За первой идёт вторая — главная, основная полоса. Здесь снова окопы, снова ходы сообщений. Пулемётные гнёзда и укрытия. Снова колючая проволока.

За второй полосой, рядом с Каховской, проходила ещё и третья.

На них и наткнулись врангелевцы.

— Полоса укреплений? Возьмём! — уверяют белые офицеры.

На штурм Каховской оборонительной полосы Врангель бросил лучшую конницу — кавалерийские полки генерала Барбовича.

Мчится белогвардейская конница. Лихо идут полки.

— Что нам красные!

— Что нам Каховский плацдарм!

— Нам, кавалеристам Барбовича!

У ротмистра Суковича был конь по кличке Конфуз.

И Сукович со всеми идёт в атаку. Мчит на своём Конфузе.

Кто дал коню такую кличку и за что, никто не знал. Конь был лихой, на спину крепкий, на ногу быстрый. Стрельбы не боялся, огня не боялся. Лез первым и в бой и к кормушке. Короче, вовсе он не конфузливый.

Мчит вперёд конница Барбовича, накатилась на оборону красных. Накатилась, взмахнула шашками:

— Ломай!

— Круши!

— Мы — личная честь Барбовича!

Однако откатилась под пулемётным огнём кавалерия белых. Откатилась. Кто-то сказал:

— Конфуз!

Повернул Конфуз голову — думал, его окликнули. Смотрят все на лошадь Суковича. Вспомнили кличку. Обозлила теперь их кличка:

— И кто её только выдумал!

Откатилась белогвардейская конница. Перестроилась. В другом месте решила теперь ударить.

— Вперёд!

Рванулись белые конники! И Сукович вместе со всеми летит вперёд.

Не прорвались белые и в этом месте. Откатились опять назад.

Откатились. Кто-то сказал:

— Конфуз!

Тут же Сукович сидит на своём Конфузе. Повернул опять Конфуз голову — думал, его окликнули.

— Снова ты здесь! — кричат на Суковича.

Действует конь кличкой своей на белых офицеров.

Снова команда гремит:

— Вперёд!

В новом месте Каховский плацдарм штурмует конница генерала Барбовича. Снова в атаке ротмистр Сукович.

Вновь не прорвали они оборону красных.

Ещё и ещё раз ходили в атаку. В месте третьем, четвёртом, пятом. Шли на рысях, и в галоп, и карьером. Не пробили плацдарм Каховский.

Отступили белогвардейцы. Признали свою неудачу. Едут спокойным шагом. Тут же со всеми ротмистр Сукович. Сидит на своём Конфузе. Действует имя коня на офицерские нервы.

— Сглазил! — кричат на Конфуза.

— И кто тебе имя такое выдумал!

Расходились в гневе, в злобе своей офицеры Барбовича, пулю пустили в коня Суковича.

При чём же здесь конь, при чём же Конфуз, скажите?

Жизнью ответил Конфуз за конфуз Барбовича.

Не получилось у Врангеля с Доном. Провалился десант Назарова.

— На Кубань! На Кубань! Надо идти на Кубань! — засуетились советчики. — Вот где дело надёжное, верное.

— Полковник не справился. Пусть отправляется генерал.

Согласен Врангель. Новый отряд готовится. Назначается старшим генерал Улагай.

Снова сажают белогвардейских солдат на корабли, снова везут по Азовскому морю. Только не к Таганрогу теперь, не на север, а к южным азовским плёсам.

Отсюда двинет десант на Кубань. Захватит столицу Кубани — Екатеринодар. Подымут врангелевцы всю Кубань, всех казаков кубанских против Советской власти.

Отряд у Улагая нешуточный. Более девяти тысяч солдат. Половина в десанте конных.

Был среди белых солдат Ноздря. Сам напросился в отряд к Улагая.

— Не бывал на Кавказе, — сказал солдат. Отправился вроде бы как в экскурсию.

Прибыли корабли к кавказскому берегу.

Три дня сгружался отряд Улагая. Сносили грузы, пулемёты, орудия скатывали. Тронулся вперёд по кубанским степям десант. Смотрит налево Ноздря, направо. Только не растёт — убывает отряд Улагая. И здесь, как там, на Дону, не рвутся люди под крылья к белым.

И тут, как там, на Дону, вышли навстречу отряду красные.

Редет в стычках отряд Улагая. Смотрит налево Ноздря, направо. Сокращаются быстро тысячи.

Красные не только вышли навстречу белым. По Кубани на пароходах против десанта белых, в тыл к ним, отправили красные свой десант.

Обошли врангелевцев десантники красные. Ударили по Улагая.

Прижаты белые с фронта, с тыла. Смотрит налево Ноздря, направо. Спета песенка Улагая.

Побежали белые.

Закончился бесславно белогвардейский поход. Вернулся в Крым ни с чем генерал Улагай. Прогулялся туда-обратно.

В Севастополе ждали «Фараби». «Фараби» — пароход. Издалека «Фараби» идёт в Севастополь.

Пересек Атлантический океан. Прошёл Средиземное море. Дарданеллы должен пройти, Босфор.

«Фараби» идёт из Америки. Из Нью-Йорка начался путь «Фараби».

Что же везёт «Фараби»?

Гадают рабочие Крыма:

— Станки?

— Моторы?

— Приборы?

— Инструмент слесарный?

— Может, гвозди везёт «Фараби»?

Очень трудно в те годы с гвоздями было. Вот если бы гвозди привёз «Фараби»!

Гадают крестьяне Крыма: что же везёт «Фараби»?

— Сеялки?

— Веялки?

— Плуги?

— Бороны?

— Может, подковы везёт «Фараби»?

Днём с огнём искали тогда подковы. Вот если бы «Фараби» привёз подковы!

Гадают жители Севастополя: что же из Нью-Йорка везёт «Фараби»?

— Сахар?

— Спички?

— Свечи?

— Денатурат?

— Может, мыло везёт «Фараби»?

На вес золота было мыло.

Не угадали рабочие Крыма. Не угадали крестьяне Крыма. Не угадали жители Севастополя.

Совсем другие грузы лежат в трюмах «Фараби».

Не для рабочих, не для крестьян, не для жителей Севастополя.

Для барона Врангеля эти грузы.

Пулемёты.

Винтовки.

Патроны.

Ящики с другими военными грузами.

Всё это для белых, для Врангеля.

Вот что «Фараби» везёт из Америки. Вот что в трюмах лежит «Фараби».

Не пробила каховскую оборону пехота Врангеля. Не провалилась белогвардейская конница. На штурм каховских укреплений белые бросили танки.

Танки. Немного их у белых. В Красной Армии вовсе нет.

У Врангеля французские танки: тяжёлые, солидные «рикардо». Слово дом, ползёт по земле машина, словно мамонт железный, двигается.

Пулемёты укрыты в танке. Сеет машина огонь и смерть.

О приближении танков к линии каховской обороны сообщили красные лётчики.

Узнал о танках боец Игнат Кишка. Вытянулось в страхе лицо солдата.

— Танки! Погибель нам,— твердит,— погибель... Не быть спасенью!

Сосед по окопу Ермил Студёный:

— Хватит каркать. Хоть раз их видел?

— Знаю, знаю,— в ответ Кишка.— Я от тестя слышал, от свата. У Деникина были танки.

Рассмеялся Ермил Студёный:

— Так не спасли же они Деникина.

И другие Студёного поддержали:

— Не так страшен чёрт, как его малюют.

— Интересно хоть глазом глянуть.

— Интересно руками тронуть.

Однако упорен в своём Кишка:

— Погибель нам,— твердит,— погибель...

Ясно всем: против танков кишка у Кишки тонка.

Пошли французские танки на красных. Двигаются машины. Гремят. Подошли они к первой оборонительной полосе. Как нитки, лопнули проволочные заграждения. Подошли ко второй полосе — то же самое.

— Говорил я, говорил я! — кричит Кишка.— Погибель! Погибель! — вопит Кишка.

Переползли танки через окопы красных. Прошли окопы. В тылу у наших.

Несутся сообщения к Врангелю:

— Прорвались танки.

— Танки в тылу у красных.

— В атаку на красных пошла пехота.

И вдруг другие идут сообщения:

— Остановились танки.

— Гибнут танки.

— Не прорвала плацдарм пехота.

Не дрогнули перед танками красные бойцы. Пропустили

они их через свои окопы, а когда вслед за танками на плацдарм пошла белогвардейская пехота, поднялись из окопов красноармейцы, отсекали вражескую пехоту от танков и разгромили белых.

Разгромили пехоту, взялись теперь за танки. Не из винтовок стреляли по танкам, не шли на металл штыковой атакой — помогли бойцам гранаты. Научились из пушек бить по танкам прямой наводкой.

Отстояли и на этот раз красные бойцы Каховский плацдарм. Не помогли генералу Врангелю французские «рикардо».

— Мы французских — по-русски! — смеялись бойцы. И вспоминали минувший век: как Наполеона лупил Кутузов. А как Ермил Студёный, как Игнат Кишка?

Уцелели, живы остались оба. Мало того, отличился Игнат Кишка. Прошёл у солдата страх перед танками. И вот подбил он гранатами «рикардо».

Стоит рядом с подбитой машиной Игнат Кишка. Сам себе не верит.

Собрались бойцы. Смотрят на танки, на Кишку, смеются:

— У танка кишка против Кишки тонка!

— Тонка! — больше других хохочет Ермил Студёный.

И в сентябре и в октябре пытались белые сбить красных бойцов с плацдарма. Был неприступен Каховский плацдарм. Стоял у Днепра утёсом.

НЕ ЗНАЕТ ТОГО СОЛДАТ

Армию нужно одеть. Армию нужно обуть. Армии надо есть. Винтовки и пушки, штыки и снаряды — всё это нужно армии. Лошади для кавалерии. Сено для лошадей.

Уголь для флота. Горючее — транспорту.

Тысячи разных вещей.

Всё это надо иметь. Надо быстро к войскам доставить.

Если бы в армии сто человек.

Если бы, скажем, двести.

У Советской Республики стало в армии три миллиона.

Для армии многомиллионной горы нужно снарядов. Горы нужно патронов.

Сотни и сотни забот у Советской страны, у Центрального Комитета Коммунистической партии. Сотни забот у Ленина.

Чтобы винтовку сделать, нужно отлить металл. Чтобы металл отлить, нужно иметь руду. Чтобы добыть руду, нужно рабочим спуститься в шахты.

Чтобы рубахи сшить, нужно хлопок иметь и лён. Чтобы выросли хлопок и лён, нужно крестьянам в полях трудиться.

Чтобы армии быть не голодной, нужны эшелоны хлеба. Хлеб же травой на лугу не растёт. Не падает манной с неба. Человеческий труд и пот в каждой краюхе хлеба.

Побеждает, конечно, в бою солдат. Но это не только его победа. Миллионы рабочих рук, миллионы крестьянских рук — это тоже штыки и пули.

Без помощи всей страны нелегко бы на фронте пришлось бойцам. Вот почему для партии, для товарища Ленина забота о снабжении Красной Армии в эти дни стала первостепенным делом.

«Как с углём, с металлом, как с нефтью, как с хлебом?» — не сходят вопросы с повестки дня.

Какая помощь нужна оружейникам? Что мешает в работе текстильщикам? Как настроение шорников, швейников? Как помогают они фронту?

Нет вопросов больших и малых. Для Ленина только один вопрос: всё ли продумано, всё ли налажено, нет ли срывов, нет ли помех в деле снабжения армии?

Грозные письма идут на север. Грозные письма идут на юг: всё ли для армии сделано?

В Кремль приезжают гражданские. В Кремль приезжают военные: всё ли для армии сделано?

Нет вопросов больших и малых. Для Ленина важен любой вопрос. Сколько выпустил тульский завод винтовок? Сколько подольский завод — патронов? Как в Петрограде с производством броневиков? Есть ли для курящих табак на фронте? Как налажен уход за ранеными? Есть ли забота о семьях бойцов?

Глянешь на Ленина: когда же Владимир Ильич отдыхает? Из металла, что ли, товарищ Ленин?

Курит боец на привале. Вьётся над ним дымок. Шагает солдат в походе. Сыт, и обут, и одет. Курит себе солдат, шагает себе солдат. Не знает солдат того, что в каждой его затяжке, в паре любых сапог — бессонные ночи Ленина.

Поступают на фронт патроны. Эшелоны идут со снарядами. Держит винтовку в руках боец, саблю кавалерист держит. Не знает того солдат, что в каждой винтовке, в каждом прибывшем на фронт патроне — частица здоровья Ленина.

Грохочут на фронте пушки. Красная Армия бьёт врагов. От победы идёт к победе. Наступает в бою солдат. Не знает того солдат, что в каждом его успехе, в каждой такой победе — дни, недожитые Лениным.

Не знает того солдат.

Пусть же читатель знает.

Сентябрь 1920 года. Врангель ударил на Волноваху, на Мариуполь. (Мариуполь — нынешний город Жданов, Волноваха — важная железнодорожная станция севернее Мариуполя.)

Удачно для белых началось наступление. Пал Мариуполь. Взята Волноваха.

Отсюда открывались пути на Донбасс. К богатствам Донбасса и рвались белые.

В одном из полков, прикрывавших Донбасс, в 77-м стрелковом служил красноармеец Мокей Широков.

Как-то перед боем выступал у них в полку комиссар Роман Василенко.

Задал комиссар непростую задачу бойцу Широкову.

Выступая, сказал Василенко такие слова: «Прикроем грудью Донбасс, товарищи».

Думал, думал Мокей Широков, как же грудью прикрыть Донбасс. Стоял он в строю, то на собственную грудь, то на грудь товарищей поглядывал. Как же ими прикрыть Донбасс?!

Стоял сентябрь. Жаркий в этих местах. Пыль, поднимаясь, чёрной стояла тучей. Степной чернозём — как каменный.

Нелёгкими выдались дни для боя. Сами бои нелёгкие. Изнемогает в сражениях соседний 76-й стрелковый полк. Изнемогает соседний 78-й стрелковый.

Всё время в бою Широков. Бьётся с врагами, а сам думает: «Как же грудью прикрыть Донбасс? Много ли прикроешь грудью?»

Кипит, не смолкает бой. Бьются справа, бьются слева.

Вдруг слышит Широков:

— Василенко погиб!

— Погиб комиссар!

Увидел Широков комиссара. Несли на солдатской шинели его бойцы. Слышен солдатский шёпот:

— В грудь его пуля... В момент... Навылет...

Прошли бойцы, пронесли комиссара. Однако по-прежнему слышится Широкову солдатский шёпот:

— В грудь его пуля... В грудь его пуля...

— Широков! — кто-то бойца окликнул.

Не повернулся на зов Широков. Где-то в мыслях боец далёких.

Продолжается бой жестокий. Лезут, лезут белые. Рвутся враги в Донбасс.

Бьётся Мокей Широков. Бьются вокруг другие. Глянул Широков налево, направо: как стена подымались в атаку красные.

Шли они грудью врагу навстречу. Локоть к локтю. Плечо к плечу. Прикрыли грудью они Донбасс. Не прорвались к Донбассу белые.

МСТИСЛАВ УДАЛОЙ

Не прорвался к Донбассу Врангель. Новый удар наносит. Повернул он войска к Днепру. Теперь значительно выше Каховки. Стремится на правый берег.

Ударили белые у городов Александровска, Никополя. Переправились через Днепр.

Был среди белых Мстислав Удалой. Как вихрь на коне носился.

Имя нечастое. Фамилия звучная. Едет белогвардеец Мстислав Удалой, вслед голоса несутся:

— Удалой!

— Удалой!

Командир эскадрона ротмистр Ежевика его выделял. Командир полка полковник Грум-Измайлов не раз нахваливал. Даже сам генерал Бабиев заметил лихого всадника. Говорит о нём с восторгом:

— Мстислав Удалой!

— Мстислав Удалой!

— Не ошиблась природа в имени.

Переправились белогвардейские корпуса и дивизии через Днепр. Вышли к станциям Ток и Апостолово. Тут и разгорелось у красных одно из главных сражений с войсками Врангеля.

Вместе с красными пехотными частями воевала здесь и 2-я Конная армия.

Обрушила она свой грозный удар на белых под Апостоловом. Не устояла пехота белых. Не устояла белая конница.

Началась паника. Слышатся крики:

— Спасайся кто может!

— Братцы, вали к Днепру!

Мчат к переправам, к Днепру обезумевшие от страха, от паники белогвардейцы. Мысль у каждого лишь одна — скорей бы снова на левый берег.

Отступали, спешили к Днепру и ротмистр Ежевика, и полковник Грум-Измайлов, и сам генерал Бабиев.

И Мстислав Удалой со скоростью ветра мчался.

Несётся Мстислав Удалой. Конь, как ядра, бросает копыта в землю.

Догнал Мстислав Удалой ротмистра Ежевику — сбил ротмистра Ежевику.

Догнал полковника Грум-Измайлова. Сбил полковника Грум-Измайлова.

Мчит к переправе. А тут генерал Бабиев.

— Сторонись! — закричал Удалой.

Замешкал, видать, Бабиев. Не сдержал Удалой коня. Только ахнуть вокруг успели:

— Генерала, смотри, растоптал!

И верно — насмерть прибит Бабиев.

Промчался как смерч Мстислав Удалой. Сокрушённо несётся сзади:

— Удалой!

— Удалой!

— Удалой, ничего не скажешь!

ФЕДЬКО

Тут же в боях у Днепра принял смерть и ещё один из генералов Врангеля — генерал Третьяков. Получил Третьяков строжайший приказ от Врангеля удержаться на берегах Днепра.

— Честь генерала. Умру. Удержусь, — дал Третьяков перед боем клятву.

На дивизию генерала Третьякова наступала дивизия красных, которой командовал Иван Федько.

Не первый день бьётся с врагами Иван Федько. В бывшей царской армии был он простым солдатом. Затем стал ефрейтором. После Февральской революции произвели его в прапорщики. Когда вспыхнула Великая Октябрьская социалистическая революция, Федько был уже членом большевистской партии. Стал он с оружием в руках защищать молодую Советскую Республику. Создавал красногвардейские отряды. Командовал первыми соединениями Красной Армии. Сражался с немецкими оккупантами в Крыму. Бился с белыми на Кубани, на Северном Кавказе. Вместе с Якиром совершил героический переход с юга на север через всю Украину.

Знает генерал Третьяков, кто против него сражается.

— Федько, Федько... — вспоминает Третьяков.

— Бывший ефрейтор, — подсказывают генералу.

— Федько, Федько...

— Бывший прапорщик.

Вспомнил наконец Третьяков Федько.

Было это летом 1918 года. Сражались красные с белыми на Кубани. Было тогда у белых несколько полков, состоявших полностью из офицеров. Одним из таких полков командовал генерал Марков. В одном из боёв Маркова убило. Погиб Марков, сражаясь как раз с Федько.

Разгромил прапорщик Федько офицерский полк генерала Маркова.

— Возмущался тогда Третьяков:

— Прапорщик — генерала.

В память о генерале Маркове одну из своих дивизий белые назвали марковской. Этой дивизией и командовал теперь генерал Третьяков. На неё и наступал Федько.

Не по себе как-то сразу стало генералу Третьякову. Недобрые предчувствия стали мучить.

— Федько, Федько... — повторял Третьяков.

Раздражало всё генерала. И то, что Федько всего лишь на- всего прапорщик. И что молод совсем Федько. Двадцать три года красному командиру. А главное — совпадение.

И наши бойцы про совпадение:

— Побил Федько в своё время Маркова.

— Пришёл черёд и дивизии марковской.

Так и получилось. Разбила, растреляла дивизия Федько марковскую дивизию. Побежали от Днепра белые солдаты.

— Стойте! Стойте! — кричит генерал Третьяков.

Бегут, спасаются в панике белые.

— Конец, — произнёс генерал Третьяков. Достал пистолет, поднёс к своей голове и выстрелил.

Узнали наши бойцы:

— Ещё одним генералом у Врангеля стало меньше.

— Ещё не стало одной дивизии.

Во многих сражениях гражданской войны принимал участие Иван Фёдорович Федько. Так же, как и Ян Фабрициус, он был награждён четырьмя орденами Красного Знамени.

СТРАШНЕЕ БОМБЫ

Примчался однажды врангелевский фельдфебель Тяпкин к своему взводному командиру поручику Ляпкину:

— Осмелюсь доложить — страшное!

— Что страшное?

— С воздуха.

— Что с воздуха? Стрелы? — спрашивает поручик.

— Нет.

— Из пулемётов строчат?

— Нет.

— Бомбы сброшены?

— Страшнее, ваше благородие, — не унимается фельдфебель Тяпкин.

Вытаскивает он из кармана листок бумаги. Напечатано что-то на листке. Развернул, читает.

«Солдаты и офицеры генерала Врангеля!» — и далее про то, чтобы бросали врангелевские солдаты и офицеры Врангеля и переходили на сторону красных. «Не давайте себя обмануть», — написано было в листовке. Красная Армия разбила Колчака, Деникина, Юденича. Разобьёт и Врангеля. Организуйте Советы солдатских депутатов, арестовывайте своих генералов, толкающих вас на кровавую войну, говорилось в листовке. А в конце: «Всем частям Врангеля, отдельным солдатам и офицерам, перешедшим на нашу сторону, мы гарантируем полную личную неприкосновенность и безопасность. Их мы примем, как родных братьев». А ещё ниже про Врангеля, что изгодий Врангель.

Листовка была сброшена красными с самолёта.

Понимает поручик Ляпкин: опасная в руках у него бумага. Схватил листовку, побежал к командиру полка полковнику Горностаеву.

— Разрешите доложить — страшное, — докладывает поручик.

— Что страшное?

— Листовка.

Достаёт поручик листовку, передаёт полковнику. Развернул полковник Горностаев листовку, прочитал.

Помчался Горностаев на доклад к своему начальнику генералу Драценко.

— Господин генерал, позволю доложить — страшное, — докладывает полковник Горностаев.

— Что страшное?

— Листовка.

Достал полковник Горностаев листовку, передал генералу. Развернул генерал Драценко листок, пробежал глазами.

Нахмурился. Отпустил полковника. Свернул листовку. Поспешно собрался, отправился в штаб к генералу Врангелю.

— Ваше превосходительство, — докладывает генерал Драценко генералу Врангелю, — страшное.

— Что страшное?

— Листовка.

Взял генерал Врангель листовку, читает.

«Солдаты и офицеры генерала Врангеля!» Прочитал начало, середину. А в конце про себя — что, мол, негодий Врангель.

Насупился, нахмурился генерал Врангель, зло посмотрел на генерала Драценко, словно бы это он, генерал Драценко, сочинил листовку.

— Страшна, как бомба, — сказал Драценко.

— Страшнее бомбы, — ответил Врангель.

Генерал Врангель любил ходить в чёрной черкеске. Газыри на груди. Тонкий пояс. Кинжал у пояса.

Вспомнив про эту черкеску, как-то красноармеец Язков сказал о генерале Врангеле:

— Белый-белый, даже чёрный.

Рассмеялись другие. Сочетание слов необычное, действительно смешно.

Был у них в роте бывший студент, человек учёный.

— Алогизм, — произнёс студент.

Тут же объяснил он мудрёное слово:

— Алогизм — это значит нарушение логической связи.

— Ага, нарушение, — согласились другие.

— Нарушение, потому и смешно, — растолковал студент.

И вдруг Язков:

— Нет нарушения. Всё здесь на месте.

Сразу же вспыхнул спор:

— Да как же на месте! Раз белый, значит, не может быть чёрным.

— Конечно, не может.

— Перечит правде.

— Исключено.

— Может, может! — твердит Язков.

Надо сказать, был он от природы на редкость упрямым.

— Может! — стоит на своём Язков.

Знали другие упрямство Язкова. Махнули рукой:

— Ладно. Пусть будет по-твоему.

— А это не только по-моему. Так оно есть и на самом деле: белый он, белый, аж даже чёрный!

И снова с бойцами спор.

Ринулся в бой Язков:

— Белый он?

— Белый, — согласились бойцы.

— Белый, белый?

— Ладно, допустим так.

— Не допустим, а точно! — кричит Язков. — Дважды он белый. Среди белых считайте белый.

Напорист в споре всегда Язков. Умеет к стенке прижать другого.

— Ладно, — уступают бойцы. — Пусть будет так.

Если возьмётся Язков что-то доказывать, словно кол, да в тебя вобьёт.

Продолжает Язков атаку:

— А дела какие у Врангеля?

И тут же сам выдаёт ответ:

— Дела у Врангеля чёрные.

Посмотрели бойцы на Язкова:

— Эка же ловко выкрутил.

— Эка ж хитро подвёл.

Не поспоришь ведь тут с Язковым.

— Что же, допустим, так.

— Не допустим, а точно, — не утихает Язков. — Чёрные, чёрные.

— Конечно же, чёрные, — согласились бойцы с Язковым.

— Нет алогизма, — сказал Язков. Нет тут логического нарушения. Всё верно. И снова про Врангеля: — Белый-белый, даже чёрный.

Посмотрел на Язкова студент, усмехнулся:

— Пожалуй, верно. Нет тут алогизма. Нет тут логического нарушения.

Вышел в споре Язков победителем. Пристало к барону Врангелю. Пошло гулять по взводам, по ротам:

— Белый-белый, даже чёрный!

МОБИЛИЗАЦИЯ

Редуют в боях врангелевские полки. Необходимо полкам пополнение. В захваченных районах белые проводят мобилизацию.

Поручик Зюзин и фельдфебель Галкин — представители армии генерала Врангеля — приехали в Бердянский уезд, в село Новоалексеевку.

Цель приезда — провести мобилизацию.

Прошлись представители по селу. Село большое.

Потирает руки поручик Зюзин:

— Будет прибыток, будет!

— Так точно, будет, — поддакивает фельдфебель Галкин.

Повстречали на улицах мужиков, парней.

— Здоровые, как бугаи, — бросает поручик Зюзин.

— Так точно, как бугаи, — подтверждает фельдфебель Галкин.

Провели они мобилизацию. 207 человек собрали.

Ропот прошёл было по селу.

— Молчать! — закричал Зюзин, размахивая револьвером. — Молчать! Расстреляю!

— Он у нас строгий, — сообщал крестьянам фельдфебель Галкин.

Заплакали бабы. Заплакали дети.

— Тихо! Молчать! — снова покрикивал Зюзин.

— Цыц, непутёвые! — подавал командирский голос фельдфебель Галкин.

Построили мобилизованных в колонну, вывели за село. Пересчитал Зюзин. Все здесь — 207 человек.

Двинулась в путь колонна.

Ночевали в степи. Дышали привольным воздухом.

Проснулись утром. Смотрит Зюзин — что-то меньше, кажется, стало мобилизованных. И Галкину кажется тоже — меньше.

— Становись! — закричал Зюзин.

Построились мобилизованные. Сосчитал Зюзин. Из 207 человек менее ста осталось.

— Эх, такие, сякие, этакие!.. — ругается словами последними Зюзин.

Галкин и вовсе слова черней, чем земля, бросает.

Да что тут делать? Собрали оставшихся мобилизованных. Погнали колонну дальше.

Перед новой ночёвкой опять построили. Сосчитал Зюзин — пятьдесят человек осталось. Разбежались незаметно в пути другие.

— Ах вы такие, сякие, этакие!.. — снова свирепствует Зюзин.

Не выбирает слова и Галкин.

Да только кричи не кричи — не веришь ушедших, как день вчерашний.

Расположились опять они на ночлег. Уснули крепким сном мобилизованные.

Однако не спят Зюзин и Галкин. Караулят они оставшихся.

Ходили, ходили, по-богатырски со сном боролись.

Устали. Присели.

Сидели, сидели.

— Спишь? — спрашивает Зюзин Галкина.

— Никак нет, ваше благородие, — отзывался Галкин.

— Спите, ваше благородие? — спрашивает Галкин.

— Начеку, начеку, — отзывался поручик Зюзин.

Боролись Зюзин и Галкин со сном, боролись. Не заметили, как заснули.

Проснулись утром. Глянул Зюзин на Галкина. Глянул Галкин на Зюзина.

— А где остальные?

Нет остальных в степи.

Двое из всех остались. Зюзин да Галкин. Галкин да Зюзин.

После неудачной попытки прорваться в Донбасс, после поражения за Днепром у Апостолова войска генерала Врангеля снова пошли на Каховский плацдарм.

Снова здесь загремели пушки. Заметалась, как вихрь, кавалерия. Поползли танки.

Один из белогвардейских танков, под названием «Витязь», был окружён и взят в плен нашими бойцами. Целым, невредимым «Витязь» достался красным.

Обступили его красноармейцы, рассматривают:

— Верно, что витязь!

— Эка плечи, смотри, какие...

— Громада до неба.

— Сила, хоть ад со всеми чертями на нём круши!

Руками трогают танк бойцы, бьют по броне прикладами:

— Эка звоном каким играет!

— Эка железа сколько!

— Считай, миллион подков.

Самые смелые внутрь заглядывают:

— Как могила.

— Запах недобрый.

— Как же внутри дышать?!

Нашлись и такие, что залезли верхом на танк. По-хозяйски на броне расселись. Всё-таки, шутка ли, схвачен танк.

Долго рядили-судили бойцы у танка. Подходят новые. И эти на чудо стальное смотрят:

— Эка махина!

— Эка силища!

Погнали вражеский танк в Каховку. Пусть по Каховке пройдёт «Витязь».

Гонят в Каховку танк. Новых дорогой бойцов встречают.

— Стойте, стойте! — кричат бойцы.

Делает танк остановку. Пусть поглазеют новые.

— Что же после Каховки с этой машиной делать?

Раздались голоса:

— Врангеля бить!

— Белых крошить!

— Гнать навсегда из Крыма!

И вдруг:

— Братцы, а может, на нём пахать?

И каждый тут вспомнил свою деревеньку. Весеннюю пору, покой, благодать. Взорвалась душа у пахарей.

— Пахать!

— Па-а-ха-ать! — понеслось кругом, как раскаты грома.

— Немедля! — кричат. — Немедля!

Народ боевой, задиристый. Сказано — сделано. Где-то достали плуг, прикрепили к танку. Вот и в упряжке «Витязь».

— Всё!

— Погоняй!

— Начинай, машина!

Тронулся танк.

Добрым знаком легла борозда по земле.

— Вот оно, наше дело!

«ОТМУЧИЛСЯ»

Подпоручик граф Шишинецкий получил неожиданное назначение в полк, который стоял в глубоком тылу у Врангеля, в крымском городе Феодосия.

— Подпоручик граф Шишинецкий, вам новое назначение, — сказал командир полка.

— Слушаюсь! — вытянулся подпоручик граф Шишинецкий.

Рад назначению Шишинецкий.

Шёпот ползёт по полку:

— Почему Шишинецкий?

Видно, кто-то из высших начальников то ли в родстве состоит с Шишинецким, то ли просил за подпоручика Шишинецкого.

Сел в поезд подпоручик граф Шишинецкий. Кто-то сказал:

— Отмучился.

И верно. Плохи дела у Врангеля. Били его у Каховки. Били его у границ Донбасса. Бока у Днепра намяли. Несладко белым.

Едет Шишинецкий в вагоне:

— Отмучился!

Первая крупная станция на пути у Шишинецкого — Джанкой. Высунул голову в окно Шишинецкий, глянул на синее небо:

— Отмучился!

Всё дальше, дальше бегут вагоны. Меняли где-то в пути паровоз. Гулял по платформе подпоручик граф Шишинецкий. Покой. Тишина. Поёт душа у подпоручика Шишинецкого.

Прибыл он в Феодосию. Море волной играет. Солнце людей ласкает. Нарядная публика в Феодосии. Далеко отсюда идёт война.

— Благодать! — произнёс Шишинецкий.

Прибыл подпоручик граф Шишинецкий в указанный полк. Командиру полка представился. С офицерами перезнакомился. Про страсти и страхи каховские и днепровские рассказал. Даже про страшную смерть генерала Бабиева.

— Ох, ох! — вздыхают кругом офицеры. — Ну, счастье твоё, подпоручик.

Согласен подпоручик граф Шишинецкий:

— Есть бог на земле. Отмучился.

Началась у подпоручика жизнь спокойная. Командует взводом. Строевые ведёт занятия.

Как-то совершали они учебный переход. Шли по шоссе недалеко от города Судака.

Идут. Благодать. Тишина. Покой.

И вдруг... Что такое?

— Партизаны! — кричат солдаты. — Партизаны!

Налетели как вихрь крымские партизаны. За выстрелом выстрел. Минута... Вторая... Исчез, как мираж, партизанский отряд.

Лежит у края шоссе подпоручик граф Шишинецкий.

Кто-то спросил:

— Живой?

Кто-то глянул, сказал:

— Отмучился.

«КРЫМСКАЯ ЗАНОЗА»

В сентябре 1920 года командующим Южным фронтом был назначен Михаил Васильевич Фрунзе.

Ждут его бойцы, дожидаются.

— Фрунзе приехал!

— Быть наступлению!

Да, Фрунзе приехал на Южный фронт с задачей окончательно разбить Врангеля. Отправляясь на фронт, Фрунзе виделся с Владимиром Ильичём Лениным.

Владимир Ильич спросил:

— Михаил Васильевич, скажите, когда вы собираетесь приступить к операции по разгрому Врангеля? Хотя нет, это не главное, когда вы смогли бы её завершить?

Фрунзе знал, что беспокоит Ленина. Приближалась зима — неужели ещё одна военная зима, тяжёлая военная зима?

Ленин стоял и терпеливо дожидался ответа.

— К декабрю, Владимир Ильич, — наконец произнёс Фрунзе.

— К декабрю? А успеете?

— Успеем, Владимир Ильич. Нужно успеть, — тихо проговорил Фрунзе.

— Нужно. Очень нужно, — так же тихо ответил Ленин.

И вот Южный фронт.

Нелёгкая жизнь началась у командующего. Встречи с командирами, заботы о пополнениях, об оружии, о боеприпасах. Дума: как лучше одеть, обуть бойцов. И планы, планы. Откуда ударить? Как ударить? Какие силы куда послать?

Направлялся Фрунзе однажды в штаб. Сопровождал его кто-то из красноармейцев.

О предстоящих боях думал Фрунзе. И шедший рядом с ним красноармеец, видимо, тоже о том же думал.

— Вот ведь заноза крымская, — вдруг вслух произнёс боец.

— Что-что? — спросил Фрунзе.

— Заноза, — повторяет боец, — крымская — Врангель.

— Ах, Врангель, — рассмеялся Фрунзе. Подумал: верно сказал боец, сидит Врангель в Крыму занозой.

Понравилось командующему меткое солдатское выражение.

Как-то, докладывая Владимиру Ильичу Ленину о делах Южного фронта, Фрунзе тоже сказал «заноза».

— Заноза? — переспросил Владимир Ильич.

— Так точно, Владимир Ильич. Крымская заноза — Врангель.

— Крымская заноза, — повторил Владимир Ильич. — Так что вы собираетесь делать с занозой?

— Вырвем занозу, Владимир Ильич! — ответил Фрунзе.

— Что же, желаю успеха, — сказал Ленин.

ГОЛОВА КРУГОМ

Красная Армия начала решительное наступление против Врангеля.

Поступают донесения в штаб белых. Принимает их дежурный по штабу капитан Раков. Докладывает Врангелю.

— Ваше превосходительство, ударила Первая Конная армия.

— Первая Конная? Та самая? Будённого? — спрашивает Врангель.

— Так точно, та самая, ваше превосходительство, — подтверждает Раков.

Поморщился Врангель. Генерала Деникина вспомнил...

Новое сообщение поступает в штаб. Снова докладывает Раков Врангелю:

— Ваше превосходительство, ударила 2-я Конная армия.

— Та самая? — спрашивает Врангель.

— Так точно, та самая, которая под Апостоловом... — уточняет Раков. — Которая у Днепра, ваше превосходительство.

Поморщился Врангель. Вспомнил Днепр и Апостолово. Искоса глянул на Ракова.

Проходит немного времени. Новый доклад генералу Врангелю:

— Ваше превосходительство, ударила 6-я армия красных.

— Шестая, шестая, та самая?

— Та самая, — подтверждает Раков.

Знаком и с этой армией генерал Врангель. Вместе со 2-й Конной армией громила она войска Врангеля под Апостоловом, гнала их к Днепру.

Проходит немного времени. Снова с докладом Раков у Врангеля:

— Ваше превосходительство, ударила 13-я армия красных.

— Тринадцатая, тринадцатая... — морщится Врангель.

Знакома ему 13-я армия красных. Не пустила в Донбасс она Врангеля. Била тогда у границ Донбасса.

Только вышел Раков из кабинета Врангеля, как торопится снова с докладом к Врангелю:

— Ваше превосходительство, ударила 4-я армия красных.

— Четвёртая? — задумался Врангель. — Какая это четвёртая?

Не помнит Врангель такой армии.

— Новая? — спрашивает у Ракова.

— Новая, ваше превосходительство, — сообщает Раков. — Для нас новая...

Ведут наступление советские армии. Крушит неприятеля артиллерия. Бросается смело в штыки пехота. В глубокие рейды прорываются конные армии.

Поступают к Врангелю телеграммы. Помощь нужна для защиты от армий стрелковых. Помощь нужна для защиты от армий конных. Тут прорыв, там разгром, в третьем месте бегут солдаты, в четвёртом месте и вовсе войска в окружении.

— Помощи!

— Просим помощи!

Запутался Раков в просьбах, мольбах, в донесениях. Голова у Ракова идёт кругом.

Не только Раков, Врангель и тот запутался. Всё яснее, яснее Врангелю: окружают красные их со всех сторон. Отрезают дороги к Крыму.

Бились, бились, сражались белые. Не выдержали, бежали в Крым.

ВЕРЯТ, НЕ ВЕРЯТ

Нелёгкой ценой достались победы красным.

В составе войск Южного фронта против барона Врангеля сражалась Особая огневая бригада. При бригаде был взвод разведчиков. Командовал взводом Валентин Невзоров.

Строен, статен, подтянут всегда Невзоров. Роста он небольшого. Гимнастёрка чиста, сапоги — хоть смотришь, как в зеркало.

Бесстрашный, опытный он разведчик.

Под городом Александровом надо было проникнуть в штаб белогвардейского полка и добыть нужные для красных сведения.

Вызвался Валентин Невзоров. Ночью проник он в белогвардейский штаб. Спихватились утром белые — нет важных бумаг. Тут же в штабе стояло белогвардейское знамя. Глянули белые — знамени тоже нет. Древко от знамени спокойно стоит на прежнем месте. А полотнища нет. Нет, словно и вовсе не было.

Белогвардейское знамя оказалось у красных. Припёс его вместе с ценными бумагами лихой разведчик Валентин Невзоров.

Не раз отличался Валентин Невзоров и в открытом бою.

В боях под Каховской, когда двинулись белогвардейские

танки, не оробел Невзоров. Вышёл он в бой с танком один на один. Остановил, забросал гранатами.

Смотрят после боя бойцы на Невзорова. Роста он небольшого. Ширины в плечах нет.

Смотрят на танк. Застыла скалой машина.

— Да-а... — покачивают головами бойцы.

— Мал, да удал!

— Мал, да свалил машину.

Когда войска готовились к штурму Крыма, взвод Валентина Невзорова получил задание найти удобные проходы для штурмующих войск. Разыскали разведчики такие места. Разыскали, а точнее, из неудобных удобными сделали. Прикладами, руками, грудью прорвали разведчики линию заграждений белых, открыли своим дорогу.

В этом бою и пал смертью храбрых командир взвода разведчиков Валентин Невзоров.

Наклонились бойцы над телом своего командира.

Кто-то посоветовал вынуть из кармана гимнастёрки документы.

Вынули бойцы. Глянули.

Смотрят — глазам не верят. В документах стоит имя не Валентин, а Валентина, фамилия не Невзоров, а Невзорова. Валентина Невзорова, киевская комсомолка. В графе «возраст» указано: «восемнадцать лет».

Вспоминают красноармейцы белогвардейский танк, белогвардейское знамя, последний подвиг, что стоял Валентине Невзоровой жизни.

Кто-то сказал:

— Нет, не девичьи, считай, дела.

Кто-то ответил:

— В этом ли дело: парец, дивчина. Сердце, считай, орлиное.

БРОДЫ

Владимир Ильич Ленин телеграфировал в штаб Южного фронта Фрунзе: «Помните, что надо во что бы то ни стало на плечах противника войти в Крым. Готовьтесь обстоятельнее, проверьте — изучены ли все переходы вброд для взятия Крыма».

При чём здесь броды? О каких бродах телеграфировал Владимир Ильич?

Крым — полуостров. Соединён он с материком узкой полоской земли. Это Перекопский перешеек. Ширина его несколько километров.

Есть и ещё одна связь Крыма с материком: это Чонгарские мосты.

Взорвали белые Чонгарские мосты. Укрепили Перекопский перешеек.

С давних времён эти места неприступные. От моря до моря через весь Перекопский перешеек протянулся высокий вал. В память о прошлых веках называется вал Турецким.

Перед валом глубокий ров. В два ряда окопы белых. Проволочные заграждения. На дне рва тоже заграждения из колючей проволоки.

И на вершине вала окопы белых. И тут блиндажи, переходы, убежища, укрытия, места для орудий, места для пулемётных гнёзд. 70 орудий, 150 пулемётов смотрят навстречу красным с Турецкого вала.

Говорят бойцы про Турецкий вал:

— Подымешь голову — шапка свалится.

Чтобы облегчить красным войскам штурм Турецкого вала, у командования появился план обойти перекопские позиции белых.

Но как обойти? Это можно было сделать, только пройдя по дну моря. Море около Перекопа мелкое. Это Сиваш — залив Чёрного моря. Если ветер дует со стороны суши, вода в этих местах чуть отходит от берега. Появляются броды.

Эти броды и был тот единственный путь, по которому решили обойти перекопские укрепления.

Вот почему о бродах спрашивал Владимир Ильич.

Вот почему и Фрунзе не давали покоя броды.

КРАСНЫЙ ЧЕРНОМОР

В штабную избу к Фрунзе были приглашены старики старожилы. Перед началом штурма Перекопа Фрунзе решил посоветоваться со стариками.

Мальчишка Фомка Кочкин крутился около избы. Интересно ему: зачем это красный командир к себе стариков вызвал?

Шмыгнул Фомка следом за взрослыми и сразу юрк за печку. Притих, не шелохнётся.

Слушает Фомка, о чём говорит Фрунзе, глаза разгораются.

Распрашивает у стариков Фрунзе, можно ли перейти Сиваш бродами.

Представляется Фомке, как войска идут через Сиваш, вспоминается сказка про Черномора и про тридцать три богатыря. Аж дух перехватывает! Понравился Фомке красный командир: а вдруг он и есть Черномор настоящий?

Выслушали старики Михаила Васильевича Фрунзе, задумались.

— Не бывало такого, — произнёс первый.

— Время позднее, море студёное, — проговорил второй.

— Ветры в осень опасные, — заговорил третий.

Смотрит Фрунзе на стариков, понимает, что есть дорога через Сиваш. Только старики на то и есть старики: где же стариковская мудрость, если сразу про всё сказать.

И Фомка слушает. Эх, отговорят бородатые красного командира! Не пойдут тогда красные через Сиваш. Не видать тогда Фомке такого чуда.

— Значит, не советуете?

— Да как тут сказать... — мнутя старики. — Конечно, сухопутьем оно надёжнее.

Улыбается Фрунзе. Понимает, что разговор идёт к концу, подзадоривает:

— Значит, вы против?

Не выдержал Фомка, испугался, что старики будут против.

— Можно, можно через Сиваш! — закричал из-за печки. — Там броды проходимые есть!

Обернулись все. Фрунзе из-за стола вышел. Услышал Фомка шаги, съёжился, опустил глаза, а потом тихонечко поднял. Смотрит: стоит перед ним красный командир, улыбается.

— Броды, говоришь, есть? — переспросил Фрунзе.

— Есть, есть, — зачастил Фомка, — там летом наша тёлка прошла. Там пастухи до самого Крыма ходят.

— Ну, раз тёлка прошла, тут дело серьёзное! — рассмеялся Фрунзе, повернулся к старикам: — Так как же, товарищи?

Старики переглянулись. Недовольно покосились на Фомку: опередил, мол, паршивец. Но вот один из них крикнул, провёл ладонью по бороде:

— Оно, конечно, попробовать можно. Лишь бы волна не пошла по морю.

Присоединились остальные:

— Да разве без риска в деле большом бывает?

— Бог милостив, Михаил Васильевич.

— Вот и хорошо. Спасибо, товарищи, — проговорил Фрунзе.

Целый день Фомка без устали рассказывал друзьям о красном командире.

— Умный он. Тут у него есть, — показывал Фомка пальцем на свою голову.

Потом переходил на шёпот:

— Он — Черномор... Только тот был плечейный, а этот красивый.

Ребята слушали Фомку разинув рты.

Стали они караулить, когда же войска пойдут через залив. Только не увидели ребята. Пропали. Ночью пошли войска.

Доктор Филин шёл со всеми через Сиваш. Тронулись в путь, когда стемнело, в десять часов вечера. Шли бойцы, лошади тащили орудия, телеги, зарядные ящики. Нелёгкой была дорога. Ветер, правда, отогнал из залива воду. Дно во многих местах открылось. Месили ил и морскую грязь.

Предстояло пройти по дну залива восемь километров. Чем дальше, тем сложнее, опаснее путь.

Осень. Дни холодные. Ночи и вовсе теперь морозные. В эту ночь мороз дошёл до 15 градусов. Идут бойцы, сутулятся, жмутся от холода.

Думал доктор Филин, будут бойцы роптать. Нет, не ропщут. Согревают шуткой друг друга:

— Мороз не волк, не укусит в спину!

— По морозцу всегда веселее!

— По морозцу душа играет!

— Ноги сами в мороз бегут!

Поражается доктор Филин:

— Вот так народ шагает!

Знает доктор, одежка у красных хилая. Взмокли у бойцов рубахи от брызг студёных. Заскорузли теперь, замёрзли. Словно в латах идут бойцы.

С сапогами, с башмаками и вовсе плохо. Износились, избились, истоптались сапоги, башмаки. Проникает сквозь латы, сквозь дыры солёная муть залива к солдатским ступням и пальцам. Разъедает.

Думал доктор, прорвётся в рядах недовольство. Кто-то возьмёт и худое скажет.

Нет, не слышно худого слова. Слышит доктор слова другие:

— Хорошо, что одёжка — дрянь.

— Не жалко в такую непогоду.

— Хорошо, что сапоги, башмаки поношены.

— Как же болото топтать обновками!

Поражается доктор Филин:

— Вот так народ шагает!

Идут, идут по дну Сиваша бойцы. Застревают телеги, застревают орудия. Утопают колёса в жиже, в трясине по самые тележные оси. Из сил выбиваются бедные лошади. Впрягаются сами бойцы в телеги. Тянут, как бурлаки, орудия.

Думает доктор: ну вот сейчас сорвётся душа людская.

Не сорвалась душа людская. Раздаются в ночи голоса:

— А ну подмоги!

— А ну становись!

— Сама пошла, сама пошла!

— Сил не жалей, ребята!

Поражается доктор Филин:

— Вот так народ собрался!

Всё хуже, всё хуже дорога бродами. Снова вода повернула к берегу. По колено в воде, по пояс идут бойцы.

Из сил выбивается доктор Филин. Споткнулся. Упал. Поднялся. Едва шагает. Нет сил уже больше у доктора Филина. Последние силы в солёной трясине тают.

Поражается доктор Филин: как же идут другие?!

Доносятся до доктора голоса:

— Братцы, скоро!

— Братцы, берег уже видать!

— Конец похода!

И правда: вот он, крымский далёкий берег.

И вдруг... Всполошился, задвигался берег. Засветили с берега прожекторы. Застрочили пулемёты, ударили.

Увидели белые красных. Увидели, да поздно. Достигли герои берега. Достигли и тут же в бой.

Поражается доктор Филин:

— Богатыри! Чудо-богатыри!

Счастлив доктор. Лицо у доктора солнцем светится.

ДУНДУКОВ И СУНДУКОВ

Сидит белогвардейский солдат Дундуков на Турецком валу в окне. Голову высунул, смотрит с вала. Справа, слева сидят другие. Тоже шеи, как гуси, тянут, тоже вперёд посматривают.

Хорошо всё видно с вала. Ров внизу, проволочные заграждения. Пушки стоят, пулемёты. Надёжна кругом защита.

— Надёжное место! — кричит Дундуков. — Пусть только красные к валу сунутся!

Повернулся к соседу справа:

— Хорошо, что не нам идти в атаку на этот вал.

Отозвался сосед:

— Не приведи господь.

Повернулся к соседу слева:

— Хорошо, что не нам идти через этот ров.

Отозвался сосед:

— Пожалеи, господь.

Неприступен Турецкий вал. Сунься только на вал Турецкий.

И белогвардейский солдат Сундуков сидит на Турецком валу в окне. Высунул голову, смотрит с вала. Слева, справа сидят солдаты. Тоже шеи, как цапли, тянут. Тоже вперёд поглядывают.

— Мы неприступны! — кричит Сундуков. — Пусть красные только ко рву приблизятся!

Чтобы подойти к Турецкому валу, красным войскам надо

было прорвать две оборонительные полосы белых, взять две линии окопов.

Взорвали красные первую линию обороны белых. Взяли первую линию окопов. Прорвали вторую оборонительную полосу. Взяли вторую линию окопов.

Двинулись на штурм самого Турецкого вала.

— Даёшь Крым! — несётся над Перекопским перешейком.

— Крым!

— Кры-ы-м!

Устремились красные бойцы на Турецкий вал. Но не достигли его вершины. Отбили атаку белые.

— Мы неприступны! — кричит Дундуков.

— Мы недоступны! — кричит Сундуков.

Снова красные бойцы пошли в атаку. Отбили и эту атаку белые.

— Нате-ка, съешьте! — кричит Дундуков и фигу в сторону красных тянет.

— Съешьте, съешьте! — кричит Сундуков.

Собрались с силами красные. Снова идут на штурм. Удержались в окопах белые. Отбили атаку третью.

— Мы здесь навечно! — кричит Дундуков.

— Навечно! — кричит Сундуков.

Нет предела упорству, нет предела героизму красных. В по-вой, в четвёртой они атаке. Всё ближе, ближе гребень Турецкого вала. Всё ближе окопы белых. Метры всего остались. Шаг, ещё шаг. Последний перед победой шаг. И вот бойцы на вершине Турецкого вала.

Закончился трудный бой.

А где Дундуков? Где Сундуков?

Нет Сундукова. Нет Дундукова.

Закончили белые век земной. Навеки здесь на Турецком валу в окопах лежать остались.

НЕПОСЛУШАНИЕ

В самый разгар перекопских боёв командующему Южным фронтом Михаилу Васильевичу Фрунзе вдруг доложили:

— Товарищ командующий, непослушание в дивизии...

Насторожился Фрунзе.

Прорвались красные войска через Сиваш. Взяли Турецкий вал. Но южнее Турецкого вала, в двадцати километрах от него, находилась новая полоса обороны белых. Это Юшуньские позиции. Удобны для обороны Юшуньские позиции. В этих местах на Перекопском перешейке находилось несколько глубоких солёных озёр. Озеро Старое, озеро Красное, озеро Круглое,

Безымянное. Расположились они почти в ровную линию, с запада на восток. Выглядит Перекопский перешеек здесь так: суша идёт, затем озеро, снова немного суши, опять озеро, а за этим озером снова озеро, и дальше тоже путь преграждает озеро. Под Юшунью, между озёр, и создали врангелевцы вторую полосу обороны Крыма.

Снова протянулись в несколько линий окопы белых. Идут бесконечные полосы проволочных заграждений. Стоят в укрытиях орудия, пулемёты и бомбомёты.

Много красных дивизий, полков и бригад отличились в боях за Крым. В числе их была и 51-я стрелковая дивизия. Это она обороняла Каховский плацдарм. Это она вместе с другими штурмом вошла на Турецкий вал. И вот теперь стояла у Юшуньских позиций Врангеля.

Командовал дивизией Василий Константинович Блюхер. Это он за бои на Восточном фронте награждён орденом Красного Знамени № 1.

Любят бойцы своего командира. И командиры старшие любят и ценят начдива Блюхера.

И вдруг под Юшунью непослушание.

Именно о непослушании Блюхера и доносили Фрунзе.

Уже начались бои за Юшунь. Уже втянулась в бои дивизия, и вдруг приказ:

— Отвести дивизию!

Зароптали бойцы:

— Как отвести?!

— Почему?

Оказывается, решили высшие командиры: храбро сражалась дивизия под Каховкой, героически шла на Турецкий вал — заслужила дивизия отдых.

На отдых решили послать дивизию.

Узнали бойцы про отдых:

— Не пойдём на отдых!

— Ни с места, братцы!

Запротестовали бойцы дивизии. И Блюхер бойцов поддержал. Вот и доложили Фрунзе о непослушании.

Насупил брови Фрунзе, однако в душе порадовался:

«Допустимое непослушание».

Красные бойцы Блюхера продолжали сражаться. Взяли они вместе с другими красными частями Юшуньские укрепления. К Чёрному морю легла дорога.

Прорвали красные бойцы Перекоп. И вот в минуту долгожданного отдыха, у какого-то костра, перед сном заговорили они о боях, о белых:

— Туго, несладко белым.

— Крышка, выходит, белым.

Затем о генерале Врангеле вспомнили:

— Генерал.

— Помещик.

— К тому же барон.

Кто-то бросил:

— Барон Мюнхаузен.

Заинтересовались бойцы. Не все про такого барона знали. Объясняют те, другие, кто такой барон Мюнхаузен.

— Враль! — смеются бойцы. — Барон! Так это же точно — Врангель.

Вспоминают бойцы, как обещал Врангель Каховку взять:

— Обещал!

— Наврал!

— Набрехал!

— Выходит, барон Мюнхаузен!

Как обещал пробиться на Дон, поднять там против Советской власти восстание:

— Обещал!

— Наврал!

— Набрехал!

— Выходит, барон Мюнхаузен!

Как на Кубани грозился поднять мятеж:

— Обещал!

— Наврал!

— Набрехал!

— Выходит, барон Мюнхаузен!

Как клялся Врангель Донбасс захватить, пробиться за Днепр грозился:

— Обещал!

— Наврал!

— Набрехал!

— Выходит, барон Мюнхаузен!

— Сказал: неприступен для нас Перекоп.

— Сказал: неодолима Юшунь.

— На Москву собирался идти походом, а сам, как крот, в крымский песок забился.

И снова вывод:

— Ясно — великий враль!

— Ясно — барон Мюнхаузен! То есть, простите, Врунгель. То есть, простите, Врангель.

ТАЧАНКА

Стремительно погнали белых к Чёрному морю. Об одном лишь мечтают белые: скорей бы к морю! Скорей бы к морю! Там корабли. На корабли — и прощай, Россия!

Устремились вперёд красные войска. Летит кавалерия. Мчатся тачанки.

Тачанка. Кто не знает лихой тачанки. Быстрые лошади. Пулемёт. В годы гражданской войны тачанка грозным была оружием.

Даже песня есть про тачанку:

Эх, тачанка-ростовчанка,
Наша гордость и краса,
Конармейская тачанка,
Все четыре колеса.

Во многих местах страх наводили на белых тачанки. В завожских степях. В боях под Ростовом. В боях под Каховкой.

Вот и теперь. Вышли на крымский простор. Мчатся вперёд тачанки.

Бегут в панике белые офицеры:

— Тачанки!

— Тачанки!

Бегут генералы белые:

— Тачанки!

— Тачанки!

Даже Врангель кричит:

— Тачанки!

Мчат по степи тачанки. Как стрелы несутся кони. Как флаги трепещут гривы.

— Победа! Победа! — стучат копыта.

— Победа! Победа! — звенят колёса.

Мчатся, мчатся вперёд тачанки.

Спасаются белые. Несутся к морю. Между морем и степью горы. «Уйдём через горы. Задержат тачанки горы».

Отступает со всеми Увар Горбатый. Мчит что есть силы. Перемахнул через Крымские горы. Добежал до Чёрного моря. Был среди самых быстрых. Успел на отходящий корабль забраться.

Вдохнул облегчённо Увар Горбатый. Смотрит туда на горы, на скалы, утёсы, кручи. Вот ведь степь какая! Закрыли от красных горы. И вдруг видит: валстела на горы тачанка... Вот они,

кони! На фоне неба. Испугался Увар Горбатый, а затем торжество охватило Горбатого — кони в беге с обрыва рухнут.

Ударили копытами кони. Вот они рухнут в пропасть. И вдруг... О чудо! От скалы оторвались кони. Над горами, над морем взвилась тачанка. Птицей вперёд рванулась. Как стрелы несутся кони. Как флаги трепещут гривы.

Мчится вперёд тачанка.

— Победа! Победа! — стучат копыта.

— Победа! Победа! — звенят колёса.

Мчится как вихрь тачанка. Это Победа летит вперёд.

Было 16 ноября 1920 года. В этот день командующий Южным фронтом Михаил Васильевич Фрунзе отправил в Москву телеграмму Владимиру Ильичу Ленину. Телеграмма кончалась словами: «Южный фронт ликвидирован».

Глава шестая

КРАСНАЯ РАДУГА

ТЕСНЯТСЯ. ТОРОПЯТСЯ

К концу 1920 года почти во всех районах европейской части Советской России установился мир. Всем давно уже ясно, что нет такой силы, которая смогла бы сокрушить Советскую власть. И всё же...

Советский Дальний Восток. Дальние наши дали. Охотское море. Японское море. Тихий или Великий раскинулся гигантской скатертью океан.

Манит, манит сюда оккупантов. Привольный, богатый край. Теснятся. Торопятся. Ещё в 1917 году устремились сюда захватчики.

Маршируют по улицам дальневосточных городов солдаты в английской военной форме,
во французской военной форме,
в канадской,
в итальянской,
в американской,
вообще в непонятной какой-то форме.

Приезжают различные иностранные военные миссии. Создают общества и комиссии. Идут заседания и совещания. Составляются планы, проекты, фантастические прожекты.

Цель одна — поживиться богатством чудесного края. Побольше схватить и тяпнуть.

В числе первых на советский Дальний Восток вторглись японские захватчики. О всём советском Приморье, о Сибири мечтают японские капиталисты. Гонят и гонят японских сюда солдат. Прибавляются к тысячам новые тысячи.

Не теряют надежд и белые. Нет недостатка на Дальнем Востоке в белых. Набежали сюда белогвардейские генералы. Готовы служить японцам, готовы — американцам, англичанам, французам, любым и любому, лишь бы против Советской власти. Готовы Дальний Восток растерзать, растащить, распродать, лишь бы осилить красных.

Поднялись рабочие и крестьяне Дальнего Востока на борьбу против иностранных захватчиков, против белых офицеров и генералов. В огромный партизанский край превратился Дальний Восток. На Амуре, на Уссури, под Спасском, под Благовещенском, под Хабаровском, Владивостоком, на перевалах Сихотэ-Алиня, на отрогах Хингана, в лесах Забайкалья идут бои. Рождает борьба героев.

Бьётся Дальний Восток и держится.

СЕРГЕЙ ЛАЗО

Сергей Лазо. Как команда, как выстрел звучит фамилия.

Был Лазо прапорщиком царской армии. Служил после окончания военного училища командиром взвода в городе Красноярске.

Любили солдаты Сергея Лазо.

1917 год. В России произошла Февральская революция. Избирали в Красноярске Совет рабочих и солдатских депутатов. Называли в полку кандидатов. Несётся из зала:

— Лазо! Лазо! Прапорщик Лазо!

В октябре 1917 года избрали делегатов на Общесибирский съезд Советов. Называли опять кандидатов. Вновь голоса несутся:

— Лазо! Лазо! Товарищ Лазо!

В декабре 1917 года Сергей Лазо находился в Иркутске. Создавали в Иркутске Военно-революционный комитет. Решали, кого в комитет ввести. Идут предложения:

— Лазо! Лазо! Сергея Лазо!

В 1918 году Сергей Лазо был принят в партию большевиков. Он стал одним из самых прославленных красных командиров на советском Дальнем Востоке. Командовал Забайкальским фронтом. Бился под Читой, Хабаровском, Владивостоком. Боевая обстановка на Дальнем Востоке порой менялась стремительно. То Лазо руководил партизанскими отрядами. То

скрывался в подполье. То вновь становился во главе вооружённой борьбы.

Легендарным стало имя Сергея Лазо. Много рассказов о нём ходило. Вот только два из них.

Укрывался одно время Лазо с группой партизан в глухой, непроходимой тайге. Стояла зима. Морозы держались редкостной силы. Отырли партизаны землянку, но не хватало печки.

Проснулись однажды партизаны. Смотрят: а где же Лазо?

Исчез из землянки Лазо куда-то. Стали ждать. Стали тревожиться. День проходит, второй. Вдруг ночью чьи-то шаги рядом с землянкой.

— Стой! Кто идёт?

Оказалось, пришёл Лазо. Принёс железную печку. Печка тяжёлая. Где взял, как донёс — непонятно. Стоит улыбается. Даже задорную песенку пропел:

Я мороза не боюсь,
Я у печки греюсь!

Во время одного из переходов Сергей Лазо тяжело заболел. Усадили товарищи его верхом на коня, отправили лесными тропами в партизанский лазарет. Прибыл конь в лазарет. Смотрят санитары. Приехал совсем не Лазо. Оказалось, уступил Лазо коня другому товарищу.

— Не возражать! — даже прикрикнул.

Двое суток добирался тогда пешком Лазо до лазарета. Пришёл. Еле стоит на ногах. Шатается. А голос и тут весёлый:

— Здравствуйте!

Мало было людей на Дальнем Востоке, кто бы не знал, не слышал про Сергея Лазо. Лазо! Как выстрел звучит фамилия.

Бедя подошла неожиданно. В 1920 году японские интервенты схватили отважного партизанского командира. На рукаве гимнастёрки у Сергея Лазо была пришита ярко-красная пятиконечная звезда.

— Спори, спори, — говорили Сергею Лазо товарищи.

— Поберегись!

Не тронул красной звезды Лазо.

Страшной была смерть Сергея Лазо и двух его боевых товарищей — Всеволода Сибирцева и Алексея Луцкого. Схватили красных командиров, японские генералы передали их местным белогвардейцам. Белые бандиты затолкали их силой в мешки и сожгли в паровозной топке.

Погибли отважные дальневосточные коммунисты.

Вечная память Сергею Лазо!

Вечная память Всеволоду Сибирцеву и Алексею Луцкому!

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЕ АТАМАНЫ

Много народной крови в годы гражданской войны пролили дальневосточные атаманы. Много людского горя — после их страшных дел.

Был атаман Семёнов. Был атаман Калмыков. Белогвардейский генерал барон фон Унгери тоже метил в дальневосточные атаманы. Даже среди англичан атаман нашёлся. Стал им английский консул, некто по фамилии Портер.

Разошёлся как-то генерал атаман Семёнов. А был генерал Семёнов атаманом Забайкальского казачьего войска. Вспомнил

Семёнов о Портере. Решил отблагодарить. Не раз оказывал Портер помощь белым и атаману Семёнову. Заискивал генерал перед англичанином, лебезил.

— В казаки его, в казаки! — закричал Семёнов. — Произвести в казаки почётные.

Произвели Портера в казаки.

Надели штаны с лампасами. Саблю вручили. Вручили пику. Взгромоздили на голову огромную-преогромную шапку-папаху из маньчжурского козьего меха. Утонул в ней Портер. Подбородок едва виднеется.

Посадили новоиспечённого казака верхом на коня.

Однако не был наездником Портер. Коней не любил. Седла, как огня, боялся.

Посадили его на коня. Не удержался, свалился Портер.

Вновь посадили. Опять свалился.

Не удержался «казак» в седле.

Да что там Портер! Сам атаман Семёнов, сам атаман Калмыков, сам генерал фон Унгерн — не удержались. Свалились с коня истории.

Плачевно закончили жизненный путь дальневосточные атаманы. Были биты они и разбиты. Унгерн был расстрелян. Калмыков был расстрелян. Ну, а Семёнов? В петле свой разбойный путь завершил атаман Семёнов. Судили советским судом Семёнова. Всенародно при всех повесили.

ВОЗМУТИЛСЯ

Вместе с японскими и другими захватчиками хозяйничали на Дальнем Востоке и американские интервенты.

Возмущались американские офицеры. Трудно было у партизан с оружием, с боеприпасами. Пулемётов мало. Винтовок мало. Стреляли часто из берданок, из охотничьих ружей. Сами изготавливали пули, мастерили картечь и дробь. Ружья и дробь и возмущали американских захватчиков:

— Варварство!

— Из ружья, как по зверю.

— Мы — представители великой державы.

— Неуважительно.

— Грубо.

— Зло.

Как-то снова была стычка у американских солдат с партизанами. Нашёлся среди партизан шутник. Зарядил он свою берданку патроном, набитым солью.

Давно повелось на Руси: если залезет ворюшка в сад, в огород, на бахчу за арбузами, стрелять по ворюшке солью. Выстрел

был не смертельным. Однако, въедаясь в ранки, соль причиняла страшную боль. Долго воришка о подобном гостинце помнил.

Итак, приготовил шутник-партизан покрупнее заряд из соли, выждал удачный момент и, когда потеснили американских захватчиков наши, когда, отступая, те «показали спины», облюбывал шутник-партизан американского офицера и выпустил свой-заряд. Место то, что чуть-чуть пониже спины, для соли специально выбрал.

Взвыл офицер от боли. Притащили его в лазарет. Долго возились врачи с офицером. Соль вымывали. На памятном месте сшивали раны. Смотрят другие: и смех и грех.

Узнал командующий американскими войсками, вторгшимися на советский Дальний Восток, генерал Грэвс, что часто в боях партизаны применяют простые берданки, охотничьи ружья, самодельные пули, картечь и дробь, возмущился.

Даже в газетах о своём возмущении написал. «Не гуманным» способом войны называл он стрельбу из охотничьих ружей, «не человеческим».

Читали партизаны:

— Эка какой гуманист нашёлся!

Решили партизаны ответить Грэвсу. Написали: мол, если не желает генерал Грэвс, чтобы стреляли партизаны из берданок, из охотничьих ружей, если приятнее американским захватчикам, чтобы били их из винтовок и пулемётов, то партизаны тут вовсе не против. Поэтому просят они генерала Грэвса прислать им на первый случай хотя бы десяток тысяч винтовок, хотя бы вагон патронов.

Написали ему и про соль. Мол, с давних пор на Руси установился такой порядок: если залезет ворюшка в дом, в сад, в огород, на бахчу за арбузами, стрелять по ворюшке солью. Приписали: «Стрелки у нас меткие. Можем и повторить».

Не ответил Грэвс на письмо. Поминали Грэвса не раз партизаны:

— Эх бы Грэвсу да этой солью!

КОНСЕРВЫ ИЗ КРОЛИКА

Негодовал француз. Сразу на двух языках ругался. Узнал, что обменяли его на консервы из кролика.

Оскорблён был француз смертельно.

— Меня! На консервы из кролика?! Что я в Париже теперь скажу! Как мне теперь — во Францию?!

Был француз коммерсантом французским. Поставлял на Дальний Восток французским войскам, а заодно и войскам белогвардейским то ли патроны, то ли снаряды, то ли что-то ещё

армейское. Был он лицом гражданским. Однако прибыл сюда на Дальний Восток во французской военной форме. Нравился в форме себе француз. Глянешь: не коммерсант, а бывалый герой с картинки!

Во Владивостоке остановился заезжий гость. Однако как-то с отрядом белых попал он в тайгу приморскую. Тут и был партизанами захвачен в плен.

Возможно, отпустили бы его партизаны, да видят — наряд военный. Забрали с собой француза.

Стали гадать, что же с французом делать. Да тут... Узнали во Владивостоке французские интервенты об истории с коммерсантом. Предложили партизанам за коммерсанта выкуп.

Специальный представитель для встречи с партизанами даже в условленное место прибыл. Предлагал сахар, муку, крупу. Предложил и консервы из кролика. Плохо было с едой у партизан. Рады они обмену. Когда решали, на что же менять француза, выкрикнул кто-то:

— На консервы из кролика!

Не знали в России таких консервов. Рады партизаны заморским штукам.

Поменили коммерсанта они на «кроликов».

Не повезло француз. Потешались над ним во Владивостоке. Потешались потом в Париже. Даже прозвали «Месье из кролика».

МНОГОУДОБНОЕ

— Многоудобное! Многоудобное! — поражался английский офицер названию.

Многоудобное — так называлось одно из таёжных сёл. Избы здесь крепкие. Подворья просторные. Кедр и сосны. Сосны и ели. Слева и справа отроги Сихотэ-Алиньских гор.

Продвигались английские солдаты таёжным местом. Заночевали в Многоудобном.

Ходил по селу офицер английский:

— Многоудобное! Многоудобное!

Даже в своём дневнике запись такую сделал: «Многоудобное — умеют же русские дать название!»

Восхищался англичанин тайгой, округой. «Вот бы англичанам такой простор. Век не забудется Многоудобное».

Не забылось оно англичанину.

Ночь наступила. Заснул в Многоудобном заморский гость.

А на рассвете совершили на Многоудобное налёт партизаны. Бежали английские солдаты. Бежал офицер английский.

Выпрыгнул он из окна. Да неудачно. Ногу сломал, бедняга. Ходит теперь с костылём.

Не забылось село таёжное. Держится в памяти Многоудобное.

«ЛЕТУЧИЙ ГОЛЛАНДЕЦ»

Приморскими партизанами был создан «летучий» отряд особого назначения.

«Летучий» — в смысле подвижный. Выполнял он различные важные и срочные задания. Действовал против войск интервентов, действовал против белых.

Узнают партизаны: направляется к интервентам состав с военными грузами.

Поднимается по тревоге отряд «летучий». Взрывает состав с военными грузами.

Узнают партизаны: в таком-то селе расположился белогвардейский штаб.

Налетает отряд «летучий». Разгромлен белогвардейский штаб. Взяты бумаги ценные.

Узнают партизаны: захвачены белыми наши пленные. Пергоняют такой-то дорогой пленных.

Снова отряд в походе. Засада. Короткий бой. Вновь на свободе пленные.

Стало известно интервентам и белым, что у партизан есть «летучий» отряд особого назначения.

«Летучий голландец» — называли его интервенты.

Есть такое морское предание. Носится по морям неизвестный корабль. Под парусами. Под реями. Возникает он неожиданно. Из тумана, из-за крутой волны. Мелькнёт в одном месте Летучий голландец. Увидят матросы. И вот в новом месте уже Голландец. Далеко-далеко отсюда. Там его люди видят.

Не утихают на Дальнем Востоке лихие партизанские рейды.

То совершат партизаны стремительный налёт на продовольственный склад врага.

Идёт среди белых и интервентов:

— «Летучий голландец»!

То перехватит на базах военные грузы.

Идёт среди интервентов и белых:

— «Летучий голландец»!

То вдруг прямо как снег на голову, как горный обвал, как град в колонну солдат-интервентов врежутся.

— «Летучий голландец»! «Летучий голландец»! — кричат враги.

Сколько же их, «летучих»? И справа, и слева, и с фронта, и с

тыла разят дальневосточные партизаны войска интервентов, войска генералов белых.

Нет им отдыха. Нет покоя.

— «Летучий голландец»!

— «Летучий голландец»! — повсюду слышно.

И слышно, и видно. И видно, и слышно.

ХАРАКИРИ

Было это на Амуре, в городе Николаевске. Шёл на улицах города бой с японскими оккупантами. Партизаны сражались отважно. Разгромили они захватчиков.

Был среди наших боец Перекладин. Понимает — конец врагу. Так и есть. Видит Перекладин, вышли на видное место два японских офицера. Ясно — идут сдаваться. И вдруг...

— Что такое?!

Схватили японские офицеры свои японские сабли-мечи, распахнули шинели... секунда — и сами себе животы вспороли.

— Чудеса! — лишь воскликнул боец Перекладин.

Да и другие бойцы застыли. Смотрят. Вот это да! Был среди наших боец Замятин.

— Харакири, — сказал Замятин.

— Что-что?

— Харакири, — повторил Замятин.

Объяснил он Перекладину и другим, что харакири — это способ самоубийства у японских привилегированных дворян-офицеров. Если такой офицер оказывается в безнадёжном положении, если не видит другого выхода, он и вспарывает острым предметом себе живот, то есть совершает себе харакири.

— Значит, харакири — это когда всем крышка, конец всему, — сделал вывод боец Перекладин.

— Конец, конец, крышка, — усмехнулся боец Замятин.

Хоть и разбили наши тогда в Николаевске японских захватчиков, хоть и в других местах наносили удары сильные, однако присылали японские капиталисты новых солдат. Продолжали грабить Дальний Восток японские интервенты. Лишь в конце 1922 года были окончательно изгнаны японские захватчики с советских земель. Садились японские солдаты на корабли. Покидали советские берега.

Случилось так, что боец Перекладин оказался в этот момент у моря. Видел он, как бежали с наших земель захватчики. Смотрел, смотрел Перекладин и вдруг сказал:

— Харакири!

Рядом другие бойцы стояли. Повернулись они к Перекладину. С удивлением на Перекладина смотрят.

— Харакири, — повторил Перекладин. И тут же к бойцам с вопросом: — Уходят (показал на уходящие японские корабли)?

— Уходят.

— Признали своё поражение?

— Признали.

— Значит, крышка им?

— Крышка.

— Погибли мечты и планы?

— Погибли.

— Вот и получается — харакири.

Рассмеялись бойцы:

— Погибли мечты и планы. Действительно — харакири!

ПОЛИГЛОТ

Поразительно сложилась судьба у красноармейца Петра Петрова. Начинают бойцы:

— С немецкими оккупантами бился?

— Бился, — отвечает Петров.

Действительно сражался Петров с немецкими оккупантами. Случилось так, что как раз под Псковом. В 1918 году. В феврале. 23 февраля. Именно в тот день, который был признан днём рождения Красной Армии.

Продолжают бойцы:

— С английскими интервентами бился?

— Бился, — отвечает Петров.

Действительно бился Петров с английскими интервентами. Забросила на север его судьба. Сдерживал тут он войска англичан. Заставил бежать к Архангельску.

— С французскими пришельцами бился?

— Бился, — отвечает Петров.

Действительно бился Петров и с французскими захватчиками. Было это на юге. Шёл на Одессу тогда Петров. Заставил уйти из Одессы гостей непрошенных.

С белочехами бился затем Петров, с белословаками.

— Полиглот, — кто-то сказал о Петрове.

Впервые Петров услышал такое слово — «полиглот». Полиглот?

Спросил у Смирнова. Спросил у Сизова. Мудрёное слово. Книжное. Что за слово, никто не знает.

Комиссар объяснил. Даже книгу-словарь открыл. Прочитал Петров: полиглот — это тот, кто знает множество иностранных языков.

— Так я ж языков не знаю, — стал объяснять Петров.

Рассмеялся в ответ комиссар:

— Всё равно полиглот. Полиглот, — проговорил серьёзно.

Пристало к Петрову книжное слово.

— Полиглот, — величают его в полку.

Попал Петров к концу гражданской войны на Дальний Восток. Новые встречи с врагами прибавились. С американскими интервентами в бой вступал. Итальянскую речь слышал. С канадскими мундирами в стычках встретился. Ну и, конечно, в боях побывал с японцами.

И тут про Петрова:

— Полиглот!

— Полиглот!

Не забылось на Дальнем Востоке слово. Даже больше ещё пристало.

Обороняет Петров родную советскую землю. Бьёт иностранных захватчиков: японских, английских, французских, других кровей и других речей.

Полиглот, полиглот — ничего не скажешь.

НЕПРИЯТНАЯ ИСТОРИЯ

Неприятная история с белогвардейским генералом Волковым приключилась. Превратился из Волкова в Зайцева генерал.

Приморские партизаны перед генералом за всё в ответе.

Километрах в пятидесяти от Владивостока стояло село Шкотово. Находился в селе большой гарнизон белых. Начальником гарнизона и был генерал Волков.

Тревожными, беспокойными для белых были эти места. Не один партизанский отряд в округе.

Совершили как-то партизаны смелый налёт на Шкотово. Выбрали тёмную ночь. Подошли к селу. Сняли белогвардейские караулы. Ворвались в Шкотово.

— Партизаны! Партизаны! Ваше превосходительство, партизаны! — кричал генеральский денщик Трошка.

Вскочил генерал с постели:

— Где партизаны?!

— Здесь! Рядом! — кричит Трошка.

Не пришёл ото сна сразу в себя генерал. Растерялся от неожиданности. Бросился к двери, к окну, снова метнулся к двери. Остановился, глянул на Трошку.

— Партизаны! Партизаны! — вопит ещё громче Трошка.

Сорвал с себя генерал погоны. Вместе с Трошкой укрылся в погребе.

Между тем отбили белогвардейцы партизанский налёт на

Шкотово. Схватились солдаты: а где же Волков? Нет генерала. Нигде не видно. Может, убит, подумали.

— Трошка! — кричат. — Трошка!

У Трошки о генерале хотели узнать. Не отзывается Трошка. Знают солдаты «геройство» Трошки.

— Может, забился в подпол?

— Может, забился в погреб?

Сунулись в подпол. Сунулись в погреб. Тут он, конечно, Трошка.

Видят: Трошка, а рядом Волков.

Разнеслось среди белых о том, как испугался партизанского рейда Волков, как сорвал с себя генерал погоны, как забился в крестьянский погреб.

— Не Волков он — Зайцев, — сказали о Волкове.

Подложили свинью партизаны Волкову. Стал из Волкова Зайцевым генерал.

НАГРАДА ЗДАНОВСКОМУ

Случай встревожил всех. У белых в Хабаровском военном госпитале был похищен ведущий хирург.

Нет хирурга. Не прибыл в госпиталь.

— Похищен!

— Похищен!

Даже нашлись свидетели.

Один говорил, что видел, как двое неизвестных схватили хирурга рядом с его же домом. Руки скрутили. Револьвер прямо к виску приставили.

Другой говорил, что видел, как двое конных вывозили хирурга из города по Муравьёво-Амурской улице.

Ясно белым, похитил кто. Похитили партизаны.

Были дни как раз очень трудные для хабаровских партизан. Стояла зима. Одна из баз находилась в 170 километрах от города. Скопилось на базе много больных и раненых. Нужен был врач. Хирург. В партизанском отряде врача же не было.

Вот и отправился посыльный от партизан в Хабаровск. Обратился к хабаровским коммунистам-подпольщикам. Известен подпольщикам врач Здановский. Главный хирург он в военном госпитале. Знали подпольщики — симпатизирует доктор красным.

Поговорили хабаровские подпольщики со Здановским. Согласен он оказать помощь партизанам. Но как? Это же 170 километров от города. Как же может покинуть Здановский Хабаровск?

— А мы вас похитим, — сказали Здановскому.

Усмехнулся Здановский. Подумал. Дал он своё согласие.

«Похитили» Здановского партизаны.

Пробыл он несколько дней в партизанском лагере. Осмотрел всех бойцов. Прооперировал многих. Многих от смерти спас.

Привезли партизаны хирурга назад в Хабаровск. Чтобы не возникло никаких подозрений, руки снова ему связали. Посадили рядом с оградой госпиталя.

Увидели Здановского белые.

— Ах же они такие! Ах же они сякие! — партизан как могли ругали.

Даже охрану хирургу выделили. Идёт на работу Здановский в госпиталь — рядом идёт охрана. Возвращается он с работы — тут же охрана рядом. Направляется в гости хирург Здановский — снова тенью охрана тянется.

Не уследила охрана. Ещё дважды «похищали» партизаны Здановского.

Извинялись белые перед Здановским. Даже награду за «попесённые неудобства» Здановскому выдали.

ПАРТИЗАНСКИЙ ПОДАРОК

Среди партизанских отрядов, действовавших на Дальнем Востоке, был и отряд Алексея Кочнева.

Удивительным был отряд. Сразу в отряде четыре брата. Сразу четыре Кочнева:

Алексей,

Александр,

Николай,

Григорий.

Много отважных дел на счету отряда. Действовал отряд на левом берегу Амура, севернее и западнее Хабаровска. А чаще — в районе реки Тунгузки. Даже называли его «Тунгузским».

Здесь, на реке Тунгузке, и произошла в боевой жизни отряда такая история. Ходил по Амуру пароход «Инженер». Во многих местах пароход увидишь. Ниже Хабаровска. Выше Хабаровска. В низовьях самой Тунгузки. Дорожили белые пароходом. Везли он грузы, войска, оружие. Незаменим «Инженер» для белых.

Решили партизаны: достаточно. Хватит. Пора изъять пароход у белых.

Стали следить за «Инженером». Посты в разных местах поставили.

Доложили партизанам:

— Вышел «Инженер» из Хабаровска.

Доложили:

— Вниз по Амуру пошёл «Инженер»

Доложили:

— Две баржи к нему прицепили.

Доложили:

— В низовьях реки Тунгузки стал «Инженер» на якорь.

Тунгузка — левый приток Амура.

Остановился здесь пароход. Грузят дрова на баржи. Стояла глубокая осень. К зимней стуже готовятся белые.

Подошли к этому месту партизаны Кочнева. Устроили засаду. Только загрузили белые баржи дровами, как тут — партизанский налёт.

Захватили партизаны и пароход, и дрова, и баржи.

Угнали кочневские партизаны пароход и баржи вверх по Тунгузке. В места непролазные, партизанские. Посадили и «Инженера» и баржи на надёжные мели. Не сдвинешь с места теперь громады. Не так-то просто вернуть их белым. Пробивались сюда к пароходу белые. Надёжно сидит «Инженер» на мели.

Вскоре покрылась Тунгузка льдом. Зазимовал «Инженер» в ледяном плену.

— Ну что ж, до весны, — порешили белые.

Наступила весна. Однако было белым уже не до парохода. Всё хуже и хуже дела у белых.

А вскоре и вовсе в этих местах стала народная власть.

Передали партизаны пароход и баржи в руки трудового народа. Явились Кочневы, четыре брата:

Алексей,

Александр,

Николай,

Григорий.

— Получай, народная власть, от партизан подарок!

СЕРДЦЕ БОНИВУРА

Погиб Бонивур севернее Владивостока. В бою неравном.

Виталий Бонивур только что вернулся из Москвы. Был от Владивостока делегатом IV съезда комсомола. Вот и сейчас в партизанском краю он создавал подпольные комсомольские организации.

Деревня Кондратенково. Здесь расположился штаб партизанского отряда. В тот день в Кондратенково находился и Бонивур. Сам партизанский отряд за несколько дней до этого ушёл выполнять боевое задание. Узнали об этом белые. Нагрянули на партизанский штаб. Стали окружать Кондратенково.

Оттянулась к лесу охрана штаба, заняла позицию для обороны. Вдруг к командиру охраны подбежал Бонивур. В помеще-

нии штаба осталась пишущая машинка. Надо было спасти машинку. Осталась в штабе и кепка Бонивура, под подкладкой которой были зашиты списки комсомольцев-подпольщиков.

— Я быстро! — крикнул друзьям Бонивур.

Добежал Бонивур до штаба, схватил кепку, спрятал машинку. Стал отходить назад.

Увидели белые бегущего Бонивура. Бросились наперерез. Застрочил пулемёт. Закокали пули. Окружили, схватили бело-гвардейцы Виталия Бонивура.

Привели комсомольца к белому полковнику на допрос. Идут вопросы:

— Куда ушли партизаны?

— Сколько их?

— Чем вооружены?

Про комсомольцев идут вопросы:

— Кто комсомольцы?

— Имена?

— Фамилии?

Молчал Бонивур. Гордо смотрел на белых.

Пытали враги комсомольца. Били шомполами, выворачивали руки.

— Молчишь? Заговоришь!

Огнём прижигали тело.

— Молчишь? Заговоришь!

Не добились ничего от Бонивура враги. Не произнёс он ни единого слова.

Рассвирепели белые изверги. Набросились на героя.

Вырезали пятиконечную звезду на груди Бонивура.

Выломали рёбра.

Вырвали сердце.

Не остановилось сердце Виталия Бонивура. В груди от-
важных и нынче бьётся.

«БОЛЬШИЕ УСПЕХИ»

Трубили белогвардейские газеты, выходившие на Дальнем Востоке:

«Большие успехи!»

«Большие успехи!» — кричат.

Писали газеты, что белые очистили всё Приморье от партизан. Все крупнейшие города Приморья и Дальнего Востока — Владивосток, Хабаровск, Никольск-Уссурийский, Спасск и другие — находятся в руках у белых.

«Победа полная. Конец партизанам», — гудят газеты.

Был конец 1921 года. Действительно, потеснили в то время

белые партизан. Отошли партизаны подальше в горы. К новым боям готовятся.

«Большие успехи!»

«Большие успехи!» — кричат газеты.

Попала одна из таких газет к командиру партизанского отряда Антону Савельевичу Топоркову. Прочитал Топорков газету. Вышел к бойцам. Показал партизанам.

— Есть предложение дать опровержение, — сказал Топорков.

Понравилась партизанам мысль про «опровержение». Располагался отряд Топоркова в тайге, в горах, недалеко от города Никольск-Уссурийского. Собрались партизаны, совершили налёт на город. Посеяли среди белых и страх, и панику.

Только отбили белые налёт на Никольск-Уссурийский, новое приходит «опровержение». Это отряды, находившиеся в районе города Спасска, тоже стали действовать против белых.

На другие города и сёла, захваченные белыми, продолжали предпринимать партизаны свои партизанские рейды. Даже на Хабаровск был совершён налёт. Ближайшая в то время партизанская база была в семидесяти пяти километрах от Хабаровска. Преодолели партизаны за ночь это расстояние. К утру и ~~вышли~~ на улицы Хабаровска. Пробились к вокзалу. Появились даже на центральной улице.

Утро. Вышли к этому времени белогвардейские хабаровские газеты. Открывают газеты люди.

«Большие успехи!»

«Большие успехи!» — трубят газеты.

Снова в газетах о том, что уничтожены, мол, партизаны, тихо кругом, спокойно, партизан и в помине нет.

Вышли газеты, а партизаны в это время как раз на центральной улице Хабаровска.

Две новости сразу в один момент. Откроешь газету — враньё белогвардейское. Глянешь на улицу — партизанское опровержение.

ВОЛОЧАЕВКА

Волочаевка. Амур поблизости. Речка Тунгузка рядом. Сопка Июнь-Корань рядом с Волочаевкой, как купол соборный, высится.

Мало кто не знает сейчас Волочаевки. Вспомни — поётся в песне:

И останутся, как в снах,
Как манящие огни,
Штурмовые ночи Спасска,
Волочаевские дни.

Под Волочаевкой и произошёл знаменитый Волочаевский бой.

Укрепили белые Волочаевку. На 18 километров на севере от реки Тунгузки и на юге до полноводного Амура тянулись здесь сильные укрепления. В несколько рядов поднялись проволочные заграждения. Укрепили белые и сопку Июнь-Корань. Окопы на ней шли один над одним, как этажи на высотном здании.

Попробуй сунься сюда к Волочаевке! Попробуй пробейся на сопку Июнь-Корань!

Дальневосточным Перекопом названа Волочаевка.

Волочаевские укрепления прикрывали пути в Хабаровск, в нижний Амур, в Приморье, к Тихому океану.

— Даёшь Волочаевку! — брошен клич.

Пошли Народно-революционные войска (так назывались красные войска, сражавшиеся на Дальнем Востоке) на Волочаевку. Сошлись народоармейцы и белые под сопкой Июнь-Корань. Был февраль. Морозы держались сорокаградусные. Снег под ногами трещал, как лёд. Три дня и три ночи продолжался штурм Волочаевки.

Отгремели атаки первые. Приближался решающий третий день.

Поднялся рассвет над полями, над лесом. Смотрит грозно сопка Июнь-Корань.

Устремились бойцы в атаку. Несётся вместе с другими боец Фёдор Федотов. Несётся боец Иван Подопригора. Другие народоармейцы к укреплениям белых лавиной катятся.

Вот он, первый — из многих других рубежей — ряд неприступной колючей проволоки. Бросают бойцы гранаты. Сбивают прикладами проволоку. Шашками даже рубят. Неохотно уступает дорогу проволока.

Сыскался боец находчивый. Скинул с себя полушубок. Набросил на колючий заслон. Помог полушубок. Пример есть пример — летят полушубки, шинели, тулупы. Открывают дорогу нашим. Минуты. Минуты. Минуты. Минуты. Осилён первый рубеж из многих.

Бежит Федотов. Бежит Подопригора. Другие бойцы несутся. Строчат пулемёты по атакующим. Новый заслон из проволоки. Штурмуют герои проволоку. Гибнут под градом пуль. Подбежали бойцы к смертельному месту.

Вдруг слышат:

— Шагай через меня! Шагай через меня!

Завис на проволочном заграждении какой-то боец. В крови. Изранен. Лежит погибает.

— Шагай через меня! Шагай через меня! — словно прощальный завет бросает.

Застыли на минуту бойцы. Вдруг слышат слева:

— Шагай через меня! Шагай через меня!

И тут же справа:

— Шагай через меня! Шагай через меня!

Прорвались бойцы через вторую линию вражеской обороны, как в сказке о многоголовом Змее Горыныче, поднимается новая полоса.

Развернулись бои за Волочаевку и здесь, у самой Волочаевки, и рядом, в других местах. У села Верхне-Спасского. У села Нижне-Спасского. Правее железной дороги. Левее железной дороги. Гремит артиллерия. Грохочут наши и белогвардейские бронированные поезда. На равнине южнее Волочаевки в схватку вступили конники. Самое жаркое место — сопка Июнь-Корань.

Потерялись в середине боя в общем потоке Фёдор Федотов и Иван Подопригора. Потерялись, да снова встретились. Было это уже к полудню. Победа клонилась к нашим. Штурмовали наши Июнь-Корань. Кончался упорный бой. Влетел в штурм, в лихом порыве Фёдор Федотов на вершину Июнь-Корани. Влетел и Иван Подопригора сюда на Июнь-Корань. Тут и встретились. Тут и обнялись.

— Ура!

— Ура!

И слева и справа летит «ура!». Взята Волочаевка.

Победа! Победа! Волочаевский бой закончен.

Руководил боями под Волочаевкой Василий Константинович Блюхер. Тот самый. Герой Каховки. Герой Перекопа. В 1918 году получил он свой первый орден Красного Знамени. За бой под Волочаевкой вручили ему четвёртый.

«И ОСТАНУТСЯ, КАК В СКАЗКЕ»

После победы под Волочаевкой Народно-революционная армия вступила в Хабаровск. Открывалась дорога на юг, к Спасску, к Владивостоку, к Тихому океану.

Был среди белых генерал Дитерихс. Пять раз спотыкнёшься, читая фамилию. При царе служил Дитерихс царю. Появился Керенский — тут Дитерихс, при Керенском. При Колчаке — служил Дитерихс Колчаку. Теперь на Дальний Восток свалился.

Прилагают белые и иностранные интервенты все силы к тому, чтобы не пустить Народно-революционную армию к Спасску, к Владивостоку, к Тихому океану. Создали во Владивостоке целую армию. Думали: как же её назвать? Думали. Думали. Общим трудом придумали. Дали своим войскам название «земская рать». Считали: возможно, поможет «рать». Слово старинное, победное, звучное, русское.

Командовать «земской ратью» назначили Дитерихса. Назвали его «воеводой».

В бою под городом Спасском и встретилась «рать» Дитерихса с бойцами Народно-революционной армии.

Город Спасск, как и Волочаевка, имел очень сильные военные укрепления. Семь фортов со всех сторон прикрывали город. Все подходы к городу пристрелены пулемётным и орудийным огнём. Всюду окопы, окопы, окопы. И, как под Волочаевкой, колючая проволока в пять, а местами и в шесть рядов.

Прошёлся Дитерихс по фортам, по окопам, попробовал пальцем, остра ли колючая проволока. Доволен «воевода» своим «воеводством». Ждёт от «рати» ратных побед «воевода».

Загremели под Спасском пушки. Кроме полков Народно-революционной армии, к Спасску подошли и приморские партизаны.

День проходит. Не утихает бой.

Два проходит. Не утихает бой.

— Держитесь! — кричит «воевода».

— Рубитесь! — кричит «воевода».

Третий проходит день. Не утихает бой.

Однако неважны дела Дитерихса. Шаг за шагом наши всё ближе к Спасску. Точны. Упорны. Как молот, ведут удары.

Прорвались народоармейцы к Спасску. Ударили по фортам. Не распыляли народоармейцы силы. Штурмовали форты не все сразу. Обрушивались основными силами вначале на один. Захватив его, переходили к другому. Четыре форта были взяты штурмом. Остальные и сами сдались.

Разбиты под Спасском войска Дитерихса. Крест на белых войсках поставлен.

Остатки белогвардейских войск поспешно отступали к Владивостоку, к Тихому океану.

Не забудется прошлое. Не забудется славное.

И останутся, как в сказке,
Как маяющие огни,
Штурмовые ночи Спасска,
Волочаевские дни.

КРАСНАЯ РАДУГА

Клялся Лукашка Званцев, что видел он красную радугу.

— Не бывает же радуги красной.

— Красная, красная! — клялся Лукашка.

Объясняют Лукашке, что радуга состоит из разных цветов. Потому, мол, она и радуга. Не бывает, чтобы радуга — и вдруг из одного лишь красного цвета.

— Бывает, бывает, — твердит Лукашка.

Долго хозяйничали белогвардейцы и иностранные захватчики на советском Дальнем Востоке. За каждый клочок советской земли хватались. Но вот наступил конец. После наших побед под Волочаевкой, под Спасском закончилась оккупация иностранными войсками советских земель на Дальнем Востоке.

Снова слышна зарубежная речь. Снова слышны команды:

— Раз! Два! Раз! Два! Лево! Лево!

— Раз! Два! Раз! Два! Лево! Лево!

Это уходили домой иностранные солдаты. Бесславно покидали интервенты советские берега. Убирались с советских земель захватчики.

25 октября 1922 года войска Народно-революционной армии и отряды приморских партизан вступили в город Владивосток.

Идут, идут народно-революционные войска.

Идут, идут красные партизаны.

Торжествует Владивосток.

Ушли интервенты. Разбиты белые. Идут по Владивостоку в колоннах люди. Кумачом поднялись знамёна. Кумачом затрепетали стяги. Кумачом в небо вписались флаги.

Глянешь на небо — красным-красно.

— Красная радуга, — кто-то сказал в колонне.

Подняли люди головы — красная радуга взвилась в небо.

Ушли интервенты. Разбиты белые. Победа над интервентами, над белыми по всей необъятной Советской стране.

Поднялась над Родиной нашей радуга.

— Красная радуга! Красная радуга! — твердил без конца Лукашка. — Своими глазами видел!

Улыбаются люди: красная радуга! Разве не прав Лукашка?

НАШЕНСКИЙ

Ушли интервенты. Разбиты белые. Дальний Восток свободен.

Прошло меньше месяца, и Владимир Ильич Ленин в Москве, говоря о гражданской войне, о нашем народе, о нашей победе, произнёс такие слова, обращённые к городу Владивостоку: «...Владивосток далеко, но, ведь, это город-то нашеньский».

Понравилось слово «нашенский».

Вышли снова люди на улицы Владивостока. Вот он, город. Вот оно, море.

Смотрят люди на город, на море, на берег, на небо:

— Нашеньский город, нашеньский!

— Нашеньский берег, нашеньский!

— Небо над нами наше!

Смотрят люди на город, на море, на берег, на небо. Сколько

прошло всего. Сколько смерчей пронеслось над Россией. Мятежи генеральские. Битвы с белыми. Колчак, Юденич, Деникин, Врангель. Оккупанты. Интервенты. Захватчики. Сколько походов, боёв, смертей... Устояла в боях Россия.

Отстояли в битвах гражданской войны советские люди Страну Советов. Всюду отныне по всей стране порядок советский — новый.

— Нашенский, — кто-то сказал у моря.

— Нашенский, — эхом ответило море.

— Нашенский, — эхом ответило небо.

Нашенский!

Нашенский!

Советский порядок — нашенский!

БОГАТЫРСКИЕ ФАМИЛИИ

*Рассказы из истории
Великой Отечественной войны*

22 июня 1941 года на рассвете войска фашистской Германии вероломно, без предупреждения напали на нашу Родину. Фашисты пытались лишить нас свободы, захватить наши земли и города.

Началась Великая Отечественная война советского народа против фашистских поработителей.

У фашистов на главных направлениях было больше пушек, самолётов, танков, хорошо обученных солдат. Перед тем как напасть на Советский Союз, фашистская Германия захватила Австрию, Чехословакию, Польшу, Францию, ряд других государств Европы. Промышленность этих стран стала работать на фашистов.

Враги рассчитывали расправиться с нами быстрым, стремительным ударом. Они даже придумали выражение «блицкриг», то есть молниеносная война. Но фашисты глубоко просчитались. Как один, поднялись советские люди на защиту своей Родины и свободы.

На Украине, в Белоруссии, в Прибалтике, на подступах к Москве, под Ленинградом, у стен Сталинграда развернулись огромные битвы с фашистами.

Враг был остановлен, в тяжёлых боях разбит. Под ударами Советской Армии фашисты начали отступать.

О главных битвах Великой Отечественной войны, о её бессмертных героях, о нашей великой победе над фашистами и написаны эти рассказы.

РАССКАЗЫ О ВЕЛИКОЙ МОСКОВСКОЙ БИТВЕ

ХОЛМ ЖИРКОВСКИЙ

Осень коснулась полей Подмосковья. Падает первый лист. 30 сентября 1941 года фашистские генералы отдали приказ о наступлении на Москву.

«Тайфун» — называли фашисты план своего наступления. Тайфун — это сильный ветер, стремительный ураган. Ураганом стремились ворваться в Москву фашисты.

Обойти Москву с севера, с юга. Схватить советские армии

в огромные клещи. Сжать. Раздавить. Уничтожить. Таков у фашистов план.

Верят фашисты в быстрый успех, в победу. Более миллиона солдат бросили они на Москву. Тысячу семьсот танков, почти тысячу самолётов, много пушек, много другого оружия. Двести фашистских генералов ведут войска. Возглавляют поход два генерал-фельдмаршала.

Началось наступление.

На одном из главных участков фронта фашистские танки двигались на населённый пункт Холм Жирковский.

Подходили к посёлку фашисты. Смотрят. Что он танкам — какой-то там Холм Жирковский. Как льву на зубок горошина.

— Форверте! Вперёд! — прокричал офицер. Достал часы. Посмотрел на время: — Десять минут на штурм.

Пошли на Жирковский танки.

Защищали Холм Жирковский 101-я мотострелковая дивизия и 128-я танковая бригада. Засели в окопах солдаты. Вместе со всеми сидит Унечин. Не лучше других, не хуже. Солдат как солдат. Пилотка. Винтовка. Противогаз. На ногах сапоги кирзовые.

Ползут на окопы танки. Один прямо идёт на Унечина. Взял Унечин гранату в руку. Зорко следит за танком. Ближе, ближе фашистский танк.

— Бросай, бросай, — шепчет сосед по окопу.

Выжидает Унечин.

— Бросай же, леший тебя возьми! — уже не шепчет — кричит сосед.

Не бросает Унечин. Выждал ещё минуту. Вот и рядом фашистский танк. Сосед уже было глаза зажмурил. Приготовился к верной смерти. Однако видит: поднялся Унечин, швырнул гранату. Споткнулся фашистский танк. Мотором взревел и замер.

Схватил Унечин бутылку с горючей жидкостью. Вновь размахнулся. Опять швырнул. Вспыхнул танк от горючей смеси.

Улыбнулся Унечин, повернулся к соседу, пилотку на лбу поправил.

Кто-то сказал:

— Вот это да, браток! Выходит, дал прикурить фашистам. Рассмеялись солдаты и снова в бой.

Слева и справа идёт сражение. Не пропускают герои танки.

Новую вынул солдат гранату. Бутылку достал со смесью. Рядом поставил гранату и жидкость. Ждёт.

Новый танк громыхнул металлом. И этот идёт на Унечина. Кто-то опять сказал:

— Зверь на ловца бежит.

Выждал Унечин минуту, вторую, третью...

«Бросай же, бросай!» — снова крикнуть хотел сосед. Однако губы зажал, сдержался.

Ещё минута, и вновь граната кошкой под танк метнулась. А следом бутылка с горючей смесью. Вспыхнул и этот танк.

Улыбнулся Унечин. Пилотку на лбу поправил. Третью достал гранату. Вынул бутылку с горючей смесью. Рядом её поставил.

Слева и справа грохочет бой. Не пропускают герои танки.

Десять минут прошло... тридцать минут прошло. Час продолжается бой, два — не стихает схватка. Смотрят с тревогой на часы фашистские офицеры. Давно уже нужно пройти Жирковский. Застряли они в Жирковском.

Более суток держались советские бойцы под Холмом Жирковским. Подбили и подожгли 59 фашистских танков. Четыре из них уничтожил солдат Унечин.

К исходу суток пришёл приказ на новый рубеж отойти солдатам. Меняют бойцы позиции. Вместе со всеми идёт Унечин. Солдат как солдат. Не лучше других, не хуже. Пилотка. Винтовка. Противогаз. На ногах сапоги кирзовые.

Идут солдаты. Поднялись на бугор, на высокое место. Как на ладони перед ними лежит Холм Жирковский. Смотрят солдаты — батюшка свет! — всё поле в подбитых танках: земли и металла сплошное месиво.

Кто-то сказал:

— Жарко врагам досталось. Жарко. Помянут фашисты наш Холм Жирковский.

— Не Жирковский, считай, Жарковский, — кто-то другой поправил.

Посмотрели солдаты опять на поле:

— Конечно же, Холм Жарковский!

Слева, справа идут бои. Всюду для фашистов Холмы Жарковские.

СИЛА

Наступают фашисты. С юга идут на Брянск, на Орёл. С севера движутся к Калинин. Идут на Вязьму, Калугу, Юхнов.

Город Юхнов. Река Угра. Здесь на Угре под Юхновом обороняли солдаты мост.

Вышли к мосту фашисты. Танки столпились. Сгрудилась артиллерия. Пехота забила весь правый берег. Необходима для войск переправа. Нужен фашистам мост.

Смотрят солдаты на фашистские пушки, на танки, на правый берег:

— Братцы, сила смотри какая!

Глянешь на эту силу, и вправду, как молот, сила. Мало здесь наших войск. Обороняет мост совсем небольшой отряд, немногим больше стрелковой роты. Защищает мост и солдат Гаркуша.

Молод совсем Гаркуша. Первый бой впереди у солдата. Расположились бойцы в окнах. Обещали солдатам помощь. Ждут защитники свежей силы.

Пошли фашисты на штурм моста. Открыли пулемётный огонь по нашим. Изрешетили весь левый берег. Несутся теперь в атаку. Вот-вот и захватят мост.

Бьются солдаты отважно. Не подпускают к мосту фашистов. И всё же понимает Гаркуша: не устоять им без свежей силы. Ожидают бойцы подкрепления.

— Где же помощь? — тревожиться стал Гаркуша. — Не удержим мы левый берег.

И вдруг смотрит солдат — отходят назад фашисты.

Доволен Гаркуша.

— Ура!

Видимо, помощь прибыла.

Только «Ура!» прокричал солдат, как открыли фашисты миномётный огонь по нашим. Минным градом штурмуют берег. Снова идут в атаку. Вот-вот и захватят мост. Вместе со всеми в бою Гаркуша. Присмотрелся к другим молодой солдат. Грозен в бою Гаркуша.

— А ну, подходи. А ну, подходи! — Это фашистам кричит Гаркуша. Винтовка в руках у Гаркуши как пулемёт стреляет.

Стойко дрались солдаты. Смотрит Гаркуша — отходят фашисты.

Доволен Гаркуша: значит, добавилась к нашим сила, значит, помощь и вправду прибыла.

Ударил по нашему берегу фашистская артиллерия. Вскочили, как плуги, снаряды землю. Вспахали металлом берег.

Снова фашисты в атаку идут на мост. Не сдаётся упрямый мост. Не пропускают солдаты вперёд фашистов. Оживился совсем Гаркуша:

— Ура! Братцы, не трусь! Братцы, вперёд!

На атаку врагов ответили наши солдаты своей атакой. Вместе с другими бежит Гаркуша. Кончик штыка, как алмаз, сверкает.

Смотрит Гаркуша — отходят фашисты.

Доволен солдат Гаркуша: значит, снова добавилась к нашим сила, значит, вовремя помощь прибыла.

Повернулся Гаркуша назад, посмотреть на героев, на тех, кто прибыл. За спиной у солдата пустое поле. Глянул налево, глянул направо. Не видно нигде пополнения. Всё те же кругом бойцы — друзья по героической роте.

— Где же сила? Была же сила? — смотрит солдат на соседа. — Где же оно, пополнение?

Пожимает сосед плечами: о чём, мол, солдат толкует?

Смутился Гаркуша, стоит в удивлении.

Где она, сила? Была же сила! Клянется солдат — была!

Три дня бойцы у Угры держались. Не пропускали вперёд фашистов.

МЦЕНСК

Отступают наши войска. Отходят. Сильнее враг.

С юга дорогу на Москву пробивает танковая армия под командованием генерала Гейнца Гудериана.

Рвутся, рвутся вперёд фашисты. Прорвали фашистские танки советский фронт. Мчатся вперёд машины.

Дорога к Москве открыта! Дорога к Москве открыта!

С хода ворвались фашисты в Орёл. Мчатся дальше, спешат на Тулу.

Между Орлом и Тулой — Мценск.

К Мценску подходят фашистские танки. Утро. Встал Гейнц Гудериан. Помылся. Побрился. Сел генерал за завтрак.

Гейнц Гудериан генерал заслуженный. В особом почёте среди фашистов. Ценят его в Берлине.

«Кто самый примерный у нас генерал?»

«Гейнц Гудериан».

«Кто самый у нас решительный?»

«Гейнц Гудериан».

«Кто знает одни победы?»

«Гейнц Гудериан. Гейнц Гудериан. Гейнц Гудериан!»

Льются к Гудериану рекой награды. Привык генерал к победам, к успехам, к наградам, к почестям. «Быстроногий Гейнц» — называют его в Германии.

Завтракает Гудериан, сидит за столом, рассуждает:

— Сегодня мы будем в Мценске. Завтра мы будем в Плавске. В Плавске, в Плавске... — стал напевать генерал.

Рад генерал успехам.

— Завтра мы будем в Плавске, послезавтра мы будем в Туле. В Туле, в Туле, — сказал Гудериан.

Задумался, что-то в уме прикинул:

— Послезавтра мы будем в Туле. Ещё день, ещё два...

Позавтракал, собрался, отправился в штаб генерал. Углубился в штабные карты. Смотрит на стрелки, смотрит на даты:

— Ещё день, ещё два...

И вот уже видит Москву Гудериан.

— Москва, Москва... — стал напевать генерал.

Вдруг вбегает к нему адъютант:

— Танки! Танки, мой генерал!

Не понимает Гейнц Гудериан, почему так кричит адъютант и какие танки.

— Русские танки! — кричит адъютант.

Под городом Мценском дорогу фашистам преградили советские танки.

Мало танков советских было. Однако силён удар. Умно поступали танкисты: применяли засады, заслоны, били прямой наводкой, атаковали фашистов в борт — там, где на танках броня слабее. 133 танка потеряли фашисты в боях под Мценском.

Задержались и здесь фашисты. Приводят себя в порядок. Даже комиссия специальная была созвана. Изучает комиссия — как это так, почему, чудом каким подбито здесь столько фашистских танков.

Не напевает уже генерал Гудериан. Не поётся ему. Нет желания. Нет построения.

ВЯЗЬМА

Привольны поля под Вязьмой. К небу бегут холмы.

Слова из были не выкинешь. Под городом Вязьмой большая группа советских войск попала к врагу в окружение. Довольны фашисты.

Сам Гитлер, предводитель фашистов, звонит на фронт:

— Окружены?

— Так точно, наш фюрер, — рапортуют фашистские генералы.

— Сложили оружие?

Молчат генералы.

— Сложили оружие?

Вот смелый один нашёлся.

— Нет. Осмелюсь доложить, мой фюрер... — Генерал что-то хотел сказать.

Однако Гитлер отвлёкся чем-то. На полуслове прервалась речь.

Вот уже несколько дней, находясь в окружении, советские солдаты ведут упорные бои. Сковали они фашистов. Срывается фашистское наступление. Застряли враги под Вязьмой.

Снова Гитлер звонит из Берлина:

— Окружены?

— Так точно, наш фюрер, — докладывают фашистские генералы.

— Сложили оружие?

Молчат генералы.

— Сложили оружие?

— Нет.

Страшная брань понеслась из трубки.

— Осмелюсь доложить, мой фюрер, — пытается что-то сказать тот, смелый. — Наш Фридрих Великий ещё сказал...

Однако не слушает дальше фюрер. Бросил с досадой трубку. Снова проходят дни. Не утихают бои под Вязьмой. Застряли, завязли враги под Вязьмой.

Вяжет их Вязьма, вяжет. За горло рукой взяла!

В гневе великом фюрер. Снова звонок из Берлина.

— Сложили оружие?

Молчат генералы.

— Сложили оружие?!

— Нет, — за всех отвечает смелый.

Снова брызнул поток пехороших слов. Заплясала мембрана в трубке.

Притих генерал. Переждал. Уловил минутку:

— Осмелюсь доложить, мой фюрер, наш великий, наш мудрый король Фридрих ещё сказал...

Слушает Гитлер:

— Ну, ну так что же сказал наш Фридрих?

— Фридрих Великий сказал, — повторил генерал, — русских нужно дважды застрелить. А потом ещё и толкнуть, мой фюрер, чтобы они упали.

Буркнул что-то невнятное в трубку фюрер. Отсоединился берлинский провод.

Целую неделю под Вязьмой не утихали бои. Неоценимой была для Москвы неделя. За эти дни защитники Москвы успели собраться с силами и подготовили для обороны удобные рубежи.

Привольны поля под Вязьмой. К небу бегут холмы. Здесь на полях, на холмах под Вязьмой сотни лежат героев. Здесь, защищая Москву, совершили советские люди ратный великий подвиг.

Знай!

Запомни!

Светлую память о них храни!

ГЕНЕРАЛ ЖУКОВ

Командующим Западным фронтом — фронтом, в состав которого входило большинство войск, защищавших Москву, был назначен генерал армии Георгий Константинович Жуков.

Прибыл Жуков на Западный фронт. Докладывают ему штабные офицеры боевую обстановку.

Бои идут у города Юхнова, у Медыни, возле Калуги.

Находят офицеры на карте Юхнов.

— Вот тут, — докладывают, — у Юхнова, западнее города... — и сообщают, где и как расположены фашистские войска у города Юхнова.

— Нет, нет, не здесь они, а вот тут, — поправляет офицеров Жуков и сам указывает места, где находятся в это время фашисты.

Переглянулись офицеры. Удивлённо на Жукова смотрят.

— Здесь, здесь, вот именно в этом месте. Не сомневайтесь, — говорит Жуков.

Продолжают офицеры докладывать обстановку.

— Вот тут, — находит на карте город Медынь, — на северо-запад от города, сосредоточил противник большие силы, — и перечисляют, какие силы: танки, артиллерию, механизированные дивизии...

— Так, так, правильно, — говорит Жуков. — Только силы не вот здесь, а вот тут, — уточняет по карте Жуков.

Опять офицеры удивлённо на Жукова смотрят. Забыли они про дальнейший доклад, про карту.

— Слушаю дальше, — сказал командующий.

Вновь склонились над картой штабные офицеры. Докладывают Жукову, какова боевая обстановка у города Калуги.

— Вот сюда, — говорят офицеры, — к югу от Калуги, подтянул противник мотомехчасти. Вот тут в эту минуту они стоят.

— Нет, — возражает Жуков. — Не в этом месте они сейчас. Вот куда передвинуты части, — и показывает новое место на карте.

Остолбенели штабные офицеры. С нескрываемым удивлением на нового командующего смотрят. Уловил Жуков недоверие в глазах офицеров. Усмехнулся.

— Не сомневайтесь. Всё именно так. Вы молодцы — обстановку знаете, — похвалил Жуков штабных офицеров. — Но у меня точнее.

Оказывается, побывал уже генерал Жуков и под Юхновом, и под Медынью, и под Калугой. Прежде чем в штаб — поехал прямо на поле боя. Вот откуда точные сведения.

Во многих битвах принимал участие генерал, а затем Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков — выдающийся советский полководец, герой Великой Отечественной войны. Это под его руководством и под руководством других советских генералов советские войска отстояли Москву от врагов. А затем в упорных сражениях и разбили фашистов в Великой Московской битве.

Было это ещё до начала Московской битвы.

Размечтался в Берлине Гитлер. Гадает: как поступить с Москвой? Мучается — что бы сделать такое необычное, оригинальное. Думал, думал...

Придумал такое Гитлер. Решил Москву затопить водой. Построить огромные плотины вокруг Москвы. Залить водой и город, и всё живое.

— Сразу погибнет всё: люди, дома и Московский Кремль!

Прикрыл он глаза. Видит: на месте Москвы бездонное плещется море!

— Будут помнить меня потомки!

Потом подумал: «Э-э, пока набегит вода...»

— Ждать?!

Нет, не согласен он долго ждать.

— Уничтожить сейчас же! В сию минуту!

Подумал Гитлер, и вот приказ:

— Разбомбить Москву! Уничтожить! Снарядами! Бомбами! Послать эскадрильи! Послать армады! Не оставить камня на камне! Сровнять с землёй!

Выбросил руку вперёд, как шпагу:

— Уничтожить! Сровнять с землёй!

— Так точно, сровнять с землёй, — замерли в готовности фашистские генералы.

22 июля 1941 года, ровно через месяц после начала войны, фашисты совершили первый воздушный налёт на Москву.

Сразу 200 самолётов послали в этот налёт фашисты. Нагло гудят моторы.

Развалились в креслах своих пилоты. Всё ближе Москва, всё ближе. Потянулись фашистские лётчики к бомбовым рычагам.

Но что такое?! Скрестились в небе ножами-шпагами мощные прожекторы. Поднялись навстречу воздушным разбойникам краснозвёздные советские истребители.

Не ожидали фашисты подобной встречи. Расстроился строй врагов. Лишь немногие самолёты прорвались тогда к Москве. Да и те торопились. Бросали бомбы куда придётся, скорей бы их сбросить и бежать отсюда.

Сурово московское небо. Кренок наказан непрощенный гость. 22 самолёта сбито.

— Н-да... — протянули фашистские генералы.

Задумались. Решили посылать теперь самолёты не все сразу, не общей кучей, а небольшими группами.

— Будут наказаны большевики!

На следующий день вновь 200 самолётов летят на Москву.

Летят небольшими группами — по три, четыре машины в каждой.

И снова их встретили советские зенитчики, снова их отогнали краснозвёздные истребители.

В третий раз посылают фашисты на Москву самолёты. Небольшими, изобретательными были генералы у Гитлера. Новый придумали план генералы. Надо самолёты послать в три яруса, решили они. Одна группа самолётов пусть летит невысоко от земли. Вторая — чуть выше. А третья — и на большой высоте, и чуть с опозданием. Первые две группы отвлекут внимание защитников московского неба, рассуждают генералы, а в это время на большой высоте незаметно к городу подойдёт третья группа, и лётчики сбросят бомбы точно на цели.

И вот снова в небе фашистские самолёты. Развалились в креслах своих пилоты. Гудят моторы. Бомбы застыли в люках.

Идёт группа. За ней вторая. А чуть поотстав, на большой высоте, — третья. Самым последним летит самолёт особый, с фотоаппаратами. Сфотографирует он, как разрушат фашистские самолёты Москву, привезёт напоказ генералам...

Ждут генералы известий. Вот и возвращается первый самолёт. Заглохли моторы. Остановились винты. Вышли пилоты. Бледные-бледные. Едва на ногах стоят.

Пятьдесят самолётов потеряли в тот день фашисты. Не вернулись назад и фотоаппараты. Сбили его в пути.

Неприступно московское небо. Строго карает оно врагов. Рухнул коварный расчёт фашистов.

Мечтали фашисты и их бесноватый фюрер уничтожить Москву до основ, до камня. А что получилось?

Биты фашисты. Москва же стоит и цветёт, как прежде. Хорошо от года к году.

ТУЛЬСКИЕ ПРЯНИКИ

Тульский пряник вкусный-вкусный. Сверху корочка, снизу корочка, посередине сладость.

Встретив героическое сопротивление советских войск на западе и на других направлениях, фашисты усилили свою попытку прорваться к Москве с юга. Фашистские танки стали продвигаться к городу Туле.

Здесь вместе с Советской Армией на защиту города поднялись рабочие батальоны.

Тула — город оружейников. Тульские рабочие сами наладили производство нужного вооружения.

Одно из городских предприятий стало выпускать противотанковые мины. Помогали этому производству готовить мины

и рабочие бывшей кондитерской фабрики. Среди помощников оказался ученик кондитера Вани Колосов. Изобретательный он паренёк, находчивый, весёлый.

Как-то явился Ваня в цех, где производили мины. Под мышкой папка. Раскрыл папку, в папке лежат наклейки. Наклейки были от коробок, в которые упаковывали на кондитерской фабрике тульские пряники. Взял Ваня наклейки. Подошёл к готовым минам. Наклейки на мины — шлёп, шлёп. Читают рабочие, на каждой мине написано: «Тульский пряник».

Смеются рабочие:

— Вот так фашистам «сладость».

— Фрицам хорош «гостинец».

Ушли мины на передовую к защитникам города. Возводят сапёры на подходах к Туле противотанковые поля, укладывают мины, читают на минах — «тульский пряник».

Смеются солдаты:

— Ай да «сюрприз» фашистам!

— Ай да «гостинец» фрицам!

Пишут солдаты письмо рабочим: «Спасибо за труд, за мины. Ждём новую партию «тульских пряников».

В конце октября 1941 года фашистские танки подошли к Туле. Начали штурм города. Да не прошли. Не пропустили их советские воины и рабочие батальоны. На минах многие машины подорвались. Почти 100 танков потеряли фашисты в боях за Тулу.

Понравилось советским солдатам выражение «тульские пряники». Всё, что из Тулы приходило теперь на фронт — снаряды и патроны, миномёты и мины, — стали называть они тульскими пряниками.

Долго штурмовали фашисты Тулу. Да всё напрасно. Бросали в атаку армады танков. Безрезультатно. Так и не прорвались фашисты к Туле.

Видимо, «тульские пряники» хороши!

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ

1941 год. 7 Ноября. Годовщина Великой Октябрьской социалистической революции.

Враг рядом. Советские войска оставили Волоколамск и Можайск. На отдельных участках фронта фашисты подошли к Москве и того ближе. Бои идут у Наро-Фоминска, Серпухова и Тарусы.

Но как всегда, в этот дорогой для всех граждан Советского Союза день, в Москве, на Красной площади, состоялся военный парад в честь великого праздника.

Когда солдату Митрохину сказали, что часть, в которой он служит, будет принимать участие в параде на Красной площади, не поверил солдат вначале. Решил, что ошибся, ослышался, что-то неверно понял.

— Парад! — объясняет ему командир. — Торжественный, на Красной площади.

— Так точно, парад, — отвечает Митрохин. Однако в глазах неверие.

И вот замер Митрохин в строю. Стоит он на Красной площади. И слева стоят от него войска. И справа стоят войска. Руководители партии и члены правительства на ленинском Мавзолее. Всё точь-в-точь как в былое мирное время.

Только редкость для этого дня — от снега бело кругом. Рано нынче мороз ударил. Падал снег всю ночь до утра. Побелил Мавзолей, лёг на стены Кремля, на площадь.

8 часов утра. Сошлись стрелки часов на кремлёвской башне.

Отбили куранты время.

Минута. Всё стихло. Командующий парадом отдал традиционный рапорт. Принимающий парад поздравляет войска с годовщиной Великого Октября. Опять всё стихло. Ещё минута. И вот вначале тихо, а затем всё громче и громче звучат слова Председателя Государственного Комитета Обороны, Верховного Главнокомандующего Вооружёнными Силами СССР товарища Сталина.

Сталин говорит, что не в первый раз нападают на нас враги. Что были в истории молодой Советской Республики и более тяжёлые времена. Что первую годовщину Великого Октября мы встречали окружёнными со всех сторон захватчиками. Что против нас тогда воевало 14 капиталистических государств и мы потеряли три четвёртых своей территории. Но советские люди верили в победу. И они победили. Победят и сейчас.

— На вас, — долетают слова до Митрохина, — смотрит весь мир, как на силу, способную уничтожить грабительские полчища немецких захватчиков.

Застыли в строю солдаты.

— Великая освободительная миссия выпала на вашу долю, — летят сквозь мороз слова. — Будьте же достойными этой миссии!

Подтянулся Митрохин. Лицом стал суровее, серьёзнее, строже.

— Война, которую вы ведёте, есть война освободительная, война справедливая. — И вслед за этим Сталин сказал: — Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова! Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!

И сразу же вслед за речью Верховного Главнокомандующего по Красной площади торжественным маршем прошли войска. Шла пехота, шла артиллерия, кавалерийские части прошли по площади, прогремели металлом танки.

И всё это здесь, на Красной площади, в этот тревожный час, казалось чудом, почти видением. И всё это, как в сказке, возникнув здесь, в центре Москвы, снова ушло на фронт, туда, где совсем рядом решалась судьба и Москвы, и всего Советского Союза.

Шли солдаты. Шёл рядовой Митрохин. А рядом шагала несня:

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна, —
Идёт война народная,
Священная война!

ПОДВИГ У ДУБОСЕКОВА

В середине ноября 1941 года фашисты возобновили своё наступление на Москву. Один из главных танковых ударов врага пришёлся по дивизии генерала Панфилова.

Разъезд Дубосеково. 118-й километр от Москвы. Поле. Холмы. Перелески. Чуть поодаль петляет Лама. Здесь на холме, на открытом поле, герои из дивизии генерала Панфилова преградили фашистам путь.

Их было 28. Возглавлял бойцов политрук Ключков. Врылись солдаты в землю. Прильнули к краям окопов.

Рванулись танки, гудят моторами. Сосчитали солдаты:

— Батюшки, двадцать штук!

Усмехнулся Ключков:

— Двадцать танков. Так это, выходит, меньше, чем по одному на человека.

— Меньше, — сказал рядовой Емцов.

— Конечно, меньше, — сказал Петренко.

Поле. Холмы. Перелески. Чуть поодаль петляет Лама.

Вступили герои в бой.

— Ура! — разнеслось над окопами.

Это солдаты первый подбили танк.

Снова гремит «Ура!». Это второй споткнулся, фыркнул мотором, лязгнул бронёй и замер. И снова «Ура!». И снова. Четырнадцать танков из двадцати подбили герои. Отошли, отползли уцелевших шесть.

Рассмеялся сержант Петренко:

— Поперхнулся, видать, разбойник.

— Эка же, хвост поджал.

Передохнули солдаты. Видят — снова идёт лавина. Сосчитали — тридцать фашистских танков.

Посмотрел на солдат политрук Ключков. Замерли все. Притихли. Лишь слышен железа лязг. Ближе всё танки, ближе.

— Друзья, — произнёс Ключков, — велика Россия, а отступать некуда. Позади Москва.

— Понятно, товарищ политрук, — ответили солдаты.

— Москва!

Вступили солдаты в битву. Всё меньше и меньше в живых героев. Пали Емцов и Петренко. Погиб Бондаренко. Погиб Трофимов. Нарсунбай Есебулатов убит. Шопоков. Всё меньше и меньше солдат и гранат.

Вот ранен и сам Ключков. Поднялся навстречу танку. Бросил гранату. Взорван фашистский танк. Радость победы озарила лицо Ключкова. И в ту же секунду сразила героя пуля. Пал политрук Ключков.

Стойко сражались герои-панфиловцы. Доказали, что мужеству нет предела. Не пропустили они фашистов.

Разъезд Дубосеково. Поле. Холмы. Перелески. Где-то рядом петляет Лама. Разъезд Дубосеково — для каждого русского сердца дорогое, святое место.

«ЗНАЙ НАШИХ!»

Явилась она, как птица.словно с неба, словно из снега, словно из дивной сказки.

Суровые бои идут на северо-западе от Москвы на Ленинградском шоссе. Фашисты прорвались к городу Клину. Отходят советские роты. Поднялись бойцы на пригорок. Слева низина. В низине покрытая льдом река. Здесь собрались фашисты. Жмутся один к другому. Много их — сотни, а то и тысяча. К новой атаке тут сборный пункт.

Смотрят бойцы на фашистских солдат. Кто-то сказал:

— Э-эх, картечью бы в это месиво.

— Верно — картечью, — подтверждает второй.

— Да, картечью бы в самый раз, — соглашается кто-то третий.

Размечтались солдаты.

— Эх бы пушку сюда, — произнёс один.

Второй добавляет:

— А к ней — снаряды.

— И смелых ребят к орудью, — включается третий.

Мечтают солдаты. И вдруг с той, с другой стороны оврата на

такой же высокой, как эта, круче появилась артиллерийская упряжка.

Протёрли глаза солдаты — считай, мерещится. Нет! Всё настоящее. Лошади. Пушка. Два солдата. Офицер при пушке.

Посмотрели артиллеристы в низину. Тоже заметили там фашистов. Остановились.

Смотрят солдаты на пушкарей. Словно с неба, словно из снега, словно из сказки они явились.

Постояли артиллеристы минуту над кручей и ближе к фашистам — на полном карьере — слетели вниз. Видят фашисты артиллеристов. Гадают: куда это мчит упряжка? Да и чья, сразу не разобрал. Пока разбирался — упряжка рядом. Развернули солдаты пушку. В ствол вложили снаряд с картечью.

— Ну, знай наших! — прокричал офицер. — Огонь!

Чиркнула картечью пушка. Выстрел, за ним второй.

— Знай наших! Знай наших! — кричал офицер. — Огонь! Огонь!

Третий выстрел. Четвёртый. Поднял снежные вихри пятый.

— Знай наших! Знай наших!

Покрылась телами фашистов низина. Те, кто остался жив, бросились вверх по крутому склону, как раз туда, где стояли солдатские роты. Встретили их пулемётным огнём солдаты. Довершили отважное дело.

Когда бойцы вновь посмотрели вниз, не было там упряжки. Скрылась она из вида. Как птица, как песня. Как пришла, так и ушла, словно вернулась в сказку.

Долго стояли над кручей солдаты.

Кто же герои? Кто эти дерзкие артиллеристы? Так и не узнали о том солдаты.

«Знай наших!» — вот и всё, что на память об отважных бойцах осталось.

ОРЛОВИЧ-ВОРОНОВИЧ

Не утихают бои под Москвой. Рвутся и рвутся вперёд фашисты. В середине ноября 1941 года особенно сильные бои развернулись на подступах к городу Истре. Немало и здесь героев. Гордятся солдаты младшим лейтенантом Кулчинским, гордятся заместителем политрука Филимоновым, гордятся другими. Насмерть стоят солдаты. Отважно разят врага. Выбирают фашистских солдат и фашистскую технику.

Как-то после тяжёлого дня собрались солдаты в землянке, заговорили о подвигах. О лётчиках речь, о танкистах — вот кто народ геройский!

Сидит в сторонке солдат Воронович. Тоже о смелых делах

мечтает. Только не танкист Воронович, не лётчик. С скромная роль у него на войне. Связист Воронович. Да и характером тих, даже робок солдат. Где уж такому мечтать о подвиге!

И вдруг порвали где-то фашистские мины связь. На поиски повреждения и отправился солдат Воронович.

Шагает, идёт Воронович, пробирается лесом, полем, и вот у овражка, у прошлогоднего стога сена, стоят четыре фашистских танка. Всмотрелся солдат. Кресты на боках. Дула пушек на него, на Вороновича, глазом змеиным смотрят.

Неприятно солдату стало. Холодок пробежал по телу. Прилёг Воронович на землю. Зорче ещё всмотрелся. Видит — у танков в кружок собрались фашисты. Соображает солдат — привал у врагов. И верно — достали фашисты еду.

Лежит Воронович. Громко стучит сердце. Один солдат и четыре танка! Уйти? Отступить? Отползти? Укрыться?

Ещё громче забилося сердце, в висках молотком застучало. А что-то внутри: «Вот минута твоя, солдат. Вперёд — там ожидает подвиг!»

Четыре танка, один солдат. Да разве тут сила к силе. Лежит Воронович: «Четыре танка! Конечно, не к силе сила».

Но снова какой-то голос: «Вперёд! Не мешкай, солдат. Вперёд!»

Лежит Воронович: «Четыре танка! Отряд фашистов!» А мыслю одна за другой: «Смелее, солдат, смелее! Время не трать, солдат!»

Пополз Воронович к фашистам. Остановился. Поднялся. Швырнул гранату. Тех, кто выжил от этой гранаты, тут же гранатой второй скосил.

Поражались потом солдаты.

— Один — и четыре фашистских танка. Орёл! Орёл! — смеялись солдаты. — Не Воронович ты вовсе. Нет! Есть ты у нас Орлович!

ЛОПАТА

Война есть война. Всякое здесь бывает. Лопата и та стреляет. Москва готовилась к схватке с врагом. Вокруг города возводились оборонительные рубежи. Рылись окопы. Создавались баррикады, завалы, возводились проволочные заграждения, устанавливались «ежи» и надолбы. Тысячи женщин, стариков и подростков брали в руки кирки, ломы, лопаты...

Длинной полоской уходит ров. Вот он прямо идёт, вот чуть изогнулся, коленце сделал. Пополз чуть на взгорье. Сбежал к низинке. Пересек оголённое поле. Ушёл за ближайший лес. Это противотанковый ров. Много их у границ Москвы. И этот.

И чуть правее. И чуть левее. И дальше — за лесом. И дальше — за полем. И дальше, и дальше — перекрывшие горизонт.

Костя Незлобин — студент-текстильщик. В землеройной студент бригаде. Просится Костя в армию:

— Я в роту хочу. Я — в снайперы.

Не взяли Незлобина в армию. Слаб оказался зрением. И вот в землекопах теперь Незлобин. Вместе с другими копает ров. Девушки рядом, подростки, женщины. Старшим — старик Ордынцев.

— Объясняет Костя:

— Не взяли в снайперы.

— Тут тоже, Незлобин, фронт, — отвечает Ордынцев.

— Подумаешь, фронт, — усмехнулся Костя, — канава, ров.

— Не ров, а военный объект, — поправляет старик Ордынцев.

Только сказал, как в небе низко, совсем над землёй, над людьми, над окопом пронёсся фашистский лётчик. Бросил он бомбу. Открыл огонь.

— Ложись! — закричал Ордынцев.

Бросились люди на дно окопа. Переждали огонь врага. Трижды в тот день приходили сюда фашисты.

— Ну, чем же тебе не фронт, — посмотрев на Костю, усмехнулся старик Ордынцев.

Ночь опустилась над лесом, над полем. На отдых ушли отрядники. Рядом на взгорке стоит деревня. Расположились в уютных избах.

Только стал засыпать Незлобин, вдруг голос:

— Тревога! Тревога!

Вскочил Незлобин. Момент — на улице. Узнал, в чём дело. Оказалось, с воздуха сброшен фашистский десант. Проснулись люди. Бегут на поле. Промчались кони — наряд охраны. Вернулся Костя к избе, к сараю. Схватил лопату — вперёд, за всеми.

Бежит к окопам, где место сбора. А здесь девчата, а здесь Ордынцев. Вдруг с неба — солдат фашистский. Повис на стропах. И прямо в группу.

Не ожидали девчата «гостя».

— Ай, ай! — с испуга.

А Костя словно лишь ждал момента. Схватил Незлобин секиру-заступ. Фашиста в спину.

— А-а-а! — изревел десантник. Осел и рухнул. Лежит, раскинул руки.

Расцеловали Костю друзья-девчата.

— Снайпер, ну, право, снайпер, — сказал Ордынцев.

Отбили люди десант фашистов. Вернулись в избы, ко сну,

к покою. А утром снова трубят побудка. И снова люди в суровом поле.

Смешались с фронтом тылы, обозы. Кругом девизом, кругом паролем:

«Врага не пустим!»

«Врага осилим!»

И взмах лопаты, как взрыв снаряда. И если надо, она копает. И если надо, она стреляет.

ТРИ ПРИЯТЕЛЯ С ВОЛХОНКИ

Гошка, Витька и Алёшка — три приятеля с Волхонки.

В дни обороны Москвы население города не только уходило в ряды ополченцев, не только помогало в сооружении оборонительных рубежей и укреплений. Все, кто мог, стали к станкам московских заводов. Жена заменяла ушедшего на фронт мужа, сестра — брата, старики — сыновей, подростки — своих отцов.

Круглые сутки, в три смены работали московские заводы. Всё, что необходимо фронту, выпускали тогда заводы: гранаты и мины, колючую проволоку и противотанковые «ежи», железобетонные надолбы, снаряды и другое вооружение, военное обмундирование и много-много другого военного имущества.

На одном из московских заводов и работали трое друзей.

Вот идут они с работы. Вот встречают их мальчишки. Все мальчишки на Волхонке обожают трёх друзей. Вот кричат привет мальчишки:

— Здравствуй, Гошка, здравствуй, Витька! Здравствуй, Лёшенька, привет!

Остановились ребята, улыбнулись:

— Нас не трое, нас четыре.

Сказали и пошли себе дальше.

Стоят мальчишки, смотрят подросткам вслед, поражаются:

— Где четыре? Как четыре? Где четыре, если три!

Верно — трое идут ребят. Три спины. Три головы. Четвёртой нигде не видно.

Через несколько дней снова мальчишки увидели трёх друзей. Озорно кричат мальчишки:

— Здравствуй, Гошка, здравствуй, Витька! Здравствуй, Лёшенька, привет!

Остановились ребята, опять улыбнулись:

— Нас не трое — целых шесть!

Сказали и пошли себе дальше.

Опешили вовсе теперь мальчишки, смотрят подросткам вслед, плечами худыми водят:

— Где же шесть, раз только трое?! Трое, трое! Где же шесть?

Снова прошло несколько дней. Вновь идут они с работы — три приятеля с Волхонки, три рабочих паренька — Гошка, Витька и Алёшка. Вновь мальчишки на Волхонке отдают друзьям салют:

— Здравствуй, Гошка, здравствуй, Витька! Здравствуй, Лёшенька, привет!

Остановились опять подростки, посмотрели на мальчишек и вдруг сказали (у мальчишек даже глаза вразлёт):

— Нас не трое, девять нас!

Ухмыльнулись мальчишки, на лицах улыбки глупые — как же понять?

Не мучили долго ребята мальчишек. Достали подростки свои рабочие книжки. Показали. В книжках нормы, в книжках цифры, сколько сделано за день. Вот рябит в глазах от чисел. Вот ещё графа — процент. Смотрят мальчишки: сто... сто тридцать... двести... триста.

— Ого-го! — зашумели мальчишки.

Пропали с лиц у мальчишек улыбки глупые. Ясность теперь на лицах. Понятно любому и каждому — триста процентов, значит, работа здесь за троих. Смотрят мальчишки на трёх друзей:

— Девять их, конечно, девять! Математика проста!

Улыбаются ребята. Приосанились ребята. Вот шагает по асфальту молодой рабочий класс: Гошка, Витька и Алёшка — три приятеля с Волхонки. Три приятеля с Волхонки, лет военных пареньки.

ЗОЯ

Сизой лентой на запад бежит шоссе. Мчат по шоссе машины. 85-й километр от Москвы. Присмотрись налево. Мраморный пьедестал. На пьедестале застыла девушка. Связаны руки. Гордый, открытый взгляд.

Это памятник Зое. Зое Космодемьянской.

Зоя училась в московской школе. Когда враг стал подходить к Москве, она вступила в партизанский отряд. Девушка перешла линию фронта и присоединилась к народным мстителям. Многие жители Подмосковья против фашистов тогда поднялись.

Полюбили в отряде Зою. Отважно переносила она все тяготы и невзгоды опасной жизни. «Партизанка Таня» — так называли в отряде Зою.

В селе Петрицево остановился большой фашистский отряд. Ночью Зоя проникла в Петрицево. Она пришла сюда с боевым заданием. Но враги схватили юную партизанку.

Допрашивал Зою сам командир дивизии подполковник Рюдерер:

- Кто вы?
- Не скажу.
- Это вы подожгли дома?
- Да, я.
- Ваши цели?
- Уничтожить вас.

Зою начали избивать. Требовали, чтобы она выдала своих товарищей, сказала, откуда пришла, кто послал её на задание. «Нет», «Не знаю», «Не скажу», «Нет», — отвечала Зоя.

И снова пошли побои.

Ночью Зою подвергли новым мучениям. Почти раздетую, в одном нижнем белье, её несколько раз выгоняли на улицу и заставляли босую ходить по снегу.

И снова:

— Скажите, кто вы? Кто вас послал? Откуда пришли?

Зоя не отвечала.

Утром Зою повели на казнь. Устроили её в центре деревни на деревенской площади. К месту казни согнали колхозников.

Девушку повели к виселице. Поставили на ящик. Набросили петлю на шею.

Последняя минута, последний миг молодой жизни. Как использовать этот миг? Как остаться бойцом до конца?

Вот комендант приготовился дать команду. Вот занёс руку, но остановился. Кто-то из фашистов в это время припал к фотоаппарату. Комендант приосанился — нужно получиться достойным на снимке. И в это время...

— Товарищи! Не бойтесь, — прозвучал голос Зои. — Будьте смелее, боритесь, бейте фашистов, жгите, травите!

Стоявший рядом фашист подбежал к Зое, хотел ударить, но девушка оттолкнула его ногой.

— Мне не страшно умирать, товарищи, — говорила Зоя. — Это счастье — умереть за свой народ. — И, чуть повернувшись, прокричала своим мучителям: — Нас двести миллионов. Всех не перевешаете. Всё равно победа будет за нами!

Комендант дёрнулся. Подал рукой команду...

Минское шоссе. 85-й километр от Москвы. Памятник героине. Люди, пришедшие поклониться Зое. Синее небо. Простор. Цветы...

ОТДЕЛЬНЫЙ ТАНКОВЫЙ БАТАЛЬОН

Продолжается жестокая схватка с фашистами. Тяжёлые бои идут у посёлка и станции Крюково. С особой силой здесь жмут фашисты. Не хватает солдатских сил. Вот-вот отойдут солдаты.

Звонят командиры старшим начальникам. Просят о срочной помощи. Нет у старших начальников помощи. Все резервы давно в бою.

Всё тяжелее дела под Крюковым. Снова звонят командиры начальникам.

— Хорошо, — говорят начальники. — Ждите танковый батальон.

И верно, вскоре на командный пункт сражающегося здесь полка явился офицер-танкист. Молод, красив танкист. В ко-

жаной куртке, в шлеме танкистском. Глаза синие-синие.словно в мае с неба схватил лазурь и сунул себе под веки.

Подошёл танкист к командиру полка, руку к шлему поднёс, представился:

— Товарищ командир полка, отдельный танковый батальон прибыл в ваше распоряжение. Докладывает командир батальона старший лейтенант Логвиненко.

Доволен — нет сил — командир полка. Мало того, что доволен — счастлив. Обнял офицера:

— Спасибо, браток, спасибо. — И сразу конкретно к делу: — Сколько в батальоне танков?

— Одна машина, — отвечает танкист. И небесной лазурью на командира смотрит.

— Сколько-сколько? — не верит своим ушам командир полка.

— Одна машина, — повторяет танкист. — Одна осталась... Танк типа «Т-37».

Большие потери несли под Москвой фашисты. Но и у наших они немалые... Вся радость с лица у командира полка — словно кто-то огромный дунул — секундой слетела. Танк «Т-37» — самый устаревший советский танк. Самый старый и самый малый. Один пулемёт — вот и всё вооружение. Броня толщиной с мизинец.

— Жду боевую задачу, — сказал танкист.

«Катись к чёрту — вот и вся боевая задача», — хотел было сказать командир полка. Однако сдержался, себя осилил.

— Направляйтесь в распоряжение первого батальона, — сказал командир полка.

Этот батальон больше всего и атаковали сейчас фашисты.

Прибыл танкист к батальону и сразу с пехотинцами ринулся в бой. Умно поступал танкист. То в одном месте поддержит броней пехотинцев, то быстро меняет позиции. И вот уже виден на новом месте. Видит броню солдаты. Легче в бою солдатам. Слух от солдата идёт к солдату — прибыл танковый батальон.

Устояли тогда герои. Не пустили вперёд фашистов.

И вторую отбили атаку солдаты. А за этой ещё четыре. Теперь уж не только первому батальону — всему полку помогал танкист.

Закончился бой. Стоит танкист — молодой, возбуждённый, красивый. Глаза синие-синие. Майской горят лазурью.

Подошёл к танкисту командир полка, крепко обнял героя:

— Спасибо, браток, спасибо. Вижу, что прибыл действительно танковый батальон.

Среди защитников Москвы находился отряд аэростатчиков. Поднимались аэростаты в московское небо. С помощью металлических тросов создавали заслоны против фашистских бомбардировщиков.

Спускали как-то солдаты один из аэростатов. Однотонно скрипит лебёдка. Стальной трос, как витка, ползёт по бобине. При помощи этого троса и спускают аэростат. Всё ниже он, ниже. С оболочки аэростата свисают верёвки. Это фалы. Схватят сейчас бойцы аэростат за фалы. Держась за фалы, перетащат аэростат к месту стоянки. Укрепят, привяжут его к опорам.

Аэростат огромный-огромный. С виду как слон, как мамонт. Послушно пойдёт за людьми машина. Это как правило. Но бывает, заупрямится аэростат. Это если бывает ветер. В такие минуты аэростат, словно скакун норовистый, рвётся и рвётся с привязи.

Тот памятный для солдата Велигуры день выдался именно ветреный.

Спускается аэростат. Стоит рядовой Велигура. Стоят другие. Вот схватит сейчас за фалы.

Схватил Велигура. Другие же не успели. Рвануло аэростат. Слышит Велигура какой-то хлопок. Потом Велигуру дёрнуло. Земля отошла от ног. Глянул боец, а он уже в воздухе. Оказалось, лопнул трос, с помощью которого спускала лебёдка аэростат. Поволок Велигуру аэростат за собой в поднебесье.

— Бросай фалы!

— Бросай фалы! — кричат Велигуре снизу товарищи.

Не понял Велигура вначале, в чём дело. А когда разобрался — поздно. Земля далеко внизу. Всё выше и выше аэростат.

Держит солдат верёвку. Положение просто трагическое. Сколько же может так человек удержаться! Минутой больше, минутой меньше. Затем силы его покинут. Рухнет несчастный вниз.

Так бы случилось и с Велигурой. Да, видно, в сорочке боец родился. Хотя, скорее, просто Велигура боец находчивый. Ухватил он ногами верёвку. Легче теперь держаться. Дух перевёл, передохнул. Петлю ногами на верёвке старается сделать. Добился солдат удачи. Сделал боец петлю. Сделал петлю и в неё уселся. Совсем отошла опасность. Повеселел Велигура. Интересно даже теперь бойцу. Впервые так высоко поднялся. Парит, как орёл, над степью.

Смотрит солдат на землю. Проплывает под ним Москва лабиринтом домов и улиц. А вот и окраина. Кончился город. Над дачным Велигура летит районом. И вдруг понимает боец, что

ветер несёт его в сторону фронта. Вот и район боёв, вот и линия фронта.

Увидели фашисты советский аэростат. Открыли огонь. Разрываются рядом снаряды. Неуютно бойцу на воздушном шаре.

Несёт ветер солдата всё дальше и дальше вдоль линии фронта. Положение катастрофическое. Сколько же продержится человек над огнём на воздушном шаре? Минутой больше, минутой меньше. Пробьют оболочку аэростата. Рухнет машина вниз.

Так бы случилось, конечно, и с Велигурой. Да, видно, и впрямь в сорочке боец родился. Не задевают, мимо проходят взрывы.

Но главное — вдруг, как по команде, изменил направление ветер. Понесло Велигуру опять к Москве. Вернулся боец почти туда же, откуда отбыл. Благополучно спустился вниз.

Жив солдат. Невредим. Здоров.

Вот и вышло, что рядовой Велигура на аэростате к врагам слетал почти так же, как в своё время в неприятельскую крепость верхом на ядре знаменитый барон Мюнхаузен.

Всё хорошо. Беда лишь в одном. Мало кто в этот полёт поверил. Только Велигура начнёт рассказывать, сразу друзья кричат:

— Ну, ну, ври, загибай, закручивай!

Не Велигура теперь Велигура. Только откроет бедняга рот, сразу несётся:

— Барон Мюнхаузен!

Война есть война. Всякое здесь бывает. Бывает такое, что сказкой потом считают.

ПУШКА

Был один из самых тяжёлых моментов Московской битвы. Бои шли севернее Москвы, на Рогачёвском шоссе.

Ударили фашистские танки встык между двумя соседними советскими армиями, устремились в прорыв, понеслись к Москве. Пали селения Белый Раст, Озеречье, Мышенское, рабочий посёлок Красная Поляна. Враги подошли к станции Лобня, к Савёловской железной дороге.

До Москвы оставалось около 30 километров. Это — расстояние, на которое могла стрелять фашистская дальнбойная артиллерия.

Привезли фашисты в Красную Поляну дальнбойную пушку. Стали её устанавливать. Дали приказ подвозить снаряды.

Возятся фашистские солдаты у пушки. Площадку ровняют. Лафет укрепляют. В прицел, как в бинокль, заглядывают.

Не могут скрыть торжества солдаты:

— Мы первыми из всех по Москве ударим!

— Награда от фюрера будет!

Суетится артиллерийский офицер. И этот о том же думает: будет ему награда — рыцарский крест на шею, известность по всей Германии.

Торжествуют фашисты удачу. А в это время навстречу прорвавшимся врагам срочно двигались наши части. Подходили полки и роты, с марша вступали в бой.

Возятся фашистские солдаты у пушки. Привезли им как раз снаряды.

— Шнель, шнель! — покрикивает офицер.

Предвкушает фашист успех. Вот заложат солдаты в пушку сейчас снаряд. Вот вскинет он руку. В три горла рванёт команду. Вот она, радость боя!

— Шнель, шнель! — покрикивает офицер.

Возятся солдаты у пушки, слышат шум боя. Только не дальше, не к Москве почему-то отходит бой, а кажется солдатам, что сюда, к Красной Поляне, ближе.

Переглянулись солдаты:

— Ближе!

— Ближе!!

Вот и несётся уже «Ура!». Вот и ушанки с красной звездой мелькнули.

Выбили советские войска фашистов из Красной Поляны. Досталась пушка советским бойцам. Обступили её солдаты. Любопытно на пушку глянуть.

— Вот бы сейчас — по Гитлеру!

— Прихватим с собой к Берлину!

Однако пришёл приказ пушку отпавить в тыл. И всё же задержались чуть-чуть солдаты. Подождёт пять минут приказ!

Развернули солдаты пушку. Вложили снаряд. Прицелились. Ударил пушка стократным басом. Устремился снаряд на запад, весть о нашей победе врагам понёс.

Проходят наши роты мимо фашистской пушки. Видят солдаты гигант трофей:

— Ух ты, мама!

— Неужто взяли?

— Взяли, родные, взяли!

Смотрят солдаты опять на пушку:

— Ну, если такую фашисты бросили, значит, примета добрая.

Всё больше у наших упорства, силы. Всё слабее напор врагов. И снова солдаты:

— Выдыхается, зная, фашист.

Понимают бойцы — быть повороту, быть переменам. Сердцем солдатским чувствуют.

Не удаётся фашистам прорваться к Москве ни с юга, ни с севера.

— Брать её штурмом, брать её в лоб! — отдают приказ фашистские генералы.

И вот вечер накануне нового наступления. Ober-лейтенант Альберт Наймган спустился к себе в землянку. Достал бумагу, начал писать письмо. Пишет своему дядюшке, отставному генералу, в Берлин. Уверен Наймган в победе.

«Дорогой дядюшка! — строчит Наймган. — Десять минут тому назад я вернулся из штаба нашей гренадерской дивизии, куда возил приказ командира корпуса о последнем наступлении на Москву...» Пишет Наймган, торопится: «Москва наша! Россия наша! Европа наша! Тороплюсь. Зовёт начальник штаба. Утром напишу из Москвы».

Новую свою попытку прорваться к Москве фашисты начали с самого кратчайшего, Западного направления. Прорвали вражеские дивизии фронт под городом Наро-Фоминском, устремились вперёд.

Торжествуют фашистские генералы:

— Путь на Москву открыт!

Посылают депешу быстрее в Берлин:

«Путь на Москву открыт!»

Мчат к Москве фашистские танки и мотоциклетные части. Пройдено пять километров... десять... пятнадцать, деревня Акулово. Здесь, под Акуловом, встретил враг заслон. Разгорелся смертельный бой. Не прошли здесь фашисты дальше.

Пытаются враги пробиться теперь южнее Наро-Фоминска. Прошли пять километров... десять... пятнадцать. Село Петровское. И здесь, у Петровского, преградили дорогу фашистам наши. Разгорелся смертельный бой. Не прорвались фашисты дальше.

Повернули фашисты на север. Устремились к станции Голицыно. Прошли пять километров... десять... пятнадцать. У деревень Бурцево и Юшково — стоп! Стоят здесь на страже наши. Разгорелся смертельный бой. И здесь не прорвались фашисты дальше. Захлебнулась и здесь атака.

Отбили советские воины новый прорыв на Москву. Отползли, отошли фашистские танки к своим исходным рубежам. Отошли фашисты и всё же не верят в силу советских войск. Успокаивают сами себя фашистские генералы:

— Ничего, ничего — отдохнём, поднажмём, осилим!

А в это время на север, на юг от Москвы и здесь, на Западном направлении, собирали советские части свежие силы. К Москве подходили новые дивизии, в войска поступали новые танки и но-

вые пушки. Советская Армия готовилась нанести сокрушительный удар по врагу.

Готовы войска. Нужен лишь сигнал к наступлению.

И он поступил.

На одних участках фронта 5-го, а на других 6 декабря 1941 года войска, оборонявшие Москву, перешли в грандиозное наступление. Советская Армия стала громить врага и погнала его на запад.

Ну, а как же с письмом Наймгана? Дописал ли его офицер?

Нет, не успел. Погиб лейтенант Наймган. Вместе с письмом в снегах под Москвой остался.

«Тайфуном» назвали фашисты своё наступление.

Взвился «Тайфун», как ястреб. Рухнул, как камень, в пропасть. Укротили его советские солдаты.

ПЕРЕЛОМИЛОСЬ

Переломилось. Свершилось. Сдвинулось. Наступает Советская Армия. Рванулись войска вперёд. Громят фашистов армии генералов Говорова, Рокоссовского, Лелюшенко, Кузнецова, Голыхова, танкисты Каткова, Гетмана, Ротмистрова, конники Доватора и Белова, герои-панфиловцы и много других частей.

Успешно идёт наступление. Много отважных солдат из разных сёл, городов, областей, республик защищало Москву. Здесь москвичи и рязанцы, украинцы и белорусы, латыши и казахи и много других бойцов. Перед самым наступлением прибыло в войска пополнение — сибиряки и уральцы.

В каун наступления командующий Западным фронтом генерал армии Георгий Константинович Жуков направился к войскам. Приехал сначала как раз к уральцам. Рослый уральцы народ, красивый.

— Здравствуйте, товарищи бойцы!

— Здравия желаем, товарищ командующий!

Поговорили о том о сём.

— Как настроение?

— Боевое, товарищ командующий!

— Как доехали?

— Люксом, люксом!

А сами в теплушках ехали.

— Готовы идти в наступление?

— Готовы, товарищ командующий!

— Ну что же, удачи, товарищи. До встречи на поле боя!

Простился Жуков с уральцами, поехал в дивизии к сибирякам. Ядрёный сибирский народ, смекалистый.

— Здравствуйте, товарищи бойцы!

— Здравия желаем, товарищ командующий!
Пошли разговоры о том о сём. Как настроение? Как доехали?
Как вас тут встретили? И наконец:

— Готовы идти в наступление?

— Хотя сию минуту, товарищ командующий!

— Ну что же, удачи, товарищи. До встречи на поле боя!

Поехал Жуков в полки к москвичам.

— Здравствуйтесь, товарищи бойцы!

— Здравия желаем, товарищ командующий!

И тут разговоры о том о сём. О Москве, о войне, о московской хватке. Закаленный народ москвичи. В боях и в защите стойкий.

Смотрит Жуков на москвичей:

— Ну как, товарищи, готовы идти в наступление?

— Заждались, товарищ командующий!

Объехал Жуков другие дивизии. Встречался с казаками и белорусами, с латышами и украинцами. Побывал у рязанцев, у каширцев, у туляков. Всюду один ответ. Скорее ударить по лютому зверю. Скорее разить врага. Ехал Жуков назад, на командный пункт, смотрел на снег, на поля Подмосковья.

«Момент наступил. Самый момент», — рассуждал Жуков.

Доложил он в Ставку Верховного Главнокомандования, что готовы войска к наступлению.

Дала Ставка приказ к боям.

ХОДИКИ

Наступает Советская Армия. Отходят фашисты, сжигают всё на своём пути, минируют.

В одном из уцелевших крестьянских домов временно разместился штаб генерала Константина Константиновича Рокоссовского. Прославилась армия Рокоссовского в боях за Москву. Герои-панфиловцы сражались именно в этой армии.

Очистили санёры дом от фашистских мин. Штаб приступил к работе. Рокоссовский, начальник штаба армии генерал Малинин и член Военного совета армии генерал Лобачёв склонились над картой. Нужно подготовить и передать войскам срочные распоряжения.

Однако в избу то и дело входят различные люди. Свои же штабные работники рады поздравить генералов с успехом, от местных жителей поблагодарить за освобождение, офицеры из штаба фронта — за сводками новостей.

Отрывают от срочной работы посетители генералов. Ко всему — приехали корреспонденты. Много и разные. Просто журналисты, фотокорреспонденты и даже один кинооператор

с огромным штативом и неуклюжей камерой. Набросились корреспонденты на генералов, как соколы на добычу. Особенно усердствует фотокорреспондент.

— Подойдите, подойдите сюда поближе, товарищ командующий! — командует Рокоссовскому.

— Присядьте, товарищ генерал, присядьте. — Это к начальнику штаба генералу Малинину.

— Привстаньте, товарищ генерал, привстаньте. — Это к члену Военного совета генералу Лобачёву.

Машет руками, командует. Словно не они здесь генералы, а он генерал.

Посмотрел на корреспондента генерал Малинин. Человек он резкий, вспыльчивый. Шепчет Рокоссовскому:

— Гнать их отсюда, товарищ командующий!

— Не деликатно. Нет, нет, — шепчет в ответ Рокоссовский.

Висят на стене часы-ходики. Тик-так, тик-так... — отбивают время. Пропадают дорогие минуты у генералов. Часы старые-старые. Циферблат со щербинкой. Одна стрелка чуть-чуть подогнута. Вместо гирь висят мешочки с какими-то грузилами.

Глянул Рокоссовский на ходики, затем на корреспондентов и говорит:

— Дорогие товарищи, только очень прошу, не прикасайтесь и не подходите близко к часам, они заминированы.

Сказал и хитро глянул на генерала Малинина.

«Как заминированы! Тут всё проверено», — хотел было сказать Малинин. Однако Рокоссовский делает ему знак: молчи, молчи.

Промолчал генерал Малинин. Понял, что Рокоссовский решил прилупить журналистов.

— Заминированы, — вновь повторил Рокоссовский.

Рассчитывал Рокоссовский — уйдут журналисты. А те и не думают.

По-прежнему больше других старается фотокорреспондент:

— Станьте сюда, станьте сюда, товарищ командующий...

— Передвиньтесь чуть-чуть. Левее. Левее. Ещё левее. Отлично. Благодарю. — Это к генералам Малинину и Лобачёву.

Затем совсем вплотную подошёл к ходикам. Изловчился и снял так, что на одном снимке и генералы, и ходики.

— Осторожно, они заминированы, — вновь говорит Рокоссовский.

— Ничего-ничего, — отвечает фотокорреспондент. — Это даже ещё интереснее. Редкостный будет снимок.

Щёлкнул отдельно ходики. Повернулся опять к генералам. И другие журналисты идут в атаку. И эти терзают военачальников.

Так и не получилось ничего с выдумкой у Рокоссов-

ского. Развёл он руками, посмотрел на Малипина, на Лобачёва:

— Не ожидал!

Повернулся к корреспондентам. Руки поднял:

— Сдаюсь!

Пришлось Малипину «взяться» за журналистов.

Ушли журналисты. Усмехается Рокоссовский:

— Ишь, боевой народ.

Глянул на ходики.

Тик-так, тик-так... — отсчитывают время ходики.

ДОМ

Советские войска стремительно продвигались вперёд. На одном из участков фронта действовала танковая бригада генерал-майора Катуква. Догоняли врага танкисты.

И вдруг остановка. Взорванный мост впереди перед танками. Случилось это на пути к Волоколамску в селе Новонетровском. Приглушили танкисты моторы. На глазах уходят от них фашисты. Выстрелил кто-то по фашистской колонне из пушки, лишь снаряды пустил по ветру.

— Ауфвидерзеен! Прощайте! — кричат фашисты.

— Бродом, — кто-то предложил, — бродом, товарищ генерал, через речку.

Посмотрел генерал Катуква — петляет река Маглуша. Круты берега у Маглуши. Не подняться на кручи танкам.

Задумался генерал.

Вдруг появилась у танков женщина. С нею мальчик.

— Лучше там, у нашего дома, товарищ командир, — обратилась она к Катукву. — Там речка уже. Подъём положе.

Двинулись танки вперёд за женщиной. Вот дом в ложине. Подъём от речки. Место здесь вправду лучше. И всё же... Смотрят танкисты. Смотрит генерал Катуква. Без моста не пройти тут танкам.

— Нужен мост, — говорят танкисты. — Брёвна нужны.

— Есть брёвна, — ответила женщина.

Осмотрелись танкисты вокруг — где же брёвна?

— Да вот они, вот, — говорит женщина и показывает на свой дом.

— Так ведь дом! — вырвалось у танкистов.

Посмотрела женщина на дом, на воинов.

— Да что дом — деревяшки-полешки. То ли народ теряет... О доме ль сейчас печалиться, — сказала женщина. — Правда, Петя? — обратилась к мальчику. Затем снова к солдатам: — Разбейте его, родимые.

Не решаются трогать танкисты дом. Стужа стоит на дворе. Зима набирает силу. Как же без дома в такую пору?

Пояла женщина:

— Да мы в землянке уж как-нибудь. — И снова к мальчику: — Правда, Петя?

— Правда, маманя, — ответил Петя.

И всё же мнутя, стоят танкисты.

Взяла тогда женщина топор, подошла к краю дома. Первой сама по венцу ударила.

— Ну что ж, спасибо, — сказал генерал Катуква.

Разобрали танкисты дом. Навели переправу. Бросились вслед фашистам. Проходят танки по свежему мосту. Машут руками им мальчик и женщина.

— Как вас звать-величать? — кричат танкисты. — Словом добрым кого нам вспоминать?

— Кузнецовы мы с Петенькой, — отвечает, зардевшись, женщина.

— А по имени, имени-отчеству?

— Александра Григорьевна, Пётр Иванович.

— Низкий поклон вам, Александра Григорьевна. Богатырём становись, Пётр Иванович.

Догнали танки тогда неприятельскую колонну. Искрошили они фашистов. Дальше пошли на запад.

Отгремела война. Отплясала смертями и бедами. Утихли её сполохи. Но не стёрла память людские подвиги. Не забыт и подвиг у речки Маглуши. Поезжай-ка в село Новонетровское. В той же ложине, на том же месте новый красуется дом. Надпись на доме: «Александре Григорьевне и Петру Ивановичу Кузнецовым за подвиг, совершённый в годы Великой Отечественной войны».

Петляет река Маглуша. Стоит над Маглушей дом. С верандой, с крылечком, в резных узорах. Окнами смотрит на добрый мир.

ФРАНЦУЖЕНКА

«Французенка» — так солдаты называли пушку.

Когда сержанту Барабину впервые её вручили, глянул солдат и ахнул. Пушка была выпуска 1897 года. Выходит, из неё леды ещё стреляли.

— Да-а-а... — протянул солдат.

— Зато — французенка, — говорят Барабину.

Пушка действительно была французской. Во Франции её изготовили. Ещё в первую мировую войну попала она в Россию. Оказалась пушка на батарее, в которой служил Барабин в самые

тяжёлые часы Московской битвы. Много требовалось тогда вооружения. И вот случайно где-то на артиллерийских складах было обнаружено несколько старых пушек. Были здесь пушки русские, были английские, была и французская. Отправили их на фронт. Французская и досталась сержанту Барабину.

Артиллерийская батарея, как правило, состоит из четырёх пушек. Из четырёх состояла и батарея Барабина. Три пушки современные, новые, только что пришедшие с заводов. Четвёртая, Барабинская, — французская.

Долго бурчал артиллерист. Смотрел на пушку, как на дитё нелюбимое. Всё раздражало солдата в пушке. И вид старинный, и бьёт ближе других, и много возни, пока перезарядишь.

— Утиль, — бурчал солдат. — Доисторический век.

Солдаты смеются:

— Зато — француженка.

Побурчал-побурчал Барабин, а затем и привык к француженке. А когда подбил первый фашистский танк, даже расцеловал пушку.

Кто-то сказал:

— Любовь начинается.

И не ошибся.

Сержант Барабин был прекрасным артиллеристом. Прекрасным оружием стала в его руках и француженка.

Сражалась пушка на Минском шоссе в армии, которой командовал генерал Леонид Александрович Говоров. Сдерживала вместе с другими натиск фашистов. И вот теперь вместе со всеми пошла вперёд.

Проезжал как-то генерал Говоров мимо артиллерийской позиции. Увидел необычную пушку. Спросил у офицера, что за пушка.

— Француженка, — ответили генералу.

Объяснили офицеры генералу, откуда пушка и как к ним попала.

— Да, нелёгкие были дни, — сказал генерал Говоров.

А когда узнал, что француженка танк подбила, даже похлопал её по стволу.

— Спасибо, — сказал, — француженка.

Недолго после этого пробыла пушка в войсках. Поступили с Урала новые пушки. Много тогда нового оружия для наступающих армий под Москву приходило. Нет уже больше нужды во француженке. Прислали новую пушку и для сержанта Барабина.

Унёсся было Барабин. То да сё. Привык, не отдаёт он свою француженку. Однако приказ есть приказ. Пришлось артиллеристу расстаться с пушкой.

Обнял он её, расцеловал:

— Ну что ж, прощай, родимая.

Покатила на склады опять француженка. Случилось так, что генерал Говоров через несколько дней вновь встретил Барабина. Признал он сержанта. Спросил:

— Ну, как француженка?

Показал Барабин на новую пушку. Была она дальнобойной, скорострельной, самой последней, самой совершенной конструкции.

— Да, время другое, другая сила, — сказал Говоров.

СЕРЖАНТ-ЛЕЙТЕНАНТ

Сержант Павел Бирюков служил адъютантом у командующего стрелковым батальоном. Произошло это перед самым нашим наступлением. Получил Бирюков от командира задание отправиться на передовую, установить связь с ротами.

Отправился Бирюков. Идёт по обочине леса, вдруг видит — из леса выходит колонна фашистов. Схватил Бирюков автомат, бросился за сосну, открыл по врагам огонь. Побежали фашисты. Однако быстро пришли в себя. Поняли, что перед ними всего-то один русский боец. Ответили они на огонь Бирюкова своим огнём. Но и на помощь советскому солдату пришли товарищи. Завязалась перестрелка.

Точно стрелял Бирюков. Уже не стоит за сосной, а прилёт. Выбирает, как снайпер, цели. Прицелится. Скажет:

— Понеслись! — и выпускает пули.

Снова прицелится. И снова:

— Вперёд, голубушки.

Не ошибаются пули, точно летят в фашистов.

Не устояли фашисты. Отползли от опасного места. Побежали к своим окопам.

Нет бы Бирюкову на этом бой посчитать оконченным. А он поднялся и вслед за фашистами.

— Да куда ты! — кричат товарищи.

Не слышал, видать, боец. Несётся, кричит:

— Сдавайтесь!

Фашистов много, а он один.

— Сдавайтесь! — кричит. — Сдавайтесь!

Подбежали фашисты к своим окопам. Укрылись. Но не спасли их окопы на этот раз. Вслед за ними влетел и Бирюков в траншею.

— Рус! — закричали фашисты. — Рус!

Кричат и те, кто прыгнули только сейчас в окопы, и те, кто в окопах уже сидели. Не поняли фашисты в горячке боя, что из русских у них в окопе только один солдат. И Бирюков

в той же горячке боя, видимо, тоже не очень понял, что он один. Увлёкся солдат погоней. Влетел в окоп, полоснул автоматом, швырнул гранату.

Побежали фашисты. Те, что остались живы, укрылись в других траншеях.

В это время подоспели на помощь к Бирюкову наши солдаты. Поравнялись они с окопом. Видят: жив, невредим Бирюков. Стоит в неприятельском окопе, трофей считает. Подобрали солдаты трофей: автоматы, миномёт, фашистские пулемёты — восемь пулемётов одних досталось, — вернулись к своим позициям.

За свой героический подвиг сержант Бирюков был награждён орденом. Одновременно ему было присвоено звание лейтенанта.

Поздравляли его товарищи. Радовались успеху. Солдаты всегда солдаты. Любят солдаты шутку. Обнимают Бирюкова, бросают шутки:

— В окопы вбежал сержантом, выбежал — лейтенантом. Ещё два окопа — майором будешь.

Через день началось наступление. Офицером шёл Павел Бирюков в наступление.

ДОВАТОР

В боях под Москвой вместе с другими войсками принимали участие и казаки: донские, кубанские, терские...

Лих, искромётен в бою Доватор. Ладно сидит в седле. Шапка-кубанка на голове.

Командует генерал Доватор кавалерийским казачьим корпусом. Смотрят станичники на генерала:

— Наших кровей — казацких!

Спорят бойцы, откуда он родом:

— С Дона.

— С Кубани!

— Терский он, терский.

— Уральский казак, с Урала.

— Забайкальский, даурский, считай, казак.

Не сошлись в едином мнении казаки. Обратились к Доватору:

— Товарищ комкор, скажите, с какой вы станицы?

Улыбнулся Доватор:

— Не там товарищи, ищите. В белорусских лесах станица.

И верно. Совсем не казак Доватор. Белорус он. В селе Хотино, на севере Белоруссии, недалеко от города Полоцка — вот где родился комкор Доватор.

Не верят Доватору казаки:

— Шутки комкор пускает.

И снова:

— Терский!

— Оренбургский.

— Донской!

— Кубанский!

— Уральский!

— Братцы, да он же, считай, забайкальский, даурских кровей казак.

Ещё в августе — сентябре конная группа Доватора ходила по фашистским тылам. Громил склады, штабы, обозы. Сильно досталось тогда фашистам. Пошли слухи — 100 тысяч советских конников прорвалось в тыл. Успокаивают солдат фашистские генералы. Отдают даже специальный приказ. А в этом приказе: «Не верьте слухам! Слухи о том, что в тыл наших войск прорвалось 100 000 кавалеристов противника, преувеличены. Линию фронта перешло всего 18 000». А на самом деле в конной группе Доватора было только 3000 человек.

Когда советские войска под Москвой перешли в наступление, казаки Доватора снова прорвались в фашистский тыл.

Боятся фашисты советских конников. За каждым кустом им казак мерещится...

Назначают фашистские генералы награду за поимку Доватора — 10 тысяч немецких марок.

Рыщут любители денег и славы. Ловят в мечтах Доватора. Исчезает, как дым, Доватор. Повышают фашисты цену. 20 тысяч марок за поимку советского генерала. Рыщут любители денег и славы, хватают в мечтах Доватора.

Как гроза, как весенний гром, идёт по фашистским тылам Доватор.

Бросает фашистов в дрожь. Проснутся, ветра услышав свист.

— Доватор! — кричат. — Доватор!

Услышат удар коньт.

— Доватор! Доватор!

Повышают фашисты цену. 50 тысяч марок назначают они умелому. Лежат без хозяина эти деньги. Как сон, как миф, для врагов Доватор.

Едет верхом на коне Доватор. Легенда следом за ним идёт.

НАТАШКА

Среди лесов и полей Подмосковья затерялось небольшое село Сергеевское. Стоит оно ладное-ладное. Избы словно только родились на белый свет.

Любит Наташка своё Сергеевское. Резные ставни. Резные крылечки. Колодцы поют здесь песни. Калитки поют здесь песни. Басом скрипят ворота. Соревнуются в крике голосистые петухи. Хороши леса и рощи. Малина в лесах, орешник. Хоть на возах вывози грибы.

Любит Наташка своё Сергеевское. Речка журчит здесь Воря. Хороши берега у Вори. Травка. Песочек. Склонились ивы. Рыбий под вечер всплеск.

И люди в Сергеевском тоже особые. Добрые-добрые!

Солнце Наташке светит. Люди Наташке светят. Дарит улыбки мир.

И вдруг оборвалось всё, как сон, как тропа над кручей. Кончилась мирная жизнь в Сергеевском. Опалила война округу. Попало к врагам Сергеевское.

Вступили в село фашисты. Разместились фашисты в крестьянских избах. Выгнали жителей всех на улицу.

В погребах и землянках укрылись люди. Живут все в страхе, как тёмной ночью. До самой зимы, до снега в руках у врагов находилось Сергеевское. Но вот долетела сюда канонада. Сверкнула радость — идут свои!

— Свои!

Ждут в Сергеевском избавления. Ожидают Советскую Армию. И вдруг бежали фашисты погреба и землянки. Выгнали снова людей на улицу. Согнали в сарай, что стоял на краю Сергеевского. Закрыли на все засовы.

Смотрит Наташка: вот мамка, вот бабка, соседи, соседки. Полно народа.

— Чего нас, мамка, в сарай загнали? — лезет Наташка. Не понимает, не знает, не может ответить мать.

Сильнее слышна за селом канонада. Радость у всех:

— Свои!

И вдруг кто-то тихо, затем что есть силы:

— Горим!

Глянули люди. Дым повалил сквозь щели. Огонь побежал по брёвнам.

— Горим!

Бросились люди к дверям сарая. Закрыты двери на все засовы. Даже снаружи чем-то тяжёлым подпёрты.

Всё больше и больше в сарае огня и дыма. Задышаться начали люди. Не хватает Наташке воздуха. Пламя ползёт к шубейке. Уткнулась, прижалась Наташка к матери. Ослабла, забылась девочка. Сколько времени прошло — не знает. Вдруг слышит:

— Наташка! Наташка!

Открыла глаза Наташка. Не в сарае она, на снегу, под чистым небом. Ясно Наташке — успели наши, пришло спасение. Улыбнулась Наташка и вновь забылась.

Перенесли её в дом. Отлежалась, к утру поправилась. А утром побежала девочка по селу. Как именинник стоит Сергеевское. Запели опять калитки. Запели опять колодцы. Заговорили ворота басом. Бежит Наташка. Снег под ногами хрустит, искрится, озорно белизной сверкает. Добежала до речки Вори. Взлетела на кручу. Остановилась вдруг, замерла. Холм из свежей земли над Ворей. Красная звёздочка сверху вкопана. Дощечка под звёздочкой. На дощечке идут фамилии. Смотрит на холм Наташка. Два солдата рядом стоят с лопатами.

— Кто здесь такие, дяденьки? — показала на холм Наташка.

Посмотрели бойцы на девочку:

— Спаситель здесь твой лежит.

Войны без смертей не бывает. Свобода нелёгкой ценой достаётся.

ТУЛУПИН

Стрелковая рота вступила в село. Правда, не первой. Освободили село другие. Ещё утром бежали отсюда фашисты.

Идут солдаты вдоль главной улицы. Сохранилось село. Быстро бежали фашисты. Ни сжечь, ни разрушить ничего не успели.

Подшли солдаты к крайнему дому. Дом-пятистенки. Калитка. Ворота. На воротах написано что-то. Заинтересовались солдаты. Читают: «Прощай, Москва, уходим в Берлин. Ефрейтор Беккерс».

— Вот это здорово, — рассмеялись солдаты. — Значит, прощай, Москва, прощай, надежды.

— Хоть и фашист, а верную надпись сделал.

Присмотрелись солдаты, а внизу и ещё слова. Кто-то приписку сделал. Читают бойцы приписку: «Ничего, догоним. Рядовой Тулупин».

Рассмеялись солдаты:

— Вот это по-нашему!

— Вот молодец Тулупин!

— Мужик с головой, выходит.

Понравилось бойцам солдатское добавление. Интересно им узнать о судьбе Тулупина. Может, Тулупин фашиста уже догнал?

Идут вперёд солдаты. Всюду наводят о Тулупине справки. Кого ни встрелят — пехотинцев, танкистов, артиллеристов — сразу с вопросом:

— Нет ли у вас Тулупина?

Фамилия не очень частая. Скорее, редкая. Не попадаете ли вы Тулупин.

Зашли солдаты за Можайск, за Медынь, дальше фашистов

гонят. Нет и нет, не встречается им Тулупин. И вдруг в одном месте...

— Есть,— говорят,— Тулупин.

Кинулись солдаты к бойцу:

— Тулупин?

— Тулупин.

— Писал на воротах?

— На каких на воротах? — поразился боец.

Объясняют солдаты.

— Нет, не писал,— отвечает Тулупин.

Огорчились солдаты:

— Не тот Тулупин.

Продолжает армия ратный путь. Двигутся вперед солдаты, освобождают родную землю. Наступают солдаты и всюду:

— Есть ли у вас Тулупин?

— Есть ли у вас Тулупин?

И вот...

— Есть,— говорят,— Тулупин.

Бросились солдаты к бойцу:

— Тулупин?

— Тулупин.

— Писал на воротах?

— На каких на воротах? — поразился боец.

Объясняют солдаты.

— Нет, не писал,— отвечает Тулупин.

— Э-эх, снова не тот,— огорчились солдаты.

— Не повезло.

Много километров прошагали вперед солдаты. Продолжают искать Тулупина. Тревожиться стали солдаты:

— Может, ранен, попал в санбат?

— Может, убит Тулупин?

И вдруг:

— Есть Тулупин!

— Тулупин?

— Тулупин.

— Тот самый?

— Сдаётся, тот.

Повстречались солдаты с Тулупиним и сразу ему про Беккерса.

— Беккерс... Беккерс? — стал вспоминать солдат. — Ах, Беккерс! Догнали, догнали его, родимые!

Оживились солдаты:

— Давно?

— С месяца уже, считай.

Довольны солдаты — попался Беккерс. Лезут опять к Тулупину:

— Здорово ты на воротах...

— Что на воротах?

— Здорово ты написал.

— Что написал? — поразился боец. — На каких на воротах?! — стоит, на солдат удивлённо смотрит.

Вот так дела. Ясно солдатам — снова не тот Тулупин.

Заговорили опять о Беккерсе.

— Помню Беккерса, помню,— повторяет Тулупин. — Как же, помню — полковник Беккерс. Нашей ротой был схвачен в плен.

— Полковник? — смутились солдаты. (На воротах писал ефрейтор.)

— Полковник,— сказал Тулупин.

Ясно теперь солдатам, что и Беккерс совсем не тот.

Простились солдаты. Дальше пошли походом.

Сожалеют солдаты:

— Эх, Беккерс не тот и не тот Тулупин.

Тут же со всеми шагает старшина Задорожный. Посмотрел на друзей Задорожный:

— Тот — не тот! Да в этом ли разве дело. Братцы, хватай за суть. Время смотри какое. Не беккерсы ныне теснят Тулупиных. Фашистов Тулупины нынче бьют.

Наступает Советская Армия. На нашей улице нынче праздник. Множится счёт побед.

ПАРТИЙНАЯ РАБОТА

Иван Михайлович Скачков был первым секретарём Можайского городского комитета Коммунистической партии. Любили его в районе. Скачков человек деловой, энергичный. Да и партийная организация в Можайске сильная, дружная. Во время боёв под Можайском немалую помощь можайские коммунисты оказали Советской Армии.

Храбро сражались тогда войска. Однако сила была у фашистов. Оставили наши войска Можайск. Ушёл и Скачков с войсками.

Вспоминали в Можайске партийного секретаря. Где он? Жив, невредим? Погиб ли в бою? А может, в другом районе помощь войскам оказывает. А может, и так: на важной партийной Скачков работе.

Наступили в Можайске тяжёлые, чёрные дни. В центре города фашисты поставили виселицу. У вокзала и на базарной площади устроили тюрьмы для непокорных. Редко пустует виселица. Допросы и пытки не прекращаются.

Но не смирились можайцы. Ушли в партизаны. Есть Север-

ный партизанский отряд, есть Южный. Возглавляет отряды товарищ Михайлов. Ходят слухи, мол, опытный командир.

Чудеса творятся вокруг Можайска.

Шёл лесом по Саввинской дороге фашистский танк. Тянул сзади прицеп с пехотой. В лес зашёл, а оттуда не вышел. Утром видят фашисты — танк взорван, перебитой лежит пехота.

Направлялся в село Облянищево фашистский отряд во главе с офицером. Шли солдаты грабить крестьян: за маслом, за хлебом, за сеном для лошадей. Не дошли до села фашисты. Спят вечным сном на лесной поляне.

Нашёлся в Можайске предатель. Сделали фашисты каким-то важным его начальником. Как начальству отвели кабинет. Заглянули фашисты как-то к нему в кабинет. Мёртвым лежит предатель.

Прибыли под Можайск на аэродром Ватулино новые фашистские самолёты. Только сели, только разместились в землянках лётчики, как тут тревога. Прилетели советские бомбардировщики, уничтожили фашистские самолёты.

Пришли на пополнение в фашистскую армию танки, пушки и мощные тягачи. Скопились они у деревень Клементьево и Горбово. Только стали командиры решать — кому, в какой полк и сколько всего направить, как в небе снова появились советские лётчики. Полетели на фашистскую технику бомбы. Смешали металл с землёй.

Не прекращаются чудеса под Можайском. Да и не только здесь. Под Волоколамском, под Рузой, под Истрой, Малым Ярославцем, Боровском, Нарой — всюду горит под врагами земля. Мститель за горло берёт врага.

94 дня пробыл Можайск под фашистской неволей. Но верили люди в нашу победу. И радостный час наступил. Прогнали отсюда фашистов. Снова Можайск советский.

Собрались на митинг жители.

— Слово имеет руководитель партизанского движения Можайского района товарищ Михайлов.

Глянули люди — так это ж Скачков. Иван Михайлович Скачков, их секретарь партийный. Боевой орден на груди у Скачкова. Ясно людям: так вот где он был. Вот за что орден ему в награду.

Кончился митинг. Спустился Скачков с трибуны. Обступили его горожане. Подошёл к Скачкову и старик Матвей Елизарович Маслов. Смотрит на орден:

— Вот оно как. А мы-то думали, Иван Михалыч, ты-то был на важной партийной работе.

Улыбнулся Скачков:

— Не ошибся, Матвей Елизарыч. Так и есть, на партийной я был работе. На партийной и очень важной.

Осташевский район — глубинный, дальний в Московской области. Деревня Бутаково в Осташевском районе — дальняя. Отступали фашисты через Бутаково. Тянулись с утра и до самого вечера. Не успели пройти всё засветло. Один из фашистских отрядов остался в деревне на ночь. Избы здесь спалены. В землянках укрылись жители.

Однако на окраине деревни сохранился большой сарай. В нём и разместились фашисты на ночь.

Хорошо им под крышей. Ветер не дует. Снег не сыплет. Только холод страшный стоит в сарае.

О тепле, о костре стали мечтать фашисты. Покрутились вокруг сарая: не видно ли рядом дров? В лес же идти опасно. Разыскали щепок, собрали малость. Зажгли. Огонь улыбнулся теплом и замер. Лишь запах дыма, тепла оставил. Дразнит фашистов запах.

Прижались солдаты покрепче друг к другу. Стали дремать фашисты. Вдруг слышат скрип на снегу за сараем. Встрепенулись солдаты. Автоматы немедля в руки. Ясно врагам: «Партизаны!» Однако видят — идут ребята. Школьники. Трое. Сапоги на одном огромные. Другой в треухе добротном заячьем. Третий солдатским ремнём затянут.

Подошли мальчишки, остановились. Смотрят на них фашисты. Не опускают пока автоматы.

— Партизаны?! — взвизгнул один из фашистов. Взвизгнул и сам смутился. Видит же он и другие видят — перед ними стоят ребята.

Отделился от мальчишек тот, что в треухе. Был он ростом чуть-чуть повыше. Шагнул к сараю. Рассмотрели фашисты за спиной у подростка что-то.

— Цурик! Назад! — закричали фашисты.

Остановился мальчишка. Ношу на землю сбросил. Смотрят фашисты — охапка лежит с дровами.

— Берите, — сказал мальчишка.

Вырвалось тут у солдат удивление:

— О-о-о! Гут! Карашо!

Опустили они автоматы! Дал подросток сигнал товарищам. Отошли на минуту двое. Отошли и тут же вернулись. И у этих охапки в руках с дровами.

Вспыхнул огонь в сарае. Потянуло теплом от дров. Греют руки солдаты, спины. Чуть ли не лезут в костёр с ногами.

Понравились им ребята. И тот, что в треухе заячьем, и тот — в сапогах огромных, и тот, что солдатским ремнём затянут.

Пылает костёр. Дрова, как сахар в горячем стакане, тают.

Показал на дрова тот, что в треухе, обратился к фашистам:

— Нох? Ещѐ?

— Нох! Нох! — закричали в ответ фашисты.

Ушли ребята. Где-то ходили. Вернулись снова. Снова дрова в руках. Сложили ребята дрова в сторонку. А тот, что в треухе, явился со связкой хвороста. Скинул он хворост — и прямо в костѐр всю связку. Ещѐ сильнее заметнулось пламя.

Побежало тепло ручьями. Довольны фашисты:

— О-о-о! Гут! Карашо!

Смотрят, а где же мальчишки? Сдуло их словно ветром.

Посмотрели солдаты на тьму, в ворота. И в ту же секунду раздался страшный взрыв. Разнёс он сарай, а с ним и фашистов. В связке хвороста были заложены две противотанковые мины.

Много отважных подвигов совершили под Москвой партизаны. Чем могли, помогали взрослым подростки и дети. Особенно тут, в Осташевском районе. Юным советским патриотам ныне памятник здесь стоит. В Осташеве. На площади. В самом центре.

ПАПКА

Погиб у Филиппки отец. В первые дни войны. В боях под городом Минском. Мал Филиппка — четыре года. Скрыла горе от сына мать.

Лезет Филиппка к матери:

— Наш папка воюет? Нас защищает? Фашистов бьѐт?

Прижмѐт женщина сына к груди крепче:

— Воюет, сыночек, воюет. Так точно, Филиппка, бьѐт.

Бежит по селу Филиппка:

— Наш папка фашистов бьѐт! Наш папка фашистов бьѐт!

Живѐт Филиппка в Московской области. Недалеко от города Рогачѐва.

Отполыхало военное лето. Осень пришла на смену. Навалилась беда на село, на округу. Чѐрной сворой прорвались сюда фашисты. Танки, пушки вошли в село.

— Славянское быдло! — кричат фашисты.

— Партизаны! — кричат фашисты.

Страшно Филиппке, прижмѐтся к матери:

— А где же папка? Спасѐт нас папка?

— Спасѐт, — отвечает женщина.

Шепчет Филиппка друзьям, соседям:

— Спасѐт нас папка, побьѐт фашистов...

Ждут не дождутся колхозники избавления. И вот радость как ветер в село ворвалась. Разбиты фашисты. Гонят наши врагов от Москвы на запад.

Скоро и здесь, под Рогачѐвом, послышался звук канонады.

— Папка идѐт! Папка идѐт! — закричал Филиппка.

Дождались колхозники светлого часа. Проснулся Филиппка как-то, узнаѐт: бежали фашисты, село свободно.

Бросился мальчик к матери:

— Папка пришѐл? Папка пришѐл?

— Пришѐл, — как-то тихо сказала мать.

— Где же папка?! — кричит Филиппка.

— Дальше пошѐл, сыночек...

Побежал Филиппка по сельской улице:

— Нас папка освободил! Нас папка освободил!

Повстречался Филиппке Гришка. В два раза старше Филиппки Гришка. Присвистнул Гришка:

— «Освободил»! Да он под Минском ещѐ убитый.

Насупился Филиппка. В кулачки собрались ручонки. На Гришку волчком смотрит. Какой убитый! Скажет же этот Гришка!

— Освободил! Освободил! — вновь закричал Филиппка.

Проходил здесь старик Тимофей Данилыч. Бросился мальчик к деду. Торопится, про отца, про Гришку ему рассказывает.

— Правда, папка побил фашистов?

Посмотрел дед на Филиппку, вспомнил про Минск, где грудью стал на пути у фашистов Филиппкин отец, другие места, где другие бойцы грудью, как камнем, стали.

— Правда, — сказал Тимофей Данилыч. Прижал он к себе Филиппку. — Без него, без отца твоего, не было бы нашей, сыночек, победы.

Побежал по селу мальчишка:

— Папка принѐс победу! Папка принѐс победу!

Кто же скажет: не прав Филиппка?

Не каждому выпало в той грозной войне дожить до великого Дня Победы. Но каждый, кто бился тогда с врагом под Брестом, под Минском, под Ленинградом, Одессой, под Севастополем, Киевом, Смоленском, Вязьмой, по всем просторам земли советской, — был частью великой победы нашей. Каждый — живой и мѐртвый.

Верно кричал Филиппка. Вырастет мальчик, по праву скажет: «Папка Родине нашей принѐс победу. Папка Родину нашу от рабства спас».

Слава вам, наши отцы и деды. Сыновний поклон героям.

Наступала стрелковая рота. Шагала, шагала она на запад. Устали бойцы от боёв, от военного грома. Дали солдатам отдых.

Расположилась рота в селе над Гжатыю. Спит подо льдом, под снегами Гжаты. Тишь сковала сейчас округу. Отгремели кругом бои. Явились солдаты в село под вечер. Разместились в уцелевших от боя избах. Уснули, как в детстве, блаженным сном.

Только уснули:

— Тревога! Тревога!

Гремит:

— Подъём!

Поднялись в момент солдаты. Полушубки — на плечи, винтовки — в руки. Снова в строю солдаты.

Оказалось, из наших тылов к своим долиной Гжати прорывалась какая-то часть фашистская. Вступили солдаты в бой. Окружили, разбили они фашистов.

Вернулись солдаты к покою, к избам.

Утром проснулись, прошли по улице. В деревне лишь трети домов. Лизнула деревню война огнём. Уходя, спалили две трети домов фашисты. Трубы торчат и печи.

В землянках, в ямах, чуть ли не в норах живут погорельцы. Смотрят солдаты на трубы, на печи, на ямы, норы. Кто-то сказал несмело:

— А ну-ка, братва, поможем!

Закипела кругом работа. Топоры, как дятел, носами в брёвна. Пилы бульдогом вцепились в сосны.

Из пепла, из снега поднялись избы. Трубы, как стражи, венчают крыши.

Завершили солдаты в селе работу. Осмотрели теперь округу. Вышли к замёрзшей Гжати. Сваи торчат из Гжати. Был здесь недавно мост.

Посмотрели солдаты на лёд, на сваи:

— А ну-ка, братва, наладим!

Закипела опять работа. День не прошёл, как снова доски легли над Гжатыю, перила схватились за оба берега.

Закончили мост солдаты. Снова идут округой. Смотрят — на взгорке школа. Вернее, то, что осталось теперь от школы.

Посмотрели солдаты на битый камень. Кто-то сказал несмело:

— А ну-ка, братва, докажем!

Закипела и здесь работа. Лихи солдаты в труде, в работе. Много умельцев в стрелковой роте. Снова школа на прежнем месте. Снова наряден взгорок.

Довольны солдаты. Идут в деревню. Пришли в деревню. Гремит команда:

— Стройся! Стройся! Закончен отдых!

Поязвонно стала в шеренгу рота.

— Смирно! Налево! Песню!

Шагнула стрелковая рота. Взылась над ротой песня. Зашагали солдаты в свою дивизию.

Явились они в дивизию. Генералу доклад о роте:

— Прибыла с отдыха рота.

— Как отдыхалось?

— Полный во всём порядок.

— А точнее?

Узнал генерал про бой с фашистами, про мост, про дома, про школу. Посмотрел генерал на солдат, на роту:

— Благодарю. Ну что ж, активный, выходит, отдых.

ЧАСТЬ

Рядовой Евстегнюк фашиста поймал на палец. Как карась на крючок, фашистский солдат на палец к бойцу попался. Вот как случилось это. Зима. Наступали наши. Был Евстегнюк в разведке. В разведке не в первый раз. Задание важное — нужно добыть «языка», то есть схватить кого-нибудь из фашистских солдат и невредимым доставить в часть.

Вышел солдат в разведку. Пересек незаметно передний край, перешёл через линию фронта, оказался в «гостях» у фашистов.

Вечер. Зимний. Ранний. Река Протва. Прорубь в Протве. Тропа. Ходят по этой тропе за водой фашисты. Тут у тропы и засел солдат. Поджидает боец добычу.

Только осторожны на редкость стали сейчас фашисты. Нет бы бежать к воде в одиночку. Ходят к воде с охраной.

Наблюдает за ними советский разведчик. Вот шагает один с ведром, следом другой — с автоматом. Вот трое прошли. Один с ведром, двое других с автоматами. Вот снова трое — один с ведром, с ручным пулемётом двое.

Таких не возьмёшь без шума.

Сидит Евстегнюк, выжидает. Час просидел, на исходе второй. Продрог Евстегнюк, промёрз. Коченеют спина и руки. Однако сидит выжидает. Знает: лишь упорных удача ждёт.

Дождлся разведчик своей минуты.

Видит — на тропе появился смелый. Без охраны бежит фашист. Перебирает ногами, торопится. Вот добежал до проруби. Зачерпнул фашист воду. Бежит назад. Тут и вырос перед ним Евстегнюк. Пытался схватить за горло, чтобы пикнуть солдат не мог. Да, видать, в темноте Евстегнюк промахнулся. Двинул

в этот момент головой фашист. Рот приоткрыл для крика. И вот угодил Евстегнюк гитлеровскому солдату пальцем прямо в открытый рот. Угодил, и в ту же секунду фашистский рот, как капкан, захлопнулся. У фашиста от страха случился шок. Сжались зубы, назад ни с места. Мёртвой хваткой схватили палец. Что же тут делать? Так и повёл через линию фронта советский разведчик фашиста в плен.

Прибыл разведчик в часть. Видят его солдаты. Не сразу поймут, в чём дело:

— Глянь, глянь — Евстегнюк за губу волочит фашиста!

И верно, издали кажется, что разведчик ведёт за губу солдата.

Узнав, в чём дело, смеялись до слёз солдаты:

— Евстегнюк караса поймал!

— Сом на крючок попался!

Пытались солдаты челюсти разжать у фашиста. Старались и так и этак.

— Щипом, щекоткой его возьми!

— Штыком надави!

— Дёрни за нос, за ухо!

Бьются солдаты. Не растянут упрямые челюсти. Хоть волокни домкрат.

Стоит Евстегнюк под обстрелом смешков солдатских. Ситуация — глупее не может быть. Рука с зажатым пальцем, как назло, у солдата правая. Ни честь отдать начальству. А вдруг как тревога! А вдруг как бой! Будь ты проклят, «язык» фашистский!

Кончилось тем, что повели к врачам в медсанбат солдата. Тут и разжали фашисту пасть.

Довольны солдаты:

— Ура! Разжали!

Нашёлся один смекалистый:

— Не эта важна. Не эта. Завеслись на Москву фашисты. Вот какую разжали пасть!

«КАКОЙ РОД ВОЙСК СРАЖАЕТСЯ?»

Наступают советские войска. Бьют фашистов с востока, с севера, с юга. Несокрушимо идут вперёд.

Приехал как-то командующий Западным фронтом генерал армии Жуков вместе со штабными офицерами к переднему краю боя. Смотрит, как наступают войска, любитесь.

— Молодцы, молодцы! — приговаривает.

Смотрел-смотрел и вдруг к офицерам, стоявшим рядом:

— Какой род войск сражается?

В это время с криком «Ура!» как раз устремилась вперёд пехота.

— Пехота, — ответили офицеры, — товарищ командующий. Пехота — матушка полей.

— Верно, верно, пехота, — соглашается Жуков.

Постоял-постоял и снова:

— Так какой же род войск дерётся?

Переглянулись офицеры. Разве неверно они ответили?

В это время как раз усилила огонь артиллерия. Хорошо, отлично стреляют советские пушки. Нет фашистам от них пощад. А вот и «катюши» послали залп. Метнули металл и пламя. Сровняли с землёй фашистов.

Повернулся Жуков к офицерам, ждёт, что ответят ему.

— Артиллерия, товарищ командующий! — крикнули офицеры. — Ар-тиллерия — бог войны.

— Верно, верно, артиллерия, — соглашается Жуков.

Продолжает следить за боем.

— Эх, молодцы, эх, молодцы! — И снова к офицерам с тем же вопросом: — Так какой же род войск дерётся?

Пожали офицеры плечами. Как же понять командующего? Разве ошиблись они в ответе? Видят офицеры — ждёт генерал ответа. Загрохотали в это время советские танки. Железным потоком пошли вперёд.

— Танки, товарищ командующий! Танки! — крикнули офицеры.

— Верно, танки, — соглашается Жуков. — Орлы, молодцы танкисты!

Любуется сокрушительным натиском генерал. Постоял-постоял и снова:

— Так какие войска сражаются?

Стоят офицеры в недоумении. Притихли, не рвутся вперёд с ответом.

В это время как раз начали атаку советские самолёты. Ухнули молотом бомбы. Земля устремилась к небу.

— Ну, ну, — ожидает ответа Жуков.

— Авиация, — кто-то сказал несмело. — Авиация, товарищ командующий. Наши воздушные соколы.

— Верно, — соглашается Жуков. — Слава советским соколам.

— Наклонился к своим офицерам и тихо: — Так какой же род войск дерётся?

Сбились с толку совсем офицеры. Не знают, что и ответить. Выждал минуту Жуков. Показал рукой на штурмующих.

— Непобедимый, — сказал, улыбаясь, Жуков.

Победным шагом идут войска. Давят они фашистов.

11 тысяч населённых пунктов освободила Советская Армия в боях под Москвой. Разгромила 38 фашистских дивизий. Во

всей Европе не было силы, которая могла бы нанести поражение гитлеровцам. И вот оказалась такая сила — наша Советская Армия. На 100, а во многих местах и на 250 километров отогнали от Москвы наши войска захватчиков. Великая битва под Москвой закончилась сокрушительным разгромом фашистов.

Стоит Жуков, смотрит, как наступают войска. Любуется.

— Так какой же род войск сражается? — переспросил командующий у офицеров.

— Непобедимый! — ответили дружно ему офицеры.

РАССКАЗЫ О ВЕЛИКОМ СРАЖЕНИИ НА БЕРЕГАХ ВОЛГИ

«НИ ШАГУ НАЗАД!»

Третий месяц идут упорные, кровопролитные бои на юге. Горит степь. Сквозь огонь и дым фашисты рвутся к Сталинграду, к Волге.

Шло сражение на подступах к Сталинграду. 16 солдат-гвардейцев вступили в неравный бой.

— Ни шагу назад! — поклялись герои.

Бросились фашисты в атаку. Удержали рубеж гвардейцы. Перевязали друг другу раны, снова готовы к бою.

Второй раз в атаку идут фашисты. Их больше теперь, и огонь сильнее. Стойко стоят гвардейцы. Удержали опять рубеж. Перевязали друг другу раны. Снова готовы к бою.

Четыре атаки отбили солдаты.

Не взяла смельчаков пехота, поползли на героев фашистские танки.

С танками бой — жесточайший бой.

Вот из шестнадцати двенадцать бойцов осталось.

— Ни шагу назад!

Вот десять, вот девять.

— Ни шагу назад!

Вот восемь, вот семь.

Запомните их фамилии — Кочетков, Докучаев, Гуцци, Бурдов, Степаненко, Чирков, Шуктомов.

А танки ползут и ползут. Нет у солдат ни пушек, ни противотанковых ружей, ни миномётов. Кончились даже патроны.

Бьются солдаты. Ни шагу назад! А танки всё ближе и ближе.

Остались у героев одни гранаты. По три на солдата.

Посмотрел Докучаев на танки, на боевых друзей, на свои три гранаты. Посмотрел. Снял с гимнастёрки ремень. Ремнём затынул гранаты. На руке почему-то взвесил. Посмотрел ещё раз на Гуццина, Бурдова — они были его соседями по окопу. Улыбнулся друзьям Докучаев. И вдруг поднялся солдат из окопа.

— За Родину! — крикнул герой. Бросился вперёд навстречу

врагу. Прижал крепче к груди гранаты. Рванулся под первый танк.

Вздрогнула степь от взрыва. Качнулись опалённые боем травы. Замер, вслыхнул фашистский танк.

Переглянулись Гуцин и Бурдов. Храбрость рождает храбрость. Подвиг рождает подвиг. Поднялся Гуцин. Поднялся Бурдов. Связки гранат в руках.

— Нас не возьмёшь! — прокричали солдаты.

Рванулись вперёд герои. Два взрыва качнули землю. А танки идут и идут.

Поднялись тогда Кочетков, Степаненко, Чирков, Шуктомов:

— Свобода дороже жизни!

Вот они четверо — на огненном рубеже. Навстречу фашистским танкам идут герои.

— Смерть фашистам! Захватчикам смерти!

Смотрят фашисты. Люди идут под танки. Взрыв. Ещё взрыв. Снова и снова взрыв. Страх охватил фашистов. Попятились танки, развернулись, поспешно ушли отсюда.

Отгремели бои пожаром. Время бежит, как ветер. Годы текут, как реки. Но память хранит былое. Посмотрите туда, на поле. Как утёсы, как скалы стоят герои. Бессмертен их славный подвиг. Запомните их фамилии — Кочетков, Докучаев, Гуцин, Бурдов, Степаненко, Чирков, Шуктомов.

ТРИДЦАТЬ ТРИ БОГАТЫРЯ

Их было 33. Как в сказке. 33 богатыря. 33 отважных советских солдата. Западнее Сталинграда защищали бойцы важную высоту. Не смогли здесь фашисты вперёд прорваться. Обошли высоту фашисты. Попали бойцы в окружение.

Не дрогнули смельчаки, 27 танков подбили в бою герои. Уничтожили 150 фашистов.

Кончились боеприпасы. Прорвались солдаты сквозь окружение. Вернулись к своим войскам. Все оказались целы, все невредимы. Лишь один рядовой Жезлов неопасно осколком ранен.

Обступили солдаты героев. Интересно узнать подробности. Вот стоит Семён Калита. Отличился в бою Калита. Первым уничтожил фашистский танк.

— А ну, Расскажи, Расскажи про героизм, — атаковали его солдаты.

Засмутился Семён Калита:

— Да я... Да что я... Вот Иван Тимофеев. Вот это да. Вот это герой.

И это верно — рядовой Иван Тимофеев уничтожил два неприятельских танка.

Повернулись солдаты к Ивану Тимофееву:

— А ну, Расскажи, Расскажи про героизм.

Засмутился Иван Тимофеев:

— Да я... Да что я... Вот Владимир Пасхальный — вот кто герой. Вот кто лучше других сражался.

И верно. Младший сержант Владимир Пасхальный три фашистских танка вывел из строя. Вот кто герой, конечно.

Не отпускают солдаты Пасхального:

— Ну, ну, Расскажи про подвиг.

Засмутился Владимир Пасхальный:

— Да я... Да что я... Вот товарищ младший политрук Евтифеев — вот кто из героев герой настоящий.

И верно. Младший политрук Евтифеев подбил четыре фашистских танка. Поражаются солдаты:

— Вот это да!

— Вот так стрелок!

— Провёл, выходит, среди фашистов политбеседу!

Окружили солдаты политрука:

— Товарищ Евтифеев, расскажи про героизм.

Усмехнулся Евтифеев, начал рассказывать.

Рассказал о героях: о младшем сержанте Михаиле Мингалеве, о солдате Николае Власкине, о старшине Дмитрие Пуказове и о других бойцах.

— Про себя, про себя! — закричали солдаты.

Засмутился Евтифеев.

— Да я... — Глянул вокруг, увидел Семёна Калиту, того, кто первым подбил неприятельский танк: — Вот пусть вам Семён Калита про себя расскажет. Он всему положил начало...

Сталинград. Штаб Сталинградского фронта. Командующий фронтом генерал-полковник Андрей Иванович Ерёмченко.

Доложили о подвиге 33-х отважных генералу Ерёмченко:

— Товарищ командующий, подбили двадцать семь танков. Живыми назад вернулись.

— Двадцать семь?

— Так точно, двадцать семь.

— Герои, — сказал Ерёмченко, — герои. — Помолчал, добавил: — А то, что смерть победили, что жизнь сберегли, — дважды они герои. Богатыри!

33 советских богатыря — так и окрестили солдаты героев прославленной высоты. А вскоре и награды пришли к героям. Ордена и медали засверкали у них на груди.

«ГВОЗДИЛЬНЫЙ ЗАВОД»

Бои шли на улицах Сталинграда. Недалеко от вокзала в подвале одного из домов солдаты обнаружили склад с гвоздями. «Гвоздильный завод» — в шутку называли солдаты дом.

Вместе с другими здесь сражалась группа солдат во главе с младшим лейтенантом Колегановым. Не всё здание находилось у советских воинов. Часть у фашистов. Глухая стена разделяла две половины.

Стреляют бойцы из окон. Ведут огонь на три стороны. Четвёртая — и есть та глухая стена, которая отделяет их от фашистов. Спокойны солдаты за эту сторону. Стена кирпичная, толстая, ни окон нет, ни дверей. Хорошо за плечами такую защиту

чувствовать. Среди солдат — Василий Кутейкин. И ему хорошо оттого, что стена защищает сзади.

И вдруг от страшного взрыва качнулся дом. Это фашисты подорвали глухую стену. Едва улеглась пыль — показался огромный проём в стене. Только рассмотрели его бойцы, как оттуда, с фашистской стороны, полетели в советских солдат гранаты.

Вот уже первая с шумом коснулась пола. Вот сейчас последует взрыв. Упала граната рядом с Кутейкиным. Солдат побледнел, зажмурился. Ждёт, а взрыва всё нет. Приоткрыл он глаза. Видит — схватил младший лейтенант Колеганов гранату, размахнулся и бросил назад в проём, то есть вернул фашистам. Там и раздался взрыв.

Улыбнулся Кутейкин. Полегчало на сердце. И вдруг видит — вторая летит граната. И снова прямо к нему, к Кутейкину. Вновь побледнел солдат, снова зажмурился. Ждёт он бесславной смерти. «Раз, два, три», — про себя считает. А взрыва всё нет. Открыл Кутейкин глаза — взрыва нет и гранаты нет. Это рядовой Кожушко по примеру младшего лейтенанта Колеганова схватил гранату и тоже бросил назад к фашистам. Удачлив Кутейкин. Минует солдата смерть.

Посмотрел Кутейкин на младшего лейтенанта Колеганова, на рядового Кожушко. И вдруг ушла из сердца минутная робость. Неловко бойцу за себя. Сожалеет, что это Кожушко, а не он подхватил гранату. Даже желает, чтобы прилетела ещё одна. Смотрит — и вправду летит граната.

— Моя! — закричал Кутейкин.

Бросился ей навстречу:

— Не подходи — моя!

Схватил гранату и тут же её туда — к фашистам за стену. Секундой позже подвиг Колеганова, Кожушко и Кутейкина повторили старшина Кувишинов и рядовой Пересветов.

Подбежали солдаты затем к проёму. Открыли огонь из винтовок и автоматов. Когда закончился бой и утихли выстрелы, подошли, заглянули бойцы в проём.

Там, громоздясь один на другого, валялись десятки фашистских трупов.

— Да, нагвоздили, — произнёс младший лейтенант Колеганов.

Улыбнулись солдаты:

— Так ведь «гвоздильный завод».

Много в Сталинграде таких заводов. Что ни дом, то для фашистов «завод гвоздильный».

Лежал он без стога, без крика, без плача. Ранен в бою солдат. Кровь сквозь рубаху на пол сочится.

Окраина Сталинграда. Полуразрушенный дом. Третий этаж. Лежит на полу солдат.

Сражался солдат в составе родного стрелкового взвода. Обороняли вот этот дом. Вдруг прибыл приказ занять бойцам по соседству другие позиции. Двинулись войны к новому месту. Солдат прикрывал переход. Покинули дом боевые друзья. Сделал выстрел последний солдат. Хотел устремиться за всеми следом. В эту минуту его и ранило. Вскрикнул. Согнулся. Упал солдат.

Лежат на полу солдат. Из раны на пол кровь сочится.

Утихает за окнами бой. Передвинулась дальше стрельба — туда, куда ушли боевые товарищи.

Лежит на полу солдат, друзей боевых вспоминает.

Вот Вася Сидоркин. Родом они из одного заводского посёлка. Вместе на фронте с первого дня войны. Отходили по огненным дорогам тогда солдаты. В бою под Минском был ранен боец. Вынес с поля боя, увёз от смерти друга тогда Сидоркин.

Вот ефрейтор Семён Капусто. Под Вязьмой вместе они сражались. Попали бойцы в окружение. Недельку снегами брели по ночам к своим. Одним на двоих сухарём питались.

Вот Такен Токобаев. Это с Такеном они вдвоём привели «языка» под Можайском. Породнила судьба солдат. Вместе вручили героям тогда медали.

Вот Самойлов, Ильин, Головин. Вместе громили фашистов они под Москвой. Испытали радость победы вместе.

Лежит на полу солдат, друзей боевых вспоминает. До слёз обидно лежать солдату. Там где-то дальше на улице бой. Там в смертной схватке с врагами сошлись товарищи. Как же помочь друзьям?

Приподнялся солдат. Но тут же от боли вскрикнул. Опять опустился на пол. Прошла минута. Вновь приподнялся. Боль пересилил. Встал. Сделал шаг, сделал два к окну. Взял винтовку. Высунул дуло в проём окна. Выбрал цель. Нажал на курок. Щёлкнул курок, и только. Прикрывая своих, растратил воин последние патроны. Нечем сражаться солдату.

Опустился боец на пол. Покидают солдата последние силы. Всё сильнее сочится кровь.

Лежит на полу солдат, друзей боевых вспоминает. Всё громче и громче слышна стрельба. Нелегко там сейчас товарищам. Чем же отвлечь фашистов?

Глянул боец на раны. На рубаху. И вдруг мысль осевила солдата. Собрал он последние силы. Рванул гимнастерку. Ски-

нул рубаху. Оторвал от рубахи солдат полотнище. Провёл им по ранам. Цветёт кумачом полотнище. Покрылось солдатской кровью.

Подобрался солдат к окну. К винтовке, к штыку прикрепил материю. Высунул штык в окно. Рубином зажглось полотнище. Затрепетало оно по ветру. Заиграло, забило в небо.

Не ошибся солдат. Увидев красное знамя, вновь повернули сюда фашисты. Забили опять снаряды. Задокали снова пули.

Не утих, продолжается бой у дома. Реет над домом красное знамя. Рубином фашистов бьёт. Где-то за домом гремит «Ура!». Это в атаку идут товарищи. Но не видел, не слышал того солдат. Закончил свой путь боевой солдат. До конца исполнил свой долг солдатский.

Лежал на полу солдат. А рядом знамя, как часовой, стояло.

БУЛЬ-БУЛЬ

Не стихают бои в Сталинграде. Рвутся фашисты к Волге. Обозлил сержанта Носкова какой-то фашист. Траншеи наши и гитлеровцев тут проходили рядом. Слышна из окопа к окопу речь.

Сидит фашист в своём укрытии, выкрикивает:

— Рус, завтра буль-буль!

То есть хочет сказать, что завтра прорвутся фашисты к Волге, сбросят в Волгу защитников Сталинграда.

Сидит фашист, не высовывается. Лишь голос из окопа доносится:

— Рус, завтра буль-буль. — И уточняет: — Буль-буль у Вольга.

Действует это «буль-буль» на нервы сержанту Носкову.

Другие спокойны. Кое-кто из солдат даже посмеивается. А Носков:

— Эка ж, проклятый фриц! Да покажись ты. Дай хоть взглянуть на тебя.

Гитлеровец как раз и высунулся. Глянул Носков, глянули другие солдаты. Рыжеват. Осповат. Уши торчком. Пилотка на темени чудом держится.

Высунулся фашист и снова:

— Буль-буль!

Кто-то из наших солдат схватил винтовку. Вскинул, прицелился.

— Не трожь! — строго сказал Носков.

Посмотрел на Носкова солдат удивлённо. Пожал плечами. Отвёл винтовку.

До самого вечера каркал ушастый немец: «Рус, завтра буль-буль. Завтра у Вольга».

К вечеру фашистский солдат умолк.

«Заснул», — поняли в наших окопах. Стали постепенно и наши солдаты дремать. Вдруг видят, кто-то стал вылезать из окопа. Смотрят — сержант Носков. А следом за ним лучший его дружок рядовой Турянчик. Выбрались дружки-приятели из окопа, прижались к земле, поползли к немецкой траншее.

Проснулись солдаты. Недоумевают. С чего это вдруг Носков и Турянчик к фашистам отправились в гости? Смотрят солдаты туда, на запад, глаза в темноте ломают. Беспокоиться стали солдаты.

Но вот кто-то сказал:

— Братцы, ползут назад.

Второй подтвердил:

— Так и есть, возвращаются.

Всмотрелись солдаты — верно. Ползут, прижавшись к земле, друзья. Только не двое их. Трое. Присмотрелись бойцы: третий солдат фашистский, тот самый — «буль-буль». Только не ползёт он. Волокут его Носков и Турянчик. Кляп во рту у солдата.

Притащили друзья крикуна в окоп. Передохнули и дальше в штаб.

Однако дорогой сбежали к Волге. Схватили фашиста за руки, за шею, в Волгу его макнули.

— Буль-буль, буль-буль! — кричит озорно Турянчик.

— Буль-буль, — пускает фашист пузыри. Трясётся, как лист осиновый.

— Не бойся, не бойся, — сказал Носков. — Русский не бьёт лежачего.

Сдали солдаты пленного в штаб.

Махнул на прощанье фашисту Носков рукой.

— Буль-буль, — прощаясь, сказал Турянчик.

МАМАЕВ КУРГАН

Лейтенант Чернышов красавец. Брови дугой, как месяц. Кудри черны, как смоль.

14 сентября 1942 года. С новой силой фашисты идут в атаку. Семь дивизий штурмуют город. Три тысячи орудий ведут огонь. Пятьсот фашистских танков железной ползут лавиной.

Особенно кровопролитные бои идут за Мамаев курган. Мамаев курган — самая высокая точка в городе. Видно отсюда далеко-далеко. Видно и Волгу, и степи, и левый заводжский берег.

Уже несколько раз вершина кургана переходила из рук в руки. То теснят фашисты наших бойцов, то прорвутся к вершине наши. То держат вершину наши. То вновь у фашистов она в руках. Пять раз водил солдат в атаку лейтенант Чернышов. Брови дугой, как месяц. Кудри черны, как смоль.

Начинает Чернышов шестую атаку, а сам вспоминает первую.

Добежали тогда бойцы почти до вершины. Шли перебежками. Залегали. Переживали страшный огонь противника.

Поднимались и снова бежали вперёд.

— Вперёд! Вперёд! — до хрипоты, обезумев, очумев от боя, кричал лейтенант Чернышов.

Вновь залегли солдаты. Переждал лейтенант Чернышов и опять:

— Вперёд!

Лежат солдаты, не поднимаются.

— Вперёд! — кричит Чернышов. Схватил автомат, тронул дулом одного, второго. — Вперёд!

Лежат солдаты.

Подкатила здесь к сердцу злость. Перекосилось лицо от крика. Саблей сломались брови. Скулы корёжат рот.

— Вперёд! — кричит лейтенант Чернышов.

Лежат солдаты.

Вдруг объявился рядом с лейтенантом сержант Куценко.

— Они же мёртвые, товарищ лейтенант, — тихо сказал Куценко.

Вздрогнул лейтенант Чернышов, глянул кругом, на курган, на солдат. Понял — солдаты мёртвые. Живы только они вдвоём — он, Чернышов, и сержант Куценко. Отошли назад с высоты к своим.

Здесь внизу у кургана назначили Чернышова командовать новой группой. Снова в атаку ходил Чернышов. Вновь захлебнулась в крови атака. Не достигли они вершины ни в третий, ни в четвёртый, ни в пятый раз.

Ночь наступила. Вся ночь в атаках. А когда забрезжил рассвет — страшно взглянуть кругом. Склоны кургана в солдатских трупах. Словно, устав в походе, прилегли на часок солдаты. Сыграй им побудку — сейчас проснутся.

Не проснутся уже солдаты. Сном непробудным спят.

— В атаку! — снова прошла команда.

Снова к вершине ведёт Чернышов солдат. «Эх, силы бы свежей, силы!» Вдруг слышит — раскатом грома гремит «Ура!». «Что бы такое?» Решает — причудилось. Обернулся. К кургану подходят свежие роты. В шеренгах бойцы как литые: один к одному по мерке. Это из-за Волги с левого берега пришли на

помощь гвардейцы из 13-й гвардейской стрелковой дивизии генерала Родимцева.

— Ура! Ура!

Влетели бойцы на вершину. Как волны в прибой, ударили. В наших руках вершина.

Стоит на вершине лейтенант Чернышов. Рядом стоят солдаты. Тут же сержант Куценко. Смотрят на Волгу, на дальние дали, на левый заволжский берег.

— Всё же наша взяла, — произнёс лейтенант Чернышов и вдруг по-детски радостно рассмеялся. Скинул пилотку. Вытер пилоткой вспотевший лоб.

Поднял на Чернышова глаза Куценко. Что-то хотел сказать, да так и застыл. Смотрит: где же лейтенантские чёрные кудри? Как лунь, в седине голова Чернышова. Лишь брови всё так же дугой, как месяц.

ЗЛАЯ ФАМИЛИЯ

Стеснялся солдат своей фамилии. Не повезло ему при рождении. Трусов его фамилия.

Время военное. Фамилия броская.

Уже в военкомате, когда призывали солдата в армию, — первый вопрос:

— Фамилия?

— Трусов.

— Как-как?

— Трусов.

— Д-да... — протянули работники военкомата.

Попал боец в роту.

— Как фамилия?

— Рядовой Трусов.

— Как-как?

— Рядовой Трусов.

— Д-да... — протянул командир.

Много бед от фамилии принял солдат. Кругом шутки да прибаутки:

— Видать, твой предок в героях не был.

— В обоз при такой фамилии!

Привезут полевую почту. Соберутся солдаты в круг. Идёт раздача прибывших писем. Называют фамилии:

— Козлов! Сизов! Смирнов!

Всё нормально. Подходят солдаты, берут свои письма.

Выкрикнул:

— Трусов!

Смеются кругом солдаты.

Не вяжется с военным временем как-то фамилия. Горе солдату с этой фамилией.

В составе своей 149-й отдельной стрелковой бригады рядовой Трусов прибыл под Сталинград. Переправили бойцов через Волгу на правый берег. Вступила бригада в бой.

— Ну, Трусов, посмотрим, какой из тебя солдат, — сказал командир отделения.

Не хочется Трусову оскандалиться. Старается. Идут солдаты в атаку. Вдруг слева застрочил вражеский пулемёт. Развернулся Трусов. Из автомата дал очередь. Замолчал неприятельский пулемёт.

— Молодец! — похвалил бойца командир отделения.

Пробежали солдаты ещё несколько шагов. Снова бьёт пулемёт. Теперь уже справа. Повернулся Трусов. Подобрался к пулемётчику. Бросил гранату. И этот фашист утих.

— Герой! — сказал командир отделения.

Залегли солдаты. Ведут перестрелку с фашистами. Кончился бой. Подсчитали солдаты убитых врагов. Двадцать человек оказалось у того места, откуда вёл огонь рядовой Трусов.

— О-о! — вырвалось у командира отделения. — Ну, брат, злая твоя фамилия. Злая!

Улыбнулся Трусов.

За смелость и решительность в бою рядовой Трусов был награждён медалью.

Висит на груди у героя медаль «За отвагу». Кто ни встретит — глаза на награду скосит.

Первый к солдату теперь вопрос:

— За что награждён, герой?

Никто не переспросит теперь фамилию. Не хихикнет теперь никто. С ехидством словцо не бросит.

Ясно отныне бойцу: не в фамилии честь солдатская — дела человека красят.

ДАНКО

Данко — сказочный герой одного из рассказов Максима Горького. Спасая людей в тёмном лесу, Данко вырвал из своей груди сердце. Вспыхнуло сердце ярким пламенем, осветило дорогу людям.

Сталинград необычный город. Длинной полосой на 65 километров протянулся он с севера на юг вдоль правого берега Волги.

К исходу сентября 1942 года наиболее грозные бои развернулись в северной части города. Тут заводской район. Вот завод «Красный Октябрь», вот «Баррикады», а вот и знаменитый Ста-

линградский тракторный. Гордились сталинградцы своими заводами, славой своей рабочей. Сюда в заводской район и рвались теперь фашисты. С утра до вечера гудела здесь страшная битва. Сила ломилась силу. Упорство сошлось с упорством.

От страшного дыма, огня и пыли день превращался в ночь. От бескрайних почных пожаров ночь превращалась в день.

Ничем особо не приметен комсомолец матрос Михаил Паникаха. Роста среднего. Силы средней. Матрос как матрос. Бескозырка. Тельняшка. Правда, матросские клёши убраны в сапоги.

Михаил Паникаха морской пехотинец. Вместе со своим батальоном он сражался здесь в заводском районе.

Бросили фашисты против морских пехотинцев танки. Завязался неравный бой.

У танков броня, пушки и пулемёты. У матросов одни гранаты. И те на исходе.

Михаил Паникаха сидел в окопе. Как и все, отбивался от пулемётов, брони и пушек. Но вот наступил момент — нет у Паникаха больше гранат. Осталось лишь две бутылки с горючей смесью. А танки идут и идут. И бою конца не видно.

Один из танков движется прямо на Паникаха. Не уйти от судьбы солдату. В схватке сошлись человек и сталь.

Прижался матрос к окопу. Подпускает поближе танк. Держит в руках бутылку с горючим. Приготовился. Лишь бы не промахнуться. Лишь бы попасть. Вот и рядом фашистский танк. Приподнялся матрос в окопе. Занёс бутылку над головой, только хотел швырнуть в стальную громаду, как вдруг ударила пуля в стекло. Разлетелась на осколки бутылка. Воспламенилась жидкость, хлынула на Паникаха. Мгновение — и факелом вспыхнул матрос.

Замерли люди. Замерло небо. Остановилось на небе солнце... Остальное случилось в одну секунду.

— Нет, не пройти фашистам! — прокричал матрос.

Схватил Паникаха вторую бутылку с горючей смесью. Живым пламенем выскочил из окопа. Подбежал к фашистскому танку. Занёс бутылку. Ударил по решётке моторного люка. Взорвался, поперхнулся фашистский танк. К небу брызнул огонь фонтаном.

Давно отгремели бои. Разошлись по домам солдаты. Много стёрла память. Но бессмертны дела бесстрашных. Живёт, не старея, память о подвиге Паникаха.

Сталинградский Данко — называли его товарищи. Таким он вошёл в историю.

Удивителен этот дом. Стоял он в городе, в самом центре. Бомбили его фашисты. Стоял, не сдавался дом. Прямой наводкой из пушек в него стреляли. Стоял, не сдавался дом. Миномётным огнём, словно дождём, поливали фашисты дом. Стоял он, как дуб на ветру, не сдавался. Не пал на колени дом.

Защищали его солдаты огромной твоей страны. Здесь русский рядом стоял с казаком. Вместе бились украинец, грузин, узбек. Абхазец, таджик, татарин воду из общей фляжки пили.

Соберутся, бывало, солдаты в недолгий момент затишья. Присядут в солдатский круг.

О просторах родной России, о далёкой любимой лесной стороне вспоминает боец Александров. О шире казахских родных степей вспоминает казах Мурзаев. В общем союзе советских республик расцветает родная Татария. О милой Казани, о Казанке-реке речь заводит татарин Рамазанов. Высоки на Пампире горы. Бездонны в горах ущелья. О милых сердцу, родных горах песнь запекает таджик Турдыев. Могуч, и широк, и приволен Днепр. Об Украине родной, о её колосистых полях и нивах украинца Глуценко думы. О ласковом солнце, о ласковом ветре, о ласковом небе, о ласковом море вспоминает грузин Мосиашвили. Родные арыки и белого хлопка поля представляет узбек Тургунов.

Вот такая твоя страна. Вот такая она огромная. Стоит в Сталинграде дом, не дом, а целый союз советских республик.

Русский, татарин, грузин, узбек за общую родину бьются.

Здесь на Волге решается всё: судьба Украины, судьба Кавказа, участь родной земли. Знают об этом солдаты. В общем строю солдаты.

Обжились солдаты в доме. Даже баню в подвале себе устроили.

— Сандуны! Сандуны! — смеются солдаты. (Сандуны — это московская лучшая баня.)

— Гочило! Гочило! (Это тбилисская лучшая баня.)

Хорошо помыться солдатам в бане. На десять сражений вперёд зарядка. Кричат фашистам:

— А ну к нам в баню!

Молчат фашисты. Боятся бани.

Второй месяц атакуют фашисты дом. Изводят батальоны свои и роты. Стоит, не дрогнет упрямый дом. Кинжальным клином в оборону фашистов врезался.

По траншеям, по скрытым ходам сообщений нет-нет да приходят к солдатам гости. То разведчики, пробираясь в тылы к

фашистам, задержатся тут на минутку. То минёры пройдут, то отряд миномётчиков.

— Как тут у вас, гарнизон, дела?

— Служба идёт, и солдат не дремлет, — отвечают бойцы с достоинством.

Стоит на виду у фашистов дом. Как мозоль на ступне, как бельмо на глазу. Не даёт он врагам покоя. Начинают фашисты атаку.

— Не возмёшь! — отвечают бойцы фашистам.

— За Советскую нашу Родину! — открывают огонь по врагам.

— За наш нерушимый великий Союз! — И летят во врагов гранаты.

— За то, чтобы цвести державе!

— За свободу!

— За радость встреч!

— За Родину нашу — страну Россию!

Бьются в общем строю солдаты. Стоит нерушимо дом. За атакой идёт атака. Отбивают бойцы атаки.

Оборону знаменитого сталинградского дома возглавляли лейтенант Иван Афанасьев и сержант Яков Павлов. По имени Героя Советского Союза сержанта Якова Федотовича Павлова часто этот дом называют Домом Павлова. Однако у дома есть и второе имя. Домом солдатской дружбы окрестили его солдаты.

Идёт с фашистами бой-сражение.

— Огонька им, ребята. Побольше! Побольше! — командует сержант Яков Павлов. — Чтобы знали, чтобы не забывали, чья эта улица, чей это дом.

СТАЛИНГРАДСКАЯ ОБОРОНА

Защищают советские войска Сталинград. Отбивают атаки фашистов.

Армией, оборонявшей центральную и заводскую часть города, командовал генерал-лейтенант Василий Иванович Чуйков. Чуйков — боевой, решительный генерал.

Наступая в западном районе, фашисты прорвались к командному пункту штаба армии. До противника триста метров. Вот-вот и ворвутся сюда фашисты.

Забеспокоились штабные офицеры и адъютанты.

— Товарищ командующий, противник рядом, — доложили Чуйкову.

— Вот и прекрасно, — сказал Чуйков. — Он как раз нам и нужен.

Узнали солдаты боевой ответ генерала. Бросились на фашистов, уничтожили неприятеля.

Рядом с командным пунктом Чуйкова находился нефтяной склад. На территории склада — открытый бассейн с мазутом. Разбомбили фашистские самолёты бассейн, подожгли мазут. Устремился огненный поток в сторону командного пункта. Дым не стихает пожарище. Дым не стихает пожарище. Неделью над пунктом и пекло, и чад, и ад.

Вновь беспокоятся адъютанты:

— Опасно, товарищ командующий, — рядом огонь!

— Вот и отлично, — сказал Чуйков. Глянул на дым, на огонь. — Прекрасная, товарищи, маскировка.

Бои идут совсем рядом со штабом Чуйкова. Так близко, что даже, когда приносят сюда еду, в котелках и тарелках то и дело бьются осколки мин и снарядов.

Прибежал к Чуйкову штабной повар Глинка:

— Товарищ генерал, да где это видано — осколки в тарелках, мины в каше, снаряды в супе!

Усмехнулся командарм:

— Так это же прекрасно, Глинка. Это же боевая приправа. Фронтовой витамин на злость.

— «Витамины!» — пробурчал Глинка.

Однако ответ понравился. Рассказал он другим солдатам. Довольны солдаты — боевой у них генерал.

Командует Чуйков армией, защищающей, обороняющей Сталинград. Однако считает, что лучшая оборона — это атака. Атакует всё время Чуйков противника. Не даёт фашистам покоя.

Прибыла в распоряжение Чуйкова новая дивизия. Явился командир дивизии к командующему, ждёт указаний. Соображает, где, в каком месте прикажут занять ему оборону. Вспоминает устав и наставления — как, по науке, лучше стоять в защите.

Склонился Чуйков над картой. Рассматривает, приговаривает: «Так, так, где же вам лучше занять оборону? И тут дыра. И тут нужны. И эти спасибо скажут!» Взял наконец карандаш, поставил кружок, от кружка провёл стрелку.

— Вот здесь, — сказал, — завтра вместе с соседом справа начнёте атаку. Цель — уничтожить скопление врага и выйти вот к этой отметке.

Глянул командир дивизии на генерала:

— Так это, выходит, целое наступление, товарищ командующий. А не оборона.

— Нет, оборона, — сказал Чуйков. — Сталинградская оборона.

Чуйков — атакующий, наступательный генерал. Во многих

сражениях Великой Отечественной войны участвовал генерал. В 1945 году возглавляемые им войска одними из первых вошли в Берлин.

Ныне Василий Иванович Чуйков Маршал Советского Союза.

ГЕННАДИЙ СТАЛИНГРАДОВИЧ

В сражающемся Сталинграде, в самый разгар боёв, среди дыма, металла, огня и развалин солдаты подобрали мальчика. Мальчик крохотный, мальчик-бусинка.

— Как тебя звать?

— Гена.

— Сколько ж тебе годов?

— Пять, — важно ответил мальчик.

Пригрели, накормили, приютили солдаты мальчишку. Забрали бусинку в штаб. Попал он на командный пункт генерала Чуйкова.

Смышлёным был мальчик. Прошёл всего день, а он уже почти всех командиров запомнил. Мало того, что в лицо не путал, фамилии каждого знал и даже, представьте, мог назвать всех по имени-отчеству.

Знает кроха, что командующий армией генерал-лейтенант Чуйков — Василий Иванович. Начальник штаба армии генерал-майор Крылов — Николай Иванович. Член Военного совета армии дивизионный комиссар Гуров — Кузьма Акимович. Командующий артиллерией генерал Пожарский — Николай Митрофанович. Начальник бронетанковых войск армии Вайнруб — Матвей Григорьевич.

Поразительный был мальчишка. Смелый. Сразу пронюхал, где склад, где кухня, как штабного повара Глинку по имени-отчеству зовут, как величать адъютантов, связных, посыльных.

Ходит важно, со всеми здоровается:

— Здравствуйте, Павел Васильевич!..

— Здравствуйте, Аткар Ибрагимович!..

— Здравия желаю, Семён Никодимович!..

— Привет вам, Каюм Калимулинович!..

И генералы, и офицеры, и рядовые — все полюбили мальчишку. Тоже стали кроху по имени-отчеству звать. Кто-то первым сказал:

— Сталинградович!

Так и пошло. Встретят мальчонку-бусинку:

— Здравия желаем, Геннадий Сталинградович!

Доволен мальчишка. Надует губы:

— Благодарю!

Кругом полыхает война. Не место в аду мальчишке.

— На левый берег его! На левый!

Стали прощаться с мальчишкой солдаты:

— Доброй дороги тебе, Сталинградович!

— Сил набирайся!

— Мужай!

— Расти!

— Честь с юных лет береги, Сталинградович!

Уезжал он с попутным катером. Стоит у борта мальчишка. Машет ручонкой воинам.

Проводили солдаты бусинку и снова к ратным своим делам. Словно бы не было мальчика, словно бы сон привиделся.

Вырос Геннадий Сталинградович. Жив и здоров. Школу закончил, затем институт. Живёт он в счастливое наше время.

За него, за счастье других ребят в тот памятный год, в той страшной войне за нашу страну, за Советскую власть стояли на смерть отцы и деды.

МАЙОР УСТИНОВ

Не утихают бои в Сталинграде. Сентябрь проходит, а город сражается. Октябрь на улице, а город сражается.

Летят из Берлина грозные предписания:

«Взять Сталинград! Взять Сталинград! Сутки — и чтобы взять!»

14 октября 1942 года фашисты начали новое наступление. Снова сила крушила силу. Упорство сошлось с упорством. И снова от страшного дыма, огня и пыли день превращался в ночь. Стонала земля от боли. От ожогов кричало небо.

Неравны по-прежнему силы. Пал Сталинградский тракторный. Фашисты прорвались к заводу «Красный Октябрь». Бои развернулись на территории завода «Баррикады».

Десять дней не утихает ужасный бой. Идёт он в цехах, корпусах, отделах — за каждую пядь заводской земли. Москитной тучей висят над заводскими трубами фашистские самолёты. Пушки бьют очумело прямой наводкой.

Вместе с другими завод «Баррикады» защищал и 895-й стрелковый полк. Здесь же, на территории завода, находился и командный пункт командира полка майора Устинова.

Прорвались фашисты к командному пункту. Всё ближе и ближе бой. Вот совсем рядом раздаются голоса и крики фашистских солдат. Всё меньше и меньше кругом защитников. И вот наступил последний момент — майор Устинов один остался.

Заполнили фашисты заводской двор. Всё больше их, больше

и больше. Левее командного пункта, правее, перед ним, а вот уже и за ним. Черно кругом от фашистских мундиров.

«Эх бы рвануть «катюшами», — подумал майор Устинов. Подумал и тут же бросился к рации. Торопится наладить связь с артиллеристами. Наладил.

— Дорогие, — кричит Устинов, — умоляю — залп реактивными! По окопленню неприятеля. Верная цель.

И тут же сообщает координаты, то есть то место, куда стрелять. А место это как раз и есть то самое, где находится командный пункт полка и на котором майор Устинов сейчас стоит.

— Стреляйте! — кричит Устинов. — Стреляйте!

Заметили фашисты советского майора. Бросились к нему:

— Рус, сдавайся! Рус, капут!

— Стреляйте!

Рванули «катюши». Огнём осветили небо. Словно плуги по пашне, по рядам фашистов прошли снаряды. Молодцы, точны артиллеристы. Без отклонения в цель попали. Взрыли «катюши» землю, кирпич и камни. Уничтожили всё живое.

А как же майор Устинов?

Цел, невредим. Стоит улыбается. Словно бы он заколдованный. Словно бы он замороженный.

Недаром безумству храбрых гимны народ слагает. Недаром в песне одной поётся: «Смелого пуля боится, смелого штык не берёт».

РЕДУТ ТАРАКУЛЯ

Таракуль — это фамилия. Сержант Юрко Таракуль по национальности молдаванин. «Редут» — старинное слово, означает оно — укрепление.

Пулемётчики Юрко Таракуль и Михаил Начинкин занимали оборону в одном из старинных купеческих особняков.

Особняк стоял на уличном перекрёстке. Позиция для обороны была удобной. Как на передовой пост, сюда и пришли пулемётчики.

Начинкин в прошлом рабочий-металлист, токарь по профессии. Таракуль жил в селе, выращивал виноград.

Смеётся Юрко Таракуль. Называет Начинкина и себя: «Рабоче-крестьянское подразделение».

Заняли бойцы позиции на первом этаже. Каждый выбрал себе по комнате. Разобрали печь, заложили кирпичами окна, лишь небольшие просветы — амбразуры — для пулемётных стволов оставили.

Дождались пулемётчики, когда появились на перекрёстке улиц фашисты, открыли огонь по врагам.

Ответили фашисты огнём на огонь. Пошли в атаку на дом автоматчики. Да только крепкими были стены у купеческого особняка, меткими были бойцы-пулемётчики. Не получается ничего у фашистов.

Сидят Таракуль и Начинкин в своих персональных комнатах. Проверяют: здоровы ли, целы. Подают голоса друг другу, словно в лесу аукаются.

— Ау-у! — кричит Таракуль.

— Ау-у! — отвечает Начинкин.

Не осилили дом автоматчики. Прибыл миномётный расчёт к перекрёстку. Взвились со свистом мины. Градом железным бойцов осыпали.

Живы бойцы, невредимы.

— Ау-у!

— Ау-у! — несётся из комнаты в комнату.

Подкатили к перекрёстку враги орудия. Сразу три пушки. Открыли из пушек огонь по дому. Пробили снаряды стены, посыпалась штукатурка.

— Ау-у! — кричит Таракуль. — Ау-у!

Не ответил ему Начинкин.

Бросился Таракуль в соседнюю комнату. Видит — ранен Начинкин. Лежит, истекает кровью. Перевязал Таракуль Начинкину рану. Смотрит, куда бы укрыть солдата. Соображает — в подвал. Спустился в подвал с Начинкиным. Потом вернулся. Перенёс пулемёты.

Оборудовал Таракуль в подвале две бойницы. Установил пулемёты. И снова по фашистам ведёт огонь. То из одного пулемёта боец стреляет, то быстрее бежит к другому, открывает огонь из этого.

— От меня, от Начинкина!.. От меня, от Начинкина! — выкрикивает Таракуль.

Не могут фашисты никак за перекрёсток продвинуться. Пришлось вызывать самолёты. Пришли самолёты. Спикировали на дом, сбросили бомбы. Не устояли стены. Рухнули. Завалили подвал обломками.

Подвал завалили, а бойницы остались целы. Сохранились и оба пулемёта.

Думали фашисты, всё, покончено с домом. Двинулись на перекрёсток. Только вышли — огонь из развалин. Перебегает Таракуль от пулемёта к пулемёту:

— От меня, от Начинкина!.. От меня, от Начинкина!

Три дня сражался отважный воин. На третьи сутки в одной из атак к развалинам купеческого особняка прорвались наши солдаты. Слышат Таракуль и Начинкин наши, русские голоса. Закричали и сами.

Подбежали солдаты к подвалу.

— Братцы, тут наши, никак, сидят!
Но как же войти в подвал? Всё забито, зарыто, засыпано. Только бойницы одни торчат.
Явились санёры. С трудом отрыли они пулемётчиков. Даже взрыватели применили.
Вышел из подвала Таракуль. Вынесли на носилках Начинкина.
Посмотрел санёрный начальник на остатки купеческого особняка, на стены-скалы, на камни-глыбы, сказал:
— Редут!
— Редут! — поддержали его другие.
— Редут Таракуля, — сказал Начинкин.

ГОСПИТАЛЬ

Солдат Шараф Кулиев был ранен в бою за тракторный завод. Переправили его на левый берег Волги. А оттуда эвакуировали в тыловой госпиталь под Уфу. Оформляют солдата в госпиталь. Задают вопросы. В том числе и такой:

— Откуда прибыл?
— Из Сталинграда, из госпиталя пятьсот два, — отвечает солдат.
— Откуда-откуда?
— Из госпиталя пятьсот два, — повторяет солдат.
Удивляются врачи. Нет под Сталинградом такого госпиталя.
— Нет такого госпиталя, — говорят солдату.
— Нет, есть, — отвечает Шараф Кулиев.
— Ошибаетесь, товарищ боец. Нет такого госпиталя, — повторяют врачи.
— Нет, есть, — стоит на своём солдат.
Решили не спорить медики с раненым. Ясно врачам, что солдат ошибся.

Прошёл день. Вновь поступила под Уфу группа раненых бойцов из-под Сталинграда.

— Откуда прибыли? — задают и этим врачи вопрос.
— Из госпиталя пятьсот два, — отвечают солдаты.
— Откуда-откуда?
— Из госпиталя пятьсот два, — повторяют солдаты.
— Нет такого госпиталя, — говорят врачи.
— Нет, есть, — утверждают солдаты.
Смутились медики. Решили перепроверить. Навели справки. Перепроверили. Нет под Сталинградом такого госпиталя.
— Нет, есть, — стоят на своём солдаты.
Прошло еще несколько дней. Новая группа сталинградских солдат прибыла под Уфу.

— Откуда прибыли? — задают обычный вопрос врачи.
— Из госпиталя пятьсот два, — отвечают солдаты. — Из-под Сталинграда.
— Что?
Смотрят врачи на бойцов. Сговорились, шутят, что ли, над ними солдаты.
— Нет же такого госпиталя, — объясняют врачи.
— Нет, есть, — улыбаются солдаты. — Мы же оттуда.
Приподнялся один на носилках — весь в бинтах, пожилой, с усами:

— Есть, родимые, есть. Имеется.
Поражаются медики. Решили ещё раз перепроверить. Послали запрос под Сталинград. Вскоре пришёл ответ.
«И нет такого госпиталя, — значится в ответе, — и есть».

Вовсе сбиты с толку теперь врачи. Как же понять ответ?!

А дело вот в чём. На левом берегу Волги, как раз напротив тракторного завода, стоял домик бакенщика. Жили в нём бакенщик Семён Михайлович Прихин и его жена Евгения Фёдоровна. Всё погибло от артиллерийского огня на берегу. А домик уцелел. Не брали его снаряды. Вот и повелось, что здесь, в этом домике, и делали первую остановку раненые бойцы, когда их перевозили со сталинградского берега, от тракторного завода. Здесь они дожидались машин. Случалось, на день, на два оставались тут раненые. Ухаживали за ними Семён Михайлович и Евгения Фёдоровна. Сил не жалели. Кормили, поили, перебинтовывали.

Домик бакенщика имел свой номер. Числился он как пост № 502. Запомнили солдаты этот номер. Окрестили бойцы домик бакенщика госпиталем. Вот и появился новый госпиталь.

Многим помог самозванный госпиталь. Спасибо, Семён Михайлович, спасибо, Евгения Фёдоровна. За доброе дело — поклон вам низкий.

БЕРЛИНСКАЯ ЗНАМЕНИТОСТЬ

Много прославленных снайперов было на Сталинградском фронте: Виктор Медведев, Гильфан Авзалов, Анатолий Чехов... Самый известный — Василий Зайцев. Почти триста убитых фашистов на счету у знаменитого снайпера.

Решили фашисты уничтожить меткого стрелка. Назначили большую награду тому, кто убьёт советского снайпера. Только осмотрителей, опытен Зайцев. Никак не удаётся определить фашистам, откуда, с какого места солдат стреляет. Меняет боец

позиции. Сегодня сидит в окопе. Завтра за каменной кладкой подвала укроется. Из окон разбитого дома стреляет он на третий день. Забравшись под брюхо сгоревшего танка, бьёт по врагу на четвёртый.

Не помогает обещанная награда. Нет среди фашистов под Сталинградом стрелка, который был бы равен Василию Зайцеву.

Увеличили фашисты награду. Рыщут повсюду охотники. Только нет никому удачи. Нет среди немцев под Сталинградом стрелка, который смог бы осилить Зайцева.

Досадно фашистам. Вспомнили гитлеровские командиры, что в Берлине есть знаменитый немецкий стрелок майор Конингс — руководитель школы фашистских снайперов. Вызвали срочно Конингса в Сталинград. На специальном самолёте прибыл берлинский снайпер.

Узнал Конингс фамилию русского умельца.

— Зайцев? Хо-хо! — рассмеялся.

Сыскался среди немецких солдат находчивый:

— Господин майор, есть среди них и Медведев!

А Виктор Медведев и вправду после Василия Зайцева был самым метким стрелком на фронте.

Понял шутку берлинский гость:

— О-о!

Конингс рослый, плечистый. На шее — Железный крест.

Смотрит немецкие солдаты на Конингса — вот кто покончит с Зайцевым. А заодно и с Медведевым, Авзаловым, Чеховым...

И вот сошлись майор Конингс и Василий Зайцев в снайперской схватке.

Осторожен, сама осторожность Конингс. Зайцев ещё осторожнее.

Глазает Конингс. Зайцев ещё глазастее.

Терпелив Конингс. Зайцев ещё терпеливее.

Четыре дня сидели стрелки друг перед другом. Ждали, кто первым выдаст себя, кто первым допустит промах.

Идёт Конингс на разные хитрости. Всё пытается сделать так, чтобы советский снайпер хоть бы на секунду из-за укрытия высунулся. И Зайцев о том же думает: как бы заставить майора Конингса на секунду оставить своё укрытие.

Хитёр Конингс. Зайцев ещё хитрее. Подозвал он к себе солдата Николая Куликова, наставляет: сиди, мол, со мною рядом. Возьми палку, надень каску на палку, чуть высунь её из окопа. Если грянет выстрел, вскинь руки, вскрикни и падай.

— Ясно?

— Ясно! — солдат ответил.

Высунул Куликов из окопа каску, и сразу по каске — пуля.

Вскинул, как договорились, Куликов руки, вскрикнул и повалился на дно окопа. Рад Конингс своей удаче. Уверен, что поразила Зайцева. Любопытно ему посмотреть: высунул голову из-за укрытия, глянул. Глянул, и тут же пуля Василия Зайцева сразила майора Конингса.

Лежит неподвижно на сталинградской земле берлинская знаменитость. На шее Железный крест надгробным крестом торчит.

НАПИЛСЯ

Обер-лейтенант Карл Иоганн Мария Нушке дал клятву напиться воды из Волги.

Поклялся отцу и деду. Поклялся невесте. Отцу невесты. Соседу. Соседке. Сослуживцам по части. Командиру части. В ресторане швейцару. Почтальону. Лифтёру. Поклялся родному дому.

Прибыл Нушке на фронт недавно. Туго фашистам под Сталинградом. За пополнением гонят сюда пополнения. Из ближних, из дальних мест. Карл Иоганн Мария Нушке приехал из немецкого города Бремена. Попал Карл Иоганн Мария Нушке в заводской район Сталинграда. По-прежнему рвутся тут к Волге фашисты. Рвётся со всеми вперёд и Нушке. Он клятву недаром дал. Волга рядом — рукой подать. Триста каких-то метров.

Собрали фашисты свежие силы. Прорвались к Волге и здесь, в заводском районе, захватили крохотный пятачок.

Вот она, Волга — царица рек. Вышел к берегу Нушке. Остановился. Глянул налево. Глянул направо. На волжскую воду с гордостью посмотрел.

Вспомнил отца и деда. Невесту. Отца невесты. Соседа. Соседку. Сослуживцев по части. Командира части. Швейцара. Почтальона. Лифтёра. Портного. Вспомнил крылечко родного дома.

Наклонился Нушке к Волге, к воде. Подхватил ладонью ступенные капли. Сделал глоток, второй. Расправился.

Нушке стоит не один. Вот рядом Генрих Штольц, вот Отто Шульц, вот Вилли Шольц. Все трое из того же города Бремена. Есть у Нушке свидетели — как и обещал, напился Карл Иоганн Мария Нушке воды из Волги.

Улыбнулся Нушке. Улыбнулись свидетели.

И вдруг просвистело над Волгой что-то. И в ту же секунду — бух!

Отбежали свидетели. Глянули на то место, где стоял Нушке. Был. Стоял. И нет Нушке. Воронка на этом месте.

Нет Нушке, зато сохранились свидетели. Напишут в Бремен они письмо.

Узнает отец и дед, невеста, отец невесты, сосед, соседка, сослуживцы по части, командир части, швейцар, почтальон, лифтер, узнает родимый дом, что выполнил клятву Нушке — напился воды из Волги.

Только решили свидетели, как вдруг вновь просвистело над Волгой что-то. И в ту же секунду — бух!

Стояли свидетели. Были. И нет. Воронка на этом месте.

Ждут в Бремене вестей от Нушке. Ждут вестей от Шольца, от Шульца, от Штольца. Ждут вестей и в других городах, от тысяч других немецких солдат.

Что-то молчат солдаты...

ОСТРОВ ЛЮДНИКОВА

Прорвались фашисты к Волге в районе завода «Баррикады», отрезали от других 138-ю стрелковую дивизию. Командовал дивизией полковник Людников. Занимала дивизия очень небольшую территорию у волжского берега. С севера, с запада, с юга — фашисты, с четвёртой, с восточной, стороны — Волга. Островом Людникова называли солдаты эту часть сталинградской земли.

Всюду было трудно защитникам Сталинграда. А здесь, на острове Людникова, и того труднее. Стояла середина ноября. Ни зима, ни осень. Волга ещё не замёрзла, но уже шёл по ней лёд — шуга. И на лодках в такое время года не переправиться, и по льду не перейдёшь. Трудно было сюда доставлять продовольствие и боеприпасы. Бойцы получали по 25 граммов сухарей и по 5 граммов сахара в день. Но держались.

Здесь же, на острове Людникова, оказалось много раненых. Собралось их около четырёхсот человек. И их переправить нельзя на левый берег. Укрыли раненых в землянках, которые были вырыты в отвесных волжских кручах. Назвали землянки госпиталем.

И вот как-то к полковнику Людникову прибегают врачи:

- Товарищ полковник, бунтуют раненые.
- Как бунтуют?!
- Не слушаются, не подчиняются, — уточняют медики.
- Чему не подчиняются?
- Лечебному режиму, — сказали врачи.

Оказывается, не хотят раненые оставаться в госпитале. Знают они, что их товарищи по дивизии там наверху, на кручах, ведут тяжёлые бои с фашистами, просят, чтобы и им разрешили принять участие в этих боях.

— Не подчиняются, — повторяют врачи. — Не выполняют раненые наших распоряжений, товарищ полковник.

Собрался Людников, пошёл вместе с врачами к раненым. Вошёл в одну из землянок. Узнали солдаты полковника Людникова:

— Товарищ полковник, несправедливо.

— Что несправедливо?

— А то, что мы здесь лежим, — отвечают солдаты, — а там наверху каждый из наших товарищей один против пяти фашистов сражается.

— Так ведь вы раненые. Так ведь здесь госпиталь. Так ведь медицинский порядок такой, — пытается объяснить солдатам полковник Людников.

Объясняет, но видит, что солдаты не воспринимают его слова. Понимает Людников — не переубедить ему бойцов. Отошёл, посоветовался с врачами. Разрешили врачи, чтобы легкораненые вернулись в строй.

— Только легкораненые, — повторили они.

— Только легкораненые, — повторил и полковник Людников.

Вот тут-то началось самое главное. Каждый стал утверждать, что он легкораненый.

Стали легкораненые отходить к выходу из землянки. Смотрит Людников — пожилой солдат вместе с другими двинулся. Плечо у солдата туго перебинтовано. Кровь сквозь бинты проступила. Ясно: ранение тяжёлое.

— Куда же вы, папаша? — обращается к нему Людников.

— В строй, товарищ полковник, — отвечает солдат.

— Да как же вы с таким-то плечом — и в строй?!

— А мне тяжести не грузить. Я миномётчик, — отвечает солдат.

Видит Людников — за этим пожилым молодой тянется. Костыль под мышкой, нога волочится.

— А куда же вы, товарищ боец, с костылём? — говорит ему Людников.

— Так я пулемётчик, — отвечает боец. — Для меня нога не самое главное.

Вернул полковник бойцов назад, и молодого и старого. Многих задержал Людников.

Утром те, кто был отпущен из госпиталя, составили пополнение и вместе с другими бойцами вступили в бой с фашистами. И вот зоркий глаз Людникова заметил, что бойцов, пришедших из госпиталя, оказалось намного больше того числа, которым вчера разрешили вернуться в строй.

Заметил командир дивизии и тех двух — пожилого с тяжёлым ранением в плечо и молодого бойца-пулемётчика.

Подожёл Людников к солдатам. Готов разозлиться, повысил голос:

— А вы почему здесь, товарищи бойцы?!

Ухватился пожилой за последнее слово — бойцы.

— Оттого и здесь, что бойцы, — ответил.

Поставил в тупик он Людникова. Заговорил Людников о тяжёлых ранениях у солдат, о том, что просто трудно с такими ранениями быть в бою.

— А ему что — легко? — опять не сдаётся пожилой. — А он что — не раненый? Да он нас посильнее раненный. Однако стоит и держится.

— Кто — он? — не понял Людников.

— Сталинград, — сказали бойцы, молодой и старый.

Сорок пять дней, до самой нашей сталинградской победы, удерживали советские воины остров Людникова. Так и не отдали его фашистам.

ТИТАЕВ

Ноябрь. Завьюжило. Выпал снег.

Незавидная жизнь у связистов. Снег, непогода, грязь, бомбят самолёты с неба, снаряды вздымают землю, пули разносят смерть — будь к походу готов, связист. Повредило проводку бомбой, оборвало снарядом провод, фашистский разведчик разрушил связь — собирайся, солдат, в дорогу.

В ноябре вновь завязались бои за Мамаев курган. В самый разгар сражения прервалась телефонная связь с командным пунктом дивизии. С командного пункта как раз артиллеристам давали команды к стрельбе по целям. Оборвались теперь команды. Прекратился огонь артиллерии.

На исправление повреждения вышел связист Титаев.

Ползёт Титаев вдоль провода, ищет, где произошёл обрыв. Висят над Титаевым низкие облака. Метёт позёмка. Слева неприятельские окопы. Бьют миномёты. Строчат автоматы. Грохочет бой.

Ползёт Титаев, впился глазами в провод, ищет конец обрыва. Свистят над солдатом пули. Сбивает с пути позёмка.

— Эи, не собьёшь!.. — крикнул солдат метели. — Эи, не возьмёшь!.. — крикнул Титаев пулям.

Ползёт солдат. А там, на кургане, грохочет бой. И нужен, как воздух, огонь артиллерии. Понимает это Титаев. Торопится. Метрах в тридцати впереди показалась воронка от взрыва. Вот где оно, повреждение. Десять метров осталось. Пять. Дополз до воронки солдат. Вот он у самого края. Вот лежит провод, рассе-

чённый стальным осколком. Подхватил Титаев один конец. Тянет быстрее второй...

Молчал, молчал телефон на командном пункте и вдруг забормотал. Облегчённо вздохнул командир.

— Молодцы, — похвалил связистов.

— Так это ж Титаев, — ответил кто-то. — Первой статьи солдат.

Знают Титаева. Любят в дивизии. Идут в связной роте, когда же вернётся назад Титаев. Не возвращается что-то боец. На поиски связиста отправились два солдата. Ползут они тем же следом. Висят над ними низкие облака. Ветер метёт позёмку. Слева неприятельские окопы. Всё так же бьют пулемёты. Стучат автоматы. Грохочет бой. Заработала советская артиллерия. Перекрывает шум боя, радуется слух солдатский. Ползут, смотрят вперёд солдаты. Видят — воронка. На краю воронки признали Титаева. Прижался к земле боец.

— Титаев!

— Титаев!

Молчит Титаев.

Подползли солдаты поближе. Глянули — мёртв, недвижим Титаев.

На войне солдаты ко многим вещам привыкли. Не удивились им в сражении подвигом. Но тут...

Оказалось, что в тот момент, когда Титаев, обнаружив обрыв провода, пытался соединить его концы, настигла солдата смертельная пуля. Нет у солдата сил устранить повреждение. Но, прощаясь с жизнью, теряя сознание, в последнюю эту секунду успел солдат поднести провода ко рту. Зажал, как в тиски, зубами.

— Огонь! Огонь! — несётся команда по проводу.

И тут же ответ:

— Есть огонь. Как связь, как связь?

— Отлично работает связь.

И снова:

— Огонь! Огонь!

Громчили наши войска противника. А там, у края воронки, лежал солдат. Нет, не лежал — стоял на посту солдат.

Стоял на посту солдат.

КРЕПОСТЬ

Не могут фашисты взять Сталинград. Стали утверждать, что Сталинград неприступная крепость: мол, окружают город непроходимые рвы, мол, поднялись вокруг Сталинграда валы и насыпи. Что ни шаг — то мощные оборонительные

сооружения и укрепления, разные инженерные хитрости и ловушки.

Не называют фашисты городские кварталы кварталами, пишут — укрепрайоны. Не называют дома домами, пишут — форты и бастионы.

— Сталинград — это крепость, крепость, — твердит фашисты.

Пишут об этом немецкие солдаты и офицеры в письмах к себе домой. Читают в Германии письма.

— Сталинград — это крепость, крепость, — трубят в Германии.

Генералы строчат донесения. В каждой строчке одно и то же: «Сталинград — это крепость. Непреступная крепость. Сплошные укрепрайоны. Неодолимые бастионы».

Фашистские газеты помещают статьи. И в этих статьях всё о том же:

«Наши солдаты штурмуют крепость».

«Сталинград — сильнейшая крепость России».

«Крепость, крепость!» — кричат газеты. Даже фронтовые листовки об этом пишут.

А Сталинград крепостью никогда и не был. Нет никаких особых в нём укреплений. Город как город. Дома, заводы.

Одна из фашистских листовок попала к советским солдатам. Посмеялись солдаты: «Ага, не от лёгкой жизни фашисты такое пишут». Потом повесили, показали листовку члену Военного совета 62-й армии дивизионному комиссару Кузьме Акимовичу Гурову: мол, посмотри, товарищ комиссар, какие небылицы фашисты пишут.

Прочитал комиссар листовку и вдруг поразил солдат.

— Всё тут верно, — сказал солдатам. — Правду фашисты пишут. А как же, конечно, крепость.

Смутились солдаты. Может, оно и так. Начальству всегда виднее. Однако с недоверием всё же на комиссара смотрят.

— Крепость, — повторил Гуров. — Конечно, крепость.

Смотрят солдаты — вот это да! Не будешь с начальством спорить.

Улыбнулся Гуров, покосился хитро на солдат:

— Ваши сердца и мужество ваше — вот она, непреступная крепость, вот они, неодолимые рубежи и укрепрайоны, стены и бастионы.

Улыбнулись солдаты. Понятно сказал комиссар. Приятно такое слушать.

Прав Кузьма Акимович Гуров. О мужество советских солдат — вот о какие стены сломали в Сталинграде фашисты шею.

Давно уже Ставка Верховного Главнокомандования разрабатывала грандиозный и дерзкий план разгрома фашистов у стен Сталинграда. Генералы Жуков, Василевский, Воронов, другие советские военачальники провели десятки бессонных ночей, разрабатывая детали будущей битвы. Вот как выглядел её план. Решительными ударами с севера и с юга окружить фашистов в районе Сталинграда, зажать их в огромное кольцо и уничтожить.

Немало пришлось потрудиться советским людям для того, чтобы Советская Армия смогла выполнить этот план.

Нужно было намного увеличить выпуск советских танков. Советские люди добились этого.

Нужно было создать новые совершенные и быстроходные самолёты. Советские люди решили и эту задачу.

Нужны были тысячи новых пушек, миллионы винтовок и автоматов, миллиарды снарядов и патронов. Всё это выпустили советские заводы.

Нужны были тысячи высокообразованных командиров. Советская Армия получила таких командиров.

Пётр Ерёмин и Василий Дудочкин — два неразлучных друга. Два лейтенанта. Два комсомольца. Оба — танкисты. Окончили вместе училище. Сдружились ещё в училище. У обоих одна мечта — вместе, рядом хотят сразиться. Рвутся оба в героический Сталинград.

Да только мечты мечтами. На деле порой другое. Разошлись их солдатские службы. Ерёмин попал на Юго-Западный фронт. Дудочкин, как назло, от Сталинграда к югу. Стоит их механизированный корпус почти у самых калмыцких степей, между озёрами Цаца и Барманцак.

Обидно друзьям до слёз. Не исполнилось их желание.

Тихо на Юго-Западном фронте. Ещё тише здесь — на Сталинградском, между озёрами Цаца и Барманцак.

Битва кипит на Волге. Рвутся танкисты в бой. Пишет Ерёмин рапорт начальству. Пишет про лучшего друга, лейтенанта Дудочкина: мол, разлучили, мол, вместе желают биться. Просит направить в сражающийся Сталинград.

И Дудочкин рапорт строчит начальству. Пишет про лучшего друга, лейтенанта Ерёмина, и тоже, конечно, про Сталинград. Что-то не отзываются, молчат командиры.

Настойчивым был лейтенант Ерёмин. Обошёл в пять этажей начальство.

Добрался до важного генерала. И генералу про друга, про встречу с другом, про сражающийся Сталинград. Улыбнулся генерал. Посмотрел на Ерёмину:

— Похвально. И о друге — похвально. — Затем наклонился и тихо: — Надеюсь, исполнится ваше желание.

И лейтенант Дудочкин парень упрямый. Обошёл в пять этажей начальство. Добрался до важного генерала. Посмотрел генерал на Дудочкина:

— Ну что ж, надеюсь, исполнится ваша просьба.

Доволен Ерёмин. Доволен Дудочкин. Собрали вещички. Готовы к отбытию. Только что-то отправки нет. Хотели снова бежать к начальству. Да тут...

1942 год. Раннее утро. 19 ноября.

— По танкам! — прошла команда.

Бросился Ерёмин к танку. Здесь узнаёт приказ. Начинается грандиозное наступление. Цель — окружить под Сталинградом фашистов. Пошёл с севера в наступление их Юго-Западный фронт.

А через день и лейтенанту Дудочкину сообщают приказ. Пошёл в наступление с юга их Сталинградский фронт.

Оглушительный грохот потряс Приволжские степи. Это начала стрелять советская артиллерия. Заработали миномёты. Ударили знаменитые «катюши». Затем в бой ринулись грозные танки. И, наконец, с криком «Ура!» неудержимо рванулась вперёд всепобеждающая советская пехота.

Наступление началось.

ЕСЛИ ХОЧЕШЬ ПИСАТЬ О ГЕРОЯХ...

Быстро наступают советские части. Передовой отряд 26-го танкового корпуса смелым налётом захватил мост через Дон, а вскоре нашими танкистами был взят и город Калач. Приехали на Дон в район боёв корреспонденты армейских газет. Стали интересоваться подробностями, выяснить имена героев.

Первый вопрос:

— Кто взял мост?

— Передовой танковый отряд, — отвечают корреспондентам.

— Кто командир?

— Подполковник Филиппов.

И тут же объясняют корреспондентам, как был взят мост. Совершил подполковник Филиппов со своими танками стремительный налёт на мост. Не ожидали фашисты советских воинов. Вначале даже подумали, что это свои. А когда разобрались — поздно. На мосту советские танки.

Записали корреспонденты сообщение о танковом рейде в свои фронтовые блокноты. Поехали дальше, в город Калач. Повстрече-

чалась им танковая колонна. Обратились корреспонденты к танкистам:

— Кто взял Калач?

— Передовой танковый отряд.

Записывают корреспонденты.

— Знаем, — говорят, — вашего командира. Подполковник...

— Так точно, подполковник. Подполковник Филиппенко, — уточняют танкисты.

— Как Филиппенко? Филиппов! — крикнули журналисты.

— По танкам! — прошла тут команда.

Скрылись под бронированными крышками люков танкисты. Остались корреспонденты со своими блокнотами. Смотрят на записанную фамилию командира передового отряда, гадают, какая же из фамилий подполковника правильная — Филиппов или Филиппенко.

Решили перепроверить. Понался один из солдат.

— Как фамилия командира передового танкового отряда? — спрашивают корреспонденты.

— Подполковник Филиппов, — отвечает солдат.

«Значит, всё же Филиппов», — решают корреспонденты. И всё же вторично решили проверить.

— Как фамилия вашего командира? — спросили у пробегавшего мимо лейтенанта танкиста.

— Подполковник Филиппенко, — отвечает лейтенант.

— Он командует передовым танковым отрядом?

— Так точно, оп.

Совсем в недоумении корреспонденты. Вовсе теперь запутались. «Филиппов? Филиппенко? Как же в статьях писать?»

Торопились они в газеты. Вернулись в свои редакции. Сидят гадают, какую же из фамилий указывать.

Сидят гадают. А гадать-то и нечего.

Оказалось, что среди наступающих танкистов были и подполковник Филиппов и подполковник Филиппенко. Оба они командовали передовыми отрядами. Оба получили и звания Героев Советского Союза. Первый — за взятие моста на Дону, второй — за город Калач.

Много под Сталинградом героев. Много похожих фамилий. Иванов, Иваненко, Иванян, Иванидзе, Иващенко; радистки: Литвина, Литвиненко, Литвинова; танкисты: Григорян, Григоренко, Гриценко; пехотинцы: Петров, Петрашвили, Петросян, Петроновичус. Много героев, много фамилий.

Хочешь писать о героях? Не ошибёшься — бери любого, фамилию выбирай любую.

Из Германии, из города Лейпцига, прибыл под Сталинград в штаб фашистской армии, которая штурмовала Сталинград, известный художник-баталист.

Прибыл. Представился. Уже немолод. В годах художник.

Приехал художник по приказу самого Гитлера. Получил он задание — нарисовать огромную картину о сталинградской победе фюрера.

Усердно трудился на фронте художник. Собрал материал для картины. Сделал бесчисленные зарисовки. Одних портретов чуть ли не тысячу нарисовал.

Закончил художник свою работу, стал собираться в Лейпциг. Сложил полотна свои и краски. Простился с чинами штаба. И вдруг:

— Танки! Танки! Русские танки! Советский прорыв!

Не поверил никто вначале. Не верит и сам художник.

Какой прорыв? Какие советские танки?! Откуда?! Ведь штаб далеко, в армейском тылу.

Однако всё верно. Мчатся советские танки. Навстречу идут друг другу. В клещи берут фашистов.

Прорвались танки в тыл к фашистам. Началась паника, переполох. Устремились штабные службы быстрее на запад, к станции Нижнечирской, к мосту через Дон.

— Танки! Советские танки!

Вместе со всеми бежал к Нижнечирской и прославленный баталист. Ехал в штабной машине. В давке, в сутолоке слетела в кювет машина. Офицеры, его соседи — а были они посильней, помоложе, — пристроились быстро к другим машинам. Остался художник в степи один.

Ветер крепчает. Метёт позёмка. Стоит у дороги, как столб, художник:

— Я — баталист! Я — баталист!

Машет руками, взывает о помощи. Держит эскизы свои и краски.

— Я — баталист! Я — баталист!

Мимо несутся как вихрь машины.

— Я — художник-баталист! — надрывает несчастный глотку.

Никому баталист не нужен.

Стоит художник. Чуть-чуть не плачет. Вот и заплакал. Слезы к носу текут из глаз.

— Я из Лейпцига. Я — баталист!

Всё больше и больше солдат на дороге. Толкая друг друга, текут вперёд. В общей массе бредёт художник. Еле ноги, бедняга, двигает.

Скользко. Всё сильнее метёт позёмка. Крепчает, крепчает ветер. Поскользнулся, упал художник. Хочет подняться, да нету сил. Понимает — не встать ему с этой пади. И вот, как бы сквозь дрему, сквозь страшный сон, лишаясь чувств, ещё осознал художник: колесо от повозки прошло по телу, ударил копытом конь, тяжёлый, как жёрнов, огромный, как жёрнов, навалился автомобильный скат...

— Я — баталист... — прохрипел художник. И отдал последний вздох.

Лежит баталист на дороге. Рядом краски лежат и эскизы. Кто же картину теперь напишет? Кто же фюреру славу теперь воздаст?

«ХЕНДЕХОХНУЛИ!»

Наступает Советская Армия. Сдаются фашисты в плен.

20 ноября. Утро. Штабная машина. Полковник в машине. Едет полковник, командир дивизии, к своим наступающим войскам. Навстречу попались пленные. Семь человек. Сзади шагает советский солдат. Молод, безус солдат. Держит автомат на изготовку, сопровождает пленных.

Остановилась машина.

— Откуда ведёшь, герой?

— Вот там за высоткой стоит деревня, товарищ полковник.

— С кем их пленил?

— Один.

— Один?!

— Так точно, товарищ полковник. Я в проулок. Они из хаты, — стал объяснять солдат. — «Стой!» — им кричу. Занёс гранату. Увидели гранату и тут же хендехохнули!

— Что-что? — не понял полковник.

— Руки вверх подняли, хендехохнули, товарищ полковник.

Полковник рассмеялся.

— Ну что ж, благодарю за службу, герой. Как фамилия?

— Синееков, товарищ полковник.

Вечером полковник, командир дивизии, докладывал о том, как идёт наступление его дивизии, генералу, командующему армией:

— Товарищ генерал, сегодня перед фронтом моей дивизии девятьсот фашистов хендехохнули!

— Что-что? — не понял генерал.

— Хендехохнули, сдались в плен, товарищ генерал.

— Ах, хендехохнули!

Улыбнулся генерал — понравилось, видно, ему словечко.

В тот же вечер генерал, командующий армией, докладывал об успехе армии командующему фронтом:

— Товарищ командующий, за истекший день вверенной мне армией разбиты... — и стал перечислять фашистские полки и дивизии, которые разбиты армией. А в конце: — Товарищ командующий, три тысячи фашистских солдат и офицеров хендехохнули!

— Что-что? — переспросил командующий.

— Хендехохнули, капитулировали, сдались в плен, товарищ командующий.

— Ах, хендехохнули! — рассмеялся генерал. Поздравил командующего армией с успехом.

Прошёл час, и командующий фронтом докладывал по телефону о том, как прошёл день на фронте, Верховному Главнокомандующему.

— Товарищ Верховный Главнокомандующий, сегодня в течение дня войсками фронта уничтожены... — и стал перечислять фашистские дивизии, которые уничтожены в этот день под Сталинградом. Доложил, а в конце торжественно: — Семь тысяч солдат и офицеров противника хендехохнули, товарищ Верховный Главнокомандующий.

— Что-что? — раздалось в трубке. Голос был мягкий, но чуть раздражённый.

Сообразил командующий, что зря употребил он неуставное, непривычное слово, но что тут делать? Сказал тише, без прежней бодрости:

— Хендехохнули, то есть сдались в плен, товарищ Верховный Главнокомандующий.

— Ах, хендехохнули! — ответила трубка. Ответила весело. Без прежней раздражённости. Даже смешок раздался: — Значит, хендехохнули?

— Так точно, хендехохнули, товарищ Верховный...

23 НОЯБРЯ 1942 ГОДА

Четыре дня советские танкисты, пехотинцы, артиллеристы, конники, наступая навстречу друг другу, громили фашистов.

Продолжали двигаться вперёд и танковые соединения, в которых служили молодые лейтенанты Пётр Ерёмин и Василий Дудочкин.

Танки проходили через отвесные овраги и глубокие рвы, прорывали проволоочные заграждения, подминали вражеские пушки и пулемёты и снова с боями шли вперёд и вперёд.

Мчится на танке лейтенант Ерёмин. Весь он в великой битве. Жалеет лишь об одном: «Эх бы сюда Василия!»

А в это время с юга навстречу лейтенанту Ерёмину лейтенант Дудочкин летит на танке. Весь он в великой битве. Об одном лишь жалеет Дудочкин, что так и не успел он с лейтенантом Ерёминым встретиться: «Вот бы сюда Петра».

Стремительно движутся танки. И вот 23 ноября 1942 года рядом с Доном, за Калачом, встретились части двух разных фронтов.

Видит Ерёмин — танки летят навстречу.

— Наши! Наши! — кричат кругом.

Встретились танки двух разных фронтов — Юго-Западного и Сталинградского, замкнули кольцо окружения.

Отбросил Ерёмин крышку танкового люка. Вылез наружу. Спрыгнул на снег. Смотрит — бросились люди навстречу друг другу. Не скрывают солдаты радости. Обнимают один другого. Шлемы бросают вверх.

Не отставать же Петру Ерёмину. Обнял одного, обнял другого. Бросился к третьему. Расцеловал. По плечу похлопал. Глянул — да это же Дудочкин! Василий Дудочкин.

— Вася! — закричал Ерёмин.

— Петя! — вскрикнул Дудочкин.

Повстречались друзья, как в сказке. Обнялись до боли в плечах.

Повстречались, обнялись. Смотрят, а рядом — два генерала, их генералы, те самые. Обнимаются генералы. Друг друга до боли в костях сжимают.

— Лёня! — кричит один.

— Саня! — в восторге кричит другой.

Увидели генералы Ерёмину и Дудочкина.

— Ну как?

— Встретились! Встретились! — закричали Ерёмин и Дудочкин.

Улыбаются генералы:

— Ну что ж, добрая встреча, добрая. Побольше таких бы встреч.

Наступление Юго-Западного и Сталинградского фронтов завершилось полным успехом. Огромная 330-тысячная фашистская армия, штурмовавшая Сталинград, оказалась, как волк, в капкане.

ЗИМНЯЯ ГРОЗА

22 фашистские дивизии, 330 тысяч фашистских солдат, окружила под Сталинградом Советская Армия.

Дал Гитлер клятву спасти окружённых фашистских солдат.

Выбрал надёжного человека. Им оказался опытный фашистский военачальник генерал-фельдмаршал Манштейн. Поручил Гитлер Манштейну прорвать кольцо советского окружения, деблокировать Сталинград.

— Хайль! — прокричал Манштейн.

«Манштейн» в переводе на русский — «человек-камень». Верит в Манштейна Гитлер. Верят в Манштейна солдаты. Манштейн — горы свернёт. Манштейн — скалы пробьёт. Если надо, Манштейн остановит реки.

— Держитесь! Я к вам иду! Я вас спасу! — заявил фашистский генерал-фельдмаршал.

Собрали фашисты войска. Из Германии новые части прибы-

ли, из захваченной Гитлером Польши, из захваченной Гитлером Франции. Пришли и с других фронтов.

«Зимняя гроза» — назвали фашисты своё наступление.

12 декабря 1942 года. Устремились вперёд фашисты. Танки, самоходки идут впереди, сзади ползут обозы. Везут боеприпасы, горючее, одежду, продовольствие для окружённых. И вот опять в степях между Доном и Волгой в жесточайшей схватке сошлись войска. В районе посёлка Верхне-Кумский разгорелось огромное танковое сражение. Посёлок несколько раз переходил из рук в руки. Всюду горели подбитые танки. И снова — не счесть погибших. Героически бились советские воины. И всё же под натиском грозных сил пришлось отойти солдатам.

Через шесть дней после начала фашистского наступления гитлеровские войска, окружённые под Сталинградом, услышали шум канонады.

— Мы спасены! Это идёт Манштейн!

Готовят фашисты Манштейну достойную встречу. Время назначили. Место. Час. Порядок торжеств и парад в честь победы.

Однако встречу Манштейну не только они готовят. Срочным маршем навстречу Манштейну идут и советские части. Идёт гвардейская армия под командованием генерала Родиона Яковлевича Малиновского. Цепок в боях Малиновский. Стремителен в маршах, быстр.

В ожидании дивизий Малиновского советские воины укрепились у реки Мышкова.

Подожли фашисты к реке Мышкова. Споткнулись, застряли, остановились.

— Вперёд! — не утихает Манштейн. — Вперёд!

Однако фашисты вперёд ни шагу.

— Вперёд! Вперёд! — кричат в полках, батальонах и ротах.

— Вперёд! — даже кричат в обозах.

Однако советские солдаты крепко стоят в обороне.

— Вперёд!

Ни шагу вперёд фашисты.

— Отставить. Отложим до завтра, — сказал Манштейн.

— До завтра! — прошла команда.

А назавтра прибыли сюда главные силы армии Малиновского. Ударили гвардейцы по фашистам так, что лишь перья от тех полетели.

Побежали враги.

Хотели грозу фашисты. Получили грозу фашисты.

Командир танкового корпуса генерал Василий Тимофеевич Вольский принимал пополнение. Подходили командиры танковых частей, докладывали, представлялись.

Подшёл первый:

— Товарищ генерал, командир танкового полка подполковник Чёрный прибыл в ваше распоряжение.

— Здравствуйте, — сказал генерал Вольский. Посмотрел на подполковника, понравился ему офицер. Коренастый, крепкий. Глаза весёлые. Взгляд открытый.

Понтересовался генерал, как доехал полк, сколько танков в полку, каково у бойцов настроение.

— Отличное настроение, — отвечает подполковник Чёрный. — Танки новые. К боям готовы.

— Вот и прекрасно, — сказал Вольский. — Желаю успехов по новому месту службы.

Представился подполковник Чёрный, сделал шаг в сторону. Новый офицер подходит к генералу Вольскому. Смотрит генерал — строен, высок офицер. Глаза серьёзные. Взгляд орлиный. Звание у офицера, как и у подполковника Чёрного, тоже подполковник.

Подшёл подполковник к генералу:

— Товарищ генерал, командир танкового полка подполковник Белый прибыл в ваше распоряжение.

Посмотрел генерал на подполковника:

— Как? Повторите фамилию.

— Подполковник Белый, — повторил подполковник.

Смотрит генерал Вольский на стоящего перед ним подполковника. Чёрный — Белый... Вот это да! «Шутят, что ли?» — даже подумал. Да нет, глаза у подполковника серьёзные, взгляд не озорной — орлиный.

Расхохотался тогда генерал. Поял, произошло совпадение. Подозвал он вновь подполковника Чёрного, показал на Белого:

— Знакомьтесь.

— Подполковник Чёрный, — представился Чёрный.

— Подполковник Белый, — представился Белый.

Теперь наступило время рассмеяться и самим подполковникам.

Стали подполковники Белый и Чёрный служить в одном корпусе. Немало шуток об этом тогда ходило. Даже сам корпус порой называли то чёрно-белый, то бело-чёрный.

Даже в стихах шутили:

— Белый Чёрного спросил: где ты бороду красишь?..

Доходили шутки и до генерала Вольского.

— Били бы хорошо врага, — отвечал генерал Вольский. — А Белый или Чёрный — не имеет значения.

А вот врагов, нужно сказать, и подполковник Белый и подполковник Чёрный били действительно умело. Это они в числе других со своими танковыми полками завершили стремительное окружение фашистов под Сталинградом. Это они вместе со своими танкистами умело колотили дивизии генерал-фельдмаршала Манштейна, ответив на фашистскую грозу нашей грозой — советской.

Шутили солдаты:

— Бьёт их Белый, бьёт их Чёрный. Жизнь фашистам не мила. Белый свет им ныне чёрный.

ВОЗДУШНЫЙ МОСТ

Разбит Манштейн. Не прорвались к своим фашисты.

— Мы не прорвались, но есть самолёты!

Боеприпасы, горючее, продовольствие стали поступать к фашистам в Сталинградский котёл по воздуху. Организовали фашисты воздушный мост. Бороздят самолёты небо.

Началась эта история ещё до того, как попали фашисты в котёл, в Сталинградское окружение. Атаковали как-то фашистские асы колонну советских танков. Изрядно нашим тогда досталось. Беснуются в небе, как вихрь, самолёты. Стали над танками в замкнутый круг. Пикируют вниз на танки.

Приметил его танкист, механик-водитель старший сержант Гаврилов. Самолёт был под номером 22. Именно бомбой с этого самолёта был подорван гавриловский танк. Именно пулей с этого самолёта был ранен стрелок Носак.

Стоит на земле Гаврилов. В бессильной злобе грозит кулаком самолёту.

С той минуты не было большей мечты у Гаврилова, как отомстить фашисту. Крепко держит в памяти номер 22.

Смеются друзья над Гавриловым:

— Рождённый ползать летать не может.

— Да где это видано, чтобы танк отомстил самолёту!

— Отомщу, — упрямо твердил Гаврилов.

Уж, видимо, очень был зол Гаврилов. Гора с горой, говорит, не сходится. Снова сошлись самолёт и танк.

Случилось это в конце декабря, в самый разгар боёв, когда добивали наши войска Манштейна. Танковая бригада, в которой служил Гаврилов, получила приказ прорваться к фашистам в тыл и выйти к станции Тацинской. Рядом с Тацинской большой фашистский аэродром. На аэродром и был нацелен удар танкистов.

Тронулись танки в рейд. Хмурое утро. Ползёт туман. Укрылись машины в молочной мари. Проскочили танкисты десятки километров, вышли незаметно к аэродрому. Не ждут их фашисты. Забит аэродром машинами. Стоят самолёты сплошными рядами. Ряд подпирает ряд.

— Бей по хвостам! Бей по хвостам! Топчи по хвостам! — пронеслась команда.

Хвост — самая уязвимая часть самолёта. На хвосте крепят рули. Сбиты рули, самолёт — игрушка.

Устремились танки к самолётным шеренгам. Режут хвосты, как бритвой. Вместе со всеми крошит фашистов и старший сержант Гаврилов.

Мчит сквозь огонь Гаврилов. Выскочил к взлётному полю. Смотрит — вырывает самолёт. Глянул Гаврилов: сердце ударило в грудь, как молот.

— Он! — закричал Гаврилов.

— Он! — сверху из башни кричит Носак.

Видят номер 22 на борту самолёта. Развернул Гаврилов танк, устремился за самолётом. Увидел фашистский лётчик советский танк, дал мотору полные обороты и прямо поперёк взлётного поля пошёл на взлёт. Бежит машина. Перебирают колёса заснеженные бугорки. Бежит самолёт, а следом несётся танк.

— Стреляй, стреляй! — кричит Носаку Гаврилов.

Да только мешкаст что-то Носак. Никак фашиста в прицел не схватит.

Танк не чета быстрокрылому. Всё быстрее, быстрее бежит самолёт. От неровностей поля словно гусь с ноги на ногу переваливается. Не уменьшается между ними — растёт расстояние. Уходит из рук стервятник.

Добежал самолёт до границы поля. Тут проходил овражек. Подпрыгнул. Повис в воздухе. Вот-вот начнёт набирать высоту.

— Стреляй! — дико кричит Гаврилов.

В это время и танк подскочил к овражку. Коснулся овражной кручи и — о чудо! — как лыжник с трамплина, за самолётом — в воздух. В эту минуту Носак и стрельнул. Вышел снаряд смертоносным жалом. Лизнул самолётную твердь. Рухнул фашист на землю.

Танк хотя и свалился тогда в овражек, по цел, невредим и счастлив.

Более 300 самолётов уничтожили в этот день советские танкисты на аэродроме в Тацинской. Да и не только здесь. И на другие аэродромы совершили танкисты рейды.

Сбивали фашистов метким огнём зенитчики. Советские истребители встречали фашистов в небе. Ничего не получилось у фашистов с мостом небесным.

Рухнул воздушный мост.

Идут последние дни Сталинградской битвы. Станица Садовая. На пути к Сталинграду. Почти от самых железнодорожных путей тянутся тут бараки. Когда-то здесь были склады. Сейчас госпиталь для раненых и обмороженных фашистских солдат.

Много их. Прибывают всё новые.

Прибыли вместе с другими и солдаты Отто Шредер и Хуберт Пикер. Оказались рядом они на нарах. Ранен Шредер в живот осколком. Отморозил руки и ноги Пикер.

В столах и муках лежат солдаты. Обходят врачи бараки:

— Мужайтесь! Мужайтесь! Вы гордость рейха. Вы доблесть рейха. Чит вас родина. Чит и помнит.

Лежат солдаты. Однако у всех тревога. Что ожидает их впереди? Где-то рядом идут бои. Раскаты слышны орудий. Боятся солдаты русского плена. Наступает Советская Армия. Волнуются и сами врачи. Звонят они в штаб к начальникам.

— Не беспокойтесь, — отвечают начальники. — Не бросим больных, не бросим. Не попадут они к русским в плен.

Заверяют врачи солдат:

— Не попадёте вы к русским в плен.

И снова:

— Мужайтесь! Мужайтесь! Вы гордость рейха. Вы доблесть рейха. Чит вас родина. Чит и помнит.

И верно. Слух прошёл по баракам: едет полковник из штаба, везёт ордена-кресты. Вручат храбрецам награды.

Повеселели солдаты. Поднялся солдатский дух. Не забыла их родина. Чит и помнит.

Прибыл полковник.

— Смирно! — команда идёт по баракам.

Замерли все: и врачи и больные. Вручает полковник солдатам награды. Идёт вдоль нар, никого не обходит. Косят Шредер и Пикер глазами. Скоро и к ним подойдёт.

— Хайль Гитлер! — произносит полковник. И цепляет солдатам почётный знак.

— Хайль! — отвечают солдаты.

— Хайль! — прокричали и Шредер и Пикер.

Лежат солдаты в крестах, в наградах. Оценён их ратный труд.

И всё же волнует солдат вопрос: как же с отправкой на родину? Кто-то полез к полковнику — не грозит ли солдатам плен?

— Не грозит, не грозит, — ответил полковник. — Не опасайтесь. Слово моё и фюрера.

Уехал полковник. Оставил какой-то приказ в пакете. Сказал — вскрыть, если прорвутся к Садовой русские. Прорвались

русские. Вышли утром они к Садовой. Вскрыли пакет начальники. Читают приказ. В приказе чёрным по белому — сжечь, уничтожить солдат и солдатский госпиталь.

Сдержало начальство слово. Не попали солдаты в плен. Плеснули фашисты бензин на бараки. Взвились к небу огонь и дым. Утонули в пожаре несчастных крики.

ПОСМОТРЕТЬ НА ГЕРОЕВ

Добивает фашистов Советская Армия.

Молодые солдаты — башенный стрелок Степан Басов и механик-водитель Павел Костров — мечтали посмотреть на настоящих героев. Восхищались они мужеством защитников Сталинграда:

— Вот ведь люди какие! Как скалы стояли. Не сломили фашисты город. Вот бы глянуть на них, на героев!

Служили солдаты в составе Донского фронта, в танковой бригаде подполковника Якубовского. Наступил день, когда армия, в которой служили танкисты, перешла в наступление. Прорвали советские войска оборону противника. Идут к Сталинграду. Довольны Костров и Басов — вот повезло, своими глазами увидят они героев.

Во время прорыва танки Якубовского обходили слева посёлок Мало-Клетский. Рядом с посёлком сильно укреплённая высота. Разместились здесь огневые точки противника. Сдерживают отсюда фашисты наступление советской пехоты. На штурм высоты и пошли танкисты. Метко бьёт Басов. Уничтожил две огневые точки. Ловко управляет Костров машиной. Две огневые точки гусеницами раздавил. Отличились в бою солдаты, медалями награждены.

Затем бригада подполковника Якубовского сражалась в районе Вертячего. Выскочили несколько танков, в том числе и танки Кострова и Басова, на крутой берег Дона. Далеко видно с высокого берега. Вот в атаку идёт советская пехота. Бьют из-за укрытия по пехоте фашистские пушки. На фашистов, на пушки и ринулся танк Кострова. С первых же выстрелов подбил Басов два фашистских орудия. Ещё два орудия Костров гусеницами раздавил. Отличились снова Костров и Басов. Заслужили и здесь награды.

Пробиваются танки дальше. Всё ближе и ближе они к Сталинграду.

Рады Костров и Басов:

— Теперь уже скоро увидим героев. Теперь уже недалеко!

Тяжёлые бои развернулись за Казачий курган. Трижды

советские бойцы достигали его вершины. Трижды возвращали фашисты опять высоту.

Идёт атака в четвёртый раз. На помощь пехоте брошены танки. Лихо танкисты бьются. Любо на них смотреть. Залюбовалась пехота. И слева и справа несутся танки. Оторвался один от других. Первым на приступ лезет. Первым вошёл на курган. Первым пехоте пробил дорогу.

— Ура героям!

— Так это ж Костров и Басов!

Вновь смельчакам — награды.

Двигутся, движутся вперёд войска. Мужают в боях солдаты. И вот впереди Сталинград. Торжествуют Костров и Басов. Сбывается их желание. Ещё день — и своими глазами увидят они защитников волжской крепости.

И вот этот день наступил — 26 января. В этот день танкисты Якубовского ворвались в Сталинград и в районе Мамаева кургана встретились с бойцами-гвардейцами из армии генерала Чуйкова.

Выскочили Костров и Басов из танка, уставились на сталинградцев — вот перед ними стоят герои!

Поражаются сталинградцы: что это два танкиста на них, как на расписные ворота, смотрят?

Объясняет командир танка: мол, молодые солдаты, мол, мечтали посмотреть на героев.

Усмехнулись сталинградцы. Однако самим приятно.

— Ясно, товарищ танкист. Понятно!

Вдруг вышел вперёд старшина-сталинградец. Пригляделся к Кострову, к Басову:

— Посмотреть на героев? Ну что ж, смотрите.

Вынул газету:

— Вот тут про героев.

Раскрыли танкисты газету. Глянул Басов — не верит своим глазам. Глянул Костров — тоже глазам не верит.

В газете напечатана фотография. На фотографии двое — Костров и Басов. А сверху надпись: «Слава героям Донского фронта!»

Растерялись танкисты, смутились, зарделись.

Улыбается старшина-сталинградец. Похлопал по плечу Басова, похлопал Кострова, смотрит и сам на фотографию:

— Хороши, хороши! Красивы!

Пошла по рукам газета. Все хотят на героев взглянуть.

Окружила Советская Армия фашистов. В мощных боях разбила. Те, кто остался цел, устремились теперь в Сталинград, в ту часть города, которая пока ещё в руках у фашистов. Ищут фашисты среди стен городских спасение. Приходят в город всё новые и новые фашистские части, а тут и своих полно.

Дома все разрушены. Щебень да камни.

Расползлись фашистские солдаты по подвалам разрушенных домов, по подземельям, погребам и траншеям. Залезают в любую щель.

В одном из глубоких подвалов, под зданием бывшего университета, сидит и командующий окружённой фашистской армией генерал-фельдмаршал Фридрих Паулюс.

— Мужайтесь! Держитесь! — кричат из подвала фашистские генералы.

Здесь, в подвале, штаб окружённой армии или, вернее, того, что осталось от армии. Не много солдат добрело до города. Одни ещё бьются. Другие махнули на всё рукой.

— Держитесь! Держитесь! — приказ солдатам.

Однако всё меньше и меньше тех, кто готов держаться.

И вот к центру Сталинграда прорвались советские танки. Подошли танкисты к подвалу, в котором скрывались фашистский штаб и фельдмаршал Паулюс. Спустились в подвал героя:

— Будьте любезны, руки кверху, фельдмаршал Паулюс!

Сдался фельдмаршал в плен.

Добивают солдаты фашистов. Из подвалов, подземелий, щелей, траншей выкуривают.

— Вылезайте на свет, голубчики!

Выходят фашисты. Руки, как пикеты, вверх. Головы — в плечи.

2 февраля 1943 года фашистские войска, окружённые под Сталинградом, окончательно сложили оружие. Всё, что осталось от огромной 330-тысячной гитлеровской армии, сдалось в плен. Советскими войсками были разбиты или полностью уничтожены 22 фашистские дивизии. Пленено 91 тысяча фашистских солдат, в том числе 2500 офицеров. Помимо фельдмаршала, советские войска взяли в плен 23 гитлеровских генерала.

Фашистская армия, сражавшаяся под Сталинградом, перестала существовать.

Прошло два дня, и 4 февраля на центральной площади Сталинграда состоялся огромный митинг. Застыли в строю солдаты. Слушают слова о фашистской капитуляции. Несутся слова над площадью:

— Двадцать две дивизии!

— Двадцать три генерала!

— Девяносто одна тысяча фашистских солдат и офицеров!

— Фельдмаршал Паулюс!

Победа под Сталинградом была полной. Победа была великой. Не померкнет слава её в веках.

Сталинград!

Крепость на Волге.

Город-легенда.

Город-герой.

Здесь люди стояли как скалы. Здесь жизнь победила смерть.

РАССКАЗЫ О БИТВЕ НА КУРСКОЙ ДУГЕ

ПЕРВЫЕ ЗАЛПЫ

Июль. 5-е. 1943 год. Короткая летняя ночь. Курская дуга. Не спят фашисты. На 3 часа утра назначено наступление. Отборные войска направлены сюда, под Курск. Лучшие солдаты. Лучшие офицеры и генералы. Лучшие танки, лучшие пушки. Самые быстрые самолёты. Таков приказ главаря фашистов — Адольфа Гитлера.

За тридцать минут до начала штурма начнут фашисты артиллерийскую атаку на советские позиции. Загрохочут пушки. Это будет в 2.30. Пропашут снаряды советские позиции. Затем вперёд устремятся танки. За ними пойдёт пехота.

Притаились фашистские солдаты. Сигнала ждут. Нет-нет, на часы посмотрят. Вот два часа ночи. Два пять. Два десять. Двадцать минут до двух тридцати осталось. Пятнадцать, десять минут осталось. Десять минут, и тогда...

И вдруг! Что такое?! Не могут понять фашистские солдаты, что же вокруг случилось. Не от них, не со стороны фашистских позиций, а оттуда, от русских, прорвав рассвет, огненным гневом ударили пушки. Покатился смертельный вал. Вот подошёл к окопам. Вот заплескал, закружил над окопами. Вот поднял землю к небу. Вот вновь металлом забил, как градом.

В чём же дело?

Оказалось, советским разведчикам удалось установить точные сроки фашистского наступления. День в день. Час в час. Минута в минуту. Не упустили удачу наши. Упредили фашистов. По готовым к атаке фашистским войскам первыми всей силой огня ударили.

Заметались фашистские генералы. Задержалось у них наступление. Прижались к земле фашистские солдаты. Не тронулись с исходных позиций фашистские танки. Не успели артиллеристы открыть огонь. Лишь через несколько часов смогли фашисты пойти в атаку. Однако без прежнего энтузиазма.

Шутили у нас в окопах:

— Не тот теперь выдох!

— Не тот замах!

И всё же сила у фашистов была огромная. Рвутся они к победе. Велят они в победу.

Долго готовились фашисты к Курской битве. Дважды начало её откладывали. То не готовы новые танки. То не готовы новые пушки. То новые самолёты не закончили испытания.

Готовились фашисты к наступлению. К наступлению готовились и наши войска. И наши приняли решение ударить по фашистам именно здесь, в районе Курского выступа. Ставка Верховного Главнокомандования рассматривала вопрос: наступать первыми или выждать? Решили — выждать. План у советских войск был такой: пусть первыми ударят фашисты, мы их сдержим, обессилим в упорных оборонительных боях, а затем, выбрав удобный момент, сами перейдём в наступление.

Такое ведение войны называется контр наступлением. Утвердила Ставка Верховного Главнокомандования этот план.

Наступление под Курском фашисты начали с двух направлений. Они наносили удар по Курску с севера, со стороны города Орла, и с юга, со стороны города Белгорода. Прорваться к Курску, захватить в огромный мешок советские войска, которые находились на Курском выступе, разбить, уничтожить, пленить эти войска — таковы намерения у фашистов.

Дождались фашисты новой военной техники. Во время Курской битвы у них появились сразу два новых танка. Один из них фашисты называли «тигр», второй — «пантера». Была у врагов и ещё одна новинка — самоходное очень мощное орудие «фердинанд». Началась битва. Пошли в атаку «тигры», «пантеры» и «фердинанды».

Не приметно ничем селение Ольховатка: поле, овраги, ручьи в оврагах. Метры родной земли. Грозный бой развернулся на этих метрах.

С севера, со стороны Орла, фашисты направили удар на Ольховатку.

В числе войск, сражавшихся под Ольховаткой, находился истребительно-противотанковый полк. Служили в полку два брата: Никита Забродин и Степан Забродин. Оба рослые. Оба красивые. Сержанты оба. Один и другой командиры орудий. Родом они из Сибири. Работали до войны звероловами.

Знают солдаты в полку, что у фашистов «тигры», «пантеры» и «фердинанды». Смеются солдаты, кивают братьям:

— По вашей, выходит, части.

— Верно, по нашей, — сказал Степан.

— Согласен, по нашей, — сказал Никита.

Заработали их расчёты.

Лихо сражался Степан Забродин. Не торопился, стрелял с умом. Не бил в лобовую броню. Метил противнику в бок. Тут у танков броня не такая толстая. Выходят из строя «тигры».

Не уступает брату и Никита Забродин. Ловок в бою Никита. Этому больше везёт в «пантерах». Выстрел. Выстрел. И снова выстрел. Замирают в прыжках «пантеры».

А слева и справа другие стоят солдаты. И у этих в бою удача. Однако у Забродина всё же больше. Три танка подбил Степан. Три танка подбил Никита.

— Звероловы, как есть звероловы, — смеются солдаты.

Под Ольховаткой были в героях не только одни Забродины. Многие там отличились. И артиллеристы, и наши танкисты, и пехотинцы, и авиаторы. Не взяли враги Ольховатку. Отстояли её солдаты.

ОСОБЫЕ

Не смогли фашисты через Ольховатку на Курск прорваться, повернули на станцию Поньры.

Здесь, как и под Ольховаткой, вновь много советских бойцов отличилось. Был в их числе и артиллерийский расчёт, которым командовал ефрейтор Кузьма Андреевич Зуев.

На время боя орудие Зуева было придано небольшому пехотному подразделению. Прибыла пушка в подразделение.

Окружили её солдаты.

Среди пехотинцев много совсем молодых бойцов. Есть и такие, которые пушку впервые так близко видят. Смотрят солдаты: кто издали, кто ближе подходит. А один и вовсе шагнул к орудю. Колёса потрогал, пощупал лафет, ствол, словно по шее коня, похлопал. Обратился к артиллеристам:

— Здорово лупит?

— Молния-гром!

Замаскировали артиллеристы орудие, установили так, чтобы фашисты не сразу его заметили, приготовились к бою.

Вот и фашистские танки пошли в атаку. Выжидают артиллеристы. Выжидают бойцы в окопах.

Ближе танки. Всё ближе.

«Чего не стреляют?! Чего не стреляют!» — тревога прошла в окопах.

И вот ударила грозно пушка. Считают огонь солдаты:

— Раз!

— Два!

— Три!

Посмотрели теперь на поле:

Раз.

Два.

Три.

Три фашистских танка стоят подбитыми. Прошёл по окопам восторженный гул:

— Вот так ребята!

— Вот так орудие!

— Молния-гром! — заключает тот самый, который пушку, словно по шее коня, похлопал.

Продолжается бой. Опять фашисты идут в атаку. Опять пушка огонь открыла. Смотрят солдаты — четыре новых танка стоят подбитыми. А за этими снова три.

И снова в окопах:

— Вот так расчёт!

— Глаз как алмаз!

— Пушка, братцы, у них особая!

— Да что там пушка — люди они особые!

Сказали бойцы и сглазили. Определили фашисты место, где стояла в укрытии наша пушка. Разбили фашисты советскую пушку.

Замолчала пушка. А фашисты идут и идут. Всё ближе они к нашим окопам.

Вступили пехотинцы теперь в сражение. Подпустили к окопам танки. Полетели гранаты в танки.

Наблюдает артиллеристы. Ловко бросают бойцы гранаты. Считают артиллеристы подбитые танки:

— Раз!

— Два!

— Три!

Не сдержались артиллеристы:

— Вот так ребята!

— Вот так гранаты!

Продолжается бой. Нелегка для фашистских танков схватка с героями. Вновь выходят из строя фашистские танки. К подбитым прибавляются новые. Считают артиллеристы и эти новые.

Не могут артиллеристы скрыть своего восторга:

— Вот так пехота!

— Глаз — ватерпас!

— Гранаты, братцы, у них особые.

— Да что гранаты — люди они особые!

Много под Поньями было солдат «особых», много «особых» гранат и пушек. Стойко стояли в боях солдаты. Сдержали они фашистов. Не прорвались и под Поньями фашисты к Курску. Снова бросились на Ольховатку. Непроступна опять Ольховатка.

Рассчитывали фашисты отсюда, с севера, со стороны Орла, Ольховатки и Поньрей быстро вперёд пробиться. А продвинулись всего лишь на десять — двенадцать километров. Продвинулись. Остановились. Дальше к Курску пути закрыты.

Бой шёл у селения Крутой Лог. Это южнее Курска. Отсюда, со стороны Белгорода, наносили фашисты второй удар. Рвались они на Корочу, на Обоянь, на Прохоровку. Здесь, у селения Крутой Лог, как раз в направлении на Корочу, держал оборону стрелковый батальон капитана Бельгина.

120 танков, в том числе 35 «тигров», обрушились на наши окопы.

— Противотанковые ружья к бою! Гранаты к бою! — командует капитан Бельгин.

Сдержали наши удар фашистов. Откатились назад фашисты. Откатились. Чуть переждали. Снова идут в атаку. На этот раз за танками идёт пехота.

— Пропускай танки! — командует Бельгин.

Знают солдаты, что значит пропустить танки. Укрылись они в окопах. Проползли над ними фашистские танки. Поднялись бойцы, открыли огонь по фашистской пехоте. Беззащитной оказалась теперь пехота. Немалый урон нанёс батальон фашистам. Пока развернулись танки, пока пришли на помощь своим солдатам — защищать оказалось некого: легла под метким огнём советских стрелков вражеская пехота. Взялись наши солдаты теперь за танки. Достаётся фашистским танкам.

Удержали рубеж советские солдаты. Откатились назад фашисты.

Откатились фашисты. Чуть переждали. В третий раз начинают они атаку.

Опять пошли танки. Ревут моторы. За танками грозно идёт пехота.

— Пропускай танки! — снова дана команда.

Укрылись солдаты в окопах. Ждут, когда пройдут над головами танки.

— Сейчас пройдут, и тогда не зевай, — рассуждают солдаты.

— Снова покажем фашистам!

Всё ближе к окопам танки, всё ближе. И вдруг, подойдя к окопам, остановились танки. Остановились. Затем развернулись. И стали «утюжить», то есть ходить по нашим окопам. Ждут фашисты: вот-вот побегут из окопов советские солдаты.

— Ну как?

— Не бегут, — отвечают фашистам. — Держатся.

И верно — держатся.

Открыли тогда фашисты пулемётный огонь по окопам. Ждут фашисты: вот-вот побегут солдаты.

— Ну как?

— Не бегут, — отвечают фашистам. — Держатся.

И верно — держатся.

Но не только держались и удержались советские солдаты. Не прекращали с фашистами бой. Тридцать девять фашистских танков подорвали советские солдаты к концу сражения. Уничтожили без малого тысячу фашистов.

Отступили опять фашисты.

«Железным батальоном» называли за этот бой батальон капитана Бельгина. Точное очень слово. Ищи, не найдёшь другого.

ГВАРДЕЙСКИЙ АППЕТИТ

Танкист лейтенант Бессарабов мечтал о «тигре», то есть мечтал в бою своим танком подбить фашиста. Отличный танкист Бессарабов. Как же ему — без «тигра»!

Сражался Бессарабов южнее Курска, возле города Обояни. С особой силой тут рвались вперёд фашисты. Именно здесь больше всего и появилось фашистских «тигров».

Разгорелось сражение. И вот в самом его начале подбил Бессарабов танк. Правда, не «тигра». Подбил обычный. Поздравляют его товарищи. Подбить танк, хотя и обычный, случается тоже не каждый день.

— Не то, не то, — махнул огорчённо Бессарабов.

Продолжается бой. И снова подбил Бессарабов танк. Правда, не «тигра». Подбил обычный.

Поздравляют его товарищи. Не каждый день ведь такое случается, чтобы подбить два танка.

— Не то, не то, — опять о своём Бессарабов.

— «Тигра» он хочет, — смеётся лучший дружок Бессарабова лейтенант Гогоберидзе.

Не отпирается Бессарабов.

И вот в том же бою повстречал он «тигра». Столкнулись танки на встречных курсах, нос к носу, лобовая броня к броне.

Припал к орудию Бессарабов. Послал бронебойный снаряд по «тигру». Ударил снаряд в броню. Смотрит Бессарабов — не тронут «тигр». Отлетел от брони снаряд. Лишь искры, как из трамвайной дуги, посыпались. Снова Бессарабов пустил снаряд. И снова снаряд словно в слона горошина. Недоступной для наших танковых пушек была лобовая броня у «тигра».

Фашист ответно открыл огонь. Едва увернулся от «тигра» тогда Бессарабов. Едва от врага ушёл.

На следующий день под Обоянью вновь разгорелась битва. Бились упорно. И мы и фашисты. Железо сошло с железом. Сила ломала силу.

И вот — ура! — подбил Бессарабов «тигра». Стрелял не в лоб, как вчера, а в бок, где тоньше броня у танка.

Разгорячился боец в сражении. Рвётся он к центру боя. Вдруг видит рядом танк лейтенанта Гогоберидзе. Слышит по рации голос друга:

— Что тебе, мало «тигра»?

— Мало! — кричит Бессарабов.

— Хочешь ещё?

— Хочу!

Усмехается Гогоберидзе:

— Наш аппетит, танкистский.

Подбил второго «тигра» танкист. Минута, вторая — горит и третий.

Поздравляют друзья Бессарабова:

— Наш аппетит, гвардейский!

Лейтенант Бессарабов был первым из советских танкистов, подбившим в одном бою три неприятельских «тигра». Потом и другие нашлись умельцы. Уничтожали по три, по четыре «тигра». Однако первый есть всё-таки первый. Почёт всегда больше первому.

ТРУБКА

Старший лейтенант Алихан Гагкаев командовал артиллерийской батареей. Четыре орудия в батарее.

Любили батарейцы своего командира: молодой, всегда весёлый. Родом он был с Кавказа. О горах, водопадах любил лейтенант рассказывать, о милой своей Осетии.

Была у Гагкаева трубка — память о доме. Не расставался Гагкаев с трубкой. Сам не курил. Просто носил в кармане.

— В Берлине раскурим, — шутил Гагкаев.

Во время Курской битвы батарея Гагкаева сражалась южнее города Обояни. С редким упорством здесь рвались вперёд фашисты. Особенно возле села Яковлево у шоссе, ведущего из Белгорода на Курск. Тут и стояла батарея Гагкаева. Не она одна прикрывала шоссе. Левее, правее стояли другие. Но сложилось так, что один из главных ударов фашистов пришёлся как раз на батарею Гагкаева.

Держит Гагкаев по рации связь с командиром полка майором Котенко.

— Вижу танки.

— Сколько?

— Десять.

Через минуту:

— Тридцать...

Семьдесят танков рвалось сюда на Яковлево.

Вступили солдаты в бой. Обрушили артиллеристы огонь на фашистские танки. Удачно они стреляли. Выходят из строя фашистские машины. Но бой есть бой. Тут взаимны всегда потери. Подбили фашисты одну из советских пушек. Было четыре, осталось три.

Продолжается жаркий бой. Снова выходят из строя фашистские танки. Но и снова потеря на батарее. Гибнет вторая пушка. Было четыре, осталось две. Но и две — это тоже сила.

— Как дела? — спрашивает по рации майор Котенко.

— Нормально, — отвечает ему Гагкаев.

Всё сильнее, всё упорнее бой. Бой есть бой. Снова потеря на

батарея. Было четыре пушки. Одна осталась. Но и одна — это тоже сила.

— Как дела? — опять запрос от майора Котенко.

— Держимся, — отвечает ему Гагкаев.

Держатся герои. Не пропускают вперёд фашистов. Погибла последняя пушка. Взяли батарейцы гранаты в руки. Перешли к рукопашному бою.

— Как дела? — снова слышится голос майора Котенко.

— Нормально, — кричит Гагкаев. — Держимся. Перешли к рукопашному бою.

— Понял. Идём на помощь.

Прибыла помощь: танки, отряд пехоты. А с ними и сам Котенко. Повернулся к командиру полка Гагкаев. Руку поднёс к фуражке.

— Товарищ майор, держит рубеж батарея.

— Орлы! Молодцы! — похвалил Котенко.

Улыбнулся Гагкаев. Продолжает стоять, всё руки не отводит от фуражки, всё прижимает её к правому боку. И вдруг побледнел, качнулся и рухнул на землю. И только тут увидел майор Котенко — весь правый бок у артиллериста залит кровью. Бросились к нему батарейцы, наклонился майор Котенко.

— Держит рубеж бата... — вновь произнёс герой.

И больше ни слова. Мёртвым лежал Гагкаев¹.

Погиб Гагкаев. А трубка осталась. Сохранили её солдаты. Раскурили её батарейцы в Берлине. В день нашей победы. Как и мечтал Гагкаев.

ВАЛЬС ДОБРЯНСКОГО

Бой шёл в районе шоссе Белгород — Обоянь. Наступали фашистские танки. Впереди двигались «тигры».

Педалеко от наших окопов находился наблюдательный пункт. Два советских бойца, два солдата-разведчика, прижались к земле и следили за движением вражеских танков.

Один из «тигров» заметил советских воинов. Решили фашисты раздавить наших солдат. Направили танк на разведчиков. Ползёт, как утюг, машина. Всё ближе, всё ближе. Занял полполя, занял полнеба. Секунда, вторая. Рывок — и всё.

Не выдержал один из бойцов. Вскочил с земли, побежал по полю. Фашисты открыли пулемётный огонь. Рухнул солдат на землю.

Второй же боец — Анатолий Добрянский остался лежать на месте. Подошёл к нему вражеский танк, только подмять собрался, как вдруг вскочил Добрянский. Метнулся к танку. Прижался к «тигру», к борту, к его броне.

Смотрят из окопов бойцы на Добрянского:

— Хитрец!

— Мудрец!

Неуязвимый для «тигра», для его пулемётов оказался теперь Добрянский.

Тогда фашистский танк начал кружить по полю. Пытается он раздавить смельчака. Но и вправду смыслённый солдат Добрянский. Кружит он вместе с танком, не отрывается от брони.

И снова доносится из окопов:

— Герой!

— Молодец!

Кружил Добрянский вместе с танком, кружил, вдруг видит рядом окоп. Прыгнул в окоп Добрянский, укрылся от страшной смерти.

Смотрят фашисты. Где же боец? Провалился под землю? Броней придавлен? Увидели окоп. Вот где солдат укрылся. Примяли, притоптали танком окоп фашисты. Дальше пошли по полю.

Решили фашисты — погиб солдат. А Добрянский цел, невредим. Поднялся, швырнул бутылку с горючей жидкостью. Точно бросал боец. Попал в уходящий фашистский танк. Прямо туда, где с горючим баки.

Вспыхнул фашистский танк, как факел.

Смеялись потом бойцы, вспоминая, как Добрянский с танком кружил по полю.

— Здорово ты вальсировал!

— Кавалер из тебя заправский!

Подвиг рядового Добрянского для многих бойцов послужил наукой. Даже специально в частях изучали, как лучше, если возникнет во время боя надобность, вплотную прижаться к танку.

Идут у бойцов занятия.

— Что изучаете?

— Науку военную.

— Как называется?

— Вальс Добрянского.

¹ За свой боевой подвиг старший лейтенант Аликс Гагкаев был удостоен высокого звания — Героя Советского Союза.

Эскадрилья советских истребителей завершала боевой вылет. Прикрывали лётчики с воздуха южнее Курска в районе Ольховатки (это вторая — южная Ольховатка) наземные наши части. И вот теперь возвращались к себе на базу.

Последним в строю летел лейтенант Александр Горовец. Всё хорошо. Исправно гудит мотор. Стрелки приборов застыли на нужных метках. Летит Горовец. Знает — впереди лишь минутный отдых. Посадка. Заправка. И снова в воздух. Нелегко авиации в эти дни. Битва не только гремит на земле — поднялась этакими в воздух.

Летит Горовец, небо окинет взглядом, взглядом проверит землю. Вдруг видит — летят самолёты: чуть сзади, чуть в стороне. Присмотрелся — фашистские бомбардировщики.

Начал лётчик кричать своим. Не ответил никто из наших. Сплюнул пилот в досаде. Зло посмотрел на рацию. Не работает, смолкла рация.

Идут фашистские бомбардировщики курсом к нашим наземным позициям. Там и обрушат смертельный груз.

Подумал секунду лейтенант Горовец. Затем развернул самолёт и устремился к врагам навстречу.

Врезался лётчик в фашистский строй. Первой атакой пошёл на ведущего. Стремительным был удар. Секунда. Вторая. Ура! Вспыхнул свечой ведущий.

Развернулся лейтенант Горовец, на второго фашиста бросился. Ура! И этот рухнул.

Рванулся к третьему. Падает третий.

Расстроился строй фашистов. Атакуют врагов Горовец. Снова заход и снова.

Четвёртый упал фашист.

Вспыхнул пятый.

Шестой!

Седьмой!

Уходят фашисты.

Но и это ещё не всё. Не отпускает врагов Горовец. Бросился вслед. Вот восьмой самолёт в прицеле. Вот и он задымил, как факел. Секунда. Секунда.

И сбит самолёт девятый.

Бой лётчика Горовца был уникальным, неповторимым. Много подвигов совершили советские лётчики в небе. Сбивали в одном полёте по три, по четыре, по пять и даже по шесть фашистов. Но чтобы девять! Нет. Такого не было. Ни до Горовца. Ни после. Ни у нас. Ни в одной из других воюющих армий. Лейтенант Горовец стал Героем Советского Союза.

Не вернулся из полёта лейтенант Александр Константино-

вич Горовец. Уже на обратном пути к аэродрому набросились на героя четыре фашистских истребителя.

Погиб лейтенант Горовец.

А подвиг живёт. И рассказы о нём ходят как были, как сказка.

ТРИ ПОДВИГА

Многие советские лётчики отличились в боях под Курском.

Весной 1942 года в тяжёлых схватках на Северо-Западном фронте в воздушном бою один из советских лётчиков был тяжело ранен, а его самолёт подбит. Лётчик опустился на территорию, занятую врагом. Он оказался один в лесной глуши. Лётчик стал лицом к востоку и начал пробираться к своим. Он шёл сквозь снежные сугробы, один, без людей, без еды.

Солнце садилось и всходило.

А он шёл и шёл.

Болели раны. Но он преодолевал боль.

Он шёл и шёл.

Когда силы его покидали, он продолжал ползти.

Метр за метром. Сантиметр за сантиметром.

Он не сдавался.

Солнце всходило и садилось.

А он шёл и шёл.

Он совершил подвиг и дошёл до своих.

На восемнадцатые сутки, измождённого и обмороженного, его подобрала партизаны. На самолёте он был доставлен в госпиталь. И тут самое страшное — неумолимый приговор врачей: необходима операция. Лётчик обморожен.

Лётчик лишился ног.

Но лётчик хотел летать. Хотел продолжать бить ненавистного врага.

И вот он совершает второй свой подвиг. Лётчику сделали протезы. Он начал тренироваться ходить с костылями, а затем... без костылей.

Теперь он упросил врачей разрешить сесть ему в самолёт. Он был настойчив, и врачи уступили. Лётчик снова на лётном поле. Вот он в кабине. Он снова в воздухе.

И опять тренировки, тренировки, бесчисленные тренировки.

Его проверили самые придирчивые экзаменаторы и разрешили летать.

— Только в тылу, — сказали лётчику.

Лётчик упросил отправить его на фронт.

Лётчик упросил доверить ему истребитель.

Он прибыл под Курск незадолго до начала Курской битвы. По первой же тревоге он поднялся в воздух.

Тут под Курском он совершил свой третий подвиг. В первых же боях он сбил три вражеских самолёта.

Этот лётчик известен всей стране. Имя его — Алексей Петрович Маресьев. Он Герой Советского Союза. О нём написана прекрасная книга. Автор её — писатель Борис Полевой. «Повесть о настоящем человеке» — называется эта книга.

ЧЕРНЫЙ ДЕНЬ

Гудит, грохочет металлом битва. Сошлись две силы на русском поле. Лавина стали сошлась с лавиной. Смешались в схватке огонь и люди. Зловещей гарью покрылось небо.

12 июля 1943 года под селением Прохоровка, южнее Курска, произошло величайшее во всей истории Великой Отечественной войны танковое сражение. Почти 1200 боевых машин и самоходных орудий приняло участие в этом небывалом сражении.

Через Прохоровку проходила железная дорога из Белгорода на Курск. Сюда и устремились теперь фашисты. Двигутся фашистские танки — «тигры», «пантеры» и самоходные орудия — «фердинанды» на Прохоровку. А в это время навстречу фашистам идёт советская танковая армия. Встретились танки. Вступили в бой.

Ворвались наши в ряды фашистов. Ближний бой выгоден нашим танкам. В ближнем бою теряют фашистские «тигры» своё преимущество. С близкого расстояния легче у «тигра» пробить броню, легче зайти и ударить сбоку.

Умело бьются советские танкисты. Достаётся фашистским «тиграм». Но и наши несут потери. Разгорается ярче битва.

На помощь танкам пришли самолёты. Повисли они над полем. Истребители, штурмовики, бомбардировщики. Наши и фашистские — смешались в небе. И там под солнцем грохочет битва.

На помощь танкам пришла артиллерия. Наша и фашистская. Бьют пушки прямой наводкой. Стойко стоят расчёты. Снаряды дырявят небо и землю.

Солнце давно в зените. В полном разгаре битва.

Плაცдарм, на котором идёт сражение, совсем невелик. Река Псёл с одной стороны. С другой — железнодорожная насыпь. С трудом разместилось здесь столько танков. Тесно машинам на тесном поле. Чуть ли не трутся они бортами. Всё больше, всё больше подбитых танков. Кострами пылает поле — то догорают танки. Дым над землёй поднялся, завесой окутал поле. Солнце в чаду, в тумане, словно чадру падело.

Не утихает, грохочет битва. Самолёты всё так же в небе. Всё так же не умолкает раскат орудий.

...Клонилося солнце к траве, к закату. Устали люди, земля и небо. А бой всё шёл, всё не кончался. И оставалось пока неясным, кому быть в первых, за кем здесь сила. Но вот над полем пронеслось: отходят «тигры». И вслед за этим как гром:

— Победа!

Проиграли фашисты танковое сражение под Прохоровкой. Был восьмой день Курской битвы. «Чёрным днём» называли его фашисты.

Наступление на юге от Курска, так же как и на севере, закончилось для фашистов полным провалом. Всего лишь на 35 километров смогли здесь фашисты вперёд продвинуться. Остановили и тут наши войска фашистов.

НИКОЛАЕВ

Механик-водитель старший сержант Александр Николаев в Прохоровском сражении вёл в бой танк капитана Скрипкина.

— Вперёд! Ближе к фашистам! Ближе! — командует Скрипкин.

Сошлись наши с фашистскими танками. Сидит за рычагами танка старший сержант Николаев. Точно выполняет команды Скрипкина.

— Правее! — кричит капитан.

Повернул Николаев правее танк. И тут же перед глазами вырос борт фашистского «тигра». Ударил из пушки стрелок по «тигру». Задымил, запылал фашист.

— Левее! Бери левее! — командует Скрипкин.

Повернул Николаев влево. И снова рядом фашистский танк. Ударил стрелок и по этому «тигру».

— Есть! — закричал стрелок.

Неплохое совсем начало. Продолжают танкисты бой.

Шагает танк Скрипкина, ищет врага прицелом. Нашёл.

— Выстрел!

— Выстрел!

Да мимо оба. Ушёл, увернулся фашистский танк.

Продолжают танкисты бой.

Ползёт танк Скрипкина. Ищет врага прицелом. Но и фашисты Скрипкина тоже ищут.

Опередили фашисты наших:

— Выстрел!

— Выстрел!

Да мимо оба. Сманеврировал, ушёл от удара советский танк.

Снова в бою танкисты. Ищут врага прицелом. Но и фашисты Скрипкина тоже ищут. Окружили танк Скрипкина сразу четыре фашистских танка. Подожгли фашисты советский танк. Ранили осколком капитана Скрипкина.

Вынесли старший сержант Николаев и радист командира из танка, укрылись рядом в большой воронке.

Не утихает кругом сражение. В самом разгаре битва.

Вдруг видит Николаев, что один из «тигров» движется к воронке. Ясно Николаеву: заметили их фашисты, минута — всему конец. Раздавят советских солдат фашисты.

Рванулись мысли:

«Быстрее — гранату!»

Нет у бойца гранаты.

«Бутылку с горючей смесью!»

Нет у бойца бутылки.

Глянул сержант Николаев на «тигра», потом на свой, на горящий танк. Секунда. Рванулся к танку. Вскочил на башню. Скользнул сквозь пламя. Метнулся в люк. Проверил: мотор исправен, ход не нарушен. Фыркнул, дрогнул и ожил танк. Рванулся с места. Развил он скорость и в лоб на «тигра», как молот в кузне. Удар был мощным. Удар — разящий. На месте «тигра» — металл горящий...

Погиб Николаев, но спас товарищей. И подвиг этот хранит История.

ДОБРЫНЯ

Нечастое имя сейчас Добрыня. Когда-то оно гремело.

В одном из гвардейских полков, незадолго до Курской битвы, принимали бойцы пополнение. Разные люди здесь в пополнении. Кто зелен, молод. В годах другие. Кто из колхоза, кто прибыл с завода, кто из резерва, кто из запаса, каждый третий после ранений, прямо с госпитальной койки.

Разные здесь в пополнении. Кто темный, кто светлый. Кто рослый, кто низкий. Кто тонкий, кто плотный.

А вот и ещё один. Гимнастёрка — едва до пояса. Грудь в человеческих три обхвата.

— Добрыня, — солдат представился.

Кто-то сказал:

— Добрыня!

Так и пристало к нему Добрыня. В честь Добрыни Никитича — былиного богатыря.

Запылала Курская битва.

Рвались фашисты на Ольховатку. С севера от Орла пробивали дорогу к Курску. Встретил здесь грудью врага Добрыня.

Сотни танков ползли на героев. Оказались бойцы сильнее. Задержали они фашистов.

Потом под Поньями его увидели.

— Братцы, смотри — Добрыня!

Нелегко здесь давалась битва. Не пробились фашисты у Ольховатки. На Поньях тараном стальным обрушились.

Отстоял Понья Добрыня.

Затем под Обоянью его заметили. Здесь с юга, со стороны Белгорода, наносили по Курску фашисты второй удар. Страшной была здесь битва.

Бьются солдаты, и вдруг:

— Братцы, смотри — Добрыня!

— Да какой вам Добрыня! При чём Добрыня?! Под Поньями, под Ольховаткой сейчас Добрыня. На север от Курска бьётся.

— Да нет же, смотри — Добрыня!

Присмотрелись солдаты: Добрыня, верно.

Не пробились фашисты под Обоянью. Новый рывок — на Прохоровку. Смешались в схватке огонь и люди.

— Смотри — Добрыня! — вдруг слышен голос.

— Какой Добрыня?!

— Да нет же, верно. Смотри — Добрыня!

Сдержали наши vapop фашистов. Не подпустили и с юга к Курску. Сдержали, смяли, хребет сломили: и там, где север, и здесь, на юге.

Началось советское контрнаступление. Погнали наши врага на запад. Идут в победном строю солдаты:

— Братцы, смотри — Добрыня!

Смотрят солдаты: и верно — идёт Добрыня. По курской, по русской земле идёт.

КУРСКИЕ СОЛОВЬИ

Побывайте под Курском в мае. Заливаются, щёлкают курские соловьи.

В Курской битве вместе с другими войсками сражались и подразделения гвардейских миномётов. Гвардейские миномёты — это знаменитые «катюши».

В первые дни войны у нас было всего лишь несколько «катюш». В Курской битве принимали участие уже целые части и соединения.

Любили солдаты огонь «катюш». Уважали лихих миномётчиков. Летели снаряды «катюш» с характерным и звонким свистом. Всего милее солдатскому сердцу был этот свист. Вот и прозвали бойцы солдат-миномётчиков курскими соловьями.

Началась Курская битва. Засвистали, защёлкали курские соловьи. Били фашистов в дни наступления. Били и после, когда наши, сдержав фашистов, сами пошли вперёд.

Особенно досталось фашистам от наших «катюш» в боях южнее города Обояни. Здесь, рядом с шоссе, идущим на Обоянь из Белгорода, расположился гвардейский миномётный полк полковника Бондаренко.

Стояли «катюши» в засаде. Ждали команды к бою. Вдоль шоссе на Обоянь наступали фашистские танки. Словно железная стена надвигалась. Нет, казалось, врагу преграды.

Тут и грянул раскат «катюш». Отстрелялись «катюши», отклонялись. В грудях металла поле.

Приехал к месту боя командующий.

— Молодцы. Хороша работа. Кто пропел тут фашистам песню?

Отвечают ему:

— Курские соловьи.

В новом месте пытались фашисты затем прорваться. Шла пехота и снова танки. Но и здесь «катюши» в засадах были. Отстрелялись «катюши», отклонялись. Не прошли здесь фашисты. Бежит пехота. В степи догорают танки.

В третьем, в четвёртом — во многих местах под Курском сражались тогда «катюши». В числе первых пошли они и в контрнаступление. Едут по полю гвардейские миномёты. Меняют полки позиции. Снова грохочут залпы. Слышат солдаты залпы — в улыбках душа и лица:

— Наши запели.

— Наши.

От солдата идёт к солдату:

— Курские соловьи!

ГЕНЕРАЛЫ ПРОТИВ ФЕЛЬДМАРШАЛОВ

Курский выступ обороняли два фронта. Севернее Курска располагался Центральный фронт. Им командовал генерал Константин Константинович Рокоссовский.

Во многих сражениях прославился Рокоссовский. Он был в числе тех, кто задержал врагов под Смоленском, среди тех, кто громил под Москвой фашистов. Рокоссовский командовал советскими армиями, окончательно разгромившими фашистов под Сталинградом. Это его войска пленили фельдмаршала Паулюса.

Знали солдаты генерала Рокоссовского. Любили и уважали его.

Южнее Курска находился Воронежский фронт. Командовал этим фронтом генерал Николай Фёдорович Ватутин.

И Ватутин генерал прославленный. Это он командовал под Сталинградом Юго-Западным фронтом. Именно этот фронт начал тогда первым сокрушительный удар по фашистам. Это он вместе с другим фронтом — Сталинградским окружил фашистскую армию между Доном и Волгой.

Против наших фронтов на Курском выступе стояли гитлеровские войска, которые составили две группы армий. Это группа армий «Центр» и группа армий «Юг».

Фашистские войска из группы армий «Центр» сражались против войск генерала Рокоссовского. Командовал этой группой фашистский фельдмаршал фон Клюге.

Войска из группы армий «Юг» сражались против войск генерала Ватутина. Командовал этой группой фашистский фельдмаршал Манштейн. В 1943 году он клялся освободить фашистскую армию, окружённую под Сталинградом.

Знают наши солдаты, что против советских генералов на Курской дуге сражаются фашистские фельдмаршалы.

— Посмотрим. Посмотрим. Ну, берегись, фельдмаршалы!

Стали солдаты вспоминать, где и когда уже встречались Рокоссовский и Ватутин с Манштейном и Клюге.

— Против Рокоссовского — Клюге. Так, так!

Припомнили солдаты, что в 1941 году фон Клюге был в числе тех фашистских фельдмаршалов, которые со своими войсками наступали на Москву. Побили наши войска тогда и фон Клюге, и других фашистских фельдмаршалов.

Стали вспоминать солдаты, кто бил. Вспомнили генерала Жукова, вспомнили генерала Говорова. Вспомнили и Рокоссовского.

Заговорили солдаты затем о Манштейне.

— Манштейн против Ватутина. Так, так!

Вспомнили солдаты Сталинград, начало 1943 года, неудачную попытку фельдмаршала Манштейна прийти на помощь фельдмаршалу Паулюсу.

Побили наши тогда Манштейна.

Стали солдаты вспоминать, кто побил. В числе тех, кто побил Манштейна, был и генерал Ватутин.

— Били наши генералы уже фельдмаршалов. Били, — сделали солдаты вывод. — Побьют и под Курском, — заключили солдаты.

Не ошиблись солдаты. Побили советские генералы фашистских фельдмаршалов.

Было это незадолго до Курской битвы. В стрелковую часть прибыло пополнение.

Старшина обходил бойцов. Шагает вдоль строя. Рядом идёт ефрейтор. Держит карандаш и блокнот в руках.

Глянул старшина на первого из бойцов:

— Картошку сажать умеешь?

Боец смутился, пожал плечами.

Дальше шагнул старшина:

— Картошку сажать умеешь?

— Умею! — звонко сказал солдат.

— Два шага вперёд.

Вышел солдат из строя.

— Пиши в огородники, — сказал старшина ефрейтору.

Дальше идёт старшина:

— Картошку сажать умеешь?

— Умею.

— Умею.

— Не пробовал.

— Умею.

— Не приходилось, но если надо...

— Умею.

— Умею.

— Хватит, — сказал старшина.

Вышли вперёд бойцы. Оказался в строю умеющих и солдат Анатолий Скурко. Гадают солдат Скурко: куда это их, умеющих? «Картошку сажать — так по времени поздно. (Уже всю зиму заняло лето.) Если её копать, то по времени очень рано».

Гадают солдат Скурко. И другие бойцы гадают:

— Картошку сажать?

— Морковку сеять?

— Огурцы для штабной столовой?

Посмотрел на солдат старшина.

— Ну что же, — сказал старшина. — Отныне вам быть в минёрах, — и вручает солдатам мины.

Приметил лихой старшина, что тот, кто умеет сажать картофель, быстрее и надёжнее ставит мины.

Усмехнулся солдат Скурко. Не сдержали улыбки и другие солдаты.

Приступили к делам огородники. Конечно, не сразу, не в тот же миг. Ставить мины не такое простое дело. Специальную тренировку прошли солдаты.

На многие километры на север, на юг, на запад от Курска протянули минёры минные поля и заслоны. Только в первый

день Курской битвы на этих полях и заслонах подорвалось более ста фашистских танков и самоходных орудий.

Идут минёры.

— Ну как, огородники?

— Полный во всём порядок.

МОСКВА — ИРКУТСК

И это было до Курской битвы. Рыли солдаты траншеи, окопы, укрепляли подходы к Курску.

Бросают солдаты землю.

Вдруг — автомашинка «виллис». Из штаба фронта. Остановилась «виллис». Вышли двое. Один из приехавших — капитан. Признали его солдаты: военный инженер из штаба Центрального фронта.

Интересно солдатам: сколько ж отрыли они окопов? Обратились к штабисту:

— Инженер-капитан, сколько же мы отрыли?

Достал капитан блокнот. Раскрыл. На пометку какую-то глянул. Что-то в уме прикинул.

— От Москвы до Рязани, — сказал капитан. Оказался как раз капитан из тех, кто для наглядности любил прибегать к сравнениям.

— До Рязани?! — сорвалось солдатское удивление.

— До Рязани, — сказал капитан.

Осмотрел капитан окопы. Какие-то записи сделал. Уехал проворный «виллис».

Снова солдаты лопаты в руки. Дальше ползут окопы.

Через какое-то время снова приехал сюда капитан. И снова солдаты с тем же к нему вопросом: сколько земли отрыли?

Достал капитан блокнот. На пометку какую-то снова глянул. Что-то в уме прикинул.

— От Москвы до Казани, — сказал капитан.

— До Казани?! — удивляются опять солдаты.

— До Казани, — подтвердил капитан.

Осмотрел капитан окопы. Осмотрел, обошёл округу. Какие-то записи снова сделал. Умчался ракетой «виллис».

Снова солдаты за работу. Снова умылись потом. Дальше ползут окопы.

И в третий раз приезжал капитан, и в четвёртый. Затем и в пятый. И каждый раз солдаты с тем же к нему вопросом: сколько земли прорыли?

— От Москвы до Свердловска, — сказал капитан в третий раз.

Довольны солдаты:

— Значит, Урал пошёл!

— Урал, — соглашается капитан.

— От Москвы до Тюмени, — сказал в четвёртый.

Смеются солдаты:

— Значит, Сибирь пошла!

— Сибирь, — соглашается капитан.

— От Москвы до Иркутска, — сказал капитан, когда завершили солдаты свою работу.

Довольны солдаты:

— До Байкала, никак, прорыли. Здравствуй, старик Байкал!

Пять тысяч километров траншей и окопов прорыли солдаты, готовясь к битве под Курском.

И это только на одном, на Центральном фронте. А ведь рядом, на юг, на север от Курска, другие фронты стояли: Воронежский, Брянский, Степной, Юго-Западный, Западный...

Да и не только одни окопы солдаты рыли. Наводили минные поля, строили доты и дзоты, устанавливали проволочные заграждения, возводили различные инженерные сооружения, создавали целые оборонительные районы. Много труда, много усилий.

Знают солдаты: война есть не только подвиг на поле брани. Подвиг труда и подвиг в труде здесь в той же великой мере.

Смеются солдаты:

— Мы этих окопов за всю войну, считай, до небес, до самой Луны и назад прорыли.

— До Марса, считай!

— До Юпитера!

Окопы, окопы. Мозоли солдатские. Ещё одна дань войне.

ОБИДА

Во время Курского сражения советскими войсками было взято в плен более двадцати фашистских генералов.

Солдат Каюров в боях заслужен. С минуты первой солдат на фронте. И вот Каюров в большой обиде.

Ворчит Каюров:

— Подумать только! Мальчишка прибыл. Лишь день воюет. Не видел лиха. Не нюхал смерти. И вдруг такое!

Солдат Неверов и вправду молод. Лишь день как в роте. Птенец, и только. И вдруг такое!

— Нет правды в мире, — ворчит Каюров.

Так в чём же дело?!

На диво роте, на диво части привёл Неверов в плен генерала.

Фашист сверхважный. Кресты, погоны. Штаны в лампасах. Фуражка с крабом. Идёт как анст. Как коршун смотрит.

Бурчит Каюров:

— Где справедливость!

Достал Каюров кисет, махорку. Свернул сигарку. Затяжку сделал.

Отхож Каюров. Душой не злобен.

Остыл Каюров. И вспомнил время. Совсем другое. Тот год злое. То лето злое. В тот час тяжёлый на вес бриллианта

был каждый пленный. Тогда ефрейтор казался дивом. А нынче гляньте: в плен генерала ведёт Неверов. Неверов — в плен генерала.

Вздыхнул Каюров солдатской грудью. Вот отошла обида льдиной. И ветерану стал мил и дорог птенец Неверов, что день на фронте. Птенец Неверов и это время.

Другое время. Другие были.

ПАМЯТЬ

Среди Брянских лесов, пробивая на запад путь, речка бежит Нерусса. Хороши места на Неруссе. Берёзы стоят и ели. Кручи к воде сбегают.

В одном месте над Неруссой видна могила. Светло-серая пирамидка поднялась к небу. Сверху над пирамидкой пятиконечная звезда. Ограда вокруг могилы. Цветы на могильном холмике. Здесь похоронен Авдеенков.

Рядом с могилой железнодорожное полотно. Мост переброшен через Неруссу.

Сергей Авдеенков был партизаном. Много здесь в Брянских лесах было тогда партизанских отрядов. Во время Курской битвы тут находились тылы фашистов.

Огромное количество боеприпасов, горючего, продовольствия, разного военного снаряжения необходимо войскам на фронте. Идут по фашистским тылам:

составы,
машины,
обозы.

Доставляют фашисты к фронту разные важные, разные срочные, военные всякие грузы.

Идут составы, идут обозы. Только к месту цели не все доходят. Встречают их на пути партизаны —

взрывают,
сжигают,
уничтожают.

Там, далеко за линией фронта, в тылу у фашистов громят фашистов советские партизаны. Помогают советскому фронту.

Получили партизаны задание уничтожить мост на реке Неруссе.

Старшим пошёл Авдеенков.

Перед началом операции партизаны послали вперёд разведку. Подготовили группу захвата, группу прикрытия. Договорились, кому укладывать тол на мосту, кому ставить мины, кому взрывать.

Подшли к мосту вечером. Подползли совсем близко. Открыли огонь. Убрали охрану.

Сергей Авдеенков повёл минёров. Поднялись на мост. Всё шло успешно. Стали укладывать тол. Приготовили мины. Ещё секунда, совсем немного, вставят запал минёры. Отойдут, отбегут от моста. Раздастся гигантский взрыв. Рухнет машина в воду. Всё точно идёт по плану.

И вдруг ударил по подрывникам пулемёт. То ли охрана моста оказалась не вся перебита, то ли явилась к фашистам помощь. Пули ранили Сергея Авдеенкова. Он вскрикнул от боли, упал, затем приподнялся. Глянул по сторонам, видит — погибли все на мосту. В живых он лишь один остался. А неприятельский пулемёт всё не умолкает.

— Беги! Беги! — закричали Авдеенкову товарищи, те, что прикрывали внизу подрывников.

Но Сергей Авдеенков не тронулся с места. Выхватил он гранату. Размахнулся и бросил туда — на приготовленный к взрыву тол.

Страшный грохот прошёл над лесом. Мост вздрогнул, приподнялся и, увлекая Сергея Авдеенкова, со страшным шумом упал в Неруссу.

...Горным потоком промчались годы. Вновь над Неруссой бегут составы. Взлетают на мост вагоны. И в ту же минуту — гудок над составом. То память о прошлом пронзает небо. То низкий поклон герою.

ХОРОШИ У ГИГАНТА ЛАПЫ

Партизаны!

Как огня боялись фашисты народных мстителей. Перед началом Курской битвы фашисты приняли решение уничтожить партизан, которые действовали у них в тылу в Брянских лесах.

Направили против партизанских отрядов фашисты свои войска. Не роту, не батальон. Целую дивизию.

Втянулась дивизия в бой.

Мало одной дивизии.

Добавили вторую.

Мало.

Добавили третью. Затем — четвёртую, пятую, шестую. Потом добавили танковую дивизию. Затем прислали сюда самолёты. Не пять, не десять. А целых сто.

Но и этого было мало.

Почти целую армию пришлось снять фашистам с фронта и направить её в Брянские леса.

Командующим войсками, действующими против партизан в Брянских лесах, был назначен генерал-лейтенант Борнеманн.

Ведут фашисты борьбу с партизанами. Поступают к Борнеманну радостные доклады: мол, и в одном, и в другом, и в пятом, и в десятом месте уничтожены брянские партизаны.

— Уничтожены!

— Уничтожены!

— Уничтожены!

Докладывают Борнеманну: всё спокойно кругом, всё тихо, тише быть не может.

Выехал Борнеманн на проверку. Плавню бежит машина. Достигла соседнего поля. Поравнялась с соседним лесом. Всё спокойно кругом. Всё тихо.

Приятно смотреть на кусты, на дубы, на ели. Вот он, загадочный Брянский лес. Птицы щебечут, укрывшись в кронах. Солнце сквозь листья бросает жемчужный свет.

Едет машина. Вот дуб-богатырь появился справа. Вот ель-великан появилась слева.

Залюбовался каратель елью. Хороши у гиганта лапы.

И вдруг! Что такое? Расступились хвойные лапы. Поднялись на генерала в упор автоматы. Просвистали, прощёлкали пули. Вновь сомкнулись у ели ветви. Вновь тишина на лесной дорожке...

В машине, в портфеле у генерала, партизаны обнаружили очень важные документы. Были здесь и приказы из Берлина, и секретные штабные бумаги, и карты, и тоже секретные и даже особо секретные, как раз именно те, на которых указывалось расположение фашистских войск в самом преддверии Курской битвы.

В тот же день партизаны связались с нашими войсками, и портфель генерала Борнеманна специальным самолётом был отправлен в Москву.

Много отважных подвигов совершили брянские партизаны, помогая героям Курской битвы. Они и сами были её героями.

ВНИЗ И ВВЕРХ

Полковник Шлиффен полком командовал. С полком и встретил час Курской битвы.

Во время Курского сражения фашисты несли огромные потери. Не составлял исключения и полк Шлиффена. И он утрущен. И он урезан. Прошло два дня, а полк, как ельник, войной разрезен.

Сосчитали в полку уцелевших. Как раз батальон набрался.

Вызвал Шлиффена генерал. Явился полковник на зов начальства.

— Хайль Гитлер!

— Хайль!

Долго кричал генерал на Шлиффена. Слова говорил обидные. Хотел обвинить в измене. Кончилось тем, что из остатков полка батальон составили. Хотя и остался полковник в чине, однако батальоном теперь командует.

Продолжается Курская битва. Несладки дела у Шлиффена. От батальона рота едва осталась. Вызвал Шлиффена генерал. Явился полковник на зов начальства.

— Хайль Гитлер!

— Хайль!

Долго кричал генерал на Шлиффена. Словами стегал обидными. Хотел обвинить в измене. Кончилось тем, что из батальона роту теперь составили. Хотя и остался полковник в чине, однако ротой теперь командует.

Сдержали наши напор фашистов. Начали контрнаступление. Растут у фашистов опять потери, редуют полки и роты, как кроны берёзок в студёную осень.

Отступает с войсками Шлиффен. Подводит итог по роте. В роте не больше взвода. Вот он взводом уже командует. Спускается Шлиффен всё ниже и ниже. Отделенцем уже командует. Ещё бы шаг...

Разорвало советским снарядом Шлиффена.

Там же, под Курском, сражался ефрейтор Хупке. Улыбнулась судьба солдату. Не думал Хупке совсем об этом. Не мечтал о продвижении вверх по службе. Был он ефрейтором. Был доволен. И вот чудеса приключились с Хупке.

В первый же день Курской битвы погиб командир отделения, в котором служил Хупке.

С этого всё началось.

Вызвал Хупке к себе лейтенант, командир их пехотного взвода. Прибыл Хупке на зов начальства.

— Хайль Гитлер!

— Хайль!

Посмотрел лейтенант на Хупке. Глазами от пола до чёлки солдатской смерил.

— Гут! — сказал лейтенант.

Назначили Хупке командовать отделением.

Продолжается Курская битва. Всё злее бои, всё страшнее потери. Не минуют они и полк, в котором сражается Хупке. И вот в бою погиб командир их взвода.

Вызвал Хупке к себе капитан, командир их пехотной роты. Прибыл Хупке.

— Хайль Гитлер!

— Хайль!

Посмотрел капитан на Хупке. Царянул от чёлки солдатской до пола взглядом.

— Гут! — сказал капитан.

Назначили Хупке командовать взводом.

Началось наше контрнаступление. Снова потери несут фашисты. Много фашистов тогда погибло. Был убит и капитан, командир роты, в составе которой сражался Хупке. И ротный убит, и взводные все убиты. Из командиров в живых лишь Хупке один остался. Вызвал Хупке к себе майор, командир их пехотного батальона. Прибыл Хупке.

— Хайль Гитлер!

— Хайль!

И вот назначен Хупке командовать ротой.

Поднимается Хупке всё выше и выше. Батальоном уже командует. Ещё шаг — и получит полк. Да закончилось вдруг продвижение. Столкнулся их полк с «катюшами». Лёг, как трава на покосе, полк.

А как же Хупке? Жив, представьте, остался ефрейтор Хупке. Сдался нашим солдатам в плен.

БЕРКУТ

Отступают фашисты. Отходят, отводят, спасают уцелевшие в боях под Курском военные части и боевую технику.

Преследуют, наносят по отходящим фашистам удары наши.

Было это у города Грайворона. В один из наших авиационных полков пришло от разведчиков донесение. Сообщали разведчики: в небе фашистские самолёты. Замкнули над чем-то круг. До самой земли пикируют.

Ясно командирам — атакуют фашисты какую-то нашу часть.

Послали командиры вперёд самолёты. Приказ: отогнать фашистов и взять под защиту советские подразделения.

Поднялись в воздух советские самолёты. В составе своей эскадрильи летел и лейтенант Абиш Куланбаев. Зорек, как беркут, Абиш Куланбаев. Достигли лётчики цели. Ринулись в атаку. Отогнав фашистов. Смотрят на землю: что там за части? Видят, идут колонны: танки, орудия, автомашины. И слева — колонны. И справа — колонны.

— Что за войска? — гадают лётчики. — Хозяйство Петрова? Хозяйство Смирнова? Танки майора Багир-оглы?

— Что за войска? — гадают и Абиш Куланбаев.

Зорек, как беркут, Абиш Куланбаев. Спустился он ниже, взгляделся. И вдруг: фашистские кресты на бортах у танков. «Так это не наши идут колонны! Это — фашисты!»

— Фашисты! — кричит Куланбаев.

Верно. Действительно, шли фашисты. А фашистские самолёты над ними кружили и их атаковали — так, для отвода глаз. Пойди сообрази, что на своих же они пикируют. На это и был у фашистов расчёт. Пытались нас обмануть. Увезти без потерь боевую технику.

Разобрались, однако, наши. Открыли по врагам ураганный артиллерийский огонь. Прилетели советские бомбардировщики. Подошли советские пехотинцы.

Не спасла фашистов фашистская хитрость. Разгромили фашистов наши.

Лейтенант Абиш Куланбаев ходил в героях.

— Беркут, беркут, — кругом шутили.

К боевой награде представили лётчика. Узнал о зоркости Куланбаева и генерал Ватутин. Как раз в составе фронта, которым командовал Ватутин, и сражался лейтенант Куланбаев. Утвердил генерал награду.

— Беркут, — сказал Ватутин.

НЕОБЫЧНАЯ ОПЕРАЦИЯ

На хитрость врага отвечали и наши военной хитростью. Поражался Мокапка Зяблов. Непонятное что-то творилось у них на станции. Жил мальчик с дедом и бабушкой недалеко от города Суджи в небольшом рабочем посёлке при станции Локинской. Был сыном потомственного железнодорожника.

Любил Мокапка часами крутиться около станции. Особенно в эти дни. Один за одним приходят сюда эшелоны. Подвозят военную технику. Знает Мокапка, что побили фашистов наши войска под Курском. Гонят врагов на запад. Хотя и мал, да с умом Мокапка, видит — приходят сюда эшелоны. Понимает: значит, здесь, в этих местах, намечается дальнейшее наступление.

Идут эшелоны, пыхтят паровозы. Разгружают солдаты военный груз.

Крутился Мокапка как-то рядом с путями. Видит: новый пришёл эшелон. Танки стоят на платформах. Много. Принялся мальчик танки считать. Присмотрелся — а они деревянные. Как же на них воевать?!

Бросился мальчик к бабушке.

— Деревянные, — шепчет, — танки.

— Неужто? — всплеснула руками бабушка.

Бросился к деду:

— Деревянные, дед, танки.

Поднял старый глаза на внука.

Помчался мальчишка к станции. Смотрит: снова идёт эшелон. Остановился состав. Глянул Мокапка — пушки стоят на платформах. Много. Не меньше, чем было танков.

Присмотрелся Мокапка — так ведь пушки тоже, никак, деревянные! Вместо стволов — кругляки торчат.

Бросился мальчик к бабке.

— Деревянные, — шепчет, — пушки.

— Неужто?.. — всплеснула руками бабка.

Бросился к деду:

— Деревянные, деда, пушки.

— Что-то новое, — молвил дед.

Много непонятного творилось тогда на станции. Прибыли как-то ящики со снарядами. Горы выросли атих ящиков. Доволен Мокапка:

— Здорово выпяят фашистам наши!

И вдруг узнаёт: пустые на станции ящики. «Зачем же таких-то и целые горы?!» — гадают мальчик.

А вот и совсем непонятное. Приходят сюда войска. Много. Колонна спешит за колонной. Идут открыто, приходят засветло.

— Наши идут! Наши идут! — голосит Мокапка.

Лёгкий характер у мальчика. Сразу познакомился с солдатами. Дотемна всё крутился рядом. Утром снова бежит к солдатам. И тут узнаёт: покинули ночью эти места солдаты.

Стоит Мокапка, опять гадают.

Не знал Мокапка, что применили наши под Суджей военную хитрость.

Ведут фашисты с самолётов разведку за советскими войсками. Видят: приходят на станцию эшелоны, привозят танки, привозят пушки.

Замечают фашисты и горы ящиков со снарядами. Засаекают, что движутся сюда войска. Много. За колонной идёт колонна. Видят фашисты, как подходит войска, а о том, что ночью незаметно отсюда они уходят, об этом враги не знают.

Ясно фашистам: вот где готовится новое русское наступление! Здесь, под городом Суджей. Стянули под Суджу они войска, на других участках силы свои ослабили. Только стянули — и тут удар! Однако не под Суджей. В другом месте ударили наши. Прорвали наши фашистский фронт.

«КУТУЗОВ»

Фельдмаршал Михаил Илларионович Кутузов известен всем. Это под его командованием русская армия в 1812 году разгромила полчища французского императора Наполеона I и изгнала их из пределов России.

«Кутузов» — так была названа одна из советских военных наступательных операций во время Курской битвы. Верховный Главнокомандующий товарищ Сталин дал этой операции имя великого русского полководца. Цель операции «Кутузов» — окончательно разгромить фашистские войска, действовавшие севернее Курска, и освободить город Орёл. На город Орёл и направили свой удар советские войска.

Вокруг Орла фашисты создали мощную оборону. Минные поля, проволочные заграждения, глубокие окопы и укрепленные траншеи со всех сторон прикрывали подходы к городу. Обороной Орла командовал фашистский генерал Модель, который получил прозвище «Лев обороны».

Узнали наши солдаты про Моделя:

— Лев обороны! Посмотрим, что от фашистского льва останется.

В наступлении на фашистов, державших оборону в районе Орла, принимало участие сразу три фронта. Помимо Центрального, которым командовал генерал Константин Константинович Рокоссовский, Брянский и Западный. Первым ударил Западный. Он шёл с севера на Орёл.

Загребели, заговорили пушки. Началось то, что называют военные артиллерийской подготовкой. Вот закончится артподготовка, замолкнут пушки, и лишь тогда в атаку ринутся пехота и танки. Всё сильнее, сильнее гремят орудия. Ждут фашисты, когда окончится артподготовка, знают: раньше не быть атаке.

И вдруг перед фашистскими окопами появились советские войска. Не умолкают, грохочут пушки, а тут — войска!

— Как?

— Чудом каким?

— Откуда?!

В боях под Орлом был применён новый, советский военный приём: солдаты пошли в атаку, не дожидаясь конца артподготовки. Рвутся ещё снаряды. Укрылись фашисты поглубже в землю, забились в свои окопы. А наши солдаты уже в атаке. Идут сразу же за огненным валом, сразу же за разрывами наших снарядов.

Не ожидали фашисты такой атаки. Растерялись. Замешкались. Упустили для действий ответных время.

Ударил Западный фронт, и тут же ударил с востока Брянский.

Заметались фашисты. Помощь нужна! Помощь!

Стигивают они войска с юга, оттуда, где стоял готовый к атаке на север Центральный фронт. А тут ударил Центральный фронт.

С севера, с юга, с востока пошли войска.

Сокрушили, смяли войска трёх советских фронтов фашистскую оборону. Ворвались в Орёл победители. По-кутузовски провели операцию «Кутузов».

Докладывают в Москве Верховному Главнокомандующему товарищу Сталину:

— Ворвались в Орёл победители. По-кутузовски войска провели «Кутузова».

Кабинет. Длинный стол. Стена. Поднял товарищ Сталин глаза. Два портрета висят напротив — портрет Суворова, портрет Кутузова.

Улыбнулся краешком глаз Верховный. Долго смотрел на портрет фельдмаршала.

«РУМЯНЦЕВ»

Румянцев тоже фельдмаршал. Также прославленный русский полководец. Отличился фельдмаршал Пётр Александрович Румянцев в сражениях с Турцией. Молодой генерал Суворов сражался в подчинении у Румянцева.

«Румянцев» — так называлась вторая наша наступательная операция, которую советские войска провели во время великой Курской битвы.

Задача «Румянцева» — ударить по войскам, которые находились южнее Курска, разгромить здесь фашистов, освободить город Белгород, с боем ворваться в Харьков.

Два фронта готовились к наступлению: Воронежский, которым командовал генерал Ватутин, и стоявший южнее Степной во главе с генералом Коневым.

Началась операция «Румянцев». И вот в одном из стрелковых полков оказался солдат Румянцев.

Смешно солдатам от такого совпадения:

— И там «Румянцев», и ты Румянцев!

— Ты, может, потомком будешь?

Посмотрел на солдат Румянцев.

— Потомок, — сказал Румянцев.

— Да ну?!

— Откуда знаешь?

— А чем докажешь?

— Потомок, — опять повторил Румянцев.

На юге, так же, как на севере под Орлом, фашисты возвели мощные оборонительные сооружения. И тут окопы, и тут за-слонны.

Всюду пушки, всюду мины. Нелегко здесь солдатам вперёд прорваться. Тут нужны герои-солдаты.

Накануне сражения полк, в котором служил Румянцев, был

выдвинут к линии наступления. Совершали солдаты стремительный марш-бросок.

Шагают солдаты, а сами нет-нет глазом скосят на Румянцева. Каков он, солдат, в походе?

Идёт солдат. Землю шагом солдатским мерит. Едва поспевают за ним другие.

— Ничего, — рассуждают солдаты. — Солдатскую статью имеет.

Ночевали солдаты во время похода. Расположились в степи, в овраге. Готовятся солдаты ко сну, к покою. А сами нет-нет на Румянцева глянут. Каков он, солдат, на привале?

Расположился солдат на отдых. Первым делом свой автомат прочистил. Сбегал к ручью, воды принёс и себе и товарищам. Поделится с соседом куревом.

— Подходящ, — рассуждают солдаты, — что-то в солдате солдатское есть.

Утром шагнули бойцы в сражение. В атаке, в жарком бою солдаты, а сами нет-нет на Румянцева снова глянут: каков он в бою, Румянцев?

Лих оказался в бою Румянцев, бил фашистов направо-налево. Пулям не кланялся. За спину других не лез.

— Братцы, вперёд! — увлекал солдат.

Смотрят солдаты.

— Хорош. Молодец. Ничего не скажешь! Настоящий, видать, солдат.

Сокрушили советские войска фашистскую оборону. С боем ворвались солдаты в Белгород. А вскоре освободили они и Харьков.

Повстречали солдаты солдата Румянцева. Не даёт покоя бойцам неясность.

— Признайся же, братец, ты потомок того Румянцева?

Посмотрел солдат на бойцов загадочно.

— Потомок, потомок. Все мы потомки, — сказал солдат. — Потомки Румянцева. Внуки Кутузова.

НАДЕЖНАЯ ИНТУИЦИЯ

Накануне Курской битвы командный пункт командующего Центральным фронтом генерала Константина Константиновича Рокоссовского находился в одном из сёл недалеко от линии фронта. Жил Рокоссовский в крестьянской избе. Напротив дома были каменные ворота в старинный запущенный парк. Рядом с домом — два великана тополя.

Фашистским лётчикам показалось подозрительным это место. Приметили они и ворота, и дом, и два тополя.

Однажды прилетели сюда самолёты. Бросили бомбы. Час был поздний. В это время Рокоссовский обычно находился дома, принимал посыльных из штаба. Прилетели самолёты. Сбросили бомбы. Один самолёт — осветительные. Другой — фугасные. И вот результат: снесли под корень фашистские бомбы дом. Воронка — где были тополи. Уцелел Рокоссовский совсем случайно. Всего лишь за несколько минут до налёта назначил офицерам штаба для встречи другое место. Не оказалось в этот момент генерала в доме.

Улетели фашисты. Подошли к пепелищу командующий фронтом, ближайшие друзья и помощники Рокоссовского генералы Телегин, Малинин и Казаков. Смотрят генералы на Рокоссовского: мол, скажи, Константин Константинович, какое чудо тебя толкнуло нарушить порядок в приёме работников штаба, что увело из дома?

Улыбнулся друзьям Рокоссовский:

— Интуиция.

Время двигалось. Близилась Курская битва.

Когда окончательно стало ясно, что фашисты предпримут прорыв под Курском, ударят и со стороны Орла и Белгорода, возник вопрос: как быть с населением? Раздались голоса за то, чтобы эвакуировать всех мирных жителей с территории Курского выступа.

Вот какой приводился довод: а вдруг осият фашисты, прорвутся к Курску, что же, снова наших людей к фашистам в рабство?

Генерал Рокоссовский во время спора решительно стал за то, чтобы людей не трогать.

— Ну пустят наши войска фашистов, — сказал Рокоссовский.

— А вдруг не сдержат?!

— Сдержат.

— А вдруг прорвутся?

— Не прорвутся.

— У них же «тигры»! У них «пантеры»!

— Не прорвутся, — опять Рокоссовский.

— Ваши гарантии?

Устал Рокоссовский спорить, сказал:

— Интуиция.

И верно. Не пустили наши войска фашистов. Подтвердилось слова Рокоссовского.

После Курской победы, уже после освобождения и Орла и Белгорода, кто-то напомнил Рокоссовскому тот разговор:

— Товарищ генерал, значит, оправдалась, не подвела интуиция?

— Не подвела, — подтвердил Рокоссовский. И следом за этим

назвал количество советских танков и нашей артиллерии, нашей авиации и нашей пехоты, принимавших участие в Курской битве. Цифры были огромными. Превосходили наши фашистов в силе. И танков было больше, и самолёты лучше, и артиллерия более мощная. — Была интуиция, — сказал Рокоссовский. — Надёжная интуиция.

ПОКЛОН ПОБЕДИТЕЛЯМ

Завершается Курская битва. И вот на привале сошлись солдаты. Курили, дымили, бои вспоминали. Кого хвалили, кого ругали. Озорные слова бросали. Потом притихли. И вдруг заспорили солдаты, кто под Курском лучше других сражался, кто почестей ратных и ратной славы больше других достоин.

— Лётчики — вот кто лучше других сражался, — брошено первое мнение.

— Верно!

— Верно! — пошла поддержка.

И верно, отличились под Курском лётчики. Били фашистов в небо. С неба врагов громили. Тут герой подпирал героя. Сама доблесть надела крылья.

— Лётчикам честь и слава. Почёт наш великий лётчикам, — соглашается чей-то голос. И тут же: — Однако под Курском не лётчики, а танкисты лучше других сражались. Танкисты по праву в первых.

Вот и второе возникло мнение.

— Танкисты!

— Танкисты! — дружно пошла поддержка.

И это верно. Высшей мерой явили под Курском себя танкисты. Грудью своей железной сломили они фашистов. Если скажешь: герои Курска — первым делом на память идут танкисты.

— Танкисты — народ геройский. Нет тут другого мнения, — снова раздался голос. — А всё же если тут говорить о первых, то первыми были под Курском артиллеристы. Артиллеристы, конечно, в первых.

Вот и добавилось третье мнение.

— Артиллеристы!

— Артиллеристы! — дружно пошла поддержка.

И это верно. Герои — другого не скажешь про артиллеристов. Говорили в те годы: артиллерия — бог войны.

— Артиллеристы, конечно, боги, — соглашается чей-то голос. — И всё же если речь тут идёт о первых, то, братцы, не к месту споры, пехота — вот кто законно в первых. Вот кто в боях под Курском сказал своё главное слово.

— Пехота!
— Пехота! — дружно пошла поддержка.
Спорят солдаты. Не рождается общее мнение. Начинается новый круг:

— Лётчики в лучших!
— Танкисты в первых!
— Артиллеристы!
— Пехота, братва, пехота!

Спорят солдаты. Спору конца не видно.

Чем бы закончилось, трудно сказать. Да только здесь про-
басил над всеми басами голос:

— Слушай радио! Радио слушай!

Бросились все к приёмникам. В эфире гремит приказ. В честь
великой победы под Курском, в честь взятия Орла и Белгорода
объявлен салют победителям. В Москве, артиллерийскими зал-
пами. Двенадцатью залпами из ста двадцати четырёх орудий.

И тут же слова о героях битвы: о лётчиках и танкистах, об
артиллеристах и пехотинцах. Все они вровень идут в приказе.
Все они в главных, все они в первых. Всем им и честь и слава.

Салют в честь войск, освободивших Орёл и Белгород, был
первым салютом Москвы победителям. С этого дня и пошли
салюты.

Великой победой Советской Армии завершилась грандиозная
Курская битва.

РАССКАЗЫ О ГЕРОИЧЕСКОМ СЕВАСТОПОЛЕ

ПЯТЬ И ДЕСЯТЬ

Десять танков ползут по полю. А в обороне лишь пять матро-
сов. Десять танков и пять матросов. Возьми бумагу, реши задачу:
кто здесь сильнее, за кем победа?

1941 год. Октябрь. Фашисты прорвались в Крым, подошли к
Севастополю. Начались бои на оборонительных севастопольских
рубежах. Одна из фашистских танковых колонн приближалась
к селению Дуванкой.

Двигались танки. За ними пехота. Место открытое. Вдруг
блиндаж. Огонь ударил врагам навстречу. Минута, вторая. И вот
четыре танка горят, как порох.

Повернули назад фашисты:

— Там «чёрная туча»!
— Там «чёрные дьяволы»!
— «Чёрная смерть»!

«Чёрная туча», «чёрные дьяволы», «чёрная смерть» — так
фашисты называли советских моряков. Боялись они матросов.

В блиндаже под Дуванкой действительно были матросы.
Не туча, правда. Лишь пять человек. Комсомольцы Юрий Пар-
шин, Василий Цибулько, Иван Красносельский, Даниил Один-
цов. Пятым — старшим был политрук коммунист Николай
Дмитриевич Фильченков.

Отходят фашисты:

— Там «чёрная туча»!
— Там «чёрные дьяволы»!
— «Чёрная смерть»!

Прошло несколько часов, прежде чем фашисты вновь начали
здесь наступление. Снова танки ползут по полю. Гудят моторы.
Скрипит железо.

— Ближе, подпущай ближе, — командует Фильченков. —
Не торопись, ребята!

— Не торопись, Цибулько, — повторяет себе Цибулько.

— Не торопись, не торопись, не торопись, — повторяют Пар-
шин, Одинцов, Красносельский.

— Давай! — командует Фильченков.

Полетели вперёд гранаты. Полетели бутылки с горючей
жидкостью. Застрочили потом пулемёты. И снова гранаты.
И снова бутылки с горючей смесью.

Застыло, казалось, время. Секунды идут годами.

Вновь отошли фашисты. Переждали. Перестроились. Снова пошли в атаку. В бою матросы. В крови тельняшки. Огонь, как лава, съедает травы.

— Давай, ребята!

— Держись, ребята!

Летят гранаты. Долго длился упорный бой. Но вот у моряков вышел запас патронов. Нет больше бутылок с горючей жидкостью. Вот-вот и конец гранатам.

Тогда поднялся политрук Фильченков. Увлёк матросов вперёд в атаку. Вперёд на танки пошли герои. Гранаты в руки. Навстречу силе. Навстречу смерти. Навстречу славе.

Когда к героям пробилась помощь, бой был закончен. Дымилась танки. Их было десять.

Металл и люди. Возьми бумагу, реши задачу: кто здесь сильнее, за кем победа?

Сегодня в небо под Дуванкоем гранёным шпилем поднялся мрамор. То дань бесстрашным, то дань отважным. И сокол плавно парит над полем. Хранит он небо и сон героев.

БОЛЬШАЯ СЕМЬЯ

Произошло это в бригаде морских пехотинцев, которой командовал полковник Пётр Филиппович Горпищенко. Много отважных солдат у Горпищенко. В тяжёлых боях бригада.

На одном из участков обороны бригады сложилось так, что тут против советской стрелковой роты наступало сразу три фашистских батальона. Командир роты незадолго до этого был убит. Заменял командира политрук Кочанов.

Молод совсем политрук Кочанов. Усы всего неделю как бреет. Любопытно бойцам:

— Посмотрим, какой командир из Кочанова?!

— Усы неделю как бреет!

Молод совсем командир. А тут три батальона фашистов на роту лезут.

Понимает Кочанов: выйдешь в открытый бой — сомнут, раздавят тебя фашисты.

Что же делать? Как сохранить рубеж? Задумался Кочанов, вдохнул сокрушённо:

— Пропадай моя телега, все четыре колеса. Все четыре колеса, — повторил Кочанов.

И вдруг...

— Связной! Связной! — закричал Кочанов.

Подбежал связной:

— Слушаю, товарищ политрук, товарищ командир, — поправился.

— Машины сюда, быстро!

Подогнали три грузовые машины.

— Пулемёты сюда, немедленно!

Тащат сюда пулемёты.

— Отставить. Не те. Спаренные! Отставить! Не те. Счетверённые!

Были в роте такие противозенитные пулемёты — четыре ствола у каждого. Притащили сюда пулемёты.

— Грузи!

— Залезай!

— Крепи!

Укрепили на грузовиках счетверённые пулемёты. Получились, как встарь, тачанки. Разница только в том — не на конной, на моторной «тачанки» тяге.

Поставил Кочанов «тачанки» в укрытие. Выждал, когда в атаку пошли фашисты. Вот развернулись фашисты широким фронтом. Устремились вперёд на наших.

— Атакуй! — прокричал Кочанов.

Сорвались «тачанки» с места. Рванулись врагам навстречу. Кругами пошли по полю. Заговорили огнём пулемёты. Дружно — в едином хоре. Сразу бьют — двенадцать.

Побежали назад фашисты.

Снова ходили они в атаку: три батальона на советскую роту. Устояла советская рота. Удержали рубеж солдаты. Отступили опять фашисты.

Довольны солдаты. Вспоминают лихую атаку. Вспоминают Кочанова.

— Вот тебе и усы неделю как бреет.

Узнал о бое полковник Горпищенко.

— Смелых люблю, умелых уважаю, — сказал командир бригады.

Затем добавил:

— А тех, кто и смел и умел, сыном своим считаю.

Обнял он крепко Кочанова.

Много смелых, много умелых, много под Севастополем сынов у Горпищенко. Скажем прямо — семья большая.

ТРОЙКА

Подшли к Севастополю фашисты. Блокировали город с суши. Путь к Севастополю — только морем. Но и морем пути опасны.

Морские пути к Севастополю враги заминировали.

Особенно грозными были магнитные мины. Чтобы взорвалась обычная мина, корабль должен был её задеть или на неё наткнуться. Магнитная мина взрывалась на расстоянии. Лежит на дне моря или залива такая мина, ждёт, когда над этим местом пройдёт корабль. Только оказался корабль над миной — сразу страшный взрыв.

Таковыми минами и перегородили фашисты морские подступы к Севастополю.

Старший лейтенант Дмитрий Глухов вызвался проложить для наших судов проход через поле магнитных мин.

— Проложить?

— Так точно! — по-армейски чеканит Глухов.

Старший лейтенант Глухов был командиром быстроходного морского катера. Катер маленький, юркий, быстрый. Он как игрушка в руках у Глухова. Пригласил как-то Глухов своих товарищей к берегу Севастопольской бухты. Сел в свой катер. Как метеор по воде пронёсся.

— Понятно? — спросил товарищей.

Ничего никому не понятно.

Снова отчалил от берега Глухов. Включил во всю мощь моторы. Вспенил катер морскую воду, понёсся по водной глади. Глянешь сейчас на Глухова — словно на тройке летит по морю.

Снова Глухов причалил к берегу.

— Понятно?

— Допустим, понятно, — отвечают ему офицеры. Догадались они, в чём дело.

Предложил Глухов на своём быстроходном катере промчаться по минному полю. Уверял он, что мины хотя и взорвутся, но не заденут катер. Проскочит катер. Сзади мины будут уже взрываться.

— Да я тут всё подсчитал, — заявляет Глухов. Доложил он командирам свои подсчёты. Цифры разные на листке. — Вот скорость катера, вот время, необходимое для взрыва мины. Вот расстояние, на которое за это время от места взрыва отойдёт катер, — перечисляет Глухов.

Смотрят командиры на цифры.

— Всё без ошибки, — уверяет Глухов.

Посмотрели командиры на Глухова. Дали ему разрешение.

И вот катер дельфином метнулся в море. Смотрят за ним командиры. Прошёл катер совсем немного. И сразу страшный взрыв. Брызги вулканом рванулись к небу.

— Погибли?!

— Волной накрыты?!

Но вот осели, как листья, брызги.

— Живы! Целы! — вздохнули с облегчением на берегу.

Мчит катер стрелой вперёд. И снова взрыв. И снова к небу вода вулканом. За этим — третий, четвёртый... Одиннадцать взрывов качнули небо. Открылся проход через минное поле. Развернулся катер. Помчался к берегу. Весел Глухов. Ликует Глухов. Посмотрите сейчас на Глухова. Словно не катер, а лихая тройка летит по морю.

В ноябре 1941 года фашисты начали первое наступление на Севастополь. Три недели враги непрерывно штурмовали город. Не пробились. Не прорвались. Не взяли.

Со всех сторон Севастополь прикрывали советские артиллерийские батареи. Среди тех батарей, которые обороняли подходы к городу с моря, была и одна — плавучая. Находилась батарея в открытом море на внешнем рейде. Построили её на морском заводе. Отбуксировали подальше от берега, установили на якорь. На восемь метров в глубь моря уходила плавучая батарея. Глянешь сверху — как целый остров. 40 на 20 метров размер батареи.

Много хлопот доставляла батарея фашистам. Она не только прикрывала подходы к Севастополю с моря, но и первой начинала огонь по гитлеровским самолётам, совершавшим налёты на город. Фашисты решили уничтожить опасную батарею. Бросили против неё свои самолёты.

— Плавучая! — усмеваются фашистские лётчики. — Как поплавок на воде. 40 на 20 — отличная цель. Да мы её сразу, в один заход!

Вылетел первый фашистский лётчик. Вот он в воздухе. Вот над морем. Подошёл к батарее: «Ерунда. Пустяки. Я её первой бомбой!»

Развернулся. Ещё развернулся. Лёг на прицельный курс.

Ждут на фашистской базе возвращения самолёта. Не торопится что-то лётчик. Время полёта давно прошло. Удвоилось время. Утроилось. Не возвращается самолёт.

Ясно на базе: недоброе что-то случилось с лётчиком. И верно — недоброе. Сбили его батареи. Лежит он отныне на дне морском.

— Я полечу! Я докажу! — просится новый воздушный ас. — Я — сразу! Я — сразу! Да что там! Один заход!

И вот в небе лётчик. Он над морем. Видна батарея.

Торжествует фашист: «Я её — первой бомбой». Разворот. Ещё разворот. Проверил расчёты. Вошёл в пике.

Ждут на базе возвращения самолёта. Время полёта давно прошло. Удвоилось время. Утроилось. Не возвращается что-то воздушный ас.

Ясно на базе: недоброе что-то случилось с лётчиком. И верно — недоброе. Сбили фашиста советские артиллеристы. Рядышком с первым утонул он на дне морском.

В небо новые взмыли лётчики — третий, четвёртый, пятый.

— Мы живо! Мы живо! Раз плюнуть — один заход!

Вот море. Видна батарея. Ринулись самолёты на батарею.

Ждут на базе прилёта лётчиков. Время полёта давно прошло. Удвоилось время. Утроилось. Удесатерилось. Не возвращается что-то третий. Не возвращается что-то четвёртый. Не видно, не слышно пятого.

Все 250 дней героической обороны Севастополя стояла на боевом посту плавучая батарея. 26 фашистских самолётов уничтожили за это время советские артиллеристы.

Но не только разили они врагов. Своих под защиту брала батарея. Многим обязаны мы батарее. «Квадратом смерти» называли её фашисты. «Квадратом жизни» — мы вправе её назвать.

БЕЗ ЗВАНИЯ И НАЗВАНИЯ

Прошёл ноябрь. Наступил декабрь. 17 декабря 1941 года, получив пополнение, фашисты начали второе наступление на Севастополь.

На одном из участков севастопольской обороны фашисты стали продвигаться вперёд. Для отражения вражеского удара сюда был брошен батальон, срочно составленный из черноморских моряков. Пришли матросы прямо с кораблей. В полной морской форме, с полной морской выкладкой — даже скатанные валиком корабельные матрасики принесли. Пошли в окопах слова диковинные: бак, полубак, рында, склянки, швартовы, гюйс. Замелькали кругом бескозырки. Зачернели кругом бушлаты.

Командовать батальоном был назначен майор-пехотинец Касьян Савельевич Шейкин.

Глянул Шейкин: хороши моряки, красивы.

И всё же беспокойство не покидает майора Шейкина. Матрос не пехотинец. Сумеют ли матросы точно бросать гранаты, точно вести стрельбу? А вдруг штыковая атака, а вдруг рукопашный бой? «Эх, хотя бы день иметь для тактических занятий!» — сокрушался майор Шейкин.

Однако где же здесь до тактических занятий. Наступают фашисты. Батальон тут же был брошен в бой.

Зря волновался Шейкин. Не подвели матросы сухопутного офицера. Встретили метким огнём фашистов:

— Полундра!

— Полундра!

Забросали врагов гранатами:

— Ну-ка вперёд, голубушка!

— Ну-ка лети, любезная!

И снова своё:

— Полундра!

В штыки, как один, ударили.

Перевыполнили матросы даже свою задачу. Не только отбросили фашистов на исходные позиции, то есть туда, откуда враги начали своё наступление, но и сами прорвались вперёд, побывали в фашистских окопах, посеяли страх и панику.

— «Чёрные дьяволы»!

— «Чёрная смерть»! — кричали опять фашисты.

Прославился смелостью батальон. Слава о героях прошла по фронту.

Как отдельная боевая единица батальон просуществовал всего два дня. Выполнил батальон свою боевую задачу, остановил врага, разошлись после этого матросы по разным соседним полкам и ротам. Создавался батальон срочно. Не успели поэтому присвоить ему ни номера, ни дать названия.

Сокрушался майор Шейкин:

— Как же так?! Как же без номера, без названия? Выходит, мол, части такой и вовсе в истории не было.

Зря сокрушался майор Шейкин.

Получил он своё название — морской бесстрашный героический батальон. Хотя и был он без номера, без звания и названия, а знает его история.

УЧИТЕЛЬ

До войны солдат Трубников был учителем. Русский язык преподавал в школе.

Под Севастополем Трубников сражался в стрелковой роте.

В дни декабрьского наступления фашистов во время одного из боёв во фланг роте ударили две фашистские пушки. Били фашисты точно и большой урон наносили нашим.

Командир роты вызвал к себе группу бойцов. Среди них оказался и Трубников.

Дал командир бойцам боевое задание — подобраться незаметно к фашистским пушкам и заставить их замолчать.

— Заткнуть им глотки! — кратко сказал командир.

— Ясно, — бойцы ответили.

— Понятно, — ответил Трубников.

В группе Трубников был за старшего. Взяли бойцы автоматы, патроны, гранаты. Отправились в путь солдаты.

Перебежками, шагом, ползком, рывком, прижимаясь к земле и скалам, подобрались солдаты к фашистским пушкам. Метнули гранаты, автоматный огонь открыли. Перебитой лежит прислуга.

Подбежали солдаты к пушкам:

— Давай гранаты.

Достали бойцы гранаты.

— Взрывай их, братцы!

На пушки смотрят:

— Заткнём им глотки!

— Минутку. Стойте, — сдерживал бойцов Трубников.

Повернулись бойцы на голос.

— Зачем же пушкам вдруг быть немыми, — сказал, улыбающийся солдатам, Трубников. — Научим лучше их русской речи.

Не сразу смекнули бойцы, в чём дело: речь о какой здесь речи?

И вдруг поняли. У пушек горы лежат снарядов. Зачем же гибнуть зазря снарядам!

Зарядили солдаты пушки.

Развернули солдаты пушки.

— Огонь! — скомандовал Трубников.

Ударили пушки туда — по фашистам. Взорвали округу могучим басом.

За выстрелом первым второй и третий. За третьим четвёртый, шестой, десятый...

— Ну как — по-русски? — кричит Трубников.

— По-русски, по-русски, по-нашенски, — в ответ солдаты.

Заговорили по-русски фашистские пушки.

Возвращались солдаты в родную роту. Шагает со всеми Трубников.

— И вправду — учитель, — смеются солдаты.

ПЛЕВРИТ, БРОНХИТ

Севастополь — южный, конечно, город. Однако декабрь есть декабрь. И здесь в декабре морозно.

Оделись бойцы в шинели. В бушлатах своих матросы. Фашисты тоже в зимней военной форме.

И вдруг... Смотрят бойцы — атакуют фашисты в одних мундирах. Было это 28 декабря 1941 года. Отдан строжайший приказ фашистским солдатам взять в этот день наконец Севастополь.

Смотрят наши бойцы на фашистов, гадают:

— Не завезли им, видать, шинелей.

Кто-то вставляет:

— Знают фашисты: жарко им будет в бою. Потому и шинели скинули.

И вот во время одной из атак группа бесшинельных фашистских солдат была взята нашими в плен. Стоят они, сутулятся, жмутся от страха, от ветра, от холода.

Наши бойцы к фашистам:
— Почему без шинелей?
— Не завезли вам, видать, шинелей.
— Из Италии, из Африки, что ли, сюда вы на помощь при-
были?

— Найи, найи, то есть «нет», — говорят фашисты. — Имеем шинели. Положена каждому.

— Так где же шинели?

— Сдать приказали.

— Как приказали? Зачем приказали?

Оказывается, верию — был отдан такой приказ. Приказали фашистские генералы: сдать солдатам свои шинели.

— Получите в Севастополе, — объяснили фашистские офицеры своим солдатам — и обед, и шинели.

— И обед?

— И шинели?

— Да, — говорят офицеры. — И ордена.

Были уверены фашисты, что их солдаты ворвутся в этот день в Севастополь. Чтобы лучше сражались, отняли у них шинели.

Рассмеялись советские бойцы. Смотрят они на фашистов.

— Да пока к Севастополю вы прорвётесь, простуду, чахотку схватите.

— Насморк!

— Кашель!

— Плеврит!

— Бронхит!

И в этот день не прорвались враги в Севастополь. Не помогли шинели.

ОСОБОЕ ЗАДАНИЕ

Задание было необычным. Называлось оно особым. Командир бригады морских пехотинцев полковник Горпищенко так и сказал:

— Задание необычное. Особое. — Потом переспросил: — Понятно?

— Понятно, товарищ полковник, — ответил старшина-пехотинец — старший над группой разведчиков.

Был он вызван к полковнику один. Вернулся к своим товарищам. Выбрал в помощь двоих, сказал:

— Собирайтесь. Задание выпало нам особое.

Однако что за особое, пока старшина не говорил.

Дело было под новый, 1942 год. Ясно разведчикам: в такую-то

ночь, конечно, задание сверхособое. Идут разведчики за старшиной, переговариваются:

— Может, налёт на фашистский штаб?

— Бери выше, — улыбается старшина.

— Может, в плен генерала схватим?

— Выше, выше, — смеётся старший.

Переправились ночью разведчики на территорию, занятую фашистами, продвинулись вглубь. Идут осторожно, крадутись.

Опять разведчики:

— Может, мост, как партизаны, идём взрывать?

— Может, на фашистском аэродроме произведём диверсию?

Смотрят на старшего. Улыбается старший.

Ночь. Темнота. Нюхота. Глухота. Идут в фашистском тылу разведчики. Спускались с кручи. На гору лезли. Вступили в сосновый лес. Крымские сосны вцепились в камни. Запахло приятно хвоей. Детство солдаты вспомнили.

Подойшёл старшина к одной из сосенок. Обошёл, посмотрел, даже ветви рукой пощупал.

— Хороша?

— Хороша, — говорят разведчики.

Увидел рядом другую.

— Эта лучше?

— Сдаётся, лучше, — кивнули разведчики.

— Пушиста?

— Пушиста.

— Стройна?

— Стройна!

— Что же — к делу, — сказал старшина. Достал топор и срубил сосенку. — Вот и всё, — произнёс старшина. Взял сосенку себе на плечи. — Вот и управились мы с заданием.

— Вот те и на, — вырвалось у разведчиков.

На следующий день разведчики были отпущены в город, на новогоднюю ёлку к детям в детский дошкольный подземный сад.

Стояла сосенка. Стройна. Пушиста. Висят на сосенке шары, гирлянды, разноцветные фонарики горят.

Вы спросите: почему же сосна, не ёлка? Не растут в тех широтах ёлки. Да и для того, чтобы сосенку добыть, надо было к фашистам в тылы пробраться.

Не только здесь, но и на Корабельной стороне, и в Инкермане, да и в других местах Севастополя зажглись в тот нелёгкий год для детей новогодние ёлки.

Видать, не только в бригаде морских пехотинцев у полковника Горпищенко, но и в других частях задание для разведчиков в ту предновогоднюю ночь было особым.

Не взяли враги в декабре Севастополь. Провалился и этот штурм. Продолжает сражаться город.

Фашистское орудие било по нашим. Пятеро фашистов здесь при орудии: один заряжает, второй стреляет, двое подносят снаряды, пятый — сам командир орудия.

Стреляет пушка.

— Огонь!

— Огонь!

Снова крикнул фашист:

— Огонь!

Однако не грянул выстрел. Посмотрел командир на пушку. Есть подносчики, есть заряжающий. А где же стреляющий?

Раскинул руки, у пушки лежит стреляющий. Над правой бровью от пули след.

Недолго на войне замешательство. Заряжающий стал стреляющим. Один из подносчиков стал заряжающим.

Снова стреляет пушка.

— Огонь!

— Огонь!

Снова крикнул фашист:

— Огонь!

Однако снова не грянул выстрел. Посмотрел командир на пушку. Есть подносчик. Есть заряжающий. А где же стреляющий?

Раскинул руки, у пушки лежит стреляющий. Над левой бровью от пули след.

Коротко на войне замешательство. Заряжающий стал и стреляющим: сам заряжает и сам стреляет. Снова в работе пушка.

— Огонь!

— Огонь!

Снова кричит офицер:

— Огонь!

Не отозвалась команде пушка. Посмотрел командир на орудие. В живых у пушки остался всего лишь один солдат. Прицелился этот один — последний, приготовился только к выстрелу, как тоже у пушки рухнул. А следом за ним и пятый — сам командир орудия.

Посмотрел из-за укрытия старшина Ной Адамия.

— Порядок! — сказал Адамия. Старшина Ной Адамия был снайпером. Это его работа.

...По извилистой крымской дороге едет фашистская штабная машина с открытым верхом. Пять человек в машине. Четверо

из них офицеры. Трое — сзади. Один — впереди. Важно сидит с водителем.

Трое — сзади. В центре — высокий. Ведёт оживлённую он беседу. То — слово к соседу слева, то — слово к соседу справа, то обратится к тому, кто важно сидит впереди с водителем.

Вот снова он повернулся к соседу справа. Глянул — ахнул: качнулся, осел сосед. Понимает высокий: убит сосед. Повернулся быстро к тому, что слева. И этот убит, что слева. Глянул вперёд на того, что важно сидит с водителем. Видит, от пули качнулся важный. Ещё секунда, и носом в баранку ткнулся и сам шофёр.

— А-а-ай! — закричал высокий.

Вильнул автомобиль на крымской лихой дороге. Секунда — и с кручи как камень вниз.

Подвинулся из-за придорожных камней снайпер старшина Ной Адамия.

— Порядок! — сказал Адамия.

Бывали дни, когда по десять, двадцать и даже тридцать фашистов сражал из своей винтовки прославленный Ной Адамия. Почти триста фашистов уничтожил Адамия под Севастополем.

За свой ратный подвиг Ной Адамия награждён высшей наградой Родины. Он стал Героем Советского Союза.

«ЕСТЬ И БУДЕТ!»

Разговорились как-то, сидя в окопе, солдаты о том, что у фашистов снарядов много.

— И ми.

— И бомб.

— И взрывчатки разной.

Действительно, не испытывали фашисты под Севастополем недостатка в боеприпасах.

— Много снарядов, много, — соглашался с другими солдат Репков. — Много. А всё же — убавить можно.

Солдаты сразу с вопросом:

— Как?

— Можно, — подтверждает Репков. Однако, как же их убавить, не говорит.

Не терпится солдатам, гадают вопросами:

— Взрывать поезда со снарядами?

— Можно и так, — отвечает Репков. — А можно и по-другому.

— Топить корабли с боеприпасами?

— Можно и корабли на подходах тонить, — соглашается Ренков. — А можно и по-другому.

— Отбивать у фашистов склады?

— Можно и отбивать. А можно и вовсе иначе, — отвечает опять Ренков.

Надоела солдатам загадка Ренкова. Отстали они с вопросами.

Ночью Ренков исчез из окна. «Куда бы?», «Зачем бы?» — гадают солдаты. Было это на участке севернее Севастополя. Пробрался солдат в соседний пустой овраг, выбрал склон, обращённый к фашистам. Стал в темноте возиться, что-то таскать к оврагу.

Когда рассвело, посмотрели солдаты, видят: по склону оврага из камней выложено два слова. Читают солдаты эти слова. А слова такие: «Смерть Гитлеру!»

Увидели слова и фашисты. Увидели, открыли ураганный огонь по оврагу. Грохотали, грохотали пушки. Разбили снаряды надписи.

Сосчитали наши бойцы, сколько снарядов фашисты потратили. Оказалось — 250.

— Ого-го, — покосились они на Ренкова.

Ночью Ренков снова пошёл к оврагу. Восстановил солдат надписи. Рассвело. Надписи на старом месте.

Снова фашисты огонь открыли. Били, били, ревели пушки. Крошили снаряды надписи. Сосчитали снова наши бойцы, сколько снарядов враги потратили. Оказалось — 300.

Спускается вечер. Снова к оврагу спешит Ренков.

— Разоришь ты фашистов, — смеются солдаты. — По миру босыми пустишь. — А сами удаче рады.

Не только здесь, на северной стороне, но и в других местах вокруг Севастополя стали появляться из камня надписи. Расстреливали их фашисты из пушек, бомбили с воздуха. Однако надписи вновь восстанавливались.

Одна из них была особенно ненавистна фашистам. Была она выложена огромными трёхметровыми буквами в самом городе на крутом склоне Исторического бульвара. Далеко виднелась и с земли и с воздуха эта надпись. Вот её слова: «Севастополь был, есть и будет советским!»

Верная очень надпись.

ВЫХОДНОЕ ПЛАТЬЕ

Было это ещё до начала войны с фашистами. Кате Извековой подарили родители новое платье. Платье нарядное, шёлковое, выходное.

Не успела Катя обновить подарок. Грянула война. Осталось платье висеть в шкафу. Думала Катя: завершится война, вот и падает она своё выходное платье.

Фашистские самолёты не переставая бомбили с воздуха Севастополь.

Под землю, в скалы ушёл Севастополь.

Военные склады, штабы, школы, детские сады, госпитали, ремонтные мастерские, даже кинотеатр, даже парикмахерские — всё это врезалось в камни, в горы.

Под землёй организовали севастопольцы и два военных завода.

На одном из них и стала работать Катя Извекова. Завод выпускал миномёты, мины, гранаты. Затем начал осваивать производство авиационных бомб для севастопольских лётчиков.

Всё нашлось в Севастополе для такого производства: и взрывчатка, и металл для корпуса, даже нашлись взрыватели. Нет лишь одного. Порох, с помощью которого подрывались бомбы, должен был засыпаться в мешочки, сшитые из натурального шёлка.

Стали разыскивать шёлк для мешочков. Обратились на различные склады.

На один:

— Нет натурального шёлка.

На второй:

— Нет натурального шёлка.

Ходили на третий, четвёртый, пятый.

Нет нигде натурального шёлка.

И вдруг... Является Катя. Спрашивают у Кати:

— Ну что — нашла?

— Нашла, — отвечает Катя.

Верно, в руках у девушки свёрток.

Развернули Катин свёрток. Смотрят: в свёртке — платье. То самое. Выходное. Из натурального шёлка.

— Вот так Катя!

— Спасибо, Катя!

Разрезали на заводе Катино платье. Сшили мешочки. Засыпали порох. Вложили мешочки в бомбы. Отправили бомбы к лётчикам на аэродром.

Вслед за Катей и другие работницы принесли на завод свои выходные платья. Нет теперь перебоев в работе завода. За бомбой готова бомба.

Поднимаются лётчики в небо. Точно бомбы ложатся в цель.

Разведчики. Здесь, под Севастополем, много их, лихих и отважных. Если надо — со дна морского иглу достанут, птицу в полёте руками схватят.

Разведчики, матросы Ноздрачёв, Поляков и Митрохин, получили задание пленить штабного фашистского офицера. Советским командирам надо было срочно узнать о последних фашистских приказах.

Отправились в путь разведчики. Сидели в засадах, выходили к дорогам. Не попадаете им офицер из штаба.

Подумал Ноздрачёв: «Где лучше всего искать штабного офицера?» И тут же себе ответил: «Конечно, в самом же фашистском штабе».

Обратился к друзьям по разведке:

— А что, если к фашистам в штаб?

— Ну что же, — сказал Поляков.

— Риснём, — поддержал Митрохин.

Дождались разведчики ночи. Подкрались к фашистскому штабу. Осторожно, без шума убрали охрану. Тихо, пустынно в штабе. Дежурный офицер, развалившись на стуле, дремлет. Вот она спит, удача! Сейф железный стоит в углу. Вот они где, приказы!

— Гутен морген, с добрым утром! — толкнул Ноздрачёв фашистского офицера.

Открыл тот глаза. Не понял, в чём дело.

«Гутен морген», — хотел сказать. Вдруг видит — люди в советской военной форме.

— Руки вверх! — прокричал Ноздрачёв.

Заморгал офицер глазами. Отскочила, словно чужая, челюсть.

— Руки вверх! — повторил Ноздрачёв.

Рванулся офицер к пистолету. Но в ту же секунду разведчики скрутили фашисту руки. Довольны матросы. В руках добыча.

Показал Ноздрачёв офицеру на сейф. Потребовал ключ у фашиста.

Зикается тот, отвечает: мол, нет ключа, у начальства ключ.

Проверили разведчики у офицера карманы. Верно, нет у него ключа.

Как же быть? Может, гранатой сейф подорвать? Может, попробовать стукнуть ломом?

— Не то, не то, — понимает Ноздрачёв. Смерть для разведчика, если — с шумом.

Жаль уходить, не открывши сейф. Ясно: именно там приказы.

Посмотрел Ноздрачёв на Митрохина, на Полякова. Подошёл к железу. Плечом попробовал. Поднажал. Сейф тяжёлый. Однако сдвинулся. Поманил Ноздрачёв Полякова, Митрохина:

— А ну с огоньком, ребята.

Подхватили матросы сейф. Потащили, кряхтя под ношей.

— Вперёд! — скомандовал Ноздрачёв фашистскому офицеру.

Тащили, тащили металл солдаты, а затем решили: пусть-ка добычу фашист несёт. Взвалили тяжесть ему на плечи. Помогают, конечно, и сами. Сейф тяжёлый, фашист пыхтит.

— Выше голову, выше. Шаг шире, — командует Ноздрачёв.

Так и явились они к своим.

— «Язык» с «приданным», «язык» с «приданным», — смеялись, встречая бойцов, солдаты.

Не зря тащили разведчики сейф, молодцы, что в пути не бросили. Когда вскрыли, оказалось — важнейшие в нём бумаги.

Смел, находчив матрос Ноздрачёв. Да не только Ноздрачёв. Под Севастополем много лихих разведчиков. Волончук, Калинин. Филли, бесстрашная девушка Ольга Химич... Поручай им любое задание. Надо — птицу в полёте руками схватят. Надо — с неба ночную звезду достанут.

ИВАН ГОЛУБЕЦ

Дальнобойная фашистская артиллерия стреляла по Севастополю. Один из снарядов пронёсся над Стрелецкой бухтой, упал и разорвался на палубе сторожевого катера. Осколок снаряда пробил бензиновый бак. Вспыхнул пожар на катере.

Не один этот катер стоял в это время в Стрелецкой бухте. Рядом — другие военные корабли.

Страшен, конечно, пожар на катере. Но ещё страшнее было другое. На сторожевом катере находились глубинные бомбы. Взорвутся бомбы. Разнесут не только сам катер, но и стоящие рядом военные корабли и военные объекты на берегу.

Первым пожар на катере заметил старший матрос комсомолец Иван Голубец.

«Немедленно сбросить в море бомбы, сбросить глубинные бомбы», — заработала тревожная мысль у матроса.

Сбросить бомбы — это значит нажать на рычаги, и сбрасыватели сами, быстро и без твоих усилий освободят катер от опасного груза.

Сбросить бомбы — дело одной минуты.

Бросился Голубец на катер. Пробился сквозь огонь. Подбежал к рычагам сбрасывателей. Ухватился. Нажал. Вот сейчас рухнут бомбы.

Не сдвинулись бомбы. Лежат на месте.
Ещё сильнее потянул за рычаги Голубец. Напрягся в три человеческих силы.

Бомбы лежат на месте.

Ясно теперь Голубцу: повреждены от взрыва на катере бомбосбрасыватели.

Сильнее, сильнее пожар на катере.

— Беги, беги, — что-то шепнуло матросу.

— Останься, — что-то затем сказало.

Остался Иван Голубец на палубе. Подбежал он к одной из глубинных бомб. Схватил, поднатужился. Дотащил до борта. Рухнула бомба в воду.

Бросился к новой бомбе. Вот и эта летит за борт.

Бомбы на катере разных размеров. Выбирает Голубец те из них, которые больше других, крупнее других, опаснее.

К третьей бомбе спешит матрос, к пятой, седьмой, десятой.

Всё ближе, всё ближе к матросу пламя. Накапился, как печка, как домна, катер.

— Быстрее, быстрее, — торопит себя Голубец.

Вот последние бомбы лежат на катере. Минута, вторая — и эти уйдут за борт.

Схватился Иван Голубец за новую бомбу. Поднял, и в это время грянул на катере взрыв. Эхом, как плачем, ответила бухта.

Погиб комсомолец Иван Голубец.

Погиб, однако успел сбросить в море самые крупные, самые опасные бомбы, уберёг от взрыва соседние корабли и военные объекты на берегу.

В Севастополе, там, у моря, в Стрелецкой бухте, нынче — памятник Голубцу.

НОВОЕ ОРУЖИЕ

Двести дней уже держится Севастополь.

На одном из участков Севастопольской обороны наши позиции проходили по Телеграфной горе. Справа и слева наши, внизу под горой фашисты. Хорошее место для обороны: скалы кругом, вершина с крутыми склонами.

Одно неудобство: фашисты всё время обстреливают высоту. Откуда ведут огонь — не всегда известно. Не знают наши, куда ответить. Скрыли, замаскировали фашисты свои огневые точки. Ходят в тылы разведчики. Да и тут не всегда удача.

Среди защитников Телеграфной горы был старший лейтенант Алиев. Командовал Алиев стрелковой ротой.

— Узнаем, где огневые точки, — как-то сказал артиллеристам Алиев.

Смеются артиллеристы, не очень верят:

— Давай, давай, помогай, пехота.

Раскрыли пехотинцы огневые точки врага. Вот как случилось это.

Была ночь. Сидят под горой фашисты. Смотрят на гору, следят за склонами. Притихла кругом стрельба. И всё же даже ночью нет на войне покоя. То там огонь. То здесь огонь. Полазут зловецкие ночные порохи.

Смотрят фашисты на гору, на тёмное небо, на звёзды, и вдруг вспыхнуло что-то там на вершине. Метнулось пожаром. Огненным шаром обрушилось вниз. Несётся с вершины огонь, как лава. Грохот громом разит округу.

Всё ниже, всё ниже поток смертельный. Заметались фашисты. Бегут из окопов.

— Оружие — новое!

— Новое!

— Новое!

Докатился огонь до основы горы, сюда к самым фашистским траншеям. Раздался взрыв. Брызнул огонь в окопы горячей пеной.

Замерло всё у фашистов. Прошла минута, и вот открыли по Телеграфной горе фашисты стрельбу из всех орудий.

А нашим только того и надо. Засекли советские наблюдатели вражеские батареи.

Что же придумал такое Алиев?

Всё просто. Несложно. Нужна лишь гора для этого.

Приказал он солдатам притащить на вершину горы железную бочку.

Притащили.

Приказал начинить её порохом.

Начинили.

Приказал обмотать бочку бикфордовым шнуром.

Обмотали.

Распорядился облить бензином.

Облили.

— Поджигай! — скомандовал Алиев.

Подожгли.

— Толкай с горы!

Помчалась вниз она огненным шаром.

Не скоро забыли фашисты взрыв. Никто не верил, что это бочка.

— Оружие — новое!

— Новое!

— Новое! — долго шептались ещё фашисты.

Море рядом с Севастополем у Херсонеса, Качи и Балаклавы богато кефалью. Кефаль — рыба вкусная.

Севастопольские рыбаки с давних пор славились богатыми уловами.

Оборвались теперь уловы. Море у Севастополя стало районом военных действий.

Всюду на море мины — наши, фашистские. Всюду — огонь по морю. Запретили рыбакам отплывать от берега. Даже кто-то из расторопных военных хозяйственников приспособил рыбацкие сети для маскировки своих хозяйственных складов.

Возмутились севастопольские рыбаки:

— Сети — для складов!

— Нас — как в ловушку!

Отвечают хозяйственники:

— Всё равно вас в море никто под огонь не выпустит.

Однако севастопольские рыбаки издавна были людьми упрямыми. Обратились они к командующему Приморской армией, оборонявшей Севастополь, генералу Ивану Ефимовичу Петрову.

— Война же, — сказал Петров.

— Понятно, — отвечают рыбаки.

— Там же мины, — сказал Петров.

— А мы между минами, — отвечают севастопольские рыбаки.

— Там же огонь. И наши стреляют. И фашисты стреляют.

— А мы между стрельбами, — отвечают с хитринкой севастопольские рыбаки.

Уговорили они Петрова. Дал генерал им своё согласие. Вернули рыбакам рыбацкие сети.

Атаковали теперь рыбаки командующего Черноморским военным флотом адмирала Филиппа Сергеевича Октябрьского.

— Война же, — сказал Октябрьский.

— Понятно, — отвечают рыбаки.

— Там же мины, — сказал Октябрьский.

— А мы между минами, — опять о своём севастопольские рыбаки.

— Там же огонь. Сильнейший огонь, — говорит Октябрьский.

— А мы между стрельбами.

Уговорили всё же они и Октябрьского. Дал адмирал разрешение. Стали морские сторожевые посты выпускать рыбаков на рыбную ловлю в море.

Непростой оказалась ловля. Начали фашистские лётчики охотиться за советскими рыбаками. Выйдут рыбацкие лодки в море. Появляются в небе фашисты-стервятники.

Но не боялись севастопольские рыбаки этих воздушных пиратских атак. Знали: нужна Севастополю рыба.

Часто на помощь рыбакам приходили советские лётчики.

Тянут рыбаки на море свои сети, а в это время в воздухе над этим местом баражируют, то есть кружат, советские самолёты, не подпускают фашистов к рыбацким лодкам.

Приметили в Севастополе: если над морем у Качи, у Херсонеса, у Балаклавы висят самолёты, значит, там рыбаки, значит, будет в городе свежая рыба — рыба нелёгкого севастопольского улова.

ВЕЩЕСТВЕННОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО

Севастополь — удивительный город. Рядом идёт война. Каждый день бомбят фашисты, обстреливают город, а город не только воюет — работает, учится. Даже, как в мирные дни, улицы подметают в городе. На бульварах цветы высаживают.

— Цветы? Подождут цветы!

— Нет! — отвечают в городе.

Апрель. Зацвело, зазеленело кругом в Севастополе. Затрещало весной и нежностью.

Дивизионный комиссар Иван Филиппович Чухнов — член Военного совета Приморской армии — в один из весенних дней 1942 года выехал к бойцам на передовую. Приехал. А тут авиационный налёт. Отбомбились фашисты, а затем полетели с неба листовки. Сбрасывали фашисты такие листовки на наши передовые позиции и раньше. Чего они в них только не писали! Вот и в тех, которые были сейчас у комиссара Чухнова.

«Севастополь сплещён с лица земли», — читает комиссар в одной из листовок. «Севастополь пуст и мёртв», — читает в другой листовке. «Защищать в Севастополе больше некого», — читает комиссар в третьей. Врала фашисты в своих листовках. Пытались на наших солдат воздействовать.

Посмотрел Чухнов на листовки. Повертел их и так и этак. Покачал головой. Про себя ругнулся. Потом посмотрел на солдат. Ожидает, что же солдаты скажут.

— Бросают, — сказали солдаты.

— Читаем, — сказали солдаты.

— Брехня! — заявили солдаты.

Засмеялся Чухнов:

— Брехня?

— Так точно, товарищ дивизионный комиссар. Как же так: «Защищать в Севастополе больше некого», как же так: «Севастополь мёртв»? А у нас вот другие данные.

И тут же один из солдат к Чухнову:

— Товарищ дивизионный комиссар, просим вас на минуту зайти к нам в землянку.

Направился Чухнов к землянке. Пригнулся слегка при входе. Перешагнул порог. Выпрямился. Глянул. Да так и застыл у порога. В землянке на простом, сколоченном из досок столе стояла большая орудийная гильза. А в гильзе... А в гильзе... В гильзе стояли цветы. Розы. Майские. Пышные. Алые.

— Розы, — проговорил комиссар. Подошёл. Всё как-то не вери, что это розы, потрогал, понюхал. — Розы!

— Из Севастополя, — кто-то сказал из солдат.

— С Приморского бульвара, — сказал, уточнив, второй.

— От наших шефов, — добавил третий.

Оказалось, что шефы — девушки, комсомолки из севастопольской пошивочной мастерской.

Посмотрел Чухнов ещё раз на розы:

— Значит, жив, не разбит Севастополь. Доказательство, вижу, у вас убедительное.

— Вещественное, — кто-то сказал из бойцов.

«КРОКОДИЛ»

Откуда её раздобыли — толком никто не знал. Одни уверяли: было это ещё до Крыма. Другие: уже в Крыму. Мол, подобрали на крымских дорогах. Лежала она на боку в кювете. Оттуда сюда в Севастополь и притащили машину волоком.

Автомашина марки «ЗИС-101» была не частым в те годы явлением. Лучшей считалась маркой. Мотор у машины мощный. Кузов вместительный, длинный. Отличный ход. Отремонтировали, восстановили черноморцы автомашину. Маскировочной краской покрыли — в зелёный и чёрный цвет.

Как крокодил, получилась на вид машина. «Крокодилом» её и прозвали.

Понал «крокодил» в бригаду морских нехотинцев к полковнику Евгению Ивановичу Жидилову, стал он затем генералом.

Не знал усталости «крокодил». Носился по батальонам, по ротам, то в штаб, то из штаба, то к начальству, то от начальства, то в Севастополь в тыловые части бригады, то на командный пункт.

Привык «крокодил» к бригаде. И в бригаде как свой пришёлся. Полюбили его солдаты:

— Привет, «крокодил»!

— Как дела, «крокодил»?

— Что там нового слышно в штабе?

Оказалась машина на редкость выносливой. А главное, был «крокодил» удачливым. Фашистские самолёты за ним гонялись.

Открывали огонь фашистские миномётчики. Не вспомнишь здесь всех историй. Как-то зимой застрял «крокодил» в снегу. Сразу же появился фашистский лётчик. Не уйдёшь, «крокодил»! В руках «крокодил»! Стал лётчик делать над машиной боевые заходы, бросал бомбы, входил в пики. Патроны все до единого расстрелял. Цел «крокодил», как новенький. Хоть бы одна царапина.

Затем, по весне, снова застрял «крокодил». Распутица. Буксует машина. Ни с места. Схватила колёса весенняя хлябь. Взяла машину в прицел фашистская артиллерия. Открыли пушки по ней огонь. Укрылись Жидилов и шофёр рядом в глубоком окопе. Машина, словно на полигоне, стоит на открытом месте.

Солдаты, что были в окопе, считают взрывы. Считает шофёр. Считает и сам Жидилов. Десять, двадцать, сорок, сорок четыре. Сорок четыре снаряда, и все в «крокодила». Прощай, боевой товарищ.

Стих огонь. Поднялись бойцы из окопа. Смотрят — глазам не верят. Цел, невредим «крокодил» — хоть бы одна занозина.

Бывало, конечно, всякое. Война есть война. Боец есть боец. И «крокодил» получал ранения. Ходил в «повязках», ложился в «госпиталь». Вновь автомобильные мастера поднимали машину к жизни.

Честно нёс службу свою «крокодил». Как равный в строю отважных.

Не стало его случайно. Погиб от фашистской бомбы. Стоял у штаба. Дремал без дела. Ударил бомба прямым попаданием. Был «крокодил» и нет.

Не скоро забыли бойцы машину. Часто вспоминали отважный «ЗИС». Так и по всем бывает. Честно прошёл по жизни — долго хранится след.

УЛИЦА ПЬЯНЗИНА

Июнь 1942 года. Фашисты начали новое, третье по счёту, самое мощное наступление на Севастополь.

Свой главный удар враги направили на северную часть города.

Днём и ночью здесь грохотали пушки. Не щадили фашисты своих солдат.

На одном из участков фашистского наступления у станции Мекензиевые Горы в обороне стояли артиллеристы-зенитчики под командованием старшего лейтенанта Ивана Семёновича Пьянзина. На них и на их соседей по обороне и обрушился грозный удар врага.

Не пробилась сюда пехота. Бросили фашисты в наступление танки и самолёты.

— Земля! — кричал Пьянзин.

Это значило: атакуют зенитчиков танки. Опускали пушечные стволы зенитчики. Начинали стрелять по танкам.

— Воздух! — кричал Пьянзин.

Поднимали в небо стволы зенитчики, отражали атаки фашистских самолётов.

— Земля!

— Воздух!

— Земля!

— Воздух!

— Земля!

— Воздух!

Несколько дней не утихали эти команды над полем боя. Артиллеристы сражались до тех пор, пока хватило сил и снарядов.

Выходили из строя пушки.

Таяли люди на батарее.

Осталось восемь бойцов.

Осталось шесть.

Враги обошли батарею. Замкнули кольцо вокруг зенитчиков. Живым на батарее остался один лишь Пьянзин. Он был ранен, но из автомата отстреливался от врагов.

Всё ближе, ближе к нему фашисты.

Где же та сила, чтобы ударить опять по фашистам?!

Есть эта сила.

Схватил Пьянзин микрофон от радиации. Полетели в эфир слова:

— Прошу открыть огонь... Прошу открыть огонь... Мои координаты... Мои координаты...

Взревели советские пушки. Накрыли огнём фашистов.

Прошли годы. Ныне в городе Севастополе имеется улица Пьянзина. Будешь в городе Севастополе, памяти Пьянзина поклонись.

«КАРЛ» И «ДОРА»

Рвутся фашисты к городу. Обрушили на Севастополь горы огня и стали.

Отбомбились, отстрелялись, отшвырялись огнём фашисты. Выпал крохотный перерыв. Подняли солдаты головы. Глянули из окопа. Что-то лежит огромное.

— Так это снаряд, братишки.

Действительно, перед окопом лежал неразорвавшийся фашистский снаряд. Такого солдаты ещё не видели. Два метра длина снаряда. Поднять пытались его солдаты. Кряхтели. Потели. Лежит, не сдвинулся.

Прибыли специалисты. Осмотрели. Измерили.

— Всё ясно, — бойцам сказали.

— Что ясно?!

— Это снаряд от гаубицы «Карл», — объясняют солдатам специалисты. — Больше тонны весит такой снаряд.

— Больше тонны! — поражались солдаты. — Вот бы такой бабахнул!

Уехали специалисты.

Прибыл вскоре к солдатам в окоп дружок-артиллерист из соседней части. Рассказали ему солдаты про снаряд и про «Карла».

— Вот бы такой — бабахнул!

— Ах, «Карл»? — усмехнулся артиллерист. — Это ещё игрушка.

— Вот так игрушка, — смутились солдаты.

Рассказал сосед, что, помимо «Карла», собираются фашисты привезти в Крым, сюда под Севастополь, и огромную пушку «Дору».

— Ствол у «Доры» длиной в тридцать метров, — объясняет артиллерист.

— Батюшки, тридцать метров!

— Лафет достигает высоты трёхэтажного дома.

— Трёхэтажного дома!

— У орудия — пятьсот человек прислуги.

— Пятьсот человек прислуги!

— Вот это да! — вырвался общий вздох.

Прошла минута первого изумления. Подивились солдаты, узнав про «Дору». И тут же солдатский вывод:

— Значит, несладко, видать, фашистам.

Кто-то сказал серьёзно:

— Не помогут фашистам ни «Карл», ни «Дора».

Кто-то сказал с улыбкой:

— Плакали «Карл» и «Дора».

Кто-то сказал уверенно:

— А всё же наша возьмёт над фашистами. Нам отмечать победу!

— Верно, — соглашается артиллерист.

Так и случилось оно потом. Только не сразу. Не в это время.

ТРИ ТАНКА

Места под Севастополем неровные, каменистые. Даже от танка укрыться можно. Стань за скалу, спрыгни в овраг — ты и не виден танку.

Приметил это ефрейтор Линник. Бросил друзьям:

— Танк подорву. На уду поймаю.

— Как на уду?! — поразились друзья. — Танк не карась, не жерех.

— Жерех, — смеётся Линник. — Поймаю, — твердил друзьям. — Даже насадку уже имею.

И правда, поймал на «насадку» ефрейтор Линник фашистский танк. Противотанковой миной была «насадка».

Привязал Линник к мине длинную верёвку. Уложил мину

на участке, где предполагалась атака фашистских танков. Протянул верёвку к большому камню. Улёгся за камень, держит в руках верёвку.

Пошли фашистские танки. Стал подтягивать Линник к себе верёвку. Рядом в окопе сидят друзья. Видят: задвигалась по земле противотанковая мина.

— Шевельнулась!

— Смотри, ползёт!

— Зашагала, гляди, красавица!

Подтянет Линник слегка верёвку. Остановится. Снова подтянет. Всё старается так, чтобы под фашистский танк подошла мина. Подтянул наконец — под фашистский танк. Взлетела от взрыва машина в воздух.

— Поймал! Поймал! — закричали в окопе товарищи.

Оказалось, что ефрейтор Линник приготовил и вторую верёвку с миной.

Ухватился теперь за вторую верёвку. Сдвинулась мина. И снова солдаты:

— Шевельнулась!

— Смотри, пошла!

— Зашагала, гляди, красавица!

Подвёл ефрейтор Линник и эту мину под неприятельский танк. И эта машина взлетела в воздух.

— Эка ж осетров подцепил, — шутили над ним товарищи.

В этом же бою ефрейтор Павел Дмитриевич Линник уничтожил и третий фашистский танк.

Не один только Линник в июльских боях под Севастополем удачно применял «живые» мины против фашистских танков. Нашлись и другие. Заметный урон нанесли смельчаки фашистам.

Пробьётся на небе едва рассвет — к месту «лова» спешат «рыболовы».

БОГАТЫРСКИЕ ФАМИЛИИ

Отличившихся воинов представляли к наградам. Штаб. Два офицера. Младший по званию. Старший по званию. Младший зачитывает наградные листы, называет фамилию отличившегося, докладывает старшему, за что и к какой представлен боец награде.

Чётко идёт работа:

— Найда.

— Кахаров.

— Кули-заде.

Приятно офицерам читать о героях:

- Бесналов.
- Каралов.
- Омаров.
- Дзесов.

Читая одну из бумаг, чуть задержался младший.

- Ну что там? — поторопил его старший.
- Вот молодец. Вот молодец, — восхищается младший.
- Кто же?
- Герой! Орёл!
- Кто же?!
- Богатырь, — откликается офицер.
- Фамилия как?
- Богатырь, — опять о своём офицер.

Поднял старший начальник глаза на младшего:

- Фамилия?
- Иван Богатырь, — улыбается офицер.
- Посмотрел недоверчиво старший на младшего.
- Иван Богатырь, — повторяет младший и тянет бумагу старшему.

Действительно, под Севастополем сражался Иван Богатырь. Был он ефрейтором. Был пулемётчиком. Оставшись один в окопе, он принял неравный бой с фашистами. Герой был ранен в голову, контужен, затем ранен в правую руку, но продолжал сражаться. Пять часов до прихода помощи удерживал Иван Богатырь свою позицию. Когда подсчитали число фашистов, которых уничтожил в этом бою Иван Богатырь, их оказалось более ста.

Прочитал старший офицер наградной лист о подвиге Ивана Богатыря.

- Герой! Орёл! — согласился офицер.

Потом полистал другие бумаги. Прочитал про другие подвиги. Глазами прошёл по фамилиям. Читает: Линник, Главацкий, Гахокидзе, Байда, Умеркин, Спириин...

- Молодцы, молодцы, — произносил офицер.

Пулемётчик Иван Иванович Богатырь, пехотинец ефрейтор Павел Дмитриевич Линник, политрук роты Георгий Константинович Главацкий, политрук другой роты Михаил Леванович Гахокидзе, старший сержант разведчица Мария Карповна Байда, артиллерист младший лейтенант Абдулхак Умеркин, пехотинец старший лейтенант Николай Иванович Спириин — все они были воистину богатырями. Все они, а вместе с ними и многие другие за свои подвиги, совершённые при защите Севастополя, стали Героями Советского Союза.

Вновь посмотрел офицер на фамилии:

- Нет здесь простых. Богатырские все фамилии.

Война есть война. Невизбежны в боях потери. Попесили урон и корабли Черноморского флота. Погиб теплоход «Абхазия», погибли эскадренные миноносцы «Свободный» и «Безупречный». Был потоплен фашистами транспорт «Белосток». Вышел из строя огромный, самый крупный из кораблей Черноморского флота транспорт «Ташкент».

Все эти суда перевозили в осаждённый Севастополь вооружение и боеприпасы. Всё меньше и меньше снарядов, патронов, мин попадает теперь к защитникам Севастополя.

В Севастополе ждали «Грузию». Транспорт «Грузия» шёл с Кавказа. Вёз снаряды, мины, патроны, пулемётные ленты, авиационные бомбы.

Все ожидают «Грузию».

Довольны артиллеристы. Поступят снаряды.

Довольны лётчики. Прибудут бомбы.

Довольны миномётчики. Мины придут на «Грузию».

Довольны пулемётчики. Будут у них патроны.

Морские пехотинцы, просто пехотинцы, бойцы всех частей и войск ждут не дождутся «Грузию».

Прибыла «Грузия». С трудом пробилась она к Севастополю. Шла осторожно, минуя мины. Отбивалась в пути от фашистских самолётов. Пострадала от рядом упавших бомб. Была повреждена, потеряла ход. Но всё же пришла.

Вошла «Грузия» в Севастопольскую бухту. Причалила.

— Ура! — вырвался вздох облегчения.

И вдруг... Налетели снова фашистские самолёты. Устремились на транспорт, как коршуны. Потопили фашисты «Грузию». Прямо здесь, в Севастополе, в Южной бухте, у всех на виду.

Доложили фашистам фашистские лётчики: «Уничтожен советский транспорт. Боеприпасы для Севастополя уничтожены».

Известие о тяжёлой потере пришло и к нашим войскам. Погибла «Грузия», погибли боеприпасы.

И вдруг!

Приходят машины к артиллеристам:

— Принимай, пушкари, снаряды.

Приходят машины к лётчикам:

— Небеса, принимайте бомбы.

Приходят машины к миномётчикам:

— Принимайте, считайте мины.

Патроны идут к пулемётчикам, идут к пехотинцам, к бойцам всех частей и войск.

— Откуда?!

— Откуда?!
— Откуда?! — общий у всех вопрос.
— Оттуда, — отвечают бойцам снабженцы. И уточняют: —
Со дна морского.
— Как так со дна морского?! Что за сказки плетут снабженцы!

Однако всё верно — правы снабженцы. Оказалось, организовали флотские интенданты бригады ныряльщиков. Ныряли отважные на глубину. Пробрались в корабельные трюмы. По снаряду, по мине извлекли смельчаки из трюмов «Грузин» боеприпасы. Подняли ящики с патронами.

Поступают боеприпасы к защитникам Севастополя.
Сражается город. Ведёт огонь.

КОНСТАНТИНОВСКИЙ РАВЕЛИН

Северная часть Севастополя. Выход из бухты. Начало моря. Здесь у моря поднялась крепость. Это Константиновский рavelин.

Любой корабль, входя в Севастополь, не обойдёт, не минует Константиновский рavelин. Не минуешь его и при выходе. Константиновский рavelин как страж, как часовой у ворот Севастополя.

1942 год. Июнь. Всё сильнее фашистский удар на севере. Наступают фашисты. Вводят новые силы. Всё труднее, труднее нашим. Прорвались фашисты с севера.

Овладели Северной стороной. Вышли к бухте, к морскому берегу. Лишь рavelин дерётся.

Вместе со всеми в бою комиссар рavelина Иван Кулинич. Азартен в бою Кулинич. Вот он стоит на виду у моря. Китель моряцкий в дыму, в ожогах. Лоб бинтами крест-накрест схвачен.

Сражается рavelин. Волком вцепились в него фашисты. Снаряды, как молот, дробят округу.

Не сдаётся Константиновский рavelин.

Бомбят рavelин самолёты. Танки в стены чуть ли не лбами бьют.

Всё меньше и меньше в живых героев. И всё же стоят герои. Прикрывают отход своих. В эти дни корабли Черноморского флота вывозили из города раненых. Сдать рavelин фашистам — значит отрезать нашим судам путь из бухты в открытое море. Удержались герои до нужного срока. Не подпустили фашистов к берегу. Ушли без потерь корабли из бухты.

Ушли корабли. Опустела бухта. Долг до конца исполнен. Прибыл теперь приказ, чтобы и сами герои покинули рavelин.

Простились матросы с крепостью. Все ушли. Лишь один остался — комиссар рavelина Иван Кулинич. Взорвать рavelин, уничтожить запас снарядов — с этой целью и задержался теперь Кулинич. Отправил минёров:

— Я — сам! Я — сам!

Вот он стоит на виду у неба. Китель моряцкий в дыму, в ожогах. Лоб бинтами крест-накрест схвачен.

Вновь атакуют фашисты крепость. Не отвечает фашистам крепость. Осмелели фашисты:

— Форвертс! Вперёд!

Ворвались фашисты в крепость. Видят — стоит комиссар. Китель моряцкий в дыму, в ожогах...

— Комиссар?!

— Комиссар!

Устремились к нему фашисты. Рты исказились в победном крике. Несутся фашисты. Предпоследний, последний шаг.

— Получайте, — тихо сказал Кулинич. Повернул механизм подрывной машины.

И в ту же секунду поднял землю страшный взрыв. Валели фашисты к небу.

Погиб комиссар Кулинич.

Мстили фашисты потом рavelину. Хотели сровнять с землёй. Шипели мины. Рвались запалы. Но он стоял. Вскипало море. Гудели скалы. Но он стоял.

То кровь героев скрепила стены. То подвиг смелых жил в этих стенах.

Он и нынче стоит у моря — страницей славы, страницей боли — Константиновский рavelин.

«ВСЕ ЗДЕСЬ»

Наступили самые трудные дни Севастополя. Кончались боеприпасы. Кончались силы.

Командир бригады морских пехотинцев генерал-майор Евгений Иванович Жидилов и комиссар бригады Александр Митрофанович Ищенко направлялись к Хомутовой балке. Здесь сражалась одна из советских артиллерийских батарей.

Бегут под огнём советские командиры. Слышат, как отвечает фашистам советская батарея.

— Молодцы артиллеристы! — сказал генерал Жидилов.

— Орлы! — подтвердил комиссар Ищенко.

Вышли командиры к открытой площадке. Смотрят — не видят пока саму батарею. Замаскировались артиллеристы. Зато видят командиры место, куда несутся наши снаряды. Точно ложатся взрывы. Ударяют в ряды фашистов.

— Молодцы! — не сдержался теперь комиссар Ищенко.

— Орлы! — поддержал комиссара комбриг Жидилов.

Ещё минута, вторая. Кустами, овражком, снова открытым местом пробежали командир и комиссар. Вот тут совсем рядом Хомутова балка, рядом совсем батарее.

Вышли командиры к её позициям. Вот они, наши пушки, наши орлы-артиллеристы.

Смотрят командир и комиссар: из четырёх пушек на батарее уцелела одна-единственная. И у этой одной-единственной находится один-единственный артиллерист-матрос.

Лицо у матроса суровое. Ворот флотской рубахи порван. Бескозырка чудом держится на затылке.

За снарядами посылает снаряд матрос. Словно прирос к орудию. Даже, кажется, не замечает, что явились сюда командиры.

Шагнул генерал Жидилов к артиллеристу:

— Где остальные?

— Здесь, — ответил матрос.

Посмотрел командир, посмотрел комиссар — нигде никого не видно. Неужели отступили, отошли без приказа?

— Где остальные? — повысил голос, почти закричал генерал Жидилов.

— Все здесь, — повторил артиллерист. — Никто не ушёл...

Комиссар Ищенко тронул генерала за руку, показал на стоящие рядом разбитые пушки.

Посмотрел генерал и только теперь обратил внимание на то, что рядом с пушками, у их колёс, лежали люди. Это были матросы, боевые товарищи артиллериста. Все они погибли.

— Никто не ушёл. Все здесь, — тихо повторил артиллерист. И снова принал к орудию.

Тогда в разгар боя ни генерал Жидилов, ни комиссар Ищенко не успели узнать фамилию отважного артиллериста. Фашисты рвались на позиции советской батареи. Генерал Жидилов и комиссар Ищенко сами вступили в бой.

Известна ныне фамилия героя. Им был черноморский матрос Коваленко Иван Захарович.

БЕЗУПРЕЧНЫЙ

В сухопутную роту попал матрос. Был зачислен как пополнение. Спрыгнул матрос в солдатский окоп:

— Как у вас тут, братишки, в трюме?

Это окоп окрестил он трюмом.

Переглянулись солдаты. Окоп как окоп. Хороший окоп — ничего не скажешь.

Заял матрос ячейку в окне:

— Ну что ж — неплохо каюта.

Как повелось, к новичку вопросы: откуда прибыл, как звать, какова фамилия?

Объяснил матрос, что эсминец его погиб. Про имя сказал — Иван. Про фамилию — повёл пальцем у бескозырки. Там по околышку шла лента. На ленте было написано «Безупречный».

Прочли солдаты:

— Фамилия?

— Так точно.

— Да ну?! — поразились солдаты.

Поняли многие: шутит матрос. Однако нашлись и такие, которые матросским словам поверили. Так и стал он — Иван Безупречный.

Были последние дни Севастопольской обороны. Фашисты захватили Северную сторону. С юга ворвались в Балаклаву. Потеснили наших на западе у Федюхиных высот. Совсем немного свободной земли у защитников Севастополя.

Безупречный сражался на Северной стороне. Затем, когда фашисты здесь вышли к Северной бухте и захватили Константиновский рavelли, матроса под Балаклавой видели.

— Безупречный?

— Так точно, он!

Потом под Инкерманом матроса встретили. В рукопашном бою с фашистами.

— Безупречный?

— Так точно, он!

Затем он был на Сапун-горе. До последнего патрона сражался матрос. А когда вышли патроны — видит солдаты: поднял черноморец с вершины Сапун-горы камень. Встал во весь рост матрос. Швырнул камень врагам навстречу.

— Сдавайся! Сдавайся! — кричали фашисты.

— Моряки не сдаются! — кричал матрос. И снова камень летел в фашистов.

Потом потерялся матроса след. Выжил герой, погиб — не сохранилось о том в истории. Фамилия тоже осталась его неизвестной.

Однако если спросишь:

— Был Безупречный?

Ответят:

— Был.

Свято бился матрос за родную землю. Безупречным для всех остался.

Всё меньше, меньше защитников Севастополя. Неравные очень силы.

30 июня 1942 года. Прибыл приказ оставить войскам Севастополь.

Мыс Херсонес. Немногие метры свободной Крымской земли. Идёт посадка на катера. Отсюда уходят в море последние защитники Севастополя.

Охраняет посадку сводный отряд моряков. Это прикрытие. Это заслон.

Самые стойкие здесь в заслоне. Это от них зависит судьба других — уйдут ли другие в море.

За ними, за теми, кто остался сейчас в заслоне, тоже должны прийти катера. Только потом. Должны, если, конечно, не опоздают. Должны, если, конечно, уцелеют сами, если их самих не потопят в пути фашисты. И это в заслоне знают.

Бьётся с врагами заслон. А сзади идёт посадка. И с каждой лишней минутой боя там, при посадке, сохраняются чьи-то жизни. Сохраняются чьи-то жизни.

Наступают фашисты. Стремятся прорвать заслон, выйти к морю, туда, где стоят катера.

Трудно матросам. Неравен бой.

Лишь винтовки в руках и гранаты. Но стойко стоят герои. Ведь сзади идёт посадка.

Но вот подходят к концу патроны. Подходят к концу гранаты.

Кончились вовсе патроны. Кончились вовсе гранаты.

Остались одни штыки. Штыки и приклады.

Поднимаются в бой штыковой черноморцы. Мелькают то штык, то приклад, то штык. Бросок. Снова бросок. И опять бросок.

Новые силы ползут к Херсонесу.

А сзади идёт посадка...

Всё больше фашистов, всё меньше наших. «Ура!» — снова в атаку идут черноморцы. И снова штыки. И опять приклады. А там, где приклад разбит, руки хватают ножи для боя, хватают матросы камни.

Несколько дней не утихали бои у моря. Самолёты и танки бросали сюда фашисты. Орудийным огнём сокрушали берег. Держались герои. И всё же уж очень неравными были силы. Когда отошли от Херсонеса последние транспорты, пришла команда сдать оборону и разойтись солдатам. Остатки храбрых прорвались в горы. Там среди крымских партизан они начали новую жизнь героев.

Уходят годы за борт истории. Цветёт, как прежде, земля Тавриды. Гуляет ветер у скал над морем. 250 дней штурмовали

фашисты Севастополь. 250 дней и почей сражались герои — советские люди. Не ради смерти стояли насмерть. Не ради смерти, а ради жизни.

МЫ ПРИШЛИ, СЕВАСТОПОЛЫ

Прошло две зимы, два лета. И вот весна 1944 года. По всем фронтам идёт мощное советское наступление. Фашисты разбиты под Сталинградом. Разбиты в боях под Курском. Советские войска переправились через Днепр, погнажи врага на запад. Началось стремительное наступление советских войск и здесь, на юге. Сокрушив оборону фашистов, советские части ворвались в Крым. 6 мая 1944 года начался штурм Севастополя.

— Даёшь Севастополь!

— Сева-сто-поль!

— Да-а-ёшь Сева-сто-поль!

Бойцы штурмовали Сапун-гору. Поднялась гора у города, прикрыла собой Севастополь. Возьмёшь Сапун-гору — и твой Севастополь.

— Да-ёшь Севастополь!

Кишит на горе сражение. Укрепили фашисты гору. Шесть линий траншей пролегли по скатам. Тысячи мин облепили склоны.

Куда ни глянешь — завалы, накаты, доты. Негде ступить ногой.

Штурмуют войска вершину. Дырявят снаряды гору. Трепчат завалы, накаты, доты. Железо и камень взлетают к небу. Залп за залпом, как волны в море, несут на гору потоки стали. И ярость боя крушит округу. Как адский молот грохочут взрывы. И даже страшно: чуть взрыв сильнее ударит в гору, и та, уставши, возьмёт и треснет. Расколют гору огонь и ярость. Идёт сражение. И всё сдаётся: ещё минута — и воин в штурме, в победной силе, упрётся в гору и гору сдвинет.

Вместе со всеми штурмовал Сапун-гору и солдат Иван Яцененко. Хорошо, когда друзья и товарищи рядом. Легче в общей идти атаке.

Вот рядом Илья Поликахин с гранатой в руке атакует блиндаж фашистов. Вот лейтенант Михаил Головиня возглавляет на дзот атаку. Вот из пулемёта метким огнём разит фашистов Кузьма Масколенко. А вот парторг роты старший сержант Евгений Смелович. Он совсем рядом бежит с Яцененко. Знамя полка в руках у Смеловича.

Обернулся на миг Яцененко. Глянул туда, за спину, вниз со ската Сапун-горы. Видит: наши танки идут лавиной. Глянул в небо. На Сапун-гору обрушились советские штурмовики.

«Катюши» из долины на гору смертельный пунтир послали. А там между гор у Балаклавы, где мелькнула полоска моря, увидел Яцуненко советские военные корабли. И черноморцы в бою со всеми.

— Сева-сто-поль!

— Да-а-ёшь Сева-сто-поль!

Бежит Яцуненко, разит фашистов, увлётся боем.

Вдруг что такое? А где Евгений Смелович? Где знамя части?

Оказалось, упал Смелович. Был он ранен. Качнулось знамя.

Но удержалось. Это подбежал Иван Яцуненко. Схватил он знамя.

— Давай, отважный! — кричат солдаты.

— Вперёд, к победе!

Рванулся воин туда, к вершине. Минует взрывы, обходит пули. Всё выше знамя. Всё ближе гребень. Прыжок олений — и ты у цели.

Поднял Иван Яцуненко знамя на вершину Сапун-горы. Задело знамя на фоне неба.

А слева, справа другие стяги, касаясь славы, шагали к гребню.

И вот с вершины открылся город.

— Да-а-ёшь Сева-сто-поль!

— Да-а-ёшь Сева-сто-поль!

— Мы пришли, Севастополь!

За штурм Сапун-горы и освобождение Севастополя более ста человек были удостоены высокого звания Героя Советского Союза. В их числе был и солдат-знаменосец рядовой Иван Яцуненко.

ОБУХОВ

Есть такое выражение: «По голове обухом». Обух — это часть топора. То его место, с помощью которого топор крепится к топорищу. Ударить обухом — значит ударить очень сильно, сильнее не может быть.

Советскими войсками, которые освобождали Крым и штурмовали Севастополь, командовал генерал Фёдор Иванович Толбухин.

Во время Великой Отечественной войны фамилии высших командиров Советской Армии часто зашифровывались, заменялись другими. Скажем, генерал Жуков становился Константиновым или Юрьевым, генерал Рокоссовский — Костиным или Румянцевым. Верховный Главнокомандующий товарищ Сталин — Ивановым или Семёновым, начальник Генерального штаба Советской Армии генерал, а затем Маршал Советского

Союза Александр Михайлович Василевский — Александровым или Владимировым. Время от времени псевдонимы менялись. Незадолго до начала боёв за освобождение Крыма товарищ Сталин предложил:

— Давайте генерала Толбухина назовём Обуховым.

Предложил, чуть искоса посмотрел на Толбухина, на других генералов, перешёл к рассмотрению и утверждению фронтовых планов.

Обступили после заседания генерала Толбухина боевые товарищи:

— Ну, Фёдор Иванович, фамилия обязывает!

Стойко обороняли фашисты Крым и Севастополь. Гитлер отдал строжайший приказ войскам сражаться до последнего солдата. Вспоминал Гитлер героическую оборону нашими войсками Севастополя.

— 250 дней не сдавали русские Севастополь! — кричал фюрер. — 250 дней!

Начал Гитлер с того, что сменил командующего фашистскими войсками под Севастополем. Прибыл новый командующий. Дал клятву удержать Севастополь.

Установил Гитлер офицерам и солдатам, обороняющим Севастополь, двойные оклады. Приехали армейские кассиры. Мешки привезли с деньгами. Наиболее отличившимся в боях за Севастополь Гитлер обещал выделить земельные наделы в Крыму.

Забегали интенданты.

Стали готовить списки.

И ещё одно. Приказал Гитлер тех из фашистских солдат, которые отступят, дрогнут в бою или даже только об этом подумают, тут же при всех расстреливать. Устрашают фашисты своих солдат. Грянули выстрелы по своим.

Упорно сражались фашисты. Во многих местах до последней черты стояли. И всё же не удержали они Севастополь.

250 дней штурмовали и никак не могли захватить фашистские солдаты героический Севастополь во время своего наступления в 1941—1942 годах. Всего лишь пять дней потребовалось советским солдатам, чтобы сломить сопротивление фашистов и освободить Севастополь во время нашего штурма в 1944 году.

Взят Севастополь.

Называют солдаты героев штурма.

Вспоминают сокрушительный наш удар.

Кто-то вспомнил и поговорку про обух, про голову.

Смеются солдаты:

— Точно примечено. Всё по науке.

— Значит, фашистов — накрепко!

— Выходит, фашистов — намертво!

— Обухом по голове!

Освобождён Севастополь. Доволен Толбухин.

Летит донесение в Ставку, в Москву, товарищу Сталину:
«Освобождён Севастополь». А ниже «Обухов».

МАТРОССКОЕ СЕРДЦЕ

Прощался матрос с Севастополем. Два года тому назад.
Поклонился он морю и солнцу. Бухте Северной, бухте Южной.

Простился с Приморским бульваром и Графской пристанью.

Прощайте, курган Малахов, Карантинная бухта, Корабельная сторона.

Прощался матрос с Севастополем. Сердце в черноморских волнах оставил. Клятву вернуться дал.

Бросала судьба по фронтам матроса. Вдали от моря с врагом сражался.

Вспоминал Севастополь. Море и солнце. Графскую пристань, бульвар Приморский.

Как там курган Малахов, Карантинная бухта, Корабельная сторона?

— Я вернусь в Севастополь! Я вернусь в Севастополь!

Лют, беспощадеи в боях матрос.

Бывало, друзья к матросу:

— Ты что же, сердца, никак, лишился?

Отвечает друзьям матрос:

— Нет сердца — там, в Севастополе, в море, сердце своё оставил.

Нелёгкие годы провёл матрос. Ранен, контужен, увечен, калечен. Снарядами сечен, минами мечен.

Но жив, не убит матрос.

— Я вернусь в Севастополь! Я вернусь в Севастополь!

Вяз в болотах, тонул на переправах. Дожди исхлестали. Кожу сдирали мороз.

Устоял, не погиб матрос.

До Волги дошёл матрос. От Волги шагнул матрос. Дрался под Курском. Путь пробивал к Днепру. Славу матросскую нёс, как факел.

Слово сдержал матрос. Вернулся в родной Севастополь.

Вернулся матрос в Севастополь.

— Здравствуйте! — крикнул он морю и солнцу.

— Здравствуйте! — крикнул он бухте Северной, бухте Южной.

— Здравствуйте! — крикнул бульвару Приморскому, Графской пристани.

— Привет вам, курган Малахов, Карантинная бухта, Корабельная сторона!

Слово сдержал матрос. Вышел он к морю. На флагштоке у Графской пристани бескозырку, как флаг, повесил.

Отдали волны матросское сердце. Трепетно вынесли на руках.

РАССКАЗЫ О ЛЕНИНГРАДЦАХ И ПОДВИГЕ ЛЕНИНГРАДА

РАЗГРУЗКА-ПОГРУЗКА

Ленинград. Город Великой Октябрьской революции. Город Ленина. С особым упорством фашисты обрушились на Ленинград.

В 1941 году, бросив в бой огромные силы, фашисты вышли на ближние подступы к городу, отрезали Ленинград от всей страны. Началась блокада. Начались страшные дни Ленинграда.

Ленинград огромный город. Второй по размерам в Советском Союзе. Один из крупнейших в мире.

На север, на юг, на восток, на запад бегут от него дороги. Разные здесь дороги: железные, шоссейные, морские пути, речные, пути воздушные. Вокзалы Московский, Балтийский, Финляндский, Витебский. Вокзал морской, вокзал речной. Аэропорт.

Оборвались теперь дороги. Отрезали фашисты Ленинград от всей нашей большой страны. Нет ни метра, ни сантиметра, ни миллиметра свободной земли, по которой можно сюда проехать.

Затихли пути железные, заглохли пути шоссейные. Корабли не выходят в море.

И всё же...

С севера от Ленинграда — фашисты, с юга — фашисты. На запад от Ленинграда лежит Финский залив. Берега его тоже в руках у фашистов. Северо-восточнее и восточнее Ленинграда находится большое Ладожское озеро. И сюда к Ладожскому озеру пришли враги. Захватили северный берег, прорвались к южному. Стали наступать вдоль восточного берега. Однако не смогли они полностью обойти озеро. Остановили их на восточном берегу советские солдаты. Часть Ладожского озера была в наших руках. Тут по воде, по озеру и вела теперь в Ленинград дорога.

Нелёгкой была дорога.

Долгим, кружным и тяжёлым путём поступали грузы в блокадный город.

Начинался их путь из города Вологды. Сюда, в город Вологду, поступали грузы со всей страны. Здесь грузились они в вагоны. Готовы вагоны. Сигнал к отправке. Пошли по железной дороге грузы.

Бегут вагоны на город Тихвин и дальше на город Волхов. Здесь, в Волхове, — стоп, остановка. Дальше железной дороги нет. Дальше дорога в руках у фашистов.

Город Волхов стоит на реке Волхов. Тут в городе Волхове грузам предстоит пересадка. Покинут они вагоны. Перейдут на речные баржи. Река Волхов впадает в Ладожское озеро. Поплывут грузы из города Волхова по Волхову к Ладожскому озеру.

Прибыли грузы в Волхов. Идёт разгрузка. Идёт погрузка. Закончилась разгрузка-погрузка. Готовы баржи. Сигнал к отправке. Поплыли грузы по реке Волхов.

Недалеко от впадения реки Волхов в Ладожское озеро стоит город Новая Ладога. В городе Новая Ладога у ленинградских

грузов новая остановка. Новая остановка и новая пересадка. Речные баржи не могут идти по озеру. Опасно. Высокие волны гуляют в озере. В городе Новая Ладога предстоит разгрузить речные баржи и загрузить грузами баржи озёрные.

Прибыли грузы в город Новая Ладога. Идёт разгрузка. Идёт погрузка. Закончилась разгрузка-погрузка. Готовы баржи. Сигнал к отправке. Поплыли грузы по Ладожскому озеру.

На западном берегу Ладожского озера в пятидесяти пяти километрах от Ленинграда находится порт Осинец. Сюда и направлялись баржи из Новой Ладоги. Сюда же, к берегу озера, к Осинцу, была проложена узкоколейная железная дорога. Приходят баржи в Осинец. Новая здесь пересадка. Снимают грузы с озёрных барж, грузят опять в вагоны.

Прибыли грузы в Осинец. Идёт разгрузка. Идёт погрузка. Готовы вагоны. Сигнал к отправке. Снова в дороге грузы.

Но это ещё не всё. Ещё впереди пересадка.

С узкоколейной железной дороги перегружались грузы, затем вновь на обычную железную дорогу.

И это ещё не всё. Ещё впереди пересадка.

Потом на машины грузились грузы.

Нелёгко их путь в Ленинград.

Путь по железной дороге через Тихвин и Волхов был в Ленинград единственным.

И вдруг — взяли фашисты Тихвин, отрезали Волхов.

Не идут к Ленинграду грузы.

ДОРОГА

Захвачен врагами Тихвин. Оборвались пути в Ленинград через Тихвин. Однако нельзя оставлять Ленинград без помощи. Было принято решение построить новую дорогу к Ладожскому озеру. Правда, не железную — очень долго железную строить. Начали строить дорогу автомобильную, дорогу для грузовых машин.

Километр за километром, километр за километром через топи, леса, чащобы, через овраги, низины, болота, там, где раньше ходил лишь зверь, где душу живую не сыщешь, — ныне прошла дорога.

Двести километров длиной дорога. Строили — двадцать дней.

— Дорогу — за двадцать дней?!

— Так точно, за двадцать дней!

Действительно, так быстро, так дружно построили здесь дорогу.

— Дорога! Дорога! Строят дорогу! — кричали Мишак и Гринька.

Живут они оба в селе Новинка. Через Новинку и тянули как раз дорогу. Начиналась она почти в ста километрах восточнее Тихвина у станции Заборье и отсюда, обходя с севера захваченный фашистами Тихвин, шла через сёла Великий Двор, Ерёмина Гора, Новинка, Карпино к Ладожскому озеру, к городу Новая Ладога.

У села Новинки был один из наиболее трудных участков дороги. Болота кругом. Строили дорогу военные. Вышла на помощь и вся Новинка. Старый и малый, здоровый, калеченый — все оказались здесь. Опустела Новинка. Все на дороге. Мишак и Гринька тоже пришли с лопатами. Начался штурм болота. Уж сколько камней и земли здесь насыпали. Везили, везили машины землю. Таскали, таскали носилки люди. Бросали, бросали лопаты землю в бездонную хлябь.

Старались люди. Старались мальчишки. Кто-то сказал, глянув на Мишака и Гриньку:

— Гони до седьмого пота!

— Ну как? — обращается к Гриньке Мишак.

— Пропотел, — отвечает Гринька.

— Ну как? — обращается Гринька.

— Пропотел, — отвечает Мишак.

Раз пропотели, два пропотели, три пропотели.

По миллиметру растёт дорога.

— Ну как? — вновь обращается к другу Гринька.

— Вновь пропотел, — говорит Мишак.

— И я, — отвечает Гринька.

Пять пропотели раз, шесть пропотели раз. Дошли до седьмого пота. Ура! Пробилась дорога через болото.

Пробилась дорога через болото. А за этим болотом ещё болото.

И снова люди носилки, лопаты в руки. Черепахой, улиткой ползёт дорога. Покрылись люди десятым, двадцатым потом. Осилили всё же и это болото. А за этим болотом снова лежит болото. И снова работа, работа, работа...

Тянут дорогу здесь у Новинки, тянут у Карпино, у Ерёминой Горы, у Великих Дворов, тянут в других местах. Одолели люди леса и топи. От Заборья к Новой Ладоге легла дорога.

Свершилось земное чудо — дорога готова за двадцать дней.

Дорога, конечно, средняя. Не асфальт, не бетон, не гудрон.

И всё же идёт дорога.

Дорога, конечно, узкая. Не всюду разъедутся две машины.

И всё же идёт дорога.

Дорога, конечно, не очень быстрая. Хорошо, если проедешь около сорока километров в день.

И всё же идёт дорога. И всё же идут машины. Вновь идут к Ленинграду грузы.

В поябре 1941 года над Ладожским озером наступили морозы. Замёрзла, остановилась дорога по воде через Ладожское озеро.

Остановилась дорога, — значит, не будет подвоза продуктов, значит, не будет подвоза горючего, не будет подвоза боеприпасов. Как воздух, как кислород, пужна Ленинграду дорога.

— Будет дорога! — сказали люди.

Замёрзнет Ладожское озеро, покроется кренким льдом Ладога (так сокращённо называют Ладожское озеро). Вот по льду и пройдёт дорога.

Не каждый верил в такую дорогу. Непокойна, капризна Ладога. Забушуют метели, пронесётся над озером пронзительный ветер — сиверик — появятся на льду озера трещины и промоины. Помает Ладога свою ледяную броню. Даже самые сильные морозы не могут полностью сковать Ладожское озеро.

Капризно, коварно Ладожское озеро. И всё же выхода нет другого. Кругом фашисты. Только здесь, по Ладожскому озеру, и может пройти в Ленинград дорога.

Труднейшие дни в Ленинграде. Прекратилось сообщение с Ленинградом. Ожидают люди, когда лёд на Ладожском озере станет достаточно крепким. А это не день, не два. Смотрят на лёд, на озеро. Толщину измеряют льда. Рыбаки-старожилы тоже следят за озером. Как там на Ладоге лёд?

— Растёт.

— Нарастает.

— Силу берёт.

Волнуются люди, торопят время.

— Быстрее, быстрее, — кричат Ладоге. — Эй, не ленись, мороз!

Приехали к Ладожскому озеру учёные-гидрологи, это те, кто изучает воду и лёд, прибыли строители и армейские командиры. Первыми решили пройти по неокрепшему льду.

Прошли гидрологи — выдержал лёд.

Прошли строители — выдержал лёд.

Майор Можасев, командир дорожно-эксплуатационного полка, верхом на коне проехал — выдержал лёд.

Конный обоз прошёл по льду. Уцелели в дороге сани.

Генерал Лагунов — один из командиров Ленинградского фронта — на легковой машине по льду проехал. Потрещал, поскрипел, посердился лёд, но пропустил машину.

22 ноября 1941 года по всё ещё полностью не окрепшему льду Ладожского озера пошла первая автомобильная колонна. 60 грузовых машин было в колонне. Отсюда, с западного берега,

со стороны Ленинграда, ушли машины за грузами на восточный берег.

Впереди не километр, не два — двадцать семь километров ледяной дороги. Ждут на западном ленинградском берегу возвращения людей и автоколонны.

— Вернутся? Застрянут? Вернутся? Застрянут?

Прошли сутки. И вот:

— Едут!

Верно, идут машины, возвращается автоколонна. В кузове каждой из машин по три, по четыре мешка с мукой. Больше пока не брали. Некрепок лёд. Правда, на буксирах машины тянули сани. В санях тоже лежали мешки с мукой, по два, по три.

С этого дня и началось постоянное движение по льду Ладожского озера. Вскоре ударили сильные морозы. Лёд окреп. Теперь уже каждый грузовик брал по 20, по 30 мешков с мукой. Перевозили по льду и другие тяжелые грузы.

Нелёгкой была дорога. Не всегда здесь удачи были. Ломался лёд под напором ветра. Тонули порой машины. Фашистские самолёты бомбили колонны с воздуха. И снова наши несли потери. Застывали в пути моторы. Замерзали на льду шофёры. И всё же ни днём, ни ночью, ни в метель, ни в самый лютый мороз не переставала работать ледовая дорога через Ладожское озеро.

Стояли самые тяжёлые дни Ленинграда. Остановись дорога — смерть Ленинграду.

Не остановилась дорога. «Дорогой жизни» ленинградцы её называли.

ПРАЗДНИЧНЫЙ ОБЕД

Обед был праздничным, из трёх блюд. О том, что обед будет из трёх блюд, ребята детского дома знали заранее. Директор дома Мария Дмитриевна так и сказала:

— Сегодня, ребята, полный у нас обед: первое будет, второе и третье.

Что же будет ребятам на первое?

— Бульон куриный?

— Борщ украинский?

— Щи зелёные?

— Суп гороховый?

— Суп молочный?

Нет. Не знали в Ленинграде таких супов. Голод косит ленинградцев. Совсем другие супы в Ленинграде. Приготавливали их из дикорастущих трав. Нередко травы бывали горькими. Ошпарили их кипятком, выпаривали и тоже использовали для еды.

Назывались такие супы из трав — супами-пюре. Вот и сегодня ребятам — такой же суп.

Миша Кашкин, местный всезнайка, всё точно про праздничный суп пронюхал.

— Из сурепки он будет, из сурепки, — шептал ребятам.

Из сурепки? Так это ж отличный суп. Рады ребята такому супу. Ждут не дождутся, когда позовут на обед.

Вслед за первым получают сегодня ребята второе. Что же им на второе будет?

— Макароны по-флотски?

— Жаркое?

— Бигус?

— Рагу?

— Гуляш?

Нет. Не знали ленинградские дети подобных блюд.

Миша Кашкин и здесь пронюхал.

— Котлеты из хвой! Котлеты из хвой! — кричал мальчишка.

Вскоре к этому новую весть принёс:

— К хвое — бараньи кишки добавят.

— Ух ты, кишки добавят! Так это ж отличные будут котлеты.

Рады ребята таким котлетам. Скорей бы несли обед.

Завершался праздничный обед, как и полагалось, третьим.

Что же будет сегодня на третье?

— Компот из черешни?

— Запеканка из яблок?

— Апельсины?

— Желе?

— Суфле?

Нет. Не знали ребята подобных третьих.

Кисель им сегодня будет. Кисель-размазня из морских водорослей.

— Повезло нам сегодня. Кисель из ламинарии, — шептал Кашкин. Ламинарии — это сорт водорослей. — Сахарину туда добавят, — уточнял Кашкин. — По полграмма на каждого.

— Сахарину! Вот это да! Так это ж на объединение кисель получится.

Обед был праздничный, полный — из трёх блюд. Вкусный обед. На славу.

Не знали блокадные дети других обедов.

БЛОКАДНЫЙ ХЛЕБ

Из чего он только не выпекался — ленинградский блокадный хлеб! Разные были примеси. Добавляли к ржаной муке — муку овсяную, ячменную, соевую, кукурузную. Применяли жмых — льняной, хлопковый, конопляный. Использовали отруби, проросшее зерно, мельничную пыль, рисовую шелуху и многое другое. По десять раз перетряхивали мешки из-под муки, выбивая возможное из невозможного.

Хлеб был кисловатым, горьковатым, травянистым на вкус. Но голодным ленинградцам казался милее милого.

Мечтали люди об этом хлебе.

Пять раз в течение осени и зимы 1941 года ленинградцам сокращали нормы выдачи хлеба. 2 сентября состоялось первое сокращение. Норму установили такую: 600 граммов хлеба взрослым, 300 граммов — детям.

Вернулся в этот день Валеткин отец с работы. Принёс хлеб. Глянула мать:

— Сокращение?!

— Сокращение, — отозвался отец.

Прошло десять дней. Снова с работы отец вернулся. Выложил хлеб на стол. Посмотрела мать:

— Сокращение?!

— Сокращение, — отозвался отец.

По 500 граммов хлеба в день стали теперь получать взрослые.

Прошло ещё двадцать дней. Наступил октябрь. Снова сократили ленинградцам выдачу хлеба. Взрослым — по 400 граммов на день, детям всего по 200.

Прошёл октябрь. Наступил ноябрь. В ноябре сразу два сокращения. Вначале по 300, а затем и по 250 граммов хлеба стали получать взрослые. Дети — по 125.

Глянешь на этот ломтик. А ломтик — с осиновый листик. Виден едва в ладошке. И это на целый день.

Самый приятный час для Валетки — это тот, когда с завода приходит отец, когда достаёт он из сумки хлеб.

Хлеб поступает к матери. Мать раздаёт другим. Вот — отцу, вот — дедушке, бабушке, вот дольку берёт себе. А вот и ему — Валетке. Смотрит Валетка всегда зачарованно. Поражается одному: в его куске 125 граммов, а он почему-то больше других. Отцовского даже больше.

— Как же так? — удивляется мальчик.

Улыбаются взрослые:

— Мука в нём другая — детская.

Голод смертью идёт по городу. Не вмещают погибших ленинградские кладбища. Люди умирали у станков. Умирали на улицах. Ночью ложились спать и утром не просыпались. Более 600 тысяч человек скончалось от голода в Ленинграде.

Среди ленинградских домов поднимался и этот дом. Это дом Савичевых. Над листками записной книжки склонилась девочка. Зовут её Таня. Таня Савичева ведёт дневник.

Записная книжка с алфавитом. Таня открывает страничку с буквой «Ж». Пишет:

«Женя умерла 28 декабря в 12.30 час. утра. 1941 г.».

Женя — это сестра Тани.

Вскоре Таня снова садится за свой дневник. Открывает страничку с буквой «Б». Пишет:

«Бабушка умерла 25 янв. 3 ч. дня 1942 г.».

Новая страница из Таниного дневника. Страница на букву «Л». Читаем:

«Лека умер 17 марта в 5 ч. утра 1942 г.».

Лека — это брат Тани.

Ещё одна страница из дневника Тани. Страница на букву «В». Читаем:

«Дядя Вася умер 13 апр. в 2 ч. ночи. 1942 год».

Ещё одна страница. Тоже на букву «Л». Но написано на оборотной стороне листка:

«Дядя Лёша. 10 мая в 4 ч. дня 1942».

Вот страница с буквой «М». Читаем:

«Мама 13 мая в 7 ч. 30 мин. утра 1942».

Долго сидит над дневником Таня. Затем открывает страницу с буквой «С». Пишет:

«Савичевы умерли».

Открывает страницу на букву «У». Уточняет:

«Умерли все».

Посидела. Посмотрела на дневник. Открыла страницу на букву «О». Написала:

«Осталась одна Таня».

Таню спасли от голодной смерти. Вывезли девочку из Ленинграда.

Но не долго прожила Таня.

От голода, стужи, потери близких подорвалось её здоровье.

Не стало и Тани Савичевой.

Скончалась Таня. Дневник остался.

— Смерть фашистам! — кричит дневник.

Не гадалось. Не снилось. Не верилось.

— Подводы едут!

— Подводы едут!

Первым на ленинградской улице подводы увидел Димка.

Вышел на улицу — едут подводы. Кони ступают. Тянут телеги. Начал Димка считать подводы:

— Одна, вторая, шестая...

— Десять, пятнадцать, двадцать...

— Двадцать вторая, двадцать шестая...

Сбился со счёта:

— Тридцать седьмая, нет, тридцать шестая...

Прибежал он к соседской Нине:

— Подводы! Подводы! Сто сосчитал, и конца не видно.

Прибежал к закадычному другу Вите:

— Подводы! Подводы! Сто сосчитал, и конца не видно.

Вышли ребята на улицу. Едут подводы. Начала не видно. Конца не видно.

Сопровождают подводы люди.

Март. Небо весенним полно разливом. Ветер бежит с Невы.

— Откуда вы, дяденьки? — полезли ребята.

Прищёлкнул один языком.

— С берега дальнего, — бросил загадочно.

— Считай — с того света, — сказал второй.

Гадают ребята: откуда подводы? Ясно ребятам, что на подводах. Не скроешь от зорких глаз.

— Там хлеба горы!

— Там крупы!

— Мясо!

Откуда крупы? Откуда мясо? Хлеба откуда горы? Ленинград в блокаде. Кругом враги. Откуда, как в сказке, пришли подводы? «Считай — с того света». Как же эти понять слова?!

Гадают ребята.

Да, необычным был этот день. По улицам Ленинграда тянулся огромный обоз. За упряжкой идёт упряжка. За подводой идёт подвода. 240 подвод с продовольствием прибыло в этот мартовский день 1942 года в осаждённый врагом Ленинград.

Это был партизанский обоз. Хлеб, мясо, крупы, другое продовольствие привезли партизаны ленинградцам из районов, захваченных фашистами. Сберегли. Укрыли. Привезли ленинградцам. Пробились сквозь линию фронта. Болотами, тайными тропами проползли. Чудом каким-то остались целы.

— Получайте от нас, партизан, гостинiec!

Тянется, тянется. Течёт, как река, обоз. От фашистов! Тайными тропами! Сюда — в Ленинград — обоз!

Смотрят ребята:
— А вдруг это снится?!

Смотрят ребята:
— А вдруг — мираж?!

Нет. Не мираж. Не мираж. Не снится.
Скрипят телеги. Идёт обоз.

ЮЖНОЕ ЯБЛОКО

Кате досталось яблоко. Большое-большое. Красным цветом пылает бок. Смотрит Катя, не налюбуется Катя. Ароматное очень яблоко.

Яблоко Кате принёс отец:

— На, получай. Из Таджикистана тебе подарок.

Таджикистан — одна из советских союзных республик. Далеко в Средней Азии Таджикистан. Здесь горы. Здесь много солнца. Здесь не гремит война.

Направили жители Таджикистана в осаждённый Ленинград своих посланцев. Прибыли посланцы, привезли ленинградцам подарки. Много подарков. Разные. Мясо, масло, муку, крупу. Привезли и гостинцы детям.

Получила Катя южное яблоко.

Поделилась Катя сочным яблоком с друзьями-подружками, каждому долька тогда досталась.

Прошло какое-то время. Прибегает к Кате соседка Люда. Протягивает Кате свою ладошку. Смотрит Катя — в ладошке у Люды зажат изюм.

— Кишмиш называется, кишмиш, — объясняет Люда. — Это тебе, — раскрыла она ладошку.

— Откуда?! — сорвалось у Кати. Но тут же она догадалась. — Из Таджикистана, — сказала важно.

— Нет, — отвечает Люда.

— Из Таджикистана, я знаю, — снова сказала Катя.

— Да нет же. Из Узбекистана. Из города Ташкента, — объясняет Люда.

Не ошибалась Люда. Верно — из Узбекистана кишмиш приехал. Узбекистан — это тоже одна из советских союзных республик. Далеко от Ленинграда, в Средней Азии Узбекистан. И здесь, как в Таджикистане, живут хорошие советские люди. Послали и они в Ленинград подарки. Много подарков. Разные. Мясо, масло, крупу. Изюм для детей послали. Вкусен, как мёд, изюм.

Прошло ещё какое-то время. Повстречался однажды Кате и Люде Вова. Остановился. Неторопливо полез в карманы. Из правого вынул кулёк. Из левого вынул кулёк. Кульки малень-

кие-маленькие. Загадочные. Протянул Кате. Протянул Люде.

— Вам, — сказал Вова.

Развернули кульки подружки. Орехи лежат в кулках.

— Из Таджикистана? — спросила Катя.

— Нет, — отвечает Вова.

— Из Узбекистана? — спросила Люда.

— Нет, — отвечает Вова.

— Из, из...

— Из Киргизии, — сказал Вова.

Верно. И из Киргизской Советской Социалистической Республики пришли в Ленинград подарки.

Из многих мест нашей большой страны — из союзных, из автономных республик, из областей, из краёв, из многочисленных городов — приходили тогда в тот голодный блокадный год в Ленинград подарки. Помогала страна героям. Советские люди — советским людям. Советские дети — советским детям.

ШУБА

Группу ленинградских детей вывозили из осаждённого фашистами Ленинграда «Дорогой жизни». Тронулась в путь машина.

Январь. Мороз. Ветер студёный хлещет. Сидит за баранкой шофёр Коряков. Точно ведёт полуторку.

Прижались друг к другу в машине дети. Девочка, девочка, снова девочка. Мальчик, девочка, снова мальчик. А вот и ещё один. Самый маленький, самый щупленький. Все ребята худы, как детские тонкие книжки. А этот и вовсе тощ, как страничка из этой книжки.

Из разных мест собрались ребята. Кто с Охты, кто с Нарвской, кто с Выборгской стороны, кто с острова Кировского, кто с Васильевского. А этот, представьте, с проспекта Невского. Невский проспект — это центральная, главная улица Ленинграда. Жил мальчонка здесь с папой, с мамой. Ударил снаряд, не стало родителей. Да и другие, те, что едут сейчас в машине, тоже остались без мам, без пап. Погибли и их родители. Кто умер от голода, кто под бомбу попал фашистскую, кто был придавлен рухнувшим домом, кому жизнь оборвал снаряд. Остались ребята совсем одинокими. Сопровождают их тётя Оля. Тётя Оля сама подросток. Неполных пятнадцать лет.

Едут ребята. Прижались друг к другу. Девочка, девочка, снова девочка. Мальчик, девочка, снова мальчик. В самой серёдке — кроха. Едут ребята. Январь. Мороз. Продувает детей на ветру. Обхватила руками их тётя Оля. От этих тёплых рук кажется всем теплее.

Идёт по январскому льду полуторка. Справа и слева застыла Ладога. Всё сильнее, сильнее мороз над Ладогой. Коченеют ребячьи снны. Не дети сидят — сосульки.

Вот бы сейчас меховую шубу.

И вдруг... Затормозила, остановилась полуторка. Вышел из кабины шофёр Коряков. Снял с себя тёплый солдатский овчинный тулуп. Подбросил Оле, кричит:

— Лови!

Подхватила Оля овчинный тулуп:

— Да как же вы... Да, право, мы...

— Бери, бери! — прокричал Коряков и прыгнул в свою кабину.

Смотрят ребята — шуба! От одного вида её теплее.

Сел шофёр на своё шофёрское место. Тронулась вновь машина. Укрыла тётя Оля ребят овчинным тулупом. Ещё теснее прижались друг к другу дети. Девочка, девочка, снова девочка. Мальчик, девочка, снова мальчик. В самой серёдке — кроха. Большим оказался тулуп и добрым. Побежало тепло по ребячьим синам.

Довёз Коряков ребят до восточного берега Ладожского озера, доставил в посёлок Кобона. Отсюда, из Кобоны, предстоял им ещё далёкий, далёкий путь. Простился Коряков с тётей Олей. Начал прощаться с ребятами. Держит в руках тулуп. Смотрит на тулуп, на ребят. Эх бы ребятам тулуп в дорогу... Так ведь казённый, не свой тулуп. Начальство голову сразу снимет. Смотрит шофёр на ребят, на тулуп. И вдруг...

— Эх, была не была! — махнул Коряков рукой.

Поехал дальше тулуп овчинный.

Не ругало его начальство. Новую шубу выдало.

МЕДИЦИНСКОЕ ЗАДАНИЕ

Гали Сорокина медицинская сестра. Только-только закончила медицинские курсы. Прибыла по назначению в один из ленинградских госпиталей.

Давно мечтала Гали стать медицинской сестрой. Училась прилежно. Торопила время. Ждала той минуты, когда наконец с полным правом наденет медицинский халат, представляла, как будет перевязывать раненых, как будет за ними ухаживать, как начнут её раненые нежно называть сестричкой.

Прибыла Гали по назначению.

— Медсестра?

— Медсестра, — отвечает Гали.

— Очень хорошо, — говорят Гале.

Посмотрели на Галию. Девушка стройная, крепкая, вид спортивный. Принесли, поставили перед Галей два ведра.

— Вот, — говорят, — для первого знакомства первое вам медицинское задание.

Смотрит Гали на ведра. Понимает: что-то не то. Какое же задание медицинское с ведрами?!

Фашисты не прекращали бомбить и обстреливать Ленинград. Не только ленинградским заводам, не только ленинградским домам наносили они урон. Бомбы и снаряды попадали в мосты, обрывали электрические провода, выводили из строя водопровод, разрушали насосные станции.

В такие часы начинался общий аврал. Рабочие-мостовики начинали чинить мосты. Рабочие-электрики быстро восстанавли-

ливали повреждения на линиях электропередач. Рабочие-водопроводчики быстро меняли поврежденные трубы, быстро восстанавливали насосные станции. Не смогли фашисты нарушить нормальную жизнь города. Снова шёл электрический ток. Снова бежала вода в квартиры.

Бедой пришла неожиданно. То, что оказалось не под силу фашистским бомбам и снарядам, сделали холода. Ударил сильный мороз. Замёрз, застыл, остановился ленинградский водопровод.

Страшная беда нависла над городом.

Заводам нужна вода.

Хлебозаводам нужна вода.

Больницам нужна вода.

Вода, вода, всюду нужна вода. Мёртв ленинградский водопровод.

Город спасала река Нева. Здесь в невом льду прорубили проруби. С самого утра тянулись сюда ленинградцы. Шли с ведрами, с кувшинами, с бидонами, с кастрюлями, с чайниками. Шли цепочкой, один за одним. Старики здесь, старухи, женщины, дети. Нескончаем людской поток.

Идти на Неву за водой и было первым медицинским заданием Гали Сорокиной. Не одна только Галя, несколько их, медицинских сестёр, стали носить для госпиталя воду.

Как-то встретился Гале воинный:

— Кто вы?

— Водяная сестра, — отвечает Галя.

— Кто, кто?

— Водяная сестра, — повторяет Галя.

Как-то встретился Гале гражданский:

— Кто вы?

— Водяная сестра.

— Кто, кто?

— Водяная сестра, — отвечает Галя.

Стала она и её подружки действительно водяными сёстрами. Так называли теперь их в госпитале.

Честно трудилась Галя. Понимала: и впрямь медицинским явилось её задание. Глоток простой студёной невоской воды был часто для раненых дорожкой многих самых ценных лекарств.

Не вернулась однажды в госпиталь Галя.

Продолжали фашисты безжалостно обстреливать Ленинград. Посылали на город снаряды огромной мощности.

Попала Галя под фашистский артиллерийский обстрел. Погибла при взрыве снаряда Галя.

Похоронили Галю на Пискаревском кладбище. Тысячи здесь ленинградцев, погибших в дни ленинградской блокады. Десятки тысяч.

Пискаревское кладбище ныне — огромный мемориальный памятник. В вечном молчании, высоко-высоко поднялась здесь фигура скорбящей женщины. Цветы и цветы кругом. И как клятва, как боль — слова на граните: «Никто не забыт, ничто не забыто».

БАБУШКА

Зимой 1941 года морозы в Ленинграде стояли на редкость сильные. Ленинград в блокаде. С топливом очень плохо.

Нечем топить заводы.

Нечем театры топить и школы.

Нечем жилые топить дома.

Всё, что могли, пустили на топливо.

Нет в Ленинграде киосков. Киоски пошли на дрова.

Нет в Ленинграде сараев. Сараи пошли на дрова.

Даже деревянные дома разрешили сносить на топливо.

И всё же с топливом очень плохо. Холод волком гулял по городу. Холод вошёл в квартиры.

Лена Озолина жила в Аптекарском переулке. Квартира у них большая. Много раньше соседей в квартире жило. Сейчас же — Лена и бабушка. Нет у них больше соседей. Кто уехал, кто умер. Пуста квартира.

Морозы стоят на улице. Промёрзла, продрогла, от морозных ожогов кричит квартира. На окнах из снега нарост ледовый. Посмотришь на эти окна — от вида холод уже берёт. Стены в нее. В нее потолок. Пол, представьте, и этот в нее. Повернёшься кругом, взглядом пройдёшь по комнате — словно не комната это вовсе, а поал ты, как мамонт, в лёд.

Лена держится. Бабушке плохо. Слегла. Не подымается.

Просит:

— Укрой!

Просит:

— Укрой!

Укрывает бабушку Лена. Одеяло. Ещё одеяло. Шубой накрыта шуба. Холодно бабушке.

Вдруг притихла, умолкла бабушка.

— Бабушка! Бабушка!

Не отзывается бабушка.

Бросилась Лена из дома на улицу. Люди поднялись сюда в квартиру. Осмотрели, потрогали бабушку.

— Нет, — говорят, — жива.

— В тепло бы её. К огню.

Кто-то сказал:

— В отопительную комнату.

Были в Ленинграде тогда такие — комнаты, которые специально отапливались. На улицу — две, одна. Кто их придумал, сейчас не вспомнишь. Роль сыграли они огромную. Отопительные, или, как их ещё называли, обогревательные, комнаты многих ленинградцев спасли от холодной смерти.

Отнесли добрые люди бабушку Лены в одну из таких отопительных комнат. Отлежалась она, отогрелась, ожила. Вернулась сама домой. Всю блокаду затем пережила бабушка. С цветами Победу встретила.

БУХАНКА

Надя Хохлова, Надя Реброва — две девушки, две подружки. Живут по соседству. Рядом их улицы. На Расстанной живёт Хохлова. Реброва живёт на Лиговке. Давно они дружат. Вместе росли, вместе учились в школе. На заводе работают нынче вместе. И той и другой по шестнадцать лет.

Хорошо они трудятся. Хвалят подружек. Снаряды завод выпускает для фронта. Две нормы вырабатывает Надя Хохлова, две — Надя Реброва. В числе первых стараются быть подружки. Неслёгкие дни в Ленинграде. Есть подружкам всё время хочется.

Утром проснутся. Хочется кушать.

Бегут на работу. Хочется кушать.

Стоят у станков. О еде мечтают.

Уж так, уж так порой им хочется кушать... Голова у подружек кружится.

Мечтают подружки:

— Вот бы буханку хлеба.

— Хоть одну на двоих, — скажет Надя Хохлова.

— Хоть одну на двоих, — согласится Надя Реброва.

— Вот бы упала буханка с неба!

Возвращались как-то они с работы. Вот она, Лиговка. Скоро Расстанная. Угол Расстанной и Лиговки. Расстанутся тут подружки. Надя Хохлова ещё дальше немного пройдёт по Лиговке. Надя Реброва свернёт на Расстанную.

Идут подружки. Зима. Мороз. Сугробы снега в рост человеческого следа, сирава. Час вечерний. Пустынно сейчас на Лиговке. Двое всего на Лиговке — Надя Хохлова, Надя Реброва. Вечер. Зима. Мороз.

Шагают подружки. Скрип, скрип — под ногами снег. Обогнала подружек автомашинка. Грузовик. Брезентом что-то прикрыто сверху. Запах почудился вдруг подружкам. Знакомый, щемящий, кричащий запах. Переглянулись подружки — так это ж хлеб!

Действительно, хлеб в машине. Торопилась машина к булочной. Смотрят подружки. Вырывается криком голод:

— Вот бы буханку хлеба.

— Хоть одну на двоих?

— Хоть одну на двоих!

Идёт, огибает машина сугробы. И вдруг просвистел, прогудел, ударил рядом с машиной сваряд. Разорвался он рядом с мотором. Разнесло кабину. Убило шофёра. Сорвало борта у машины. Посыпались буханки на мостовую чуть ли не прямо к ногам подружек.

Смотрят подружки: буханки! Хлеб! Подбежали они к машине.

Что-то шепчет: хватай, бери, не повторится такое чудо.

Но тут же и новый голос: не трогай, не смей, в каждой буханке чужая доля.

Что-то шепчет: смелей, вы одни, вспомните тех, кто дома.

Но тут же тот строгий голос: не смей на чужой беде строить свою удачу.

Наклонились подружки. Взяли по буханке. Смотрит Надя Хохлова на Надю Реброву. Смотрит Надя Реброва на Надю Хохлову. Постояли они секунду. Наклонились, взяли ещё по буханке, по две, по три. Поднялись, пошли к машине. Положили буханки опять в машину. Вскоре появились другие прохожие. Старуха какая-то, подросток, девчонка, какой-то старик, две молодые женщины. Смотрят прохожие — хлеб! Видят Хохлову, видят Реброву. Подошли, наклонились, тоже стали грузить на машину хлеб. Собрали буханки люди. Кто-то куда-то сбежал, сообщил о случившемся. Вскоре другая пришла машина. Перегрузили на эту машину хлеб. Гуднула, ушла машина.

Смотрит ей вслед Надя Хохлова, смотрит Надя Реброва. Смотрят другие люди.

И снова, и снова, и снова — до крика, до слез, до боли: хочется людям есть, хочется людям есть.

— Вот бы — буханку. Хоть одну на двоих. Хоть одну на троих, на пятерых, семерых. Хотя бы — кусочек хлеба!

ТРАМВАЙ

«Неустранимый» — его прозвали. Действительно был он отважным. Он — это ленинградский трамвай.

Бегут вагоны по рельсам, наполняют город трамвайным звуком. Ходил он по Невскому, Садовой, Литейному. Спешил к заводам — к Кировскому, к Балтийскому, к Металлическому. Торопился на Васильевский остров, на Московский проспект, на Охту. Звонко бежал по Лиговке.

Много дел у трамвая было: людей — на работу, людей — с работы. Грузы — к отправке, грузы — с доставки. Если надо — бойцов перебрасывал. Если надо — снаряды к бойцам подбрасывал.

Всё хуже в Ленинграде с топливом, с горючим, с электроэнергией.

Остановился автобус. Нет горючего для автобуса.

Не ходит троллейбус. Нет электроэнергии для троллейбуса.

Только он, трамвай — коренной ленинградец, бегаёт.

Беспокоятся жители. Тревожатся за трамвай. Утром выходят на улицы, смотрят, ходит ли их трамвай.

Радость на лицах:

— Ходит!

Нелегко приходится трамваю. Под огнём фашистов ходил трудяга. Провода обрывало. Корёжило рельсы. Даже в трамвай попадали порой снаряды. Разносило вагоны в щепы.

Тревожились жители. Беспокоятся за трамвай. Просыпаются утром: ходит ли их трамвай?!

Радость на лицах:

— Ходит!

Но вот к концу 1941 года совсем плохо стало с электроэнергией в Ленинграде. Всё реже и реже выходит трамвай на линии.

В январе 1942 года остановился, заглох трамвай. Замерли стрелки. Ржавеют рельсы.

— Остановился!

— Всё!

Оборвалось что-то в душе у ленинградцев. Уходило с трамваем многое.

Истощены, измучены блокадой и голодом ленинградцы. И всё же:

— Восстановим, пустим трамвай, — сказали.

Пустить трамвай — это значило: надо добыть топливо для городской электростанции. Достали его ленинградцы. Нет хорошего угля — стали собирать «местное топливо»: угольную пыль, древесные отходы, простую бумагу, строительный мусор.

Пустить трамвай — это значило: надо на электростанции создать специальный котёл для «местного топлива». Собрали, создали ленинградцы такой котёл.

Работали дружно. Все. Взрослые. Дети. Рабочие и инженеры. Художники и музыканты.

Пустили трамвай ленинградцы.

15 апреля 1942 года он снова пошёл по городу. Бежит он по рельсам, наполняет город весёлым трамвайным звоном.

Любуются люди:

— Смотри — пошёл!

— Пошёл!

— Пошёл!

Бежит, бежит по Ленинграду ленинградский трамвай. Вместе со всеми живёт и борется.

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ПОХОДКА

У ленинградцев выработалась своя походка. Особая. Неповторимая. Ленинградская.

Голод и холод делали своё дело. Сил у каждого становилось всё меньше и меньше. Люди стали ходить всё тише и тише. Шаг у ленинградцев стал размеренный, движения плавные. Идут, не торопятся. Не обгоняют друг друга. Экономят свои силы. Даже дети и те потеряли свою обычную резвость. Глянешь на них — не дети это вовсе, маленькие старички чинно идут по улицам.

Прибыл однажды с Большой земли на один из ленинградских заводов специалист из Москвы. Завод знаменитый — Кировский, бывший Путиловский. Наслышался московский специалист про ленинградскую походку ещё в Москве. Говорили ему про ленинградцев:

— Ходят тихо. Движения плавные. Берегут силы.

Потом, когда летел в Ленинград — а летали в то время из Москвы в Ленинград не прямо, а круглыми путём, обходя районы, захваченные фашистами, — опять услышал он о ленинградской походке:

— Берегут силы. Ходят плавно. Движения тихие.

Прибыл специалист в Ленинград на Кировский завод. Интересуется планами. Думает: наверно, сниженные здесь планы. Видит — нормальные планы. Интересуется: как же они выполняются? Узнаёт — в срок выполняются. Мало того — перевыполняются даже планы!

Удивился московский гость. Про себя подумал: «Вот так походка тихая. Вот так движения плавные».

Возможно, это только здесь, на Кировском заводе, решил московский специалист. Побывал на других заводах. Но и там, на других заводах, выполняются точно и даже досрочно планы. Для нужд фронта, для войск, обороняющих Ленинград, трудятся ленинградские рабочие. Танки, пулемёты, мины, гранаты, разное другое вооружение выпускают ленинградские заводы. Не отстают они в сроках. Широко их рабочий шаг.

Вернулся специалист в Москву. Спрашивают у него:

— Что видел? Что слышал? Как ленинградская походка?

Рассказал специалист о том, как сражается Ленинград, о работе Путиловского завода; рассказал о других заводах.

— Нормальная, отличная походка, — сказал о походке. — Ленинградский надёжный шаг.

Фашисты продолжали штурмовать Ленинград.

Смотрят фашисты в бинокль. Дома и улицы города видят. Шпиль на соборе Петропавловской крепости разглядывают. Адмиралтейскую иглу рассматривают. Мечтают они о том, как прошагают по ленинградским проспектам — по Невскому, по Литейному, пройдут вдоль Невы, вдоль Мойки, Фонтанки, мимо Летнего сада, прошагают по знаменитой Дворцовой площади. Верят фашисты в успех, в победу.

Побывали они в Ленинграде. Вот как случилось это. Не взяв город «в лоб», фашисты решили обойти Ленинград с востока. План у фашистов теперь такой. Восточнее Ленинграда прорвутся они с левого южного берега Невы на северный — правый. И отсюда уже по правому берегу ворвутся в город.

Убеждены фашисты, что тут, на правом берегу Невы, мало советских войск, что тут и откроется путь к Ленинграду.

Начали фашисты переправу через Неву ночью. Рассчитали: к рассвету будут они в Ленинграде. Представляется фашистам Ленинград. Вот идут они по Невскому, по Литейному, шагают вдоль Невы, вдоль Мойки, Фонтанки, мимо Летнего сада, идут по Дворцовой площади. А вот и шпиль на соборе Петропавловской крепости. А вот и Адмиралтейская игла, как шпага, пронзает небо.

Погрузились фашисты на плоты. Оттолкнулись от берега. Река Нева не длинная. Всего-то в ней 74 километра. Не длинная, но широкая. Широкая и полноводная. Вытекает она из Ладожского озера, течёт в сторону Ленинграда и там, где стоит на её берегах Ленинград, впадает в Финский залив Балтийского моря.

Переправляются фашисты через Неву, достигли уже середины. И вдруг с правого берега обрушился на фашистов ураганный огонь. Это стала стрелять наша артиллерия. Это ударили советские пулемёты. Точно стреляли советские воины. Разгромили они фашистов, не пустили на правый берег. Гибнут фашисты, срываются с плотов в воду. Подхватывает Нева трупы фашистских солдат, несёт на волнах, несёт на плотах вниз по течению.

И вот — свершились мечты фашистов. Оказались они в Ленинграде. Точь-в-точь как хотели, как раз к рассвету. Проплывают фашисты мимо Летнего сада, мимо Фонтанки, Мойки, рядом с Дворцовой площадью. А вот и шпиль Петропавловской крепости. А вот и Адмиралтейская игла всё так же шпагой пронзает небо. Всё точно так, как мечтали о том фашисты. Разница лишь в одном. Живыми мечтали вступить они в Ленинград. Живыми.

А тут...

Несёт свои воды река Нева. Плынут в последний свой путь фашисты.

Авиация. Разные тут самолёты. Есть истребители, есть разведчики, прославились грозные советские штурмовики. Есть бомбардировщики лёгкие, средние, тяжёлые, дальние. Есть ночные бомбардировщики. Есть самолёты морские, есть санитарные, есть просто учебные. Много различных типов. Много различных марок. Есть Илы, есть Яки, есть МиГи, есть Ла. Есть Пе-2, есть знаменитый По-2, есть, наконец, Ли-2. Ли-2 — пассажирский, грузовой самолёт.

Лётчик Пантели был как раз командиром на грузовом Ли-2.

Ли-2 — самолёт по тем временам вместительный. Удачным считался, надёжным. Два крыла, два винта, два мотора, два пилота сидят в кабине. Слева в кресле сидит пилот, справа сидит пилот. Тот, кто слева, и есть командир воздушного корабля. Слева сидит Пантели.

Отважен Пантели. Влюблён он в небо, в моторный гул. Всех, кто летает, всё, что летает, Пантели безумно любит.

А вот Ли-2 почему-то не очень любит. К другому лежит у него душа. Истребитель в душе Пантели. Об истребителе он мечтает. Вот где простор, размах. Вот где бои с противником. Мечтает с фашистами лётчик биться. А тут — грузовой Ли-2.

Правда, есть на самолёте воздушный стрелок. Есть пулемёт у стрелка воздушного. Но ведь сам самолёт того... «Грузовая бочка» — называют его Пантели.

В декабре 1941 года лётчик Пантели на своём Ли-2 прибыл под Ленинград. Перебрасывал грузы через Ладожское озеро. Были самые трудные дни Ленинграда. Автомобильная дорога через Ладожское озеро только налаживалась. Лётчики и до этого помогали ленинградцам. Теперь их помощь важна вдвойне. На грузовых самолётах доставляли лётчики в Ленинград продукты, боеприпасы, вывозили больных и раненых.

Не обеспечить, конечно, по воздуху нужды миллионного города. Тем важнее любой полёт. Не знали в те дни самолёты отдыха. Летали лётчики в три усталости.

Фашисты всячески старались сорвать эту помощь Ленинграду по воздуху.

Начали фашистские истребители охоту за советскими транспортными самолётами. Нередко сбивали наших.

Однажды в небе над Ладожским озером фашистский истребитель «мессершмитт» атаковал в Ли-2 Пантели. Стояла зима. Льдом искрилась внизу Ладога.

Сошлись фашист и советский лётчик. Завязался воздушный бой. Ли-2 — тихоход. Ли-2 — самолёт-мишень. Атакуют его фашисты. Не будет ему пощады.

Вот-вот и конец Ли-2. Но что такое?! Ушёл от огня Ли-2. Успел отвернуть самолёт Пантели.

Пронёсся стрелой «мессершмитт». Разворот, ещё разворот. Снова готов к атаке. Ринулся коршун, ринулся ястребом. Из пулемётов снова открыл огонь.

Вот-вот и конец Ли-2. Но что такое? Ушёл от огня Ли-2. Успел отвернуть самолёт Пантели.

Разозлился фашистский лётчик. Вновь разворот, иммельман, разворот. Снова готов к атаке.

И вдруг... Что такое?! Ли-2 ринулся сам в атаку. Опередил он фашиста. Припал к пулемёту воздушный стрелок. Первым открыл огонь. Секунда. Нет, меньше секунды. Вздвинулся фашистский истребитель, затем на миг словно застыл на месте и тут же «клюнул» носом и стремительно рухнул вниз. Пробил он лёд на Ладожском озере, блеснул, махнул хвостом и исчез в пучине.

Шутили потом на Ладоге: самолёт-истребитель, мол, появился новый.

— Марки какой?

— «Пантели»!

ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

Ленинградская публичная библиотека одна из самых больших в мире. Публичная означает народная, то есть библиотека для всех, для многих. Тысячи и тысячи различных книг хранятся в Ленинградской публичной библиотеке.

Много всегда здесь читателей. Даже в самые тяжёлые дни ленинградской обороны, когда наступили страшные холода, когда прекратилась подача воды, когда погас электрический свет в Ленинграде, не закрылась, продолжала работать Публичная библиотека. При фонарях, при свечах, при керосиновых лампах работала Ленинградская публичная библиотека.

Появились новые читатели у библиотеки. Библиотекаря старушка Гликерия Сергеевна, как и всегда, стояла на выдаче книг. И вот как раз входит один из таких новых читателей. Молодой. Рослый. В военной форме.

Говорит:

— Здравствуйте!

Спрашивает:

— Можно у вас получить книгу Николая Островского «Как закалялась сталь»?

— Можно, — отвечает Гликерия Сергеевна.

— А можно — повесть «Дубровский» и стихи Александра Сергеевича Пушкина?

— Можно, — отвечает Гликерия Сергеевна.

— А можно — романы Александра Дюма «Три мушкетёра» и «Двадцать лет спустя»?

— Можно и «Три мушкетёра». Можно и «Двадцать лет спустя».

— А можно... — И военный стал называть книгу за книгой. Тут и роман «Война и мир» Льва Толстого, и роман «Тихий Дон» Михаила Шолохова, и стихи Михаила Лермонтова и Тараса Шевченко, и басни Крылова, книги Жюль Верна, Джека Лондона, «Хижина дяди Тома» американской писательницы Би-чер Стоу и много других книг, даже детская книга «Приключения Тома Сойера».

Смотрит удивлённо Гликерия Сергеевна на военного — впервые такой читающий у неё читатель.

— Это всё вам? — спрашивает библиотекаря Гликерия Сергеевна.

— Мне, — отвечает военный.

Стала Гликерия Сергеевна доставать книги. Достала «Как закалялась сталь» Николая Островского, достала «Войну и мир» Льва Толстого, достала стихи Александра Сергеевича Пушкина.

— Простите, — говорит военный, — а нет ли у вас Пушкина на армянском языке?

Посмотрела Гликерия Сергеевна искоса на военного.

— Есть, — говорит, — и на армянском языке.

— Отложите мне на армянском.

Продолжает пожилая библиотекаря подбирать для военного книги. Достала Толстого, достала Шолохова, достала стихи Тараса Шевченко.

— Простите, — вдруг говорит военный, — а нет ли у вас Тараса Шевченко на грузинском языке?

Вскинула Гликерия Сергеевна глаза на военного:

— На грузинском?

— Да, на грузинском.

— Простите, должна проверить.

Проверила.

— Есть, — говорит, — стихи Тараса Шевченко на грузинском языке.

— Будьте любезны, отложите, — просит военный.

Принесла Гликерия Сергеевна стихи Тараса Шевченко на грузинском языке.

— И на украинском тоже, — сказал военный.

Принесла на украинском. Вновь подбирает книги. Достала Жюль Верна, достала Джека Лондона, вынула «Хижину дяди Тома».

— Простите, — вдруг говорит военный, — а нет ли у вас «Хижины дяди Тома» на татарском языке?

Вскинула снова Гликерия Сергеевна удивлённо глаза на военного:

— Минутку. Должна проверить.

Куда-то ушла. Вскоре вернулась.

— Есть, — говорит, — на татарском языке «Хижина дяди Тома».

Принесла она «Хижину дяди Тома». Смотрит опять на военного. Поразительный из поразительных прямо читатель.

— Это всё вам? — спрашивает библиотекарьша.

— Мне, — отвечает военный. И уточняет: оказывается, лечится он в одном из ленинградских госпиталей, пришёл в библиотеку с просьбами от раненых товарищей.

— Ах вот как, — сказала Гликерия Сергеевна.

Засуетилась она, заторопилась. В стопки собрала книги. Перевязала, даёт военному.

— Приходите, — говорит, — приходите. Рады всегда вас видеть.

Из многих ленинградских госпиталей приходили в те дни за книгами в Публичную библиотеку. Просили книги на русском и украинском языках, на белорусском, армянском, киргизском, узбекском, азербайджанском, башкирском, таджикском и многих других языках.

Поражалась Гликерия Сергеевна. Сколько разных бойцов, сколько разных национальностей защищает её родной Ленинград.

И это верно. Вся страна помогала Ленинграду. Вся страна Ленинград защищала.

ГЕНЕРАЛ ФЕДЮНИНСКИЙ

Генерал Иван Иванович Федюнинский был одним из героев обороны Ленинграда. Это его войска не пустили фашистов к Волхову. Это 54-я армия, которой он командовал, вместе с другими громила фашистов под городом Тихвином.

Ещё в январе 1942 года советские войска предприняли первую попытку прорвать блокаду Ленинграда.

Знали об этом в Ленинграде. Пошли по городу разговоры:

— Наши идут к Ленинграду.

— Скоро пробьются наши.

Но это было не так. Не смогли тогда одолеть фашистов советские войска. Не было достаточных сил у наших.

Не пробili советские армия ни зимой, ни весной 1942 года дорогу к осаждённому Ленинграду.

По-прежнему Ленинград оставался в блокаде.

Как-то после весенних боёв 1942 года генерал Федюнинский направился в одну из своих дивизий. Поехал генерал на

танке. Для удобства надел ватную фуфайку, на голову простую солдатскую шапку-ушанку.

Танк шёл по железнодорожной насыпи.

Распутица. Размокла, раскисла кругом земля. Лишь насыпь одна пока сохраняла твёрдость. Неважное настроение у Федюнинского. Не пробились наши войска к Ленинграду.

По дороге в дивизию и повстречал генерал солдата. Солдат был из пожилых. Хитринка в глазах играет.

Бывалый, видать, солдат. Посмотрел на него Федюнинский. Ватная фуфайка на солдате — точь-в-точь такая, как на самом Федюнинском. Шапка-ушанка на голове — простая, солдатская, такая же, как на голове генерала Федюнинского.

Остановились генерал и солдат.

— Здравствуй, земляк, — произнёс солдат. Не думал, что по шпалам шёл генерал.

— Здравствуй, — ответил Федюнинский.

Решил Федюнинский закурить. Полез в карман. Достал пачку папирос, протянул солдату.

— Ну и даёшь! — произнёс солдат. Папиросы в то время, особенно здесь, на фронте под Ленинградом, были почти как чудо.

Покрутил папиросу в руке солдат, посмотрел на Федюнинского, на фуфайку, на шапку солдатскую, сказал:

— Ты, видать, земляк, близко к начальству ходишь.

Ясно Федюнинскому: не признал за генерала его солдат.

— Бывает, — усмехнулся Федюнинский.

— В ординарцах небось гоняешь?

— Да так... — смутился, не знал, что ответить ему, Федюнинский.

Понравился солдат генералу. Разговорились они. О том о сём, какие вести идут из дома.

Затем речь пошла о недавних боях.

— Не получается что-то, — сказал солдат. И тут же: — Ничего, не сразу оно, земляк. Сегодня не удалось, завтра удаётся. Помяни: лёд под напором всегда проломится.

Поднял глаза Федюнинский.

— Это уж точно скажу, земляк. Слову поверь. Сил не жалея — проломится. А что там начальство думает?

Улыбнулся Федюнинский:

— Считает, проломится. Считает, получится.

— Вот видишь, — сказал солдат.

Возвращался Федюнинский в штаб, всё о солдате думал.

— Сил не жалея. Проломится, — повторял генерал Федюнинский.

Наступил январь 1943 года. Крупных военных успехов достигла к этому времени Советская Армия. Под городом Сталинградом была окружена огромная 330-тысячная фашистская армия, которой командовал генерал-фельдмаршал Паулюс. Ещё дальше советские войска отогнали фашистов от Москвы. Нанесли поражение врагам и в ряде других мест. Пришло время с новой силой ударить по фашистам и здесь под Ленинградом.

Разгромить фашистские войска южнее Ладожского озера, прорвать в этом месте блокаду Ленинграда — таким был приказ. Удар должны нанести два фронта. Со стороны Ленинграда и реки Невы войска Ленинградского фронта. Со стороны реки Волхов и города Волхова войска Волховского фронта.

12 января 1943 года наступление началось.

Правый берег реки Невы. Чуть ниже того места, где Невы вытекает из Ладожского озера. Здесь сосредоточились готовые к атаке войска Ленинградского фронта. Среди них и 136-я стрелковая дивизия, которой командует генерал Симонык. Напротив на левом берегу находятся фашисты. Рядовой Метальников служит как раз в этой дивизии. Стоит он в одной из колонн. Представляет картину скорого боя. Сражение начнут артиллеристы. Туда, на левый берег Невы, кроша укрепления врага, обрушатся сотни и сотни снарядов. Затем подымется в бой пехота. Рота, в которой служит Метальников, а вместе с ней и другие роты, батальоны, полки и вся их дивизия, а также и те дивизии, которые стоят слева и справа, устремятся вперёд, понесутся по льду Невы, достигнут левого её берега. И вот тут уже на левом берегу и начнётся главный прорыв обороны противника, главный начнётся бой.

Январь. Мороз. Холод стоит на улице. Температура — 25 градусов ниже нуля. Деревья застыли в инее. Стоят как на снимке. Как в дивной сказке. Смотрит на них Метальников. Ударят сейчас снаряды. Ураганом пройдут по лесу. Обрушатся иней с веток. Померкнет, исчезнет сказка.

И вот — 9 часов 30 минут утра. Ударили наши пушки. Крушат они левый берег. Приблизилась ближе к реке наша пехота. Сигнала к атаке ждёт.

Ждёт и Метальников. Глянул налево, глянул направо. Что там такое справа?! Видит Метальников медные трубы. Одна, вторая, третья, четвёртая. Поменьше, побольше, ещё побольше, совсем огромная. За этими трубами снова трубы. И дальше трубы. И снова трубы. Ясно солдату — стоит оркестр.

Смотрит Метальников — поражается.

Рядом стоит рядовой Науменко. Смотрит Науменко. Поражается.

Рядом стоит сержант Петросян. Смотрит сержант Петросян. Поражается.

Рядом другие стоят солдаты. Смотрят солдаты. Трубы! Оркестр! Поражаются.

Громят, громят, крушат орудия левый берег. И вдруг, перекрывая раскаты орудий, заглушая разрывы снарядов, загремел над Невой оркестр. Прислушались солдаты — Интернационал.

— Ура! — пронеслось над колоннами.

Рванулись вперёд солдаты. Рванулся Метальников. Рядом бежит Науменко. Рядом бежит Петросни. Рядом другие бегут солдаты. Бежит, бежит Метальников. Всё громче, всё громче звучит оркестр. Пронесётся в сознании у Метальникова слова из Интернационала:

«Кипит наш разум возмущённый...»
«Никто не даст нам избавленья...»
«Чтоб свергнуть гнёт рукой умелой,
Отвоевать своё добро,
Вздувайте горы и куйте смело,
Пока железо горячо!»

Бежит, бежит Метальников. Бегут, несутся другие солдаты.

«Кипит наш разум возмущённый
И в смертный бой вести готов».

МОНБЛАН И ВАВИЛОВ

Вместе с другими к левому, занятому фашистами берегу Невы бежал и солдат Вавилов. Недоволен Вавилов. Только прибыл, думал, немедленно в бой, а тут — учения.

— Какие ещё учения, — бурчит Вавилов. — Что я — школьник, курсант, студент? Воевать я с фашистами прибыл. Нет тут времени на учения.

Со страшного начались их учения. Построили солдат. Вручили солдатам ведра. Выбрали рядом крутую гору. Поливайте водой, мол, гору. Полили солдаты гору. Схватил ледяной коркой её мороз. Стала скользкой гора, прескользкой. Хоть садись и катись с горы.

— Что мы, дети — кататься с горы, — бубнил Вавилов. — Что здесь, армия или детский сад?!

Развеселились солдаты и впрямь, как дети. Стали с горы на ногах, на боках съезжать.

— Отставить! — прошла команда.

Другая дана команда. Приказали солдатам по ледяному настилу на гору лазить.

Стали солдаты брать ледяную гору. Не даётся гора, упрямятся. Вбежали солдаты на четверть, на треть горы, до половины добрался кто-то. Однако чтоб выше, чтоб дальше, чтобы до самого верха — нет таких ловких среди солдат. Съезжают солдаты назад под гору.

— Монблан, Казбек, — говорят солдаты. Монблан — это самая высокая вершина в Альпийских горах, Казбек — одна из вершин Кавказа.

Вавилов тоже на гору ринулся. Разбежался. На треть, даже чуть выше, влетел. Ещё шаг, ещё два. Но тут заскользил. Закачался. Рухнул. Скатился солдат с Монблана. Шишку себе набил. Поднялся, стоит ругается.

Ясно солдатам: не взять им гору.

— Отставить, — снова прошла команда.

Выдали после этого солдатам лестницы, верёвки, канаты, железные «кошки», крючки, багры.

Снова команда: вперёд на гору. Легче стало солдатам на гору теперь взбираться, помогают верёвки, крючки и «кошки».

Целый день штурмовали солдаты гору. Акробатами прямо стали. Кончилось тем, что взлетали солдаты волной на её вершину. Раз — и взята вершина.

В чём же дело? Зачем ледяная гора солдатам?

Левый берег реки Невы, который предстояло штурмовать нашим солдатам, был высоким, обрывистым. Решили фашисты сделать его и вовсе для наших войск неприступным. Облили они водой невиские кручи. Образовались здесь ледяные горы.

Через эти горы и предстояло прорваться советским бойцам. Вот и создали наши командиры специальные отряды в помощь штурмующим. Вот и попал Вавилов в такой отряд.

Началось наше наступление. Протрубили атаку трубы. Устремились вперёд солдаты. Бегут по невискому льду, опережая других, и штурмовые отряды. Тащат солдаты лестницы, «кошки», багры, верёвки. Стреляют фашисты. Понимают, что в этих лестницах, этих баграх и «кошках» кроется смерть для них, для фашистов.

Так и есть. Добежали солдаты до ледяных обрывов. Заработали лестницы, «кошки», багры, верёвки. Преодолели солдаты скользкие горы. С криком «Ура!» ворвались в фашистские окопы.

Солдат Вавилов в числе первых влетел на кручи. Застыл над обрывом. Взглядом секундным на кручи глянул: «Вот ведь куда взмахнул!»

Вспомнил боец про Монблан, про учебную гору. И, уже устремляясь вперёд в атаку, что есть сил прокричал:

— Спасибо!

«МАЛЮТКА»

«Малютка» — это танк. Танк Т-60. Он и вправду малютка по сравнению с другими советскими танками. Экипаж такого танка состоял всего из двух человек.

Прорывать фашистское окружение под Ленинградом совет-

ским войскам помогали танки. В том числе и «Малютки». Прославились в этих боях «Малютки». Меньше они размером. Увёртливей. Места под Ленинградом сырые, болотистые. Легче «Малюткам» держаться на болотистом, топком грунте.

Особенно отличился танк, командиром которого был лейтенант Дмитрий Осатюк, а механиком-водителем — старшина Иван Макаренков. Сдружились они — командир и водитель танка. С полуслова, без слов понимали друг друга.

Перебрались бойцы Ленинградского фронта по льду через реку Неву, взяли штурмом береговые укрепления фашистов, стали прорываться вперёд на соединение с идущими им навстречу от реки Волхов и города Волхова войсками Волховского фронта. Рвалась вперёд и «Малютка» Осатюка.

Наступает «Малютка», и вдруг слева, справа и впереди выросли перед «Малюткой» три огромных фашистских танка. Как в западн «Малютка». Расстреляют «Малютку» фашистские танки. Пустят снаряды — прощай «Малютка».

Припали фашисты к своим прицелам. Секунда, и в цель полетят снаряды.

Видит беду лейтенант Осатюк.

— Ваня, танцуй! — прокричал водителю.

Понял команду механик-водитель Иван Макаренков. Завертелся перед фашистами, словно в танце, советский танк.

Целят фашисты, а танк танцует. Никак не схватишь его в прицел.

— Давай кабардинку! Давай лезгинку! — кричит Осатюк.

Глянешь в эту минуту на танк, и вправду — лезгинку танцует танк.

Стреляют фашисты, стреляют — всё мимо. Увёртлив советский танк. Сманеврировал танк под огнём фашистов, вышла «Малютка» из окружения.

Устремились в погоню за ней фашисты. Настигают, бьют из орудий. Да только зорко следит за врагами лейтенант Осатюк. Сам отвечает огнём на огонь фашистов. Механику-водителю подаёт команды. Маневрирует танк: то рванётся вправо, то развернётся влево, то чуть притормозит, то ускорит шаг. Не даёт «Малютка» фашистам в руки.

Лейтенант Осатюк не просто уходил от огня фашистов. Он вёл фашистские танки к тому месту, где были укрыты советские батареи.

Вывел. Ударили батареи. Секунда, вторая. И нет уже больше фашистских танков.

Восхищались потом батареи:

— Ай да «Малютка», вот так «Малютка»! Мал золотник, да дорог!

Говорили тогда бойцы:

— Орёл — лейтенант Осатюк!

— Орёл — старшина Макаренков!

И после этого «Малютка» лейтенанта Осатюка совершила немало подвигов. Давила пулемётные гнезда врага, отважно шла на фашистские пушки, в гущу фашистских солдат врвалась. Более двухсот фашистов уничтожила в этих боях «Малютка».

И снова о танке идёт молва:

— Цены ему нет, бесценей!

И снова среди солдат:

— Орёл — лейтенант Осатюк!

— Вровень ему старшина Макаренков!

Героями Советского Союза стали лейтенант Дмитрий Иванович Осатюк и старшина Иван Михайлович Макаренков. Прославил фамилии эти танк. Прославили танк фамилии.

ДИВИЗИЯ

Ещё с зимы 1941 года среди фашистских солдат ходил слух, что под Ленинград на Волховский фронт прибыла целая дивизия охотников-сибиряков.

— Они со ста метров белке в глаз попадают, — шептались фашистские солдаты.

Глаза велики от страха:

— Они в полёте сбивают муху.

Узнали наши бойцы про целую дивизию, про муху — немало смеялись.

— Есть дивизия, есть, — говорили бойцы. — Верно, сибирская. Верно, состоит из охотников. Вот она — дивизия, — и показывали на солдата Егора Петрова.

Улыбался Петров: не про каждого скажешь, что он — дивизия.

Егор Петров действительно был из Сибири, действительно был охотником, действительно стрелок он на редкость меткий. Служил Егор Петров в 1400-м стрелковом полку 327-й стрелковой дивизии на Волховском фронте. Прибыл он из Якутии. Якут по национальности. Прошло немного времени, стал Егор Петров прославленным на весь Волховский фронт снайпером.

Не зря боялись фашисты Петрова, не зря считали, что под Ленинград целая дивизия сибирских охотников прибыла. Подбирался Петров к самым фашистским окопам. Ступал тихо — сова не услышит. Маскировался ловко — сокол и тот не увидит. И бил из винтовки, конечно, без промаха. Если попадался фашист на мушку, значит, фашисту крышка.

Более ста фашистов уничтожил своими меткими выстрелами снайпер Егор Петров.

Петров не один. Под Ленинградом много было прославленных снайперов. Грозой стрелки-мастера для фашистов стали. Боялись фашисты высунуть нос из окопов. Как суслики, врылись в землю.

Винтовка у Петрова особая — снайперская. Прицел оптический на винтовке. Чистил винтовку босц, лелеял. Словно живая она, ухаживал.

Наступил январь 1943 года. Вместе с другими частями и дивизия, в которой служил Петров, готовилась к наступлению. Встречают как-то солдаты Петрова. Смотрят: вместо снайперской винтовки пулемёт в руках у Петрова.

— Что такое? — спрашивают солдаты.

— Пулемёт, — отвечает Петров.

— Зачем пулемёт? Винтовка — твоя стихия!

— Нет. Не то время, — отвечает Петров солдатам. И уточняет: винтовка, мол, есть винтовка. Сделал выстрел — фашист всего лишь один убит. Это хорошо, когда в обороне сидели. Теперь же другое дело. Один выстрел — не тот размах.

Пошёл Петров в наступление пулемётчиком. Но и здесь он остался снайпером.

В двух первых днях наступления уничтожил ещё около ста фашистов.

Гордятся солдаты опять Петровым:

— Так и есть: считай, дивизия целая снова прибыла.

Смутился Петров, краснел: не про каждого скажешь, что он — дивизия.

ГНЕДОЙ

В одном из хозяйственных взводов на Волховском фронте служил солдат-возчик по фамилии Гнедой.

Нельзя на войне без шутки. Потешались солдаты, приставали к солдату:

— Гнедой, как твой гнедой?

А нужно сказать, что конь у солдата действительно был гнедой, то есть тёмно-коричневой масти. Даже имени не имел этот конь. Просто звали его Гнедой.

Солдат Гнедой был по характеру добрый, отзывчивый, однако на редкость вспыльчив.

Конь тоже по характеру был не злым, однако нет-нет да любил лягнуть.

И снова солдатам для шуток место:

— Оба они с копытами.

Нелегко пришлось солдатам на Волховском фронте. Фронт проходил в местах болотистых и лесистых. Снега здесь глубокие. Дороги лесные узкие. Трудно в таких местах развернуться машинам или тяжёлой военной технике. Вот и спасали, несли здесь лошади свою лошадиную службу. На санях подвозили боеприпасы на передовую, продовольствие. Вывозили раненых.

Конь Гнедой был всегда здесь в первых. Не знал он усталости, не страшился снарядов, бомб. Сам находил после боя раненых.

— Талант, — говорили о нём солдаты.

А вот и ещё одно. Ехал однажды солдат Гнедой узкой лесной дорогой. Вдруг остановился, заунылся конь.

— Но, но, — погоняет солдат Гнедого. Даже собирался кнутом ударить.

Не сдвинулся конь. Упёрся столбом. Поднялся с саней Гнедой. Видит: у самых саней торчит из-под снега мина.

Вытер пот с головы Гнедой.

— Талант, — произнёс Гнедой.

Весной 1942 года на Волховском фронте стало ещё труднее. Начались наводки и разливы. Куда ни ступишь — везде трясина.

Нелегко в такую пору подвозить продовольствие. Ещё тяжелее — сено. Начали лошади голодать. Газеты и те жевали.

Позаботились люди о лошадях. На самолётах к ним прибыло сено. На парашютах спустилось с неба.

С той голодной зимы 1942 года конь Гнедой пристрастился к газетам. Когда снова появилось в достатке сено, не изменил он почему-то своей привычке.

Потешались опять солдаты. Гнедого по холке хлопали:

— Ну как там — про что в газетах? Что в них сегодня писано?

Поворачивались к солдату Гнедому:

— Твой Гнедой больше, чем ты, начитанный.

Во время прорыва ленинградской блокады снова в работе лошади. И здесь подвозили боеприпасы, и здесь вывозили раненых. Сорок раненых под огнём фашистов вывез тогда Гнедой.

Когда отмечали в боях отличившихся, солдат Гнедой получил медаль.

И снова острят солдаты:

— Не тот получил Гнедой.

Конечно, понимали солдаты: заслужил справедливо возчик свою награду. Да только любят солдаты шутку. Нельзя на войне без шутки.

Впрочем, и конь получал награду. Гладил коня Гнедой. Протягивал пайку солдатского хлеба.

— Гнедой, Гнедой,— ласково приговаривал.
И солдаты к нему явились. Раздобыли где-то мешок овса.
— Получай, принимай гостинец.
И дальше сражался конь. Уцелел, не погиб на войне. Ветераном-героем домой вернулся.

«НА-А-ШИ!»

Шесть дней вгрызались наши войска в оборону фашистов. Наступает Ленинградский фронт. Наступает Волховский. Прогибается, рушится фашистская оборона.

Шёл седьмой день боёв южнее Ладожского озера.

Группа солдат-разведчиков одной из дивизий Ленинградского фронта вышла в разведку. В белых маскировочных халатах идут солдаты. Автоматы в руках. Под халатами на солдатских ремнях — гранаты.

Среди солдат один новенький — рядовой Точилин. Всё интересно молодому солдату. Впервые идёт в разведку. Идёт, об одном мечтает: вот бы схватить «языка».

— Схватим? — спрашивает новичок у бывалых.

Старший над группой сержант Муса Дзенгазиев. С тем же вопросом солдат к сержанту:

— Схватим, товарищ сержант?

— Схватим, схватим,— сказал Дзенгазиев.— Боем возьмём, козь надо.

Прошагали солдаты замёрзшим болотом. Ели пошли, осины. Сугробы слева, сугробы справа. Лесная идёт дорога. На две разошлась дорога.

Разбились разведчики: группа пошла направо, группа пошла налево. Точилин с группой как раз налево.

Прошли они метров триста, снова на две разошлась дорога. Разбились разведчики: двое пошли налево, двое пошли направо. Точилин и старшина Дзенгазиев свернули как раз направо. Идут между осин и елей. Рвётся вперёд Точилин. Идёт, об одном мечтает:

— Вот бы сейчас схватить «языка».

Улыбнулась судьба солдату.

Прошли они метров пятнадцать. Вдруг за елью мелькнуло что-то. Двинулось что-то. Не что-то, а кто-то. Человека увидел Точилин. Понимает боец: фашист.

— Хенде хох! — закричал Точилин.

— Хенде хох! — понеслось по лесу.

— Наши! На-а-ши! — слышит в ответ Точилин.

Ожили сугробы слева, справа. Как в сказке выросли люди в белых халатах. В руках автоматы. Под халатами что-то топор-

щится. Понятно — висят гранаты. Любому ясно, что рядом — наши. А он...

— Хенде хох! — ещё громче кричит Точилин.

— Да тише ты, тише,— сказал Дзенгазиев.— Это же наши. Кто вы?

— Разведка. Кто вы?

— Разведка.

Оказалось, встретились две разведки. Разведка Ленинградского фронта и разведка Волховского фронта. Бросились разведчики друг к другу:

— Встретились! Встретились! Ура!

Стоит Точилин. Глазам не верит.

Подхватили волховчане на руки Точилина. Подбрасывают вверх:

— Встретились! Встретились! Ура!

Подлетает Точилин высоко-высоко, чуть ли не до самых еловых макушек.

— Вот тебе и «хенде хох»! — смеётся Дзенгазиев.

Многие группы разведчиков встретились в этот день. Было 18 января 1943 года. Завершили в этот день войска Ленинградского и Волховского фронтов прорыв ленинградской блокады. Встретились. Соединились.

ЗАГАДОЧНЫЙ ТАНК

За день до полного соединения советских войск южнее Ладожского озера произошла здесь необычная встреча.

На одном из участков Волховского фронта появился фашистский танк. Был он почему-то один. Шёл на повышенной скорости. Открыли по фашистскому танку огонь полковые пушки Волховского фронта. Молодцы пушкарки, умельцы.

Выстрел. Ура! Попали.

Но что такое? Не тронул снаряд фашиста. Продолжает идти машина.

Снова выстрел. Ура! Попали.

И снова снаряд не осилил танка.

— В бок бей фашиста! — дана команда.

Ударили в борт артиллеристы.

Выстрел. Выстрел. Ура! Попали.

Не взяли снаряды и в борт врага.

Поражаются артиллеристы. То ли снаряды у них с дефектами. То ли у пушек несильный бой. Присмотрелись к танку. Так ведь и танк не совсем обычный. Больше обычного. Форма совсем иная. Понимают солдаты: загадочный танк, новый какой-то танк.

Продолжает свой рейд неприятельский танк. Снова встретил

он наши пушки. И эти пушки открыли огонь по танку. Метко стреляли артиллеристы.

Выстрел. Выстрел. Ура! Попали.

Но и тут не подбили наши полковые пушки фашистский танк. Не берут почему-то его снаряды. Крупнее калибром нужны здесь пушки. И всё же дрогнул перед пушками неприятельский танк. Нервы у фашистов, видать, не выдержали. Стал танк уходить от огня. Стал маневрировать. Свернул чуть с дороги. И тут угодил он в торфяник. Стал оседать в трясину.

Принялись фашисты спасаться, бежать из танка. Однако погибли от наших пуль. Подошли советские солдаты, посмотрели. Среди убитых лежал фашистский генерал.

— Генерал? — переглядываются солдаты.

— Генерал!

— Вот так птица сидела в танке.

Ясно солдатам: необычный, конечно, танк.

Вытащили солдаты тягачами танк из торфяника, отправили в штаб к начальству. Командующий Волховским фронтом генерал армии Кирилл Афанасьевич Мерецков осмотрел неприятельский танк. Представитель Ставки Верховного Главнокомандования генерал армии Георгий Константинович Жуков осмотрел неприятельский танк. Новый какой-то танк.

Отправили танк в Москву. Оказалось, что пленённый Волховским фронтом танк был фашистским танком самой последней марки. «Тигром» называли его фашисты. Очень надеялись фашисты на новый танк. К новым боям готовили. Здесь, под Ленинградом, танк проходил испытания.

Не завершили фашисты его испытание. Лишились танка. Зато наши военные инженеры в Москве отлично его изучили. Узнали слабые места танка. Нашли пути, как бороться с «тигром».

Вскоре грянула грозная Курская битва. К этой битве и готовили «тигр» фашисты. Грянула битва. Не испугались наши. Знали уже о новом фашистском танке.

ПОРОЖКИ

Прорвали наши войска в январе 1943 года южнее Ладожского озера фашистский фронт, пробили брешь в ленинградской блокаде. Однако сил, чтобы полностью разбить фашистов и отогнать их от Ленинграда на многие километры у нас ещё не хватило. Ещё почти год фашисты стояли у Ленинграда.

Многое свершилось за этот год. Продолжались победы Советской Армии.

Фашисты были разбиты в упорном сражении под городом Курском и под городом Киевом, в огромном сражении на Днепре.

Началось новое наступление и под Ленинградом. Войсками Ленинградского фронта командовал генерал (вскоре он стал Маршалом Советского Союза) Леонид Александрович Говоров.

14 января 1944 года советские войска перешли в наступление.

К этому времени фашисты уже не мечтали захватить Ленинград. Их задача теперь — удержаться на старых позициях. Укрепили они позиции. Создали крепкую оборону. Построили специальные огневые точки. Это пулемёт или пушка, укрытые от наступающих железобетонным козлом. Толщиной в метр и более были стены у этих укрытий. Прорвать такую оборону и предстояло советским солдатам.

И вот пошли войска в наступление. Вгрызлись они в оборону врага. Завязали бои с фашистами.

Ждёт генерал Говоров, ждут другие генералы на командном пункте фронта первых сообщений от наступающих войск. Вот оно, поступило наконец первое сообщение.

Держит генерал Говоров трубку полевого телефона, слушает. Потеплело лицо. Улыбнулся. Значит, вести хорошие.

— Так, так, — изредка приговаривает Говоров.

Слушает, слушает. Но вот чего-то не разобрал.

— Как, как? — переспросил. — Повторите, — попросил.

Повторили. Пожал Говоров плечами. Видимо, опять что-то не очень ясное. Вновь повторили.

— Ах, название. Теперь понятно, — сказал Говоров. — Значит, селение так называется?

— Так точно, товарищ командующий, селение, — послышалось в трубке.

Закончил Говоров разговор, повернулся к своим помощникам:

— Поздравляю, товарищи, первый успех наметился. А вот и первый трофей, — генерал сделал паузу, посмотрел на помощников. — Порожки.

— Что порожки? — кто-то не понял.

— Порожки. Деревня с названием Порожки, — сказал Говоров. — Вот первый населённый пункт, который взят в наступлении нашими войсками.

— Порожки! — вырвалось у генералов.

— Порожки, — повторил Говоров. Улыбнулся: — Ну что же — если порожки перешагнули, можно и дальше.

Пошло гулять по фронту:

— Перешагнули через порожки. Переползли.

— Переехали.

— Через порожки прыгнули.

Пошли войска за Порожки дальше. Ударил с севера, ударили с востока. Стремительно развернулось наступление советских войск. Прорвали они полностью фашистскую блокаду Ленинграда. Погнались врага на запад. Пошли богатырским шагом.

«ВПЕРЕД, НА ЗАПАД!»

ВОСТОЧНЫЙ ВАЛ

После Курской победы Советская Армия быстро пошла вперёд. Под ударами наших войск фашисты поспешно отходили на запад.

Широк, и могуч, и прославлен Днепр. Кручи седые стоят, как скалы. Словно ветер, быстра вода.

Здесь, на Днепре, на правом высоком его берегу, и укрепились теперь фашисты. Создали мощную оборону. Несокрушимой стеной подымается правый берег.

Свою оборону на Днепре фашисты называли Восточным валом.

Заявили фашисты:

— Непреступен Восточный вал!

Даже Гитлер сказал:

— Скорее Днепр потечёт обратно, нежели русские здесь провуются.

Подошли наши части к Днепру. И тут же с ходу, без ожиданий, без остановки стали переправляться на правый берег. Устремились войска вперёд.

Не сдержались фашисты:

— Стойте! Куда вы! Перед вами Восточный вал!

Переправляться через Днепр Советская Армия начала сразу же в нескольких местах.

Заметались фашисты по правому берегу. И здесь переправа, и там переправа. Гадают, где ожидать удара. Куда посылать резервы?

Доносит фашистским генералам разведка:

— У села Теремцы захвачена противником переправа.

Вступают фашисты в бой. Посылают под Теремцы подкрепление.

Новые вести несёт разведка:

— У села Домантово захвачена противником переправа.

Посылают фашисты сюда подкрепление.

Всё новые, новые вести идут с Днепра:

— Переправа у Припяти!

— Переправа южнее Припяти!

Много уже переправ.

— Переправы на север от Киева.

— Переправы южнее Киева.

— Переправы возле города Кременчуга!

На огромном пространстве в шестистах километрах от города Лоева до города Днепропетровска вышла Советская Армия к Днепру. И сразу же начала переправы.

Наступают фронты под руководством генералов

Рокоссовского,

Ватутина,

Конева.

Наступают армии

Пухова,

Чибисова,

Черняховского,
Шарохина,
Москаленко,
Монагарова.
И других генералов.

Наступают артиллеристы, танкисты, авиационные соединения и много других частей.

Колоссальная битва идёт за Днепр. Сотрясаются левый и правый берега.

Не ожидали фашисты такого штурма. Затрепал их Восточный вал.

По поручению Ставки Верховного Главнокомандования координировал, то есть руководил, согласовывал действия советских войск на Днепре Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков.

Смотрит маршал на переправы. Несокрушимо, как волны, идут войска. Всё больше и больше огня и силы.

Смотрит Жуков на эту силу:

— Вот он — Восточный вал!

ПЕРВЫЕ

Советские армии шли на Киев. Первыми переправу через Днепр в районе Киева начали бойцы 51-й гвардейской танковой бригады. Было это южнее Киева у села Великий Букрин. Но и среди этих были свои первые — это рота автоматчиков, которой командовал лейтенант Синашкин. Но и тут среди первых тоже нашлись первые.

Первыми были четыре бойца, четыре комсомольца, четыре гвардейца, четыре друга — Иванов, Петухов, Семёнов и Сысолятин.

Четверо солдат должны были первыми переправиться на правый, занятый фашистами берег Днепра, открыть стрельбу, поднять панику среди фашистов, отвлечь их и тем самым дать возможность всей роте, а затем батальону, а потом и бригаде переправиться через Днепр.

И вот левый берег. Друзья провожают героев в путь.

— Удачи! — кричат Иванову.

— Удачи! — кричат Петухову.

Обнимают, хлопают по плечу Семёнова и Сысолятина.

Тронулись в путь бойцы. Ночь. Тишина. Вот-вот проклюнет рассвет на востоке. Плавню лодка идёт по спокойной днепровской глади. В лодке пятеро: четверо бойцов, пятый — местный партизан, проводник и перевозчик Алексей Шаповалов.

Бесшумно, беззвучно гребёт Шаповалов. Опускает в воду без

всплеска вёсла. Поднимает без всплеска вёсла. Уключины смазал смолой заранее.

— Лишь бы себя не выдать. Лишь бы пройти незамеченным, — беспокоится за сохранность бойцов Шаповалов.

Всё ближе и ближе правый высокий берег.

Не обнаружили, не заметили фашисты лодку с советскими бойцами. Вамах вёслами. Взмах. Ещё взмах. Вот и уткнулась лодка носом в песчаный берег.

Вышли бойцы на берег. Простился с отважными Шаповалов. Поднялись балкой они на кручи. Завязали с врагами бой. Застрочили огнём пулемёты, заговорили огнём автоматы, полетели со свистом мины.

Решили фашисты: батальон тут, никак не меньше.

Идёт на круче с врагами бой. А в-это время там, на Днепре, начинают наши войска переправу. На лодках, на плотках, просто на брёвнах, на досках, на надувных понтонах, на набитых соломой плац-палатках, просто на связках ветвей и сена устремились солдаты на правый берег. За отделением рвётся вперёд отделение, за взводом стремится взвод, за ротой торопится рота. А вот и батальоны уже пошли. А вот и полки на днепровском марше.

Свохватились фашисты, открыли артиллерийский огонь по Днепру. Вызвали авиацию. Но ни сталь, ни огонь не сдержали напор штурмующих. Всё больше, всё больше советских бойцов на том, на правом, берегу. Всё шире, всё шире плацдарм Букринский. Захватили плацдарм солдаты.

...Река начинается с первых капель. Урожай начинается с первых зёрен. Дом начинается с первого камня. Всё начинается с малого, с первого. Слава великая первому!

Солдаты Иванов, Петухов, Семёнов и Сысолятин на Днепре, под Киевом были первыми. Они положили тогда начало. Все живы остались, все целы. Заслуженно звёзды Героев их грудь украсили. Великая слава первым!

ГОРПИНА ПАВЛОВНА

Было это севернее Киева, у села Лютеж, на одной из переправ через Днепр.

Переправляться на правый берег советским бойцам помогали партизаны и местные жители. Была среди них и колхозница Горпина Павловна Трегуб.

Уважаемым человеком была Горпина Павловна в своём колхозе. Не раз отмечали её за хороший труд. За доброту на селе любили. Двоих сыновей имела. Оба сражались в Советской Армии.

Немолодой уже была Горпина Павловна. Лицо в морщинах, в мозолях руки.

Когда фашисты захватили её родное село Сваромье, Горпина Павловна припрятала лодку. Стояла она за сараем, за поленницей дров. Следила за ней Горпина Павловна, оберегала. Верила: наступит минута — верную службу лодка сослужит советским воинам. Ждала она наших солдат. В нашу победу верила.

Затем шеннула про лодку своей соседке.

— Для наших, — сказала Горпина Павловна.

Подивилась соседка. Потом подумала: так ведь верно — наши придут с востока, с той стороны Днепра, как же наших встречать без лодок.

От соседки пошло к соседке, от дома к дому, от улицы к улице. Вот и у других людей появились лодки. Стояли они в селе за домами, за сараями. Дожидались своей минуты.

Дождались.

Когда началась переправа советских войск у Лютежа, Горпина Павловна в числе первых явилась со своей лодкой к Днепру. Кто был помоложе — к Горпине Павловне:

— Куда же ты, старая?!

— Туда, к нашим, на левый берег.

Села в лодку, взмахнула вёслами, первой приплыла к нашим.

Приплыла, остановилась, поклонилась солдатам в пояс.

— С приходом, родимые. Садитесь, сыночки. За вами при- была.

Смотрят солдаты — старая женщина.

— Кто же ты такая?

— Мать я солдатская.

Сели солдаты в лодку.

Обратилась к солдатам Горпина Павловна, спрашивает о сыновьях:

— Родимые, Семёна Трегуба не знаете? Антона Трегуба не знаете?

— Нет среди наших, — сказали солдаты.

— Понятно, — ответила женщина. — Значит, не время, значит, ещё идут.

Оттолкнулись солдаты от берега. Села Горпина Павловна на вёсла. Кто-то сказал:

— Давай помогнём, мамаша.

— Сидите, сидите, — улыбнулась Горпина Павловна. — Ваше дело там, впереди. — Заработала быстро вёслами. — Лодка меня уже пятьдесят лет как слушается. Кума я Днепру, родимые.

Перевезла женщина первую партию бойцов через Днепр и снова на левый берег. То на левом она берегу, то на правом. То на правом, то вновь на левом.

Встречает женщина наших воинов:

— Семёна Трегуба не знаете? Антона Трегуба не знаете?

— Нет среди наших, — опять ответ.

Вздыхнет Горпина Павловна:

— Значит, ещё идут.

И снова за вёсла. И снова на правый, на левый берег.

Солнце клонилось к вечеру. А Горпина Павловна всё с тем же вопросом к солдатам:

— Семёна Трегуба не знаете? Антона Трегуба не знаете?

И вдруг:

— Знаем! Знаем! — кричат солдаты. — Тут они оба.

Вышли к берегу оба. Красавцы. Гвардейцы. Каждый в саженный рост.

— Родимые! — вскрикнула старая женщина. Упала гвардейцам в слезах на грудь.

Пробежал офицер:

— Почему задержка?

Слышит в ответ:

— Мать тут. Мать пришла солдатская.

Закончилась переправа. Потом, уже на том берегу, солдаты друг друга спрашивали:

— Как переправился?

— С Горпиной Павловной.

— А ты?

— С ней же, с Горпиной Павловной!

— Значит, выходит, крестники!

Много оказалось крестников у Горпины Павловны. И вправду — мать она солдатская.

НЕВИДИМЫЙ МОСТ

Мост не игла, не булавка. Мост обнаружишь сразу.

Первые советские части переправились на правый берег Днепра вплавь — на катерах и лодках.

Однако армия — это не только люди. Это и машины, и танки, и артиллерия. Для автомашин и танков необходимо горючее. Боеприпасы — для танков и артиллерии. Не переправишь всё это вплавь. Не годятся здесь катера и лодки. Необходимы мосты. К тому же прочные, грузоподъемные.

Заметили как-то фашисты, что на одном из днепровских плац-

дармов вдруг появилось много советских солдат и военной техники. Ясно фашистам: значит, где-то рядом построили русские мост. Отправились на поиск моста самолёты-разведчики. Летали, летали пилоты. Брали севернее от плацдарма, брали южнее, поднимались вверх по течению Днепра, опускались вниз, к самой воде снижались — нет, не видно нигде моста.

Вернулись летчики из полёта, докладывают:

— Не обнаружен мост. Видимо, нет моста.

Гадают фашисты: как же, каким тогда чудом переправились русские? Вновь посылают они разведку. Опять на поиск ушли самолёты.

Один из пилотов оказался других упорнее. Летал он, летал и вдруг, что такое? Смотрит, глазам не верит. Протёр глаза. Снова смотрит, опять не верит. Да и как тут поверишь! Там внизу, под крылом, через Днепр идут советские солдаты. Идут без моста, по воде и не тонут. А вот и танки тронулись следом. И эти идут по воде. И эти — вот чудеса! — не тонут.

Вернулся лётчик поспешно на аэродром, генералу докладывает:

— Идут по воде солдаты!

— Как по воде?!

— По воде, по воде, — уверяет лётчик. — И танки идут и не тонут.

Сел генерал к лётчику в самолёт. Подлетели они к Днепру. Всё верно: идут по воде солдаты. И танки тоже идут и не тонут.

Смотришь вниз — чудеса, да и только!

В чём же дело? Соорудили мост так, что настил его не вышлся над водой, как обычно, а наоборот, уходил под воду — шже уровня воды укрепили настил сапёры.

Глянешь на этот мост — всё верно: идут по воде солдаты.

Люто бомбили фашисты мост. Бомбили, да бомбы летели мимо. Вот ведь какой сверхчудесный мост.

СНЕГ НА ГОЛОВУ

5-й гвардейский танковый корпус под командованием генерала Кравченко быстрым маршем шёл на помощь войскам, удерживавшим Лютежский плацдарм на Днепре под Киевом.

Путь к Днепру танкистам преграждала река Десна. Десна в этих местах глубокая, дно у неё неровное, течение быстрое. Чтобы преодолеть её, танкам нужны тяжёлые паромы или мосты. Мост за час не построишь. А у Лютежа ждут помощи. Нажимают здесь фашисты на наших. Вот-вот и сбросят наших солдат с плацдарма.

Знают фашисты, что с востока в этих местах Днепр прикрывает

река Десна. Знают, что Десна здесь глубокая, с быстрым течением. Не пройдут тут танки. Не поддержат вовремя пехоту под Лютежем. Спокойны фашисты. И вдруг:

— Танки под Лютежем!

— Танки под Лютежем!

Как же здесь появились танки?

Когда подошли наши танки к Десне и остановились, командир корпуса генерал Кравченко обратился к местным жителям:

— Есть броды?

— Да как сказать, — отвечают местные жители. — Для кого, может быть, и нет, а для кого и есть. Для человека брода, конечно, нет, для телеги тоже. А для танка, может, и сыщется.

Хочется им, чтобы для танков сыскался брод.

Стали танкисты исследовать дно реки, выискивать, где глубина поменьше, где дно потвёрже.

Стали и местные жители помогать.

— Вот тут помельче.

— Вот тут наискосок удобнее.

Искали, искали танкисты удобных мест, и всё же самая малая глубина в полный рост танка. Если попробовать переходить Десну бродом, то лишь чуть-чуть башенный люк из воды покажется.

— Да-а!

Задумался генерал Кравченко. Задумались и другие танковые командиры.

— И всё же выбора у нас нет, — наконец сказал командир корпуса. — Будем форсировать Десну бродами.

Отдал генерал Кравченко приказ о форсировании. Пришлось танкистам проявить солдатскую смекалку и изобретательность.

Все щели и отверстия в танках заизолировали паклей, замазали смолой. На выхлопные трубы надели брезентовые рукава и вывели их так, чтобы они поднимались выше уровня реки. На реке вдоль брода установили вешки.

И вот для пробы двинулся первый танк. Замерли все на берегу, впились глазами в танк: пройдёт — не пройдёт, пройдёт — не пройдёт.

Опустилась громада в воду. Всё выше вода, всё выше, всё ниже в воду уходит танк. Люк на танке открыт. Из люка выглядывает командир. Следит за вешками, подаёт команду вниз водителю. Водитель сидит в темноте, ничего не видит. Лишь крепко вцепился в рычаги, выполняет команды командира.

Медленно ползёт танк. На первой скорости. Как ни задранивали, ни конопатили щели, а всё же вода проникает в танк. У механика-водителя ноги уже в воде. Вот достигла вода пояса.

Задержалась. Выше пошла. Вот плечей достигла. Секунда, и побежит за ворот.

Но всё. Дальше вода не двинулась. Остановилась. Отступила вода обратно. Вот отпустила грудь. Вот отошла до пояса. Вот лишь ноги одни в воде. Вот и вовсе вода исчезла. Вышел танк из Десны. Варевел мотором. Дернулся. Отряхнулся, как огромная утка.

60 боевых машин, весь танковый корпус, прошли тогда по дну Десны. Явились танкисты под Лютеж, как во времена Суворова, словно снег на голову, словно лавина с гор.

«Танк на голову» — называли солдаты этот бросок танкистов.

ОТПУСК

Много советских армий принимало участие в битве за Днепр. В том числе и армия, которой командовал генерал Иван Данилович Черняховский.

Был Черняховский одним из самых молодых и самых любимых солдатами генералов.

Началась эта история как раз перед самым наступлением на Днепр. Армия готовилась к предстоящим боям. В полках и дивизиях проводились различные тактические учения. Вернулся как-то Черняховский с учений к себе в штаб. Стал принимать доклады от штабных офицеров.

Подают офицеры командующему различные бумаги. Одни для ознакомления, другие на подпись, третьи для соответствующих распоряжений.

Вот и ещё бумага.

— Товарищ командующий, — докладывает офицер. — На ваше имя по команде получен рапорт сержанта Турушканова.

Сержант Турушканов просил предоставить ему краткосрочный отпуск домой. Случай был редкий. С фронта в отпуск просились в исключительных случаях.

Вызвал генерал Турушканова.

— Слушаю вас, сержант. Что там у вас случилось?

Растерялся солдат от неожиданности. Не думал, что к командующему его вызовут. Стоит, о просьбе сказать не решается.

— Слушаю вас, сержант, — повторил Черняховский.

Рассказал солдат. Оказалось, тяжело заболела у Турушканова мать. Сын он один. Нет никого у неё родных. Вот и просился сержант на несколько дней домой.

Посмотрел Черняховский на солдата, на его гимнастёрку. Там, где у других ордена, медали — у Турушканова пусто. Подумал генерал, произнёс:

— Скажите, а что, если вы поедете через три-четыре дня? Обрадовался солдат:

— Можно и через три-четыре, и через пять, товарищ генерал.

— Вот и хорошо. Это я говорю к тому, — сказал Черняховский, — что неудобно фронтовику появляться в родных местах без награды.

— Так не было случая... — замаялся солдат.

— Будет случай, — сказал Черняховский.

Отпустил генерал Турушканова.

А на следующий день пошла Советская Армия в наступление. Прорвала фашистский фронт и устремилась к Днепру.

Лихо сражался сержант Турушканов. В первом же бою уничтожил двенадцать фашистов.

Орденом Красного Знамени был награждён солдат Турушканов. Сам генерал Черняховский награду ему вручил.

— Ну вот, теперь можно и в отпуск, — сказал Черняховский.

Поехал солдат героем в родную деревню. То-то в деревне радость.

Ценил Черняховский смелых. Он и сам отличался необыкновенной храбростью. Дважды Героем Советского Союза был генерал Иван Данилович Черняховский.

Вскоре после разгрома фашистов на Днепре Черняховского назначили командовать фронтом. Было тогда генералу всего 37 лет.

Войска под командованием генерала Черняховского освобождали Советскую Белоруссию и Советскую Прибалтику. Затем сражались на фашистской земле в Восточной Пруссии. Штурмовали столицу Восточной Пруссии город-крепость Кенигсберг. Война приближалась к концу. Но не дожил полководец до великого Дня Победы. Смертью героя он пал в бою.

Погиб генерал. Однако славу навек оставил. Добрую славу, солдатскую славу.

С БУКРИНА, С ЛЮТЕЖА?

Удержали наши войска под Киевом переправы, создали два крупных плацдарма. Один — южнее Киева, недалеко от селения Великий Букрин. Этот плацдарм назывался Букринским. Второй был создан севернее Киева, у селения Лютеж. Это был Лютежский плацдарм.

Решался вопрос, с какого плацдарма начать наступление на Киев. Решают этот вопрос советские генералы. Ломают головы и фашисты. Наши решают, где лучше ударить. Фашисты — где же ударят наши?

Гадают фашисты:

— С Лютежа, с Букрина?

— С Букрина, с Лютежа?

Усилили фашисты разведку и наблюдение. Всё учитывают, всё подсчитывают, всё взвешивают. Приходят к выводу: скорее всего, русские ударят с Букрина.

И действительно, собирались вначале советские войска атаковать с Букрина. Однако затем изменили решение. Главный удар на Киев было решено произвести с Лютежского плацдарма.

Изменить направление на штабных картах дело совсем простое. А вот передвинуть незаметно войска, технику и снаряжение на новое место куда сложнее. Рыщут в бебе фашистские самолёты-разведчики, зорко следят за дорогами.

Танки и артиллерию стали перемещать скрытно, ночью. Но и это тоже не самое сложное. Сложнее сделать так, чтобы неприятель не заметил, что опустели, оголились старые позиции. Тогда и здесь, как под Суджей, на месте настоящих танков и пушек, ушедших под Лютеж, устанавливали наши бойцы танки и пушки, сделанные из фанеры.

Доносят фашистские разведчики:

— Всё без изменений. Танки и орудия на старых стоят позициях.

Но и этого мало.

Опустели во многих местах штабные помещения и командные пункты. Ушли командиры со своими соединениями на Лютежский плацдарм. Однако нельзя, чтобы об этом догадались, узнали фашисты, — не все ушли из штабов. Остались здесь небольшие группы. Остались и радиостанции. «Трудятся» в полную силу штабы. Даже «работу» ещё усилили. Не умолкают радиостанции.

Доносят фашистские разведчики:

— Усилили работу штабы у Букрина.

— Не утихают радиостанции.

Ясно фашистским генералам: правы они в своём предположении, прорыв будет здесь, под Букрином.

И вот 1 ноября 1943 года советские войска на Букринском плацдарме действительно перешли в наступление. Сняли фашисты дивизии с соседних участков фронта, в том числе и из-под Лютежа, и перебросили сюда, под Букрин.

Торжествуют фашисты:

— Разгадали мы планы русских!

Выждали наши, когда всю разгорелось сражение, и только тут-то ударили из-под Лютежа.

Хорошо был продуман удар советскими генералами. Затрещала фашистская оборона. Прорвали её солдаты. Прорвали, пошли на Киев.

КИЕВ

Село Новопетровцы. Рядом с Лютежем. Здесь командный пункт командующего 1-м Украинским фронтом генерала армии Николая Фёдоровича Ватутина.

Зорко Ватутин следит за боем.

Генерал Ватутин был одним из наиболее талантливых полководцев Великой Отечественной войны. Вместе с другими он бил фашистов под Сталинградом. Это он громил фашистов южнее Курска, вышел теперь к Днепру.

Идёт наступление на Киев. Поступают на командный пункт донесения:

— Артиллерия усилила огонь по противнику.

— Так. Хорошо, — отвечает Ватутин.

— Дивизии двинулись на прорыв.

— Так. Хорошо. Поднять самолёты в воздух.

— Танки подходят к дачным районам Киева.

— Так, так. Хорошо. Усилить огонь на флангах.

Фашисты упорно сопротивлялись. Они стали подтягивать сюда, на Лютежский плацдарм, свежие силы. Разобрались теперь фашисты: не со стороны Букрина, со стороны Лютежа главный идёт удар. Гонят сюда, на север от Киева, фашисты свои войска.

Опередить, не дать им опомниться — принимает решение Ватутин. Поступает приказ войскам продолжать наступление и ночью.

— Бросить в прорыв танкистов, — распорядился Ватутин. — Пусть зажгут фары. Побольше жизни. Побольше жара.

— Есть побольше жизни, больше жара, — ответили танковые командиры.

Зажгли танкисты мощные танковые фары. Ослепили фары фашистов. Включили мощные танковые сирены. Оглушили врагов сирены. Открыли танкисты огонь из пушек и пулемётов.

Не устояли фашисты. Бросились в бегство.

— Бросились в бегство фашисты, — докладывают на командный пункт генералу Ватутину.

— Так. Хорошо, — отвечает Ватутин. — Ну что ж, вперёд, на Киев!

Советские войска ворвались в пригороды Киева и устремились к центру.

Идут, идут. Входят в Киев советские воины. Вот Брест-

Литовское шоссе. Вот завод «Большевик». Киевская кино-фабрика. Зоопарк. Вот бульвар Ленина. Киевский университет. Памятник Тарасу Григорьевичу Шевченко. И вот наконец Крещатик. Крещатик — центральная, красивейшая улица города. Только сейчас весь разбит, в руинах лежит Крещатик. Вышли сюда солдаты, подняли над Крещатиком, над Киевом красный флаг.

— Наши войска на Крещатике, — докладывают на командный пункт генералу Ватутину.

— Так, так. Хорошо. Молодцы. Поздравляю, — отвечает Ватутин. — Сегодня Киев, а завтра, смотри, — Берлин.

Только не пришлось генералу Ватутину брать Берлин. Вскоре после освобождения Киева скончался от ран, полученных в тяжёлых боях за Родину. Ныне цветёт, хорошеет Киев. Снова в садах, в каштанах. Крещатик — опять красавец. Над Днепром, на высокой днепровской круче, в парке, поднялся памятник советскому генералу. Это памятник генералу армии Николаю Фёдоровичу Ватутину.

ГОРЫ

Слева и справа холмы чуть заслонили небо. Между ними лежит равнина. Февраль. Снег укутал холмы и поле. Вдали, чуть виден, стоит ветряк. Ворон над полем раскинул крылья.

Страшно глянуть сюда на поле. И вишь и вдали, куда только хватает глаз, фашистских мундиров горы. А рядом горы сгоревших танков, разбитые пушки — металла сплошные груды.

В этих местах шла Корсунь-Шевченковская битва.

Корсунь-Шевченковский — город на Украине. Здесь, южнее Киева, недалеко от Днепра, в январе 1944 года, продолжая громить фашистов, советские войска окружили десять дивизий врага.

Предложили наши фашистам сложить оружие. Направили парламентёров. Вручили они фашистскому генералу Вильгельму Штеммерману, который командовал окружёнными гитлеровцами, наши условия.

Отклонил предложение Штеммерман. Отдали ему из Берлина строжайший приказ держаться.

Крепко держались фашисты. Но сжали, сдавили фашистов наши. И вот осталось у фашистов совсем немного — село Шендеровка, село Комаровка, местечко на взгорке Скибин.

Стояла зима. Февраль набирал силы. Вот-вот завьюжит. Погодой и намечался воспользоваться Штеммерман. Решил он дожидаться метельной ночи и двинуться на прорыв.

— Не всё, господа, потеряно, — сказал Штеммерман офицерам. — Укроет нас вьюга. Пробьёмся из плена.

— Укроет нас вьюга, — вторят офицеры.

— Укроет нас вьюга, — зашептались солдаты. — Пробьёмся из плена. Вырвемся.

Ждут все вьюгу. На снег и буран надеются.

Явились буран и снег.

Собрались фашисты в ряды, в колонны. Двинулись на прорыв. В метельную ночь незаметно пройти надеялись. Однако были на страже наши. Зорко следили они за фашистами. Село Шендеровка, село Комаровка, местечко на взгорке Скибин — здесь и грянул последний бой.

Не спасли фашистов февраль и вьюга. Сражались фашисты с напором, с упорством. Шли, как безумные, напролом. Прямо на пушки, прямо на танки. Однако не у фашистов сила была, у наших.

Страшно после сражения было глянуть на поле битвы. Генерал Штеммерман тоже остался на этом поле. «Укроет нас вьюга», — вспомнил свои слова.

55 тысяч фашистских солдат и офицеров было убито и ранено в Корсунь-Шевченковской битве. Много тысяч попало в плен.

Ходит, гуляет по полю вьюга, укрывает снегом солдат фашистских.

ОКСАНКА

— Воевал?

— Воевал!

— И ты воевал?

— И я воевал!

— И Манька, — сказал Тараска.

— И Оксанка, — сказала Манька.

Да, воевали ребята: и Тараска, и Манька, и Богдан, и Гришка, и, представьте, Оксанка тоже, хотя Оксанке всего-то неполный год.

В дни, когда только-только окружили наши войска фашистов под Корсунь-Шевченковским, стояла небывалая для этой поры распутица. Морозы ослабли. Началась оттепель. Дороги размякли, разбухли, раскисли. Не дороги, а слёзы, сплошная хлябь.

Буксуют машины по этой хляби. Тягачи бессильны на этой хляби. Танки и те стоят.

Остановилось кругом движение.

— Снарядов! Снарядов! — на фронте кричат батареи.

— Дисков! Дисков! — требуют автоматчики.

Кончается минный запас на фронте, скоро не станет гранат, пулемётных лент.

Нужны войскам мины, снаряды, гранаты, патроны. Однако остановилось кругом движение.

Нашли бойцы выход. На руках понесли снаряды, на руках потащили мины. Гранаты, фугасы, диски взвалили себе на плечи.

Видят жители местных сёл, в чём нужда у Советской Армии.

— И мы не безрукие!

— Давай груз и для наших плеч!

Пришли колхозники на помощь советским воинам. Нагрузились люди свинцовой ношей. К фронту сквозь хляби двинулись.

— И я хочу,— заявил Тараска.

— И я хочу,— заявила Манька.

И Богдан, и Гришка, и другие ребята тоже.

Посмотрели на них родители. Взяли с собой ребят. Нагрузились и дети для фронта ношей. Тоже несут снаряды.

Получили солдаты боеприпасы. Снова огонь по врагам открыли. Заурали мины. Заговорили, забили пушки.

Возвращаются ребята домой, слушают, как рвутся вдали снаряды.

— Наши, наши снаряды! — кричат ребята.

— Ура!

— Бей фашистов! — кричит Тараска.

— Бей фашистов! — кричит Богдан.

И Манька кричит, и Гришка кричит, и другие ребята тоже. Рады ребята, помогли они нашим.

Ну, а при чём же, скажете вы, Оксана? Оксанке всего-то неполный год.

Мать Оксанки тоже хотела помочь солдатам. Но как быть с Оксанкой? Не с кем оставить Оксанку дома. Взяла её мать с собой. Сзади за плечами несла она мешок с дисками для автоматов, а впереди на руках Оксанку. Для забавы сунула ей патрон.

Когда достигли колхозники назначения и вручили бойцам поклажу, один из бойцов увидел Оксанку, подошёл, наклонился:

— Откуда ты, малое?

Посмотрела на бойца девочка. Улыбнулась. Моргнула. Протянула ему ручонку. Смотрит боец, на ручонке лежит патрон.

Принял боец патрон. В обойму автоматную вставил. «Спасибо», — сказал Оксанке.

НОВЫЕ ПОГОНЫ

Город Корсунь-Шевченковский называется Шевченковским потому, что здесь недалеко от старинного города Корсуня находится деревня Моренцы. Моренцы — родина великого украинского поэта Тараса Григорьевича Шевченко. В память о великом украинском kobzare и назван Корсунь-Шевченковским.

Разгромом фашистских войск под Корсунь-Шевченковским руководил генерал армии Иван Степанович Конев.

Конев заслуженный генерал. И до этого бил фашистов. Войска под его командованием сражались под Москвой, под Калинином. Вместе с другими громили фашистов в Курской битве. Освобождали город Белгород, город Харьков. Штурмовали Днепр и Восточный вал.

И вот новая победа войск генерала Конева. Завершилась битва под Корсунь-Шевченковским.

Завершилась битва. Вдруг телефонный звонок в штабе у ге-

нерала Конева. Звонок из Ставки Верховного Главнокомандующего. У провода сам Верховный. Взял трубку генерал Конев:

— Генерал Конев слушает, товарищ Верховный.

— Маршал Конев, — поправила трубка.

Смутился Конев. Не думал. Не ожидал он такой награды.

— Как вы смотрите? Не возражаете? — слышится голос в трубке.

— Благодарю, товарищ Сталин, — ответил Конев. И по-солдатски: — Служу Советскому Союзу.

— Поздравляю, — сказал Верховный.

Промолчал Конев про разговор с Верховным Главнокомандующим. Куда торопится. Пройдёт ещё время, пока о новом звании генерала Конева сообщат газеты.

Отправился Конев в Моренцы, в родное село Тараса Григорьевича Шевченко. Там находился командный пункт командующего одной из армий, подчинённых Коневу.

Прибыл Конев. Вытянулся дежурный офицер. Приступил к докладу:

— Товарищ маршал...

Удивился Конев.

— Генерал, — поправил.

— Товарищ маршал, — вновь повторил дежурный.

Оказывается, пока ехал Конев сюда, в Моренцы, уже сообщили из Москвы по радио о новом звании генерала Конева. Окружили Конева боевые товарищи. Поздравляют. Радуются. А тут и ещё одно. Послышался вдруг над Моренцами гул самолёта. Самолёт маленький, связной.

Сел самолёт у самого села, подкатил к главной улице. Вылез из кабины лётчик. Сообщает, что прилетел он от маршала Жукова, разыскивает маршала Конева.

— Здесь маршал Конев, — сказали лётчику.

— Имею пакет для личного вручения.

Проводили лётчика к маршалу Коневу.

— Пакет от маршала Жукова, — докладывает лётчик.

Передал он пакет. Распечатал Конев. В пакете погонны — новенькие, маршальские. Личный подарок маршала Жукова маршалу Коневу.

Удивительным оказалось село Моренцы. Здесь узнал о присвоении ему высокого воинского звания — маршал бронетанковых войск — и ещё один из героев Курской битвы и битвы под Корсунь-Шевченковским прославленный танковый генерал Павел Алексеевич Ротмистров.

Вот так село Моренцы. Село — шевченковское, а теперь и маршальское.

«БАГРАТИОН»

«Багратион» — так называлась огромная наступательная операция, которую провели наши войска, освобождая Советскую Белоруссию.

Проходила она летом 1944 года.

Пётр Багратион — сподвижник и ученик Александра Суворова, ближайший соратник Михаила Кутузова. Это был решительный генерал. Называли его генерал-атака. Такой же решительной, наступающей была и Белорусская операция. Принимали в ней участие войска четырёх фронтов.

Долго и скрытно готовилась операция. Составлялись планы. Намечались места ударов. Подвозилось новое вооружение, горючее, боеприпасы. Сосредоточивались в нужных местах войска.

В июне 1944 года Белорусская стратегическая операция «Багратион» началась. Сразу четыре фронта пошли в грандиозное наступление. Наши наступали с севера, востока и юга.

Устремились войска вперёд, сломили фашистскую оборону. И вот с фронтов одно за другим сообщения:

— Наши войска окружили фашистов под городом Витебском.

Вступили в Жлобин.

Фашисты бегут из Орши.

Взят Могилёв.

Фашисты окружены под Бобруйском.

Взяты Слуцк,

Борисов,

Вилейка,

Несвиж.

И вот самое важное. 3 июля 1944 года наши войска освободили столицу Советской Белоруссии город Минск. Не только освободили Минск, но восточнее города окружили фашистов, загнали в большой «котёл». Дальше пошли войска. И снова идут сообщения:

— Взяты Полоцк,

Молодечно,

Ошмяны,

Лепель.

Наши в Барановичах!

Наши в Гродно!

Пинск встречает освободителей.

Лида свободна!

Свободен Слоним!

Всё дальше, дальше отодвигается линия фронта. Всё больше белорусской земли свободной. Продолжают войска наносить удар.

Собрались как-то командующие всех четырёх фронтов, гнавших по белорусской земле фашистов, — генералы Рокоссовский, Черняховский, Баграмян, Захаров. Собрались другие военачальники. Вместе со всеми и представители Ставки Верховного Главнокомандования маршалы Жуков и Василевский.

Посмотрел на соратников маршал Жуков:

— Не посрамили, выходит, память.

Догадались советские генералы:

— Багратиона?

— Багратиона, — ответил Жуков.

ДВА ПРОЦЕНТА

Произошло это в городе Витебске. Через Витебск протекает река Западная Двина. Затем течёт она по территории Латвийской Советской Социалистической Республики и называется Даугава. Витебск стоит на холмах, на кручах. Забрались дома на кручи. Смотрятся в воды Двины, как в зеркало.

В городе через Западную Двину переброшен мост. Многие при штурме Витебска зависело от этого моста. Мост был заминирован. Поднять его в воздух дело одной секунды.

Группа сапёров под командованием сержанта Блохина получила задание захватить мост и обезопасить его от взрыва.

Выполнить такое задание чрезвычайно сложно, почти невозможно. Гарантия успеха — два процента из ста возможных. Чуть что — взорвут немедля фашисты мост.

Главное, понимает Блохин, это убрать охрану. Но надо тихо, всех сразу, в один момент.

— Да, братцы, нелёгкое нам задание, — вслух произнёс Блохин.

И солдаты понимают: задание сложное. Даже если один из фашистов в живых останется — пропал непременно мост. Лучше всего напасть на охрану моста, конечно, в ночное время. На ночь и отложили бойцы атаку. А пока подобрались тихонько к мосту, залегли, наблюдают за охраной. Зорко следят бойцы. Считают, сколько фашистских солдат охраняет мост. Когда меняются караулы. Где находится помещение для караула. Чем вооружена охрана. Есть ли пулемёты, и если есть, то сколько их и где установлены.

Всё подсчитали солдаты, всё на заметку взяли. Начинают теперь другое: откуда и как наступать на мост, кому и что при атаке делать.

Распределили. Запомнили. Перепроверили.

Наступила ночь. Двинулись в путь сапёры. Шли осторожно. Как лисы крались. В кулак дышали.

Бросились дружно они на охрану. Ура! Перебита в бою охрана. Неповреждённым остался мост.

Довольны солдаты. Обниматься даже на радостях стали. И вдруг! Что такое? Блеснул в темноте огонёк на мосту, побежал золотистой змейкой.

Так это ж горящий бикфордов шнур. Всё же успели фашисты поджечь запал. Вот он, бежит огонь. Секунда всего до взрыва.

И в то же мгновение сержант Блохин¹ рванулся к запалам, навстречу смерти. Быть бы разнесённым в куски герою. Да на какую-то долю секунды опередил, обогнал он смерть. Успел Блохин. Подлетел он к запалам. Рванул их руками. Как жало из пасты вырвал.

Утром шли по мосту солдаты. Шла артиллерия. Двигались танки. Открылся им дальше на запад путь. Идут солдаты, скрипит под ногами надёжно мост. Не знали солдаты про подвиг сапёров.

— Эх и дурни, смотрю, фашисты, — кто-то сказал из бойцов. — Такой-то мостище и нам оставили.

— Конечно, дурни, — сказал второй. — Повезло, не иначе, нашим.

ТАНК

Город Борисов. Река Березина. Мост через Березину у Борисова. Прорвались наши войска к Борисову. Первым вышел к мосту танк лейтенанта Рака. Вскочили танкисты с ходу на мост. Стрелой влетели в Борисов.

Эти ворвались, другие нет. Рухнул Борисовский мост сразу за танком Рака. Мост был минирован. Взорвали его фашисты.

Остался лейтенант Рак со своим экипажем один в большом, полном фашистов городе. Глянул Рак на своих боевых друзей, на стрелка, на механика:

— Ну что же — вперёд!

— Вперёд! — подтвердили стрелок и механик.

Устремилась вперёд машина. Начал танк небывалый поход по городу.

Недалеко от моста находилась фашистская комендатура. Фашистов много у здания. Входят, выходят.

Видят танкисты — комендатура.

— На фашистов! — скомандовал лейтенант Рак.

Развернулся танк, проломил забор, словно с неба во двор свалился.

Видят фашисты — советский танк.

¹ За свой подвиг сержант Блохин был удостоен высокой награды — он стал Героем Советского Союза.

— Танки! — кричат фашисты.

Как горох, врасынную враги пустились. Момент — и гол, как ладошка, двор.

Направил пушку стрелок на здание. Ударил пушка снарядом в дом. Проломилась стена, осела. Видна, как печать, отмети-на. Двинулся дальше танк. Вышел прямо к штабу какой-то части. И тут у штаба полно фашистов. Входят, выходит. Толпой запрудили двор.

Видят фашисты — советский танк.

— Танки! — кричат фашисты.

И тут их словно бураном сдуло. Правда, не все успели. Часть полегла под танком.

Дальше движутся танкисты. На пути у бойцов столовая. И тут у столовой полно фашистов. Входят, выходят. Как галькой, усыпан двор.

Видят фашисты — советский танк.

— Танки! — кричат фашисты.

Метнулись и эти ветром. Лишь пыль от сапог поднялась. Усмехнулись танкисты в танке. Пустили вслед пулемётную очередь. Снова идут по городу. Наводит советский танк на фашистов ужас. Глаза велики у страха. Разные слухи пошли о танке.

Мол, танк не зря через мост прорвался. Это какой-то особый танк. Что танк и вовсе не через мост проскочил в Борисов. Что это летающий вроде танк.

Потом новые слухи вползли в Борисов.

Мол, танк не один, а в Борисов рота прорвалась танков. Кто-то сказал — танковый батальон. И этому тоже поверили.

Глаза велики у страха — танк превратили в полк.

16 часов ходил по Борисову русский танк. Сеял огонь и панику.

Но вот окружили фашисты советских танкистов. Вышли навстречу «тигры». Неравными были, конечно, силы.

— Стоим до последнего! — прозвучали слова танкистов.

Не сдались танкисты. В неравном бою погибли.

При въезде в Борисов, у моста, у речного откоса, на пьедестале возвышается нынче советский танк. Погибли герои. А память осталась. Застыла легенда в железе, в камне.

«ИНЖЕНЕРНАЯ ОПЕРАЦИЯ»

Белоруссия — край болот. Царица трясин и топей. Сражаться в таких местах и легко и трудно. Легко в обороне стоять. Наступать по болотам трудно.

Готовился план разгрома фашистов под городом Бобруйском. На пути к Бобруйску находился город Паричи. Паричи стоят на

реке Березине. Решался вопрос, с какой стороны ударить на Паричи: с юга, с правого берега Березины, или с востока, с левого её берега.

Впрочем, по всем военным наукам ударить здесь можно было только с востока. На юг от Паричей тянулись болота: те самые — белорусские, бездонные.

Ясно фашистам: если и будет удар на Паричи, так только с востока. Ясно и нашим, что если идти на Паричи, то, конечно, с востока только.

Ясно-то ясно, однако душа у наших командиров не лежит к тому, чтобы идти с востока. Укрепились здесь сильно фашисты. Ждут отсюда они удара. Пристреляли дороги, тропы. Разложили фугасы, мины.

Армией, которая должна была здесь наступать, командовал генерал Павел Иванович Батов. Ломает над планом операции голову Батов. Ездит на левый берег Березины, туда, где сухо, где и надо наступать по всем военным наукам; ездит на правый, туда, где болота, где по этим самым наукам наступать категорически нельзя. Замечают солдаты, что генерал всё чаще и чаще ездит на правый берег.

Армия Батова входила в состав 1-го Белорусского фронта. Командовал фронтом генерал Константин Константинович Рокоссовский. И Рокоссовский ломает голову. Всё обдумывает операцию. Ездит на левый берег Березины, ездит на правый. Всё чаще и чаще на правый ездит.

Координировал действия наших войск на этом участке фронта представитель Ставки Верховного Главнокомандования Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков. И Жуков над тем же вопросом ломает голову. Ездит на Березину, на левый, на правый берег. Всё чаще на правый ездит. По болотам в раздумье бродит.

Нужно сказать, что тайно ездят они к болотам. Скрывают свои поездки. Ясно одно: не дают им покоя болота.

И вот здесь неожиданно встретились маршал и генералы.

— Здравия желаем, товарищ маршал, — поприветствовали маршала генералы.

— Здравия желаю, товарищи генералы, — ответил Жуков. Глянул на генералов: — Что же вас сюда привело?

— Да так, — пожали плечами Рокоссовский и Батов, — урвалась минута отдыха. Места здесь сказочные.

Ответили генералы и сами к маршалу:

— Чем обязаны вашим присутствием, товарищ маршал?

— Да так, детство чего-то вспомнил, давно не ходил по болотам, — ответил Жуков.

Глянул Жуков на Рокоссовского, на Батова, глянули Батов и Рокоссовский на Жукова — рассмеялись маршал и генералы.

Ясно им, почему они встретились. Ясно каждому, что привело их сюда, в трясины.

— Значит, тревожат болота? — спросил Жуков.

Наступил день начала операции под Бобруйском. Ударил наши войска.

Смотрят фашисты: всё верно, всё по военной науке — с левого с сухого берега Березины ударили русские. Бросили они все силы сюда на отражение нашего удара. Втянулись войска в сражение. И вдруг:

— Русские с юга!

— Как с юга? Там же трясины, болота, топи!

Всё верно. Из болота выходят русские.

Словно лесные призраки, появились из болот советские танки и пушки. Удар был стремительным, неожиданным. Пали Паричи. Части пошли к Бобруйску.

Немало потрудились наши военные инженеры и строительные батальоны. До малейшей тонкости всё рассчитали, всё проверили и перепроверили. Это они проложили здесь гати и настилы, по которым затем прошли советские танки и артиллерия. Это их труд и принёс победу.

«Инженерная операция» — так был назван удар под Паричами.

СВЯТОСТЬ

Солдаты принимали военную присягу. Давали клятву на верность Родине. На верность военной тайне.

— Клянусь! — звучали в тиши слова.

Шла операция «Багратион». Первые дни наступления. 77-й гвардейский стрелковый полк 26-й гвардейской стрелковой дивизии прорывал оборону фашистов севернее города Орши.

Вперёд вырвался танковый десант. Задание: прорваться в тылы к фашистам.

Десант состоял из добровольцев. Много таких собралось. Молодые бойцы, задорные. Среди десантников был и комсомолец рядовой Юрий Смирнов. Разместились десантники на броне, на танках. Тронулись танки. Прорвались в тыл к фашистам. Пробивались с боем, с огнём, в быстрых, как смерч, атаках. В одной из таких стремительных атак, в районе деревни Шалашино, Юрий Смирнов был тяжело ранен. Притащили фашисты Смирнова в штабной блиндаж.

— Жив? Дышит?

— Дышит.

— Из танкового десанта?

— Так точно.

Фашисты стали допрашивать Юрия Смирнова:

— Из какой части?

— Кто командир?

Комсомолец молчал.

— Цель десанта?

— Сколько людей в отряде?

— Количество танков?

Не отвечает, молчит Смирнов.

— Заговоришь, — процедил офицер. Подал сигнал рукой. Набросились на русского солдата фашисты. Избили Смирнова. Потерял он сознание.

— Воды, — скомандовал офицер.

Отлили солдаты водой Смирнова. Пришёл он в чувство. Открыл глаза. Снова пошли вопросы:

— Комсомолец?

Молчит Смирнов.

— Куда направлялись танки?

Молчит Смирнов.

Опять подал офицер сигнал. Снова били. И снова водой отливали. И снова били.

— Говори! — истуканно кричал офицер. — Говори!

Не дрогнул солдат. Молчал.

Тогда фашисты распяли солдата. Прямо здесь, в блиндаже. Прямо здесь, на стене. Вбили в руки и ноги гвозди.

— Говори! Говори! — кричали фашисты.

Ничего не сказал герой. Остался верен военной присяге.

Быстро развивалось советское наступление. Вступили войска в Шалашино. Ворвались солдаты и в бывший фашистский штабной блиндаж. Увидели стену, на ней Смирнова.

Остановились солдаты. Застыли от ужаса и гнева.

Новые жизни идут на смену. Молодая бушует поросль. Пусть же клятвой звучат слова: верность Отчизне — святость! Верность присяге — святость. Верность тайне военной — святость!

Недалеко от того места, где погиб Юрий Смирнов, ныне Герою воздвигнут памятник.

ПАРТИЗАНСКИЙ ПРИГОВОР

Вильгельм фон Кубе был гаулейтором Белоруссии. Он личный здесь представитель Гитлера. Гаулейтор — значит наместник, начальник края.

Много у Кубе различных дел. Приказы, запросы идут из Берлина. Изучает приказы Кубе. Отвечает на все запросы.

Ответил. Начинает дела другие. Сам издаёт приказы, сам

рассылает запросы по всей Белоруссии. Ведь старшим он здесь, в Белоруссии. К подчинённым идут приказы.

Отправил приказы, отправил запросы, приступает к новым делам гаулейтор — утверждает приговоры о смертной казни. Всё больше кругом непокорных. Секют фашисты направо, налево смерть. Кубе больше других старается.

Давно он назван палачом Белоруссии. Давно к нему ненависть по всей Белоруссии.

Утвердил приговоры Кубе, утверждает нормы отправки советских людей в Германию. Всё больше и больше угоняют фашисты советских людей в Германию. Всё больше и больше обижают крестьян фашисты. Грабят они Белоруссию. Грузят в вагоны и хлеб, и масло, и лён, и скот. Увозят к себе в Германию. Кубе и здесь примерен. Сотни и сотни вагонов уходят в Германию.

Масса у Кубе различных дел. С утра и до вечера нет покоя. И только глубокой ночью наступает для Кубе отдых.

Так было и в этот день. Поздний вечер. Закончил Кубе, свернул дела. Принял ванну. Лёг. Приятно телу в тепле, в уюте. Провалился в подушки, как рухнул в пропасть.

Спит гаулейтор Кубе. Мерно бегут минуты. Не скрипнут ни где половицы. Тишина и покой кругом. Во сне улыбнулся чему-то Кубе. Мерно бегут минуты. Одна за одной. Одна за одной. И вдруг — страшный взрыв раздался в кровати под спящим Кубе. Разорвало на мелкие части Кубе.

Незадолго до этого белорусские партизаны судили гаулейтора Кубе своим партизанским судом. Приговорили палача и грабителя к смертной казни.

Уборщицей в доме, в котором жил и работал Кубе, была белорусская женщина Елена Мазаник. Трудилась старательно. Была на хорошем счету у фашистов. Пани Елена называли её фашисты.

Елена Мазаник была партизанкой. Выполняя приказ партизанского штаба, это она, рискуя жизнью, пронесла через фашистскую охрану и положила мину в кровать гаулейтора Кубе.

Не стало на свете Кубе. Узнав о партизанском народном суде, сам Гитлер в Берлине вздрогнул.

БАГРАМЯН

Одним из фронтов, принимавшим участие в операции «Багратион», командовал генерал Иван Христофорович Баграмян.

Созвучными оказались фамилии генерала кутузовских времён и нашего, советского.

Ходят солдаты, играют словами:

— Багра-тион — Багра-мян.

— Багра-мян — Багра-тион.

Приметили солдаты и другие сходства. Оба — генералы. Оба с Кавказа. Оба штурмовые атаки любят.

— Багратион — Баграмян.

— Баграмян — Багратион.

Выполняя замысел операции «Багратион», войска генерала Баграмяна прорывали фашистский фронт севернее города Витебска. Первыми на фашистскую оборону обрушились артиллеристы.

Отстрелялись артиллеристы. Пошла на прорыв пехота. Двинулись танки. Прорвали солдаты фашистскую оборону. Зашагали вперёд войска. Готовят артиллеристы свои орудия к новым боям. Подвозят снаряды. Проверяют прицелы. Вдруг подъезжают к орудиям грузовики. Развернулись.

— По машинам! — прошла команда.

Сели артиллеристы.

— Куда это нас? — гадают.

— К генералу Баграмяну.

Тронулись, покатали грузовики. Привезли артиллеристов туда, где только что проходила полоса фашистской обороны. Отлично поработали артиллеристы. Разбиты фашистские укрепления. Стоит генерал Баграмян, смотрит на поле боя, восторгается:

— Мастера! Мастера! Умельцы! — Повернулся к артиллеристам: — Благодарю за отличные стрельбы. — И тут же героям вручил награды.

Рады почёту солдаты, наградам рады. Одно стремление у артиллеристов — ещё успешнее бить врага.

Прорвали войска генерала Баграмяна фашистскую оборону под Витебском. Пошли стремительно вперёд. В это время по фашистам ударил и соседний фронт. Окружили они совместно фашистов, совместно их уничтожили.

Отлично провёл генерал Баграмян порученную ему операцию. Шутили потом солдаты, вспоминая бои под Витебском:

— В общей стратегической операции «Багратион» была и наша фронтовая операция «Баграмян».

И снова звенят созвучием:

— Багра-тион — Багра-мян!

— Багра-мян — Багра-тион!

И уточняют.

Совпадение. Точное. И в словах и в делах созвучие.

Иван Христофорович Баграмян окончил войну Героем Советского Союза.

А вскоре после завершения Великой Отечественной войны ему было присвоено воинское звание Маршал Советского Союза.

Великими подвигами в борьбе за Родину прославили себя белорусские партизаны. Летом 1944 года в Белоруссии сражались 150 партизанских бригад, 49 отдельных партизанских отрядов.

Белорусские партизаны совершали смелые налёты на фашистские гарнизоны, взрывали фашистские поезда, освобождали от фашистов сёла и даже целые районы. В одном из таких освобождённых районов под городом Лепелем, в Лепельской партизанской зоне, насчитывалось более тысячи населённых пунктов.

Лепель, Лепель — страна отважных.

Боялись фашисты этих суровых мест. Косо смотрят на край, на Лепель. И Лепель, и всю округу стороной, как огонь, обходят.

Стоят здесь колхозы.

Сельсоветы везде работают.

Больницы открыты.

Открыты школы.

Отмечают здесь люди советские праздники:

Великий Октябрь.

День Первого мая.

День Конституции.

Короче — Советская власть здесь кругом под Лепелем.

1944 год. Докатилось и сюда советское наступление. Подходят наши войска под Лепель.

— Встречайте! Вернулись! — кричат солдаты. — Конец фашистам. Несём вам, родные, Советскую власть.

Улыбаются им партизаны:

— Так тут не кончалась Советская власть!

Приглашают солдат в сельсоветы, в колхозы, в больницы, в школы.

Стоят здесь колхозы.

Сельсоветы везде работают.

Больницы открыты.

Открыты школы.

Удивляются солдаты:

— Вот это да! Не кончалась и вправду, выходит, Советская власть.

Был среди наших бойцов один. Не броский, не видный. Обычный, как сотни других, солдат.

— А что? Не кончалась, конечно. Нигде не кончалась! — сказал солдат.

Повернулись другие к солдату этому.

— Как, нигде не кончалась?! Вон сколько фашисты советской земли подмяли. Сколько лежало её в плену.

Посмотрел на солдат боец.

— Землю подмяли. Согласен, верно. А что до власти, так это нет. — Двинул рукой. — Не подмяли, не в силах. Нет власти над этой властью. — Двинул рукой, положил на сердце. — Не подмяли. Тут она, наша власть.

ХАТЫНЬ

Солдат Желобкович шагал со всеми. По белорусской земле, по отчему краю идёт солдат. Всё ближе и ближе к родному дому. Деревня его — Хатынь.

Шагает солдат, к друзьям боевым по роте:

— Не знаешь Хатыни? Хатынь, брат, лесное чудо!

И начинает солдат рассказ. Деревня стоит на поляне, на взгорке. Лес расступился здесь, солнцу дал волю. Мол, тридцать домов в Хатыни. Разбежались дома по поляне. Крошечки скользнули в землю. Дорога метнулась в ели. И там, где дорога прижалась к лесу, где ели упёрлись стволами в небо, на самом бугре, на самом краю Хатыни, он и живёт — Иван Желобкович.

И напротив живёт Желобкович. И слева живёт Желобкович. И справа живёт Желобкович. Их, Желобковичей, в этой Хатыни, как скажут, хоть пруд пруди.

Шёл воин к своей Хатыни.

Дом вспоминал. Тех, кто остался в доме. Жену он оставил. Старуху мать, трёхлетнюю дочь Маришку. Шагает солдат, Маришке несёт подарок — ленту в её косичку, ленту красную, как огонь.

Быстро идут войска. Вскоре увидит воин старуху мать. Обнимет старуху мать. Скажет солдат:

— Пришёл!

Вскоре увидит солдат жену. Расцелует солдат жену. Скажет солдат:

— Пришёл!

На руки возьмёт Маришку. Подбросит солдат Маришку. Скажет и ей:

— Пришёл!

Вынет солдат гостинец:

— На, получай, Маришка!

Шёл воин к своей Хатыни. О друзьях, о соседях думал. Вскоре увидит всех Желобковичей. Увидит Яцкевичей, Рудаков, Мироновичей. Улыбнётся солдат Хатыни. Скажет солдат:

— Пришёл!

Вышли они к Хатыни. Рядом совсем, в километре от этих мест.

Солдат к командиру. Мол, рядом деревня. Вот тут, мол, овражек, за оврагом лесочек. Прошёл лесочек, и вот Хатынь. Выслушал ротный.

— Ну что же, — сказал, — ступай.

Шагает солдат к Хатыни. Вот и овражек. Вот и лесочек. Вот-вот и избы сейчас покажутся. Сейчас он увидит мать. Сейчас он жену обнимет. Маришке вручит подарок. Подбросит Маришку к солнцу.

Прошёл он лесочек. Вышел к поляне. Вышел — и замер. Смотрит, не верит — нет на месте своём Хатыни. На пепелище трубы одни торчат.

Остановился солдат, закричал:

— Где люди?! Где люди?!

Погибли в Хатыни люди. Взрослые, дети, старухи — все.

Явились сюда фашисты.

— Партизаны! — кричат. — Лесные разбойники!

В сарай согнали фашисты жителей. Сожгли всех людей в сарае. Подбежал солдат к отчему дому. Рухнул на пепел. Зарыдал, застонал солдат. Отлетел, выпал из рук гостинец. Затрепетала, забила от ветра лента. Взвилась красным пламенем над землёй.

Хатынь не одна. На белорусской земле фашисты много сожгли деревень, много Хатыней было.

МИШКА

Солдатам одной из сибирских дивизий в те дни, когда дивизия отправлялась на фронт, земляки подарили маленького медвежонка. Освоился Мишка с солдатской теплушкой. Важно поехал на фронт.

Приехал на фронт Топтыгин. Оказался медвежонок на редкость смышлёным. А главное, от рождения характер имел геройский. Не боялся бомбёжек. Не забивался в углы при артиллерийских обстрелах. Лишь недовольно урчал, если разрывались снаряды уж очень близко.

Побывал Мишка на Юго-Западном фронте, затем — в составе войск, которые громили фашистов под Сталинградом. Потом какое-то время находился с войсками в тылу, во фронтовом резерве. Потом попал в составе 303-й стрелковой дивизии на Воронежский фронт, затем на Центральный, опять на Воронежский. Был в армиях генералов Мангарова, Черниховского, вновь Мангарова. Подрос медвежонок за это время. В плечах раздался. Бас прорезался. Стала боярской шуба.

В боях под Харьковом медведь отличился. На переходах шагал он с обозом в хозяйственной колонне. Так было и в этот раз. Шли тяжёлые, кровопролитные бои. Однажды хозяйственная колонна попала под сильный удар фашистов. Окружили фашисты колонну. Силы неравные, туго нашим. Заняли бойцы

оборону. Только слаба оборона. Не уйти бы советским войнам.

Да только вдруг слышат фашисты страшный какой-то рык! «Что бы такое?» — гадают фашисты. Прислушались, присмотрелись.

— Бер! Бер! Медведь! — закричал кто-то.

Верно — поднялся Мишка на задние лапы, зарычал и пошёл на фашистов. Не ожидали фашисты, метнулись в сторону. А наши в этот момент ударили. Вырвались из окружения.

Мишка шагал в героях.

— Его бы к награде, — смеялись солдаты.

Получил он награду: тарелку душистого мёда. Ел и урчал. Вылизал тарелку до глянца, до блеска. Добавили мёда. Снова добавили. Ешь, наедайся, герой. Топтыгин!

Вскоре Воронежский фронт был переименован в 1-й Украинский. Вместе с войсками фронта Мишка пошёл на Днепр.

Вырос Мишка. Совсем великан. Где ж солдатам во время войны возиться с такой громадой. Решили солдаты: в Киев придём — в зоосаде его поселим. На клетке напишем: медведь — заслуженный ветеран и участник великой битвы.

Однако миновала дорога в Киев. Прошла их дивизия стороной. Не остался медведь в зверинце. Даже рады теперь солдаты.

С Украины Мишка попал в Белоруссию. Принимал участие в боях под Бобруйском, затем оказался в армии, которая шла к Беловежской пуще.

Беловежская пуща — рай для зверей и птиц. Лучшее место на всей планете. Решили солдаты: вот где оставим Мишку.

— Верно: под сосны его. Под ели.

— Вот где ему раздолье.

Освободили наши войска район Беловежской пущи. И вот наступил час разлуки. Стоят бойцы и медведь на лесной поляне.

— Прощай, Топтыгин!

— Гуляй на воле!

— Живи, заводи семейство!

Постоял на поляне Мишка. На задние лапы поднялся. Посмотрел на зелёные гущи. Носом запах лесной втянул.

Пошёл он валкой походкой в лес. С лапы на лапу. С лапы на лапу.

Смотрят солдаты вслед:

— Будь счастлив, Михаил Михалыч! — И вдруг страшный взрыв прогремел на поляне. Побежали солдаты на взрыв — мёртв, недвижим Топтыгин.

Наступил медведь на фашистскую мину. Проверили — много их в Беловежской пуще.

Ушла война дальше на запад. Но долго ещё взрывались здесь,

в Беловежской пуще, на минах и кабаны, и красавцы лоси, и великаны зубры.

Шагает война без жалости. Нет у войны усталости.

ДОЛОЖИТЫ

Граница, граница — черта священная. Ворота родной земли. Сколько мечтали о ней солдаты. Представляли в снах, в походах. И вот рядом совсем граница. Завершая операцию «Багратион», подходили солдаты к советской границе.

Спорит солдаты, кто первый к границе выйдет. Чей фронт, дивизия, полк, чья рота. Каждый стремится быстрее к границе. И кто-то ведь будет первым.

Представляют солдаты того, кто первым исполнит великий сыновний долг:

— Будет плечистый!

— Будет высокий!

— Молод, как утро, будет!

— Будут медали висеть на груди у героя!

Двигутся вперёд войска. Всё ближе граница, ближе. И вот впереди граница — священный рубеж страны.

Устремились вперёд солдаты.

— Ура! — победно гремит над полем.

Считают бойцы последние метры. Вдруг видят — рядом бежит солдат. Всмотрелись бойцы — тот самый. Молод, плечист, высок. На груди две медали огнём сверкают.

— Он, — пронеслось по рядам.

— Он — молодой, тот самый!

Несётся солдат вперёд, в атаке, в лихом порыве. Вот тридцать метров осталось, вот двадцать, двенадцать, пять.

Шаг.

Ещё шаг.

Ещё шаг.

Последний победный шаг!

Вышел солдат к границе.

Озарилось улыбкой лицо солдата. Машет рукой другим. Слышат солдаты — кричит солдат:

— Прошу доложить... Прошу доложить... Родине доложить...

Всё громче слова, всё громче. Гроном победным летят над полем:

— Доложить!..

— Доложить!..

— Доложить!..

— Родине доложить — вышел солдат к границе!

Граница, граница — черта священная. Ворота родной земли.

ФАТАЛИСТЫ

Это был необыкновенный марш — марш фашистов по улицам Москвы.

17 июля 1944 года. Идут фашисты. Шагает за рядом ряд.

Идут рядовые.

Идут офицеры.

Идут генералы.

Солнце описало дугу по небу. А они всё идут и идут.

Идут генералы. Мечтали они о Москве. Ещё в 1941 году дали фашистские генералы клятву вступить в Москву. Рухнули тогда мечты генеральские. Битыми были они под Москвой.

— Ничего, ничего, — успокаивали генералы друг друга. — Мы — фаталисты! (Фаталист — это тот, кто упрямо верит в свою судьбу.) Быть нам в Москве. Непременно быть.

Наступило лето 1942 года. Снова успех на стороне фашистов. Подошли к Сталинграду, к берегу Волги.

Торжествуют фашисты:

— Вот он, великий час. Ещё нажим — и наш Сталинград. А за ним и Москва непременно наша.

Не получился у них нажим. Зажали, пленили фашистов тогда у Волги.

— Ничего, ничего, — успокаивают вновь друг друга фашистские генералы. — Мы — фаталисты! Мы — фаталисты! Быть нам с победой. Пройдём по Москве в колоннах.

1943 год. Начали фашисты сражение под Курском.

— Вот он, победы час! Вот он, конец России!

И верно, грянул победы час. Только нашей, советской победы. Вновь разбиты в боях фашисты.

Однако упрямы фашистские генералы. Снова твердит своё:

— Мы — фаталисты! Мы — фаталисты!

Оказались они фаталистами. Свершилось — о чём мечтали. Побывали они в Москве.

1944 год. 17 июля. По улицам Москвы под конвоем советских солдат идут и идут фашисты. Много их — 57 с лишним тысяч. Это только те и только часть тех, кто был пленён советскими войсками во время операции «Багратион». Позорным шагом идут фашисты.

Идут рядовые.

Идут офицеры.

Идут генералы.

Идут час.

Идут два.

Идут три.

Шагают, идут фаталисты. Торжествует кругом Москва.

Гюльчхара и Каюм, Разия и Назир — родные братья и сёстры. Большая у них семья, большая и дружная.

Любит ребята слушать московское радио. Особенно вечером. Особенно в те дни, когда по радио передают сообщения о наших победах, а затем звучат салюты в честь воинов-победителей.

Всё чаще теперь салюты. Гремел он и в тот вечер. В честь освободителей города Львова!

— Львов освободили! Львов освободили! — закричали Гюльчхара и Каюм, Разия и Назир. Помчались быстрее к матери, к бабушке, к бабушке: — Взяли Львов!

Радость в семействе у всех огромная. Под украинским городом Львовом отец Гюльчхары, Каюма, Разии и Назира сражался.

— Ура! — дружно кричат ребята. Слушают радио. В честь отца ведь гремит салют.

Отгремели, отпылали в Москве салюты. Стало московское небо снова обычным небом.

И вдруг новый салют объявлен.

— Даугавпилс освободили! Даугавпилс освободили! — кричат ребята.

Снова в доме радость у всех огромная. Именно там, на берегах Даугавы, за свободу Советской Латвии сражался старший брат Гюльчхары и Каюма, Разии и Назира — отважный боец Хаким.

— Ура! — несутся детские голоса. Слушают радио. В честь брата Хакима салют гремит.

Отгремели, отпылали в выси над Москвой салюты.

Только успокоились ребята. Радость едва пережили. Как вдруг! Что такое? По радио новый салют объявлен. Третий за этот день.

— Станислав освободили! Станислав освободили! — кричат Гюльчхара и Каюм, Разия и Назир. Мчатся снова к матери, к бабушке, к бабушке: — Станислав!

Станислав — это областной город в Западной Украине. Сейчас этот город в честь украинского писателя Ивана Франко называется Ивано-Франковск.

И снова радость у всех огромная. Под Станиславом в армии генерала Андрея Антоновича Гречко сражался родной дядя Гюльчхары и Каюма, Разии и Назира — храбрый танкист Рахмат.

— Ура! — снова кричат ребята. Слушают радио. В честь дяди Рахмата салют над Москвой гремит.

Отпылали, отгремели в Москве салюты.

Расшумелись ребята. Заговорили о танках, о дяде:

— Три салюта — вот это да!

Успокоились дети. И вдруг снова слышат по радио голос: «Говорит Москва...» Притихли ребята, и вот новый салют объявлен. Четвёртый за этот день. Салют в честь освободителей города Шяуляя (Шяуляй — это город в Советской Литве).

— Шяуляй освободили! Шяуляй освободили! — кричат ребята.

И снова в доме радость у всех огромная. Под Шяуляем у Гюльчхары и Каюма, Разии и Назира сражалась родная тётя — отважная медсестра Зульфия.

— Ура! — снова кричат ребята. Слушают радио. Гремит над Москвой салют. Это в честь тётки Зульфии гремит над Москвой салют.

Смолкли салюты.

— Вот это да! Четыре салюта! — сказали Гюльчхара и Каюм.

— Четыре салюта. Вот это да! — Разия и Назир сказали.

Не бывало такого — четыре салюта сразу.

Счастливы дети. Отправились спать. Вот ведь день какой им сегодня выдался. Утомились Гюльчхара и Каюм, Разия и Назир. Легли. Глаза закрыли. В момент уснули.

А утром узнали — был пятый ещё салют. Сожалели ребята, что этот салют проспали. Конечно, жалко. Не повторилось такого больше — чтобы в день и сразу бы пять салютов. Было это 27 июля 1944 года. Вот ведь какой сверхпобедный день.

ЖАЛО

Наши войска освобождали Молдавию. Оттеснили фашистов за Днепр, за Реут. Взяли Флорешты, Тирасполь, Оргеев. Подошли к столице Молдавии городу Кишинёву.

Тут наступали сразу два наших фронта — 2-й Украинский и 3-й Украинский. Под Кишинёвом советские войска должны были окружить большую фашистскую группировку. Выполняют фронты указания Ставки. Севернее и западнее Кишинёва наступают 2-й Украинский фронт. Восточнее и южнее — 3-й Украинский фронт. Генералы Малиновский и Толбухин стояли во главе фронтов.

— Фёдор Иванович, — звонит генерал Малиновский генералу Толбухину, — как развивается наступление?

— Всё идёт по плану, Родион Яковлевич, — отвечает генералу Малиновскому генерал Толбухин.

Шагают вперёд войска. Обходят они противника. Сжимать начинают клещи.

— Родион Яковлевич, — звонит генерал Толбухин генералу Малиновскому, — как развивается окружение?

— Нормально идёт окружение, Фёдор Иванович, — отвечает генерал Малиновский генералу Толбухину и уточняет: — Точно по плану, в точные сроки.

И вот сомкнулись гигантские клещи. В огромном мешке под Кишинёвом оказалось восемнадцать фашистских дивизий. Приступили наши войска к разгрому попавших в мешок фашистов.

Довольны советские солдаты:

— Снова капканом прихлопнут зверь.

Пошли разговоры — не страшен теперь фашист, бери хоть руками голыми.

Однако солдат Игошин другого держался мнения:

— Фашист есть фашист. Змеинный характер и есть змеинный. Волк и в капкане — волк.

Смеются солдаты.

— Так это было в какое время.

— Нынче другая цена фашисту.

— Фашист есть фашист, — опять о своём Игошин.

Вот ведь характер вредный!

Всё труднее в мешке фашистам. Стали они сдаваться в плен. Сдавались они и на участке 68-й гвардейской стрелковой дивизии. В одном из её батальонов и служил Игошин.

Группа фашистов вышла из леса. Всё как положено: руки вверх, над группой выброшен белый флаг.

— Ясно — идут сдаваться.

Оживились солдаты, кричат фашистам:

— Просим, просим. Давно пора.

Повернулись солдаты к Игошину:

— Ну чем же фашист твой страшен?

Толпятся солдаты, на фашистов, идущих сдаваться, смотрят. Есть новички в батальоне. Впервые фашистов так близко видят. И им, новичкам, тоже совсем не страшны фашисты — вот ведь, идут сдаваться.

Всё ближе фашисты, ближе. Близко совсем. И вдруг автоматная грянула очередь. Стали стрелять фашисты.

Полегло бы немало наших. Да спасибо Игошину. Держал оружие наготове. Сразу ответный открыл огонь. Потом помогли другие.

Отгремела пальба на поле. Подошли солдаты к Игошину:

— Спасибо, брат. А фашист, смотри, со змеинным и вправду, выходит, жалом.

Немало хлопот доставил Кишинёвский «котёл», нашим солдатам. Метались фашисты. Бросались в разные стороны. Шли на обман, на подлость. Пытались уйти. Но тщетно. Зажали их богатырской рукой солдаты. Зажали. Сдавали. Змеинное жало вырвали.

Советские войска продвигались в Прибалтику. Три года находились Советская Латвия, Литва и Эстония под игом фашистов. Летом 1944 года началось освобождение Прибалтийских республик. Особенно упорные бои развернулись на территории Латвии при форсировании реки Айвиексте. Тут сражался и 130-й стрелковый корпус.

Один из боёв разгорелся у селения Визталва. Шла артиллерийская перестрелка. Советские пушки били точно. Снаряды взрывались прямо в фашистских окопах, громили фашистские батареи, накрывали фашистские танки.

Передвинули фашисты танки и пушки, сменили позиции. Прошла минута, вторая. И снова здесь рвутся советские снаряды, снова точно ложатся в цель.

Ясно фашистам: кто-то корректирует, то есть направляет, огонь советских артиллеристов. Видимо, где-то укрылся наблюдатель. Он и наводит огонь на цели.

В селении Визталва стояла церковь. Высоко в небо поднялась её колокольня. Церковь находилась на «ничейной» территории, как раз посередине между нашими и фашистскими окопами. К ней-то и пробрался незаметно старшина из 123-го гвардейского полка 43-й гвардейской латышской дивизии Ян Розе. Поднялся на колокольню. Хорошо с высоты, с колокольни, видно. Отсюда Розе по радио и подавал сигналы нашим артиллеристам.

Заподозрили фашисты, что на колокольне находится советский корректировщик, открыли огонь по церкви.

Сидят наши бойцы в окопах, следят за огнём фашистов.

— Выкурят они его, — сказал кто-то из наших бойцов.

— Ну это ещё посмотрим, — кто-то второй ответил. — Тут кто кого — это ещё вопрос. Нужно знать нашего Яна...

И верно. Хитро поступал Розе. Начнут фашисты артиллерийский обстрел колокольни — спускается вниз с колокольни на землю. Закончат фашисты обстрел — вновь поднимается на колокольню.

Снова обстрел — снова спешит на землю. Отстрелялись фашисты — опять там, на высоте, с передатчиком в руках Ян Розе. Пять дней длился бой под селением Визталва. Пять дней и ночей не покидал свой пост отважный старшина.

Отступили фашисты на пятый день.

— Ну, кто кого выкурил? — пошли голоса.

— Ян! Ян! — усмехались бойцы. — Ян Розе. Стрелки латышские.

Многие бойцы 43-й гвардейской латышской дивизии были награждены орденами за бои у реки Айвиексте. Награждён был и Ян Розе. Орденом Славы. Не первый раз отличился в бою Ян

Розе. Это был не первый, а третий его орден Славы. Три ордена Славы — предел. Больше у одного человека их не бывает. Орден Славы имеет три степени: третью, вторую и первую. Ян Розе был награждён орденами всех трёх степеней, то есть стал полным кавалером этого почётного солдатского ордена.

Бои за Советскую Прибалтику длились до глубокой осени.

22 сентября 1944 года Красное Знамя взвилось над столицей Советской Эстонии городом Таллином. 13 октября советские войска освободили столицу Советской Латвии город Ригу. А ещё раньше, 13 июля, во время операции «Багратион» был освобождён

город Вильнюс — столица Советской Литовской Республики.

Почти над всей территорией Советской Прибалтики теперь реяло Знамя свободы.

МОРЕ СПРАВА, ГОРЫ СЛЕВА

Крайний советский Север. Кольский полуостров. Баренцево море. Полярный круг. И тут, за Полярным кругом, идут бои. Бьётся Карельский фронт.

Если стать здесь лицом на запад — слева горы, справа море. Там дальше, за линией фронта, лежит государство Норвегия. Захватили фашисты страну Норвегию.

В 1941 году фашисты ворвались в Советское Заполярье. Они пытались захватить город Мурманск — наш самый северный морской порт.

Не пропустили фашистов к Мурманску наши войска. Мурманск не только самый северный порт, это незамерзающий порт на Севере. Круглый год, и летом и зимой, могут сюда приходить корабли. Через Мурманск морем поступали к нам важные военные грузы. Вот почему для фашистов так важен Мурманск. Рвались фашисты, но не прорвались. Удержали наши герои Мурманск. И вот теперь настало время и здесь разгромить фашистов.

Места тут для боя на редкость сложные. Горы. Утёсы. Скалы. Море вечно стучит о берег. Ветер сбивает с ног. По горным обрывам и тропам разве только олень пройдёт.

Стояла осень. Был октябрь месяц. Вот-вот — и наступит длинная полярная ночь.

Готовясь к разгрому врагов на Севере, командующий Карельским фронтом генерал армии Кирилл Афанасьевич Мерецков обратился в Ставку Верховного Главнокомандования в Москву с просьбой выделить для фронта тяжёлые танки КВ. Броня у них толстая, прочная, мощное вооружение. КВ — хорошие грозные танки. Однако к этому времени они устарели.

Просит генерал Мерецков в Ставке КВ, а ему говорят:

— Зачем же КВ. Мы вам выделим более совершенные.

— Нет, прошу КВ, — говорит Мерецков.

Удивились в Ставке:

— Да зачем же КВ на Севере? Там во многих местах лишь олень пройдёт.

— Где олень пройдёт, там пройдут и советские танки, — отвечает Мерецков. — Прощу КВ.

— Ну что ж, смотрите — ведь вы же командующий!

Получил фронт эти танки.

Фашисты на Крайний Север не завозили танков.

«Горы, утёсы, скалы. Где здесь возиться с тяжёлыми танками», — рассуждали они.

И вдруг появились советские танки, к тому же и КВ.

— Танки?! — недоумевали фашисты. — КВ? Что такое! Как? Почему? Откуда?! Тут ведь только олень пройдёт!

Двинулись на фашистов советские танки.

7 октября 1944 года наступление советских войск на Крайнем Севере началось. Быстро прорвали наши войска фашистскую оборону. Прорвали, пошли вперёд.

Конечно, не только танки здесь главную роль сыграли. Атака шла с суши. Атака шла с моря. Слева — пехота, справа действовал Северный фронт. С воздуха били советские лётчики. В общем ряду здесь сражались и моряки, и пехотинцы, и танкисты, и авиаторы. Общей была победа. Освобождён от фашистов Советский Север.

Шагает, шагает, шагает время. Не в пользу фашистов часы считают. Боями за освобождение Советского Заполярья завершился год 1944-й — боевой и решающий. Приближался 1945-й — победный год.

РАССКАЗЫ О БЕРЛИНСКОМ СРАЖЕНИИ, ШТУРМЕ БЕРЛИНА И ПОЛНОЙ НАШЕЙ ПОБЕДЕ

МОСКВА.

СТАВКА ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО

1 апреля 1945 года в Ставку Верховного Главнокомандующего были вызваны Маршалы Советского Союза Г. К. Жуков и И. С. Конев. Оба они командовали в то время фронтами, которые ближе других подошли к Берлину.

Просторный кабинет. Большой зал. За столом члены Государственного Комитета Оборона и Верховный Главнокомандующий товарищ Сталин.

Посмотрел Сталин на Жукова, на Конева:

— Садитесь, товарищи. Вопрос о Берлине.

И тут же товарищ Сталин стал задавать маршалам вопрос за вопросом. В каком состоянии войска? Степень их готовности к большим сражениям? Сколько дней понадобится для их окончательной подготовки? Что нужно для успеха в боях за взятие Берлина? Когда можно начать Берлинскую операцию? В какие сроки закончить: можно ли за 12—15 дней? Как настроение самих командующих?

— Ваше мнение, товарищ Конев? — спросил товарищ Сталин.

— Войска 1-го Украинского фронта, — ответил Конев, он как раз командовал этим фронтом, — готовы в ближайшие дни произвести всю необходимую подготовку, готовы к штурму обороны противника на Берлинском направлении. В нужные сроки, товарищ Сталин, уложимся.

— Ваше мнение, товарищ Жуков, — повернулся Сталин к маршалу Жукову.

— К штурму готовы, товарищ Сталин, — ответил Жуков.

На этом заседании маршалам Жукову и Коневу было поручено внести свои добавления и замечания к плану Берлинской операции и через день снова доложить Ставке.

Прошёл день, и вот маршалы снова в кабинете у товарища Сталина.

— Слушаю вас, товарищи.

Доложили маршалы свои соображения. Ставка рассмотрела и утвердила план наступления на Берлин.

Вот этот план.

Прорыв фашистской обороны на Берлинском направлении осуществляют три фронта: 1-й Белорусский, им командует маршал Жуков, 1-й Украинский во главе с маршалом Коневым, 2-й Белорусский под командованием маршала Рокоссовского.

Основной прорыв на Берлин производят войска маршала Жукова. Армии маршала Конева действуют южнее 1-го Белорусского фронта. Войска маршала Рокоссовского — севернее.

— Ну как, всё ясно? — спросил у маршалов товарищ Сталин.

— Всё ясно, товарищ Сталин, — ответили маршалы.

— Вот и отлично. Вот и всё, товарищи. Желаю успехов, — сказал Верховный Главнокомандующий.

НОЧЬ.

ТРИ ЧАСА ПО БЕРЛИНСКОМУ ВРЕМЕНИ

16 апреля. Ночь. Три часа по берлинскому времени. Неожиданно мощный огненный шквал обрушился на фашистскую оборону. Это 1-й Белорусский фронт под командованием маршала Жукова начал прорыв на Берлин.

Укрылось, прижалось к земле всё живое. Молчит, не отвечает фашистская артиллерия. Да и где тут ответить, тут голову трудно поднять, рукой, ногой, даже пальцем и то шевельнуть опасно.

Прижался вместе со всеми к земле и солдат Рушке. Лежит гадает.

Что такое? Ночь. Три часа по берлинскому времени. И вдруг артиллерийский обстрел. Будет прорыв?! Но какой же прорыв ночью? Как идти в темноте в атаку? Как справятся танки? Они-то и днём почти ничего не видят. Как будет стрелять полевая артиллерия? А как в атаку пойдут солдаты? Как?

Силится, но не в состоянии ничего понять Рушке. Может быть, русские так — попугать решили. Может, спутали просто время.

Ничего не могут понять и другие. В недоумении генералы. А артиллерия бьёт и бьёт. Загадочное что-то затеяли русские. 30 минут длился ураганный, испепеляющий всё огонь. Но вот так же неожиданно как он начался, так и оборвался огненный шквал. Замерло всё. Затихло. Тишина над позициями.

Высунулись из-за своих укрытий уцелевшие фашистские солдаты. Высунулись офицеры. Высунулись генералы. Смотрят.

Что случилось, поначалу никто не понял. В глаза фашистам вдруг ударили, брызнули, ослепили десятки невиданных солнц.

Закрыли глаза фашисты. Что такое?! Снова открыли. Светло впереди, как днём. «Что такое?» — в недоумении Рушке. Свет шёл, жёг, пепелил глаза. Забегали страшные тени. «Что же случилось?» — гадает Рушке.

Так и не понял солдат. Не узнал. Ударил в этот момент снаряд. Не осталось даже пятна от Рушке.

Сообразили наконец фашисты — так это же прожекторы!

Да, это были мощные советские прожекторы. На многие километры протянулись они вдоль линии фронта. И вот теперь, вспыхнув все разом, ночь превратили в день.

Слепит неприятеля свет, бьёт фашистам в глаза.

Помогает свет нашим войскам. Освещает дорогу танкистам, помогает артиллеристам, пехотинцам и всем другим.

В растерянности фашисты. Да, не бывало ещё такого!

Катится на них несокрушимо победный вал.

А в воздухе уже поднялись, уже гудят советские самолёты. Довершают они удар. Невиданной силы удар! Невиданной дерзости.

ДЫМЫ

Прорывают войска 1-го Белорусского фронта под командованием маршала Жукова фашистский фронт.

И в это время чуть южнее прорывают фашистскую оборону войска 1-го Украинского фронта, которым командует маршал Конев.

Но если войска Жукова прорывали фронт ночью, ослепив фашистов светом прожекторов, то у маршала Конева всё обстоит иначе, и даже наоборот.

Здесь линия фронта проходит по реке Нейсе. Чтобы прорвать гитлеровскую оборону, надо перейти Нейсу. Надо её форсировать. Реку в минуту не перейдёшь. Необходимо навести переправы, мосты. Дело это сложное, небystрое. Незаметно для противника не создашь переправы. Поэтому не свет тут нужен, а нужна темнота.

— Есть темнота, — доложили маршалу лётчики.

— Есть темнота, — доложили инженерные части.

Поднялись в небо советские самолёты. Вышли к берегу Нейсы инженерные роты. Поставили они над Нейсой дымовую завесу. Укрыли дымом и Нейсу и наш и неприятельский берег. Ясно фашистам — готовятся русские к наступлению. Но где, в каком месте? Когда?

Фронт перед войсками маршала Конева широкий — 390 километров. Вот и гадай, в каком месте начнётся прорыв, где наводят мосты, куда подгоняют плоты и лодки.

Заметались фашисты. В напряжении гитлеровские генералы.

Разослали вдоль всего фронта посыльных. Торопят с донесениями.

Звонят они на первый участок:

— Что там у вас?

Отвечают с участка:

— Дым и дым кругом.

Звонят на другой участок фронта:

— Что там у вас? Как противник? Что видно?

— Ничего не видно. Кругом дымы.

Соединяются с третьим участком:

— Как обстановка? Как ведут себя русские? Доложите, что видите.

— Видим дымы.

— Дымы,— доложили с четвёртого участка.

— Дымы,— доложили с пятого.

«Дымы, дымы, дымы...» — идут сообщения с шестого, седьмого... десятого.

Погода тихая, безветренная. Воздух почти не движется. Дым не колыхнется. Висят над Нейсой дымы, укрывают советские части.

Мечутся фашистские генералы, гадают, в каком же месте советские войска начнут атаку, где наводят они переправы, откуда ждать появления русских. Где сосредоточить главные силы. Будь вы прокляты, эти дымы!

Подготовились советские части к прорыву. Но прежде и здесь началась мощная артиллерийская атака. Час сорок минут стреляли, не умолкая, пушки. Затем войска бросились форсировать Нейсу. Затем снова сорок пять минут содрогалась земля от выстрелов. Это была помощь тем, кто уже переправился на западный берег Нейсы.

Помогли дымы. Только в месте главного прорыва наши войска навели 133 переправы.

Рванулись советские войска вперёд. У фашистов было три полосы обороны.

Не устояла первая полоса — рухнула.

Не устояла вторая полоса обороны — пала.

Прорвали войска маршала Конева третью оборонительную полосу.

Позади фашистская оборона. Прошлывают дымы над Нейсой.

ПОД ШТЕТТИНОМ

Войска маршала Рокоссовского — 2-й Белорусский фронт — не должны были идти на Берлин. Они лишь помогали армиям Жукова, прикрывали их правый фланг. Главная задача Ро-

коссовского — нанести удар по фашистам севернее Берлина и идти дальше на запад навстречу наступающим с запада американцам и англичанам.

У каждого из советских маршалов был свой план наступления. Маршал Жуков начал прорыв ночью, ослепив противника светом прожекторов. Маршал Конев, наоборот, приказал поставить дымовую завесу.

Был свой план и у маршала Рокоссовского. Стал он сосредоточивать войска у города Штеттина. Двигутся сюда дивизии.

Зорко следят за тем, что делается в наших войсках, фашисты. Ведут разведку.

Идут к Штеттину колонны советских войск. Видят — в небе появился фашистский самолёт-разведчик. Хороший разведчик у фашистов. И с виду он необычный — два фюзеляжа у самолета. Когда смотришь с земли, кажется, летит в воздухе рама. «Рама» — так и называли фашистский самолёт-разведчик наши бойцы.

Закружила над советскими войсками «рама». Высматривает, засекает, куда движутся войска, фотографирует.

— Что же нет истребителей? — заволновались солдаты.

Но вот появились в небе три советских истребителя. Довольны солдаты. Попалась «рама». Будут ценки сейчас от «рамы». Но что такое? Проходят истребители мимо.

— Эх вы, слепые, горе-соколы! — кричат солдаты. — Да вот же она, вот же, левее от вас!

Не видят «раму» советские истребители. Прошли стороной, скрылись за горизонтом.

Двигалась вместе с советскими войсками зенитная установка. Развернули солдаты пушку, решили сами покончить с «рамой». Только развернули, только прицелились, подъехал генерал.

— Отставить! — скомандовал генерал.

Поражаются зенитчики и солдаты.

Вскоре появилась вторая «рама». Вновь приготовили зенитчики пушку, и снова команда:

— Отставить!

«Что такое?» — разводят руками солдаты.

Докладывают фашистские разведчики гитлеровским генералам:

— К Штеттину движутся советские войска.

Хорошо действуют фашистские разведчики. Не только докладывают, что движутся советские войска, но и уточняют, сколько их и какие части идут:

— Три танковых корпуса.

— Две общевойсковые армии.

— Очень много переправочных средств. (Рядом со Штеттином протекает широкая река Одер.)

Всё ясно фашистским генералам. Вот где маршал Рокоссовский начнёт прорыв — тут на Одере, возле Штеттина.

Собрали фашистские генералы поспешно с других участков фронта сюда войска. Приготовились. Ждут удара маршала Рокоссовского.

И Рокоссовский ударил. Только не тут. Не у Штеттина. А намного южнее Штеттина, там, где вовсе его не ждали.

Движение же войск под Штеттин — это был всего-навсего обманный манёвр.

Прорвали войска 2-го Белорусского фронта оборону фашистов. Стремительным шагом пошли вперёд.

ЗЕЕЛОВСКИЕ ВЫСОТЫ

Прошли при свете мощных советских прожекторов войска маршала Жукова первую оборонительную полосу противника. Поднялись перед ними Зееловские высоты.

Зееловские высоты — укреплённый район на пути к Берлину. Местность здесь возвышенная, всхолмлённая, удобная для обороны. С той стороны, откуда наступают советские войска, у высот крутые скаты. Они изрезаны траншеями и окопами. Перед ними глубокий противотанковый ров. Кругом минные поля и огневые точки противника. Зееловские высоты — вторая полоса гитлеровской обороны.

Бросилась советская пехота на штурм высот. Не осилила обороны противника. Рванулись в атаку танки. Не смогли прорваться на новый рубеж. Целый день до глубокой ночи и даже ночью атаковали советские части Зееловские высоты. Крепко их держат враги. Безуспешны наши атаки. День не принёс удачи. Не сломила фашистов ночь.

«Замком Берлина» называли фашисты Зееловские высоты. Крепко держат здесь оборону. Понимают — тут, на этих высотах, решается судьба Берлина.

Атакуют советские части фашистов. В разгар сражения над атакующими войсками появился советский самолёт. Самолёт как самолёт. Не обратили бы солдаты на него особого внимания. Только вдруг стал самолёт кружить над нашими частями. Покружил, покружил, помахал крылом, затем от него что-то отделилось. Тут же раскрылся парашют. Видят солдаты — что-то спускается. Что — не поймёшь. Ясно одно — не человек.

Спустился парашют ниже. Видят солдаты: на стропах — ключ.

Ключ огромный, старинный. Опустился парашют на землю. Подбежали солдаты. Видят, к ключу прикреплена дощечка. На дощечке слова написаны. Читают солдаты: «Гвардейцы-

друзья, к победе — вперёд! Шлём вам ключ от берлинских ворот!»

— Вот это да!

— Эко ж придумали!

Толпятся солдаты вокруг ключа, каждому глянуть хочется. Оказалось, что этот ключ сделали и послали своим друзьям-пехотинцам советские лётчики.

Ключ был точь-в-точь такой, каким овладели русские войска в 1760 году, когда они уже однажды брали город Берлин.

Понравилась солдатам выдумка лётчиков. Поняли пехотинцы намёк авиаторов.

— Ну, если есть ключ, разомкнём и замок!

Действительно, на следующий день советские войска овладели Зееловскими высотами.

А ещё через день армии маршала Жукова прорвали третью, последнюю оборонительную полосу фашистов.

Впереди за лесами лежал Берлин.

Берлин был рядом. Тем злее фашисты вели бои.

«ОХРАНА ФЮРЕРА»

Прорвав оборону фашистов на реке Нейсе, войска маршала Конева начали сокрушительный марш на Берлин. Вперёд рвались танки.

«До Берлина 100 километров», — читали советские танкисты путевые указатели утром.

— Осталось 75, — говорили они днём.

Затем замелькало: 60, 55, 50...

И вдруг танки неожиданно свернули на юг от Берлина. У танкистов словно что-то внутри оборвалось: «Неужели обойдём стороной?»

— Да, обойдём, — понимают танкисты.

Отходят танки от Берлина всё дальше и дальше.

— Не повезло!

До вечера, до темноты отходили танки.

— Э-эх, прощай Берлин!

И вдруг!

— Стой! Поворот на север, — прошла команда.

Оказалось, что отход танков на юг от Берлина был всего лишь военный манёвр. Нужно было обмануть фашистов, заставить их думать, что танки движутся совсем в другом направлении. Так и решили фашисты.

В темноте, с потушенными огнями танки развернулись на север.

Как вихрь понеслись они вперёд, туда, где за дальними

перелесками и набухшими от весенней воды ручьями находился фашистский Берлин.

Ушли вперёд танковые армии, а в тылу у советских войск под городом Ширембергом ещё оставались фашисты. Они нажимали на правый фланг войск маршала Конева, были хорошо вооружены и представляли большую угрозу. Здесь в числе других против нас сражалась и танковая дивизия «Охрана фюрера».

Дивизия «Охрана фюрера» была одной из лучших в фашистской Германии. Уже встречались войска маршала Конева с этой дивизией. Было это в первый день прорыва фашистской обороны на реке Нейсе. Немало тогда хлопот доставила нашим войскам эта дивизия.

И вот новая встреча.

Фашистов надо было окружить и уничтожить. И снова в боях солдаты. Сражаются, а сами: «Как там «Охрана фюрера»?»

Бьются солдаты: «Как там «Охрана фюрера»?»

Добились наши войска успеха. Окружили они фашистов. Окружили, зажали в стальное кольцо. Не уйти из кольца фашистам.

Командовал разгромом фашистской группировки генерал Лебедев.

— Ну, как «Охрана фюрера»? — поинтересовался после сражения маршал Конев.

— Уничтожена, товарищ маршал! — отпарировал Лебедев.

— Ну что ж, — сказал Конев, — раз уничтожена охрана фюрера, значит, дело теперь за самим фюрером.

НА БЕРЛИН ИДУТ МАШИНЫ

Он стоял на перекрёстке — русский труженик солдат. На Берлин идут машины. У бойца в руках флажок. Взмах флажком:

— Сюда машины!

На Берлин идут машины, танки справа, пушки слева, пушки справа, танки слева. Час идут, второй и третий. Не предвидится конца.

Он стоял на перекрёстке. Он смотрел на эту силу. И былое шло на память. Год за годом. Шаг за шагом.

Вот он первый — сорок первый. Год-страдалец. Год-герой. Сколько отдано земель. Сколько отдано друзей. Сколько слёз страной пролито. Но и в этот первый год не терял боец надежды. Верил он тогда в победу — быть победе над фашизмом. А сейчас стоит и смотрит: неужели под Берлином?!

Смотрит он, солдат Перфильев. Верит в это и не верит. Под Берлином! Под Берлином! Мощь идёт. Гудят машины. Сотрясается земля.

Год за годом. Шаг за шагом. Сколько горя позади. Гнули, гнули пас фашисты. Всё, казалось, шаг — и всё. Но в минуты те крутые у Москвы, у Сталинграда не терял солдат надежды. Верил он тогда в победу — быть победе над фашизмом.

А сейчас стоит и смотрит. Неужели под Берлином?! Смотрит он, солдат Перфильев. Верит в это и не верит. Под Берлином! Под Берлином! Шаг один, и ты в Берлине!

Год за годом. Шаг за шагом. Устояли наши в битвах. Вся страна ковала силу. Фронтом был и фронт и тыл. Вся страна ковала силу, и настал момент счастливый — дрогнул враг. И перед силой затрещала, сникла сила.

Отшагало время сроки, отсчитало рубежи. И Перфильев под Берлином.

Вот стоит на перекрёстке русский труженик солдат. Взмах флажком:

— Сюда машины!

На Берлин идут машины. Пушки слева, танки справа. Слева танки, пушки справа. День и ночь шагает сила. Мощь идёт. Под весом этим содрогается планета. Мощь идёт. Под весом этим прогибается земля.

ХОФАКЕР

Городок их стоял на восток от Берлина. Был он маленький-маленький. Словно игрушечный. Городок с нёготок. Городок-горошина.

Прожил старик Хофакер здесь семьдесят лет. Песчинку любую знает.

Наступают с востока русские. Понимает старик Хофакер: не устоит перед русскими город. Если дунуть на этот город — кажется, он развалится.

И вдруг прибегают к Хофакеру внуки:

— Крепость! Крепость!

— Что такое? — не понял Хофакер.

— Наш город — крепость! — кричат мальчишки.

Пришли соседи и тоже про крепость ему сказали. Пришёл бургомистр, то есть старший над городом, и тоже сказал про крепость.

— Какая же крепость? — моргает старик глазами. Прожил здесь Хофакер семьдесят лет. Любую песчинку знает.

Развёл бургомистр руками:

— Крепость, Хофакер, крепость! — Крикнул: — Хайль Гитлер! Фюреру лучше знать.

Да, таков был приказ фашистов. Все города, которые находились на восток от Берлина, объявили они крепостями. Был строгий приказ: советским войскам не сдаваться. Сражаться всем до последнего и старикам и детям.

Приказ есть приказ. Стали готовиться жители к защите родного города. Пришли к Хофакеру. Забирают в солдаты внуков.

И вдруг Хофакер:

- Не дам я внуков.
- Да что ты, старый! Приказ же фюрера!
- Не дам! — уперся старик Хофакер.

Погибли все на войне у Хофакера. Было три сына. Было три зятя. Было, теперь не стало. Весь род как метлой смело. Остались одни лишь внуки.

— Не дам! — прокричал Хофакер.

Оказался старик упрямым. Рядом с городом — русские. Вывесил белый флаг. Посмотрели другие. Прав Хофакер. Зачем же всем погибать напрасно! Появились белые флаги и на других домах.

Узнали фашисты. Примчались в город. Убили Хофакера. Худо пришлось бы жителям. Да тут подошли советские части. Бежали фашисты.

В Анкламе, в Грейфсвальде, в Фрейбурге, в целом ряде других городов Германии поднялись тогда горожане. Воспротивились приказам они фашистов. Спасли города от гибели.

Погиб Хофакер, а внуки остались. Сохранился их давний род. Выросли внуки. И ныне живут в Германии. В свободной, в демократической, в современной Германии, в стране, которая называется ГДР.

ИЗ АНГЛИИ? ИЗ АМЕРИКИ?

Двигутся и движутся советские войска. Бесконечным потоком шагает техника. С удивлением смотрят немецкие жители на это железное шествие.

Разные ложные слухи распускали о нас фашисты. Внушили они немецким гражданам, что у Советской Армии нет хорошего вооружения. А если что и есть, то всё это либо из Америки, либо из Англии.

Идут и идут войска. Наиболее смелые и любопытные немцы подходят к советским бойцам, задают им вопросы.

Как раз проходили танки.

Подходят жители, спрашивают:

- Из Америки?
- Что-что? — поразились танкисты.
- Из Америки? — переспросили жители.
- Нет, — отвечают танкисты.
- Из Англии?

Рассмеялись танкисты:

— Да нет же. Из Советского Союза. — И уточняют: — С Урала.

Поражаются жители. Косо, недоверчиво на советских солдат смотрят.

Прошли танки, движется артиллерия. Смотрят жители на грозные пушки, обращаются к артиллеристам:

- Американские?
- Что-что? — не понимают артиллеристы.

— Американские? — повторяют жители.
 — Нет, — отвечают артиллеристы.
 — Английские? — спрашивают жители.
 — Нет, — отвечают артиллеристы.
 — Из Австралии, из Канады?
 — Да нет же, — отвечают артиллеристы. — Наши, советские пушки.

Отличные пушки имела Советская Армия. И грозные, стрелявшие на много километров. И противотанковые, и зенитные. И наконец, знаменитые «катюши». Много оружия нужно армии. Много первоклассных танков и много пушек. Создали советские люди такое оружие.

Двигутся войска, продвигается техника. А в небе эскадрилья за эскадрилей идут самолёты. Запрокинули немцы головы, смотрят на эту небесную мощь. Обращаются к советским солдатам:

— Американские?
 — Что-что? — не поняли солдаты.
 — Самолёты из Америки? — переспросили немцы.
 — Нет, — рассмеялись солдаты.
 — Из Англии?
 — Нет, — отвечают солдаты.
 — Из Австралии, из Канады?
 — Да нет же, — отвечают солдаты.
 — Из... из... — соображают немцы, какую бы ещё назвать страну.

— Да нет же, — смеются солдаты. — Это наши, советские самолёты.

Отличной в годы войны стала советская авиация. Намного лучше она фашистской. Много заводов построили советские люди. Много новых машин придумали советские авиаконструкторы. Нет недостатка советским асам в первоклассной советской воздушной технике.

Смотрят жители немецких городов на летящие самолёты, на пушки, на танки. Поражаются жители:

— Русские!
 Поправляют солдаты:
 — Наши, советские!

В Берлинской операции мы намного превосходили фашистов силой своего вооружения. Уступали, не могли фашисты тягаться с нами.

Произошло это под городом Фюрстенвальде, недалеко от Берлина.

Места здесь красивые. Лес. Равнина. Лес слева. Лес справа. Широкое поле между.

Укрывшись на обочине леса, советские батареи вели огонь. Уходили снаряды в небо. Возвращались из леса эхом.

Вообще здесь большие велись бои. У крайней пушки был старшим сержант Сорокин. Глянул Сорокин, что там такое. Вышло из леса оленьё стадо. Вожак во главе. Богатырь. Красавец. Развесил рога, как ветви.

Остановились олени. Ясно: хотят перейти через поле. То ли к водою их вёл вожак, то ли спугнула война оленей. Застыли звери.

— Да ступайте! — кричит им Сорокин.
 Стоят. Не решаются. Посмотрел командир орудия на солдат.
 — Стой! — закричал заряжающему. — Отставить!
 Прекратило огонь орудие.
 Рядом с этой вторая стояла пушка. Слышат слева — не выстрелила пушка справа. Что такое? Видят — олени.
 — Стой! — дал команду командир и этого орудия. — Отставить огонь!

Замолчало орудие.
 Левее этой стояла третья пушка.
 Видят артиллеристы на этой пушке — сосед не стрелял. Что же такое? Повернулись. Видят — стоят олени.

Ясно солдатам, почему не стреляла пушка. Здесь тоже дана команда. Замолчала и эта пушка.

Четыре орудия на батарее. Следом за третьей замолчала и четвёртая пушка.

Прекратила огонь батарея. Смотрят солдаты на стадо. Стояло, стояло стадо. Тряхнул головой вожак. Двинулось стадо.

— Пошли! Пошли! — закричали солдаты.
 Ступает стадо. Идёт вожак. Голову держит, как царь в короне.

Левее первой батареи стояла вторая батарея. И на той батарее четыре орудия.

Увидели на второй батарее, что на первой прекратили огонь, увидели и оленьё стадо.

— Прекратить огонь! — прошла команда по батарее.
 Замолчали орудия. Прекратила огонь батарея.
 Левее второй батареи стояла третья. И на этой оленей видят. И тут команда — не стрелять!

Стихла канонада над лесом, над полем. Идут, как в строю олени.

Стихла стрельба из орудий. Вдруг телефон затрещал на батареях. Звонили с командного пункта.

— Что там такое? Почему прекращён огонь?!

Отвечают:

— Стадо.

— Какое стадо?

— Олени.

— Что олени?

— Идут через поле.

— Олени? Да ну! Красавцы?

— Красавцы!

— Понятно, — ответил голос.

Пересекло поле оленьё стадо. Скрылись в лесу олени.

РАЗРЕШИТЕ ДОЛОЖИТЬ

Много армий шло на Берлин: 3-я гвардейская, 3-я Ударная, 5-я гвардейская, 5-я Ударная, 13-я армия, 33-я, 47-я. В составе трёх фронтов, наступавших на Берлин, наступали 17 общевойсковых армий. А кроме этого, шли ещё танковые армии, принимали участие в боях воздушные армии. Шли артиллерийские соединения, сапёры, связисты, автомобильные части. Более миллиона советских солдат принимали участие в грандиозном наступлении на Берлин.

В числе других войск шла и 8-я гвардейская армия. 8-я гвардейская — это в прошлом 52-я. Та самая героическая, непобеждённая, которая обороняла и отстояла Сталинград. Та самая, которой командовал прославленный сталинградский генерал Василий Иванович Чуйков.

Дальний путь прошагали солдаты 8-й гвардейской армии. После Сталинграда сражались они на Дону, освобождали Донбасс, изгоняли фашистов с Украины, освобождали Польшу.

Вот и снова идут солдаты. В последнем марше идут солдаты. Рядом совсем Берлин.

Шагают, идут солдаты. В последнем пути солдаты.

На одном из последних маршей догнал одну из стрелковых рот генерал Чуйков.

— Генерал... Генерал... Сам Чуйков! — зашептались солдаты.

Увидел Чуйкова ротный:

— Смирно!

Подтянулись солдаты, ударили в землю парадным шагом.

— Вольно! — сказал Чуйков.

— Вольно! — подал команду ротный.

Приказал генерал Чуйков остановить солдат.

Остановились солдаты. Смотрит на них генерал:

— Ну что ж, дошагали, выходит.

— Дошагали!

— Рядом Берлин.

— Рядом! — дружно в ответ солдаты.

Смотрит генерал на солдат, на лица, на ордена. К одному, к другому:

— Сталинградец?

— Сталинградец!

— Сталинградец?

— Сталинградец!

Снова солдат поправился:

— Сталинградец?

— Так точно, товарищ командующий.

Посмотрел на орден. Опять на солдата. Признал солдата.

— Никак, орден тебе вручал?

— Так точно, товарищ командующий.

Похлопал Чуйков солдата по плечу, посмотрел на него внимательно. Гимнастёрка. Пилотка. Ремень. Строси солдат. Подтянут.

— Хорош, — хвалит Чуйков. — Хорош. Гвардеец. Сталинградский орёл!

Сказал про орла, глянул на ноги. На гвардейские ноги. Истрепались, исхлестались на дальних дорогах солдатские сапоги. Вот-вот — и совсем развалятся.

Вслед за генералом Чуйковым посмотрел и ротный на солдатские сапоги, посмотрел и взводный. Старшина из хозяйственной части глянул: да, не гвардейские сапоги.

Обратился генерал Чуйков к солдату с укором:

— Что же это у тебя, брат, сапоги такие? Дрянь сапоги!

Повернулся к офицерам, к старшине и им:

— Дрянь сапоги.

— Так точно, дрянь, — ответили офицеры.

— Так точно, дрянь, товарищ командующий, — ответил старшина.

Все повернулись, смотрят на солдата. Вытянулся солдат по команде «смирно». И вдруг:

— Никак нет, товарищ генерал.

— Что никак нет? Дрянь, говорю, сапоги.

— Никак нет. Отличные сапоги, товарищ командующий, — опять о своём солдат. Подтянулся, руки по швам: — Сталинградские, — произнёс.

— Так точно, товарищ генерал, — подтвердили ротный и взводный, — сталинградские.

— Не желает менять, — сказал старшина.

— Сталинградские?!

Улыбнулся Чуйков, улыбнулись другие солдаты.

— Ну что ж, шагай, молодец, — произнёс Чуйков.

— Слушаюсь, — ответил солдат, хлопнул рукой по голенищам сапог, сказал: — Разрешите доложить: до Берлина хватит.

Тронулась рота в путь. Посмотрел генерал Чуйков вслед солдатам, на бодрый вид, на твёрдый шаг, произнёс:

— До Берлина? Если надо, дальше нашей силы хватит.

«АХ!»

Дюрингоф — один из маленьких городков недалеко от Берлина. Не ожидают здесь русских, не верят в стремительный наш прорыв.

И вдруг, как снег на голову, оказались у городка советские танки. В короткой схватке разбили они зацепившихся здесь фашистов. Проходят по городу танки.

Отбросили танкисты бронированные люки, выглядывают, смотрят на улицы. В одной из машин лейтенант Андрей Мельник. Проходят танки по улицам вдоль домов. Читает Мельник вывески на зданиях и магазинах: «Аптека», «Хлеб», «Идеальное молоко». А вот и ещё одна вывеска: «Телефонная станция».

Прочитал лейтенант, что-то в уме прикинул.

— Стой! — крикнул механику.

Притормозил танк, чтобы другим не мешать, отъехал в сторону.

Вышел из танка лейтенант Мельник, побежал к телефонной станции. Бежит, что-то озорное, видать, придумал. Уж больно лукаво глаза блестят.

Вошёл Мельник в помещение станции. У аппаратов сидят две девушки-телефонистки. Увидели телефонистки советского офицера. Обе:

— Ах!

И тут же упали в обморок.

— Не бойтесь! — кричит лейтенант. — Не бойтесь!

Подшёл к одной, подошёл ко второй, привёл и одну и вторую в чувство. Открыли телефонистки глаза, смотрят искоса на советского лейтенанта.

Улыбнулся Мельник, говорит по-немецки. А надо сказать, что знал он немецкий язык отлично:

— Соедините меня, любезные медхен (то есть девушки), с Берлином.

Только сказал, как телефонистки снова:

— Ах!

И снова упали в обморок.

Пытается лейтенант Мельник опять привести их в чувство.

Не получается. Не приходят телефонистки в себя. В глубоком лежат испуге. Подумал-подумал Мельник, решил сам вызывать Берлин. Попробовал, и сразу удача. Послышался в трубке голос:

— Слушает вас Берлин.

— Примите телефонограмму, — говорит Мельник.

— Готова к приёму, — отвечает берлинская телефонистка.

Диктует Мельник:

— Коменданту Берлина генералу Вейдлингу. Записали? — спрашивает у телефонистки.

— Записала, — отвечает телефонистка.

— Ожидайте в Берлине. Скоро будем. Готовьте квартиры. Записали?

— Записала, — отвечает телефонистка.

— С гвардейским приветом, — продолжает диктовать лейтенант. — Телефонограмму передал командир взвода советских танков лейтенант Мельник.

Только произнёс лейтенант эти слова, как в трубке:

— Ах!

И замолчала трубка.

— Алло! Алло!

Не отзывается трубка.

Ясно лейтенанту, что и в Берлине медхен тоже упала в обморок.

Сдвинул лейтенант на затылок танкистский шлем. Улыбнулся, побежал к выходу. Вернулся к своим.

— Что там? — обратились к нему с вопросами.

Улыбнулся танкист лукаво:

— Да так... Знакомой одной звонил.

ШТУРМОМ ОСИЛЯТ НЕБО

С запада, с севера, с юга движутся войска к Берлину. На десятки километров вокруг полыхает гигантская битва. В центре Европы сошлись две силы. Кипит земля, как огонь, как лава, клокочет, как сталь в мартенах.

От разрывов снарядов, от мин, от «катюш», от бомб загорелись кругом леса. Полыхает земля пожаром. Во многих местах фашисты и сами леса подожгли. Как барьер, как стена, поднимается пламя. Дым застилает землю. Горным хребтом на пути встаёт.

Трудно в огне солдатам. И всё же рвутся вперёд солдаты. Наступают советские чудо-богатыри.

Места под Берлином ровные, низкие. Пересекли равнину ручьи и реки. Расчертили карту кругом каналы. Берега каналов

и рек в железо, в бетон одеты. Стеной отвесной на два-три метра ушли к воде.

Возникли на пути у советских войск новой преградой каналы и реки. Пролегли нескончаемой западней.

Трудно солдатам. И всё же рвутся вперёд солдаты. Сокрушают они преграды. Штурмуют каналы, реки. Наступают советские чудо-богатыри.

На защиту Берлина бросили фашисты свои лучшие силы. В числе отборных фашистских войск личные дивизии Гитлера, дивизии «Викинг», «Бранденбург», «Богемия», «Мёртвая голова».

В бой смертельный, в бой последний идут фашисты. За рядом погибших поднимается новый ряд.

— Все на защиту Берлина!

— Все на защиту Берлина!

В доты оделась земля под Берлином. В латах бетонных стоит Берлин.

Трудно солдатам. И всё же рвутся вперёд солдаты. Наступают советские чудо-богатыри. Нет для советских солдат невозможного, нет для солдат преграды.

Если надо — море пешком перейдут.

Если надо — землю насквозь пройдут.

Если надо — штурмом осият небо!

В ИМПЕРСКОЙ КАНЦЕЛЯРИИ

В центре Берлина огромное мрачное здание. Целый квартал занимало здание. Это имперская канцелярия — ставка Адольфа Гитлера.

Сотни комнат находились в имперской канцелярии, сотни окон, множество лестниц, коридоров, просторных залов. Но не здесь, не в этих комнатах, этих залах, а глубоко под ними, в мрачном и глухом подземелье, в 16 метрах от поверхности земли, вдали от света, от солнца находился фюрер фашистской Германии.

Много фашистов набилось сюда, в подземелье. Тут и ближайшие помощники Гитлера: Геринг, Геббельс, Гиммлер. Тут и личный адъютант генерал Бургдорф, и личные лётчики, и личные врачи, и личная охрана Гитлера, и личный шофёр, и личная повариха, и даже любимая собака фюрера — овчарка Блонди. Не одна — с четырьмя щенятами.

Охраняло убежище Гитлера 700 отборных солдат. Тройным кольцом часовых была опоясана имперская канцелярия.

Здесь, в подземелье у фюрера, идут бесчисленные заседания и совещания. Шепчется он с приближёнными, ищет путей, как

продержаться дольше, как затянуть войну. На чудо надеется Гитлер: вдруг не хватит у русских сил, вдруг вообще случится что-то негаданное.

Тяжёлые вести приходят с фронтов. Гитлер приходит в бешенство. Страшен фюрер в такие минуты. Глаза вот-вот, кажется, вылезут из орбит, на руках надуваются вены. Бежит Гитлер по комнате. Пробежит, остановится. Пробежит, остановится. И кричит, и кричит, и кричит. Эти крики словно удар хлыста. Цепенеют от них приближённые. Вжимают шеи в тугие армейские воротники. Готовы, как снег, растаять.

Особенно грозен был Гитлер тогда, когда пришло сообщение, что советские войска прорвали фашистскую оборону у Зееловских высот на Нейсе и на Одере.

— Измена!.. — кричал Гитлер.
— Труссы! Туицы!.. — клял своих генералов.
— Расстрелять виновных! — Через минуту: — Нет, повесить! — Ещё через минуту: — Нет, расстрелять, а затем повесить...

И снова:

— Предатели!..

— Труссы!..

20 апреля 1945 года в подземелье отмечался день рождения фюрера. Нерадостен этот день — всё ближе и ближе подходит к Берлину русские. Сидит фюрер в кресле. Размяк, раскис. Опустил голову, не шевельнется. Приходят приближённые, поздравляют Гитлера. Удаляются, словно тени. Крутятся возле Гитлера слуги и адъютанты. Чем отвлечь от недобрых дум, чем угодить — не знают.

Вдруг оттуда, сверху, послышались залпы. Один, второй, третий. Это советская артиллерия открыла огонь по Берлину. Все подняли головы вверх, застыли..

Встреппенулся Гитлер. Тоже голову поднял:

— Что там?

Не хватает ни у кого мужества сказать, в чём дело. Стоят, друг на друга искоса смотрят. А потом все вместе — на адъютанта Гитлера генерала Бургдорфа. Не растерялся Бургдорф, вышел вперёд:

— Салют, мой фюрер! В вашу честь, мой фюрер!

Оживился Гитлер. Встал. Подтянулся. Руку за борт пиджака закинул.

Снова небо взорвали залпы.

Война подошла к Берлину.

«МЫ В БЕРЛИНЕ!»

24 апреля 1945 года советские войска штурмом ворвались в Берлин.

Родом они полтавские. Пётр Кириенко и Стась Кириенко — отец и сын. Вместе ушли на войну из дома. В первые дни войны. Оказались вместе в части одной, в роте одной и во взводе. Вместе дороги и боли военные мерили. Вместе ходили в атаку, в разведку. Вместе мечтали о нашей победе.

— Быть нам, сынку, в Берлине. Быть нам в Берлине, — говорил Кириенко-отец.

А было это тогда, когда шагали солдаты от Берлина в обратную сторону. Тысячи вёрст до Берлина.

Под Сталинградом мечтали они о Берлине. Затем в боях под Курском. Затем — на Днепре.

Стась Кириенко молод, безус. Пётр Кириенко солдат с заслугами. В первой мировой войне воевал. В гражданской войне воевал. Ранен. Контужен. Осколки снаряда в теле хранит как память.

Пётр Кириенко и Стась Кириенко, словно орёл с орлёнком. Поучает солдатской премудрости молодого солдата бывалый.

— Быть нам, сынку, в Берлине. Быть!

Рашило как-то Стася осколком в грудь. Вынес отец Кириенко сына из самого пекла боя.

Контузило как-то Стася. Привалило землёй в окопе. Руками разгрёб Кириенко-отец обвал. Снова сына унёс от смерти.

Шагают солдаты путями войны. Мужает Стась Кириенко в боях и походах. Был молодым птенцом, а нынче и сам летает.

Медали заслужили отец и сын. Вскоре к медалям пришли ордена. С орденами почёт и слава.

Наступает Советская Армия. Отвоевали Кириенки и Дон и Донбасс. Принесли свободу родной Полтавщине.

— Дойдём до Берлина! Быть нам в Берлине!

Перед бойцами широкий Днепр.

На Днепре при переправе совершилось непоправимое. Сразилась фашистская пуля Петра Кириенко.

Помирает отец-солдат:

— Сынку, дойдём до Берлина. Сынку...

Дальше шёл Кириенко Стась. Походом, боями прошёл Украину, Польшу, и вот ворвались наши войска в Берлин.

Стоит солдат на берлинской улице. Смотрит на небо, на громады домов. Отвлёкся солдат от боя. Неужели и вправду солдат в Берлине? Слышит отцовский голос:

«Сынку, дойдём до Берлина. Сынку...»

Вспоминает отца солдат. Шепчут солдатские губы:

— Батька, батька, ты слышишь меня? Я в Берлине. Я в Берлине... Мы в Берлине! — кричал солдат.

Лежит перед ним Берлин. Склонил перед ним колени.

Стоял недвижно минуту солдат. Затем встреппенулся. Подошёл к стене соседнего дома. Штыком по извёстке вывел, словно печать поставил: «Пётр Кириенко, Стась Кириенко, апрель. 1945 год».

КАЖДАЯ УЛИЦА ДЫШИТ СМЕРТЬЮ

Берлин огромный город. 600 тысяч домов в Берлине. Каждая улица дышит смертью.

Возвели фашисты на улицах баррикады, завалы, заграждения. Минные поля прикрывают подходы к завалам. Пулемёты простреливают каждый клочок земли.

Каждый дом в Берлине стал настоящей крепостью. Каждая улица — полем боя.

На одной из берлинских улиц завал оказался особенно прочным. Из железа, из стали, из каменных плит возвели здесь завал фашисты. Штурмовала завал пехота. Не прорвались вперёд стрелки. Лишь гибнут в атаках зазря солдаты. Подошли к завалу советские танки. Открыли огонь из пушек. Пытаются в завале пробить проход. Нет достаточной силы в снарядах, в танковых пушках. Стоит, как стена, завал. Преградил он дорогу пехоте, танкам. Застопорилось здесь продвижение.

Смотрят солдаты — пехотинцы, танкисты — на железо, на камни, на сталь:

— Подрывников бы сюда, сапёров.

И вдруг словно бы кто-то подслушал солдатские речи. Видят солдаты: к завалу ползёт сапёр. Ползёт, тащит взрывчатку, бикфордов шнур. Вот привстал. Переждал. Пригнулся. От дома к дому перебежал. Вот снова ползёт по-пластунски.

Виделись солдаты в него глазами. Каждый удачи ему желает. Подобрался взрывник к завалу. На одну из каменных плит поднялся. Лёг на плиту. Кладёт под плиту взрывчатку. Уложил. Шнур протянул бикфордов.

Следят за сапёром солдаты. Что за чем последует точно знают. Вот сейчас бикфордов шнур подожжёт боец. Заспешит по шнуру огонёк к взрывчатке. Быстро прыгнет с плиты сапёр. Отползёт побыстрее от завала. Дойдёт огонёк до цели. Сотрясётся завал от взрыва. Возникнет в завале брешь. Сквозь брешь и рванутся вперёд солдаты.

Так и есть. Вот вынул спички боец из кармана. Вот высек огонь. Вот подносит огонь к шнуру. И вдруг... вскинул сапёр руками. Упал на плиту и замер.

«Убит!» — пронеслось.

Но нет. Шевельнулся солдат.

— Братцы, да он не убит. Он ранен.

Шевельнулся взрывник. Голову чуть приподнял. Посмотрел на плиту, на шнур. Что-то, видать, прикинул. Двинул рукой, потянулся к спичкам. Вот снова в руках у него коробок. Вот сидится высечь огонь солдат. Чиркнул спичкой. Да силы мало. Не зажглась, не вспыхнула сера. Опустился вновь на плиту сапёр.

Видят солдаты — плита краснеет. Теряет и силы боец и кровь. Но нет, не сдаётся солдат. Снова он потянулся к спичкам. Снова в руках у него коробок. Чиркнул спичкой. Ура! Горит! Тянет спичку к шнуру, дотянулся. Побежал к взрывчатке дымок, закурился змейкой.

— Прыгай, прыгай! — солдаты кричат сапёру.

Лежит на плите сапёр.

И только тут понимают солдаты — нет сил у сапёра прыгнуть.

Лежит на плите герой.

Грянул взрыв многотонной силой. Валетели в небо плита и камни. Открылся проём в завале. Устремились в него солдаты.

Вечная память отважным. Вечная слава храбрым.

ДОСТУЧАЛСЯ

Был этот бой поразительным. Фашисты подбили советский танк. Застрял он на одной из берлинских улиц. Сбили у танка гусеницу. Рядом с кирпичным домом стоит калекка.

Тем же взрывом были убиты командир орудия и командир боевой машины. Остался в живых лишь механик-водитель сержант Шашков. Закрылся в танке Шашков. Ведёт по врагам огонь.

Атакуют его фашисты. Заходят слева, заходят справа.

— Сдавайся! — кричат фашисты.

Не сдаётся Шашков. Стреляет из пушки. Стреляет из пулемёта.

Но вот подожгли фашисты танк. Загорелась машина. Ясно — конец танкисту.

— Аллес! Аллес! (то есть «всё») — кричат фашисты.

Ясно любому — конечно, всё. Отвоевался танкист. Отходил по белому свету.

Всё сильнее, сильнее пламя. И вдруг бросился Шашков к рычагам. Включил не переднюю — заднюю скорость. Сзади был дом. Доползти до него танк мог и без гусеницы. Включил Шашков скорость. Тронулся танк. В стену ударил сталью. Не удержалась стена, обрушилась. Завалила танк кирпичами и штукатуркой. Завалила, прибила пламя.

Привален, придавлен танк. Однако конец пожару. На месте танка гора развалин. Только пушка торчит наружу, только пулемётное дуло видно сквозь камни.

Открыл танкист по фашистам опять огонь. То прозвучит пулемётная очередь. То из пушки снаряд сорвётся.

Обозлились фашисты. Лезут на танк несмотря на огонь, несмотря на потери.

Танк — не оружейный склад, не сундук со снарядами. Пущен последний снаряд по фашистам. Последняя свистнула пуля.

Осмелели фашисты. Совсем поравнялись с танком.

— Сдавайся! — кричат Шашкову.

Подошли совсем близко. Вот видят башенный люк.

— Сдавайся! Сдавайся!

Приподнялась крышка люка. Вот и конец солдату.
— Аллес! Аллес! — кричат фашисты.
Ясно любому — конечно, аллес. Отвоевался танкист. Отходил по свету.
— Сдавайся! Сдавайся!
Приподнялась крышка башенного люка. И вдруг полетела оттуда граната.
Отбежали фашисты. Кусается танк.
Однако не бесконечен запас гранат. Израсходовал их танкист. Вновь фашисты приблизились к танку. Подошли совсем близко. На камни, на танк залезли. Стучат по броне:
— Сдавайся! Аллес! Аллес! — кричат фашисты.
Ясно любому — конечно, аллес. Отвоевался танкист. Отходил по свету.
Не открывается люк. Какой-то настырный фашист нашёлся. Стоит рядом с люком. Прикладом автомата по крышке бьёт. Дубасит.
Дубасит.
Дубасит.
Достучался фашист, представьте.
Приподнялась крышка над люком. Метнулась рука из танка. Сразила ножом фашиста. И тут же опять захлопнулась.
Продвигались наши. Вышли вскоре сюда на улицу. Освободили из плена советский танк.
Посмотрел на друзей Шашков.
— Вот теперь аллес,— сказал Шашков.

МАЙОРЫ

Ворвались войска в Берлин. Пробивают дорогу к центру. А в это время другие части с севера, с юга обходят город. Окружают они Берлин. Наступают навстречу друг другу два фронта — 1-й Белорусский и 1-й Украинский. Рвутся солдаты к победной встрече. В первых колоннах идут танкисты.
Бывшие лейтенанты Пётр Ерёмин и Василий Дудочкин, те которые принимали участие в окружении фашистов под Сталинградом, давно уже не лейтенанты. Майоры они теперь.
Повзрослели. Закалились. В боях окрепли. Не узнать их теперь по виду. Оба гвардейцы. Оба в наградах. Словом — бойцы бывалые.
Всякое было за эти годы. Сводила судьба друзей. Разводила. На госпитальные койки друзей бросала. Снова ставила в строй. Снова к больничным порогам гнула. Смерть проходила рядом, рядом совсем дышала. Нелёгко их ратный путь. То вместе они сражались. То снова по разным фронтам и армиям.

Вот и сейчас. Служил Ерёмин во 2-й гвардейской танковой армии на 1-м Белорусском фронте у маршала Жукова. Служил Дудочкин в 4-й гвардейской танковой армии на 1-м Украинском фронте у маршала Конева.

Мечтали друзья вместе войну закончить. А нынче — ищут солдата в поле.

Обходят войска Берлин. Пробивают дорогу танки. С юга идёт 4-я гвардейская танковая армия, с севера — 2-я гвардейская танковая. Всё ближе, всё ближе танки к заветной цели.

И вот 25 апреля в 12 часов дня сомкнулись войска за Берлином. Схвачен Берлин в мешок.

Бросились танкисты разных фронтов навстречу друг другу. Радость бушует в людях. Бежит вместе с другими Ерёмин. Бежит и Дудочкин. Бывают же в жизни порою встречи!

— Петя!

— Вася!

Метнулись оба. И жмут в объятиях один другого. До слёз. До боли. Вот это встреча!

Сошлись в объятиях, расцеловались. Стоят и смотрят. А рядом двое. Совсем безусых. Два лейтенанта. Бегут друг к другу:

— Григорий!

— Паша!

— Как мы с тобою тогда, у Волги! — сказал Ерёмин.

И вдруг то поле под Сталинградом, тот снег пушистый, тот день великий встревожил память. Стоят майоры — и снег пушистый перед глазами.

Подбежали лейтенанты друг к другу, расцеловались:

— Григорий!

— Паша!

Вдруг оба видят: стоят майоры. Стоят и смотрят. Смущились лейтенанты. Зарделись оба.

И отвернулись тогда майоры. Зачем смущать им лейтенантов. Понять ли в эту минуту юным, какие чувства в сердцах майоров.

А слева, справа сюда сходилась всё больше силы, всё больше стали.

Берлин отрезан. Фашизм в капкане.

«ДАНКЕ ШЕН»

На одной из берлинских улиц остановилась походная кухня. Только что откипели кругом бои. Ещё не остыли от схваток камни. Потянулись к еде солдаты. Вкусна после боя солдатская каша. Едят в три щеки солдаты.

Хлопочет у кухни Юрченко. Сержант Юрченко — повар,

хозяйки кухни. Хвалят солдаты кашу. Добрые слова приятно сержанту слушать.

— Кому добавки? Кому добавки?

— Ну что ж — подбрось, — отозвался ефрейтор Зюзин.

Добавил Юрченко Зюзину каши. Снова у кухни возится. Вдруг чудится Юрченко, словно бы кто-то в спину солдату смотрит. Повернулся — и в самом деле. Стоит в подворотне ближайшего дома с вершок, с поготовок мальчонка, на Зюзина, на кухню глазами голодными смотрит.

Сержант поманил мальчишку:

— Ну-ка ступай сюда.

Подошёл тот к солдатской кухне.

— Ишь ты, неробкий, — бросил ефрейтор Зюзин.

Взял Юрченко миску, наполнил кашей. Даёт малышу.

— Данке шён, — произнёс малыш. Схватил миску, умчался в подворотню.

Кто-то вдогонку бросил:

— Миску не сломай, смотри верни!

— Э-эх, наголодался, видать, — заметил Зюзин.

Прошло минут десять. Вернулся мальчишка. Тянет миску, а с ней и свою тарелку. Отдал миску, а сам на тарелку глазами косит.

— Что же тебе, добавки?

— Битте, фюр швестер, — сказал мальчишка.

— Для сестрёнки просит, — объяснил кто-то.

— Ну что же, тащи и сестрёнке, — ответил Юрченко.

Наполнил повар тарелку кашей.

— Данке шён, — произнёс мальчишка. И снова исчез в подворотне.

Прошло минут десять. Снова малыш вернулся. Подошёл он к походной кухне. Тянет тарелку:

— Битте, фюр муттер. (Просит для матери.)

Рассмеялись солдаты:

— Ишь ты какой проворный!

Получил и для матери мальчик каши.

Мальчонка был первым. Вскоре возле походной кухни уже группа ребят собралась. Стоят в отдалении, смотрят на миски, на кухню, на кашу.

Едят солдаты солдатскую кашу, видят голодных детей, каша не в кашу, в солдатские рты не лезет. Переглянулись солдаты. Зюзин на Юрченко, на Зюзина Юрченко.

— А ну, подходи! — крикнул ребятам Юрченко.

Подбежали ребята к кухне.

— Не толпись, не толпись, — наводит порядок Зюзин. Выдал ребятам миски. Построил в затылок один другому.

Получают ребята кашу:

— Данке шён!

— Данке шён!

Наголодались, видать, ребята. Едят в три щеки ребята.

Вдруг в небе над этим местом взвыл самолёт. Глянули вверх солдаты. Не наш самолёт — фашистский.

— А ну по домам! А ну по домам! — погнался от кухни ребят ефрейтор Зюзин.

Не отходят ребята. Ведь рядом каша. Жаль расставаться с кашей.

— Марш! — закричал ефрейтор.

Пикирует самолёт. Отделилась бомба. Летит.

Бросились дети в разные стороны. Лишь Зюзин один замешкался. Ударил бомба — ни кухни, ни Зюзина. Лишь каша, словно живая, ползёт по камням, по притихшей улице.

«ЗА МОЖАЙ!»

Ворвались войска маршалов Жукова и Конева в Берлин. А в это время 2-й Белорусский фронт под командованием маршала Рокоссовского бьёт врагов севернее фашистской столицы, отсекает их от Берлина, гонит на север к Балтийскому морю.

Наступают войска Рокоссовского. Прошли города Анклам, Грейфсвальд, Штральзунд. Прижали фашистов к морю.

На севере Германии в Балтийском море находится остров Рюген. Рюген самый большой из всех немецких островов. Сорок километров с запада на восток, пятьдесят с юга на север. Переправились фашисты сюда на Рюген. Решают: здесь мы удержим русских.

Не удержали.

Ворвались наши войска на Рюген. Снова гонят они фашистов. Пошли города и морские посёлки Гарц, Берген, Засниц, Имманц, Глове. Теснят всё дальше врагов солдаты. Загнали на самый север.

На острове Рюген имеется мыс Аркона. Мыс Аркона самая северная точка Германии. Конец здесь немецкой земле.

Загнали войска Рокоссовского фашистов к мысу Аркона, прижали к воде, опрокинули тех, кто не сдался, в море.

Довольны солдаты. Плещет перед ними Балтийское море. Вот и поход закончен.

Нашёлся один. Сбросил пилотку. Вытер вспотевший от боя лоб. Окинул весёлым взглядом. Посмотрел на друзей, на море:

— Ну, за Можай загнали!

«Загнать за Можай» — значит загнать далеко-далеко. Есть такая старинная русская поговорка. Вспомнил, выходит, солдат поговорку.

— За Можай! — повторил солдат.

— За Можай! — дружно поддерживали его другие. И они поговорку, видать, припомнили.

Можай — это означает город Можайск. Концом света казался Можайск когда-то.

В любом деле всезнайка всегда найдётся. Сыскался и здесь такой. Знал он, что поговорка с городом Можайском связана. Посмотрел на солдат и с ехидством:

— За Можай! Ну и сказали! Так Можайск под Москвой. Всего-то час с небольшим на машине ехать.

Смутились солдаты. Смутился и тот, кто первым произнёс поговорку.

Оказался солдат в растерянности.

— Сто километров всего от Москвы до Можайска, — лезет опять всезнайка.

Постоял солдат, подумал, посмотрел на других, на всезнайку.

— И всё ж — за Можай загнали, — упрямо сказал солдат.

— За Можай! За Можай! — поддерживали его другие.

О солдатском споре узнал Рокоссовский.

— За Можай! Нет никаких сомнений! За Можай! — подтвердил Рокоссовский.

Возможно, по форме и устарела сейчас поговорка, да мысль в ней предельно чёткая. Словно вода в роднике поговорка: всё тут яснее ясного.

— За Можай! — повторил Рокоссовский.

МЕРЕЩИТСЯ

Приметил его Неверов. Да не заметить и трудно было. Бросался фашист в глаза. Скулы имел лошадиные. К тому же лычка на нём ефрейтора.

Приметил его Неверов ещё в первом бою в Берлине. Потом потерял из виду. Думал, убит солдат. Однако когда битва втянулась совсем в Берлин и бились за каждый дом, за каждую улицу, снова Неверов его увидел.

«Ах, жив ты ещё, выходит?» Стал он за ним следить. Не выпускает его из вида. Следил, следил. Однако бой есть бой. Отвлёкся в бою Неверов. Утерял, как иглу, скуластого. Видно, убит, заключил солдат.

В это время в тылу у наших вдруг появилась фашистская группа. Неверов попал в отряд, который был брошен на отражение атаки фашистов с тыла. Как они тут? Откуда? — гадают солдаты. С неба, что ли, они унали. Там, где оказался фашистский отряд, ещё вчера завершились бои.

Вступили солдаты с фашистами в схватку. Бьётся Неверов и вдруг решает — мерещится. Видит Неверов того — ефрейтора. Присмотрелся. Конечно, он! Вот так военное диво! Как он, откуда здесь!

— Ну, не уйдёшь теперь!

Окружили бойцы фашистов. Уже разбили совсем фашистов. Остался лишь этот и с ним немногие. Теснят их советские воины. И вдруг, как в сказке, исчезли куда-то фашисты. То ли взлетели в воздух, то ли под землю рухнули.

Обыскали солдаты округу. Нет ни ефрейтора, ни тех, что с ним.

Вернулись бойцы к своим. Доложили: мол, уничтожен в тылу противник. Бьются солдаты на новом месте. Бьётся Неверов. И вдруг снова ефрейтор ему мерещится.

— Тыфу! Тыфу! — сплюнул солдат. — Тыфу! Тыфу!

Присмотрелся. Конечно, он — поп лошадиные скулы.

Как он здесь? Что за сила в солдате такая? Может, двойник? А может, как птица, солдат летает?

Вцепился Неверов в фашиста глазами. Узнаю я твой секрет. Сражается солдат, а сам не выпускает из вида фашиста. Когда отступали фашисты, бежали от дома к дому. Неверов шёл по пятам за скуластым. Потом ефрейтор и вовсе один остался. Не отстаёт Неверов. Фашист за дом, и Неверов за дом. Фашист в подворотню, и Неверов за ним. Фашист в подвал, и Неверов в подвал. Словно верёвкой, словно цепью к нему привязан. Спустился ефрейтор в какой-то люк. Переждал немного Неверов и тоже — в люк. Попал он в лабиринт подземных ходов и укрытий. Так вот в чём секрет, сообразил Неверов. Вот как фашисты переходят из одного места в другое. Вот почему то стоят они перед нами, то вдруг опять вырастают у нас в тылу.

Хотел Неверов догнать солдата. Однако исчез, растворился, как дым, ефрейтор.

Рассмеялся Неверов, махнул рукой.

— Ладно, живи, счастье твоё — проворный! — Рад солдат, что подземный проход открыл. Доложил обо всём начальству.

Не только на улицах города идут бои за Берлин. По вертикали, в три яруса, в три этажа развернулось кругом сражение. Бьются на улицах, в квартирах и на крышах домов, глубоко под землей — в подвалах, укрытиях и переходах. Всюду идут бои.

Всё ближе к центру гремят бои.

Солдат Ковригин в стрелковом взводе годами старший. Зовут во взводе бойцы солдата: «Отец», «Папаша». А чаще: «Батя».

Ему за сорок. И даже больше. Давно семейный. Давно женатый. Солдаты-дети есть у солдата.

Дивизия, в которой служил Ковригин, наступала на Берлин с севера. Пробились солдаты через Панков. Это берлинский пригород. Это большой район. Вышли на Фридрихштрассе — одну из центральных берлинских улиц. Особенно упорные здесь бои. Дрались за каждый дом. Поработала здесь артиллерия. Самолёты бомбили улицу. От многих домов остались лишь стены. И всё же не сдаются фашисты. Огрызается каждый дом.

Ворвались солдаты в один из таких домов. Друзья устремились по лестнице вверх — оттуда велась стрельба. А Ковригин внизу остался. Задача — обследовать нижний этаж: нет ли внизу засады.

Прошёл Ковригин из комнаты в комнату. Пройти не трудно. Стены во многих местах пробиты. Хотел возвращаться назад. Вдруг видит: в полу проём. Подвал сквозь проём чернеет. Глянул солдат в проём. Отпрянул. Застрочили оттуда пули. Бьют, как фонтан, как гейзер. Схватил Ковригин гранату. Опять к проёму. Только думал швырнуть гранату, да затихла в этот момент стрельба.

Поберёт он гранату. Шагнул к проёму. Не ответил подвал огнём. Глянул Ковригин. Видит: в подвале сидят мальчишки. Трое. По автомату в руках у каждого. Смотрят, как из норы волчата. Прикались один к другому.

Знал о таких Ковригин. Не хватает солдат у фашистов. Призывали стариков и подростков в армию. Автоматы мальчишкам в руки:

— С нами бог! На врага, молодая Германия!

Не смотрит война на возраст. Гибнут в боях ребята.

Трое таких и попались теперь Ковригину. Засели они в подвале. Ясно солдату: расстреляли юнцы патроны. Держит солдат гранату. Гибнут в боях подростки. Вот и этим пришёл конец.

Хотел Ковригин бросить в подвал гранату. Глянул опять на мальчишек. Сидят они трое. Прикались один к другому. Безусые лица. Птенцы зелёные. Не поднялась у солдата рука. Не бросил гранату. Целы ребята.

— Марш по домам! Нах хаузе! — крикнул в подвал Ковригин.

В это время наверху началась сильная перестрелка. Побежал Ковригин к своим на помощь. Удачно прибыл. Помог гранатой.

Взяли вскоре солдаты дом.

Уже потом, когда выходили они на улицу, снова Ковригин свернул к подвалу. Шёл осторожно. Автомат на всякий случай держал на взводе.

Поравнялся с проломом. Остановился. Глянул. Нет мальчишек. Тихо в подвале. Пусто. Присмотрелся. Что-то заметил. Что там такое? Видит: три автомата в углу лежат.

— Ковригин! Ковригин! — позвали бойцы солдата.

— Тут я!

Вернулся к своим Ковригин.

— Что там такое?

Смолчал, не сказал солдат, посмотрел на стены, на перекрытия:

— Эх и кретка домина!

Солдат Ковригин во взводе годами старший. Зовут во взводе бойцы солдата: «Отец», «Папаша». А чаще: «Батя».

Ему за сорок. И даже больше. Давно семейный. Давно женатый. Солдаты-дети есть у солдата.

ПЛЕЧОМ К ПЛЕЧУ

Часть полковника Утихеева вела бой в центре Берлина на Гамбургер-аллее.

Дома здесь массивные, кладка прочная. Штурмовали солдаты одно из зданий. Уже несколько раз подымались они в атаку, но каждый раз открывали фашисты сильнейший огонь, и бойцы залегали снова. Во дворе здания за высокой каменной стеной, за железобетонными глыбами стояли у фашистов крупнокалиберные пулемёты. Стены и пулемёты преграждали дорогу нашим.

Попросили пехотинцы артиллеристов накрыть пулемёты. Направили пушки сюда огонь. Остались нетронутыми пулемёты. Не смогла их поразить артиллерия. Мешают высокие стены. Либо в них ударяют снаряды, либо перелетают и разрываются где-то дальше, не задевая огнём фашистов.

— Вот бы лётчиков нам сюда, — кто-то сказал из советских бойцов.

Отложили солдаты на время атаку, передыхают. Вдруг видят — чуть в стороне над соседним кварталом появилось пять советских штурмовиков. Повисли они над каким-то зданием. Атакуют с воздуха здание. Залюбовались солдаты работой лётчиков. Стали машины над домом вкрут. Вот приблизился к зданию первый, носом, словно утёнок, клюнул, задержался, вошёл в шик. Бросил бомбы. Снова поднялся к небу. За первым второй — в шик. Затем то же сделали третий, четвёртый.

— Вот бы и нам таких, — снова сказал тот, кто о лётчиках первым вспомнил.

Поддержали другие.

— Конечно, такие бы враз.

— Не стояли б у этих стен.

— Что им с воздуха — взял и плюнул.

И полковник Утихеев подумал о лётчиках. Позвонил он куда-то в штаб. Пообещали ему авиаторов.

Продолжают солдаты следить за небом. Вот и пятый советский лётчик зашёл над домом. Вот-вот и войдёт в пике. И тут — что такое! — вспыхнул в воздухе самолёт. Ясно: подбили его фашисты.

— Эх ты, родимый! — с болью выкрикнул кто-то.

Падает самолёт. И вдруг видят солдаты — отделился от самолёта человек. Следом за ним второй. И тут же открылось два парашюта. Понимают бойцы, что это лётчик и воздушный стрелок. Довольны солдаты:

— Не растерялись, огонь-ребята.

Наблюдают бойцы за лётчиками. Видят: относит ветер лётчиков, несёт прямо сюда, к Гамбургер-аллее. Чем ниже лётчики, тем яснее становится бойцам, что не сядут на нашей они территории. К грозному зданию несёт их ветер, туда, к фашистам, во двор, за стены.

Вот оказались лётчики прямо над головами наших. Вот понесло их туда, во двор. Понимают пехотинцы — там, за стеной, смерть ожидает лётчиков.

Смотрели солдаты, и вдруг чей-то алмазный голос:

— Братцы, вперёд, в атаку!

Рванулись бойцы в атаку. Перемахнули забор и глыбы. Минута — и на неприступном дворе солдаты. Вторая — и замолчали фашистские пулемёты. Вот и то место, где опустились советские лётчики.

Бросились лётчики к своим спасителям. Обнимают солдат, целуют:

— Спасибо, пехота. Помогли. Выручили.

Смотрят солдаты на лётчиков, улыбаются:

— Это вам, небеса, спасибо. Вы нас в атаку подняли.

Поражались потом бойцы, откуда сила взялась такая. Как, каким чудом, за счёт чего стену они осилили.

Каким чудом? За счёт чего?

Солдатским братством называется это чудо.

Вскоре над упрямым зданием появились вызванные полковником Утихеевым советские штурмовики. Смотрят с воздуха авиаторы: взяли уже пехотинцы здание. Махнули крылом, развернулись, ушли помогать другим.

Дружно сражались войска в Берлине. Помогала пехота лётчикам. Помогали пехоте лётчики. Артиллеристы, танкисты, сапёры, связисты общим шагом шагали в битве. Стояли бойцы, как братья. Локоть к локтю. Плечом к плечу.

НАМЕЧЕНО И НАЧЕРТАНО

Жил Ганс Круммель на Луизенштрассе. Здесь центр Берлина. Здесь река Шпрее. Рейхстаг за Шпрее.

Родился Круммель на этой штрассе. Здесь бегал в школу. Учил уроки. Купался в Шпрее. Ходил к рейхстагу. Отсюда с Луизенштрассе и ушёл на войну в солдаты.

Ушёл Ганс Круммель. Простился с домом. А перед этим был у гадалки. Держала долго солдата старая. Карты раскладывала так и этак. Что-то долго под нос шептала. К небу глаза закатывала. И вот заявила ему гадалка: мол, на редкость чудесно ложатся карты. Пусть идёт солдат на восток спокойно. Минует Круммеля смерть в России. Выпал жребий ему удачный. Хотя и тронут солдата раны. Однако вернётся в Берлин здоровым.

Шагал от гадалки Круммель, снял, как пятак латунный: — Не ждёт меня смерть в России. Снова Берлин увижу. И вот ушёл на войну солдат. Шёл. Улыбался. Шутил. Смеялся. И верно — обходят солдата пули.

Был он в Великой Московской битве. До Волоколамска дошёл, до Истры, до станции Крюково. Ещё шаг, и победу схватит. И вдруг что такое?! Погнали их русские.

Побежал от Москвы Ганс Круммель. Думал, конец всему. Даже гадалку было дурными словами вспомнил.

Однако напрасно ругал он старую. Сохранила судьба солдата. Хотя и бока помяла. Ожил опять солдат. Дождался тепла и лета. Летом снова пошёл в поход.

Шёл. Улыбался. Шутил. Смеялся. Дошёл до Дона. Дошёл до Волги. До города Сталинграда. Лезет вперёд, как дьявол. Вот-вот и победу схватит. И вдруг что такое?! Ударил русские. Окружили фашистов. Взяли в тугие клещи.

Страшно был ранен солдат. «Вот он, конец», — подумал. Снова гадалку проклятием вспомнил. Много фашистов тогда погибло. Круммель, однако, чудом каким-то спасся. Вывезли самолётом его из «котла». Отходили солдата, пришёл в себя. Словом добрым вспомнил теперь гадалку.

Отдыхались, отлежались фашисты после сталинградского поражения. Наступило новое лето. Снова бросились в бой фашисты. Началась Великая Курская битва.

— Наступают последние дни России! — кричали тогда фашисты.

Но снова фашисты здесь были биты. Снова был Круммель ранен. Да так, что еле сшили его, слатали.

Гнали наши с этой поры фашистов. Отходят фашисты. Отходит Круммель. Бьётся, бьётся. Смотрит — уже он в Минске. Бьётся, бьётся. Смотрит — уже он в Бресте. И вот — в Варшаве. И вот — на Одере.

Отходит, отходит Круммель. Смотрит, а он в Берлине. Бьётся, бьётся. Глянул, а он на Луизенштрассе. Глянул, а рядом родимый дом. Вот ведь судьба какая.

В это время раздался взрыв. Это разорвался советский снаряд. Рухнул Круммель на землю. Лежит на Луизенштрассе.

Закончилась жизнь солдата. Всё точь-в-точь, как судьбою намечено. Всё точь-в-точь, как советским мечом начертано.

Солдат не мечтал, не гадал, не думал. А вышла слава ему в века. На пьедестале к небу солдат поднялся.

Было это в последние дни войны. Уже не километры, а метры оставались до центра Берлина. Солдаты 8-й гвардейской армии готовились к последним боям. В числе их и солдат Николай Масалов. Был он знаменщиком 220-го гвардейского стрелкового полка. Приготовил к атаке знамя.

Ждут солдаты сигнала к бою. Перед ними один из каналов, отходящих от Шпрее. Рядом площадь. За площадью мост. Называется он Горбатым. Мост заминирован, под огнём у противника. Атаку на мост, на тот берег скоро начнут солдаты.

Притихли солдаты. Так всегда перед штурмом. Где-то гремят орудия, где-то идёт стрельба. Но это не здесь. Это в других местах. Здесь тишина. Временная. Но тишина. И вдруг тишину — солдаты вздрогнули: было так неожиданно — плачем прорезал детский голос.

Было неясно, откуда он шёл. С набережной? Со стороны площади? От моста? Из развалин неподалёку стоящего дома?

— Мутти! Мутти! Мамочка! — повторял голос.

— Девочка, — кто-то сказал из солдат.

Ищут солдаты глазами девочку. Где же она?

— Мутти! Мутти! — несётся голос.

Определили теперь солдаты. Детский плач шёл от моста. Не видно ребёнка. Камнями от наших, видать, прикрыт.

Вышел вперёд сержант Масалов, подошёл к командиру:

— Разрешите спасти ребёнка.

Подождал командир минуту. О чём-то подумал:

— Разрешаю, сержант Масалов.

Пополз Масалов через площадь к мосту. И сразу же затрещали фашистские пулемёты, забили мины по площади. Прижался солдат к асфальту, ползёт от воронки к воронке, от камня к камню.

— Мутти! Мутти! — не утихает голос.

Вот ползут прополз Масалов. Вот две трети. Осталась треть. Поднялся он в полный рост, метнулся к мосту, укрылся от пуль под гранитной стенкой.

Потеряли солдаты его из вида. И голос ребёнка утих. И солдата не видно.

Прошла минута, вторая... пять. Волноваться солдаты стали. Неужели смельчак погиб? Неужели погибла девочка?

Ждут солдаты. С тревогой в сторону моста смотрят.

И вот увидели они Масалова. Шёл от моста солдат. Нёс на руках немецкую девочку.

— Жив! — закричали солдаты. — Жив!

Раздалась команда:

— Прикрыть Масалова огнём.

Открыли огонь солдаты. Гремят автоматы, строчат пулемёты. Ударили пушки — словно салют солдату.

Пришёл Масалов к своим. Принёс немецкую девочку.

Оказалось, убили фашисты у девочки мать. Переведала вместе с девочкой площадь, наверное, женщина. Вот и попала под взрыв, под пули.

Держит девочку Масалов. Прижалась она к солдату. Года ей три. Не больше. Прижалась, всхлиывает.

Обступили бойцы Масалова. На девочку смотрят. Пытаются чем-то от слёз отвлечь. На пальцах козу показывают:

— Идёт, идёт рогатая...

Посмотрела девочка на солдат. Казалось, хотела было сильнее заплакать. Да вдруг взяла и улыбнулась солдатам девочка.

Отгремела война. В Берлине в одном из красивых старинных парков советским солдатам, всем тем, кто спасал и наш и немецкий народ от фашистов, был установлен памятник.

Холм. На холме пьедестал гранитный. На граните фигура солдата. Стоит он со спасённой девочкой на руках.

Не думал солдат, не ведал. А вышло — бронзой поднялся в небо.

«ТОПОР СВОЕГО ДОРУБИТСЯ»

Их дивизия пробивалась к рейхстагу. Рейхстаг — главное правительственное здание фашистской Германии. Впервые слова про топор Кузьма Рудокон услышал во время штурма Зееловских высот. Притормозилось чуть-чуть наше тогда наступление. Фашисты на высотах зарылись в землю, мы штурмовали, наступали с равнины, с открытого места.

— Скорей бы уж прорваться, — бросил кто-то из наших солдат.

Вот тут-то Степан Рудокон услышал:

— Дай срок. Топор своего дорубится.

Повернулся Рудокон на голос. Видит — солдат, артиллерист. Другие, что рядом с ним, — молодые. А этот старый. Точнее, пожилой уже был солдат. В морщинах лицо. С усами.

Запомнил Рудокон слова про топор. Запали надёжно в память. И правда, вскоре прорвали наши фашистскую оборону на Зееловских высотах, прорубили дорогу себе к Берлину.

Потом уже под самым Берлином, когда штурмовали Шпире, когда лезли на бетонные стены берега и, казалось, вот-вот не осилит берег, солдат снова те же слова услышал:

— Топор своего дорубится.

Признал Рудокон усача-артиллериста. Как знакомому, даже махнул рукой.

И вот в третий раз снова услышал те же слова солдат.

Для обороны Берлина во время уличных боёв в разных местах Берлина фашистами были построены специальные укрепленные помещения — железобетонные бункеры. Это были своеобразные городские крепости. Высота их доходила до сорока метров. Толщина стен превышала два метра. В самых больших бункерах могло разместиться до тысячи фашистских солдат и тридцати орудий. Всего по Берлину таких бункеров было четыреста. Наиболее крупные из них находились в центре города, прикрывали имперскую канцелярию и знаменитый берлинский рейхстаг.

В штурме одного из таких бункеров, который как раз прикрывал выход к рейхстагу, и принимал участие Рудокон.

Укрылись фашисты в бункере, как за семью замками.

Открыла огонь по бункеру полковая артиллерия. Не страшна она бункеру. Снаряды как горох от стены отскакивают.

Подошла тяжёлая артиллерия. Дали орудия первые выстрелы. Бункер стоит, не дрогнул.

— Да, ничего орешек. Дудки его раскусить, — кто-то сказал из солдат.

Сразу ответ последовал:

— Дай срок, топор своего дорубится.

Повернулся Рудокон на голос. Снова, значит, усач повстречался. Хотел, как знакомому, снова махнуть рукой. Смотрит, а это совсем не тот, другой говорил солдат. И годами моложе. И брит под корень.

Обратился Степан Рудокон к бойцу:

— Откуда слова такие?

— Так дядя один сказал.

— А где же дядя?

— Не стало дяди.

— Убит?

— Убит, — поизнёс солдат.

Снял Рудокон с головы пилотку. Склонил голову в память бойца погибшего. Хотя и видел медком человека, да жалко ему усача-солдата. Заценила солдата память.

Добили наши бетонный бункер. Сдались фашисты в плен. Снова шагнули вперёд солдаты. Перед ними открылась площадь. Там над Шпире стоял рейхстаг.

Смотрят бойцы на рейхстаг.

— Тоже не сладость, — кто-то полез к Рудокону. — Тоже не враз осилит.

Посмотрел на бойца, на рейхстаг Рудокон:

— Топор своего дорубится.

Рядовой Михаил Панкратов только-только был призван в армию. Провожали его родители.

— Не озорь наш солдатский род, — сказал отец Павел Филиппович.

— Пусть храбрость в бою не покинет тебя, — сказала мать Прасковья Никитична.

Излишни родительские наставления. Горд за судьбу молодой солдат. Рвётся скорее сразиться с фашистами.

Бежит эшелон на запад. Гудит паровоз на подъёмах. Колёса стучат на стыках. Лежит солдат на вагонных нарах, о делах боевых мечтает. Вот гонит, вот гонит, вот бьёт он врага, разит огнём автоматом. Вот смело идёт в разведку, тащит назад «языка». Вот первым бросается в наступление, прыгается первым в неприятельский город-крепость, гвардейское знамя подымает к небу.

Мечтает солдат о подвигах. Скосит глаза на грудь — грудь в боевых наградах.

Торопит судьбу солдат.

— Быстрее, быстрее!.. — кричит паровозу.

— Быстрее, быстрее!.. — кричит вагонам.

Несутся один за одним километры. Пробегает мимо поля, леса, города и сёла.

Вот бы попасть под Берлин, на Центральное направление — лелеет мечту солдат. Улыбнулась судьба солдату — попал на Центральное направление, в армию, шедшую на Берлин.

Рад безумно Панкратов такой удаче. Срочно пишет письмо родителям. Пишет не прямо, время военное — прямо писать нельзя, — пишет намёком, однако понять нетрудно, что на Центральном солдат направлении. «Ждите вестей из Берлина», — кончает письмо Панкратов.

Отправил письмо. Опять о делах боевых мечтает. Вот вступает солдат в Берлин. Вот с победой дома его встречают.

Дождь Панкратов великого дня. Рванулись войска в наступление.

Но что такое?! Ушли войска. Однако задержалась рота Панкратова.

Панкратов и другие бойцы к старшине:

— Что же такое, Кузьма Васильевич?

— Тихо, тихо, — сказал старшина. Голос понизил, ладошку поднёс к губам: — Особое будет для нас задание.

И верно. Прошёл день, посадили бойцов на машины. Глотнули бензин моторы, покатали вперёд машины.

Сидят в кузовах солдаты. Довольны судьбой солдаты. Честь им оказана — особое им задание.

Намотали колёса вёрсты, подкатили машины к огромному полю. Сиротливо, безлюдно поле, изрыто воронками, истерзано ранами.

— Слезай! — прозвучала команда.

Спустились с машин солдаты. Построил бойцов командир.

— Товарищи!.. — кинул рукой на поле.

«Что бы такое? — гадают солдаты. — Может, секретный объект на поле? Может, завод или штаб подземный? Может, Гитлер здесь сам укрылся?»

— Товарищи бойцы, — повторил командир, — мы получили почётное задание — вспахать и засеять поле.

Все так и ахнули:

— Вот так почётное! Вот так задание!

Однако приказ есть приказ. За работу взялись солдаты. Но не утихает солдатский гул.

И Панкратов со всеми ронцет:

— Вот так попал на Центральное направление! Что же домой я теперь напишу? Что же сообщу родителям?

В эту минуту и оказался рядом с Панкратовым старшина. Посмотрел старшина на молодого солдата. Сказал, не сдержавшись, грубо:

— Молод, того и дурак. Не там, — показал на запад, туда, где догорали бои за Берлин, — а тут, — указал на поле, — и есть Центральное направление. Не для смерти и боя родились люди. Жизнью и миром велик человек.

Притих, умолк Панкратов. Притихли другие солдаты.

Вонзились плуги в весеннюю землю. Радость жизни на встречу брызнула.

ЗОЛУ РАЗВЕЯЛ... РАССЕЯЛ ГАРЬ

30 апреля. После полудни. Бои идут рядом с имперской канцелярией.

Личный шофёр Гитлера Кемике получил приказ раздобыть 200 литров бензина. Принялся Кемике искать горючее. Нелёгкое это дело. Уже несколько дней, как перерезаны все дороги, ведущие к имперской канцелярии. Не подвозят сюда горючее. Носится Кемике, выполняет приказ. Сливают бензин из разбитых машин, из пустых баков по капле цедит. Кое-как набрал 100 литров. Доложил.

— Мало, — сказали Кемике.

Снова носится Кемике. Снова по каплям цедит. «Зачем же бензин? — гадают. — Бежать? Так ведь поздно. Перерезаны все пути. Если проедем, так это... двести — от силы — метров. Зачем бензин? Конечно, бежать! Удачлив фюрер. А вдруг прорвёмся?!»

Обшарил Кемпке всё, что мог, даже, рискуя жизнью, на соседние улицы бегал. Набрал ещё 80 литров. Нет больше бензина нигде ни грамма — хоть кричи, хоть умри, хоть лопни.

Доложил Кемпке:

— Сто восемьдесят литров, и больше нигде ни грамма.

Во дворе имперской канцелярии находился сад. Приказали Кемпке в сад притащить горючее. Сидит он сюда канистры. Стоит и опять гадаёт: «Зачем же в саду бензин?»

А в это время там внизу, в подземелье, у двери, ведущей в комнату Гитлера, стоят в молчании приближённые фюрера. Прильнули к закрытой двери. Ловят малейший звук.

Томительно длится время.

Сегодня утром Гитлер объявил свою волю — он уходит из жизни.

— Немецкий народ не достоин меня! — кричал на прощание фюрер. — Труссы! Падали! Глупцы! Предатели!

И вот сидит на диване Гитлер. Держит в руке пилюлю с отравой. Напротив уселась овчарка Блонди. Преданно смотрит в глаза хозяину.

Ясно Гитлеру — всё кончено. Медлить нельзя. Иначе завтра плен, и тогда... Страшно о плене ему подумать. Страшится людского гнева.

Поманил фюрер Блонди. Сунул пилюлю. Глотнула Блонди. И тут же — смерть. Позвал щенят. Потянулись глупцы доверчиво. Дал им отраву. Глотнули щенята. И тут же — смерть.

Томятся за дверью приближённые. Переминаются с ноги на ногу. Ждут роковой минуты.

Камердинер Гитлера Липпе посмотрел на часы. Половина четвёртого. Тихо, замерло всё за дверью. Открыли дверь приближённые. Фюрера нет в живых. Мертвы и щенки, и фюрер, и Блонди.

Тело Гитлера завернули в ковёр. Тайным ходом вынесли в сад. Положили у края большой воронки. Облили бензином. Вспыхнуло пламя. Дыхнуло гарью. Пробушевал над ковром огонь. Горстка золы осталась. Дунул ветер. Золу развеял. Очистил воздух. Рассеял гарь.

А в это время, преодолевая последние метры берлинской земли, советские воины поднимались в последний бой. Начался штурм рейхстага.

ПОСЛЕДНИЕ МЕТРЫ ВОЙНА СЧИТАЕТ

Начался штурм рейхстага. Вместе со всеми в атаке Герасим Лыков.

Не снилось такое солдату. Он в Берлине. Он у рейхстага.

Смотрит солдат на здание. Огромно, как море, здание. Колонны, колонны, колонны. Стекланный купол венчает верх.

С боем прорвались сюда солдаты. В последних атаках, в последних боях солдаты. Последние метры война считает.

В сорочке родился Герасим Лыков. С 41-го он воюет. Знал отступления, знал окружение, три года идёт вперёд. Хранила судьба солдата.

— Я всаучий, — шутил солдат. — В этой войне для меня не отлита пуля. Снаряд для меня не выточен.

И верно, не тронут судьбой солдат.

Ждут солдата в далёком краю российском жена и родители. Дети солдата ждут.

Ждут победители. Ждут!

В атаке, в порыве лихом солдат. Последние метры война считает. Не скрывает радость свою солдат. Смотрит солдат на рейхстаг, на здание. Огромно, как море, здание. Колонны, колонны, колонны. Стекланный купол венчает верх.

Последний раскат войны.

— Вперёд! Ура! — кричит командир.

— Ура-а-а! — повторяет Лыков.

И вдруг рядом с солдатом снаряд ударил. Гроном ухнул огромный взрыв. Поднял он землю девятым валом. Упала земля на землю. Сбила она солдата. Засыпан землёй солдат, словно и вовсе на свете не был.

Кто видел, лишь ахнул:

— Был человек и нет.

— Вот так пуля ему не отлита.

— Вот так снаряд не выточен.

Знают все в роте Лыкова — отличный товарищ, солдат примерный. Жить бы ему да жить. Вернуться бы к жене, к родителям. Детей радостно расцеловать. Да только чудес на земле не бывает. Раз погребённый — не оживает. Пусть земля ему будет пухом.

И вдруг снова снаряд ударил. Рядом с тем местом, что первый. Немногим совсем в стороне. Рванул и этот огромной силой. Поднял он землю девятым валом.

Смотрят солдаты — глазам не верит. Поднял взрыв землю, а с ней и Лыкова. Поднял, подбросил, даже поставил на ноги. Жив оказался солдат. Засынал, отсынал его снаряд. Вот ведь судьба бывает. Знать, и вправду пуля ему не отлита. Снаряд для него не выточен.

Снова Лыков в атаке, в лихом порыве. Всё ближе и ближе колонны рейхстага. Купол в небе стеклом сверкает. Последние метры война считает.

- Сержант Егоров!
- Я сержант Егоров!
- Младший сержант Кантария!
- Я младший сержант Кантария.

Бойцов вызвал к себе командир. Советским солдатам доверилось почётное задание. Им вручили боевое знамя. Это знамя нужно было установить на здании рейхстага.

Бойцы взяли под козырёк и ушли. Многие с завистью смотрели им вслед. Каждый сейчас хотел быть на их месте.

У рейхстага идёт бой.

Пригнувшись, бегут Егоров и Кантария через площадь. Советские воины внимательно следят за каждым их шагом. Вдруг фашисты открыли бешеный огонь, и знаменосцам приходится залечь за укрытие. Тогда наши бойцы вновь начинают атаку, и Егоров и Кантария бегут дальше.

Вот они уже на лестнице. Подбежали к колоннам, подпирающим вход в здание. Кантария подсаживает Егорова, и тот пытается прикрепить знамя у входа в рейхстаг.

— Ох, выше бы! — вырывается вздох у наблюдающих бойцов.

И, как бы услышав просьбу товарищей, Егоров и Кантария снимают знамя и бегут дальше. Они врываются в рейхстаг и исчезают за его дверьми.

Бой уже идёт на втором этаже. Проходит несколько минут, и в одном из окон, недалеко от центрального входа, вновь появляется красное знамя. Появилось. Качнулось. И вновь исчезло.

Забеспокоились солдаты. Что с товарищами? Не убиты ли?!

Проходит минута, две... десять. Тревога всё больше и больше охватывает солдат. Проходит ещё тридцать минут, но ни Егорова, ни Кантария, ни знамени больше не видно.

И вдруг крик радости вырывается у сотен бойцов. Знамя цело. Друзья живы. Пригнувшись, они бегут на самом верху здания — по крыше. Вот они выпрямились во весь рост, держат знамя в руках и приветственно машут товарищам.

Потом вдруг бросаются к застеклённому куполу, который поднимается над крышей рейхстага, и осторожно начинают карабкаться ещё выше.

— Правильно, туда его — к самому небу! — кричат солдаты.

— Выше, братишки, выше!

На площади и в здании ещё шли бои, и на крыше рейхстага, на самом верху, в весеннем небе над побеждённым Берлином уже уверенно развевалось Знамя Победы. Два советских воина, русский рабочий Михаил Егоров и грузинский юноша Милитон Кантария, а вместе с ними и тысячи других бойцов разных национальностей сквозь метель и непогоду войны принесли его

сюда, в самое фашистское логово, и установили на страх врагам как символ непобедимости советского оружия.

Прошло несколько дней, и фашистские генералы признали себя окончательно побеждёнными. Гитлеровская Германия была полностью разбита. Великая освободительная война советского народа против фашизма закончилась полной нашей победой.

Вскоре в Москве на Красной площади состоялся грандиозный Парад Победы. Сводные полки, приехавшие с фронтов, проходили мимо ленинского Мавзолея. Руководители партии, члены правительства на Мавзолее. Масса гостей на площади.

Проходят полки. Чеканят солдаты шаг. И в каждом шаге звучит как эхо: «Победа! Победа! Победа!»

Идут солдаты. А вот и особая вышла рота. Зашевелилась, задвигалась площадь:

— Что там несут солдаты?

Солдаты несли знамёна поверженной фашистской Германии. Вот поравнялись бойцы с Мавзолеем. Вот повернулись резко. Шагнули вперёд. Замерло всё на площади. Полетели на землю знамёна. К ногам стоящих, к подножию Мавзолея.

И снова идут полки. И снова в солдатском шаге, как крик, как эхо: «Победа! Победа! Победа!»

А вечером был салют.

Ликовали земля и люди. Гремели, гремели, гремели залпы. То радость огнями взлетала в небо.

Победа!

Победа!

Победа!

СОДЕРЖАНИЕ

Красные и белые

Глава первая. Враги с четырех сторон	7
Глава вторая. Грозное оружие	54
Глава третья. «Здравствуйтесь» и «прощайтесь»	88
Глава четвертая. Вещественное доказательство	113
Глава пятая. Белый-белый, даже черный	155
Глава шестая. Красная радуга	194

Богатырские фамилии

Рассказы о великой Московской битве	217
Рассказы о великом сражении на берегах Волги	267
Рассказы о битве на Курской дуге	314
Рассказы о героическом Севастополе	349
Рассказы о ленинградцах и подвиге Ленинграда	390
«Вперед, на запад!»	428
«Рассказы о Берлинском сражении, штурме Берлина и полной нашей победе»	467

Для младшего возраста

Сергей Петрович Алексеев

Собрание сочинений в 3-х томах

Том 3

БОГАТЫРСКИЕ ФАМИЛИИ

Рассказы

ИБ № 7461

Ответственный редактор

И. В. Омельяк

Художественный редактор

М. Д. Суховцева

Технический редактор

Н. Ю. Крапоткина

Корректоры

Л. И. Дмитриев и Г. Ю. Жильцова

Сдано в набор 03.10.83. Подписано к печати 01.03.84. Формат 60×90¹/₁₆. Бум. типопр. № 1. Шрифт обычный. Печать высокая. Усл. печ. л. 32,0. Усл. кр.-илл. 32,5. Уч.-изд. л. 32,2. Тираж 100 000 экз. Заказ № 3875. Цена 1 р. 60 к. Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Москва, Суворовский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

Алексеев С. П.

- А47 Собрание сочинений в трех томах. — М.: Дет.
лит., 1982—84. — Т. III. Богатырские фамилии: Рас-
сказы/ Рис. Л. Непомнящего. — 1984. — 510 с., ил.

В пер.: 1 р. 60 к.

В третий том собрания сочинений С. Алексеева вошли широко известные
книжки рассказов «Красные и белые» — о гражданской войне и «Богатырские фами-
лии» — о Великой Отечественной войне советского народа.

А 4803010102—288
М101(03)84 Подп. изд.

Р2